Г.А.Куманев

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА 1938–1945

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт российской истории
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
АКАДЕМИЯ ВОЕННЫХ НАУК РФ

Г.А.Куманев

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

(1938–1945 гг.)

СОБРАНИЕ
МОСКВА • 2007

УДК 93/99
ББК 63.3(2 Рос)
К 88

ISBN 978-5-9606-0029-3

Государственная программа
«Патриотическое воспитание граждан
Российской Федерации на 2006–2010 годы»
(Научный проект «Российский патриотизм:
исторический опыт. X–XX века»)

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
Академик РАЕН, генерал-майор *В.А.Золотарев*
Доктор исторических наук, профессор *Н.И.Кондакова*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Академик РАН *Ю.А.Поляков*

Автор
выражает глубокую признательность
Президиуму РАЕН, коллективу Центра военной
истории России ИРИ РАН, академику РАН *Ю.А.Полякову*,
академику РАЕН генерал-майору *В.А.Золотареву*,
члену-корреспонденту РАН *И.Х.Урилову*,
Е.А.Бовиной, Л.Н.Соловьеву и С.А.Стулову
за ценные замечания и помощь в издании книги

© Куманев Г.А., 2007
© Оформление. ООО «Издательство "Собрание"», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Ученый, организатор науки, патриот 8

НАКАНУНЕ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

Военно-экономический потенциал СССР
накануне фашистской агрессии 15

Тяжелый выбор (Советско-германский пакт
о ненападении) 33

Что мы знаем о «Зимней войне» 49

В ЭТИХ БИТВАХ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

22 июня... Почему нападение оказалось внезапным 69

Об участии Финляндии в составе фашистского блока
в войне против Советского Союза 1941–1944 гг.
(Проблема и ее изучение в СССР и современной России) 83

Москва военная 109

Подвиг и подлог 142

Беспримерный подвиг Ленинграда 174

Ополченцы на защите Прибалтики и Белоруссии 198

Сталинград — Курск — Днепр 239

Борьба за линией фронта 257

На завершающем этапе изгнания оккупантов с территории России и их полного разгрома (1944–1945 гг.) 278

Победный сорок пятый: Знамя над Рейхстагом 302

АРСЕНАЛ ПОБЕДЫ

Военная перестройка советской экономики 335

Эшелоны идут на восток 356

Эвакуация населения из угрожаемых районов СССР в 1941–1942 гг. 374

Народное хозяйство СССР — действующей армии (1944–1945 гг.) 398

ТРАНСПОРТ НА СЛУЖБЕ ФРОНТА И ТЫЛА

Железнодорожники столицы — фронту 417

Транспортное обеспечение советских войск в битве под Сталинградом 431

Восстановление и строительство железных дорог 441

Вклад работников советского транспорта в победу над фашистской Германией 459

Железнодорожный транспорт СССР в войне с милитаристской Японией 466

В СОЮЗЕ ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА

СССР и ленд-лиз. 1941–1945 гг. 475

СССР и Англия: военно-экономическое сотрудничество в годы Второй мировой войны 505

ПОЛКОВОДЦЫ ПОБЕДЫ

Г.К.Жуков и А.М.Василевский (О творческом союзе двух выдающихся полководцев) 525

Маршал К.К.Рокоссовский в воспоминаниях его соратников 537

Адмирал Флота Советского Союза Н.Г.Кузнецов и два его интервью 551

ВЕЛИКИЙ ИТОГ. НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

Конец Второй мировой войны: взгляд сквозь годы 569

Решающий вклад СССР в победу над фашизмом 582

Преступления нацистов против славянских стран и народов в материалах Нюрнбергского процесса 606

Патриотизм народов России: история и современность 615

Два интервью журналу «Наука и религия» 626

Вместо эпилога. Ответы Г.А.Куманева на вопросы телезрителей к 9 мая 2006 года (Редакция Интернет-издания СМИ.RU, Москва) 638

УЧЕНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР НАУКИ, ПАТРИОТ

20 декабря 2006 г. исполнилось 75 лет Георгию Александровичу Куманеву – руководителю Центра военной истории России Института российской истории РАН, доктору исторических наук, профессору, действительному члену Российских академий естественных, военных наук и Международной Славянской Академии, члену Союза писателей России. Г.А.Куманев является крупным специалистом по отечественной истории XX в., автором свыше 420 публикаций, в том числе 29 монографий, книг и брошюр на самые разные исторические темы, начиная с вопросов методологии, историографии, источниковедения и кончая различными сюжетами нашей военной истории и истории международных отношений.

Георгий Александрович родился в семье заслуженных учителей РСФСР в г. Лукоянове Горьковской области. Увлечение историей зародилось у Георгия Александровича, как и у его брата-близнеца Виктора Александровича*, еще в опаленные Великой Отечественной войной школьные годы, но окончательно сформировалось во время учебы на историко-филологическом факультете Горьковского университета. В 1955 г. он поступил в аспирантуру Института истории СССР АН СССР, а с 1958 г. стал его сотрудником, пройдя за 40 с лишним лет путь от младшего научного сотрудника до руководителя одного из авторитетных подразделений этого ведущего научного учреждения страны в области исследования отечественной истории.

В 1959 г. увидели свет первые статьи молодого ученого и успешно прошла защита подготовленной им кандидатской диссертации о советских железнодорожниках в 1941–1943 гг. Также успешно в 1971 г. он защитил в Институте военной истории МО СССР докторскую диссертацию «Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945». Собранный и обобщенный в них материал лег в основу серии научных статей и изданий. В 1963 и 1976 гг. в издательстве «Наука» вышли в свет монографии Г.А.Куманева «Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной

* В.А.Куманев – заместитель академика-секретаря Отделения истории РАН, член-корреспондент РАН, академик Российской академии образования – скончался 12 декабря 1994 г. после тяжелой болезни.

войны (1941–1945)» и «На службе фронта и тыла», а в 1988 г. появилась еще одна монография Г.А.Куманева «Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945». В мае 1980 г. в связи с 35-летием Победы Г.А.Куманев приказом министра путей сообщения СССР был награжден знаком «Почетному железнодорожнику», как отмечалось в документе, «за большие заслуги в освещении роли железнодорожного транспорта и трудовых подвигов советских железнодорожников в годы Великой Отечественной войны».

Как известно, железнодорожный транспорт является важнейшим средством перевозок, но не единственным. Поэтому Г.А.Куманев во имя полноты исторической картины стал также заниматься исследованием истории морских, речных, автомобильных и авиационных перевозок, т.е. роли отечественного транспорта в целом.

Постепенно взгляд ученого привлекли и другие отрасли народного хозяйства первой половины 40-х годов. Он начинает интересоваться историей промышленности СССР, деятельностью рабочего класса, включая молодое поколение страны. В результате его творческих усилий рождаются работы «В труде как в бою» (М., 1975), «Трудовой подвиг комсомола в Великой Отечественной войне» (М., 1975), брошюра «Экономика СССР в Великой Отечественной войне» (М., 1985). Он участвует в подготовке шеститомной истории рабочего класса СССР, где для 3-го тома, посвященного 1938–1945 гг., пишет ряд разделов.

Тема войны с фашизмом стала ведущей в творчестве Георгия Александровича. Среди работ этого цикла можно назвать такие издания, как: «Решающая роль Советского Союза в Победе над фашистской Германией» (Прага, 1975), «1941–1945: Краткая история, документы, фотографии» (1-е изд.: М., 1982; 2-е изд.: М., 1983), «Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945» (М., 1985, в соавторстве), «Народное ополчение защищает Родину» (М., 1990, в соавторстве), «Великая Отечественная война (первый период, 1941–1942)» (М., 1993), «Великая Отечественная война (второй период, ноябрь 1942–1943 г.) (М., 1994), «Трудный путь к Победе, 1941–1945 гг.» (М., 1995) и др.

В книге «Подвиг и подлог. Страницы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» (1-е изд.: М., 2000; 2-е изд.: М., 2004) Георгий Александрович попытался на основе новых документальных источников обстоятельно проанализировать плюсы и минусы заключенного в августе 1939 г. советско-германского пакта о ненападении, раскрыть ряд важных аспектов предыстории и истории советско-финляндской («Зимней») войны. Он рассказал также о сложной судьбе оставшихся в живых воинов из числа 28 гвардейцев-панфиловцев и о тех, кто действительно первым водрузил Знамя Победы над Рейхстагом, и о многом другом. Все эти, глубоко патриотические по своему духу работы Г.А.Куманева получили высокую оценку ветеранов войны и широкой общественности.

В своей научной деятельности Г.А.Куманев выступает в качестве продолжателя лучших традиций отечественного источниковедения, организовав сбор драгоценных для потомков свидетельств непосредственных участников Великой Отечественной войны. Эта работа особенно активно развернулась с 1967 г., когда Георгий Александрович стал ученым секретарем Института истории по координации научно-исследовательских работ и руководителем творческой группы по истории Великой Отечественной войны. Ежегодно он организовывал встречи с коллективом сотрудников Института прославленных военачальников и видных государственных деятелей военного времени. Кроме того, Г.А.Куманев лично проинтервьюировал более 130 членов Государственного Комитета Обороны, Политбюро ЦК и ЦК ВКП(б), наркомов и их заместителей, маршалов, генералов и адмиралов.

Знакомство профессора Куманева со многими известными государственными деятелями 1941–1945 гг. и военачальниками постепенно переросло в довольно близкие, дружеские отношения. Высоко и с большой теплотой отзывались о нем В.М.Молотов, А.И.Микоян, М.Г.Первухин, П.К.Пономаренко, Л.М.Каганович, А.И.Шахурин, маршалы Г.К.Жуков, А.М.Василевский, И.Х.Баграмян, С.К.Тимошенко, С.М.Буденный, А.А.Новиков, А.Х.Бабаджанян, И.Н.Кожедуб, адмиралы Н.Г.Кузнецов, С.Г.Горшков, В.Н.Чернавин, Г.Н.Холостяков и др.

Поистине уникальными стали подготовленные Г.А.Куманевым книги — «Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства» (1-е изд.: М., 1999; 2-е изд.: Смоленск, 2001) и «Говорят сталинские наркомы» (Смоленск, 2005), где опубликована часть его бесед и интервью с выдающимися советскими руководителями фронта и тыла военных лет, а также серия ценных документов.

За последние годы в творческом содружестве Г.А.Куманева с известным военным историком кандидатом исторических наук, полковником Н.Я.Комаровым созданы и опубликованы обобщающие монографии по таким решающим битвам, как Московская и Ленинградская: «Великая битва под Москвой: Летопись важнейших событий» (М., 2002), «Блокада Ленинграда. 900 героических дней, 1941–1944: Исторический дневник. Комментарии» (М., 2004)*, «Битва под Москвой. Пролог к Великой Победе: Исторический дневник. Комментарии» (М., 2005). Из этого цикла аналитических хроникальных трудов авторы недавно завершили работу над новым исследованием «Сталинградская битва», рукопись которого представлена в издательство.

В рамках Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» наш юбиляр совместно с другим известным ученым доктором исторических наук,

---

* В апреле 2006 г. Законодательное собрание Санкт-Петербурга присудило авторам книги премию им. Маршала Советского Союза Л.А.Говорова.

профессором Н.И.Кондаковой в 2004 г. опубликовал интересный труд «Ученые-гуманитарии России в Великой Отечественной войне: Документы. Материалы. Комментарии».

Глубокое знание литературы и документов о Второй мировой и Великой Отечественной войнах, а также по другим проблемам военной истории Отечества позволили Георгию Александровичу начиная с 60-х гг. принять участие в подготовке и издании значительного числа историографических и источниковедческих работ. Среди них назовем: «Очерки по историографии советского общества» (М., 1965), «Вопросы историографии рабочего класса СССР» (М., 1970), «Историография советского тыла» (М., 1976), «Советский тыл в Великой Отечественной войне. Общие проблемы» (Кн. 1. М., 1974), «Историография Великой Отечественной войны» (М., 1980), «Буржуазная историография Второй мировой войны: Анализ современных тенденций» (М., 1985), «Проблемы истории Второй мировой войны» (Вологда, 2001), «Уроки войны. Некоторые аспекты истории» (М., 2001) и др.

Говоря о научном творчестве Г.А.Куманева, следует отметить, что в качестве ответственного редактора или члена редколлегий, автора глав или разделов, руководителя научного коллектива он внес заметный вклад в подготовку таких обобщающих трудов, как «История Второй мировой войны, 1939–1945» в 12 томах, международный однотомник «Вторая мировая война: Краткая история» (М., 1984), «Великая Отечественная война, 1941–1945 гг.: Военно-исторические очерки» (Кн. 1–4. М., 1998–1999), «История советского рабочего класса» в 6 томах (Т. 1–5. М., 1984–1988), «Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. Обзорный том» (1-е изд.: М., 1995; 2-е изд.: М., 2005), «История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» (М., 2001), «Война и общество» (Кн. 1–2. М., 2004), «Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Исследование жизни и деятельности» (М., 2004) и др.

Г.А.Куманев нередко выступает в отечественной и зарубежной периодической печати, а также по различным каналам телевидения, занимая при этом принципиальную, патриотическую позицию, основанную на правдивых фактах и документах.

Научные труды Г.А.Куманева удостоены правительственных наград, медалей ВДНХ, золотых медалей им. Александра Фадеева и им. Константина Симонова, различных премий и дипломов. Его работы переведены на ряд языков народов Европы, Ближнего и Дальнего Востока, Северной Африки и Америки.

Много сил Георгий Александрович отдает преподавательской работе в московских вузах. Долгие годы является профессором Московского государственного университета культуры и искусств.

Среди учеников Г.А.Куманева около 50 докторов и кандидатов наук не только из России и стран СНГ, но и из Польши, Чехии, Словакии,

Болгарии, Югославии, Финляндии, КНДР, Республики Корея и др. Г.А.Куманев является членом научных и ученых советов Института российской истории РАН, Института военной истории Министерства обороны РФ, Академии управления МВД РФ. Он был избран первым вице-президентом Международного общественного фонда «Победа-1945 год» и Общества «Россия—Финляндия», вице-президентом «Ассоциации историков Второй мировой войны» и Международной Славянской Академии, членом Научного совета Германо-российского музея «Берлин—Карлсхорст», Редакционного совета «Военно-исторического журнала», Редакционной коллегии «Всероссийской Книги Памяти», заместителем главного редактора общественно-политического журнала «Победа».

По его инициативе и при непосредственном участии были проведены многие десятки международных, всесоюзных, республиканских и региональных конференций и симпозиумов. Немало сделал Г.А.Куманев и как лектор для пропаганды достижений отечественной науки в стране и за рубежом.

Плодотворным и работоспособным является научный коллектив, которым руководит Г.А.Куманев, — Центр военной истории России Института российской истории РАН. Укажем, что только за последние пять лет его сотрудники опубликовали около 200 различных работ по проблемам военной истории.

Георгий Александрович Куманев полон энергии, оптимизма, больших научных замыслов. В настоящее время работает над завершением монографии «От "Зимней войны" к "Войне-продолжению"» (О советско-финляндских войнах 1939–1944 гг.). В центре его внимания и активное участие коллектива в реализации основных положений новой Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 годы» и других государственных и исследовательских планов.

Пожелаем юбиляру крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов.

Академики РАН *С.Л.Тихвинский, В.А.Виноградов, Г.Н.Севостьянов, Ю.А.Поляков, Ю.С.Кукушкин, В.В.Алексеев*

Маршалы Советского Союза Герои Советского Союза *В.Г.Куликов, С.Л.Соколов*

Маршал бронетанковых войск Герой Советского Союза *О.Л.Лосик*

Маршал авиации Герой Советского Союза *И.И.Пстыго*

НАКАНУНЕ СУРОВЫХ ИСПЫТАНИЙ

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СССР НАКАНУНЕ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ

Во многих войнах прошлого и особенно XX века исход важнейших сражений и битв и в целом вооруженного противоборства государств был самым тесным образом связан с состоянием и возможностями их тыла, экономики. Хотя достижение победы в той или иной операции зависело от ряда других важных факторов, успеха, как правило, добивалась армия, оснащенная современными средствами вооруженной борьбы и опиравшаяся на крепкий, организованный тыл, на достаточно мощный военно-экономический потенциал.

С каким же уровнем военно-экономической готовности к большой войне подошел Советский Союз к трагической дате – 22 июня 1941 г.?

В научной литературе и современной (во многом конъюнктурной) публицистике на исторические темы можно встретить различные суждения по этому вопросу. От утверждений, что народное хозяйство СССР к лету 1941 г. оказалось неготовым к войне и что, мол, эта неготовность была «потрясающей» и «ужасной», до прямо противоположного мнения. И те и другие оценки представляются слишком категоричными и односторонними, ибо в довоенные годы процесс развития и укрепления военно-экономического потенциала Советского государства, повышения его мобилизационной готовности был весьма сложным.

Опираясь на факты и документы, попробуем представить действительную картину созданного в стране в 30-е годы военно-экономического потенциала, что в немалой степени предопределило исход смертельной схватки СССР с силами фашизма. Ведь именно тогда в основание будущей Победы закладывался прочный экономический фундамент.

Советское руководство с момента образования очагов войны в Европе и Азии рассматривало СССР как «осажденную крепость» во враждебном капиталистическом окружении. Для обеспечения надежной обороны страны и реализации планов социалистического строительства общества считалось необходимым любой ценой и в кратчайшие сроки преодолеть экономическую отсталость, унаследованную от дореволюционной России, доля которой в мировом промышленном производстве не превышала 4%.

Процесс создания современного экономического и оборонного потенциала и его всемерного укрепления осуществлялся в чрезвычайно трудной обстановке, когда в строительстве нового общества происходили серьезные деформации, утверждалась и усиливалась тоталитарная система.

В условиях возрастания угрозы фашистского нападения на СССР и возникновения новой мировой войны большие усилия сосредоточивались на максимальном развитии промышленности, прежде всего тяжелой индустрии, за счет существенного ограничения фондов потребления. Как свидетельствуют многочисленные документы, необычайно широкое промышленное строительство, развернувшееся в стране, отличалось высоким трудовым энтузиазмом и духовным подъемом многомиллионных масс трудящихся, в основе которых лежали глубокий патриотизм, искренняя вера многих советских людей в реальность социалистических идеалов, желание видеть свою Родину сильной и могучей, поставить надежный заслон для отражения любой агрессии. В конце 30-х годов созидательный труд народов СССР был направлен на выполнение третьего пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.). Рост промышленной продукции за пятилетку предусматривался на 92%, в числе важнейших задач была сформулирована необходимость «обеспечить внедрение передовой техники во все отрасли народного хозяйства и для всех видов обороны СССР».

За четыре месяца до начала Великой Отечественной войны состоялась XVIII конференция ВКП(б) (15–20 февраля 1941 г.). К этому времени пожар Второй мировой войны охватил уже многие регионы планеты. Жертвами гитлеровской экспансии стали народы большинства европейских государств. Произошли существенные изменения в соотношении военно-экономических сил на международной арене. Германия резко улучшила свои стратегические позиции и усилила военно-экономический потенциал. Ее производственные мощности по важнейшим отраслям промышленности (с учетом ресурсов оккупированных и союзных стран) возросли в два-три раза.

Созыв XVIII партконференции был вызван острой необходимостью в улучшении работы промышленности и транспорта, обеспечении выполнения плановых заданий, особенно по базовым и оборонным отраслям народного хозяйства. Были вскрыты многие тревожные факты серьезных недостатков в промышленном производстве.

«Промышленность была и есть база оборонной мощи страны, — подчеркивалось в решениях партконференции. — В современной международной обстановке перед нашей промышленностью, перед всеми ее отраслями стоят ответственнейшие задачи. ...Наша промышленность может и должна работать значительно лучше и давать продукцию по всем отраслям гораздо больше и более высокого качества, чем сейчас».

XVIII партконференция несомненно сыграла позитивную роль в повышении мобилизационной готовности страны к вражеской агрессии. Она потребовала от работников промышленности и транспорта усилить борьбу со штурмовщиной, неритмичной деятельностью предприятий, за экономию сырья, электроэнергии, наладить строгий контроль за исполнением принятых решений.

Объективной предпосылкой укрепления индустриальной мощи СССР были его огромные природные и людские ресурсы. В отличие от Германии, Великобритании, Италии, Японии и многих других государств, находившихся в зависимости от внешних поставок ряда важных видов стратегического сырья, Советский Союз занимал ведущее место в мире по разведанным сырьевым запасам. По геологоразведочным данным предвоенных лет, в СССР было сосредоточено более половины мировых запасов нефти и железной руды, свыше 2/3 мировых запасов апатитов, около 1/3 марганцевой руды, 1/5 запасов угля и т. д.

Но, разумеется, решающим источником увеличения производства являлся прирост численности работающих и расширение производственных фондов при ограниченном росте фондов потребления. Среднегодовая численность рабочих и служащих за годы предвоенных пятилеток возросла на 12,5 млн человек. К началу 1941 г. в народном хозяйстве трудилось около 34 млн. Численность рабочих и служащих в промышленности накануне войны достигла 13 млн человек, на транспорте — 3,5 млн, в строительстве — 2 млн. Быстро рос и уровень профессиональной подготовки промышленных кадров.

По мере укрепления в стране командно-административной системы шло расширение управленческого аппарата. С 1937 г. и до середины 1941 г. количество отраслевых наркоматов возросло в несколько раз, численность сотрудников центральных управленческих органов превысила 1,8 млн человек. В административно-управленческие органы «перетекали» наиболее квалифицированные инженерно-технические кадры из производственной сферы. Как отмечалось на XVIII партконференции, из 214 тыс. специалистов с высшим образованием в системе промышленных наркоматов непосредственно на производстве было занято лишь 31%, а остальные находились в заводоуправлениях и в различных центральных и местных учреждениях.

Преимущественное место все больше занимало производство средств производства (группа А), постоянно сокращался удельный вес производства предметов потребления (группа Б).

В результате предельной концентрации сил для развития индустриальной базы доля СССР в мировом промышленном производстве к концу 30-х годов поднялась до 10%. Из отсталой аграрной страны СССР все более превращался в развитую индустриальную, экономически независимую державу.

Исторические факты убедительно свидетельствуют, что ни в одной стране мира не было столь широкого размаха капитального строительства, как в СССР в годы довоенных пятилеток. Советская страна представляла гигантскую строительную площадку, где в среднем в каждые сутки вступали в строй по два крупных промышленных предприятия. К началу войны возникло более 360 новых городов, ставших опорными базами индустрии, было введено в действие свыше 11 тыс. новых крупных заводов и других предприятий, которые давали 3/4 всей промышленной продукции страны. За очень короткий исторический срок основные промышленно-производственные фонды СССР возросли более чем в 7 раз.

Сегодня, несмотря на попытки отдельных публицистов и иных авторов в угоду конъюнктуре перечеркнуть или принизить этот факт строительства, перед нами, несомненно, выдающееся достижение довоенных поколений нашего народа. Для многих миллионов тружеников годы первых пятилеток, несмотря на проявления тоталитарного произвола, были временем высокого духовного подъема, творческого энтузиазма, продолжения революционных традиций. Во всех отраслях народного хозяйства в середине 30-х годов началось движение новаторов за глубокое освоение техники и перевыполнение установленных норм выработки и плановых заданий. Последователями производственных рекордов шахтеров Н.Изотова, А.Стаханова, М.Дюканова, сталевара М.Мазая, бурильщиков И.Янкина, А.Семиволоса, паровозных машинистов П.Кривоноса, Н.Лунина, кузнеца А.Бусыгина, ткачих Е. и М.Виноградовых, сельских механизаторов К.Борина, П.Ангелиной и многих других стали сотни тысяч тружеников города и села. Накануне войны зародились новые формы высокоэффективного труда, сыгравшие важную роль в 1941–1945 гг. Начался переход к работе стахановскими сменами, бригадами, цехами, рост числа учащихся в системе общеобразовательной и профессионально-технической школы, а также обучение и повышение квалификации рабочих без отрыва от производства. В 1939 г. курсы массовой квалификации младших специалистов и мастеров труда закончило 2,4 млн рабочих. В 1940 г. система подготовки и повышения квалификации кадров непосредственно на предприятиях охватывала уже более 3 млн рабочих. Только на железнодорожном транспорте на курсах прошло переподготовку 550,5 тыс. и вновь было подготовлено свыше 200 тыс. человек.

Гордостью отечественной энергетики стал Днепрогэс, достигший к 1939 г. мощности 560 квт/ч и ставший крупнейшей ГЭС в Европе. С 1938 г. по первую половину 1941 г. были введены в действие Угличская, Комсомольская, Ткварчельская, Кувасайская, Кураховская и ряд других электростанций. Новые мощности составили 2,8 млн квт/ч, а общая мощность действующих электростанций достигла

11,2 млн квт/ч. По мощности электростанций и выработке электроэнергии СССР вышел на 3 место в мире (после США и Германии).

Однако потребности народного хозяйства опережали рост электроэнергетики. Недостаточно использовались огромные гидроресурсы страны: доля гидростанций составляла 10,6% общего электробаланса. Сохранялся большой разрыв в распределении энергомощностей между различными экономическими районами. На Урал, Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию, Дальний Восток приходилось электроэнергии в три раза меньше, чем на северо-западный, южный и центральный районы. Из общего электробаланса страны свыше 2/3 произведенной электроэнергии шло на удовлетворение потребностей промышленности, незначительная доля (3,4%) – на транспорт и совсем ограниченная часть – на сельское хозяйство. В результате в сельской местности, где проживало две трети населения СССР, более 96% колхозов и 65% МТС оставались не электрифицированными, что, конечно, отрицательно сказывалось на условиях жизни в деревне, на продуктивности сельскохозяйственного производства.

В топливном балансе СССР накануне войны около 60% занимал уголь. По его добыче Советский Союз вышел на четвертое место в мире. В стране работало 546 угольных шахт. Донбасс традиционно оставался «главной кочегаркой» страны и давал больше угля, чем все другие бассейны. Постепенно росла техническая оснащенность угледобычи. Но все же по сравнению с развитыми западными странами уровень механизации в советской угольной промышленности был не высок. Основным инструментом в угледобыче оставались бурильные и отбойные молотки; многие производственные процессы велись вручную.

С 1938 г. по 1940 г. ежегодная добыча нефти увеличилась всего на 0,9 млн т. По отношению к 1937 г. рост нефтедобычи составил лишь 9% вместо 77% по плану.

Ключевой проблемой развития народного хозяйства было производство металла. По добыче железной руды СССР накануне войны занимал второе место, а по производству чугуна и стали – третье место в мире.

Для развития железорудной промышленности и горной металлургии были привлечены лучшие научные силы страны во главе с академиками И.П.Бардиным, А.А.Байковым, Э.В.Брицке, А.Е.Ферсманом, Е.А.Чудаковым, А.П.Карпинским, членом-корреспондентом АН СССР К.И.Сатпаевым и др.

К 1941 г. в стране действовало 99 доменных и 391 мартеновских печей, более 200 сталеплавильных электропечей, свыше 150 прокатных станов, более 200 коксовых батарей и др. К таким гигантам советской металлургии, как Магнитогорский и Кузнецкий комбинаты, заводы Запорожсталь, Азовсталъ, Электросталь, Криворожский, Днепропетровский, Ново-Липецкий, Ново-Тульский, Мариупольский, Златоус-

товский, Енакиевский, Макеевский металлургические заводы, перед войной добавились и вошедшие в строй Ново-Тагильский, Петровск-Забайкальский металлургические заводы и другие предприятия. Новые мощности, введенные за три последних предвоенных года, добывали железной руды – 7,2 млн тонн, производили чугуна – 2,8 млн тонн, стали – 3,5 млн тонн, прокат черных металлов составлял 2,2 млн тонн. Однако в целом положение с металлом оставалось весьма напряженным. Производство чугуна, стали, проката черных металлов, добыча железной и марганцевой руды в 1939 г. по сравнению с 1937–1938 гг. снизились, а в 1940 г. незначительное увеличение выпуска металла (3%) резко не соответствовало плановым заданиям. Ввод в действие основных производственных мощностей в черной металлургии накануне войны составил только 17–33% от плана.

Другой не менее важной задачей являлось обеспечение высокого качества металла. К началу войны были достигнуты определенные успехи в развитии качественной металлургии, особенно по сравнению с годами первых пятилеток, когда Советскому Союзу приходилось почти весь качественный металл ввозить из-за границы. Важную роль в освобождении страны от импортной зависимости и создании собственной базы качественного металла накануне войны сыграли заводы треста «Главспецсталь».

В целом же проблема повышения технического уровня металлургической промышленности, способной полностью удовлетворить потребности народного хозяйства в качественном металле, была еще далека от своего решения. На таких крупнейших производствах, как Магнитогорский комбинат, выпускались преимущественно рядовые марки проката (88%). Ни на Урале, ни в Сибири, ни в других восточных районах не было даже толстолистовых прокатных станов для изготовления танковой брони. Только 55–60% всей выплавляемой стали в стране было пригодно для качественного проката. Поэтому в первом полугодии 1941 г. потребности в качественном металле удовлетворялись: по стальной нержавеющей ленте – всего на 25%, по инструментальной легированной стали – на 49,7%, полистовой нержавеющей стали – на 23,8%[1].

В металлургическом комплексе большие усилия предпринимались по добыче и производству цветных металлов: без алюминия, меди, свинца, никеля, цинка, вольфрама, олова, молибдена не могло быть и речи о создании современной техники. К началу 40-х годов были созданы многие крупные базы цветной металлургии: Норильский и Южно-Уральский никелевые комбинаты, Днепровский и Уральский алюминиевые заводы, Среднеуральский и Балхашский медеплавильные, Днепровский и Соликамский магниевые, Чимкентский свинцовый, Забайкальский вольфрамовый, Джезказганский горно-металлургический и многие другие предприятия. С центрами цветной

металлургии было связано становление и развитие таких городов, как Мончегорск, Норильск, Березники, Бокситогорск, Медногорск и др.

Только за период с 1932 по 1940 г. включительно производство важнейших видов цветной металлургии увеличилось в 2–6 раза[2].

Однако этого было недостаточно, и накануне Великой Отечественной войны многие отрасли промышленности, прежде всего авиастроение, автостроение, приборостроение, радиотехника, электроэнергетика, испытывали довольно острый дефицит в цветных металлах.

Рост экономического и оборонного потенциала страны во многом зависел от состояния химической промышленности. Если в начальный период индустриализации СССР ввозил из-за границы около 100 видов химической продукции, то к началу 40-х годов потребности народного хозяйства удовлетворялись в основном собственным производством. В годы предвоенных пятилеток было построено свыше 75 крупных химических заводов и комбинатов.

Огромный вклад в развитие химической промышленности внесли геологи. Геологоразведочные работы в предвоенные годы значительно изменили представления о масштабах, характере и размещении минерально-сырьевой базы народного хозяйства, Если в дореволюционный период в стране добывалось менее 20 элементов менделеевской таблицы, то накануне Великой Отечественной войны – более 80. Это резко повысило возможности химического производства как в народнохозяйственных, так и в оборонных целях.

В связи с возросшими потребностями гражданской и оборонной промышленности в годы мирного строительства были расширены масштабы и направления химического производства.

Важным достижением советских химиков явилось создание и производство синтетического каучука (СК). К началу войны действовало пять заводов СК (Ярославль, Воронеж, Ефремов, Казань, Ереван). С вводом в действие Ереванского завода (1940 г.) СССР стал обладать крупным промышленным производством синтетического каучука, чего не смогла сделать до войны ни одна из зарубежных стран.

Накануне войны в Советском Союзе было также налажено опытное производство прозрачной авиационной брони и органического стекла, которое оказалось очень перспективным и позволило в военные годы преобразовать его в крупносерийное. Вместе с тем в общем производстве пластических масс, синтетических смол и химических волокон СССР еще сильно отставал от ведущих зарубежных государств, где действовали сотни заводов подобного профиля.

Уровень технического прогресса и обороноспособности страны в значительной мере определялся состоянием машиностроительного комплекса, который занимал в промышленности первое место по объему всей валовой продукции. На машиностроительных и металлообрабатывающих заводах трудилось 28,7% от общей численности

промышленных рабочих страны. К началу Великой Отечественной войны советское машиностроение развивалось наиболее высокими темпами и опережало многие другие отрасли народного хозяйства. Благодаря крупным объемам капитальных вложений и самоотверженному труду рабочего класса СССР ликвидировал отставание по производству многих видов машин, станков, оборудования. Если всего за 7 лет до начала Второй мировой войны страна не имела собственного производства шарикоподшипников и вынуждена была снабжать все свои заводы и отрасли импортом, то к 1941 г. отечественная промышленность смогла давать народному хозяйству и Вооруженным Силам около 45 млн подшипников в год.

Крупнейшие заводы тяжелого, транспортного, энергетического машиностроения — Уралмаш, Уралвагонзавод, Ижорский, Кировский, Коломенский паровозостроительный, Ворошиловградский имени Октябрьской революции, Брянский «Красный Профинтерн», Новокраматорский, Мариупольский, Сормовский, Иркутский машиностроительный им. Куйбышева и многие другие были оборудованы мощными прессами и другим современным оборудованием, способным обеспечивать отечественную промышленность разнообразным ассортиментом промышленной продукции.

Созданные в 30-х годах автомобильные и тракторные заводы в Москве, Горьком, Ярославле, Харькове, Сталинграде, Челябинске являлись первенцами отечественного массового поточного производства машин и транспортного оборудования. Станкоинструментальные и машиностроительные заводы обеспечивали накануне войны ежегодно выпуск более 58 тыс. металлорежущих станков. Начали осваиваться новые модели высокопроизводительных станков с высокими скоростями резания и повышенной точностью обработки. По методу академика О.Е.Патона началось внедрение автоматической скоростной электросварки в производстве котлов, цистерн, мостов, вагонов. Но преимущественное место в станочном парке СССР все же занимали станки рядовых марок, не обеспечивавшие высокой производительности труда и качества продукции. Станочный парк СССР в 1940 г. насчитывал 710 тыс. единиц. Германия же ежегодно выпускала станков в несколько раз больше, причем многие из них на высшем мировом уровне.

При сохранявшемся размахе капитального строительства значительно сокращались ассигнования на производство дорожно-транспортного оборудования и строительные материалы. На стройках продолжал доминировать ручной труд, главными орудиями строителей оставались тачки и лопаты. Уровень механизации того времени лучше всего характеризует тот факт, что на три тысячи новостроек третьей пятилетки приходилось всего 2100 экскаваторов, 1100 скреперов, 800 бульдозеров.

В официальных документах тех лет признавалась зависимость эффективности производства от уровня социальной инфраструктуры и повышения благосостояния трудящихся. Но в условиях сложной международной обстановки конца 30-х — начала 40-х годов, потребовавшей уделить максимум внимания вопросам повышения мобилизационной готовности СССР, диспропорции между производством средств производства и сферой потребления не сокращались.

Немало было сделано и в области технической реконструкции советского транспорта. Ускоренными темпами велось сооружение новых магистралей и оснащение их современной техникой. Грузооборот всех основных видов транспорта СССР заметно возрос. К июню 1941 г. вагонный парк советских железных дорог был способен одновременно поднять в 2,5 раза больше груза, чем вагонный парк царской России накануне Первой мировой войны, а локомотивы могли перевезти эту возросшую массу грузов в полтора с лишним раза быстрее, чем раньше.

Мобилизационная подготовка включала и такой немаловажный фактор, как более рациональное размещение производительных сил путем их перемещения в глубинные районы страны. В течение 1938–1940 гг. туда было направлено более 1/3 всех ассигнований на капитальное строительство. Благодаря новому строительству и реконструкции старых предприятий на Урале, в Поволжье, Сибири, Средней Азии и Казахстане выпуск промышленной продукции за эти годы существенно увеличился.

Важное военно-хозяйственное значение имело создание государственных резервов. Они предназначались для быстрого наращивания военного производства и создания в случае необходимости новых отраслей оборонной индустрии. Запасы сырья, металла, топлива, продовольствия, станков, инструментов, оборудования накапливались высокими темпами. За полтора года до фашистского нападения государственные резервы СССР увеличились почти вдвое.

Позитивные результаты и достижения в индустриализации и социально-экономической жизни страны могли быть неизмеримо большими. Особенно пагубно повлияли на развитие СССР и его народного хозяйства массовые репрессии, развернувшиеся со второй половины 30-х годов и охватившие буквально все сферы советского общества. В числе незаконно репрессированных оказались тысячи работников промышленности, сельского хозяйства, транспорта и связи, в том числе руководящие кадры.

На февральско-мартовском (1937 г.) Пленуме ЦК ВКП(б) один из докладчиков — Председатель Совнаркома СССР В.М.Молотов — с удовлетворением сообщил, что с 1 октября 1936 г. по 1 марта 1937 г. было «разоблачено» в качестве «членов антисоветских троцкистских организаций» и осуждено 1984 хозяйственных руководителей. Только за один день — 21 ноября 1938 г. — НКВД представил список для

санкции на осуждение к расстрелу 292 руководящих работников, в том числе 26 арестованных заместителей наркомов и председателей облисполкомов. Сталин, Молотов и Каганович санкционировали расстрел 229 человек, включая 21 наркома. С 1937 г. и в последующие довоенные годы были арестованы или оклеветаны и погибли заместители Председателя СНК СССР Я.Э.Рудзутак, В.Я.Чубарь, С.В.Косиор, Н.К.Антипов, Председатель Совнаркома РСФСР Д.Е.Сулимов, руководители Госплана СССР Э.И.Квиринг, В.И.Межлаук, Г.И.Смирнов, Г.И.Ломов-Оппоков, наркомы: М.Л.Рухимович (оборонная промышленность), А.Д.Брускин (машиностроение), И.Е.Любимов (легкая промышленность), А.В.Бакулин (НКПС), М.М.Каганович* (авиационная промышленность), И.А.Халепский (связь), Р.И.Эйхе (земледелие), Н.И.Пахомов (водный транспорт), С.С.Лобов (пищевая промышленность), М.И.Калманович и Н.Н.Демченко (зерновые и животноводческие совхозы), председатель Комитета по строительству С.Л.Лукашин и др. Только в наркомате тяжелой промышленности после гибели Г.К.Орджоникидзе были расстреляны заместители наркома Г.Л.Пятаков, А.П.Серебровский, О.П.Осипов-Шмидт, А.И.Гуревич, члены коллегии, начальники управлений и отделов: А.Ф.Толоконцев, А.И.Зыков, С.С.Дыбец, Ю.П.Фигатнер, Е.Л.Бродов и др. Если в системе того же наркомата в 1935 г. были сняты с работы 6 директоров и главных инженеров, то в 1937–1938 гг. (в основном вследствие огульных обвинений) их число достигло 118.

Подневольный труд огромной армии безвинно осужденных стал использоваться на наиболее тяжелых, а нередко и опасных работах.

Ослабленное арестами и истреблением кадров советское народное хозяйство в самый ответственный период накануне войны не смогло набрать максимальных темпов прироста промышленной продукции и по всем показателям обогнать Германию.

Развивая индустриализацию страны в предвоенные годы ценой огромного напряжения, удалось создать оборонную промышленность, которая по темпам роста валовой продукции опережала другие отрасли индустрии. Если за три года третьей пятилетки (1938–1940 гг.) ежегодный прирост продукции всей промышленности СССР составлял в среднем 13%, то оборонной — 39%. Такое форсированное развитие военного производства диктовалось необходимостью всемерного повышения обороноспособности СССР в условиях все возраставшей угрозы фашистской агрессии.

С учетом все более напряженной международной обстановки пришлось увеличить ассигнования на военные нужды: с 23 млрд рублей в 1939 г. до 57 млрд в 1940 г. К июню 1941 г. на финансирование оборонных наркоматов выделялось уже 43,4% всех расходных бюджетных

---

* Михаил Моисеевич Каганович — брат Л.М.Кагановича.

ассигнований. На выпуск военной техники переводились сотни цехов и предприятий гражданского сектора[3].

Кроме того, сооружение многих заводов и фабрик и работа многих предприятий, производивших гражданскую продукцию, планировались с таким расчетом, чтобы при необходимости их можно было быстро перевести на выпуск военной продукции. Крупные предприятия на случай возникновения войны имели военно-мобилизационные планы. На производство танков предусматривалось переключение тракторных заводов — самых мощных в Европе, а также автомобильных, паровозостроительных и судостроительных предприятий; на выпуск вооружения и боеприпасов — всю машиностроительную промышленность.

Значительные усилия были предприняты по созданию и размещению в восточных районах СССР заводов-дублеров. К лету 1941 г. на Урале, в Поволжье, Западной и Восточной Сибири находилась почти шестая часть всех военных заводов страны. По некоторым видам вооружения и боеприпасов они производили свыше 34% продукции всей оборонной промышленности.

В 1939–1940 гг. выявилось, что вооружение и техническое оснащение Красной Армии по некоторым видам боевых средств отстают от технической оснащенности армий фашистского блока. Так, самолеты Германии летали быстрее и выше советских, имели большую огневую мощь. Требовалось в кратчайшие сроки ликвидировать подобное отставание.

Были построены и оснащены передовой техникой авиационные и танковые заводы, крупные предприятия по производству артиллерийских орудий и стрелкового вооружения, реконструированы старые военные заводы. Все это позволило существенно увеличить производство различных видов боевой техники. С января 1939 г. по 22 июня 1941 г. промышленность СССР дала Красной Армии 17 745 боевых самолетов, свыше 7 тыс. танков, около 30 тыс. полевых орудий, почти 52,4 тыс. минометов. Военно-Морскому Флоту были переданы десятки новых современных кораблей.

Среди отраслей народного хозяйства оборонные отрасли были полностью приоритетны.

По всем принципиальным и даже частным военно-экономическим и военно-техническим вопросам решения принимались при непосредственном участии и одобрении И.В.Сталина. «Сталин, — вспоминал нарком Военно-Морского Флота Н.Г.Кузнецов, — со свойственным ему стремлением к неограниченным правам и безграничной власти держал военное дело в своих руках...» Это сильно ограничивало самостоятельность и сферу деятельности Госплана и наркоматов. Не было достаточной координации действий между руководителями армии и флота, они оставались нередко в неведении относительно основных направлений и перспектив военного строительства.

Как и в других странах, самым массовым видом вооружения оставалось стрелковое оружие. Технология массового выпуска всех видов стрелкового оружия была освоена на заводах Тулы, Коврова, Ижевска, Подмосковного промышленного района и поставлена на поточное производство. Среднемесячное производство стрелкового оружия в СССР накануне войны превзошло уровень, достигнутый в Германии.

Наряду с этим на вооружение советских войск со значительным опозданием шло внедрение пистолетов-пулеметов — нового вида индивидуального автоматического оружия с высокой боевой эффективностью. Лишь после советско-финляндской войны и боевых действий вермахта в Польше необходимость оснащения войск таким оружием стала очевидной. В 1940 г. в Советском Союзе была запущена в производство самозарядная винтовка Ф.В.Токарева, а годом раньше создан станковый пулемет системы В.А.Дегтярева. Он же разработал пистолет-пулемет, известный под названием ППД-40. В начале 1941 г. на вооружение был принят более совершенный образец пистолета-пулемета конструкции Г.С.Шпагина (ППШ-41). Однако по оснащенности автоматическим стрелковым оружием Красная Армия заметно отставала от вермахта и ряда других зарубежных армий. В 1939 г. и до начала войны советские войска получили более 105 тыс. пулеметов различных марок и свыше 100 тыс. автоматов. Германия же в одном только 1940 г. выпустила 171 тыс. единиц стрелкового автоматического оружия.

Не уделяло должного внимания советское руководство и созданию противотанкового ружья. В 1939 г. был изготовлен его первый образец. В следующем году промышленность выпустила 15 тыс. таких ружей. Но из-за ошибочного мнения об отсутствии в германской армии легких танков с тонкой броней выпуск противотанковых ружей был прекращен. Их массовое производство было налажено только осенью 1941 г., т.е. через несколько месяцев после гитлеровского нападения на СССР (ПТРД — конструкции В.А.Дегтярева и ПТРС — конструкции С.Г.Симонова).

Наиболее развитой отраслью военного производства накануне войны была артиллерийская промышленность. За ее развитие отвечал созданный в январе 1939 г. Наркомат вооружения во главе с Б.Л.Ванниковым*. Наряду со старыми дореволюционными орудийными заводами, подвергшимися модернизации, в нескольких индустриальных центрах страны за годы довоенных пятилеток возник ряд новых предприятий по выпуску различных видов артиллерийской техники.

---

* В январе 1939 г. Наркомат оборонной промышленности СССР был разделен на четыре самостоятельных наркомата: вооружения, авиационной промышленности, боеприпасов и судостроительной промышленности.

Артиллерийская промышленность располагала опытными конструкторскими кадрами. Крупным успехом ученых и конструкторов явилось создание реактивного оружия: многозарядных пусковых установок и реактивных снарядов.

К началу войны были усовершенствованы реактивные снаряды калибром 82-мм и 132-мм и боевая установка БМ-13. 21 июня 1941 г. эта установка, любовно прозванная во время войны «Катюшей», была принята на вооружение и начато ее серийное производство.

Оценивая выдающееся достижение создателей «катюши», Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал: «Надо отдать должное нашим вооруженцам за их оперативность и творческое трудолюбие. Они сделали все возможное, чтобы через 10–15 дней после начала войны войска получили первые партии этого грозного оружия».

Советская артиллерийская промышленность располагала значительными мощностями. Среднемесячное производство орудий в СССР почти в 2 раза превышало производство Германии. С 1 января 1939 г. по 22 июня 1941 г. артиллерийская промышленность дала Красной Армии 29637 полевых орудий, 52407 минометов, всего с учетом танковых пушек — 92578. В результате только с мая 1940 г. до начала фашистской агрессии орудийный парк СССР увеличился более чем в полтора раза.

Однако в области артиллерийского вооружения не все обстояло благополучно. Так, явно недостаточно имелось зенитных орудий для борьбы с авиацией будущего противника. В конце 30-х годов совершенно неоправданно был прекращен выпуск ряда противотанковых пушек, и их новые образцы пришлось осваивать уже в тяжелейшей обстановке начавшейся войны с фашистским блоком. Опыт войны с Финляндией продемонстрировал перспективность минометного вооружения. Простота изготовления этого вида оружия позволяла в короткие сроки наладить его массовое производство, К сожалению, большинство выпускавшихся к началу войны минометов были 50-мм калибра с небольшим радиусом поражения. Более эффективные 82-мм и 120-мм минометы армия стала получать в требуемых количествах только перед самой войной. Правда, по мнению маршала Г.К.Жукова, «в июне 1941 г. в количественном и качественном отношении наши минометы уже значительно превосходили немецкие».

Крупными просчетами в развитии артиллерийского вооружения являлись также отсутствие самоходно-артиллерийских установок и незначительный вес войсковой артиллерии на механической тяге. Большая часть дивизионной артиллерии была на конной тяге, что сильно снижало мобильность и маневренность войск.

Наиболее технически сложной отраслью оборонной промышленности являлось авиастроение, которое по существу было создано в стране заново в исключительно короткие сроки.

В январе 1939 г. был образован Наркомат авиационной промышленности СССР во главе с М.М.Кагановичем. Одновременно в ряде городов начали свою деятельность несколько новых авиационных конструкторских бюро и проектных организаций. В июне правительство утвердило программу реконструкции авиамоторных заводов. Но это было недостаточно для потребностей военного времени. Так, на 1 января 1939 г. годовая фактическая мощность советских авиазаводов составляла 21200 самолетов (из них боевых — 17050), тогда как годовая потребность в самолетах в условиях современной войны исчислялась в 33000–35000 боевых самолетов[4].

Опыт военных действий в Испании, у оз. Хасан и на Халхин-Голе показал, что серийные типы самолетов, состоявших на вооружении советских Военно-Воздушных Сил, не отвечали возросшим требованиям развития авиационной техники. С началом Второй мировой войны в СССР начался этап качественного перевооружения авиации, дальнейшего расширения и модернизации авиационной промышленности.

В сентябре 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял постановление о реконструкции существующих и строительстве 9 новых самолетостроительных заводов и 7 авиамоторных. Кроме того, по решению правительства в 1940 г. в авиационную промышленность было передано 7 заводов из других отраслей народного хозяйства.

На выпуск авиационной техники было привлечено свыше 100 самолетостроительных, моторостроительных, агрегатных, приборостроительных заводов, институтов, конструкторских бюро, для которых обеспечивалась первоочередная поставка всех видов материалов и оборудования. «...Не было случая, чтобы какой-то наш заказ не был выполнен, — отмечал нарком авиационной промышленности А.И.Шахурин. — ...Мы брали все или почти все. Например, забирали почти весь алюминий, магний, кобальт, легированные стали, абсолютное большинство легированных труб и т.д. Здесь мы были монополистами: нам давали то, что никому не давали».

В короткие сроки конструкторские бюро под руководством А.Н.Туполева, А.С.Яковлева, В.М.Петлякова, С.В.Ильюшина, А.И.Микояна, С.А.Лавочкина, М.И.Гуревича, А.А.Архангельского, П.О.Сухого, В.П.Горбунова, М.И.Гудкова и др. создали первоклассные типы истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков. Хороших результатов добились в этой отрасли конструкторские бюро моторостроителей: В.Я.Климова, А.А.Микулина, А.Д.Швецова, С.К.Туманского, Е.В.Урмина и др.

Новый пикирующий бомбардировщик Пе-2 превосходил немецкие самолеты такого же типа Ю-87 и Ю-88. Новые истребители Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3 имели высокие скорости и сильное пушечно-пулеметное вооружение. Штурмовик Ил-2 по своим тактике-техническим данным не имел аналогов в мировой авиации. Еще в августе 1939 г. в

боях в районе р. Халхин-Гол было впервые применено авиационное реактивное оружие, установленное на истребителях И-16.

В 1940 г. производство самолетов в Советском Союзе по сравнению с 1939 г. выросло на 19%. Хотя авиапромышленность оказалась существенно перестроенной, она была еще не в состоянии удовлетворить возросшие потребности обороны в более совершенных машинах.

«В 1940 году, — вспоминал А.И.Шахурин, — наша авиационная промышленность выпускала самолеты-истребители, развивавшие скорость в среднем 420–450 километров в час (лишь один И-16 последней модификации имел скорость более 500 километров в час). И вооружены они были главным образом пулеметами. А у лучших зарубежных самолетов скорость приближалась к 600 километрам в час, к тому же вооружены они были не только пулеметами, многие и пушками, брали значительный запас снарядов и патронов. Нашей боевой авиации необходимо было выйти на новый уровень, совершить качественный скачок, чтобы не только не уступать самолетам фашистской Германии и других стран, но и превзойти их в летном, тактическом и боевом отношении. И эта работа уже велась».

В 1939–1940 гг. СССР производил больше самолетов, чем Германия. Однако в фашистском рейхе в это время выпускались самолеты только новых типов, а в Советском Союзе — новых и старых конструкций.

Поэтому с конца 1940 г. среди авиастроителей развернулась напряженная борьба за ускоренное серийное освоение лучших типов боевых машин. С марта 1941 г. авиапромышленность СССР перешла на суточный график, что повысило четкость и ритмичность ее работы. И если в 1940 г. производство новых типов самолетов было весьма незначительным, то в течение первой половины 1941 г. авиапромышленность дала уже 146 истребителей новых типов, 548 бомбардировщиков Пе-2 и 249 штурмовиков Ил-2.

Всего за три с половиной довоенных года страна получила более 22 тыс. боевых самолетов.

Несмотря на то, что к началу войны парк советских ВВС был значительно пополнен, большую часть из них все еще составляли машины устаревших конструкций. Например, в общем парке боевых самолетов было 82,7% старых типов и только 17,3% — новых. К сожалению, и некоторые самолеты новых типов по ряду тактико-технических данных уступали германским. Главный недостаток заключался в слабом вооружении и низкой живучести. На 1 июня 1941 г. только 9,8% общего количества истребителей имели пушечное вооружение, остальные — 90,2% — пулеметное. Ударная сила бомбардировщиков и штурмовиков в целом была также низкой. В своем боекомплекте они, как правило, не имели достаточно эффективных средств борьбы с танками и мотомеханизированными войсками противника. Укажем

еще и на такой факт, заметно ослабивший боевую мощь ВВС страны: недостаточную готовность ее летного состава. К полетам в действительно сложных условиях военного времени к июню 1941 г. сумели подготовиться только отдельные соединения, а к ночным полетам — не более 15% летного состава.

Фашистская агрессия, таким образом, застала ВВС страны и ее авиапромышленность в стадии широкой реорганизации, повышения квалификации и мастерства всех кадров авиаторов.

И все же следует считать большим достижением тот факт, что к лету 1941 г. производственные мощности советской авиационной промышленности уже почти в 1,5 раза превышали мощности авиазаводов Германии. В целом производственная авиабаза СССР была подготовлена к запуску в серийное производство новых высококачественных боевых самолетов, что позволило в первые месяцы войны, несмотря на сложнейшие условия, достаточно быстро организовать их массовый выпуск.

Немало делалось и в области танкостроения. Серийное производство танков в СССР началось за десять лет до начала Второй мировой войны и из года в год приобретало все больший размах. Уже в 1933–1935 гг. ежегодный выпуск танков значительно превышал масштабы производства бронетанковой техники в других странах. В стране сформировались два мощных центра танкостроения — в Ленинграде и Харькове. Накануне фашистской агрессии танки, танковые моторы и броню производили 9 заводов.

К началу Второй мировой войны значительная часть танков (Т-37, Т-38, Т-26, Т-35 и БТ), находившихся на вооружении Красной Армии, устарела и перед советскими танкостроителями во весь рост встала задача — создать новые образцы машин, отличавшиеся высокими тактико-техническими характеристиками. Танкостроительная промышленность была выделена в самостоятельную отрасль. Своевременная специализация сыграла положительную роль в деле развертывания массового производства, совершенствования конструкции танков и развития моторостроительной базы. Важное значение имело создание в 1938 г. нового танкового двигателя — дизельного мотора В-2. На Кировском заводе (г. Ленинград) в результате напряженной работы группы конструкторов во главе с Н.Л.Духовым и всего конструкторского коллектива (начальник конструкторского бюро Ж.Я.Котин) был создан принципиально новый образец тяжелого танка КВ, что сыграло важную роль в развитии как отечественной, так и мировой танковой техники. На нем установили 76-мм пушку. В декабре 1939 г. танк КВ был принят к производству и на вооружение Красной Армии.

В следующем году коллектив конструкторов Харьковского завода под руководством М.И.Кошкина (главный конструктор), А.А.Морозова и Н.А.Кучеренко создал лучший в мире по тому времени танк Т-34.

Его творцам удалось блестяще решить проблему оптимального сочетания надежной бронезащиты, высоких показателей огневой мощи, эффективного вооружения, подвижности и большой маневренности. В 1940 г. два танка Т-34 первого выпуска совершили пробег по маршруту Харьков–Москва. После их демонстрации руководством страны было вынесено решение о начале серийного производства Т-34 для вооружения Красной Армии.

В 1940 г. удалось изготовить только 246 танков КВ и 115 (при плане – 600) танков Т-34. Сказались трудности организационного и технологического порядка. Правда, в первом полугодии 1941 г. выпуск новых боевых машин значительно увеличился: за это время промышленность дала стране 393 танка КВ и 1110 танков Т-34. Но и этого количества было явно недостаточно для перевооружения армии. Для сравнения отметим, что в этом же году в фашистской Германии было выпущено 1,4 тыс. средних танков новых типов.

Хотя производственные мощности советского танкостроения к лету 1941 г. в 1,5 раза превышали мощность танковой промышленности Германии, выпуск танков не соответствовал производственным возможностям наших заводов.

За годы довоенных пятилеток в СССР была также создана прочная промышленная база для производства боеприпасов. (Созданный в январе 1939 г. Наркомат боеприпасов возглавлял И.П.Сергеев, а с марта 1941 г. – П.Н.Горемыкин.) Темпы ее развития резко возросли в 1939 г. В июне этого года Комитет обороны при СНК СССР утвердил мобилизационный план по боеприпасам, который предусматривал увеличение выпуска боеприпасов в 4,6 раза по сравнению с 1937 г. В соответствии с планом в стране развернулось строительство 24 заводов и одного комбината по производству боеприпасов, а также реконструкция 28 заводов. Уже к 1941 г. отечественная промышленность способна была выпустить боеприпасов более чем втрое по сравнению с 1940 г. Только с января по июнь 1941 г. производство боеприпасов по важнейшим видам увеличилось на 66,4%.

Быстро развивалась и советская военная судостроительная промышленность, располагавшая 21 заводом с хорошо оборудованными стапелями, развитой сетью конструкторских бюро и научно-исследовательских институтов. Над созданием новых военных судов плодотворно трудился большой коллектив известных ученых, инженеров, конструкторов, и среди них: С.В.Киткин, В.Е.Костенко, А.Н.Маслов, Б.М.Малинин, В.Ф.Попов и др.

Накануне Второй мировой войны в СССР была разработана пятилетняя судостроительная программа, рассчитанная на значительный рост Военно-Морского Флота: на заводах было заложено 100 подводных лодок и более 120 надводных кораблей, в том числе 3 линкора, 2 тяжелых крейсера, 9 легких крейсеров и др. Однако строительство

«большого океанского флота» требовало огромного количества металла и производственных мощностей. В 1939 г. Комитет обороны при СНК СССР принял решение о резком сокращении числа строящихся линкоров и тяжелых крейсеров. Основные усилия были перенесены на строительство легких сил флота. В течение 1939–1940 гг. мощности судостроения увеличились в 3 раза. За первые три года третьей пятилетки промышленность передала Военно-Морскому Флоту 265 новых боевых кораблей различных классов.

Таким образом, все отрасли военного производства СССР накануне Великой Отечественной войны расширили свои производственные мощности. Были приняты меры к модернизации самолетов и танков в соответствии с мировыми военно-техническими достижениями, сделан шаг вперед в дальнейшем совершенствовании артиллерийского и стрелкового вооружения, возросло производство боеприпасов.

Факты и документы подтверждают вывод о том, что советская оборонная индустрия по количеству выпускаемого оружия и боевой техники в целом значительно превосходила масштабы военного производства фашистской Германии и ее союзников. Как показывают исследования последних лет, не было у агрессора и явно выраженного качественного превосходства в важнейших видах военной техники.

Что касается состояния военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии, то несомненно одно: созданный самоотверженными усилиями народа военно-экономический потенциал страны не только обеспечивал важнейшие потребности Вооруженных Сил СССР накануне вражеского нападения, но и был способен даже в тяжелейших условиях войны значительно наращивать свое военное производство. Именно этот прочный и надежный потенциал послужил материальной основой достижения Великой Победы над фашистским блоком.

[1] ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25. Д. 1376. Л. 173–174.

[2] Архив Института военной истории МО РФ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 6.

[3] Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 44. Д. 627. Л. 32.

[4] Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 69.

ТЯЖЕЛЫЙ ВЫБОР
(Советско-германский пакт о ненападении)

Одной из наиболее дискуссионных и актуальных проблем новейшей отечественной истории вне всякого сомнения является тема о советско-германских отношениях накануне Великой Отечественной войны. И в этом нет ничего удивительного, так как очень дорого была завоевана советским народом Великая Победа над фашизмом, в результате которой оказалась спасена мировая цивилизация. Эта высокая цена во многом связана не только с рядом объективных факторов, но и с теми просчетами и ошибками, которые были допущены руководством страны в течение поистине судьбоносных 22 месяцев, отделявших подписание пакта о ненападении с гитлеровской Германией до начала немецко-фашистской агрессии против СССР.

В нашей историографии последних лет (прежде всего публицистического характера) довольно широко распространилось утверждение, что советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. был для И.В.Сталина во многих отношениях весьма выгодным и желательным.

Академик А.Д.Сахаров в своих «Воспоминаниях» упомянул и поддержал довольно спорную версию писателя и публициста Э.Генри о том, что Сталин рассматривал нацистскую идеологию и варварские устремления Гитлера как якобы «меньшее зло» по сравнению с социал-демократическими партиями «с их плюрализмом и популярностью», Сталин, мол, «уже тогда считал, что с Гитлером можно поделить сферы влияния... Эта политика и была одной из причин, способствовавших победе Гитлера в 1933 году»[1].

Первостепенное значение в некоторых публикациях придается тому, что после установления в Германии фашистской диктатуры контакты между СССР и третьим рейхом приобрели якобы еще более тесный характер. Обнародованы, например, сведения о встрече в подмосковном лесу в ноябре 1933 г. гитлеровского эмиссара фон Твардовски с посланцем хозяина Кремля — Карлом Радеком. Завязавшиеся тогда новые связи имели свое продолжение: в августе 1934 г. пресс-атташе германского посольства Баум, представители Гитлера Оберлендер и Кох на той же даче, в том же лесу вновь встречались с «советским другом»[2]. По нашему мнению, подобные контакты не представляли

собой, однако, чего-то экстраординарного: шел обычный поиск источников информации по линии разведки. Можно считать совершенно нормальным, что наше государство, как, впрочем, и любые другие державы, искало — официально и неофициально, открыто и секретно — возможности наладить получение необходимой информации, что называется, из первых рук.

Во всяком случае, версия, согласно которой Сталин уже тогда — в 1933–1934 гг. — считал, что с Гитлером можно будет поделить сферы влияния, нам представляется весьма сомнительной. И вот почему.

Оголтелый антикоммунизм, провозглашенный с укреплением власти нацистов в качестве государственной политики Германии, естественно, не мог не сказаться на развитии советско-германских отношений. Особенно тревожили руководство Советского Союза открыто декларировавшиеся агрессивные планы захвата нового «жизненного пространства» за счет СССР. Не приходится поэтому удивляться, что со второй половины 30-х гг. Германия и ее союзники, особенно после создания антикоминтерновского пакта, рассматривали СССР как наиболее вероятного противника.

Существование фашистской диктатуры в Германии, рост ее милитаризации, усиление захватнических аппетитов Гитлера угрожали безопасности Советского Союза, а также интересам западных держав.

К концу 30-х гг. в Европе складывалась острая, противоречивая ситуация, диктовавшая необходимость опробовать возможность создания новых блоков, союзов против возраставшей агрессивности Германии и Италии. Советский Союз безуспешно добивался формирования фронта коллективной безопасности для совместного отпора фашистской агрессии.

Со своей стороны Германия всеми средствами стремилась не допустить англо-советско-французского альянса, который в канун Второй мировой войны многим начинал представляться вполне отчетливой реалией. Но сильны были и тенденции, направленные к недопущению и разрыву объективно складывавшегося союза: и идеологические, и политические, и военно-стратегические.

Мюнхенское соглашение 1938 г.*, к которому Советский Союз не был привлечен, послужило Сталину серьезным сигналом о возросшей угрозе внешнеполитической изоляции СССР. Правда, вскоре после Мюнхена советник германского посольства в Москве сообщил в Берлин, что, возможно, СССР будет более позитивно относиться к Германии. Вскоре и посол Ф.Шуленбург, выполняя рекомендации своего ведомства, сообщил о намерении обратиться к В.М.Молотову с

* В сентябре 1938 г. в Мюнхене главы правительств Англии, Франции, Германии и Италии приняли решение о расчленении Чехословакии, о передаче ряда ее пограничных районов Германии.

предложением об урегулировании вопросов, осложняющих советско-германские отношения.

Германо-советские переговоры начались с обсуждения вопросов о налаживании торговых и экономических связей. В 1938 г. товарооборот между Германией и Советским Союзом сократился в 12 раз по сравнению с 1932 г. О том, сколь заинтересована была Германия в восстановлении и развитии этих связей, говорит хотя бы тот факт, что Советскому Союзу в конце 1938 г. был предложен кредит в 200 млн марок. Сталин не сразу принял предложение Берлина. Кредитное соглашение было заключено только 19 августа 1939 г.[3] В подписании этого и последующих экономических соглашений определяющую роль играли политические, а если строже — военно-стратегические интересы держав. Нацистская Германия стремилась вбить клин между Англией, Францией и Советским Союзом, не допустить создания коалиции и заключения военной конвенции между СССР и западными демократиями. Советский Союз, со своей стороны, оказывал косвенное давление на Англию и Францию, демонстрируя возможность сближения с третьим рейхом.

К тому времени угроза изоляции СССР стала еще более реальной. Начавшиеся в 1939 г. переговоры с Англией и Францией шли вяло и явно заходили в тупик. Стало известно, что министр внешней торговли Англии Р.Хадсон еще в июне сделал представителям Германии предложение об урегулировании экономических и политических отношений. Более того, во время тайных переговоров, которые велись в Лондоне между гитлеровским чиновником для особо важных поручений Г.Вольтатом, Р.Хадсоном и доверенным лицом Н.Чемберлена Г.Вильсоном обсуждалось полюбовное разграничение сфер влияния между Англией и Германией, планы захвата новых и эксплуатации существующих мировых рынков, включая «рынки» России, Китая и ряда других стран[4]. В то же время Англия отклонила советскую инициативу распространить гарантии трех держав на страны Прибалтики о помощи в случае войны; срывалось и заключение военной конвенции. Польша и Румыния наотрез отказались пропустить через свою территорию советские войска в случае германской агрессии. Бытует точка зрения, что, ведя одновременно переговоры с фашистской Германией, Советский Союз не стремился к успеху на переговорах с западными демократиями. Всякие же подозрения в отношении возможности двуличия в позициях английской и французской делегаций сторонниками такой точки зрения отвергаются — аксиомой считается, что те преследовали исключительно благородные миротворческие цели.

На деле же, как, например, свидетельствует тогдашний французский премьер П.Лаваль, цели были иные. Уже после заключения франко-советского договора о взаимопомощи (1935 г.), в одной доверительной

беседе он признавался, что этот документ нужен, дабы «иметь больше преимуществ, когда я буду договариваться с Берлином»[5].

Невозможно принять и распространившееся в последние годы мнение, будто Сталину на августовских переговорах 1939 г. с Англией и Францией попросту не хватило выдержки, терпения, что он поддался настойчивым желаниям немцев заключить пакт с СССР.

В качестве доказательства обоснованности такой версии нередко делают ссылку на решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 11 августа 1939 г. — «искать соглашения с Гитлером». Вне всякого сомнения, это серьезный документ. Однако, как нам представляется, в нем, как и во многих других аналогичных решениях, нашел отражение (если исходить даже только из дат их принятия) интенсивный поиск советской стороной выхода из тупика в переговорах с Англией и Францией. И уж, во всяком случае, эти решения никоим образом не доказывают часто приписываемого ныне Советскому Союзу стремления развязать Вторую мировую войну. Больше того, имеется, напротив, значительное число фактов и документов о переговорах Англии и Франции с Гитлером, действительно преследовавших цель отдалить от себя германскую агрессию и направить ее на Восток.

Нам довелось познакомиться с рукописью неопубликованной книги тогдашнего посла СССР в Лондоне академика И.М.Майского «СССР был прав...» Автор направил ее 5 июля 1961 г. на отзыв Маршалу Советского Союза К.Е.Ворошилову, возглавлявшему летом 1939 г. с советской стороны переговоры с военными делегациями Великобритании и Франции. (Одновременно рукопись была представлена Н.С.Хрущеву и М.А.Суслову.)

18 августа того же года Ворошилов дал положительный отзыв о рукописи, выразив уверенность, что книга «будет хорошо встречена нашим и зарубежным читателем». Вместе с тем рецензент отмечал в ней уклон в сторону «оборонительности» и советовал выдержать тон «более резкой укоризны», даже прямого обвинения Англии и Франции «в действительно проводимой ими двойной игре», направленной против СССР. Он рекомендовал также «полнее и ярче... осветить позорную роль США», которые отрицательно относились к возможному соглашению СССР с Англией и Францией[6]. Долгое время именно такая трактовка являлась безальтернативной.

Создается впечатление, что ныне все более настойчиво утверждается иная, прямо противоположная версия, претендующая на истину в последней инстанции. У объективных, беспристрастных исследователей не может не вызвать законного протеста то, что любую расходящуюся с ныне утверждаемой точку зрения (даже ту, которая признает лишь наличие колебаний у Сталина перед заключением советско-германского договора о ненападении) расценивают как «недопустимо догматическое заблуждение». В ряде статей и книг последних лет

безапелляционно утверждается, что Сталин-де заранее нацелился на провал переговоров с Англией и Францией, рассчитывая тем самым не больше не меньше как... разжечь войну. Поэтому вину за развязывание войны несет Сталин, а не Чемберлен, не Даладье, даже не Гитлер. (Между прочим, нацистский фюрер накануне нападения на Польшу 1 сентября 1939 г. высказывал опасение, как бы «какая-нибудь свинья» не сорвала в последнюю минуту поход на Варшаву.)

Известно, что Гитлер не прерывал тайных переговоров с Англией и тогда, когда 31 марта 1939 г. Н.Чемберлен заявил о предоставлении военных гарантий Польше. Он вполне мог уповать на то, что Англия и Франция не решатся на реализацию этих гарантий, вновь дадут запугать себя угрозой коммунизма. Гитлер давно и прочно уверовал, что этим странам не особенно импонирует идея привлечь на свою сторону Советский Союз хотя бы потому, что Красная Армия, особенно после опустошительных репрессий 1937–1938 гг., по их мнению (его разделял и Гитлер), представляет собой всего лишь «колосс на глиняных ногах и к тому же без головы».

Распространено мнение, что в переговорах с Чемберленом Гитлер сумел обмануть этого «типа с зонтиком», как он его называл. Считается, что Мюнхенское соглашение — яркое тому доказательство. Более основательна, на наш взгляд, точка зрения, учитывающая, что положение, возникшее в результате предоставления Англией военных гарантий Польше (а также Румынии и Греции), больше напоминало гитлеровцам «цугцванг» — ситуацию вынужденного хода, при которой любой последующий ход оказывается плохим. К концу лета 1939 г. Гитлер не только не хотел, но и не мог отказаться от нападения на Польшу. Все приготовления были проведены, должен был последовать лишь сигнал. Гитлера уже не могла остановить даже угроза войны на два фронта, хотя кошмар такой неизбежно затяжной войны издавна преследовал германский генеральный штаб.

В сложившейся ситуации Германия тем не менее должна была искать той или иной формы соглашения с СССР. В свою очередь нуждался в нем и Советский Союз, оказавшийся перед угрозой практически полной внешнеполитической изоляции. Пакт о ненападении был выгоден нам не меньше, чем Германии. Есть мемуарные свидетельства: не таил своего восторга после подписания пакта Гитлер, не был озабочен по этому же поводу и Сталин.

Характерно, что на Нюрнбергском процессе не возникало даже намека на подозрение, что подписание пакта явилось якобы результатом нечестной игры со стороны Советского Союза. И не мудрено. Ведь подобные пакты имелись у Германии и с Польшей, и с Англией. Аналогичные соглашения заключались и другими странами.

Сам по себе пакт о ненападении от 23 августа 1939 г. вполне отвечал нормам дипломатии, являя собой попытку урегулировать столь

сложный вопрос, как советско-германские отношения в до предела накалившейся в тот момент международной обстановке.

Совсем иное дело — секретные протоколы к пакту (равно как и секретные статьи последующего договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.). Сам факт их подписания с гитлеровской Германией ничем не может быть сколько-нибудь убедительно объяснен и оправдан. Эти документы не только сводили на нет все нравственные принципы, на которых после Октября 1917 г., пусть даже и формально, зиждилась внешняя политика Советского государства, но и подрывали сами основы как нормальной дипломатической практики, так и деятельности левых демократических сил во всем мире, оставшихся, по существу, единственными союзниками СССР. Как записала в те дни известная деятельница русского зарубежья Н.Берберова, «Сталин и Гитлер скрепили дружбу подписями и печатями... Мировому коммунизму нанесен удар тем же топором, что и буржуазной Европе»[7].

Наши союзники по войне поддержали на Нюрнбергском процессе предложение не поднимать и не обсуждать какие бы то ни было вопросы об отношениях с немцами в канун войны. А.Ваксберг, ссылаясь на английского представителя в Международном военном трибунале лорда Х.Шоукросса, объясняет такую позицию тем, что наши соратники по оружию не хотели давать повод даже подумать о нарушении союзнической солидарности[8]. Такие соображения, разумеется, имели место. Никому из наших союзников, как и советской стороне, действительно не хотелось давать военным преступникам возможность использования в своих целях союзнических разногласий — те явно этого жаждали. Но нельзя не сказать и о не менее существенной причине общего умолчания — скорее всего она состоит в том, что, как говорят англичане, «у каждого в дому в потайном шкафу был свой скелет».

...Итак, советско-германский пакт о ненападении заключен. Вторжение в Польшу немецко-фашистских войск состоялось (впрочем, совершенно очевидно, что оно произошло бы и в том случае, если пакта бы не существовало и в помине). Англия и Франция заявили о состоянии войны с Германией. Мировая война началась, но началась, по терминологии тех лет, как «странная», «смешная», как война без войны, без активных боевых действий, не считая наступательных операций вермахта на польской земле.

В конечном счете, однако, эта война оказалась вовсе не смешной. Она привела к трагическому поражению французской и английской армий, к оккупации Франции и возникновению реальной угрозы высадки немецко-фашистских войск на Британских островах. В ней нашла свое продолжение политика попустительства и умиротворения гитлеровской Германии с целью переключить ее агрессивные устремления с Запада на Восток, против Советского Союза.

Договор с СССР о ненападении не давал третьему рейху «окончательного» решения «русского вопроса». Не получил никаких реальных гарантий от нападения Германии и Советский Союз. Более того это соглашение наносило урон международному престижу СССР, вело к свертыванию в стране антифашистской пропаганды и к ослаблению единого антифашистского фронта. Пакт представлял для СССР не более, чем временное достижение нестабильного нейтралитета, и Сталин, судя по всем свидетельствам, прекрасно отдавал себе отчет в этом. В кругу своих соратников накануне подписания договора он признавался, что выбор нелегкий, даже тяжелый, тем не менее «плюсов» для Советского Союза все же больше.

Пакт давал СССР определенный выигрыш времени: на нас объективно работал нейтралитет, в то время как Гитлер наметил и приступил к осуществлению масштабных военных действий против целого ряда государств, которых, казалось, не так легко было сломить. Появившиеся в печати утверждения, что СССР толкал Гитлера на агрессию, на наш взгляд, совершенно несостоятельны. «Закусив удила», Гитлер не нуждался в каком-либо подталкивании к агрессии.

Но события приняли совсем не тот оборот, на который явно рассчитывал Сталин и который должен был, как он полагал, привести к затяжной, изнуряющей обе стороны войне в Западной Европе. Вермахт одерживал победу за победой, захватывая одну за другой европейские страны, «заглатывая» их военный потенциал и наращивая тем самым свою военно-экономическую мощь. Крупным успехом гитлеровского рейха явился разгром французской армии и урон, нанесенный английским войскам, в результате чего они оказались прижатыми к морю у Дюнкерка и вынуждены были эвакуироваться вместе с остатками союзных войск под жестокими ударами немецкой авиации. Началась подготовка операции «Морской лев» по высадке германских войск на Британские острова (в конечном итоге Гитлер не решился пойти на нее, но в целях дезинформации делал вид, что продолжает активные приготовления к высадке).

Впечатляющие победы германского оружия на европейском театре военных действий создавали тревожную обстановку для Советского Союза. Становилось все более очевидным, что объектом следующей агрессии в самом близком будущем может стать Советский Союз. Сталин знал о начатых по приказу Гитлера приготовлениях к этому германской военной машины. Знал довольно конкретно и достоверно. Советская разведка, в частности, донесла и о разработке основных положений плана нападения на СССР.

В то же время наши собственные военные приготовления по созданию надежного предполья на важнейших направлениях предполагаемых ударов вермахта шли не столь оперативно и интенсивно, как хотелось бы. Особенно наглядно это продемонстрировала советско-

финляндская («Зимняя») война (30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г.). Ее ход в первый месяц боевых действий, серьезные неудачи и понесенные Красной Армией потери были для Советского Союза весьма неутешительными.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) в марте 1940 г., на котором нарком обороны СССР К.Е.Ворошилов доложил об итогах этой войны, и на совещании в Кремле Главного Военного совета с приглашением участников войны (14–17 апреля 1940 г.) Сталин во многом объяснил наши неудачи переоценкой опыта Гражданской войны. Это, по его мнению, помешало комсоставу глубоко изучить особенности современной войны и перестроиться в соответствии с ее новыми требованиями.

Уверенность Сталина, что в «игре» с Гитлером ему удастся переиграть и обмануть нацистского фюрера, оказалась поколеблена и даже, по словам некоторых мемуаристов, сменилась деморализацией в связи с победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашими неудачами и тяжелыми потерями в войне с финнами. Такого рода утверждение также получило в последнее время широкое хождение.

Уже будучи пенсионером, Н.С.Хрущев вспоминал: Сталин «находился в таком состоянии, которое не вносило бодрости и уверенности в то, что наша армия достойно встретит врага. Он как-то опустил руки после разгрома Гитлером французских войск и оккупации Франции... Сталин лучше нас знал состояние Красной Армии и, видимо, сделал тогда вывод, что мы не подготовлены к "большой" войне. Об этом свидетельствовала наша "малая" война с Финляндией»[9]. «Сталин видел надвигающуюся неумолимую лавину, от которой нельзя уйти, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с этой лавиной. А лавиной этой была неотвратимая война с Германией»[10]. Сталин «стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом». В этом Хрущев усматривал причину того, что «мы не подготовили границу к обороне»[11].

Однако объективно нет серьезных оснований полагать, что Сталин дрожал перед Гитлером и даже пришел к выводу, что наша армия никак не сможет противостоять агрессии. Более правдоподобно, на наш взгляд, другое мнение. Военные успехи Германии, крупные неудачи и потери СССР в войне с Финляндией не на шутку встревожили Сталина и были им серьезно рассмотрены и осмыслены, хотя не без раздражения, но с решительным намерением ускорить перевооружение Красной Армии, форсировать производство современного вооружения и боевой техники, обучить наши военные кадры грамотно пользоваться средствами борьбы.

Документы и факты свидетельствуют, что к началу Великой Отечественной войны оборонная индустрия СССР в целом впервые стала превосходить по количеству, а в отдельных областях военного производства и по качеству показатели фашистской Германии. Был создан

военно-экономический потенциал, в конечном счете обеспечивший нашу победу над гитлеровским блоком.

Со второй половины 1940 г. военные приготовления к нанесению мощных ударов по Советскому Союзу осуществлялись гитлеровским рейхом весьма интенсивно. Они постоянно фиксировались советской разведкой и докладывались в «Центр».

Необходимые разведывательные данные о подготовке военного нападения Германии на СССР поступали к Сталину заблаговременно, в том числе и о дате вторжения. Но, по свидетельству многих ответственных руководителей, в самый канун войны он реагировал на эти сигналы крайне отрицательно, не доверяя им, сверхосторожничал, постоянно опасаясь дать Гитлеру повод к нападению.

Каковы бы ни были мотивы, которым руководствовался при этом Сталин, это ни в коей мере не снимает с него главную ответственность за игнорирование многочисленных предупреждений и сигналов о реальной опасности фашистской агрессии. Все решения государственной важности принимались им практически единолично, в лучшем случае — в узком кругу его ближайшего окружения, где всячески воспевалась «гениальная прозорливость» вождя и его непогрешимость. Начальник Главного разведуправления Красной Армии Ф.И.Голиков и возглавлявший НКВД Л.П.Берия (располагавший собственной агентурой), ради подкрепления «непоколебимой убежденности» Сталина в том, что нападение последует не ранее середины 1942 г., нередко искажали или фильтровали разведданные, противоречившие этому сталинскому прогнозу. В итоге так и не были приняты своевременно самые неотложные меры для подготовки страны к отпору фашистской агрессии и приведения Вооруженных Сил СССР в состояние повышенной боевой готовности. Безусловно, вина за это лежит прежде всего и главным образом на Сталине.

Став на путь агрессии, нацистская Германия все чаше прибегала к маскировке своих экспансионистских устремлений и действий заявлениями об их вынужденности. Всякий раз такие действия оправдывались назревшей необходимостью сорвать будто бы подготовляемое той или иной державой нападение на Германию. Своей демагогией о превентивном характере вторжения и военных захватов чужих территорий гитлеровцы перекладывали вину на жертву агрессии: «Мы не хотели нападать, но нас спровоцировали, мы лишь упредили готовящуюся агрессию».

В 1939–1940 гг. фашистская пропаганда утверждала, что на войну третий рейх спровоцировали англичане с их «политикой окружения», да к тому же еще и поддержавшие «польских упрямцев». Винили и Ф.Рузвельта за приверженность идеологии «крестового похода» против национал-социализма. С июня 1941 г. вина за развязывание войны стала возлагаться нацистами на Советский Союз, на Сталина, разыгравшего-де «шахматную партию мировой революции».

Версия о превентивности нападения всякий раз входила в официальные объяснения своих захватнических акций гитлеровским рейхом*. Между тем план вторжения в Австрию был составлен за 4 месяца до «аншлюса», в Чехословакию — за 11 месяцев до ее оккупации, в Польшу — за 5 месяцев до вторжения вермахта, в Советский Союз — почти за год до фашистского нападения. И это при том, что указанные страны готовы были пойти на определенные компромиссы и уступки, чтобы не дать Германии повода к агрессии.

Миф об упреждающем характере войны со стороны гитлеровской Германии был юридически отвергнут мировым сообществом как совершенно несостоятельный уже на Нюрнбергском процессе. Упорное отстаивание на нем идеи превентивной войны Кейтелем и Риббентропом ныне иногда подается как якобы убедительное свидетельство обоснованности фашистской агрессии. Предатель-перебежчик В.Резун (псевдоним В.Суворов) — автор псевдонаучных сочинений «Ледокол», «День-М» и других, даже клеймит Международный военный трибунал за то, что тот признал их доводы совершенно несостоятельными и отклонил их, хотя вполне очевидно: признание превентивного характера войны со стороны Германии было для Кейтеля и Риббентропа, можно сказать, последней, хотя и весьма призрачной, надеждой избежать виселицы.

Были ли у Советского Союза разработаны планы упреждающего удара по германской армии? Достаточно ли вообще прямых и косвенных данных для вывода о том, что Политбюро одобрило нанесение упреждающего удара по вермахту?

Есть авторитетное мнение Г.К.Жукова, оставившего неподписанный документ-записку, написанную от руки А.М.Василевским (возможно, и не без ведома Сталина), оговоренную с наркомом обороны СССР С.К.Тимошенко и поданную Сталину не ранее 15 мая 1941 г. В этой записке, озаглавленной «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками», предлагалось: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск...»[12].

Д.А.Волкогонов — автор книги «Триумф и трагедия», где был впервые обнародован этот документ, отмечал: «Письменных следов на до-

* Характерным образцом подобного рода нацистских «обоснований» явилась декларация Гитлера в связи с нападением на СССР, которую 22 июня 1941 г. зачитал по берлинскому радио Геббельс.

кументе Сталин не оставил; в тот период "вождь" был сверхосторожен и осмотрителен. Он по-прежнему полагал, что у страны есть еще достаточно времени для подготовки к схватке с фашизмом»[13].

В руках Сталина были в это время новые важные разведывательные материалы[14]. Он располагал, в частности, данными о действительных целях полета Р.Гесса в Англию 10 мая 1941 г. и знал, что это вовсе не инициатива спятившего с ума одиночки, а миссия высокопоставленного эмиссара Гитлера со специальными полномочиями предложить англичанам перемирие с тем, чтобы перейти к совместным действиям против Советского Союза.

В вышедшей в свет в 1991 г. книге американского журналиста Дж.Кастелло «Десять дней, которые спасли Запад», на протяжении многих лет расследовавшего загадки полета Гесса, содержится весьма примечательный документ, представленный автору из архива КГБ. «Гесс, — говорится в этом документе, подготовленном НКВД для Сталина, — был послан Гитлером для мирных переговоров. В случае согласия Германия немедленно нападет на Советский Союз»[15]. Совершенно ясно, что согласиться на нанесение упреждающего удара в условиях, когда Красная Армия не была готова к «большой войне» и когда к тому же вновь замаячила угроза объединенного фронта против СССР, означало явную авантюру, огромный риск ввергнуть страну в катастрофу.

Предложение нашего Генштаба нанести упреждающий удар вроде бы подтвердил и Молотов, который длительное время стоял во главе Советского правительства, руководил МИД СССР, многие годы был человеком № 2 в партийной и государственной иерархии. В.М.Молотов многое знал, многое скрывал, но иной раз и «проговаривался», хотя полностью полагаться на его свидетельства, конечно, не приходится. На наш взгляд, немалый интерес представляет трактовка Молотовым материалов, связанных с его поездкой в Берлин (середина ноября 1940 г.) и переговорами с Гитлером и Риббентропом.

В ходе бесед Советскому Союзу было предложено принять участие в «оси» Берлин—Рим—Токио. Гитлер выступил с инициативой весьма своеобразно поделить сферы влияния: Германия главенствует в Европе, Япония — на Дальнем Востоке и островах Океании, Италия — в Средиземноморье, а СССР предстоит искать выход к Персидскому заливу и Индийскому океану. Получалось, что на Западе, деля «английское наследство» (шкуру неубитого медведя), решать возникающие там проблемы будут Германия, Италия и даже Франция (покоренная). На Востоке решения будет принимать Япония, а услуги посредника готова нести та же Германия. Она же, как заявил Гитлер, готова в любой момент помочь России улучшить ее положение в проливах. Молотов слушал рассуждения фюрера никак на них не реагируя, — это он умел.

В ту же ночь в Берлин на имя Молотова поступила шифровка Сталина с указанием отклонить германские предложения. Со своей сто-

роны, Сталин предлагал сосредоточиться на вопросах европейской безопасности[16].

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся сразу же после возвращения в Москву, Молотов так охарактеризовал содержание и результаты переговоров в Берлине (об этом имеется соответствующая запись присутствовавшего на заседании управляющего делами СНК СССР Я.Е.Чадаева): «Покидая фашистскую Германию все мы, члены советской делегации, были убеждены: затеянная по инициативе фашистской стороны встреча явилась лишь показной демонстрацией. Главные события лежат впереди. Сорвав попытку поставить СССР в условия, которые связали бы нас на международной арене, изолировали бы от Запада и развязали бы действия Германии для заключения перемирия с Англией, наша делегация сделала максимум возможного. Общей для всех членов делегации являлась также уверенность в том, что неизбежность агрессии Германии неимоверно возросла, причем в недалеком будущем. Соответствующие выводы должны сделать из этого и наши Вооруженные Силы...»[17].

После визита Молотова Германия ни в коей мере не ослабила свои приготовления к войне. Напротив, еще в день приезда в Берлин советской делегации, 12 ноября 1940 г., нацистский фюрер отдал распоряжение: «Независимо от того, какой будет исход этих переговоров, следует продолжать все уже предусмотренные ранее приготовления для Востока. Дальнейшие указания на этот счет последуют, как только мною будут утверждены основные положения операционного плана»[18].

Со своей стороны советское руководство и прежде всего Сталин не питали в это время никаких иллюзий относительно истинных намерений фашистских правителей рейха. На том же заседании Политбюро, по свидетельству Я.Е.Чадаева, завершая обсуждение берлинских переговоров, Сталин, в частности, заявил:

«Какой был смысл разглагольствований Гитлера насчет планов дальнейшего сотрудничества с Советским Союзом? Действительно ли германское правительство исходит из предпосылки, что между Германией и Советским Союзом на протяжении длительного периода не возникает конфликта? Могло ли быть, что Гитлер решил на какое-то время отказаться от планов агрессии против СССР, провозглашенных в его "Майн кампф"? Разумеется, нет.

...Гитлер постоянно твердит о своем миролюбии. Он был связан договорами с Австрией, Польшей, Чехословакией, Бельгией и Голландией. И ни одному из них он не придал значения и не собирался соблюдать, и при первой необходимости вероломно их нарушил. Такую же участь готовит Гитлер и договору с нами. Но, заключив договор о ненападении с Германией, мы уже выиграли больше года для подготовки к решительной и смертельной борьбе с гитлеризмом. Разумеется, мы не можем договор рассматривать основой создания надежной безопас-

ности для нас. Гарантией создания прочного мира является укрепление наших Вооруженных Сил. И в то же время мы будем продолжать свою миссию поборников мира и дружбы между народами...

Теперь Гитлер поставил перед собой цель расправиться с Англией, принудить ее к капитуляции... Усилилась бомбардировка Британских островов, демонстративно готовится десантная операция. Но это не главное для Гитлера, а главное — нападение на Советский Союз.

Мы все время должны помнить об этом и усиленно готовиться для отражения фашистской агрессии. Наряду с дальнейшим укреплением экономического и военного могущества страны наша партия должна широко разъяснять трудящимся нависшую опасность международной обстановки, всемерно разоблачать фашистских агрессоров, усилить подготовку советского народа к защите социалистического Отечества. Вопросы безопасности государства встают сейчас еще более остро. Теперь, когда наши границы отодвинуты на запад, нужен могучий заслон вдоль их с приведенными в боевую готовность оперативными группировками войск в ближнем, но... не в ближайшем тылу»[19].

Перенесемся снова в самый канун войны. В Российском государственном архиве социальной и политической истории (РГАСПИ) в фонде Сталина имеется запись его выступления 5 мая 1941 г. на приеме в Кремле по случаю выпуска слушателей военных академий Красной Армии. Записаны также тосты, произнесенные Сталиным во время приема. Автор этой обстоятельной записки, переданной в архив в мае 1948 г., К.Семенов.

Суть сказанного Сталиным — в утверждении: «Красную Армию не узнать». Три-четыре года назад она не была вооружена современной техникой, «основным родом войск была пехота», вооруженная винтовкой старого образца, которая после каждого выстрела перезаряжалась. Устарели не только стрелковое оружие, но и артиллерия, и авиация. Танковые войска имели слабую броню.

В настоящее время армия перестроена и перевооружена современной техникой, приобрела боевой опыт. Сталин упомянул о боях у озера Хасан и в районе реки Халхин-Гол, подчеркнув при этом, что значение данного опыта не следует преувеличивать: «Мы имели дело не с современной армией, но с армией устаревшей». Конечно, положительно то, что «мы японцев побили». Отметил он и то, что настоящий опыт в «перестройке нашей армии» мы извлекли из советско-финской войны и из современной войны на Западе.

Сталин остановился на причинах военных успехов вермахта и неудач французской и английской армий. Первый извлек уроки из поражения в Первой мировой войне, вторые почивали на лаврах. Немцы приобрели новых союзников, а вторые — не сумели. Но можно ли считать немецкую армию непобедимой? Конечно, нет! (Это особо запомнилось всем участникам приема в Кремле).

Весной 1992 г. нам довелось беседовать с участником того приема в Кремле П.Кириллиным. Он живо помнил царившую на приеме обстановку. В отличие от записи К.Семенова он вспоминал, что после тоста генерала-танкиста* «за сталинскую политику мира» Сталин сказал: «Давайте выпьем лучше за самокатчиков, они ведь на колесах!».

В записи же К.Семенова тост-реплика Сталина выглядит следующим образом: он прервал генерала, когда тот провозгласил тост «За мирную сталинскую внешнюю политику!». Далее следует такой текст.

Сталин: «Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика — дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо переходить от обороны к наступлению». Сталин далее пояснил свои мысли: «...Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти в военной политике к наступательным действиям».

Сталин поставил задачу перестроить нашу воспитательную работу, пропаганду, агитацию, печать в наступательном духе. «Красная Армия, — закончил он, — есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»[20].

Пространные выдержки из тоста-реплики Сталина приведены нами не для того только, чтобы доказать иллюзорность надежд, обнаружить в материалах кремлевского приема какой-нибудь призыв к вторжению в Германию, к упреждающим ударам. В данном случае напрашивается другая мысль — как мог оказаться записанным такой действительно секретный материал о состоянии наших Вооруженных Сил? Как можно было вообще сознательно идти на риск разглашения тайны, созывая довольно большое число военных специалистов, да к тому же организуя банкет, и на нем репликой, в тосте высказать с использованием конкретных цифр столь ценную информацию о переорганизации армии и подготовке ее в наступательном духе? Создается впечатление, что, возможно, мы имеем дело с одним из примеров заранее запланированной утечки информации, с искусно подготовленной, на высшем уровне, частью широко задуманной дезинформации? Дезинформации, которая была в полной мере развернута после полета Гесса и направлена на то, чтобы в последний момент попытаться удержать Гитлера от искуса пойти на риск войны против СССР. Сработала ли она? К сожалению, нет, ибо через шесть

* Немецкий историк Й.Хоффман, ссылаясь на показания советских военнопленных, называет этого генерала М.С.Хозиным — начальником Военной академии им. Фрунзе. (См.: Отечественная история. 1992. № 4. С. 238).

недель войска фашистской Германии вторглись на территорию Советского Союза.

Необходимо особо остановиться на проблеме наступательной войны, провозглашенной на том же приеме в Кремле. Приверженность Сталина идее наступательной войны в последние годы объявляется чуть ли не главной причиной всех наших неудач и поражений 1941 года – как оперативного, так и стратегического характера.

Следует напомнить, однако, что к началу Второй мировой войны с учетом возросшей силы оружия, возможных стремительных переброс войск, разнообразия оперативного маневра на колесах и по воздуху стратегия большинства европейских стран, как правило, ориентировалась не на позиционную оборонительную, а на наступательную войну, на маневренность в ней. И ставка Красной Армии на наступательную войну (разумеется, после быстрого отражения агрессии) в привязке к конкретным условиям 1941 г. определялась необходимостью выбора лучшего стратегического плана ведения современной войны. К тому же в то время стало совершенно очевидным, что сугубо оборонительная стратегия французского премьера Даладье – он постоянно говорил о «героизме обороны» – проявила себя не лучшим образом и сказалась в ходе войны отнюдь не в пользу Франции. Больше того – даже оборонительная стратегия любой страны уже тогда в обязательном порядке предусматривала развертывание операций на чужой территории.

Так что действительные причины наших поражений в первые месяцы Великой Отечественной войны таятся вовсе не в приверженности концепции наступательной войны. И уж тем более документальное свидетельство ее провозглашения Сталиным не дает никаких серьезных аргументов в пользу усиленно пропагандируемой и навязываемой сейчас злостной фабрикации В.Резуна (Суворова) о превентивности гитлеровского нападения на СССР.

[1] См.: Знамя. 1990. № 12. С. 90–91.

[2] *Шейнис З.* Провокация века. М., 1992. С. 49.

[3] Подробнее об этом см.: Новая и новейшая история. 1989. № 5.

[4] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1960. Т. 1. С. 172–173.

[5] Цит. по: История дипломатии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1965. Т. 3. С. 606.

[6] Российский государственный архив социальной и политической истории. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 378. (Далее – РГАСПИ).

[7] Октябрь. 1991. № 8. С. 189.

[8] Знамя. 1990. № 6. С. 131.

[9] См.: Вопросы истории. 1990. № 9. С. 84.

[10] Там же. № 8. С. 72.

[11] Там же. С. 67.

[12] См.: 1941 год: Документы: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 215–220.
[13] *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. М, 1989. Кн. 2, ч. 1. С. 136.
[14] См.: Красная звезда. 1993. 30 июля.
[15] Цит. по: За рубежом. 1991. № 45. С. 7.
[16] Знамя. 1989. № 10. С. 102.
[17] Личный архив автора.
[18] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1982. С. 33.
[19] Личный архив автора.
[20] РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 3808. Л. 11–12.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О «ЗИМНЕЙ ВОЙНЕ»

В истории войн всегда вызывает интерес (а нередко — и большие споры) вопрос о том, как возникла та или иная война, каковы были ее движущие силы, непосредственный повод и более глубокие причины.

В преддверии Великой Отечественной войны в районах приграничных рубежей СССР имели место несколько вооруженных конфликтов и противоборств, преимущественно локального характера. Хотя они не вылились тогда в большие войны, их положительный и негативный опыт по использованию различных видов войск и вооружения весьма пригодился в 1941–1945 гг. Таковы, например, военные действия у озера Хасан, в районе реки Халхин-Гол, освободительный поход Красной Армии в Западную Украину и Западную Белоруссию.

К ним относится и советско-финляндская война, или, как ее еще называют, «Зимняя война» (30 ноября 1939 г. — 13 марта 1940 г.).

В советской историографии возникновение и ход «Зимней войны» не получили сколько-нибудь широкого освещения, а в имеющейся небольшой литературе, как правило, обходились «острые углы» и превалировала односторонняя трактовка событий.

Все это не вызывает удивления, так как конкретное изучение и освещение важнейших аспектов этой войны не поощрялось, а подавляющая часть соответствующих архивных документов находилась в закрытых и недоступных историкам фондах. Официальные «установки», в том числе цензурного характера, предписывали исследователям при упоминании советско-финляндской войны именовать ее не иначе как «финляндско-советский вооруженный конфликт», дабы... не омрачать дружественные послевоенные отношения, сложившиеся между Советским Союзом и Финляндской республикой. При этом, вынесение на первое место слова «финляндско-» как бы указывало на виновника данного «конфликта».

Для молодого читателя «Зимняя война» до последнего времени была «неизвестной». А в памяти старших поколений, несмотря на усилия последующей полувековой отечественной пропаганды, она почти не сохранила «героический след», оставив смешанное чувство горечи и неудовлетворенности.

По своему характеру и содержанию это была, конечно, настоящая война с участием довольно значительных контингентов войск, с массовым использованием боевой техники. И она принесла обеим сторонам большие жертвы и невосполнимые потери.

За последние годы, в процессе развития в стране гласности, исследователи получили возможность, опираясь на свежие пласты ранее засекреченных архивных источников, по-иному взглянуть на многие аспекты «Зимней войны».

Но это не означает, что о «Зимней войне» мы теперь знаем все или почти все и все сложности освещения событий того времени уже позади.

В этом очерке мы остановимся лишь на некоторых проблемах предыстории и истории советско-финляндской войны.

Прежде всего зададимся вопросом: насколько обоснованной была озабоченность Советского правительства за безопасность Ленинграда и своих северо-западных границ в конце 30-х годов?

Хотя в 1920 г. между Финляндской республикой и Советской Россией был заключен мирный договор, а в 1932 г. — договор о ненападении, тем не менее в последующие годы во внешней политике Финляндии возобладала антисоветская направленность. Страна эта легко могла стать плацдармом для агрессии против СССР, как это уже имело место в 1918–1920 гг. Следует иметь в виду, что советско-финляндская граница проходила всего лишь в 32 км от Ленинграда, т.е. находилась на расстоянии орудийного выстрела крупнокалиберной пушки. Еще 17 апреля 1919 г. английская газета «Таймс» писала: «Если мы посмотрим на карту, то увидим, что Петроград легче всего достичь через Прибалтийские государства. Самый удобный и самый короткий путь лежит через Финляндию, границы которой проходят всего лишь в 30 милях от столицы России. Финляндия является ключом к Петрограду, а Петроград — ключом к Москве».

Ощущение опасности нарастало по мере того, как становились известными новые и новые свидетельства сближения Финляндии на антисоветской платформе, с одной стороны, с гитлеровской Германией, а с другой — с Англией, Францией и США. Некоторые финские историки, правда, пытаются утверждать, что Финляндия в предвоенные годы отошла от Германии. Так, в своей статье в советском журнале «Родина» финский профессор М.Якобсон заявил, что «когда над Европой нависла тень экспансионистской политики Гитлера, руководство Финляндии отмежевалось от германского влияния».

Но подобные «открытия», мягко говоря, расходятся с исторической действительностью. Теперь уже широко известно заявление П.Свинхувуда, занимавшего в 1931–1937 гг. пост президента страны. «Любой враг России, — говорил он, — должен быть всегда другом

Финляндии. Финский народ по существу своему и навсегда является другом Германии».

Основы финско-германского союза были заложены еще в 1935 г., когда Гитлер получил разрешение на свободный проход немецких войск через финскую территорию. За это он пообещал Финляндии Советскую Карелию. Это соглашение не замедлило принести свои плоды. Германские офицеры регулярно инспектировали крупные маневры финской армии. С помощью германских специалистов авиаслужба модернизировала 23 крупных аэродрома, способных принять в 10 раз больше самолетов, чем имели тогда ВВС Финляндии. Специалисты из рейха постоянно наблюдали за сооружением линии Маннергейма, в особенности за сооружением тяжелых артиллерийских фортов. Когда строительство этой линии заканчивалось, в конце июня 1939 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер произвел последний «инспекционный» осмотр ее укреплений. (Кстати, накануне этого визита Хельсинки посетила большая группа руководителей германской разведки во главе с адмиралом В.Канарисом.) В речи на приеме в честь Гальдера финский министр иностранных дел Э.Эркко высоко оценил ту «исключительную благосклонность, которую вооруженные силы Германии проявляют к Финляндии». Гальдер в ответ призвал финских руководителей не уклоняться от проводимого ими антисоветского курса.

Осенью 1939 г. была достигнута договоренность о предоставлении Германии для подводных лодок ряда островов в районе Хельсинки. В Финляндии было открыто 12 немецких консульств. Как отмечал в своей речи в 1964 г. президент У.Кекконен, «тень Гитлера в конце 30-х годов распространялась над нами, и финское общество в целом не может поклясться, что оно не относилось к ней с определенной симпатией».

В распоряжении историков сегодня есть неопровержимые доказательства того, что Финляндия имела тесные контакты и с другими державами Запада, настроенными недружественно по отношению к Советскому Союзу. Еще в июне 1935 г., к примеру, британское и финляндское правительства заключили секретное соглашение об использовании английскими самолетами финских аэродромов в войне против СССР. Из общего числа военных поставок в Финляндию на долю Англии в 1936 г. приходилось 23%, в 1937-м – 28% и в 1938 году – 43%. И еще такой не менее красноречивый факт. 18 июня 1939 г. в Хельсинки прибыл главнокомандующий английской армией генерал Кирк. Он совершил инспекционную поездку на Карельский перешеек, а затем состоялись его переговоры с маршалом Маннергеймом, во время которых затрагивался и вопрос о помощи Финляндии в случае войны с СССР. Генерал Кирк одобрительно отнесся к отказу финского руко-

водства от сотрудничества с СССР в условиях возрастания гитлеровской экспансии.

Все это нельзя не учитывать при анализе советско-финляндских переговоров, начавшихся по инициативе СССР весной и продолженных осенью 1939 г. Постоянное воздействие осуществлялось на финское руководство как со стороны фашистской Германии, так и со стороны англофранцузского альянса.

Это обстоятельство следует особо подчеркнуть, так как в последнее время за рубежом, в том числе и в Финляндии, появились высказывания, что секретный дополнительный протокол к пакту Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г. якобы стал тем рубежом, начиная с которого сталинское руководство взяло курс на решение советско-финляндских проблем только военным путем. Утверждается, что направленное финской стороне 5 октября 1939 г. предложение возобновить прерванные переговоры было лишь своеобразным маневром и что переговоры, дескать, были заранее обречены на неудачу.

Однако знакомство с документами, относящимися к советско-финляндским переговорам, раскрывает подлинную картину того, как вели себя представители сторон. Решительно осуждая целый ряд действий Сталина и его ближайшего окружения, нельзя не сказать со всей определенностью, что с конца августа и до начала ноября 1939 г. позиция советской стороны оставалась в целом конструктивной, достаточно терпеливой, готовой к различным компромиссам. Этого нельзя сказать о финском правительстве. Его позицию откровенно выразил на заседании комиссии по иностранным делам сейма 10 октября 1939 г. министр иностранных дел Э.Эркко. «Мы ни на какие уступки СССР не пойдем, – заявил он, – и будем драться во что бы то ни стало, так как нас обещали поддержать Англия, Америка и Швеция»[1].

11 октября для ведения переговоров в Москву прибыла делегация Финляндии во главе с государственным советником, министром и ее будущим президентом Ю.Паасикиви. Но характерная деталь: он не получил полномочий для подписания какого-либо соглашения. Более того, Э.Эркко без ведома парламента и правительства дал главе финляндской делегации указание проводить исключительно жесткую, неуступчивую линию.

Несколько позднее к делегации присоединился министр финансов В.Таннер.

На состоявшейся 12 октября первой встрече Председатель СНК СССР и нарком иностранных дел В.М.Молотов выдвинул ряд предложений и среди них: заключить договор о взаимной помощи, подобный тем, что были подписаны с Литвой, Латвией и Эстонией; сдать в аренду СССР сроком на 30 лет полуостров Ханко для создания там военно-морской базы; чтобы обеспечить укрепление безопасности

северо-западных районов страны, включая Ленинград и Мурманск, Советское правительство предложило обменять финляндскую часть территории (острова Гогланд, Сейскаари, Лавансаари, Тютерсаари, Бьерке, а также часть Карельского перешейка от села Липпола до южной оконечности города Койвисто, западную часть полуостровов Рыбачий и Средний) общей площадью 2761 кв. км на вдвое большую часть Советской Карелии (5529 кв. км)[2].

Финляндская делегация, сославшись на нейтралитет своего государства и на то, что после заключения пактов о взаимопомощи с Прибалтийскими странами «значение финляндского материка для обороны СССР уже не имеет прежней важности»[3], отклонила советские предложения.

В меморандуме Советского правительства от 14 октября его первоначальные, довольно умеренные предложения были еще более смягчены. «Меня несколько удивили небольшие требования Сталина осенью 1939 года, – писал позднее Ю.Паасикиви. – Он ожидал от нас компромиссных предложений, но мы таких предложить не смогли, если не считать самых минимальных»[4].

Во время одной из бесед с советским представителем, состоявшейся 14 октября, военный атташе Финляндии в Москве майор Сомерто заявил, что «финны были чрезвычайно обрадованы и удивлены, что СССР предъявил умеренные требования. Они ожидали гораздо худшего»[5].

Наконец, об этом свидетельствовали В.Таннер. Выступив на заседании социал-демократической фракции сейма 26 октября с докладом о поездке в Москву, он заявил, что в Кремле во время переговоров старались создать дружеское настроение. «Сталин говорил очень сердечно и хотел нас убедить, что СССР желает Финляндии только лучшего»[6].

Таннер подчеркнул, что у финской делегации «возникло впечатление, что Сталин искренне хотел соглашения...»[7]

Но, к сожалению, никакого компромисса достигнуть не удалось. Делегация Финляндии оставалась на прежних позициях, о чем свидетельствовали меморандумы от 14, 23 и 31 октября, направленные советскому руководству[8].

Безрезультатно закончились переговоры и 3 ноября, когда советская делегация сняла свое предложение относительно предоставления СССР военной базы на полуострове Ханко, но предложила взамен обменять или продать острова Хермансэ, Куэ, Хэстэбусэ, Лонгшер, Фурушер, Экен и ряд других близлежащих островов.

В записке Ю.Паасикиви и В.Таннера, адресованной 9 ноября В.М.Молотову, говорилось, что, по мнению правительства Финляндии, «те же причины, по которым является невозможным предоставление военной базы в Ханко, касаются также и островов, о которых идет речь»[9].

В тот же день раздраженный Молотов, указав в письменном ответе на допущенные искажения в записке Паасикиви и Таннера, возвратил ее финской стороне.

9 ноября последовало указание Э.Эркко финляндской делегации прекратить всякие переговоры, поскольку, по его словам, в Финляндии есть «более важные дела». 13 ноября делегация вернулась в Хельсинки. Такая односторонняя «инициатива» военного кабинета Каяндера исключила возможность мирного урегулирования спорных и острых проблем, связанных с обеспечением безопасности Ленинграда и северо-западных районов СССР. Все это дало основание президенту Ю.Паасикиви позднее назвать разразившуюся вскоре советско-финляндскую войну «войной Эркко». «Ошибочная и неправильная политика, — подчеркнул он, — вовлекла нас в 1939 году в войну, которая закончилась так, как только и могла закончиться». А главнокомандующий финской армией маршал К.Маннергейм заявил в первый день войны, что «если бы Эркко был мужчиной, то он пошел бы в лес и застрелился».

Именно после безрезультатно закончившихся переговоров в середине октября, судя по имеющимся документам, Сталин стал склоняться к решению проблемы силовым путем. Подтверждением такого хода событий может служить разработанный Военным советом Ленинградского военного округа по указанию Москвы план операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии. В предыдущих советских военных документах, относящихся к возможному конфликту с Финляндией, речь шла о «контрударе» или об «оборонительном» характере готовящихся мероприятий. В представленном же 29 октября 1939 г. наркому обороны СССР К.Е.Ворошилову плане задачи войск принципиально меняются[10]. В этом документе, ранее никогда не публиковавшемся в открытой печати, в частности, говорилось, что «...по получении приказа к наступлению наши войска одновременно вторгаются на территорию Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии.

...Указанные мероприятия обеспечивают проведение операции на Видлицком направлении — в течение 15 дней, на Карельском перешейке — 8–10 дней при среднем продвижении войск 10–12 км в сутки»[11].

Нельзя не заметить, что в плане, подписанном командующим ЛВО командармом 2 ранга Мерецковым, членом Военного совета корпусным комиссаром Мельниковым и начальником штаба ЛВО комбригом Чибисовым, давалась объективная оценка складывавшейся ситуации.

С середины ноября, после разрыва финской делегацией мирных переговоров в Москве, военные приготовления с обеих сторон нача-

ли резко возрастать. Мнение Сталина о необходимости в создавшейся обстановке использовать силовой метод становится определяющим. Именно в эти дни на заседании Главного Военного Совета он заявил, что «нам придется воевать с Финляндией».

В быстром сокрушении дерзкого и строптивого соседа Сталин не сомневался. Такая же уверенность была и в высших советских военных кругах.

Позднее маршал К.Е.Ворошилов сделает такое признание: «...Ни я, нарком обороны, ни Генштаб, ни командование Ленинградского военного округа совершенно не представляли себе всех особенностей и трудностей, связанных с этой войной». 15 ноября с пометкой «Немедленно» он отдает приказ Военному совету Ленинградского военного округа о передислокации и дополнительной переброске войск в районах советско-финляндской границы. На Карельский перешеек перебрасывалось управление 7-й армии.

А 17 ноября Ворошилов подписал оперативную директиву Военному совету того же округа о форсировании подготовки к наступлению против Финляндии. Этот документ, ранее также не публиковавшийся, представляет собой интерес. Процитируем его основные положения:

«Военному совету Ленинградского военного округа.

Приказываю:

1. К исходу "х" дня 1939 г. закончить сосредоточение войск округа согласно ранее данным указаниям и быть готовым во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским и Северным флотами к решительному наступлению с целью в кратчайший срок разгромить противостоящие сухопутные войска и военно-морской флот противника.

2. С рассветом "х" дня 1939 г. одновременно войсками сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил перейти в решительное наступление...

<...>

9. Получение настоящей директивы подтвердить и план действий представить нарочным к 20 ноября 1939 г.»[12].

Одновременно началось формирование из лиц карело-финской национальности 106-й стрелковой дивизии со сроком готовности к 24 ноября 1939 г.[13] Командиром дивизии был назначен комбриг А.М.Антила (финн по национальности), а военным комиссаром — бригадный комиссар Егоров. Эта дивизия, развернутая впоследствии в финский корпус, по мысли ее создателей, должна была вскоре стать ядром так называемой «Финляндской Народной армии Финляндской Демократической Республики», а сам А.М.Антила — министром обороны «нового» финского правительства во главе с О.В.Куусиненом.

Таким образом, во второй половине ноября подготовка к военным действиям как с советской, так и с финской стороны развернулась полным ходом и обстановка на советско-финляндской границе накалилась до предела. Достаточно было небольшой искры, чтобы вспыхнула война.

Непосредственным поводом явился известный инцидент в районе советского пограничного селения Майнила. Весьма скупая документация «майнильской истории», сохранившаяся у советской стороны, оставляет много неясностей. Основной документ — донесение в Москву от 26 ноября 1939 г. командующего ЛВО Мерецкова и члена Военного совета округа Мельникова. В нем говорилось:

«Тт. Сталину, Молотову, Ворошилову.

Докладываю:

26 ноября в 15 час. 45 мин, наши войска, расположенные в километре северо-западнее Майнела (так в документе. — Г.К.), были неожиданно обстреляны с финской территории артогнем. Всего финнами произведено семь орудийных выстрелов. Убиты три красноармейца и один младший командир, ранено семь красноармейцев, один младший командир и один младший лейтенант. Для расследования на месте выслан начальник первого отделения Штаба округа полковник Тихомиров. Провокация вызвала огромное возмущение в частях, расположенных в районе артналета финнов.

К.Мерецков
Мельников»[14].

В этом донесении много странностей. Во-первых, в деле хранится не оригинал, а копия. На ней стоит виза Б.М.Шапошникова, начальника Генерального штаба Красной Армии, с той же датой — 26 ноября. Во-вторых, нет времени поступления донесения в Москву. Наконец, в тексте правка: последняя ранее содержавшаяся в документе фраза «Прошу указаний» — вычеркнута. Но как можно было и с какой целью править копию?

Содержание самого донесения тоже не совсем ясно. О результатах расследования инцидента полковником Тихомировым в архивных делах никаких сведений нет. Не указаны были и фамилии погибших и раненых...

В тот же день В.М.Молотов вручил финляндскому послу ноту протеста, составленную в сильных выражениях и категорически требовавшую отвода финских войск от границы.

Финский ответ был дан 27 ноября. В нем подтверждалось, что и с финской стороны наблюдались между 15 часами 45 минутами и 16 часами 5 минутами семь взрывов на советской территории... Во избежание недоразумений финны предлагали «приступить к переговорам по вопросам об обоюдном отводе войск на известное расстояние от

границы» и одновременно поручить пограничным комиссарам обеих сторон на Карельском перешейке «совместно произвести расследование по поводу данного инцидента...»[15]

Эти предложения были отклонены. 28 ноября в ответной ноте Молотов заявил фактически о денонсации пакта о ненападении, заключенного между СССР и Финляндией в 1932 г. А в его речи по радио 29 ноября говорилось уже не об одном инциденте, а об «артиллерийском обстреле наших воинских частей под Ленинградом». Предложение финнов о совместном расследовании того, что случилось у Майнилы, он назвал «нахальным отрицанием фактов, издевательским отношением к понесенным нами жертвам». В этот же день из Хельсинки были отозваны политические и хозяйственные представители СССР, а в 8 часов утра 30 ноября 1939 г. советские войска вторглись на территорию суверенной Финляндии и открыли боевые действия против финской армии.

Разумеется, расследование инцидента в районе Майнилы стало тогда уже ненужным.

Так началась продолжавшаяся 105 дней советско-финляндская война. Какими бы оговорками и оправданиями не сопровождалось решение взять курс на силовой метод и начать войну, ясно одно — эти действия советского руководства были грубым нарушением международного права. На второй день после начала войны в советской печати и по радио было объявлено, что «путем радиоперехвата стало известно» о сформировании 1 декабря «левыми силами» в только что занятом советскими войсками городе Терийоки (ныне Зеленогорск) Народного правительства Финляндской Демократической республики во главе с видным деятелем Коминтерна и рабочего движения в Финляндии О.Куусиненом. Вслед за этим, тоже «путем радиоперехвата», советское руководство «узнало» об обращении ЦК Компартии Финляндии к финскому трудовому народу с призывом свергнуть власть «поджигателей войны», не следовать за «предательскими вождями финской социал-демократии».

В первый же день создания терийокского правительства его признал Президиум Верховного Совета СССР. С ним были установлены дипломатические отношения, а 2 декабря в Москве подписан договор о взаимопомощи и дружбе сроком на 25 лет.

Казалось бы, появление такого правительства должно было привести к немедленному прекращению военных действий и готовности сесть за стол мирных переговоров. Однако советское руководство в течение почти двух первых месяцев «Зимней войны» упорно отклоняло всякие предложения о прекращении огня. Оно утверждало, что «Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает войной финскому народу» и что «Советский Союз находится в дружественных отношениях с Демократической Финляндской Республикой, с прави-

тельством которой 2 декабря с. г. заключили договор о взаимопомощи и дружбе. Этим договором урегулированы все вопросы...»

Что касается каких-то боевых действий на территории Финляндии, то, как заявлялось в официальных документах, подписанных Молотовым, СССР по просьбе Народного правительства Финляндской Демократической Республики оказывает ей «содействие своими военными силами для того, чтобы совместными усилиями ликвидировать опасный очаг войны, созданный в Финляндии ее прежними правителями». Такая позиция советского руководства послужила для Совета Лиги Наций основанием, чтобы осудить действия СССР, «направленные против финляндского государства», и 14 декабря исключить Советский Союз, как агрессора, из этой международной организации.

Вопрос о том, кому в действительности принадлежит идея создания этого правительства, и сегодня интересует многих как в России, так и в Финляндии. Вплоть до конца 80-х годов ответственность за появление на политической арене правительства Куусинена брал на себя ЦК Компартии Финляндии. Об этом, например, написал 9 марта 1989 г. в газете «Каснан Уутисет» председатель ЦК КПФ Я.Вальстром, хотя давно было ясно, что инициатива финских коммунистов была невозможна без согласия Сталина.

Но, может быть, все-таки Сталин принимал самое прямое участие в столь быстром появлении терийокского правительства?

Непосредственные архивные материалы по этому вопросу пока не обнаружены, но косвенные все же имеются. Перед нами два документа, которые довольно убедительно свидетельствуют, откуда последовало указание о создании «Народного правительства Финляндской Демократической республики».

Первый из них — это специальная директива начальника Политуправления Ленинградского военного округа дивизионного комиссара Горохова от 23 ноября 1939 г. (т.е. за три дня до событий у Майнилы), которая под грифом «Совершенно секретно» была направлена начальникам политуправлений армий, военкомам и начальникам политотделов соединений.

Наряду с оценкой общей обстановки на северо-западных рубежах СССР в ней содержатся и такие слова: «Мы идем не как завоеватели, а как друзья финского народа. Красная Армия поддержит финский народ, который стоит за дружбу с Советским Союзом и хочет иметь свое, финляндское, подлинно народное правительство»[16].

Вполне очевидно, решиться на включение подобной фразы без прямого указания из Кремля комиссар Горохов, конечно, не мог.

Второй документ — запись беседы Молотова с германским послом в Москве фон Шуленбургом, которая состоялась в первый день войны (30 ноября) и за день до того, как был сделан «удачный» «радиоперехват», поведавший о появлении нового правительства в г. Терийоки.

Во время этой беседы Молотов «удивительно точно» предсказал рождение правительства Куусинена и конкретно изложил все важнейшие пункты его внешней и внутренней программы.

«Это правительство, — говорил Молотов, — будет не советским, а типа демократической республики. Советы там никто не будет создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться и обеспечить безопасность Ленинграда»[17].

Что касается причастности ЦК КПФ к созданию правительства Куусинена, то необходимо иметь в виду, что в Москве или Петрозаводске в указанное время находилось лишь несколько остававшихся на свободе членов ЦК КПФ, почти все остальные подверглись репрессиям. Они никак не могли составлять какое-то «большинство» и действовать от имени Центрального Комитета.

Терийокское правительство было грубой ошибкой, явным просчетом сталинской дипломатии. Оно не получило какой-либо поддержки среди народа Финляндии, находилось в тени и вскоре после подписания Московского мирного договора 12 марта 1940 г. объявило о своем самороспуске.

Война с Финляндией планировалась советским военным руководством в качестве одной наступательной операции, которая должна была победоносно завершиться в течение не более двух недель. Ведь превосходство в силах было целиком на советской стороне. Части Красной Армии, сосредоточенные для участия в боевых действиях, превосходили группировку финских войск: по живой силе — в 2 раза, по артиллерии — в 5 раз, танкам — в 7,5 раза, боевым самолетам — в 10 раз. Однако действительность опрокинула все эти расчеты.

И хотя 1 декабря Л.П.Берия сообщал К.Е.Ворошилову, что «задачи, поставленные перед частями пограничных войск на 30 ноября, — выполнены»[18], общее наступление Красной Армии уже в первый день боевых действий стало неожиданно давать первые сбои.

В последующие дни декабря, несмотря на высокую степень моторизации частей Красной Армии, мужество и героизм ее бойцов и командиров, какого-либо кардинального улучшения с продвижением советских войск на территории Финляндии не произошло. В условиях необычайно суровой зимы они оказались слабо подготовленными к боевым действиям в лесистой местности. Танки и тяжелая техника увязали в глубоком снегу. Плохо работала связь, не было четкого взаимодействия танков и артиллерии с пехотой, недостаточно эффективно действовала авиация. Участились перебои с доставкой вооружения, боеприпасов, продовольствия, горючего и фуража. Сравнительно легко экипированные части Красной Армии, натолкнувшись на отчаянное сопротивление финских войск, действовавших зачастую небольшими мобильными отрядами, стали попадать в окружение и нести все более чувствительные потери убитыми, ранеными, больными и обмороженными.

Как вспоминал тогдашний командующий войсками ЛВО, а затем 7-й армией командарм 2 ранга К.А.Мерецков: «Сталин сердился: почему не продвигаемся? Неэффективные военные действия, подчеркивал он, могут сказаться на нашей политике. На нас смотрит весь мир. Авторитет Красной Армии – это гарантия безопасности СССР. Если застрянем надолго перед таким слабым противником, то тем самым стимулируем антисоветские усилия империалистических кругов».

Одна из наиболее серьезных причин всех этих неудач Красной Армии была связана с нечетким управлением войсками командным составом, не отличавшимся богатым боевым опытом. И в этом нет ничего удивительного. Ведь по существу почти весь цвет Вооруженных Сил СССР был истреблен в ходе чистки в 1937–1938 гг.

И в этой войне Сталин использовал уже испытанный им метод – метод репрессий, обвинив многих командиров в трусости и измене.

Такая позиция Сталина вполне устраивала наркома обороны и главкома Ворошилова, готового снять с себя большую долю вины за военные неудачи и общее состояние боеготовности войск. «Считаю необходимым, – писал он в конце декабря 1939 г. Сталину и Молотову, – провести радикальную чистку корпусов, дивизий и полков. Выдвинуть вместо трусов и бездельников (сволочи тоже есть), честных и расторопных людей. Для проведения этой работы нужно послать Кулика или Щаденко»[19]. Однако Сталин посчитал, что с таким его поручением лучше всех справится начальник Политуправления РККА Л.З.Мехлис вместе с группой высоких чинов НКВД и военных юристов.

Вскоре в боевых частях и соединениях Красной Армии прокатилась волна репрессий. При этом Мехлис и сподручные Берии практиковали проведение ускоренных судов, а затем расстрелов осужденных перед личным составом войск.

«Совершенно секретно
Начальнику Генерального штаба Красной Армии
т. Шапошникову (Для Ставки)

Докладываем:

Суд над бывшим командиром 44 с/д Виноградовым, начальником штаба Волковым и начполитотдела Пахоменко состоялся 11 января в Важенвара под открытым небом в присутствии личного состава дивизии. Обвиняемые признали себя виновными в совершенных преступлениях. Речи прокурора и общественного обвинителя были одобрены всеми присутствующими. Суд тянулся пятьдесят минут. Приговор к расстрелу был приведен в исполнение немедленно публично взводом красноармейцев.

После приведения приговора в исполнение состоялось совещание начсостава, на котором намечена дальнейшая разъ-

яснительная работа. Выявление всех предателей и трусов продолжается...

Чуйков, Мехлис
11 января 1940 г. Принято в 21.41. 11.1.40»[20].

Быстро разраставшиеся размеры репрессий, особенно в составах 7-й – 9-й армий, встревожили и озадачили Военного прокурора НКО СССР Гаврилова, который наложил запрет на привлечение к суду некоторых командиров.

Однако это не соответствовало «высоким установкам», полученным Мехлисом. Поэтому начальник Политуправления РККА, который уже вошел во вкус инквизитора и жаждал новых жертв, разразился в адрес Военного прокурора недовольной телеграммой.

«Телеграмма

Москва, НКО, для прокурора Гаврилова,
копия: тов. Щаденко, Кузнецову.

Виза К.Е.Ворошилова

"КВ"

Вы запрещаете прокурору 9-й армии судить ряд лиц в порядке, примененном в отношении Виноградова и его банды. Мы провели здесь суд над Чайковским И.И., комиссаром погранполка Черевко в том же порядке, который дал замечательный эффект. Сейчас проводим несколько процессов над рядовыми и притом все публично. Ваше запрещение будет серьезным тормозом в ликвидации дезертирства. Не знаю, кто дал Вам основание толковать, что только виноградовское дело надо было рассматривать специальным порядком, а на другие дела этот порядок не распространяется. О своих действиях докладываем Ставке, и они не противоречат полученным нами указаниям. Отмените вашу директиву, которая ничего, кроме вреда, не принесет. Мы не допускаем массовых репрессий, но добьемся проведения эффективных процессов.

Мехлис
16 января»[21].

Расправы над командирами и бойцами не только не прекратились, но получили даже новое развитие. Вспомнили о «положительном» опыте времен Гражданской войны: с 24 января 1940 г. совместным приказом НКО и НКВД на боевых участках пяти действовавших там армий было создано 27 контрольно-заградительных отрядов НКВД по 100 человек в каждом, подчиненных особым отделам и наделенных широкими правами. Этот приказ был отменен лишь 4 мая 1940 г.[22]

Положение на фронте стало меняться в лучшую сторону только после дополнительной концентрации войск для созданного 7 января

1940 г. Северо-Западного фронта. Его командующим был назначен командарм 1 ранга С.К.Тимошенко.

Командование Северо-Западного фронта активно приступило к разработке плана наступательной операции. Как вспоминал Маршал Советского Союза М.В.Захаров, «наставления по прорыву укрепленных районов в штабе фронта не оказалось, так как в свое время оно было отнесено к вредительским документам и сожжено. Пришлось доставать его в библиотеке им. В.И.Ленина. На основе этого наставления и с учетом конкретных данных по финским долговременным укреплениям штабом Северо-Западного фронта были изданы инструкции по прорыву укрепленного района, оказавшие войскам большую помощь».

11 февраля после месячной подготовки войска фронта перешли в наступление и спустя семь дней главная полоса финской обороны — так называемая «линия Маннергейма» — была прорвана.

Теперь действия Красной Армии оценивались уже иначе. «Русские на этот раз научились организовывать взаимодействие войск, — писал главнокомандующий финскими войсками маршал К.Маннергейм. — ...Артиллерийский огонь прокладывал путь пехоте. С большой точностью им управляли с аэростатов и боевых машин».

Падение «линии Маннергейма» поставило Финляндию перед угрозой быстрого и полного поражения. Со всей очевидностью встал вопрос о заключении мира.

Еще в январе 1940 г. с советской стороны поступила информация о том, что СССР оставляет двери открытыми для мирных переговоров с Финляндией. Большую активность в этом деле проявила известная финская писательница Х.Вуолийоки, которая с согласия правительства Р.Рюти 10 января выехала в Стокгольм, где имела встречу с советским послом А.М.Коллонтай. В состоявшейся беседе выяснилось, что советская сторона стремится к миру.

Но теперь финская сторона не спешила сесть за стол переговоров, надеясь на получение эффективной помощи со стороны западных держав, что позволило бы в корне изменить военно-политическую ситуацию. Правящие круги Финляндии, по оценке германского посольства в Хельсинки, полагали «продержаться, по крайней мере, до весны в надежде, что за это время в мире произойдут решающие события».

Но в конце концов более трезвый анализ сложившейся обстановки заставил финляндское правительство согласиться на обсуждение советских предложений о прекращении войны. 29 февраля оно сообщило, что готово принять за основу для начала переговоров о мире полученные от Советского правительства условия. С этой целью 7 марта в Москву прибыла финская правительственная делегация во главе с премьер-министром Р.Рюти. Переговоры, которые проходили с 8 по 12 марта, завершились подписанием мирного договора.

Многие, очевидно, полагают, что в период переговоров напряжение в боевых действиях резко спало, а 12 марта, наконец, смолкли и последние залпы этой «незнаменитой войны».

На самом деле было далеко не так. И вообще финал «Зимней войны» оказался очень кровавым.

С одной стороны, финские войска, которые обороняли позиции на Карельском перешейке, помнили об обещании Маннергейма, что новая граница будет установлена по линии боев на день наступления мира. Поэтому они не только упорно защищались, но на отдельных участках фронта переходили в контрнаступление. Так, с утра 13 марта финские войска оказали сильное давление на попавшие в окружение части так называемой нашей Ребольской группы 9-й армии, пытаясь прорваться на командный пункт. Обе стороны понесли большие потери. Общие потери финских войск только за тринадцать дней марта составили 28 925 человек, что превысило ее потери в январе и феврале, вместе взятые[23].

С другой стороны, в последние дни сражения Сталин дал указание руководству Северо-Западного фронта и командующим армиями значительно усилить наступательный натиск, считая, что это в итоге принесет большие выгоды. При этом не случайно бойцы и командиры действующей армии не были проинформированы о том, что в Москве уже идут мирные переговоры. О цели распоряжения Сталина красноречиво говорит следующий архивный документ:

«Немедленно,
Шифром.
Через Начштаба.
Командующему 8 армией.

В результате нашего большого успешного наступления на Карельском перешейке финны, понесшие большие потери, запросили мира. Мы стоим всегда за мирную политику и, возможно, согласимся на ведение мирных переговоров, при этом понятно, что чем больше захватим в ближайшие дни территории противника, тем больше требований можем предъявить противнику, ввиду чего необходимо как можно больше захватить территории противника в самые ближайшие дни.

Армия достаточно сильна, чтобы отхватить у противника побольше территорий. Либо армия теперь же в ближайшие четыре-пять дней добьется успеха, либо, если она опоздает, как до сих пор опаздывала, то Ваши операции могут оказаться излишними и никому не нужными...

Ставка Главвоенсовета
11 марта 1940 г. 1 ч. 40 м.»[24]

Во время одного из заседаний 11 марта финская делегация предложила прекратить военные действия. В ответ она получила разъяс-

нение, что огонь будет прекращен «только одновременно с подписанием мирного договора»[25]. Однако этого не произошло. Даже утром 13 марта продолжалась наступательная операция на Питкярантском направлении по захвату островов[26].

Более того, именно после заключения договора о мире, пользуясь тем, что он вступал в силу в 12 часов (по ленинградскому времени) 13 марта Ставка Главвоенсовета отдала приказ о штурме Выборга, который начался в 8 часов утра. Эта последняя крупная военная акция в рамках «Зимней войны» сегодня выглядит совершенно бессмысленной, нелепой и жестокой. Ведь, согласно Московскому договору, Выборг вместе с прилегающим к нему районом отходил к СССР и мог быть передан без единого выстрела. Но, видимо, мало стоила тогда жизнь советских и финских солдат во имя каких-то амбиций и очевидной жажды мщения за недавние провалы и неудачи на земле Суоми!

Сражение было ожесточенным и кровопролитным. Это была подлинная трагедия и города, и людей, убивавших друг друга, когда мир уже вступал в свои права.

В «Зимней войне» обе стороны понесли большие потери. Но официальная советская пропаганда тех лет стремилась всячески преуменьшить наши потери и преувеличить финские. Даже в очерке «Советско-финляндская война 1939–40 гг.», изданном для закрытого пользования, утверждалось, что «потери финнов больше, чем в 1,5 раза превышают потери Красной Армии».

И сейчас существуют расхождения между исследователями, российскими и финскими источниками при оценке цифровых итогов вооруженного противоборства.

Однако факт остается фактом, наших потерь было гораздо больше.

В материалах Административно-мобилизационного управления Генерального штаба РККА, хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА) и выявленных его сотрудником П.А.Аптекарем, имеются такие сведения о потерях Красной Армии: 72408 убитых, 17520 пропавших без вести, 186129 раненых, 13213 обмороженных, 4240 контуженных. Подготовленные в мае 1940 г. эти цифровые итоги являются также неполными и не совсем точными. Обращение к первичным отчетным документам показывает, что в них, например, существенно (до 30%) занижены сведения о потерях 15-й и 9-й армий, ничего не говорится о потерях Военно-Морского Флота и войск НКВД, о попавших в плен.

Согласно данным картотеки Бюро потерь РГВА, содержащей поименный перечень потерь, Красная Армия во время «Зимней войны» потеряла 131476 человек убитыми, пропавшими без вести и умершими от ран, около 6000 пленными. По тем же данным, число раненых и обмороженных бойцов и командиров колеблется от 325 тыс. до 330 тыс.

Что касается потерь противника, то, по финским источникам, они составили: 48243 человека убитыми, 43000 ранеными, 4101 пропавшими без вести (по другим опубликованным финским данным 3273) и 825 — попавшими в плен. О количестве обмороженных и контуженных в официальных финских документах и изданиях не говорится[27].

Поистине трагической была судьба советских военнопленных. Финский плен был очень суровым и тяжким. В то время за малейшую провинность узник из России мог быть подвергнут жестокому наказанию, вплоть до расстрела. Всего, по данным, обнаруженным нами в фондах Военного архива и Архива Министерства иностранных дел Финляндии, было взято в плен около 5600 советских военнослужащих, из них только за период с 22 декабря 1939 г. по 5 мая 1940 г. в лагерях и тюрьмах погибло 112 человек. По тем же источникам, в результате состоявшегося обмена пленными советской стороне с 17 по 28 апреля 1940 г. было передано 5277 человек, а финской — 775. Кроме того, временно оставались в финском плену из-за тяжелых ранений и болезней 169 бойцов и командиров Красной Армии, а на территории СССР по тем же причинам — 58 финских военнослужащих[28].

После освобождения часть бывших советских военнопленных вместе с другими воинами Красной Армии под музыку духовых оркестров промаршировали по улицам Ленинграда, осыпаемые цветами. Затем их отделили от «воинов-победителей», погрузили в отдельный спецэшелон с забитыми окнами и вместе с другими «сомнительными и чуждыми элементами» в соответствии с решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1940 г. направили в Южский лагерь НКВД. К 28 июня 1940 г. здесь содержалось 5175 красноармейцев и 293 командира, переданных финской стороной при обмене военнопленными, всего — 5468 человек. Из этого количества, как докладывал Берия в тот день Сталину, было «выявлено и арестовано 414 человек, изобличенных в активной предательской работе в плену» и приговорено к расстрелу 232 человека.

Только 450 бойцов и командиров, попавших в плен ранеными, больными или обмороженными, подлежали освобождению из указанного лагеря и передаче «в распоряжение Наркомата обороны».

Советско-финляндская война в целом не приумножила славу русского оружия, вскрыв крупные недостатки в подготовке и боеспособности Красной Армии. Ее итоги в марте 1940 г. обсуждались на внеочередном Пленуме ЦК ВКП(б), а затем в апреле того же года — на расширенном заседании Главного Военного совета с участием руководящего командного состава действующей армии. 7 мая 1940 г. наркомом обороны СССР вместо К.Е.Ворошилова был назначен С.К.Тимошенко.

Разработанные на основе опыта «Зимней войны» мероприятия были положены в основу работы по повышению боеспособности

Красной Армии. Однако далеко не все уроки из этих драматических событий были учтены.

С другой стороны, ход советско-финляндской войны только укрепил убежденность Гитлера в слабости Красной Армии, в быстрой и легкой победе в предстоящей агрессии против Советского Союза.

Такого же мнения придерживались в правящих кругах Великобритании, США, Франции и других западных стран.

Словом, эта война имела далеко идущие последствия.

[1] Архив Института военной истории МО РФ. Документы и материалы. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 56. (Далее – Архив ИВИ).

[2] Архив внешней политики РФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 193. (Далее – АВП РФ).

[3] Архив Министерства иностранных дел Финляндии (далее – Архив МИД Финляндии). Ф. 109. Оп. А. Д. 1–6. Папка 1 В.

[4] Линия Паасикиви: Статьи и речи Юхо Паасикиви, 1944–1956 гг. М., 1958. С. 73–74.

[5] Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1240. Л. 84. (Далее – РГВА).

[6] Там же. Л. 90–91.

[7] Там же. Л. 77.

[8] См.: Архив МИД Финляндии. Ф. 109. Оп. А. 11. Д. 1–6. Папка 1 В.

[9] Там же.

[10] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 84.

[11] РГВА. Ф. 25888. Оп. 14. Д. 2. Л. 1–14.

[12] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 135; РГВА. Ф. 37977. Оп. 1. Д. 233. Л. 1–4.

[13] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 136.

[14] Там же. Л. 212.

[15] Внешняя политика СССР: Сб. документов. М., 1946. Т. IV. С. 464.

[16] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 164, 166.

[17] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1. Д. 4. Л. 75–77.

[18] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 26. Д. 22. Л. 234.

[19] Там же. Л. 395–396.

[20] Там же. Оп. 263. Д. 21. Л. 35.

[21] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1386. Л. 155.

[22] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 263. Д. 21. Л. 103, 106.

[23] Архив МИД Финляндии. Ф. 109. Оп. А. Д. 7. Папка 2.

[24] Архив ИВИ. Ф. 221. Оп. 263. Д. 21. Л. 207.

[25] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Д. 315. Л. 22–25.

[26] Архив ИВИ. Ф. 207. Оп. 249. Д. 6. Л. 27.

[27] См.: Материалы Военного архива Финляндии. Отделение военной истории. Отчет о деятельности тыловых частей во время Зимней войны. Военнопленные. 1939–1940 гг. Т. 7695; За рубежом. 1989. № 48.

[28] Архив МИД Финляндии. Ф. 109. Оп. Е. Д. 7. Папка 43.

В ЭТИХ БИТВАХ РЕШАЛАСЬ СУДЬБА МИРОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

22 ИЮНЯ... ПОЧЕМУ НАПАДЕНИЕ ОКАЗАЛОСЬ ВНЕЗАПНЫМ

22 июня 1941 года... В историю нашей Родины этот день вошел черной трагической датой. Он стал первым днем вероломной нацистской агрессии против СССР, первым днем неимоверно жестокой и тяжелой войны.

Около 4 часов утра, когда немецко-фашистские войска получили условный сигнал «Дортмунд» — сигнал для нападения, по советским пограничным заставам и укреплениям был внезапно нанесен мощный артиллерийский удар, а через несколько минут вражеские полчища вторглись в пределы Советского Союза. Крупные силы германской авиации обрушили тысячи тонн смертоносного груза на аэродромы, склады, мосты, железные дороги, военно-морские базы, линии и узлы связи, на спящие советские города. В приграничных районах страны забушевал гигантский огненный смерч...

Так, вероломно нарушив договор о ненападении, фашистская Германия вместе со своими союзниками совершила вооруженную агрессию, получив в результате этого весьма значительные, хотя и временные преимущества. Для советского народа началась война, уже вскоре по праву названная Великой Отечественной...

Армия вторжения насчитывала 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов, 47200 орудий и минометов.

Ей противостояли силы пяти советских западных приграничных округов и трех флотов, которые почти вдвое уступали противнику в численности солдат, имели несколько меньшее количество артиллерии и превосходили врага в танках и минометах, правда большей частью устаревших образцов[1]. Что касается первого эшелона армий, то здесь гитлеровское командование развернуло 103 дивизии, в том числе 10 танковых, тогда как в первом эшелоне наших армий прикрытия имелось только 56 стрелковых и кавалерийских дивизий.

Особенно подавляющим было превосходство немецко-фашистских войск на направлениях главных ударов. К исходу уже первого дня войны их мощные танковые группировки на многих участках фронта вклинились в глубь советской территории от 25 до 35, а местами

даже до 50 километров. К 10 июля глубина вражеского вторжения на решающих направлениях составила свыше 300 километров. В руки противника попало почти 200 складов с горючим, боеприпасами и вооружением, находившихся в приграничной зоне.

Атакованные внезапно части Красной Армии были вынуждены вступать в тяжелые бои без необходимой подготовки и без завершенного стратегического развертывания, будучи укомплектованными на 60–70% от нормы штатов военного времени, с ограниченным количеством материальных средств, транспорта, связи, нередко без воздушной и артиллерийской поддержки.

Под ударами наступавшего агрессора воины Красной Армии попадали в окружение, терпели тяжелые поражения и неудачи. За три недели войны противнику удалось полностью разгромить 28 советских дивизий. Кроме того, более 72 дивизий обоих эшелонов понесли потери в людях и боевой технике от 50% и выше. Общие потери Красной Армии только в дивизиях без учета частей усиления и боевого обеспечения за это время составили около 850 тыс. человек, до 6 тыс. танков, не менее 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. противотанковых орудий, около 12 тыс. минометов, а также около 3,5 тыс. самолетов.

Противник потерял около 100 тыс. солдат и офицеров, более 1 700 танков и штурмовых орудий и 950 самолетов.

Значительный урон понес к 10 июля и Советский Военно-Морской Флот: 3 эсминца, 1 лидер, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров и ряд других боевых судов и транспортов. За это же время агрессор лишился только 4 минных заградителей, 2 торпедных катеров и 1 «охотника».

И все же расчеты гитлеровского командования на низкую боеспособность Красной Армии не оправдались. Уже в первые дни войны в невероятно тяжелых условиях ее бойцы и командиры оказывали врагу отчаянное и упорное сопротивление. В подтверждение тому можно было бы привести немало документальных свидетельств о стойкости пограничников многих застав, защитников Перемышля, Лиепаи, Брестской крепости, Могилева, о храбрости воинов различных видов и родов войск.

Войска фашистской Германии и ее союзников до этого нигде не встречали такого сопротивления и никогда не несли таких больших потерь.

Вот что отмечал бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г.Блюментрит:

«Первые сражения в июне 1941 года показали нам, что такое Красная Армия. Наши потери достигли 50%. Пограничники защищали старую крепость в Брест-Литовске свыше недели, сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий

и бомбежку с воздуха. Наши войска очень скоро узнали, что значит сражаться против русских».

На 8-й день войны начальник германского генерального штаба сухопутных войск генерал Ф.Гальдер записал в своем дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека... Упорное сопротивление русских заставляет нас вести бои по всем правилам наших боевых уставов. В Польше и на Западе мы могли позволить себе известные вольности. Теперь это уже недопустимо». «Процент потерь офицерского состава, — отметил он на 15-й день войны, — по отношению к общему количеству потерь выше, чем в прошлых кампаниях»[2].

Генерал Г.Гудериан, тоже известная фигура в военном руководстве вермахта, заметил: «Еще Фридрих Великий сказал о русском солдате, что его нужно два раза застрелить, и потом еще толкнуть, чтобы он, наконец, упал. Он правильно оценил стойкость этого солдата. В 1941 году мы должны были прийти к такому же выводу. С несгибаемой стойкостью удерживали эти солдаты свои позиции».

До середины июля 1941 г. противник терял на советско-германском фронте в среднем 4 тыс. человек в день, во второй половине июля — более 7 тыс., а к концу третьего месяца войны его общие потери превысили 500 тыс. солдат и офицеров. Для сравнения заметим, что до нападения на СССР за весь предшествующий период второй мировой войны немецко-фашистская армия, завоевавшая почти всю Европу, потеряла только около 300 тыс. человек.

Красная Армия усиливала сопротивление врагу, нанося ему все более чувствительные удары. Однако остановить агрессора в приграничной зоне не удалось. Немецко-фашистские войска продолжали развивать наступление в глубь территории СССР. Над Советским Союзом нависла смертельная угроза.

И тогда, в те горькие и страшные месяцы лета сорок первого, и сейчас, спустя более 65 лет со дня начала войны, многие задают вопрос: каковы причины того чрезвычайно тяжелого и опасного положения, в котором оказалось Советское государство, какие факторы повлияли на крупные поражения Красной Армии в первые недели войны?

В исторической литературе, опубликованной в стране и за рубежом, имеется немало работ, содержащих различные ответы на этот вопрос. Обычно ссылаются на огромный военно-экономический потенциал фашистского рейха, который к июню 1941 г. опирался на ресурсы порабощенной им Европы. Внимание читателей обращается и на тот факт, что немецко-фашистская армия имела двухлетний опыт войны, была хорошо обученной и оснащенной по последнему слову техники. Неудачи Красной Армии объясняются также довоенными репрессиями в отношении военных кадров, ошибочной оценкой

Сталиным и его ближайшим окружением военно-стратегической обстановки, неправильным определением направления главного удара агрессора, нашей недостаточной подготовленностью к войне в экономическом плане, слишком краткими рамками мирного времени, не позволившими выполнить все намеченные планы, и т. д.

Из факторов, имевших тяжелые последствия в первые месяцы вооруженного противоборства советского народа, остановимся на проблеме внезапности фашистской агрессии и на степени вины в этом И.В.Сталина.

Необходимо сразу же отметить, что в ряде публикаций появились утверждения, что никакой внезапности вражеского нападения на СССР и не было, что это, мол, издержки историографии «застойного периода» и всех предшествующих ему предвоенных лет.

На чем же основываются подобные «новые подходы»? Оказывается, на том, что весь советский народ, разведывательные органы и сам Сталин знали, что угроза велика, что рано или поздно Германия совершит вооруженную агрессию против Советского Союза. А поэтому, мол, всякая внезапность нападения со стороны противника исключалась.

Однако такая аргументация не выдерживает критики. При этом совершенно не учитываются такие понятия, как стратегическая и оперативно-тактическая внезапность начала боевых действий.

И главным доказательством этого утверждения является тот факт, что именно Сталин в своей речи по радио 3 июля 1941 г. указал на неожиданное и вероломное нападение фашистской Германии, назвав это одной из главных причин наших крупных неудач в начале войны.

На основе привлечения ряда документальных источников, а также важных свидетельств, полученных нами в свое время из состоявшихся бесед с А.И.Микояном, В.М.Молотовым, Л.М.Кагановичем, маршалом А.М.Василевским, наркомом ВМФ адмиралом Н.Г.Кузнецовым, управляющим делами СНК СССР военных лет Я.Е.Чадаевым и др., попытаемся представить, какова была в действительности позиция Сталина в отношении внезапной агрессии против СССР в 1941 г. и как Сталин отреагировал на первые крупные поражения и неудачи советских войск?

Весной и в начале лета 1941 г. многие данные подтверждали тот факт, что фашистская Германия форсированно готовится к походу на Восток и война стоит уже буквально у нашего порога.

С самого начала 1941 г. существенно возросли переброски немецких войск и боевой техники в районы западной границы Советского Союза. С 25 мая германское командование стало перебрасывать сюда по максимальному военному графику до 100 эшелонов в сутки.

Согласно советским разведывательным сводкам, Германия на 1 февраля 1941 г. имела у наших западных границ 66 дивизий, на 20 апреля — 84–89, а на 1 июня уже 120–122 дивизии, в том числе

14 танковых и 13 моторизованных[3]. Резко участились нарушения советской границы. Наши пограничники только с 1 января по 10 июня 1941 г. задержали 2080 нарушителей, из них было выявлено 183 германских агента. За первую половину 1941 г. германские самолеты 324 раза безнаказанно вторгались в воздушное пространство СССР, производя разведку и аэрофотосъемку. Причем в ряде случаев они пролетали над советской территорией до 100 и более километров. Однако было строжайшее указание свыше — огня по ним не открывать.

Еще 29 марта 1940 г. возглавлявший НКВД Берия с санкции Сталина направил директиву пограничным войскам западных округов, в которой говорилось: «При нарушении советско-германской границы самолетами или воздухоплавательными аппаратами огня не открывать, ограничиваясь составлением акта о нарушении государственной границы». В апреле 1940 г. подобные указания получили войска прикрытия западных военных округов, а в марте 1941 г. — Краснознаменный Балтийский флот.

Не менее поразительный факт: незадолго до войны по просьбе германской стороны на обширную территорию западной части СССР были допущены так называемые поисковые группы по розыску немецких захоронений времен Первой мировой войны. Можно легко догадаться, чем они занимались на самом деле. После капитуляции фашистской Германии на допросе фельдмаршал В.Кейтель на вопрос советского следователя, какие, по его мнению, главные заслуги немецкой разведки перед войной, ответил: «Самым положительным было то, что немецкая разведка дала полную и точную картину расположения всех советских войск перед началом военных действий во всех пограничных округах». Все более тревожные сообщения ежедневно поступали в Кремль по самым различным каналам. Приведем лишь некоторые из них за весенние месяцы 1941 г.

9 марта 1941 г. 1-е управление НКГБ СССР информировало руководство страны, что, по сведениям, полученным из Берлина, немецкий журналист Э.Цехлин сообщил нашему «источнику»: от двух генерал-фельдмаршалов ему стало известно, что «немцами решен вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года».

31 марта 1941 г. то же управление сообщило наркому обороны СССР, что, по имеющимся в НКГБ СССР данным, «начиная с декабря 1940 г. до настоящего времени отмечается усиленное продвижение немецких войск к нашей границе». Далее в сообщении, состоящем из 21 пункта, подробно излагались полученные сведения о количестве дислокации и перемещении немецких воинских частей к границе СССР.

10 апреля 1941 г. были получены и доложены Сталину и Молотову агентурные данные о содержании беседы Гитлера с югославским принцем, в которой Гитлер заявил, что он решил начать военные действия против СССР в конце июня 1941 г.

30 апреля 1941 г. 1-м управлением НКГБ СССР было получено следующее сообщение из Берлина:

«Источник "Старшина", работающий в штабе германской авиации, сообщает, что по сведениям, полученным от офицера связи, между германским министерством иностранных дел и штабом германской авиации Грегора вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решен окончательно и начало его следует ожидать со дня на день».

Как это ни удивительно, но предупреждение о готовящейся агрессии поступило даже от германского посла в СССР Ф.Шуленбурга.

А.И.Микоян рассказывал автору этих строк:

«Когда незадолго до войны в Москву из Берлина на несколько дней приехал наш посол Деканозов, германский посол Ф.Шуленбург пригласил его на обед в посольство. На обеде кроме них присутствовали лично преданный Шуленбургу советник посольства Хильгер и переводчик МИДа Павлов. Во время обеда, обращаясь к Деканозову, Шуленбург сказал: "Господин посол, может этого еще не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь Вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение начать войну против СССР 22 июня. Вы спросите, почему я это делаю? — продолжал Шуленбург. — Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией"».

«Обед был на этом свернут и Деканозов поспешил к Молотову. В этот же день Сталин собрал членов Политбюро, и, рассказав нам о сообщении Шуленбурга, заявил: "Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов". Таким образом, без какого-либо внимания было оставлено Сталиным и это весьма необычное предупреждение», — заключил Микоян.

Более того, 14 июня 1941 г. в советских газетах было опубликовано сообщение ТАСС, в котором опровергались появившиеся в западной печати слухи о предстоящей войне и утверждалось, что «Германия так же неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз», ввиду чего, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы».

Сообщение ТАСС неправильно ориентировало советских людей, притупляло бдительность наших войск, породив уверенность, что правительство располагает какими-то данными, позволяющими ему оставаться спокойным в отношении безопасности западных границ СССР.

В соответствии со строжайшими указаниями Сталина всякая инициатива со стороны командующих округами и армиями по приведению в боевую готовность войск прикрытия стала немедленно пресекаться руководством Наркомата обороны СССР и Генераль-

ного штаба. Характерной в этом отношении является телеграмма, направленная 10 июня 1941 г. начальником генштаба генералом армии Г.К.Жуковым в адрес командующего Киевским особым военным округом (КОВО) генерал-полковника М.П.Кирпоноса, отменяющая приказ занять предполье.

Выступая 13 августа 1966 г. в редакции «Военно-исторического журнала», Г.К.Жуков говорил по этому поводу: «Сталин узнал, что Киевский округ начал развертывание армии по звонку Тимошенко... Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал, вот, мол, военные не выполняют, провоцируют... занимают боевые порядки... Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует взбучку. Этот удар спустился до меня: "Что вы смотрите? Немедленно отвести войска, назвать виновных..." Ну и пошло. А уж другие командующие не рискнули. "Давайте приказ", – говорили они. А кто приказ даст? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: "развернуть". Сталину докладывают. На каком основании? "...Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал..."»

За десять дней до фашистского нападения всем командующим приграничными округами было приказано «во избежание могущих быть провокаций запретить полеты нашей авиации в 10-км пограничной полосе».

Чем можно объяснить такую позицию Сталина, который упрямо игнорировал любую информацию о реальной военной угрозе, нависшей над страной?

Как свидетельствовал Микоян, говорить со Сталиным «весной и особенно в начале лета 1941 г. о том, что Германия в любой день может напасть на СССР, было делом абсолютно бесполезным. Сталин уверовал в то, что война с немцами может начаться где-то в конце 1942 г. или в середине его, т.е. после того, как Гитлер поставит Англию на колени. Воевать же на два фронта, по его мнению, фюрер никогда не решится. "А к этому времени мы успешно выполним третью пятилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть нос", – уверенно заключал Сталин»[4].

Стремясь всячески оттянуть военное столкновение с нацистской Германией, Сталин опасался дать Гитлеру повод для нападения и поэтому медлил с осуществлением самых неотложных мер по приведению советских войск в состояние полной боевой готовности, хотя агрессор для «обоснования» своего вооруженного вторжения мог найти, сфабриковать любой предлог или вообще обойтись без него.

Были ли тем не менее со стороны политических деятелей, дипломатов, руководителей советской военной разведки, Наркомата обороны и Генерального штаба попытки убедить Сталина, что фашистское нападение может произойти в самое ближайшее время?

19 февраля 1967 г. на встрече с коллективом Института истории АН СССР Маршал Советского Союза С.К.Тимошенко, который был с мая 1940 г. наркомом обороны СССР, вспоминал:

«В июне 1941 г., за несколько дней до фашистского нападения, когда сообщения по разным каналам о готовящейся агрессии против СССР стали очень тревожными, мне удалось добиться у Сталина согласия принять меня вместе с начальником Генштаба генералом армии Г.К.Жуковым. Обычно "хозяин", хорошо знавший мой прямой характер, предпочитал принимать меня с глазу на глаз. Мы вручили Сталину большую пачку последних донесений наших военных разведчиков, дипломатов, немецких друзей-антифашистов и др., убедительно свидетельствовавших о том, что каждый день следует ожидать разрыва Гитлером пакта о ненападении и вторжения врага на советскую землю.

Прохаживаясь мимо нас, Сталин бегло пролистал полученные материалы, а затем небрежно бросил их на стол со словами: "А у меня есть другие документы". И показал пачку бумаг, по содержанию почти идентичных нашим, но испещренных резолюциями начальника военной разведки генерал-лейтенанта Ф.И.Голикова. Зная мнение Сталина, что в ближайшие месяцы войны не будет и стремясь угодить ему, Голиков начисто отметал правдивость и достоверность всех этих донесений...

Так, – заключил Тимошенко, – ничем и закончился наш визит к Сталину»[5].

Без какого-либо внимания Сталин оставил также многочисленную разведывательную информацию, поступившую в самый канун войны из Берлина, Бухареста, Софии, Лондона, Стокгольма, Токио...

Очень важные сведения были получены органами госбезопасности СССР от двух наших разведывательных групп из Берлина вечером 16 июня 1941 г. Срочным спецсообщением 17 июня они были направлены наркомом госбезопасности В.Н.Меркуловым Сталину и Молотову. В нем говорилось:

> *«Совершенно секретно.*
>
> *"Источник", работающий в штабе германской авиации сообщает: ...Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время... В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия».*

Одновременно с этим советским разведчикам удалось узнать содержание приказа по германской авиации, в котором ставились задачи по бомбардировке наших городов, портов и аэродромов в начале войны. Один из них присутствовал на совещании представителей военно-промышленных кругов, которое проводил в Дрездене министр Розенберг. Согласно поступившему сообщению, Розенберг заявил, что «Советский Союз должен быть стерт с лица земли».

Приняв наркома госбезопасности и начальника разведки наркомата, Сталин назидательным тоном заявил, что «нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить», и потребовал все уточнить, еще раз перепроверить и доложить.

Буквально до самого начала войны Сталин оставался глухим ко всем тревожным сообщениям. Даже за один день до начала войны его реакция на весьма тревожные разведсообщения оставалась отрицательной. Так, на срочном донесении советского атташе в петеновской Франции генерала И.С.Суслопарова, сообщившего, что нападение на Советский Союз состоится 22 июня, Сталин наложил следующую резолюцию: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор провокации, и накажите его».

То, что позиция Сталина оставалась до последнего момента неизменной, подтверждает и следующая выдержка из докладной записки, которую Берия направил Сталину в тот же день, 21 июня 1941 г.:

> *«...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра...*
>
> *То же радировал и генерал-майор В.И.Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией...*
>
> *Начальник радиоуправления, где еще недавно действовала банда Берзина*, генерал-лейтенант Ф.И.Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной госгранице... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!»*

Определенную роль в уверенности Сталина, что вооруженное противоборство СССР и Германии не начнется в 1941 г., сыграла и немецкая дезинформация. Она развернулась еще летом 1940 г. и особенно усилилась после подписания Гитлером 18 декабря того же года директивы № 21 (план «Барбаросса»), где прямо подчеркивалось, что «решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения о ненападении не были распознаны». 15 февраля 1941 г, была издана директива начальника штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКБ) генерал-фельдмаршала В.Кейтеля по дезинформации

---

* Я.Е.Берзин – в 1924–1935 гг. и в июле–ноябре 1937 г. начальник Разведывательного управления РККА. В 1938 г. репрессирован.

и маскировке всех мероприятий, связанных с подготовкой «Восточного похода». Этой директивой и серией других официальных немецких документов предусматривалось представить сосредоточение войск вермахта на Востоке или как чисто оборонительное мероприятие, или как отвлекающий маневр для последующего вторжения в Англию, или, наконец, для проведения других операций (на Балканах, в Северной Африке), но никак не против СССР. Поскольку сохранить в тайне все военные агрессивные приготовления в районах советско-германской границы было чрезвычайно сложно, в кампанию по дезинформации и обеспечению внезапности блицкрига с мая 1941 г. активно подключилось ведомство пропаганды Геббельса. Главный замысел Геббельса состоял в том, чтобы убедить общественное мнение и «успокоить СССР»: все германские приготовления якобы связаны с предстоящим вторжением на Британские острова.

О том, как развивалась эта акция, хорошо свидетельствует ряд записей из его дневника:

«25 мая 1941 г. (воскресенье)

...Что касается России, то нам удалось натянуть пелену всевозможных слухов. Большое количество газетных уток мешают заграницe понять, где правда, где ложь».

«31 мая 1941 г. (суббота)

...Подготовка операции "Барбаросса" идет полным ходом. Теперь начинается первая волна дезинформации. Задействуется весь государственный и военный аппарат... Широкое использование английских радиопередач, инструктаж пропаганды для Англии и т.д. Можно рассчитывать, что обман удастся».

«11 июня 1941 г. (среда)

Свою статью о вторжении я делаю совместно с ОКБ и с согласия фюрера. Тема: "Крит как образец". Намек будет довольно ясным. Она должна появиться в газете "Фёлькишер беобахтер" и затем будет конфискована, Лондон узнает об этом через 24 часа через посольство США. В этом смысл затеи. Все должно служить тому, чтобы замаскировать наши действия на Востоке».

«14 июня 1941 г. (суббота)

Вчера мое сочинение появилось в "Фёлькишер беобахтер" и действует подобно бомбе. Ночью газету конфисковывают. И теперь гремят телефоны. О случившемся становится известно внутри страны и за границей. Все идет безупречно... Произошла великая сенсация. Английское радио уже заявляет, что наш поход против России является блефом...»

«15 июня 1941 г. (воскресенье)

Наша игра полностью удалась. В США ушла только одна телеграмма, но этого достаточно, чтобы афера стала известна всему миру. Из подслушанных телефонных разговоров иностранных журналистов следует, что все попались на удочку...»

В течение оставшихся нескольких дней до 22 июня нацистская пропаганда не ослабляла своих усилий по дезинформации советского руководства. Так, по указанию Геббельса, был распространен слух о заключении в скором времени мира с Москвой, для чего ожидается прибытие в Берлин «советского вождя».

По всей вероятности, Сталин был проинформирован и об этом. Но поскольку Гитлер несколько раз переносил сроки нападения (март-апрель, май-июнь), — это только усиливало недоверие Сталина к поступавшим донесениям и убеждало его в правоте собственного прогноза — в 1941 г. Германия не решится начать войну против нас. В известной мере достигли поставленной цели усилия германской пропаганды и спецслужб создать у советского руководства представление, будто на территории Польши и Восточной Пруссии осуществляется боевая подготовка и отдых частей вермахта перед вторжением на Британские острова.

Только в ночь на 22 июня под давлением новых угрожающих сведений Сталин, наконец, разрешил наркому обороны СССР дать в округа «на всякий случай» директиву о возможном внезапном нападении немцев 22–23 июня и о приведении всех частей в полную боевую готовность, не поддаваясь при этом «...ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения». Но было уже слишком поздно: непосредственно в войска директива поступила фактически уже после вражеского вторжения на советскую территорию.

По этому поводу нарком и главком ВМФ военных лет адмирал Н.Г.Кузнецов в одной из бесед с автором настоящей книги (6 августа 1971 г.) заметил: «Отдавая приказание Тимошенко, Жукову, Тюленеву и другим о готовящемся нападении немцев, Сталин по-прежнему больше всех верил себе. А "прозорливость" вождя подсказывала ему, что пока Гитлер не посмеет начать войну. Это и привело к тому, что указания Сталина, данные вечером 21 июня, не были решительными, категоричными, требующими принятия экстренных мер по повышению готовности войск... ...А как много можно было бы сделать, — продолжал Н.Г.Кузнецов, — даже в эти оставшиеся последние предвоенные часы, если бы хоть бы в субботу (т.е. 21 июня. — *Г.К.*) все было поставлено на ноги. Конечно, целиком наверстать упущенное время было уже невозможно. Однако лишить противника тактической и оперативной внезапности еще времени хватало. Вызванные по ВЧ командующие приграничных округов могли еще за оставшиеся 10–12 часов не только привести в полную готовность такие

части, как авиация, находящаяся на аэродромах, или зенитные средства ПВО, но и привести в движение все остальные части. Медленная передача указаний не поспела к началу войны только потому, что этого и не требовало правительство, или, точнее говоря, Сталин, все еще сильно сомневавшийся, будет ли фашистское нападение»[6].

Таким образом, в результате грубейшего просчета Сталина в оценке возможного срока нападения врага, гитлеровская агрессия была совершена внезапно, что имело далеко идущие последствия, поставив еще не развернутые войска Красной Армии в исключительно тяжелое положение. Подавляющее большинство частей и соединений не успели даже поднять по боевой тревоге. К уже приведенным данным укажем и на тот факт, что только в первые часы войны в результате неожиданного удара германских ВВС советская авиация потеряла 890 самолетов (из них 668 — на земле). К вечеру 22 июня наша авиация (по немецким данным) лишилась уже 1811 самолетов (из них 1489 — на земле). «Люфтваффе» этот день обошелся в 35 сбитых и около 100 поврежденных машин. В итоге противник не только захватил стратегическую инициативу, но сразу же получил и ощутимый перевес в воздухе, что в тех условиях имело чрезвычайно важное значение.

Поразительная самоуверенность Сталина, что в 1941 г. войны не будет, особенно отрицательно проявилась в том, что, по словам маршала Г.К.Жукова, «для нас оказалась неожиданной мощь немецкой армии, для нас оказалось неожиданностью их (немцев. — *Г.К.*) шестикратное и восьмикратное превосходство в силах на решающих направлениях; для нас оказались неожиданностью и масштабы сосредоточения их войск, и сила их удара».

Разумеется, противник был весьма удовлетворен столь ошеломляющим успехом. 22 июня 1941 г. начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф.Гальдер записал в своем дневнике: «... Все армии, кроме 11-й... перешли в наступление согласно плану. Наступление наших войск, по-видимому, явилось для противника полной тактической неожиданностью... О полной неожиданности нашего наступления для противника свидетельствует тот факт, что части были захвачены врасплох на казарменном расположении, самолеты стояли на аэродромах, покрытые брезентом, а передовые части, внезапно атакованные нашими войсками, запрашивали командование о том, что им делать... Можно ожидать еще большего влияния элемента внезапности на дальнейший ход событий...»[7]

В этот же день командующий 2-й немецкой танковой группы генерал Г.Гудериан сделал следующую запись в дневнике: «Внезапность нападения была достигнута на всем фронте танковой группы».

«Когда на рассвете 22 июня война все-таки разразилась, — свидетельствовал Микоян, — мы, члены Политбюро ЦК, сразу же собрались в Кремлевском кабинете Сталина. Он выглядел очень подавленным,

потрясенным. "Обманул-таки подлец Риббентроп", – несколько раз повторил Сталин. Как мы ни настаивали, он наотрез отказался выступить по радио, заявив: "Мне нечего сказать народу. Пусть выступит Молотов". Пришлось с этим согласиться»[8].

Во время одной из бесед с В.М.Молотовым 13 июня 1984 г. в подмосковном дачном поселке Жуковка-2 автор книги спросил: действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни войны?

«А как вы думаете, – ответил он. – Ведь Сталин был живой человек, и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка»[9].

Приведем еще одно небольшое свидетельство. Вот что вспоминал бывший управляющий делами Совнаркома СССР военных лет Я.Е.Чадаев: «Утром 22 июня 1941 г. я мельком видел Сталина в коридоре. Он прибыл на работу после кратковременного сна. Вид у него был усталый, утомленный... Его рябое лицо осунулось. В нем явно проглядывалось подавленное настроение от сознания постигшей неудачи»[10].

Подобную характеристику общего состояния Сталина в первый день войны довелось услышать также от маршалов С.К.Тимошенко, Г.К.Жукова и даже от Л.М.Кагановича, правда добавившего, что «растерянность у Сталина быстро прошла...»[11]

Основания для сильного потрясения у Сталина, конечно, были, и были немалые. Он в целом достаточно хорошо знал о степени боеготовности наших войск и, видимо, неплохо представлял себе, к каким трагическим последствиям приведет страну внезапность вражеского нападения.

Вооруженные Силы страны с 23 июня 1941 г. возглавила Ставка Главного командования под председательством наркома обороны Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко. Однако в условиях режима личной власти Сталина Тимошенко фактически ничего не мог решать без санкции вождя. С 10 июля председателем Ставки, переименованной в Ставку Верховного Главнокомандования, стал Сталин. Придя в себя после некоторой растерянности и апатии, Сталин занял также пост председателя Государственного Комитета Обороны – нового чрезвычайного органа военного времени, а вскоре и должность наркома обороны.

«В начале войны со Сталиным было очень и очень трудно работать, – вспоминал маршал Г.К.Жуков. – Он прежде всего тогда плохо разбирался в способах, методике и формах ведения современной войны, тем более с таким опытным и сильным врагом...» По словам Жукова, Сталин «командовал всем, он дирижировал, его слово было окончательным и обжалованию не подлежало».

Об этом свидетельствовал и другой советский полководец – маршал А.М.Василевский. «На первых порах войны, – говорил о Сталине Василевский, – он явно переоценивал свои силы и знания в руковод-

стве войной, основные вопросы крайне сложной фронтовой обстановки пытался решать единолично, что нередко приводило к еще большему осложнению обстановки и тяжелым потерям...»

Конечно, очень трудно определить границы между тем, что Сталин удачно делал ради общих интересов защиты Советской страны, и тем, что диктовалось его упрямством, непомерными амбициями и жаждой не только сохранения, но и дальнейшего расширения и укрепления своей и без того необъятной власти. Ему и в те первые, чрезвычайно тяжелые дни и месяцы войны повсюду мерещились заговорщики, трусы, предатели, «пятая колонна», и он жестоко расправлялся, как правило, с мнимыми «врагами народа», находя их в первую очередь среди военных.

И все же, несмотря на жестокие поражения и крупные неудачи Красной Армии в летних сражениях сорок первого года, противнику не удалось тогда добиться конечной цели блицкрига... Более того, благодаря все возраставшему сопротивлению советских войск, крепнущему отпору, агрессор так и не смог в соответствии с планом захватить ряд жизненно важных центров СССР, включая Ленинград. А в разгоревшемся Смоленском сражении он оказался вынужденным топтаться на месте ровно столько времени, сколько отводилось на весь «восточный поход». 30 июля – впервые с начала Второй мировой войны – Гитлер был вынужден отдать приказ войскам перейти к обороне на главном стратегическом направлении. Тем самым операция «Барбаросса» дала первую серьезную трещину.

[1] Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 156–157. (Далее – ИРИ РАН).
[2] *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3, кн. 1. С. 60, 93.
[3] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 159.
[4] Личный архив автора.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 1. С. 25.
[8] Личный архив автора.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Там же.

ОБ УЧАСТИИ ФИНЛЯНДИИ В СОСТАВЕ ФАШИСТСКОГО БЛОКА В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА 1941–1944 гг.
(Проблема и ее изучение в СССР и современной России)

Следует сразу же подчеркнуть, что советская историография, посвященная вступлению Финляндии в войну против СССР и участию в ней на стороне фашистского блока (1941–1944 гг.), не отличалась богатством и разнообразием. Отметим хотя бы отсутствие в Советском Союзе в 40-е – 80-е годы специальных крупных исследований на данную тему. Причем вне обстоятельного внимания советских историков оказалась не только Финляндия, но и другие европейские союзники третьего рейха, официально объявившие войну Советскому Союзу: Италия, Румыния, Словакия, Венгрия, Норвегия. Явно недостаточно освещено также в военно-исторической литературе СССР участие на Восточном фронте частей и соединений из Дании (1-й батальон «Норланд»), Испании («Голубая дивизия»), Хорватии (стрелковая бригада) и др. В числе причин такого положения можно указать на тот факт, что начиная с 1941 г. главным объектом исследования в советской военно-исторической литературе о Второй мировой и Великой Отечественной войнах традиционно являлась нацистская Германия как ведущая сила фашистского блока и наиболее мощный противник антигитлеровской коалиции.

Видимо, не случайно и сама Великая Отечественная война Советского Союза (или советского народа) 1941–1945 гг. нередко именовалась в нашей литературе, да и в официальной пропаганде, как Великая Отечественная война Советского Союза *против фашистской Германии*, а не против *фашизма, или фашистского блока*, что более точно и правильно.

Подобное «игнорирование» разгромленных Красной Армией различных формирований гитлеровских союзников, которые сражались на Восточном фронте с первых дней Великой Отечественной войны, наглядно проявилось и на таком примере: 9 мая 1945 г. в СССР для участников войны была учреждена медаль, названная «За победу *над Германией* в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Относительная бедность советской историографии интересующей нас темы, очевидно, в какой-то мере связана и с бытовавшим в те годы мнением, что вряд ли целесообразно «ворошить» сравнительно недавнее прошлое советско-финляндских отношений (имея в виду «Зимнюю войну» 1939–1940 гг. и «Войну-продолжение», или «Допол-

нительную» войну 1941–1944 гг.), дабы «не омрачать» сложившиеся в послевоенный период добрососедские отношения между Советским Союзом и Финляндской республикой, скрепленные Договором 1948 г. о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи.

Такой «довод», конечно, не выдерживает серьезной критики, но факт остается фактом: исследование предыстории и истории указанных двух войн тогда в СССР не относилось к числу приоритетных и актуальных. Хотя обе темы не являлись официально запрещенными в плане научного исследования, тем не менее, их изучение не поощрялось. Помимо этого, следует учесть и то обстоятельство, что многие соответствующие важные документы об этих войнах были в СССР необоснованно закрыты для ознакомления и использования.

Недостаточное отражение в отечественной научной литературе 40-х – 80-х гг. советско-финляндской войны 1941–1944 гг., таким образом, практически исключает нашу задачу по определению основных этапов изучения в Советском Союзе данной проблемы. Поэтому мы ограничимся освещением вопроса о том, как протекал в СССР, а затем и в России процесс последовательного накопления интересующей нас литературы, опубликованных источников и какие результаты имеются на сегодня в российской историографии. Причем из-за отсутствия (как нами уже отмечалось) в СССР специальных крупных трудов об этой войне, уделим несколько большее внимание содержанию отдельных статей, а также соответствующих разделов и глав ряда книг по общим проблемам военной истории, включая историю Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Прежде всего остановимся на первых публикациях военных лет.

По нашим подсчетам (они произведены на основе различных библиографических указателей и собственных поисков) всего за 1941–1945 гг. в СССР по данной теме было опубликовано около 60 небольших по объему авторских брошюр, таких же небольших документальных сборников и сборников статей, а также материалов в центральных журналах и газетах. Публикации того времени, разумеется, не имели строго научного характера. Написанные по живым следам событий они несли на себе преимущественно призыв к активной борьбе с врагом, т.е. агитационно-пропагандистскую окраску. В качестве авторов всех этих изданий выступали партийные руководители, политработники фронтов и армий, ученые, публицисты, военнослужащие, партизаны и др.

В них содержались материалы, связанные с разоблачениями политики, планов агрессоров и их преступлениями против жителей Ленинграда, мирного населения временно оккупированных районов Карело-Финской ССР, Ленинградской и Мурманской областей[1].

По этой же тематике было издано несколько документальных сборников[2].

Определенное место в публикациях военных лет занимала популяризация подвигов бойцов и командиров Карельского и Ленинградского фронтов[3]. Причем по мере некоторого накопления материалов наблюдалось стремление авторов ряда статей к научному осмыслению опыта проведенных военных операций на Карельском перешейке. Такие статьи появились в 1944 г. в журналах Наркомата обороны СССР — «Военная мысль», «Военный вестник», «Военно-инженерный журнал», «Журнал бронетанковых механизированных войск» и в «Вестнике воздушного флота»[4].

Наконец, часть изданий, включая газетные статьи, документы и воспоминания, отражала боевую деятельность местных партизан и подпольщиков[5].

В первые послевоенные годы каких-либо значительных сдвигов в советской историографии советско-финляндской войны 1941–1944 гг. не произошло. Более того, публикации о ней по существу прекратились. Достаточно указать, что до начала 50-х гг. в СССР по истории этой войны не вышло в свет ни одной брошюры, ни одного сборника и даже ни одной газетной статьи, кроме единственной журнальной публикации в 1946 г.[6]

Хотя в указанные годы появились и первые обобщающие издания о Великой Отечественной войне и победах в ней Советских Вооруженных Сил[7], о международных отношениях и внешней политике СССР в 1939–1945 гг.[8], их авторы события советско-финляндской войны зачастую сводили к ее заключительной фазе, освещая и этот период в самом кратком виде. Таковы научно-популярные очерки А.Крутикова, С.З.Голикова, И.В.Анисимова и Г.В.Кузьмина, Ф.Д.Воробьева и В.М.Кравцова, работы Г.Л.Деборина, Н.Ф.Ивашина, Ф.И.Кожевникова и др. Мало что внесла в историографию проблемы изданная в 1955 г. коллективная книга Института истории АН СССР «Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941–1945». Она не выходила за рамки популярной и была написана в основном на материалах газет и журналов военного времени, а также опубликованной литературы.

И все же в начале и особенно во второй половине 50-х годов, когда в свете решений XX съезда КПСС советских историков допустили к большему кругу архивных документов и более критическим и обстоятельным стал их анализ прошлого, возобновилась публикация научных статей по интересующей нас тематике в сборниках и журналах. До конца 60-х годов вышло в свет более 10 таких научных статей[9].

Кроме того, читатель получил несколько небольших научно-популярных работ локального и военно-оперативного характера[10], две монографии по истории международных отношений и дипломатии 1939–1945 гг., содержащие краткие факты об участии Финляндии в фашистской агрессии против СССР и о ее выходе из войны[11], а также

четыре мемуарных книги партизан Карелии[12], воспоминания видного советского военачальника, бывшего командующего войсками Волховского и Карельского фронтов Маршала Советского Союза К.А.Мерецкого[13] и ряд других изданий.

Из упомянутых нами научно-популярных работ выделяется книга кандидата исторических наук, капитана 2-го ранга А.Н.Мушникова, в которой рассказывается об участии кораблей, авиации и береговой артиллерии Краснознаменного Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий в Выборгской и Свирско-Петрозаводской наступательных операций, в ходе которых воины Ленинградского и Карельского фронтов, разгромив противника под Ленинградом, освободили Выборг и Петрозаводск.

По сравнению со всеми предшествующими этой книге публикациями здесь впервые с такой подробностью была раскрыта обстановка перед началом операций, дислокация противоборствующих вооруженных сил и сам ход операций, предрешивших выход Финляндии из войны.

Одним из недостатков работы А.Н.Мушникова «В боях за Выборг и Петрозаводск» является отсутствие подстрочных примечаний, в результате чего читатели так и остались в полном неведении, какие же источники, в том числе архивные документы, привлек автор при подготовке своей книги.

В 50-е — 60-е годы появились и новые обобщающие военно-исторические труды о событиях Второй мировой и Великой Отечественной войн, где имелись небольшие разделы о советско-финляндской войне 1941–1944 гг. Речь идет о таких изданиях, как: «Важнейшие операции Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.» (М., 1956); Г.А.Деборин. «Вторая мировая война: Военно-политический очерк» (М., 1958); «Вторая мировая война, 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк» (М., 1958); «Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945.»; «Военно-исторический очерк: В 4 т.» (М., 1958); Б.С.Тельпуховский «Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945 гг.: Краткий очерк» (М., 1959); «Боевой путь Советских Вооруженных Сил» (М., 1960); «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т.», т. 2–4 (М., 1961–1962); «Очерки истории Карелии», т. 2, гл. VII (Петрозаводск, 1964); «Битва за Ленинград, 1941–1944 гг.» (М., 1962); «Всемирная история», т. 10 (М., 1965); «Ордена Ленина Ленинградский военный округ: Исторический очерк» (М., 1968) и др.

Среди этих трудов, прежде всего заслуживает внимания коллективное исследование о важнейших операциях Великой Отечественной войны, подготовленное авторским коллективом преподавателей военных академий, офицеров и генералов Советской Армии под общей редакцией доктора исторических наук полковника П.А.Жилина. При

его подготовке авторы широко использовали архивные документы и материалы, что позволило им детальнее, чем в работах прошлых лет, рассмотреть боевые действия Красной Армии на фронтах войны, в том числе на северо-западном направлении, и не только против германских, но и финских войск. Выделяется в этом отношении раздел «Победа советских войск в Карелии (Четвертый удар)», где освещаются события 1944 г. В нем подчеркивается, какое серьезное значение придавало Финляндии немецко-фашистское командование в своих планах стратегической обороны на 1944 г. и как тщательно в течение почти трех лет создавались на Карельском перешейке и в Карелии сильные укрепления.

Значительное внимание авторы уделили описанию трех мощных полос обороны на Карельском перешейке и находившимся там частям финских вооруженных сил. Всего советским войскам правого крыла Ленинградского и левого крыла Карельского фронтов противостояло 14 пехотных, одна танковая дивизии, четыре пехотных и один пограничный батальон, или почти две трети войск финской армии.

Более подробно, чем в названной выше работе А.Н.Мушникова, здесь раскрыты особенности замысла советского командования по проведению Выборгской и Свирско-Петрозаводской наступательных операций, а также сам ход и значение этих операций.

К сожалению, и в этом труде отсутствовали необходимые ссылки на использованные документальные источники и литературу. В интересующих нас разделах недоставало конкретного освещения военно-политических вопросов, связанных как с вовлечением Финляндии в фашистский агрессивный блок, так и с выходом ее из войны.

В этом отношении шаг вперед был сделан в военно-историческом очерке «Вторая мировая война, 1939–1945 гг.», написанном группой военных историков во главе с генерал-лейтенантом С.П.Платоновым. В разделах «Создание блока европейских государств для ведения войны против СССР», «Планирование войны фашистской Германии против СССР», «Состояние вооруженных сил фашистской Германии и ее союзников перед началом войны против СССР» (глава 3), хотя и в сжатой форме, показано, как руководством третьего рейха осуществлялась вербовка союзников для участия в нападении на Советский Союз. При этом Гитлер широко использовал такие приемы и методы, как: интриги, ложная информация, задабривания, разного рода обещания и т.п. Он учитывал и антисоветские настроения правящих кругов ряда европейских государств, особенно граничивших с СССР.

Так, успешному вовлечению Финляндии в число сообщников фашистской Германии, говорится в книге, способствовало то обстоятельство, что тогдашние антисоветски настроенные правящие круги этой страны после «Зимней» войны 1939–1940 гг. продолжали вынашивать реваншистские замыслы против своего восточного соседа. «Нарушив

условия советско-финского мирного договора 1940 г., — пишут далее авторы, — в одном из пунктов которого значилось обязательство Финляндии не участвовать во враждебных СССР коалициях, финские правящие круги, помимо воли финского народа, превратили страну в союзника фашистской Германии в деле подготовки и развязывания войны против СССР»[14].

В труде приводятся ряд примеров последовательного сближения в течение 1940 г. высшей финляндской военно-правительственной группы с правителями фашистской Германии, в итоге которого было достигнуто соглашение о совместной подготовке и проведении агрессии против Советского государства. Это было закреплено в подписанной Гитлером 18 декабря основной директиве (№ 21) «плана Барбаросса» и в процессе дальнейших переговоров, проводившихся в первой половине 1941 г. Финляндия, в частности, должна была прикрывать развертывание северной группы войск вермахта, выдвигавшейся из Норвегии, и отвечать за захват полуострова Ханко.

Авторы справедливо отметили, что «финские правящие круги претендовали на самостоятельную роль в войне против СССР и избегали заключения каких-либо договоров и соглашений, которые могли бы поставить Финляндию в оформленную законом зависимость от фашистской Германии. Однако такая формальная независимость была лишь иллюзией правящих кругов Финляндии»[15].

Вопросу о выходе Финляндской республики и ее вооруженных сил из войны в данной книге посвящен один из разделов 13-й главы, который назван «Поражение финских войск летом 1944 года и вывод Финляндии из войны на стороне Германии (10 июня — 9 августа 1944)», Хотя в нем уделено внимание не только описанию заключительных советско-финских сражений, но и некоторым дипломатическим вопросам, авторы, к сожалению, сообщили в этом плане мало нового по сравнению, например, с упомянутой выше коллективной монографией «Очерки истории Великой Отечественной войны, 1941–1945», где впервые в специальном параграфе были затронуты внешнеполитические отношения между Советским Союзом и Финляндией в указанный период.

Можно было надеяться, что история советско-финляндской войны получит более обстоятельное раскрытие в шеститомном фундаментальном труде «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945», который стал готовиться в СССР в конце 50-х — начале 60-х годов по решению ЦК КПСС, принятому в сентябре 1957 г. Однако это не получилось. В опубликованных в 1960–1965 гг. шести томах издания события, связанные с рассматриваемой нами темой, оказались освещенными весьма бегло и отрывочно (хотя сам труд содержит богатейший материал, особенно архивные документы). В указанном недочете нетрудно убедиться, ознакомившись хотя бы по указателю географических названий и предметному указателю с

содержанием страниц, посвященных Финляндии и финской армии. Их наберется всего несколько десятков, представляющих для нас интерес, тогда как каждый из томов насчитывает свыше 60–70 печатных листов, или более 600–700 страниц.

Правда, во 2-й — 4-й тома (они охватывают период с июня 1941 г. по декабрь 1944 г.) включен ряд новых для того времени фактов и документов о «Войне-продолжении». Так, во 2-м томе впервые была опубликована отданная в 7 часов 15 минут утра 22 июня 1941 г. директива Наркома обороны СССР Маршала Советского Союза С.К.Тимошенко, в которой он потребовал от войск из-за вражеского вторжения на советскую землю активных ответных ударов в районах, где была нарушена советская граница. Наряду с этим в директиве указывалось, что «*на территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать*»[16] (курсив наш. — *Г.К.*).

То есть еще сохранялась, хотя и очень призрачная, надежда, что оба эти государства воздержатся от агрессии против СССР.

Другой примечательный факт, приведенный в этом же томе. 25 июня 1941 г., говорится в нем, «военно-воздушные силы Северного фронта и авиационные части Северного и Краснознаменного Балтийского флотов одновременно атаковали 19 аэродромов Финляндии, на которых сосредоточились для действий по нашим объектам соединения немецко-фашистской и финской авиации. Произведя около 250 вылетов, советские летчики уничтожили в этот день на аэродромах много самолетов и другой боевой техники противника»[17]. (Считаем необходимым здесь заметить, что все эти весьма радужные утверждения не подтверждаются последующими изысканиями как финских, так и отечественных исследователей. И есть основание довольно критически оценить не только результаты, но и вообще последствия этой инициативы, или затеи командования ВВС Северного фронта, о чем будет сказано ниже.)

Опираясь на документы, авторы труда так объясняют участие Финляндии в гитлеровской агрессии против СССР: «Ее правители рассчитывали, что поход немецко-фашистской армии на Восток и участие в этом походе финских войск приведут к быстрому поражению Советского Союза, позволят отторгнуть прилегающую к Финляндии советскую территорию и создать так называемую "великую Финляндию". Успехи немецких войск в первые месяцы войны против СССР вскружили голову финским реакционерам. В ноябре 1941 г. Финляндия присоединилась к так называемому антикоминтерновскому пакту. Впрягшись в агрессивную колесницу германского империализма, реакционные финские правители стали его наемниками, предателями национальных интересов страны.

В ходе военных действий мощные удары Красной Армии по немецко-фашистским войскам и большие потери, которые несла финская

армия под Ленинградом и в Карелии, вызвали тревогу в лагере правящих кругов Финляндии. Исчезли надежды на быстрое окончание "восточного похода". Финляндия также оказалась перед необходимостью участвовать в затяжной воине»[18].

Из научной литературы 60-х годов по интересующей нас проблеме следует отметить два коллективных исследования о битве за Ленинград (1941–1944 гг.) и по истории Ленинградского военного округа[19].

В первой из них вопросам советско-финляндской войны 1941–1944 гг. уделено внимание в одном из разделов первой части VI-й главы («На Карельском перешейке»), но особенно подробно — в V-й главе (часть вторая), названной «Как был сметен "Карельский вал"». Но и здесь подстрочные примечания на использованные источники и литературу почему-то отсутствуют.

В этом плане выгодно отличаются исторический очерк о Ленинградском военном округе. В двух главах — «Так началась битва за Ленинград» и «Фронт штурмует Карельский вал», опираясь на широкий круг источников, авторы сумели дополнить историографию темы и прежде всего освещение военных событий многими интересными фактами. Историография проблемы 70-х — 80-х гг. заметно обогатилась за счет издания нескольких крупных обобщающих трудов[20], индивидуальных монографий и журнальных статей[21]. Вышел в свет также интересный сборник документов и материалов[22]. Отрадным можно считать и факт защиты в Институте всеобщей истории АН СССР в 1973 г. кандидатской диссертации Х.М.Вайну на тему «Финляндия в плане "Барбаросса"», а в 1980 г. докторскую диссертацию о проблемах обеспечения безопасности Ленинграда успешно защитил Н.И.Барышников.

Но все же серьезного прорыва в исследовании советско-финляндской войны 1941–1944 гг. не произошло. По-прежнему эта тема не стала предметом специального монографического освещения.

Среди литературы 70-х — 80-х годов необходимо в первую очередь назвать двенадцатитомную «Историю второй мировой войны, 1939–1945». При всем несомненном достоинстве этого капитального труда, созданного большим коллективом ученых четырех научных учреждений, события интересующей нас темы не нашли в нем достойного отражения.

И тем не менее литература 70-х — 80-х гг. от публикаций предшествующих лет в качественном отношении отличается в лучшую сторону. Это в первую очередь связано с публикацией двумя изданиями книги Н.И.Барышникова, В.Н.Барышникова и В.Г.Федорова (соавтор 2-го издания) «Финляндия во второй мировой войне» и военно-исторического очерка ученых Института военной истории Министерства обороны «Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

В коллективной работе о боевой деятельности воинов Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны авторы на богатом фактическом материале раскрыли деятельность советского командования и штабов, вопросы идеологической, воспитательной работы, героизм советских воинов, осуществление оборонительных и наступательных операций. Показан и противник со всеми его замыслами, успехами и неудачами, сильными и слабыми сторонами.

Хотя создатели книги не претендовали на исчерпывающее освещение всех вопросов, связанных с событиями на Карельском фронте, общая картина вооруженной борьбы на Севере представлена ими достаточно полно и глубоко. Другое дело – в этом труде авторы лишь коснулись некоторых внешнеполитических и дипломатических сюжетов. Но они и не ставили перед собой задачу их более полного раскрытия.

Что касается коллективного исследования «Финляндия во второй мировой войне» (авторы 2-го издания Н.И, В.Н.Барышниковы и В.Г.Федоров), то, по нашему мнению, в нем, по сравнению со всеми предыдущими публикациями, проведен наиболее содержательный и аргументированный, научный анализ целого комплекса военно-политических вопросов, связанных с вовлечением Финляндии в гитлеровскую орбиту и ее непосредственном участии в походе агрессивного блока против СССР, При этом весьма импонирует то обстоятельство, что авторы труда опираются на твердую опору – на чрезвычайно богатую и разнообразную документальную базу, включая не только отечественные, но и многочисленные финские, шведские и другие западные источники и литературу (в том числе и мемуары).

Шаг за шагом на конкретных и убедительных примерах авторы труда проследили цепь последовательных действий узкого круга тогдашних правителей страны по всестороннему сближению Финляндии с фашистским рейхом, что привело их к тесному военному союзу.

В книге «Финляндия во второй мировой воине» приведено заявление, которое сделал в середине июня 1941 г. премьер-министр Финляндии Р.Рюти, выступая перед участниками созванного им секретного совещания: «Если Советский Союз в течение шести дней не совершит нападение, то это сделаем мы»[23].

Что касается российской историографии интересующей нас темы, то в течение 90-х гг. XX в. до начала XXI в. литература по предыстории и истории советско-финляндской войны 1941–1944 гг. пополнилась серией трудов научного и научно-популярного характера[24], документальных и мемуарных публикаций[25], а также научных статей[26]. Положительную роль здесь сыграло расширение гласности, упразднение цензуры и более широкий доступ исследователей к архивным документам. Правда, часть авторов расценила эти изменения как вседозволенность, вольное обращение с документами и «свободное», безответственное очернение прошлого.

В четырехтомном коллективном издании «Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки» несколько больше, чем в упомянутых нами ранее многотомных исследованиях о войне, отражено участие Финляндии в гитлеровской агрессии против СССР. Так, в главах 1-го тома («Кто готовил нападение», «Нашествие» и «Первые сбои "Барбаросса"») на конкретных примерах показан процесс втягивания Финляндской республики в фашистский блок, с охотного согласия правящей верхушки, а в главе «Освобождение Карелии, Прибалтики и Заполярья» (том 3) довольно обстоятельно раскрыто, как произошел вывод Финляндии из войны.

Из всей литературы этого периода российской историографии по интересующей нас проблематике выделяются исследования Н.И. и В.Н.Барышниковых. Их монографии и статьи — поучительные примеры научных поисков, которые характеризуются объективным подходом к сложным и острым событиям и явлениям военной истории СССР (России) XX века, обстоятельным анализом рассматриваемых вопросов, постоянкой опорой на достоверные, как отечественные, так и финские и другие зарубежные факты и документы.

Последние работы обоих авторов позволяют надеяться на появление в российской историографии новых трудов, которые помогут устранить пробелы и искажения, существующие в истории советско-финляндской войны 1941–1944 гг.

Положение в Финляндии с трактовкой и освещением предыстории и истории так называемой «Войны-продолжения» обстоит по-иному. Издана масса литературы: сотни статей, брошюр, мемуарных публикаций, десятки научных и научно-популярных книг, даже многотомные труды. Причем во многих из них некоторые важные проблемы этой войны трактуются с серьезными отклонениями от исторической правды. Состоявшийся в Хельсинки 23–26 мая 2001 г. XVII финско-российский исторический симпозиум все это лишний раз подтвердил.

В задачу нашей статьи не входит рассмотрение финской историографии интересующей нас темы. Отметим лишь, что на фоне многочисленной военно-исторической литературы о событиях 1941–1944 гг., опубликованной в Финляндии, отличаются своей непредвзятостью и объективностью работы Э.Саломаа, Х.Сеппяля и с некоторыми оговорками профессоров Т.Полвинена, О.Вехвиляйнена, О.Маниннена, М.Йокипии[27].

Каковы же только некоторые наиболее характерные отступления значительной части финских историков от правдивой оценки причин, хода и исхода советско-финляндского вооруженного противоборства 1941–1944 гг.? Заодно и о том, что предпочитают при этом не учитывать и обходить молчанием некоторые наши финские коллеги?

Вкратце остановимся на этом и прокомментируем.

Начнем с правомерности утвердившегося в финской историографии названия советско-финляндской войны 1941–1944 гг. как «Войны-продолжения». Продолжения какой войны? Оказывается, «Зимней» 1939–1940 гг. (?!). Но ведь та была, по общему признанию, оборонительной, а война 1941–1944 гг. против СССР явилась войной вероломной, наступательной, с далеко идущими захватническими целями. Тайно повязанная гитлеровским планом «Барбаросса» Финляндия выступила вместе с немецкими «братьями по оружию» как агрессор. Это ясно как белый день и вряд ли нуждается в каких-то дополнительных доказательствах. Определение второй советско-финляндской войны 1941–1944 гг. как «Войны-продолжения» имеет, таким образом, явно политический смысл и совершенно не отвечает ее содержанию и характеру.

Весьма распространенным в финской историографии является тезис, что у Финляндии якобы не было иного пути, чтобы вернуть потерянные в итоге «Зимней войны» 1939–1940 гг. территории, как оказаться в составе фашистского блока, непосредственной участницей нацистской агрессии против СССР. В войну, мол, она вступила почти случайно, чуть ли не по стечению неожиданных обстоятельств, и виноват в том Советский Союз, авиация которого 25 июня 1941 г. подвергла ни с того ни с сего бомбардировке финские аэродромы и другие объекты. Именно эта «советская агрессия» будто бы и заставила тогдашнего финского президента Р.Рюти объявить с трибуны сейма, что с 26 июня страна находится в состоянии войны с СССР. Утверждается также, что Финляндия вела против Советского Союза якобы свою самостоятельную, обособленную и независимую от третьего рейха войну, не имея никаких агрессивных замыслов, и что, выйдя на старую финско-советскую границу (существовавшую до «Зимней войны»), финские войска остановились на этих рубежах, активные боевые действия прекратили, не участвовали, в частности, в бомбежках и блокаде Ленинграда и т.д. и т.п.

Но, как говорится, факты — упрямая вещь и подобные вымыслы некоторых «правдолюбцев» и «больших знатоков истории», вероятно, рассчитаны на неискушенных и доверчивых финских и зарубежных читателей, имея своей главной целью обелить подлинных виновников этой войны. Итак, обратимся к некоторым фактам и документам.

А они говорят прежде всего о том, что Финляндия оказалась в стане Гитлера не волею случая, а в результате преднамеренных действий реакционной военно-политической группировки, узурпировавшей в стране всю власть.

«Зимняя» советско-финляндская война, как известно, закончилась подписанием в Москве 12 марта 1940 г. мирного договора. Он создавал необходимые условия для восстановления политических и экономических связей и развития добрососедских отношений между СССР

и Финляндией. Обе стороны обязались взаимно воздерживаться от нападения друг на друга и не участвовать в коалициях, направленных против Советского Союза или Финляндской республики.

8 марта 1940 г. на первом заседании двух комиссий по заключению мира глава финской делегации премьер-министр Р.Рюти заявил: «Мы стремимся искренне к миру и к созданию между нашими странами прочных, основанных на взаимном доверии дружественных отношений, при существовании и под защитой которых развивались бы и процветали также к обоюдной пользе и к обоюдному благу оживленный товарообмен и экономические отношения».

Во время этой речи он также сказал: «Советский Союз, естественно, ни при каких условиях не имеет оснований опасаться какого бы то ни было нападения со стороны Финляндии»[28].

Но это были только слова. На деле же тогдашняя правящая верхушка Финляндии (куда входил и сам Рюти) и стоявшие за нею военно-политические силы не извлекли необходимых уроков из закончившейся войны и не отказались от мысли вступить в союз с каким-либо агрессором против СССР. Считая Московский мирный договор лишь передышкой, или временным перемирием, они стали готовиться к возобновлению военных действий против восточного соседа. Был незамедлительно взят курс на всестороннее сближение Финляндии с фашистским рейхом.

Уже через два дня после заключения в Москве советско-финляндского договора о мире финский министр В.Таннер заявил германскому посланнику В.Блюхеру о необходимости восстановления торговых отношений между двумя странами, и 28 марта в Берлине начались переговоры по этим вопросам.

Казалось, что же здесь предосудительного? Но дело заключалось в том, что возобновившиеся германо-финляндские экономические отношения сразу же приняли военную окраску. Немецкая сторона проявила повышенный интерес к закупке у Финляндии медной руды и особенно никеля, в котором весьма нуждалась военная промышленность третьего рейха. Охотно согласившись удовлетворить эти потребности, финские представители выразили желание получить в ответ из Германии поставки в виде оружия...

Это было началом тесного германо-финляндского военного союза, сложившегося в течение последующих месяцев 1940 г. и первой половины 1941 г. Свидетельством тому являются хотя бы такие факты, как развернувшиеся со второй половины 1940 г. широкие поставки Финляндии германского оружия, создание в стране германских военных баз, оживленный обмен военными представителями, заключение 12 сентября 1940 г. соглашения о вводе на неограниченное время немецких войск на территорию республики под видом транзита и др.

Осенью 1940 г. между генеральными штабами нацистской империи и Финляндии была достигнута договоренность о сотрудничестве в деле подготовки войны против Советского Союза, которая вскоре была одобрена политическим руководством обоих государств.

В развитие этой договоренности руководство финляндской армии в декабре 1940 г. представило командованию вермахта меморандум, в котором предлагалось использовать Финляндию в качестве плацдарма для совместных ударов по советской территории, что и нашло конкретное отражение в известной гитлеровской директиве № 21 (Операция «Барбаросса»).

«...Даже абсолютный болван не может больше отрицать того, что небольшая финская руководящая группа заключила с нацистской Германией секретное соглашение об участии Финляндии в агрессивной войне Гитлера летом 1941 года», — отмечал в 70-е гг. президент Финляндской республики Урхо Кекконен[29].

Нелишне будет отметить, что в то время президент Финляндии К.Каллио, под предлогом его болезни, был оставлен в полном неведении относительно германо-финляндских военных переговоров, хотя обсуждаемые вопросы по закону должны быть исключительно в его компетенции. Эти вопросы правящей верхушкой (туда входили, кроме премьер-министра Р.Рюти, министр иностранных дел Р.Виттинг, министр обороны генерал Р.Вальден, министр финансов и лидер социал-демократической партии В.Таннер. Находился в ней и маршал К.Маннергейм, который после «Зимней войны» обязан был, согласно Конституции, передать функции главнокомандующего вооруженными силами президенту, но не сделал этого, и др.) решались в тайне и от Финляндского сейма. (Например, Комитет иностранных дел парламента не был даже проинформирован о прибытии в страну немецких частей.)

Между тем, по финским законам ввод иностранных войск на территорию республики в мирное время требовал заключения межгосударственного соглашения на основании решения Государственного совета при согласии парламента. Тем самым налицо было грубейшее нарушение закона, подпадающее под уголовный кодекс Финляндии. Но реализация достигнутых с рейхом соглашений началась немедленно. А вскоре Финляндия с охотного согласия указанной группировки оказалась втянутой в агрессивный гитлеровский план «Барбаросса».

После того, как в ноябре 1940 г. подвергавшийся постоянной дискриминации и давлению президент К.Каллио был вынужден уйти в отставку и через несколько часов скоропостижно скончался, главой Финляндского государства в декабре того же года был избран Р.Рюти, известный своими пронацистскими взглядами.

Прогерманская ориентация Финляндии и подготовка ее к войне против Советского Союза еще более усилились. В конце 1940 г. — начале

1941 г. представители военного командования обоих государств продолжали активно обсуждать планы предстоящих боевых действий против СССР. В феврале 1941 г. в Финляндию был направлен начальник штаба германских оккупационных войск в Норвегии генерал Бушенхаген с поручением наладить личный контакт с генеральным штабом финской армии и обсудить совместные военные действия, которые предполагалось начать из северных и центральных районов Финляндии. В этих переговорах принимал участие высокопоставленный финский генерал А.Хейнрикс. 20 мая 1941 г. для встречи с Рюти в Хельсинки прибыл особый уполномоченный Гитлера посланник Ю.Шнурре. Он пригласил финскую военную делегацию в Германию для согласования дополнительных деталей совместных боевых действий. Решающие переговоры состоялись 15–28 мая 1941 г. в Зальцбурге. Германскую военную делегацию возглавляли фельдмаршал В.Кейтель и генерал А.Йодль, а финскую — генерал А.Хейнрикс. Были приняты уточненные планы операций, а также сроки мобилизации и начала наступления финской армии. Стороны договорились, что наступление вооруженных сил Финляндии начнется на ленинградском направлении *не сразу*, а будет скоординировано в зависимости от продвижения на Ленинград немецкой группы армий «Север» (курсив наш. — *Г.К.*).

Приведем и такие данные. На германо-финских переговорах в Хельсинки 4–5 июня финская сторона согласилась передать в подчинении немецкого командования две дивизии, а также предоставить в распоряжение германских ВВС аэродромы в районах Хельсинки, Кеми и Южной Финляндии. 6 июня в г. Киле финская военно-морская делегация договорилась с представителями германских ВМС о совместном минировании Финского залива и базировании немецких боевых судов в нескольких портах Финляндии.

И все-таки у правящей группировке Рюти–Маннергейма не было твердой уверенности, что финский парламент и общественность страны поддержат участие Финляндии в «братстве по оружию» с Гитлером. Она лихорадочно искала повод для выступления против СССР, обоснования подготовки германо-финской агрессии. Не без ее активного содействия в стране распространялись слухи, будто Советский Союз постоянно оказывает на Финляндию чрезвычайно сильное давление, проявляя стремление к ликвидации государства путем новой войны. А в самый канун нападения фашистской Германии на СССР в Берлин через гитлеровского представителя генерала В.Эрфурта была передана просьба Маннергейма о том, чтобы наступление главных финских сил можно было бы начать через два-три дня после генерального наступления вермахта. По мнению Эрфурта, «финны хотели создать у народа и депутатов сейма такое впечатление, будто бы ход событий захватил и повлек их за собой». Германская сторона благосклонно ответила, что пожелание финнов будет учтено.

1 июня 1941 г. в Финляндии началась частичная, а 9 июня всеобщая мобилизация, которая полностью завершилась 15 июня. Был отдан приказ о выдвижении финской армии к советской границе. 21 июня вооруженные силы Финляндии были приведены в полную боевую готовность.

Оставалось только найти предлог для объявления войны Советскому Союзу и оправдания этих действий. И он, наконец, представился.

25 июня ВВС Северного фронта и авиачасти Северного и Краснознаменного Балтийского флотов нанесли ответные удары по ряду аэродромов Финляндии и Норвегии с целью уничтожения базировавшихся там немецких самолетов, которые в первые дни войны совершали отсюда налеты на Ленинград, Кронштадт, Мурманск, Петрозаводск и другие города и военные объекты.

Хотя к этому времени телеграфно-телефонная связь с Хельсинки была финнами прервана, с советской стороны по радио попытались дать разъяснение, что воздушные атаки предприняты только против германских ВВС. (Кстати, в результате этих налетов финские ВВС потеряли только 3 самолета, а по некоторым источникам даже 2.)

Правители Финляндии по настоятельному совету германского посланника Блюхера поспешили не терять столь удобного момента и объявили страну жертвой «новой советской агрессии». 26 июня президент Рюти заявил, что Финляндия находится в состоянии войны с Советским Союзом. Это решение, одобренное уже не колеблющимися депутатами финляндского сейма, под крупными заголовками (как и о налете советской авиации) опубликовали все финские газеты. (В канун 60-летия со дня гитлеровской агрессии против СССР в Финляндии были напечатаны для продажи в качестве «документальных сувениров» копии номеров газет сорок первого года, содержащих экстренные сообщения о «вероломном советском нападении».)

В целом приходится констатировать, что упреждающие действия советской авиации были недостаточно продуманными. И в этом плане трудно было не согласиться с мнением финского прогрессивного военного историка Хельге Сеппяля, что произведенные 25 июня атаки ВВС Красной Армии только «облегчили» трудное положение тогдашних правителей Финляндии, поскольку обработка общественного мнения и финляндского парламента в нужном для них направлении была весьма сложной задачей. Можно с большим основанием утверждать, что проведенная воздушная операция (с учетом и значительных потерь советских ВВС, составивших до 25 самолетов) имела больше негативных последствий, чем позитивных,

Итак, «маннергеймовская» Финляндия 26 июня была якобы вынуждена вступить в войну против своего восточного соседа в союзе с Гитлером. Однако факты говорят о том, что эта дата не соответствует действительности, ибо на самом деле *уже 22 июня Финляндия фактиче-*

ски участвовала в нападении на Советский Союз. Еще в ночь на 21 июня под защитой финских военных кораблей германские минные заградители установили минные заграждения в Финском заливе между Финляндской республикой и Эстонской ССР. 22 июня СССР подвергся артиллерийскому обстрелу и авиационным налетам немецких самолетов, базировавшихся на шести финских аэродромах. Вечером того же дня германские самолеты, прилетевшие со стороны Финляндии, бомбили советскую базу на полуострове Ханко. Можно было бы привести немало других подобных примеров. Однако перечень только этих действий финской стороны в самом начале Великой Отечественной войны (в том число предоставление своих аэродромов самолетам «Люфтваффе» и пропуск их через воздушное пространство страны), согласно законам и нормам международного права, квалифицируется как открытая *агрессия против соседнего государства* (курсив наш. – *Г.К.*).

Был ли тогда у Финляндии (даже во имя возврата потерянных территорий) иной путь, чем оказаться в «братстве по оружию» с немецко-фашистскими захватчиками? Да, такой путь имелся.

И в этой связи приведем записанные нами два авторитетных свидетельства. Бывший в то время посланником СССР в Финляндии П.Д.Орлов рассказывал, что незадолго до фашистской агрессии против СССР он получил от Наркомата иностранных дел страны очень важное поручение. Как только Германия совершит на нас нападение, немедленно прибыть к финскому министру иностранных дел Р.Виттингу и сделать ему следующее предложение от имени Советского правительства: если Финляндия в условиях вспыхнувшей германо-советской войны будет соблюдать нейтралитет и воздержится от агрессии против нас, мы готовы сесть за стол переговоров с финской стороной относительно возвращения отошедших к Советскому Союзу территорий по итогам «Зимней войны».

Но Виттинг, по словам Орлова, поначалу даже отказался принять 22 июня 1941 г. советского посланника. А когда встреча все-таки тогда состоялась, глава финляндского МИДа никак не смог дезавуировать содержание декларации Гитлера (ее обнародовал по Берлинскому радио Геббельс, о чем сразу же сообщило финское радио), что Германия вступает в воину «вместе с нашими финскими братьями по оружию...»[30] Виттинг только попытался «разъяснить», что, мол, фюрер имел в виду защиту немцами Финляндии, а не какое-то совместное нападение.

Что касается переданного Орловым предложения относительно переговоров по территориальным вопросам при условии нейтралитета Финляндии, то Виттинг обошел его полным молчанием[31].

Когда некоторое время спустя (13 мая 1986 г.) автору настоящего текста довелось в очередной раз побывать у В.М.Молотова на государственной даче № 18 в подмосковном поселке Жуковка-2, последнему был задан вопрос об этом эпизоде. Молотов подтвердил рассказанное

Орловым, заметив при этом: СССР был крайне заинтересован в том, чтобы Финляндия не оказалась вовлеченной в войну на стороне фашистского рейха и что «тогда ведь нам еще не было известно, как крепко была задействована немцами наша северная соседка в агрессивном плане "Барбаросса"»[32]. Бывший глава советского НКИДа сообщил и о таком, правда, довольно известном факте: уже на второй день после гитлеровского нападения в Наркомат иностранных дел был вызван аккредитованный в Москве финский посланник Хюннинен, поскольку в декларации Гитлера от 22 июня прямо говорилось, что нацистский рейх вступает в войну «вместе с финскими братьями по оружию».

«Я спросил Хюннинена, — сказал Вячеслав Михайлович, — хочет ли Финляндия вступить в войну в качестве союзника фашистской Германии или нет? Хочет ли она сделать своим противников почти 200-миллионный народ, который не имеет к ней никаких серьезных претензий и не стремится каким-либо образом нарушить ее самостоятельность? Однако финский посланник уклонился от ответа»[33], — подчеркнул Молотов.

«А между тем, — продолжал он, — 22 июня Финляндия уже фактически приняла участие в нападении на нашу страну, предоставив германским войскам свою территорию, а аэродромы, морские порты, прочие военно-стратегические объекты и совершив другие вероломные агрессивные акты. Тем не менее, вплоть до августа 1941 г. мы не оставляли попыток по различным каналам зондировать возможность вывода Финляндии из войны и организации переговоров по указанным территориальным вопросам. Я напомню Вам, что первое небольшое послание И.В.Сталина Ф.Рузвельту, направленное, кажется, 4 августа 1941 г., было целиком посвящено финскому вопросу[34]. И когда стало уже совершенно ясно, что финская правящая верхушка этого делать не намерена, Сталин дал указание все наши попытки прекратить. Он заявил, что "тем самым Финляндия, грубейшим образом нарушив положения и все клятвенные обязательства Московского мирного договора, сама отказывается от возможности мирного решения территориальных проблем, и этот вопрос отныне навсегда закрывается"»[35].

«Могу еще добавить, — сказал В.М.Молотов, — что в августе и октябре 1941 г. правительство США трижды поднимало перед правителями Финляндии вопрос о прекращении ее наступательных действий на советской территории и о возможности восстановления мира между СССР и Финляндией. Ответом финской стороны была разнузданная антисоветская клевета и подтверждение своей верности Гитлеру в совместной агрессивной войне против Советского Союза»[36].

Оказавшись в составе фашистского блока, вела ли Финляндия самостоятельную, ограниченную и независимую от третьего рейха войну против СССР, как заявляли об этом представители финской правящеей группировки?

Разумеется нет. О какой «самостоятельной» и «независимой» от гитлеровской Германии войне могла идти речь, если все расчеты Рюти, Маннергейма, Рангеля, Виттинга, Вальдена, Таннера и других были целиком связаны с надеждами на победы мощных армий вермахта и закреплены в плане «Барбаросса». А разве не свидетельствует об этом даже такой частный факт, когда в самый канун фашистского нападения на СССР в северной части страны с согласия финляндских правителей в оперативное подчинение немецкой армии «Норвегия» перешел 111-й финский армейский корпус? Где же логика у отдельных финских авторов, когда, с одной стороны, заявляется, что Финляндия была вынуждена пойти на тесный военно-политический союз с Гитлером, а, с другой, она, оказывается, вела «обособленную», «ограниченную» и «независимую» от рейха войну? Такой «самостоятельный» союзник нацистскому фюреру был просто не нужен.

Что касается утверждения, что Финляндия вела якобы оборонительную войну и не преследовала каких-либо целей, то и этот тезис, провозглашенный Рюти в его упомянутой нами речи 26 июня 1941 г. и бытующий до сих пор в финской историографии, не выдерживает серьезной критики.

Председатель Комиссии по иностранным делам сейма В.Войонмаа 30 июня 1941 г. писал своему сыну, посланнику Финляндии в Швейцарии: «Финляндия — в состоянии войны против Советского Союза. Это все происходит под вывеской оборонительной войны, но теперь уже ясно, *что это – агрессивная воина... Речь идет, о полном участии в крестовом походе Германии...*»[37] (курсив наш. — *Г.К.*).

По мнению известного историка норвежца Х.П.Кросби, автора изданной еще в 1967 г. книги «Выбор Финляндии», «в начале лета 1941 г. Советский Союз не угрожал Финляндии, и мобилизацию тогда провели в целях наступления, а не обороны. Превращение финского плана обороны в план наступления произошло потому, что состоялся военный договор Финляндии и Германии, а не из-за воздушных налетов Советского Союза».

С самого начала советско-финляндской войны 1941–1944 гг. как составной части Великой Отечественной войны намерения финляндских правителей были агрессивными. Ведь речь шла о создании «Великой Финляндии» как за счет Советской Карелии, так и других территорий СССР.

В этом отношении достаточно красноречив известный приказ главнокомандующего финскими войсками маршала К.Маннергейма за № 3. (Для немецких войск он был датирован 1 июля 1941 г. за № 4.) В нем весьма откровенно излагались захватнические цели Финляндии в начавшейся войне: завоевание не принадлежащих ей земель. Маннергейм прежде всего напомнил своим солдатам, что «во время освободительной войны в 1918 году» он «сказал карелам Финляндии и

Карелии», что не вложит «меч в ножны до тех пор, пока Финляндия и Восточная Карелия не станут свободными...»

«Борцы за свободу, славные участники Зимней войны, отважные мои солдаты! — говорилось далее в приказе. — Новый день настал. Карелия поднимается, рядами идут ее батальоны. Перед нами в бурлящем потоке мировой истории сияет свобода Карелии и Великая Финляндия. Да поможет провидение, направляющее судьбы народов, финской армии исполнить обещание, данное мною народам Карелии».

Свое обращение главком закончил словами: «Солдаты! Земля, на которую вы ступите, пропитана кровью и страданиями нашего племени, священная земля. Ваши победы освободят Карелию, ваши действия принесут прекрасное будущее Финляндии»[38].

А вот что говорилось в статье «Финляндия и ее претензии на Восточную Карелию», опубликованной 13 декабря 1941 г. в американском журнале «Бюллетень международных новостей»: «...В своем приказе от 4 сентября маршал Маннергейм заявил, что старая граница на Карельском перешейке достигнута, но требуется дальнейшее продвижение. В приказе от 10 июля он повторил свой лозунг 1918 года, что не вложит меч в ножны до тех пор, пока не освободит Финляндию и Восточную Карелию и что он молится об исполнении обещания, данного им карельскому народу. Стремление Маннергейма завоевать Восточную Карелию, которая никогда не принадлежала Финляндии (хотя значительная часть ее населения, состоящая из карелов, говорит на финском диалекте и родственная финнам по происхождению), не поддерживается народом.

Бывшему министру иностранных дел и нынешнему министру торговли Таннеру пришлось приложить немало усилий, чтобы объяснить, что это было только личной точкой зрения маршала, и в своем выступлении в Выборге (отчет о котором был помешен в шведских газетах от 15 сентября) он сказал, что война якобы носит чисто... оборонительный характер»[39].

Столь же несостоятельными являются утверждения ряда финских авторов, будто войска Финляндии, начав наступление, вышли в районы старой границы и здесь остановились, что они будто бы не участвовали в блокаде Ленинграда и т.п.

Факты и документы свидетельствуют, что значительная часть захваченной ими в первые месяцы территории, не входила в состав Финляндского государства, равно как и столица Советской Карелии г. Петрозаводск, оккупированный финской армией 25 октября 1941 г. В боях за Ленинград финские войска, несмотря на отдельные оговорки, фактически участвовали, прикрывая северный фланг вражеской блокады.

Приведем еще один пример, хорошо иллюстрирующий, как некоторые финские историки, освещая военные события 1941–1944 гг., обходят «острые углы», приглаживают действия политических деяте-

лей своей страны того времени, вольно обращаясь с документами и используя при этом и метод «умолчания».

Перед нами переведенная на русский язык и опубликованная издательством «Весь мир» «Политическая история Финляндии». Не авторами являются три известных финских историка О.Юссила, С.Хентиля и Ю.Невакиви[40].

Глава «От обретения независимости до окончания Войны-продолжения 1917–1944» принадлежит перу Сеппо Хентиля. Не касаясь вопроса о том, насколько правдиво и объективно автор осветил предысторию, код и окончание «Зимней войны», которую президент Ю.К.Паасикиви все же не случайно назвал «войной Эркко», обратимся к общей оценке следующих ее разделов, интересующих нас в первую очередь. А они как раз посвящены так называемой Войне-продолжению и носят названия: «Вооруженное перемирие» (для автора, видимо, Московский мирный договор между СССР и Финляндией, заключенный 12 марта 1940 г., был тоже только «перемирием». — *Г.К.*). Затем идут разделы: «Финляндия и Германия — "соратники по борьбе"» (слова «соратники по борьбе» Хентиля взяты в кавычках, поскольку он, по-видимому, считает, что финские войска и войска вермахта не были соратниками по борьбе, т.е. по агрессии. — *Г.К.*), «Позиционная война и зондаж с целью заключения мира» и наконец, — «Победа (?!) в оборонительных боях и перемирие».

Эта часть главы не только по названиям разделов носит довольно тенденциозный характер. В ней многое поставлено с ног на голову, и она, по нашему мнению, может служить своеобразным эталоном для тех, кто «смело» берется искажать факты, придумывать «домашние небылицы» и переиначивать на свой лад исторические события.

Виновником советско-финляндской войны 1941–1944 гг. у Хентиля является не кто иной, как Советский Союз, который в лице В.М.Молотова во время его визита в Берлин в ноябре 1940 г. «просил (!) у Гитлера согласия на оккупацию Финляндии». Однако, говорится далее в главе, нацистский фюрер «недвусмысленно потребовал (!) не начинать новой войны на финляндском направлении»[41]. Опасаясь быть поглощенной своим воинственным восточным соседом, Финляндия, надо полагать, поэтому, мол, и поспешила включиться в фашистский блок.

После этой, неизвестно кем сочиненной «липы» (ссылки на источники во всей книге отсутствуют) Хентиля продолжает свой рассказ о том, как же Финляндия по воли ее «наивных» правителей вдруг оказалась в объятиях с фашистской Германией. Во всем тексте главы у автора не нашлось ни одного слова осуждения тогдашней правящей финляндской группировки, ввергнувшей страну в агрессивную, захватническую войну в союзе с Гитлером, в войну, которая продолжалась три года и стоила Финляндской республике более 200 тыс.

убитых, искалеченных и раненых и принесла с собой тяжелую экономическую разруху и другие бедствия и потери.

Между тем Хентиля предпринял попытки найти оправдания вероломным действиям Рюти и его ближайшего окружения, грубо поправшим Московский мирный договор. Автор представил это дело так, что Финляндию, мол, еще с июля 1940 г., когда Гитлер начал втайне готовить нападение на СССР, фактически просто «перетянули (?!) из сферы интересов СССР в сферу интересов Германии»[42].

Изоляция же президента К.Каллио и оставление его в полном неведении о незаконном сговоре и сделках указанной группировки с фашистским рейхом, включая тайное соглашение о вводе германских войск на территорию Финляндии, на с. 202 главы подается в такой двусмысленной и приглаженной редакции: «Даже президент Каллио, не говоря уже о других членах правительства и комиссии по иностранным делам парламента, не имели представления о происходящем». (Можно подумать: уж не сам ли президент был в этом виноват? — *Г.К.*)

Когда же в середине декабря 1940 г. Гитлер утвердил план похода на Советский Союз (операция «Барбаросса»), то, как уверяет Хентиля, финны, которым была отведена в нем какая-то чуть ли не скромная («известная») роль, о ней «сами поначалу знали очень немного»(?)[43].

Какими же наивными представляются здесь Рюти, Маннергейм и их ближайшее окружение, якобы без участия которых Финляндия оказалась задействованной в операции «Барбаросса»!

Затем следуют еще два авторских тезиса, представляющих собой, мягко говоря, плод фантазии финского историка в его стремлении обелить правящую тогда верхушку Финляндии: оказывается, высшее руководство страны решило принять участие в военном походе Гитлера против СССР только потому, что «другой возможный вариант, то есть отказ от сотрудничества, в худшем случае предусматривал превращение Финляндии в поле битвы между Германией и СССР»[44](?!).

И, наконец, якобы в начале июня 1941 г. «смелая» правящая верхушка Финляндии «решительно» сообщила Гитлеру «условия своего участия в войне: сохранение независимости». Причем Германия, мол, «должна (?!) (Рюти–Маннергейм уже диктуют Гитлеру, что он должен делать! — *Г.К.*) напасть первой, Финляндии не следовало начинать военные действия до тех пор, пока их не начнет СССР»[45].

Ныне уже обнародована целая серия веских документов, убедительно свидетельствующих о том, что основные силы финских вооруженных сил по просьбе Маннергейма получили от Гитлера небольшую отсрочку на вторжение, чтобы наряду с другими причинами иметь возможность обработать в нужном направлении общественность Финляндии и депутатов парламента. Хотя фактически Финляндия, предоставив свои аэродромы, военно-морские базы и т.п., уже 22 июня совершила прямую агрессию против СССР.

И когда Хентиля констатирует, что «25 июня русские нанесли по многочисленным объектам в Финляндии жестокие бомбовые удары, спровоцированные действиями германской авиации»[46], он и здесь предпочел умолчать, откуда эта авиация появилась и где она базировалась...

В своей книге «Финляндия как агрессор в 1941 году» финский военный историк Х.Сеппяля справедливо отмечал: «Война против СССР, к которой финны серьезно готовились и в которую вступили, окончилась поражением уже в декабре 1941-го, но продолжалась с большими жертвами еще более двух с половиной лет, в основном в угоду стратегическим целям Германии. Финляндия ведь отвечала за большой фронт и отвлекала на себя известное количество советских частей. Финны продолжали войну, пребывая в неведении, а затем и в предчувствии поражения, пока их просто-напросто не принудили к миру. Как легко начать наступательную войну, но как невероятно трудно выйти из нее! Это, надо полагать, финны теперь поняли»[47].

Мы привели все эти данные только для того, чтобы обратить внимание наших исследователей на необходимость в интересах всестороннего и объективного освещения истории Второй мировой и Великой Отечественной войн уделить должное внимание и вопросам участия в ней союзников фашистской Германии. Кроме того, наш совет некоторым отечественным и зарубежным коллегам: нельзя, если ты считаешь себя честным ученым, подчищать историю в угоду конъюнктуре, ибо существует лишь одна истина, одна историческая правда.

[1] *Ильинский Я.* Финляндская белогвардейщина на службе у Гитлера. М., 1941; Раздавим белофинскую гадину. Таллин: Управление политической пропаганды КБФ, 1941. Издано в июне 1941 г.; *Куприянов Г.* Народ Карело-Финской ССР поднялся на Великую Отечественную войну. Петрозаводск, 1941; *Он же.* Белофинские холопы Гитлера понесут возмездие. [Петрозаводск]: Карело-Фин. гиз, 1942; *Антикайнен Т.* Финский народ против войны с СССР // Коммунистический Интернационал. 1941. № 6/7; *Доом Б.* Финские холопы фашизма // Интернациональная молодежь. 1941. № 7–8; *Викторов Я.* Финские холопы Гитлера получат по заслугам // Правда. 1941. 28 июня; *Марков М.* Финский народ против войны с СССР // Там же. 6 июля; *Крастынь Я.* Финляндия под игом фашизма. М.; Л., 1942; *Ильинский Я.* Финляндия. М., 1942; *Коновалов Н.* Свидетельские показания финского генерала Сийласвуо // Известия. 1942. 15 янв.; *Куусинен О.* Финляндия без маски. М., 1943; *Куприянов Г.* Карело-финский народ в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. Б. м.: Госиздат Карело-Фин. ССР, 1943; Финские холопы Гитлера – злейшие враги Советского Союза (В помощь пропагандисту и агитатору). Л., 1944; *Долгополов М., Кофман А.* Финские изверги. М., 1944; и др.

[2] Кровью сердца: Сб. писем и документов об издевательствах и насилиях фашистских разбойников над советскими людьми во временно оккупированных районах, о разбое и грабежах, массовом истреблении советских людей и угоне их в рабство. Беломорск, 1943; Зверства немецко-фашистских захватчи-

ков: Сб. документов и рассказов очевидцев. Беломорск, 1943; Убей убийцу!: Сб. материалов об обстрелах немецкими и финскими варварами жилых кварталов и невольных объектов Ленинграда. Л., 1944; О злодеяниях и зверствах финско-фашистских захватчиков: Сб. документов. М., 1944; Чудовищные злодеяния финско-фашистских захватчиков на территории Карело-Финской ССР: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1945; и др.

[3] На Карельском фронте. Боевые эпизоды. Архангельск, 1941; *Чехов В.* Пограничники в боях за Родину. Очерки с Карельского фронта. [Петрозаводск]: Карело-Фин. гиз, 1942; *Чубук И., Андриенко К.* Гвардейцы Карельского фронта. [Петрозаводск]: Карело-Фин. гиз., 1944; Победа Красной Армии на Карельском перешейке. М., 1944; *Готовцев А.И.* Победа Красной Армии на Карельском перешейке. М., 1945; За родной Север: Очерки и статьи о наступательных боях в Карелии и Заполярье. Петрозаводск, 1945; и др.

[4] *Павленко Н.* Выборгская операция. Прорыв обороны на Карельском перешейке // Военная мысль. 1944. № 10–11; *Жарков С., Брауде З.* Система укреплений финнов на Карельском перешейке // Там же; *Мировицкий П.* Наступление стрелкового полка с самоходной артиллерией на укрепленные позиции: (Из опыта боев на Карельском перешейке) // Военный вестник. 1944. № 15; *Ильин А.* Фортификационное оборудование финнами Карельского перешейка // Военно-инженерный журнал. 1944. № 10; *Брауде З., Жирков С.* Противотанковая оборона финнов на Карельском перешейке // Журнал бронетанковых и механизированных войск. 1944. № 10; *Мелах М., Сожин Г.* Взаимодействие авиации с наземными войсками при прорыве сильно укрепленных оборонительных рубежей: (По опыту операции на Карельском перешейке) // Вестник воздушного флота. 1944. № 14; и др.

[5] *Шур М.* В Карельских лесах // Правда. 1941. 23 сент.; *Он же.* Боевые дела карело-финских партизан // Там же. 1942. 16 февр.; *Моносов И., Трофимов Ф.* Шумят карельские леса: Рассказы партизан. Архангельск, 1942; *Они же.* Карело-финские партизаны. Беломорск, 1942; *Никошенко И.* В карельских лесах: (Очерки). [Петрозаводск]: Карело-Фин. гиз, 1942; и др.

[6] См.: *Цымбал С.* Конец двадцатой лапландской // На рубеже. [Петрозаводск], 1946. № 6, 7.

[7] *Крутиков А.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1947; *Голиков С.З.* Выдающиеся победы Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1952; *Анисимов И.В., Кузьмин Г.В.* Великая Отечественная война Советского Союза. М., 1952; *Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М.* Победы Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945: (Краткий очерк). М., 1954; и др.

[8] *Крайнов П.* Международное положение СССР в годы Великой Отечественной войны и борьба за всеобщий и прочный мир. М., 1946; *Деборин Г.А.* Международные отношения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.; Л., 1948; Внешняя политика СССР и международные отношения в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. М., 1952; *Ивашин И.Ф.* Международные отношения и внешняя политика СССР в период второй мировой войны. М., 1954; *Кожевников Ф.И.* Великая Отечественная Советского Союза и некоторые вопросы международного права. М., 1954; и др.

[9] *Рудный В.* Героический Гангут // Советский воин. 1951. № 14; *Игнатьев В.* Советские летчики в боях за Карелию // Вестник воздушного флота. 1952. № 7; *Он же.* В Заполярье // Там же. 1953. № 4; *Сербин А.* Победа в Карелии // На рубеже. [Петрозаводск], 1954. № 6; *Майков Е.И.* Инженерное

обеспечение боевых действий войск в Заполярье // Инженерные войска Советской Армии в важнейших операциях Великой Отечественной войны. М., 1958; *Егоров П.* Двадцатилетие Выборгской и Свирско-Петрозаводской операций // Военно-исторический журнал. 1964. № 6; *Ингульская Л.А.* Выход Финляндии из второй мировой войны // Международные отношения. Политика. Дипломатия, XVI–XX вв.: К 80-летию И.М.Майского. М., 1964; *Минеев Н.Ф., Комаров Н.Я.* В Выборгской операции // Вестник противовоздушной обороны. 1965. № 6; и др.

[10] *Манкевич А.И.* Краснознаменная Ладожская флотилия в Великой Отечественной войне. М., 1955; *Борисов А.Д.* Освобождение Советской Карелии (1944 год). М., 1956; *Мушников А.Н.* В боях за Выборг и Петрозаводск. М., 1957; *Смирнов С.А.* Мурманская область в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Мурманск, 1959; *Кропотов И.М.* Военно-организаторская работа Мурманской партийной организации в первый период Великой Отечественной войны. Мурманск, 1958; *Яковлев Б.Н.* Подвиг освободителей. Петрозаводск, 1964; и др.

[11] *Иванов Л.Н.* Очерки международных отношений в период второй мировой войны (1939–1945 гг.). М., 1958; *Исраэлян В.Л.* Дипломатическая история Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1959.

[12] *Королев Ф.* В лесах Калевалы: Записки комиссара партизанского отряда. Вологда, 1960; *Яковлев И.С.* В лесах Карелии // Советские партизаны. М., 1961; Горят костры партизанские: Воспоминания партизан. Л., 1966; Незабываемое. Воспоминание о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1967 (2-е изд.: 1974).

[13] *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1968 (2-е изд.: 1970; 3-е изд.: 1983).

[14] Вторая мировая война, 1939–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 120–121.

[15] Там же. С. 121.

[16] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 18.

[17] Там же. С. 33.

[18] Там же. С. 392.

[19] См.: *Свидридов В.П., Якутович В.П., Василенко В.Е.* Битва за Ленинград, 1941–1944. Л., 1962; Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л., 1968 (2-е изд.: 1975; 3-е изд.: 1987).

[20] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1973–1982. Т. 1–12; История внешней политики СССР, 1917–1945 гг. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. Т. 1; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Военно-исторический очерк. М., 1984; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1985; и др.

[21] *Ингульская Л.А.* В борьбе за демократизацию Финляндии (1944–1948). М., 1972; *Похлебкин В.В.* СССР – Финляндия. М., 1975; *Барышников Н.И., Барышников В.И.* Финляндия во второй мировой войне. Л., 1985; *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во второй мировой войне. 2-е изд. М., 1989; *Сиполс В.Я.* На пути к великой Победе: Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985; *Исраэлян В.Л.* Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1985; *Федоров В.Г.* Советский Союз и Финляндия. М., 1988; *Суни Л.В.* Начало германо-финского сближения летом 1940 г. // Ученые за-

писки / Петрозаводский гос. университет им. О.В.Куусинена. Петрозаводск, 1970. Т. XVII; *Вайну Х.М.* Блокада Ленинграда и Финляндия // Тезисы докладов V-й Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М., 1971; *Куманев Г.А.* Итоги и уроки второй мировой войны: (К 40-летию выхода Финляндии из войны) // Коммунисти. [Хельсинки], 1984. № 2; и др.

[22] Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. Петрозаводск, 1975.

[23] Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Я.* Финляндия во второй мировой войне. С. 152.

[24] Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998–1999. Кн. 1–4; *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии, 1939–1941. М., 1992; *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны, 1939–1941. М., 1997; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001; *Барышников Н.И.* Блокада Ленинграда и Финляндия, 1941–1944. СПб.; Хельсинки, 2002; *Барышников В.Н.* Вступление Финляндии во Вторую мировую войну. СПб., 2003; и др.

[25] По обе стороны Карельского фронта: Документы и материалы. Петрозаводск, 1995; Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1, кн. 1–2. М., 1995; *Синицын Е.* Резидент свидетельствует. М., 1996; *Судоплатов П.* Разведка и Кремль. М., 1996; *Хрущев Н.С.* Воспоминания. М., 1997; и др.

[26] *Барышников Н.И.* О действиях войск Северного фронта в начале войны // Военная мысль. 1992. № 2; *Он же.* Всего одна нота... // Родина. 1995. № 12; *Он же.* Характерные черты современной финской историографии войны 1941–1944 годов // Правда и вымыслы о войне: проблемы историографии Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. СПб.; Пушкин, 1997; *Он же.* Маннергейм и блокада Ленинграда // Петербургские чтения, 98–99. СПб., 1999; *Он же.* О мнимой агрессии СССР против Финляндии 25 июня 1941 г. // Великая Отечественная война: правда и вымысел. СПб., 2000; *Киселев А.* Гитлер и война на севере Европы // Север. 1994. № 5–6; *Комаров А.А.* Выход Финляндии из Второй мировой войны: (по материалам Архива внешней политики России МИД России) // Северная Европа. Проблемы истории: Сборник научных трудов. М., 1995; *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997. № 5; *Барышников В.Н.* Особенности отношений между СССР и Финляндией в 1940 г. // Международные отношения на Севере Европы: История и современность. Мурманск, 1999; *Он же.* Что было известно в 1941 г. о возможности нападения Финляндии на СССР и наступлении финских войск на Ленинград // Уроки Второй мировой войны и проблемы обеспечения мира в XXI в. СПб., 2000; *Он же.* Германо-финляндское военное сотрудничество во второй половине 1940 г. // Скандинавские чтения 2000 года. СПб., 2002; и др.

[27] *Саломаа Э.* Вовлечение Финляндии во Вторую мировую войну в качестве союзницы фашистской Германии // Вторая мировая война. Общие проблемы. М., 1966. Кн. 1; *Сеппяля Х.* В кильватере Германии: Фрагменты из книги «Финляндия как агрессор в 1941 году» // Север. 1988. № 7; *Polvinen T.* Suomi kansainvalisessa, 1941–1947. I–III. Porvo-Hels-Jula, 1979–1981; *Vehviläinen O.* Itsännäät ja aseveljet — Suomalaisen hallinnon ja saksalaisen sotaväen

suhteista 1940–1944 // Historiallinen Arhisto. 1984. № 82; *Вехвиляйнен О.* Выход Финляндии из Второй мировой войны // Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков, Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г. Л., 1985; *Manninen O.* Suur-Suomen ääriviivat Kysymys tulevaisuudesta ja turvaliisuudesta Suomen Saksan politiikassa 1941. Hels., 1980; *Маниннен О.* Маршал Маннергейм и причина войны // Север. 1992. № 11–12; *Іокіріі М.* Iatkosodan synty. Hels., 1987; *Йокипии М.* Финляндия на пути к войне: Исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999; и др.

[28] Kansallisarkisto. Varanto Risto Rytin. Asia 23. Lehti 1.

[29] Цит. по: *Барышников Н.И., Барышников В.Н., Федоров В.Г.* Финляндия во второй мировой войне. С. 145.

[30] Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 148.

[31] Личный архив автора.

[32] Там же.

[33] Там же.

[34] В этом послании И.В.Сталина Ф.Рузвельту, отправленного действительно 4 августа 1941 г., говорилось: «СССР придает большое значение вопросу о нейтрализации Финляндии и отходу ее от Германии. Разрыв отношений между Англией и Финляндией и объявленная Англией блокада Финляндии уже возымели свое действие и породили конфликты в правящих кругах Финляндии. Раздаются голоса за нейтралитет Финляндии и примирение с СССР.

Если бы Правительство США сочло бы необходимым пригрозить Финляндии разрывом отношений, то Правительство Финляндии стали бы более решительным в вопросе об отходе от Германии. В этом случае Советское Правительство могло бы пойти на *некоторые территориальные уступки Финляндии* (курсив наш. – *Г.К.*) с тем, чтобы замирить последнюю и заключить с нею новый мирный договор». (Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1976. Т. 2: (август 1941 – декабрь 1945 г.) С. 5).

[35] Личный архив автора.

[36] Там же.

[37] *Войонмаа В.* Дипломатическая почта. М., 1984. С. 40.

[38] См.: Kansallisarkisto. Varanto K.Mannerheim. Asia 129. Lehti 1.

[39] Bulletin of International News. 1941. 13 dec.

[40] *Юссила О., Хентиля С., Невакиви Ю.* Политическая история Финляндии, 1809–1995. М., 1998.

[41] Там же. С. 203.

[42] Там же. С. 201.

[43] Там же. С. 203.

[44] Там же. С. 204.

[45] Там же.

[46] Там же.

[47] См.: Север. 1988. № 7. С. 82.

МОСКВА ВОЕННАЯ

22 июня 1941 г. в результате вероломного нападения фашистской Германии и ее союзников на Советский Союз началась Великая Отечественная война — самая тяжелая и кровопролитная из всех войн, когда-либо пережитых нашим народом.

Враг обрушил на СССР удар огромной силы. Армия вторжения насчитывала 190 дивизий, 5,5 млн человек, около 4300 танков и штурмовых орудий, 4980 боевых самолетов. 47200 орудий и минометов[1].

Ей противостояли силы пяти советских западных приграничных округов и трех флотов, которые почти вдвое уступали противнику в численности солдат, имели несколько меньшее количество артиллерии и превосходили врага в танках и минометах, правда большей частью устаревших образцов[2].

Немецко-фашистская армада, используя внезапность нападения, значительные преимущества в живой силе и технике, а также ряд других факторов, в первые дни и недели войны глубоко вклинилась в пределы Советского Союза.

С тяжелыми боями Красная Армия была вынуждена отступать. Однако расчеты врага на ее низкую боеспособность не оправдались. Отходя на восток, советские войска изматывали ударные группировки противника и наносили ему серьезные потери. В подтверждение тому можно было бы привести немало документальных свидетельств о стойкости пограничников многих застав, защитников Перемышля, Лиепаи, Брестской крепости, Могилева, о храбрости воинов различных видов и родов войск.

Армии фашистской Германии и ее союзников до этого нигде не встречали такого сопротивления и никогда не несли таких больших потерь.

Вот что отмечал бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г.Блюментрит:

«Первые сражения в июне 1941 года показали нам, что такое Красная Армия. Наши потери достигли 50%. Пограничники защищали старую крепость в Брест-Литовске свыше недели, сражаясь до последнего человека, несмотря на обстрел наших самых тяжелых орудий и бомбежку с воздуха. Наши войска очень скоро узнали, что значит сражаться против русских».

Массовый героизм, самопожертвование, отвага, проявленные советскими воинами в приграничных сражениях, при обороне больших и малых городов, населенных пунктов и просто безымянных высот, свидетельствовали о высоком патриотическом духе народов СССР, об их решимости, не щадя своей жизни, защищать родную землю.

Неблагоприятная обстановка и трудности, с которыми столкнулась Красная Армия при вступлении в войну, наложили отпечаток не только на начальный этап военных действий, но и на последующие месяцы. Мужественное сопротивление и стойкость наших воинов не могли пока изменить ход вооруженного противоборства. Противник располагал огромными возможностями и продолжал рваться к жизненно важным центрам страны и, прежде всего, к Москве. «Захват этого города, — отмечалось в плане "Барбаросса", подписанном Гитлером еще 18 декабря 1940 г., — означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»[3].

Документы высших командных инстанций вооруженных сил гитлеровской Германии показывают, что овладение Москвой, как стратегической цели, постоянно присутствовало в приказах и директивах войскам и в дальнейшем.

Жизнь советской столицы с самого начала фашистской агрессии стала быстро перестраиваться на военный лад. Уже в первый день войны Москва и вся территория Московского военного округа (МВО) были объявлены на военном положении. Одновременно вводилось затемнение, были приведены в боевую готовность противовоздушная оборона Москвы, также налажена деятельность местной противовоздушной обороны (МПВО), подразделения которой стали создаваться с самого начала фашистской агрессии. За короткий срок в столице удалось сформировать 12736 пожарных команд, в которых насчитывалось 205220 человек. Наряду с этим в московских районах при домоуправлениях было создано 3500 групп самозащиты. Вскоре службы МПВО были преобразованы в специальные части. К этому добавим, что по указанию МГК ВКП(б) в столице начал действовать комсомольско-молодежный полк противопожарной обороны в составе 5 тыс. человек. Только в течение лета 1941 г. он потушил 18 тыс. зажигательных бомб.

Изменила стиль своей работы, существенно повысив требовательность к кадрам, городская партийная организация, была усилена ее роль в решении наиболее важных военно-хозяйственных вопросов. Подчинялась нуждам фронта работа исполкома Моссовета и райсоветов. Новая задача встала перед профсоюзами — мобилизация рабочего класса на самоотверженный труд во имя скорейшего разгрома немец-

ко-фашистских захватчиков. Московский комсомол также подчинил всю свою деятельность задачам защиты Родины.

С первых дней войны массовый характер приняло движение за вступление добровольцами в ряды Красной Армии. Днем и ночью осаждали городской и районные военкоматы, партийные и комсомольские комитеты рабочие, служащие, студенты, люди разных возрастов и профессий. Москвичей объединяло одно стремление, одно желание — защитить Отечество, остановить и разгромить агрессора. Прежде всего в этом и проявился патриотизм жителей столицы, их готовность идти на самые тяжкие испытания ради спасения Родины.

Только за первую неделю войны 170 тыс. москвичей, в том числе 25 тыс. женщин, подали заявления о добровольном уходе на фронт[4]. Однако удовлетворялись не все просьбы о призыве в армию. Столичные предприятия тоже остро нуждались в людях, особенно в высококвалифицированных специалистах. Те же, кому Москва вручила оружие, неизменно проявляли в боях мужество и героизм, плечом к плечу с воинами кадровых частей совершали на фронте тысячи подвигов.

Москвичи, которые не подлежали призыву по возрасту, состоянию здоровья, либо вовсе не являлись военнообязанными, избрали другой путь. Воскрешая и умножая патриотические традиции своих предков, они заявляли о желании добровольно вступить в народное ополчение.

4 июля созданный 30 июня 1941 г. высший чрезвычайный орган военного времени — Государственный Комитет Обороны (ГКО), принял постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»[5]. В соответствии с ним намечалось формирование 12 дивизий народного ополчения. Штаб Московского военного округа в срочном порядке разработал их штатное расписание. В каждой дивизии предусматривалось иметь 11,6 тыс. бойцов и командиров. Снабжение ополченских дивизий продовольствием, обеспечение авто- и гужевым транспортом, полевыми кухнями осуществлялось за счет местных ресурсов и возлагалось на районные советы.

Выполнение постановления ГКО о формировании в Москве дивизий народного ополчения стало одной из важных задач деятельности партийного комитета столицы. Большую организаторскую работу в этом направлении вели секретарь ЦК, МК и МГК ВКП(б) А.С.Щербаков, секретарь МК ВКП(б) Б.Н.Черноусов, секретари райкомов партии. Они стали душой создания ополченских соединений.

К 10 июля были в основном укомплектованы 12 дивизий народного ополчения районов Москвы: 1-я — Ленинского, 2-я — Сталинского, 4-я — Куйбышевского, 5-я — Фрунзенского, 6-я — Дзержинского, 7-я — Бауманского, 8-я — Краснопресненского, 9-я — Кировского,

13-я – Ростокинского, 17-я – Москворецкого, 18-я – Ленинградского и 21-я – Киевского. Наркомат обороны СССР разрешил военному совету Московского военного округа вывезти дивизии народного ополчения на боевые позиции, создаваемые в тылу Западного фронта. Ежедневно ополченцы по 6–8 часов строили оборонительные сооружения и 4–6 часов занимались боевой подготовкой.

Несмотря на значительную удаленность от Москвы, ополченцы не утратили связей со своим городом. Отдельные предприятия, районы столицы шефствовали над своими дивизиями: присылали делегации, письма, посылки, подарки. На позиции ополченцев регулярно выезжали бригады московских театров.

Вскоре приказом Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) московские дивизии народного ополчения были реорганизованы в общевойсковые соединения, включены в состав кадровых войск Западного и Резервного фронтов и получили новые наименования. Преобразование соединений народного ополчения в стрелковые дивизии явилось знаменательным событием, утверждавшим, что ополчение представляет собой серьезный боевой резерв Красной Армии. В ходе развернувшихся позднее ожесточенных боев многие ополченцы показали себя стойкими, мужественными и умелыми воинами.

Разумеется, ГКО, МГК ВКП(б), исполком Моссовета занимались не только подготовкой резервов для фронта. В первоочередном порядке они перестраивали на военный лад сложное многоотраслевое хозяйство столицы, пересматривали плановые задания огромного количества гражданских предприятий, создавали сотни новых цехов, под их контролем командиры производства разрабатывали технологии выпуска военной продукции.

На третий день войны началась перестройка цехов Московского автозавода на выпуск продукции для фронта. Благодаря усилиям директора завода И.А.Лихачева, было налажено производство для изготовления деталей спецмашин. Затем начался выпуск отдельных узлов для артиллерийских орудий. С 1 июля завод прекратил производство автомашин ЗИС-101 и увеличил выпуск более надежных машин ЗИС-22, машин с санитарным оборудованием и полугусеничных автомобилей-вездеходов.

На заводе «Компрессор» было полностью прекращено изготовление холодильного оборудования. Коллектив предприятия приступил к производству знаменитых реактивных минометов. Высоких результатов в производстве военной техники и боеприпасов добились коллективы станкостроительных заводов имени Серго Орджоникидзе и «Красный пролетарий», ГПЗ-1 и многие другие. К осени 1941 г. выполнением фронтовых заказов было занято около 2 тыс. промышленных предприятий Москвы[6]. Доля военной продукции на московских заводах, фабриках и мастерских возросла с 23% в августе до 94% в ноябре[7].

Рабочие столицы стремились ежедневно перевыполнять производственные задания, работать за себя и товарища, ушедшего на фронт. На предприятиях развернулись движения двухсотников, трехсотников, скоростников, за совмещение профессий, за освоение смежных специальностей. Ряды рабочих пополнили тысячи жен и матерей фронтовиков, их сестер и младших братьев. Вернулись к станкам многие пенсионеры. Все они самоотверженно трудились над выполнением фронтовых заказов. Работали в три смены, нередко отдыхали прямо у станков. Поистине верно поется в популярной и любимой народом песне: «Дни и ночи у мартеновских печей не смыкала наша Родина очей».

Военная перестройка промышленности Москвы проходила в условиях эвакуации на Восток страны большого числа предприятий. Она проводилась в два этапа: с июля по октябрь перемещались в тыл отдельные заводы и фабрики, с октября по декабрь 1941 г. — крупнейшие предприятия. К концу ноября из Москвы и Московской области в восточные районы страны было перебазировано 498 предприятий союзного и союзно-республиканского подчинения, не считая предприятий республиканских и промкооперации, а также более 2 млн жителей столицы и области[8].

Невольно задумываешься о том, как после эвакуации основных поставщиков военной продукции волей и мужеством оставшихся в Москве жителей наращивалось изо дня в день, казалось бы, на пустом месте производство всего, в чем так остро нуждался фронт. И наращивали его обыкновенные люди: рабочие, техники, инженеры. На заводе имени Серго Орджоникидзе осталось всего 40 станков, 150 рабочих, 10 инженеров. Они сумели наладить в короткий срок выпуск затворов к ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Вновь ожил 2-й часовой завод — начал выпускать взрыватели к минам. Завод «Красный пролетарий» на оставшихся производственных мощностях организовал выпуск походных кухонь, боеприпасов и ремонт станков; завод «Серп и Молот» — ремонт тяжелых танков «КВ». Кустарная мастерская по производству жестяных ложек стала делать ручные гранаты...

Есть ли такая мера, такой определитель, которым можно измерить всю глубину патриотических чувств, любви к своему городу и к Родине, овладевших москвичами и нашедших конкретное выражение в самозабвенном труде? Наверное, есть. Этот определитель — наивысшая смертельная угроза над городом и страной. Суровое и героическое время без всяких скидок и оговорок, хотя тогда люди, конечно, меньше думали о подвигах. Они просто работали. Отдавали делу, которое им было поручено, все свои силы, хорошо понимая, что только героизмом на фронте и самоотверженным трудом в тылу можно остановить немецко-фашистские полчища и повернуть их вспять.

Тем временем мощная военная машина агрессора неумолимо усиливала свой натиск.

8 июля 1941 г. начальник генерального штаба германских сухопутных войск генерал Ф.Гальдер отметил в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сравнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов... Задачу уничтожения эти городов должна выполнить авиация»[9]. В специальной директиве № 33 «О дальнейшем ведении войны на Востоке» Гитлер потребовал «быстрее начать силами 2-го воздушного флота, усиленного бомбардировочной авиацией с Запада, воздушные налеты на Москву»[10].

Главное командование немецких военно-воздушных сил для уничтожения советской столицы с воздуха передислоцировало в западные и центральные районы СССР авиационную группировку этого флота. В ее составе насчитывалось 1390 боевых самолетов. Экипажи бомбардировочных эскадр были укомплектованы опытными летчиками и штурманами, которые ранее бомбили города республиканской Испании, Польши, Франции, Англии, Югославии и Греции. Они были уверены в своей быстрой победе в небе Москвы.

Перед советским государственным и военным руководством с особой остротой встала задача защиты от воздушного нападения промышленного потенциала Москвы и ее населения. 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О противовоздушной обороне г. Москвы»[11]. В соответствии с постановлением развернулась широкая программа увеличения сил и средств ПВО столицы.

Вслед за этим ГКО вынес решение о строительстве Можайской линии обороны в 120–130 км от Москвы. Возглавила строительство специальная оперативная группа под руководством заместителя председателя исполкома Моссовета М.А.Яснова. Возводили оборонительные сооружения многотысячные отряды москвичей. Ведущая роль в этой тяжелой изнурительной работе принадлежала героическим женщинам столицы. В нелегких бытовых условиях, в непогоду они трудились с рассвета до темна. Их высокий моральный дух и глубокое понимание ответственности за судьбу столицы позволили преодолеть все трудности.

В то время, когда москвичи приступили к строительству оборонительных укреплений на дальних подступах к столице, немецкое командование осуществило воздушную операцию по уничтожению города с воздуха. Эта операция явилась органической составной частью плана захвата советской столицы. Практически в ночь на 22 июля, когда был совершен на город первый массированный налет, началась воздушная битва за Москву. Ее выиграли защитники советской столицы и прежде всего войска противовоздушной обороны (ПВО), наши летчики и

личный состав МПВО*. Это стало возможным потому, что противовоздушная оборона Москвы представляла собой классический образец сильно развитой мощной системы, где идея массированного применения сил и средств была проведена с наибольшим эффектом. Подобной системы противовоздушной обороны на протяжении всей Второй мировой войны не имел ни один крупный город Европы, ни одна столица зарубежного государства.

По данным командующего войсками ПВО страны генерал-лейтенанта М.С.Громадина, только с 26 июня 1941 г. по 10 марта 1942 г. в налетах на Москву участвовало 7202 самолета противника, из которых удалось прорваться к столице 338 самолетам. За этот период средствами ПВО на подступах к Москве было уничтожено 1086 воздушных стервятников[12].

* * *

Планируя операцию «Барбаросса», немецко-фашистское руководство рассчитывало с ходу через Смоленск прорваться к столице СССР и овладеть ею. Однако войска Западного, Резервного и Брянского фронтов в тяжелых летних оборонительных боях, и в ходе Смоленского сражения, сорвали его замыслы. И хотя 16 июля Смоленск пал, ударные группировки врага были основательно измотаны. 30 июля германское командование впервые за весь предшествующий период Второй мировой войны отдало приказ группе армий «Центр» перейти к обороне. Вражеская доктрина «молниеносной войны» испытала сильнейшее потрясение. Это был первый стратегический успех наших войск. Советское руководство выиграло время для подготовки защиты столицы.

Но Гитлер не отказался от своего намерения любой ценой захватить Москву. Его ставка по-прежнему делалась на сокрушение советской обороны мощными стремительными ударами. Поэтому и сама

---

* Конечно, за годы войны определенный ущерб столице авиация противника все же смогла нанести. Так, в результате бомбардировок только за пять военных месяцев пострадали 6380 человек, было разрушено 22 промышленных объекта, 83 культурно-просветительных, учебных, научных, общественных зданий и т. д. Пострадали от вражеских налетов такие заводы Москвы, как «Серп и Молот», № 1 им. Сталина, «Борец», 1-й ГПЗ им. Л.М.Кагановича, Станколит, Краснопресненский машиностроительный и др., а среди зданий культурного и научного предназначения – Большой театр Союза ССР, театр им. Вахтангова, летний театр сада им. Баумана, Политехнический музей, цирк Шапито, МГУ им. Ломоносова, Мединститут, Институт общественного питания Наркомторга СССР. На территорию Кремля также упало несколько сотен зажигалок и 15 фугасных бомб. Одна из них пробила крышу Большого Кремлевского дворца, но, к счастью, не взорвалась.

готовившаяся операция на центральном направлении получила многозначительное название «Тайфун». Нацистский фюрер определил ее как «решающее сражение года», а значит и всего Восточного похода.

О подготовке этой операции главное командование сухопутных войск вермахта дало указание 17 сентября 1941 г. В директиве, подписанной начальником генерального штаба германских сухопутных войск Ф.Гальдером, говорилось:

«Главное командование сухопутных войск обращает внимание на то, чтобы перегруппировки войск группы армий "Центр", необходимые операции "Тайфун", оставались по возможности скрытыми от русских, в особенности передвижения моторизованных соединений в район расположения армий группы "Центр", а также перемещение главных сил авиации...»[13]

В значительной мере врагу удалось сохранить в тайне подготовку операции. К началу наступления фашистское командование сосредоточило на западном направлении более 74 дивизий, в том числе 14 танковых и 8 моторизованных, или 64% всех германских подвижных соединений, действовавших к этому времени на Восточном фронте. Этой мощной группе армий «Центр» к 30 сентября противостояли соединения трех фронтов — Западного, Резервного и Брянского, составлявшие 30% от всего состава нашей действующей армии. К тому же многие из этих соединений и частей были укомплектованы не полностью. По общим оценкам, неоднократно подтвержденным исследованиями, противник имел превосходство в живой силе в 1,4 раза, в артиллерии — в 1,8 раза, в танках — в 1,7 раза, в самолетах — в 2 раза. Это превосходство было еще более значительным на направлениях наступления основных ударных группировок врага.

Напрашивается вопрос: почему после тяжелых боев летом сорок первого года, когда враг рвался к жизненным центрам страны и захватил значительную часть ее территории, наше военное командование не сумело предугадать возможность возобновления наступления противника на московском направлении? Существует немало объяснений, имевших хождение в прошлом, с использованием таких фактов, как «выравнивание линии фронта», «отвод войск на тыловые рубежи для сохранения сил», создававших впечатление чуть ли не продуманных маневров с целью заманить врага в глубь нашей территории.

Да, такая возможность не исключалась. Принимались и соответствующие предупреждающие меры. Так, еще 10 сентября Ставка Верховного Главнокомандования направила командованию Западного фронта директиву, в которой предписывалось «перейти к обороне, прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий». 27 сентября Ставка ВГК вновь возвращается к обстановке на Западном, а также Брянском фронтах, ставит задачу перейти к жесткой и упорной обо-

роне, создать фронтовые и армейские резервы, вести систематическую разведку и повышать боеготовность войск.

Подготовка к обороне шла и на дальних рубежах. Еще в июле, как уже нами отмечалось, по решению Ставки ВГК на московском направлении началось сооружение оборонительных укреплений, включавших Вяземскую и Можайскую линии обороны и Московскую зону обороны. На строительстве оборонительных рубежей было занято 30 рабочих батальонов. Кроме того, только Москва направила на оборонительные работы 300 тыс. добровольцев. В результате их поистине самоотверженного труда общая протяженность противотанковых препятствий вокруг Москвы составила 211 км, противопехотных — около 210 км, а число железобетонных огневых точек превысило 1280. За чрезвычайно короткий срок было вынуто 2377 тыс. кубометров земли. Такого объема оборонительных работ не знала ни одна столица воевавших стран мира за весь период Второй мировой войны.

Дальнейшие события, однако, показали, что меры, предпринятые при обороне Москвы, не были достаточными и к тому же далеко не все из намеченного удалось осуществить полностью. Степень готовности тех же оборонительных рубежей не превысила к концу сентября 40%. Но наиболее тяжелые последствия были связаны с тем, что командование фронтов и Ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на поступавшие агентурные сведения, не сумели своевременно распознать намерения врага.

Операцию «Тайфун» немецко-фашистские войска начали внезапно. 30 сентября против войск левого крыла Брянского фронта была брошена 2-я танковая группа. На следующий день на Западном и Резервном фронтах перешли в наступление главные силы группы армий «Центр» и правофланговые соединения 16-й армии группы армий «Север». Сильным ударом на стыке между 30-й и 19-й армиями Западного фронта враг прорвал оборону наших войск и уже в первые дни наступления на Москву значительно продвинулся вперед, захватив Орел, Ярцево, Дорогобуж, Ельню, Спас-Деменск, Брянск и ряд других городов. 5 октября он овладел Юхновым. Дорога на Москву через Малоярославец оказалась открытой.

Положение создавалось чрезвычайно опасное. ГКО и Ставка ВГК принимали экстренные меры для укрепления подступов к столице. Были подняты по боевой тревоге и срочно переброшены к линии обороны запасные части, курсанты Подольского военного училища, подразделения зенитной артиллерии ПВО. Вступив с ходу в кровопролитные неравные бои, почти все они пали смертью героев, но помогли на какое-то время задержать врага. Сотни тысяч жителей города и области вышли на строительство дополнительных оборонительных сооружений. На улицах Москвы появились баррикады, столица готовилась к уличным боям.

В ночь на 5 октября Государственный Комитет Обороны вынес специальное решение о защите столицы, определив Можайскую линию главным рубежом обороны.

7 октября третья и четвертая группы противника соединились в районе Вязьмы, окружив войска 16-й, 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий Западного и Резервного фронтов. В окружении оказались и двенадцать дивизий народного ополчения, которые были сформированы непосредственно для обороны Москвы, а затем переброшены с Можайского оборонительного рубежа на Вяземский. Тяжелое положение сложилось и в полосе Брянского фронта, враг расчленил войска фронта на три части. Их отход происходил в исключительно сложной обстановке.

К тому моменту – 6–10 октября – сплошного фронта на московском направлении не существовало, и крупными резервами в районе столицы Ставка Верховного Главнокомандования не располагала. Как позднее отмечал Маршал Советского Союза А.М.Василевский, «неудача, постигшая нас под Вязьмой, в значительной мере была следствием не только превосходства противника в силах и средствах, отсутствия необходимых резервов, но и неправильного определения направления главного удара противника Ставкой и Генеральным штабом, а стало быть, и неправильного построения обороны»[14].

Думается, что этот эпизод из истории битвы под Москвой еще предстоит раскрыть исследователям. Проявлявшееся длительное время негативное отношение к «окруженцам», о чем уже не раз говорилось в прессе, сыграло не последнюю роль и в оценке боев в районе Вязьмы. Между тем то, что сделали наши солдаты и командиры в боях под Вязьмой, достойно иных оценок. Оказавшись в отчаянном положении, почти обреченные на гибель или пленение, бойцы 16-й, 19-й, 20-й, 24-й и 32-й армий не сложили оружия, как ждал противник, бились насмерть, сковав своим сопротивлением действия 28 фашистских дивизий. До середины октября 14 из них так и не смогли перейти к дальнейшему наступлению на Москву[15].

Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, назначенный 10 октября 1941 г. командующим Западным фронтом, в своей знаменитой книге «Воспоминания и размышления» так оценил подвиг советских воинов, окруженных под Вязьмой:

«Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии. Пролитая кровь и жертвы, понесенные войсками окруженной группировки, оказались не напрасными. Подвиг героически сражавшихся под Вязьмой советских воинов, внесших великий вклад в общее дело защиты Москвы, еще ждет должной оценки»[16].

Военный совет Западного фронта подчинил все окруженные под Вязьмой войска командующему 19-й армией генерал-лейтенанту М.Ф.Лукину и приказал организовать их прорыв.

Днем и ночью шли ожесточенные бои. Гитлеровцы не рассчитывали встретить такое активное сопротивление скованных в плотном кольце обессиленных армий.

В архивных материалах, связанных с битвой под Москвой, сохранились многочисленные документы командования вражеских соединений. Они очень показательны в смысле оценки событий со стороны врага.

Так, например, 10 октября генералу М.Ф.Лукину была передана перехваченная радиограмма, направленная командиру 7-й немецкой танковой дивизии генералу Функу: «Почему вы топчитесь? Идите на Москву», – говорилось в ней. Отвечая на это требование, Функ сообщил: «Командующий 19-й армией русских также рвется к Москве – я едва сдерживаю. Я пустил своих гренадеров, использую последних, нет сил держать».

Лишь небольшой части окруженных удалось осуществить прорыв и с тяжелыми боями выйти на Можайскую линию обороны.

Или еще один документ. В эти же дни в журнале боевых действий группы генерал-фельдмаршала фон Бока сделаны такие записи о попытках прорыва русских воинов:

«9/X — попытки вырваться из котла;
12/X — танковая контратака в районе Усожа, Мценска;
13/X — усиление сопротивления продвижению 4-й армии;
14/X — давление у Мценска;
15/X — танковые атаки в полосе 4-й армии;
16/X — усиление контратак против 4-й армии;
17/X — упорное сопротивление в укрепленном районе так называемой "Московской позиции". По донесениям командиров, здесь идут бои, превосходящие по своему ожесточению все, что до сих пор пришлось перенести войскам...
19/X — общее усиление "русского сопротивления";
20/X — бои 56-го танкового корпуса с выходящими из окружения частями 50-й армии...»

Даже по этим предельно лаконичным и сухим строкам донесений можно ощутить, какого накала достигли бои с противником наших частей, пробивавшихся из окружения.

Многие участники боев под Москвой позже вспоминали, что в те октябрьские дни первым вопросом, который задавали на передовой бойцы и командиры, был вопрос: «Как обстановка в столице?» К сожалению, еще и сейчас, несколько десятилетий спустя, историки не располагают всем объемом документов, связанных с этим периодом.

Среди мемуарных материалов, еще не публиковавшихся в печати, несомненный интерес представляют воспоминания бывшего управляющего делами СНК СССР Я.Е.Чадаева:

«В это время, — говорил он, — нарастала кризисная обстановка. Подняли голову притаившиеся до сих пор подонки общества, державшие за пазухой камень против Советской власти. Дело дошло до того, что в один из дней на Лобном месте против Кремля устроился с винтовкой лазутчик и произвел несколько выстрелов по выезжавшей из Кремля автомашине. Стрелявший рассчитывал, что в машине ехал Микоян. Лазутчика, конечно, обезвредили.

С каждым днем все увеличивалось количество людей, которые стремились попасть в Кремль. Были введены еще более жесткие ограничения»[17].

Положение, сложившееся на фронтах, вызывало противоречивые чувства: и тревогу за судьбу столицы, и горечь за неудачи наших войск, и недоумение по поводу того, как враг смог дойти до подступов Москвы. Тот же Я.Е.Чадаев рассказывал автору, что поступали многочисленные письма и в правительство, и лично Сталину, авторы которых требовали объяснений, почему наша армия терпит такие поражения, спрашивали, что намерено делать правительство, чтобы остановить врага, высказывали критику в адрес высшего руководства СССР и т.п.[18]

В те октябрьские дни, когда Москва и, пожалуй, вся страна оказались на грани жизни и смерти, не состоялся Пленум Центрального Комитета партии. Решение о его созыве было принято 2 октября, в день, когда основные вражеские силы перешли в наступление на московском направлении.

Однако он так и не был проведен без серьезных оснований, и состоялся только в январе 1944 г. Как рассказывал автору этих строк А.И.Микоян, Сталин не пожелал встретиться с прибывшими на Пленум членами и кандидатами в члены Центрального Комитета партии, сославшись на создавшуюся обстановку и занятость[19].

Но вернемся к обстановке в Москве в те критические дни октября сорок первого.

8 октября для проведения специальных мероприятий по минированию или порчи предприятий Государственный Комитет Обороны организовал особую пятерку* или комиссию в составе заместителя наркома внутренних дел СССР А.И.Серова, начальника Московского управления НКВД М.И.Журавлева, секретаря МГК ВКП(б) Г.М.Попова, секретаря МК ВКП(б) Б.Н.Черноусова и начальника Главного военно-инженерного управления НКО СССР П.З.Котляра[20].

---

* Одновременно для подобных целей во всех районах г. Москвы и области были созданы специальные тройки.

Эта комиссия обязывалась в однодневный срок определить и представить в ГКО список предприятий, «на которых должны быть проведены специальные мероприятия». 9 октября указанная комиссия представила на имя Сталина список, куда было включено 1119 предприятий Москвы и области, подлежащих ликвидации или путем взрыва (412), или механической порчи и поджога (707). Среди этих объектов значились заводы «Красный металлист», «Калибр», Автозавод им. И.В.Сталина, «Красный пролетарий», «Серп и Молот», им. Орджоникидзе, 1-й Подшипниковый, «Компрессор», «Красная Пресня» и др., а также вокзалы, мосты, депо, склады, Центральный почтамт и Центральный телеграф[21].

12 октября ГКО принял постановление о создании вокруг столицы Московской зоны обороны, состоявшей из двух оборонительных рубежей. В тот же день Ставка Верховного Главнокомандования приказала «всем зенитным батареям корпуса Московской ПВО, расположенным к западу, юго-западу и югу от Москвы, кроме основной задачи отражения воздушного противника, быть готовыми к отражению и истреблению прорывающихся танковых частей и живой силы противника...»

13 октября состоялось собрание актива Московской городской партийной организации, на котором с докладом «О текущем моменте» выступил А.С.Щербаков. Он сообщил, что за истекшую неделю военное положение ухудшилось, и остановился на практических мероприятиях, которые в сложившейся обстановке должны были провести коммунисты столицы. Выполняя решение собрания партийного актива, московские парторганизации и органы местного военного управления дополнительно сформировали четыре стрелковых дивизии общей численностью свыше 40 тыс. человек.

Между тем обстановка ухудшалась буквально с каждым часом. Враг рвался к столице, предвкушая скорую победу.

14 октября немецко-фашистское командование группы армий «Центр» отдало приказ о продолжении операций, в котором говорилось:

«4-я танковая группа и 4-я армия без промедления наносят удар в направлении Москвы, имеющий целью разбить находящиеся перед Москвой силы противника и прочно окружить город. 2-я танковая армия с этой целью должна выйти в район юго-восточнее Москвы с таким расчетом, чтобы она, прикрываясь с востока, охватила Москву с юго-востока, а в дальнейшем также и с востока. Имеющие важное значение для снабжения Москвы промышленные районы Сталиногорска, Тулы и Каширы должны быть захвачены как можно быстрее и прочно прикрыты»[22].

В другом приказе по группе армий «Центр», направленном в войска 15 октября, падение Москвы преподносилось как неизбежный факт:

«Капитуляция Москвы не должна быть принята, если она будет предложена противником. До захвата она должна быть измотана артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а ее население — обращено в бегство».

Упорные и ожесточенные бои развернулись на Волоколамском, Можайском, Малоярославецком и Калужском направлениях. И вот наступила, пожалуй, самая критическая ситуация. В вечернем сообщении Совинформбгаро 15 октября говорилось: «В течение ночи с 14 на 15 октября положение на западном направлении фронта *ухудшилось*. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты *и на одном участке прорвали нашу оборону*» (курсив наш. — *Г.К.*)[23].

15 октября ГКО под грифом «Секретно» выносит постановление «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». В нем говорилось:

> *«Ввиду неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии Государственный Комитет Обороны постановил:*
>
> *1. Поручить т. Молотову заявить иностранным миссиям, чтобы они сегодня же эвакуировались в г. Куйбышев (НКПС — т. Каганович обеспечивает своевременную подачу составов для миссий, а НКВД — т. Берия организует их охрану).*
>
> *2. Сегодня же эвакуировать Президиум Верховного Совета, а также правительство во главе с заместителем председателя СНК т. Молотовым (т. Сталин эвакуируется завтра или позднее, смотря по обстановке).*
>
> *3. Немедленно эвакуироваться органам Наркомата обороны и Наркомвоенмора в г. Куйбышев, а основной группе Генштаба — в Арзамас.*
>
> *4. В случае появления войск противника у ворот Москвы поручить НКВД — т. Берия и т. Щербакову произвести взрыв предприятий, складов и учреждений, которые нельзя будет эвакуировать, а также все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию).*
>
> *Председатель Государственного Комитета Обороны И.Сталин»*[24].

Несмотря на ограничительный гриф документа, об этом решении, подтверждающем вечернюю сводку Совинформбюро от 15 октября, узнала вся Москва, и в городе началась паника. Она сопровождалась нарушениями общественного порядка, грабежами складов, банков, сберегательных касс и магазинов... Огромный поток москвичей устремился к вокзалам и пристаням, куда были поданы железнодорожные составы и речные суда. Шоссейные дороги восточного направления оказались забитыми грузовиками, легковыми автомашинами и повозками. Многие покидали Москву пешком. Уже к вечеру почти все торго-

вые и финансовые объекты, склады и госучреждения были взяты под контроль рабочих отрядов, патрулей НКВД и истребительных батальонов. Грабители и мародеры расстреливались на месте. 16 октября со всякими проявлениями хаоса и паники было покончено.

Вот как описывал автору ту критическую обстановку А.И.Микоян:

«15 октября в 8 часов утра вдруг меня будит сотрудник охраны и сообщает, что Сталин просит в 9 часов зайти к нему... Как я помню, вместе со мной пришли В.М.Молотов, Г.М.Маленков, Л.П.Берия, Н.А.Вознесенский, А.С.Щербаков, Л.М.Каганович. Сталин внешне держался спокойно. Коротко изложил обстановку, сказав при этом, что до подхода наших войск немцы попытаются раньше подбросить свои резервы и фронт под Москвой может быть прорван. Он предложил срочно, сегодня же, эвакуировать правительство и важнейшие учреждения, видных политических и государственных деятелей, подготовить город на случай прорыва фронта противником и вторжения его в Москву. Сталин приказал заминировать важнейшие машиностроительные заводы и другие предприятия, которые в случае занятия столицы могут быть использованы неприятелем для военных нужд и производства боеприпасов... Кроме того, он приказал командующему войсками Московского военного округа, генералу П.А.Артемьеву, солидному, серьезному человеку, подготовить план обороны столицы, имея в виду удержать если не весь город, то хотя бы большую его часть до подхода главных резервов из Сибири и с Дальнего Востока. Это даст возможность организовать контрнаступление и изгнать немцев из-под Москвы.

Сталин сказал, что правительство надо эвакуировать в Куйбышев, туда же направить иностранные посольства, а наркоматы — в другие города. Молотову и мне было предложено взывать всех наркомов и объяснить им, что необходимо срочно, в течение суток, организовать эвакуацию всех наркоматов.

Тут же я пошел в комнату А.Н.Поскребышева и позвонил управляющему делами Совнаркома Я.Е.Чадаеву, чтобы он срочно вызвал наркомов по неотложному вопросу.

Сталин предложил всем членам Политбюро и ГКО выехать сегодня же, "а я выеду завтра утром", — сказал он.

Я по своей вспыльчивости спросил: "Почему ты можешь ехать завтра, а мы должны сегодня? Мы тоже можем поехать завтра. Вот, например, Щербаков и Берия должны покинуть город последними". Далее я сказал: "Мне тоже нечего сегодня ехать, я останусь и завтра вместе с тобой поеду". Другие молчали. Вообще постановка этого вопроса была так неожиданна, что не вызвала даже споров...

...Через несколько часов я зашел к Сталину в кабинет. Там был Молотов. На столе лежала рельефная карта западной части Москвы, включая Бородинский мост через Москву-реку, где были обозначены

оборонительные рубежи. Молотов указкой показал Сталину, как будут отходить войска...»[25]

16 октября в газете «Правда» была напечатана статья: «Враг продолжает наступать — все силы на отпор врагу». В этот день продолжалась массовая эвакуация населения, предприятий и учреждений столицы. В подавляющем большинстве москвичи, несмотря на тяжелейшую обстановку, были убеждены, что враг не пройдет в Москву. Продолжался выпуск продукции, необходимой для фронта. Люди шли в партийные комитеты и военкоматы с требованием направить их на передовые рубежи защитников столицы, формировались коммунистические батальоны (позже их стали называть рабочими). Еще в ночь с 15 на 16 октября в Красном зале Моссовета были собраны командиры и комиссары добровольческих подразделений. Здесь им зачитали приказ о переходе батальонов на боевые позиции на ближних подступах к столице. Приказ требовал превратить город в непреступную для врага крепость. К 16 октября формирование рабочих батальонов во всех районах Москвы в основном завершилось, и они заняли наиболее важные рубежи обороны.

По решению Государственного Комитета Обороны с 20 октября в столице и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Оборона столицы на рубежах 100–120 километров западнее города возлагалась на командующего Западным фронтом генерала армии Г.К.Жукова, а на ее ближайших подступах — на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта П.А.Артемьева.

Москва дополнительно послала на фронт около 50 тыс. человек. Среди защитников столицы сражалось до 250 тыс. коммунистов. Успешно отражались налеты на город вражеской авиации. Только в октябре противник совершил 31 налет, в котором участвовало около 2 тыс. самолетов, однако прорваться к объектам бомбометания смогли всего 72. Средствами ПВО Москвы было сбито в этом месяце 278 немецких самолетов.

Партийные и советские органы немало сделали в тяжелые октябрьские дни для поддержания порядка не только в Москве, но и в прифронтовых районах области, где развернулась подготовка к партизанской борьбе.

В последних числах октября наступление немецко-фашистских армий захлебнулось у порога столицы. К 29 октября дивизии 2-й танковой армии генерала Г.Гудериана продвинулись от Мценска до Тулы, но, так и не взяв города, были остановлены. «Попытка захватить Тулу с ходу, — писал впоследствии Гудериан, — натолкнулась на сильную противотанковую и противовоздушную оборону и окончилась провалом, причем мы понесли значительные потери в танках и офицерском составе».

И все же к началу ноября 1941 г. исход борьбы за Москву еще не был ясен.

Советский Союз находился в чрезвычайно опасном положении. Страна лишилась территории, на которой в предвоенные годы добывалось больше половины сырья для промышленности, а также производилась значительная часть продуктов сельского хозяйства. Здесь же была и наиболее густая и технически оснащенная сеть железных дорог. Вся тяжесть военного снабжения легла на Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Среднеазиатские республики.

Красной Армии не хватало боевой техники, вооружения, боеприпасов. За летне-осеннюю кампанию 1941 г. Советские Вооруженные Силы потеряли свыше 20,5 тыс. танков (из 22,6 тыс. имевшихся к началу войны), около 17 тыс. боевых самолетов, более 60 тыс. орудий и минометов и много другой техники и вооружения[26].

Одни лишь безвозвратные и санитарные потери нашей армии и флота за шесть месяцев 1941 г. составили 4 млн 473 тыс. человек, из них пропало без вести и попало в плен более 2 млн 335 тыс. бойцов и командиров. Промышленность СССР за вторую половину 1941 г. смогла восстановить понесенные потери в стрелковом вооружении только на 30%, в танках — на 27%, в орудиях и минометах — на 58% и в боевых самолетах — на 55%[27].

В начале ноября на фронте наступило кратковременное затишье. Выигранное время было использовано для укрепления обороны, создания резервов и их переброски к подмосковным рубежам. Около 130 тыс. москвичей вступили в соединения народного ополчения, батальоны истребителей танков. На защиту Москвы встала вся страна. К 15 ноября во внутренних военных округах было сформировано 75 стрелковых бригад общей численностью свыше 328,6 тыс. человек, из которых 33 прибыли на Западный фронт.

Ряды защитников Москвы пополнялись за счет дивизий, переброшенных из Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, а также соединений, переданных с соседних фронтов. Как вспоминал бывший командир 78-й стрелковой дивизии генерал А.П.Белобородов, двенадцать дней и ночей потребовалось железнодорожникам, чтобы доставить воинов дивизии с Дальнего Востока в Подмосковье. «Переброску контролировала Ставка Верховного Главнокомандования. ...Железнодорожники открыли нам зеленую улицу. На узловых станциях эшелоны стояли не более пяти-семи минут. Отцепят один паровоз, прицепят другой, заправленный водой и углем, — и снова вперед!

Точный график, жесткий контроль. В результате все тридцать шесть эшелонов дивизии пересекли страну с востока на запад со скоростью курьерских поездов. Последний эшелон вышел из-под Владивостока 17 октября, а 28 октября наши части уже выгружались в Подмосковье, в городе Истра и на ближайших к нему станциях»[28].

В канун 24-й годовщины Великого Октября в Москве на станции метро «Маяковская» по инициативе И.В.Сталина, который принял

решение не эвакуироваться, было проведено торжественное заседание с его докладом, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. В морально-политическом отношении это имело исключительно важное значение для укрепления уверенности народа, что Москва не будет сдана врагу, и Красная Армия непременно одержит победу.

В положении на фронте происходили значительные изменения. В середине ноября Красная Армия предприняла контрнаступление в районах Тихвина и Ростова-на-Дону, нанеся противнику серьезные удары. Это оказало большую помощь защитникам столицы, лишив вражеское командование возможности перебросить под Москву войска с других направлений.

Между тем фашистское командование не оставляло своих планов захвата Москвы до наступления зимы. «Хотя начиная с середины октября неоднократно шел снег, у солдат Восточной армии и к началу ноября не было зимнего обмундирования и снаряжения, — отметил в своей книге "Поворот под Москвой" западногерманский военный историк К.Ренгардт, — на предостережения обер-квартирмейстера штаба сухопутных войск вермахта о предстоящих в зимнее время трудностях в отношении снабжения войны Гитлер заявил: "Я не хочу больше слышать этой болтовни о трудностях снабжения наших войск зимой. Никакой зимней кампании не будет. Сухопутные войска должны нанести русским еще только несколько мощных ударов... И тогда мы увидим, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Поэтому я категорически запрещаю говорить мне о зимней кампании"»[29].

На состоявшемся 13 ноября совещании в Орше начальников штабов групп и армий с участием Гитлера было решено продолжать наступательную операцию по планам, разработанным командованием группы армий «Центр».

15–16 ноября после двухнедельной паузы противник возобновил наступление на Москву. Ударные группировки гитлеровцев насчитывали здесь 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. Соотношение сил на московском направлении было по-прежнему на стороне противника. Оно составляло: в живой силе в 1,9 раза, по орудиям и минометам — в 2,5 раза, по танкам — в 1,5 раза больше. Советские войска имели небольшое преимущество только в авиации. В своем обращении к войскам перед наступлением Гитлер призывал:

«Солдаты! Перед вами Москва! За два года войны все столицы континента склонились перед вами, вы прошагали по улицам лучших городов. Осталась Москва. Заставьте ее склониться, покажите ей силу оружия, пройдите по ее площадям. Москва — это конец войны. Москва — это отдых. Вперед!»[30]

Враг стремился обойти Москву с севера — через Клин, Солнечногорск, и с юга — через Тулу, Каширу. Ноябрьские бои носили крайне

ожесточенный характер. Каждый километр продвижения к столице стоил противнику тысяч убитых и раненых, десяток и сотен уничтоженных танков, орудий, сбитых самолетов. Большие потери несли и советские войска, проявлявшие стойкость и массовый героизм.

Группа истребителей танков в составе 28 воинов из 1075-го полка 316-й стрелковой дивизии генерала И.В.Панфилова в районе Волоколамского шоссе у железнодорожного разъезда Дубосеково была атакована ротой вражеских автоматчиков и пятьюдесятью танками. «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва», — эти слова политрука В.Г.Клочкова прозвучали клятвой. Воины не отступили. Они уничтожили значительное число фашистских танков, задержав продвижение противника более чем на четыре часа. Большинство из них пало на поле боя. В живых осталось тогда только шесть героев.

Стойко сдерживали натиск врага защитники Тулы. Оборонявшие ее воины и ополченцы уничтожили десятки тысяч гитлеровцев у стен древнего русского города. В тылу вражеских войск чувствительные удары оккупантам наносили партизанские отряды.

Но, несмотря на большие потери, враг продолжал рваться к Москве. Захватив Клин и Солнечногорск, он попытался осуществить прорыв северо-западнее Москвы. В ночь на 28 ноября небольшими моторизованными силами противнику удалось выйти к каналу Москва–Волга и форсировать его у г. Яхромы. Однако дальнейшее продвижение противника северо-западнее Москвы было сорвано контрударами наших войск 1-й ударной и 20-й армий, и враг оказался отброшенным на западный берег канала. Немецко-фашистские войска находились в 25–30 километрах от столицы. Но их наступательные возможности в столкновении с упорной и активной обороной Красной Армии были уже исчерпаны. 30 ноября 1941 г. командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал фон Бок записал в своем дневнике:

«Мысль о том, что противник перед фронтом группы армий, обессилев, "рухнет", оказалась, как показали бои за последние 14 дней, миражом. Стоять у ворот Москвы, где соединяется сеть шоссейных и железных дорог почти всей Восточной России, равнозначно ведению тяжелых оборонительных боев с превосходящим по силе противником. Группа армий "Центр" в ограниченное время не в состоянии этого сделать... Наступление, таким образом, не имеет ни смысла, ни цели»[31].

В сражении под Москвой наступил переломный момент. Вскоре после войны, оценивая обстановку, сложившуюся здесь в начале декабря, бывший начальник штаба 4-й немецкой армии генерал Г.Блюментрит отметил:

«Это был поворотный пункт нашей Восточной кампании — надежды вывести Россию из войны в 1941 г. провалились в самую последнюю минуту. Теперь политическим руководителям Германии важно было понять, что дни блицкрига канули в прошлое. Нам противосто-

яла армия, по своим боевым качествам намного превосходившая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя»[32].

В этих условиях развернулась подготовка контрнаступления Красной Армии под Москвой. По свидетельству Маршала Советского Союза А.М.Василевского, идея контрнаступления возникла еще в начале ноября. Но от нее пришлось тогда временно отказаться из-за натиска врага, и лишь в конце ноября, когда гитлеровцы стали выдыхаться, Ставка возвратилась к этому замыслу. 30 ноября командующий Западным фронтом генерал армии Г.К.Жуков направил в Генштаб план контрнаступления войск фронта. 1 декабря Ставка утвердила его. Накануне были рассмотрены предложения Военного совета Юго-Западного фронта. В ночь на 5 декабря была дана директива на переход в контрнаступление и войскам Калининского фронта. К началу декабря на московское направление из резерва были выдвинуты 3 армии, 9 стрелковых и 2 кавалерийские дивизии, 8 стрелковых и 6 танковых бригад, а также большое количество специальных частей. К Москве из тыловых районов нарастающим потоком шли эшелоны с подкреплением.

«Общие замыслы контрнаступления, — рассказывал автору маршал А.М.Василевский, — были первоначально достаточно скромными: снять самую непосредственную угрозу столице, контрударами отбросить врага от Москвы хотя бы на 20–30, а в случае удачи — на 40 километров. Но успех контрнаступления превзошел все наши ожидания»[33].

На рассвете 5 декабря сильный удар по врагу нанесли войска левого крыла Калининского фронта, а утром следующего дня в контрнаступление перешли ударные группы Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов. С 7 декабря контрнаступление Красной Армии развивалось все более нарастающими темпами.

В последнее время в некоторых публикациях нашей печати, в выступлениях на научных конференциях высказываются суждения о том, что якобы к 5–6 декабря 1941 г. командование вермахта уже само отдало приказ об отступлении своих войск. Подобная трактовка событий по меньшей мере противоречит историческим фактам. Как свидетельствуют источники, в начале декабря фашистское военное руководство все еще не хотело примириться с провалом своих планов. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к документам генерала Ф.Гальдера. Вот запись его переговоров с начальником штаба группы армий «Центр» фон Грейфенбергом, состоявшихся 4 декабря.

«Я заявил ему, — отметил Гальдер, — ...если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов в ходе наступления северо-западнее Москвы нанести противнику большие потери, то ему предоставляется право прекратить наступательные действия. Фон Грейфенберг ответил: на фронте 4-й армии наступление уже приостановлено. На-

мечено, что наступление 3-й и 4-й танковых групп будет продолжено 6.12.1941 г. Нет никаких оснований прекращать наступательные действия на фронте танковой армии Гудериана»[34].

Несколькими днями позже, 7 декабря, тот же Гальдер записал в своем дневнике:

«События этого дня опять ужасающи и постыдны. Главком превратился в простого письмоносца. Фюрер, не замечая его, сам сносится с командующими группами армий. Самым ужасным является то, что ОКБ не понимает состояния наших войск и занимается латанием дыр, вместо того, чтобы принимать принципиальные стратегические решения. Одним из решений такого рода должен быть приказ на отход войск группы армий "Центр" на рубеж Руза, Осташков»[35].

Только 8 декабря Гитлер подписал, наконец, директиву № 39 о немедленном прекращении всех крупных наступательных операций и о переходе к обороне. 16 декабря, в ответ на предложения ряда генералов о немедленном отводе всей группы армий на тыловой рубеж, Гитлер запретил отвод, дав строжайшее указание: «Ни шагу назад, залатать бреши и держаться!»[36]

Вскоре немецко-фашистские захватчики была отброшены от нашей столицы на 100–250 километров, а на некоторых участках и до 400 километров.

Серьезные успехи, достигнутые Красной Армией под Москвой и на западном направлении, Сталин, находившийся в эйфории, решил использовать для развития общего наступления на многих направлениях советско-германского фронта, считая, что для такого наступления имеется «самый подходящий момент». 5 января 1942 г. во время обсуждения этого вопроса в Ставке ВГК Г.К.Жуков, поддержанный А.М.Василевским и заместителем председателя СНК СССР Н.А.Вознесенским, высказался за то, чтобы осуществить из-за отсутствия резервов и нехватки боеприпасов мощное наступление только на западном направлении, сосредоточив здесь основные силы.

Однако Верховный Главнокомандующий навязал Ставке свое мнение. По-видимому, не последнюю роль в принятии Ставкой ВГК решения о проведении наступательных операций одновременно на всех направлениях сыграли сильно завышенные данные о потерях врага, которые сообщило Главное разведывательное управление РККА. По его сведениям, вооруженные силы Германии с 22 июня 1941 г. по февраль 1942 г. включительно потеряли 6,5 млн человек, в том числе сухопутная армия – 5,8 млн. По данным же генерального штаба сухопутных сил противника, общие потери его сухопутных войск за это время составили немногим более 1 млн человек.

Перешедшие в наступление на различных участках фронта советские войска не смогли достичь таких крупных результатов, какие были первоначально намечены в ходе контрнаступления под Москвой.

«Сталин требовал от нас наступать, — вспоминал Г.К.Жуков. — Он говорил: если у вас сегодня нет результата, завтра будет, тем более вы будете сковывать противника, а в это время результат будет на других участках. Конечно, эти рассуждения — младенческие... В итоге жертв было много, расход материальных средств большой, а общестратегического результата — никакого. А если бы имевшиеся у нас в то время силы и средства были использованы на западном направлении, то итог был бы иной».

Следует при этом же учесть, что советская экономика, которая только перестраивалась на военный лад, далеко еще не полностью обеспечивала потребности фронта. В конце 1941 г. — начале 1942 г. оборонная промышленность СССР не справлялась с устанавливаемыми ГКО месячными и квартальными заданиями. Так, план 1-го квартала по производству танков был выполнен лишь на 45%, а по боевым самолетам — на 65%. Особенно тяжелое положение создалось с выпуском боеприпасов, в результате чего войска испытывали острый недостаток в минах и снарядах... К началу 1942 г. укомплектованность вооружением только Западного и Калининского фронтов составляла: по винтовкам — 66,7%, по пистолетам и пулеметам — 35%, станковым пулеметам — 36%, минометам — 45%, ручным пулеметам — 60,6% и т.д.[37]

Свою первую зимнюю наступательную операцию, начавшуюся в декабре 1941 г., Красная Армия проводила в условиях недостаточной обеспеченности войск материальными средствами. Это в значительной мере помешало ей добиться в Московской битве (она закончилась 20 апреля 1942 г.) более внушительных результатов. Но и достигнутое в сражениях у стен советской столицы трудно переоценить.

Впервые в ходе Второй мировой войны немецко-фашистские захватчики потерпели жестокое поражение. План «молниеносной войны» против СССР полностью провалился, и война приняла затяжной характер. В бессильной ярости Гитлер буквально «рвал и метал» в своей Ставке, обвиняя в бездарности еще недавно осыпаемых наградами и почестями генералов и фельдмаршалов вермахта. Вслед за Боком, Рундштедтом, Леебом, Браухичем и Гудерианом были сняты со своих постов Штраус, Вейхс, Гёпнер, всего до 40 высших военных чинов третьего рейха.

За месяцы зимнего контрнаступления Красная Армия разгромила десятки отборных вражеских дивизий, причем, по немецким данным, только сухопутные войска вермахта потеряли свыше 832 тыс. человек. «Наступление на Москву провалилось, цель "победить Советский Союз путем быстротечной военной операции" не удалась. Более того, русские ввели далеко не все свои силы, чтобы остановить немецкое наступление. Теперь они видели, что пришло время самим нанести удар», — писал в своей книге «История второй мировой войны» бывший гитлеровский генерал К.Типпельскирх[38].

Мощь германской военной машины оказалась подорванной, что имело далеко идущие последствия. Усилилось национально-освободительное движение и в оккупированных вермахтом странах Европы. Отвлекая на себя десятки тысяч вражеских солдат, активную партизанскую борьбу против захватчиков вели патриоты Югославии, Греции, Албании, Польши, Чехословакии, Франции, Бельгии, Норвегии и других государств.

Поражение вражеских войск под Москвой подняло дух народов СССР, вселило в них уверенность в неминуемый разгром немецко-фашистских захватчиков. Через горечь неудач, потерь и отступлений пришли советские воины, труженики тыла к этой первой и столь желанной исторической победе. Предельно сконцентрировав свои материальные и духовные силы, Советский Союз развеял миф о непобедимости гитлеровской армии.

* * *

Радостную весть о разгроме немецко-фашистских захватчиков на полях Подмосковья с большим воодушевлением встретила вся сражавшаяся страна. Не одни советские люди, — весь мир убедился в том, что Красная Армия в состоянии переломить ход вооруженной борьбы и разгромить ударные силы фашизма.

Но для этого от москвичей, как и от миллионных масс народов СССР, требовалось удвоить и утроить свои трудовые усилия на производстве в помощь фронту, увеличивая из месяца в месяц выпуск военной продукции, всемерно совершенствуя ее качество.

В первые месяцы 1942 г., когда еще продолжалась Московская битва, началась реэвакуация в столицу перемещенных во второй половине 1941 г. в тыловые районы ряда предприятий тяжелой промышленности, в том числе авиационных заводов, заводов по производству боеприпасов, автоматического, стрелкового и минометного вооружения. Уже к концу 1942 г. в столице и области было восстановлено 50 машиностроительных заводов, на которых трудилось свыше 60 тыс. человек[39]. Более того, многие из этих заводов во второй половине года добились довоенного уровня выпуска продукции[40]. Причем на возрожденных московских предприятиях, несмотря на огромные военные трудности, переживаемые государством, наряду с производством оборонной продукции был налажен и выпуск мирных изделий: машин, станков и механизмов, в которых так нуждалось народное хозяйство СССР. Машиностроительные заводы столицы (например, 1-й и 2-й шарикоподшипниковые) освоили также производство отбойных молотков для угольных шахт Мосбасса, ленточных и скребковых транспортеров, запасных частей к врубовым машинам и т.д.

Крупным поставщиком гражданской и военной техники стал Московский автозавод им. Сталина, реэвакуация которого началась после решения ГКО от 6 января 1942 г. При этом оборудование завода возвращалось не полностью: из 20 тыс. единиц, вывезенных в тыл, прибыло только 5,3 тыс. машин и станков. И тем не менее, в самые сжатые сроки задания по восстановлению завода и налаживанию выпуска автомобилей были выполнены за счет создания 20 новых цехов и существенного повышения производительности труда. Одновременно автозаводцы резко увеличили производство военной продукции, выпустив только за полтора года войны различного рода вооружения и боеприпасов почти на 1,5 млрд рублей[41]. 3 июня 1942 г. московский автозавод был награжден орденом Ленина. Высокими наградами Родины удостоились также 140 рабочих и инженерно-технических работников ЗИС'а. Среди них орден Ленина получили известные новаторы производства слесарь В.А.Гудков, старший мастер А.Г.Кирсанов, фрезеровщица А.С.Фролова и другие.

Уже к середине 1942 г. в Москве было восстановлено производство самолетов, авиамоторов и запасных авиадеталей. В больших масштабах развернулась работа по ремонту танков и бронемашин. Вновь возобновили свою деятельность предприятия, выпускавшие самоходные артиллерийские установки, бронепоезда и легкие танки[42].

Весьма острой проблемой, стоявшей перед тружениками Московского промышленного центра, являлась нехватка высококачественного металла, без которого невозможно было обеспечить широкий выпуск военной продукции. При решении этой задачи особое внимание уделялось реэвакуации и восстановлению завода «Серп и Молот», где выпускалась сортовая сталь для авиационной и танковой промышленности и для производства боеприпасов. Во многом благодаря переоборудованию ведущего стана и реконструкции двух мартеновских печей коллектив «Серпа и Молота» с середины второго военного лета стал вновь давать стране московскую легированную сталь.

Важную помощь металлургам оказывали жители столицы и особенно молодежь, развернувшая массовое движение за сбор металлолома. Только с апреля по декабрь 1942 г. в Москве было собрано более 210 тыс. тонн этого ценного сырья[43].

Предметом большого внимания со стороны партийных и советских органов были электроэнергетические и химические предприятия. В результате военных действий и эвакуации одна система «Мосэнерго» потеряла 1/3 своей мощности. Осуществление мероприятий по восстановлению ее агрегатов позволило обеспечить к началу 1943 г. рост общей мощности электростанций Московской и Калининской энергосистем до 80% довоенного уровня. Быстро возрождалась и химическая индустрия. Всего за год вошло в строй около 20 крупных химических предприятий Москвы и области[44].

Широким фронтом развертывались в столице и работы по улучшению производственной деятельности предприятий легкой и текстильной промышленности. Только в 1942 г. Москва дала стране 6,4 млн метров шелковых тканей и изготовила для воинов Красной Армии 2 млн пар обуви[45].

Тем временем на фронтах Великой Отечественной войны произошли значительные изменения. Остановив мощное наступление противника па берегах Волги и на Северном Кавказе, Красная Армия перешла в решительное контрнаступление. Крупная вражеская 330-тысячная группировка противника была окружена и разгромлена под Сталинградом. Под ударами советских войск массовое отступление врага началось и из предгорий Кавказа. Советские воины продвинулись местами до 600–700 км, освободив территорию в 494 тыс. кв. км.

Летом 1943 г. немецко-фашистское командование предприняло попытку взять реванш за поражения под Сталинградом и на Кавказе, подготовив крупную наступательную операцию под Курском. Но она закончилась новым разгромом гитлеровских войск. Инициатива на советско-германском фронте безвозвратно перешла к Вооруженным Силам СССР. Осенью того же года Красная Армия в битве за Днепр сокрушила так называемый Восточный вал, на который Гитлер возлагал особые надежды. В результате новых побед советские войска мощной лавиной двинулись на врага на широком фронте от Смоленска до Новороссийска.

Советской стране была возвращена значительная часть оккупированных захватчиками областей Украины, Белоруссии, Российской Федерации. Коренной перелом произошел не только в вооруженном противоборстве в пользу Красной Армии, но и в работе советского тыла.

Москвичи активно трудились на производстве, мобилизуя дополнительные силы и средства в помощь действующей армии. Больших масштабов достигли в столице строительные работы, которые вели 50 трестов. Благодаря смелому внедрению в строительную практику новых материалов, конструкций, различных заменителей, передовых методов труда московские строители добились существенных результатов в своей работе. Уже к концу 1943 г. в столице было сдано в эксплуатацию 270 тыс. кв. метров производственных площадей, что положительно сказалось на увеличении производства. Так, в 1943 г. на московских металлургических предприятиях было выплавлено 216 тыс. тонн стали, или на 64 тыс. тонн больше, чем в 1942 г.[46] Это в свою очередь повлияло на рост выпуска самолетов, танков, бронемашин и боеприпасов.

Победы Красной Армии на фронтах войны вызывали в сердцах и умах москвичей, как и у всех советских людей, прилив нового трудового энтузиазма, стремления работать более быстро, экономно и качественно. В завершающие годы войны страна узнала имена новых

новаторов производства, увлекавших массы на высокопроизводительный труд.

Вот только несколько характерных примеров. Бригадир комсомольско-молодежной бригады 1-го Московского шарикоподшипникового завода Екатерина Барышникова предложила уменьшить состав бригад при одновременном увеличении выработки. Неся фронтовую вахту, ее бригада выполняла три и четыре сменные нормы при сокращенном составе бригады. Этому примеру по всей стране последовали сотни комсомольско-молодежных бригад. К концу 1943 г., не снижая объема выпуска продукции, они высвободили 18 тыс. человек, а к апрелю 1944 г. по методу фронтовой бригады Барышниковой в промышленности СССР работали 12 994 бригады, высвободившие 48 тыс. человек[47]. Е.Г.Барышникова была удостоена Сталинской премии и награждена орденом Ленина[48].

На Московском заводе внутришлифовальных станков видным новатором производства стал бригадир комсомольско-молодежной бригады Александр Шашков. Члены его бригады в 1942 г. собирали в среднем 6 станков в месяц, а к концу войны, не увеличивая числа рабочих, выпускали ежемесячно уже по 60 станков. Бригаде А.Г.Шашкова семь раз присуждалось первое место во Всесоюзном социалистическом соревновании молодежных бригад Наркомата станкостроения СССР[49], а сам бригадир был удостоен Сталинской премии и награжден орденом Ленина.

За выдающиеся трудовые достижения большая группа жителей Москвы и Московской области во время Великой Отечественной войны была удостоена звания Героя Социалистического Труда, различных премий и других наград. Среди этих Героев были рабочие: В.В.Ермилов («Красный пролетарий»), А.А.Лезина (з-д им. Владимира Ильича), директор 1-го Государственного подшипникового завода А.А.Громов, наркомы и заместители наркомов: А.И.Ефремов, Б.Л.Ванников, А.И.Микоян, Д.Ф.Устинов, П.И.Коробов, И.Ф.Тевосян, В.В.Вахрушев, В.А.Малышев, А.И.Шахурин, А.С.Яковлев, В.Н.Новиков, М.В.Хруничев, П.В.Дементьев, В.М.Рябиков, А.А.Горегляд, ученые и конструкторы: В.Л.Комаров, И.П.Бардин, Ю.Б.Харитон, Я.Б.Зельдович, С.В.Ильюшин, Арт. И. Микоян, С.А.Лавочкин, А.Н.Туполев, А.Г.Костиков, А.А.Морозов, Б.И.Шавырин, Г.С.Шпагин, А.Д.Швецов, Н.Н.Бурденко и другие. (Ряд из них получили в годы войны это звание дважды.) В ноябре 1943 г. звание Героя Социалистического Труда правительство присвоило 127 железнодорожникам, в том числе некоторым представителям Москвы и Московской области. Назовем среди них заместителей наркома путей сообщения СССР Г.В.Ковалева и Б.Н.Арутюнова, начальника Московско-Окружной железной дороги А.М.Васильева, начальника станции Московско-Рязанской железной дороги Н.Р.Колобова, руководителей военно-восстановительных работ НКПС генералов П.А.Кабанова,

П.И.Бакарева, Н.В.Борисова, паровозных машинистов И.Ф.Панина, Е.М.Чухнюк, В.Мосолова.

Экономика Москвы непрерывно увеличивала выпуск продукции для фронта и народного хозяйства. Как и в довоенные годы, в 1944 г. московские предприятия ежемесячно производили промышленных изделий на 1,6–1,7 млрд рублей. При этом по сравнению с 1942 г. в столице было произведено продукции черной металлургии на 173% больше, нефтяной — на 165%, химической — на 109%, резиновой — на 139%[50]. Одни оборонные заводы Москвы дали фронту за время войны 16 тыс. боевых самолетов, несколько тысяч танков и САУ, 130 тыс. минометов, 3,5 млн автоматов, 3745 ракетных установок, 287 млн тонн боеприпасов и много другого вооружения, боевой техники и снаряжения[51].

* * *

Помощь московского населения Красной Армии была разнообразной. Отметим, прежде всего, что Москва за 1941–1945 гг. направила в Советские Вооруженные Силы подготовленных в рамках Всевобуча более 850 тыс. человек[52]. Развернувшееся в стране с начала фашистской агрессии движение по сбору средств в фонд обороны и в помощь действующей армии возрастало из месяца в месяц. Уже в течение второго года войны труженики Москвы и Московской области собрали на строительство авиасоединений, артиллерийских батарей, танковых колонн, бронепоездов и в фонд обороны почти 400 млн рублей, а в последующие годы войны довели эту сумму до 2 млрд 618 млн рублей[53]. Кроме того, они собрали и отправили на фронт в 1942–1943 гг. свыше 1,5 млн комплектов теплого обмундирования и более 1 млн подарков для бойцов и командиров Красной Армии.

Активной формой помощи нашим воинам стало донорство. В Москве в годы войны насчитывалось 342 тыс. патриотов-доноров, которые сдали для раненых свыше 500 тыс. литров крови.

Невзирая на тяготы военного времени, дефицит многих материалов, даже в самые тяжелые периоды в городе не прекращались строительные работы. В 1941–1945 гг. капитальные вложения в реконструкцию Москвы составили 1066 млн рублей[54]. Это позволило завершить сооружение 3-й очереди метрополитена, проложить десятки километров трамвайных и троллейбусных линий, построить десятки больниц, бань, детских садов и ясель, а также заасфальтировать сотни тысяч квадратных метров городских улиц и площадей.

На основе постановления Совнаркома СССР от 19 августа 1944 г. «О мерах оказания помощи жилищному хозяйству Москвы» в городе развернулись интенсивные работы по ремонту жилого фонда. В этих целях в строительные организации дополнительно было направлено

20 тыс. рабочих. Общая численность строителей возросла к 1 января 1945 г. до 145 тыс. человек. Всего за военные годы в советской столице было восстановлено и капитально отремонтировано более одной тысячи жилых домов, а также более 100 административных зданий.

Одной из важных форм помощи москвичей фронту являлась шефская работа. В ней участвовали все районы, десятки предприятий и учреждений Москвы. Трудящиеся столицы шефствовали над 96 авиационными, танковыми, артиллерийскими, военно-морскими и другими частями и соединениями Вооруженных Сил. Постоянная забота проявлялась о раненых воинах, находившихся на излечении в московских госпиталях. Шефство над ними и семьями фронтовиков осуществляли 750 предприятий и учреждений.

Много сил и энергии отдавали почетному делу культурно-художественного обслуживания советских воинов представители творческой интеллигенции столицы. В одном из документов Московского обкома профсоюза работников искусств от 22.02.43 г. отмечалось, что только за период с начала войны по февраль 1943 г. работники искусств Москвы провели на фронте 43 050 военно-шефских мероприятий, выступая с концертами и спектаклями перед бойцами и командирами Красной Армии[55].

Великая Отечественная война внесла большие изменения в научную и культурную жизнь столицы. Как отмечалось выше, уже в первые военные месяцы в ряды РККА были призваны или ушли добровольцами десятки тысяч работников различных московских научных и культурно-просветительных учреждений и организаций. Наряду с этим многие тысячи ученых, преподавателей, учителей, артистов, композиторов, художников, работников музеев и библиотек, когда над столицей нависла реальная угроза, по решению ГКО вместе со своими учреждениями и организациями были эвакуированы в восточные районы страны или вступили в ряды народного ополчения.

Но даже в период наибольшей опасности в Москве продолжали свою деятельность многие научные и культурные учреждения. Научная мысль была направлена на поиски путей помощи фронту. На производстве в содружестве с мастерами и рабочими московские ученые и инженерно-технические работники, перебазированные в тыл или оставшиеся в столице, обеспечивали коренное усовершенствование важных технологических процессов. Были, в частности, найдены способы борьбы с магнитными морскими минами, изобретены радиолокационные установки и приборы, открыты экономичные пути получения жидкого кислорода, сконструирован ряд приборов для управления кораблями, самолетами и артиллерийским огнем. В содружестве с инженерами академики С.И.Вавилов и А.А.Лебедев создали высококачественные оптические приборы для Красной Армии. Успешно решали сложные научно-технические задачи по созда-

нию высококачественного бензина ученые-химики столицы во главе с академиком Н.Д.Зелинским.

Огромную работу провела специальная Комиссия Академии наук СССР по использованию в народном хозяйстве применительно к требованиям военного времени ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана. В нее вошли свыше 800 специалистов, многие из которых были жителями Москвы. Среди них такие виднейшие ученые, как академики А.А.Байков, И.П.Бардин, В.Н.Обручев, Э.В.Брицке, В.П.Волгин и другие. Возглавлял комиссию президент АН СССР академик В.Л.Комаров.

В Казани с лета 1942 г. развернула плодотворную деятельность Комиссия по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья на нужды обороны во главе с вице-президентом Академии наук СССР академиком Е.А.Чудаковым[56].

Благодаря влиянию науки радикально изменились за годы войны боевая техника и вооружение Красной Армии. На заводах страны, включая московские предприятия, непрерывно совершенствовались прежние и осваивались новые, более современные средства вооруженной борьбы. В столице был организован ремонт многих видов военной продукции.

Панический ужас на врага наводил истребительный огонь советской реактивной артиллерии, установки которой народ любовно называл «катюшами». Реактивная система БМ-13 была создана за весьма короткий срок, буквально перед фашистской агрессией, на КБ Московского завода «Компрессор» под руководством крупного ученого-конструктора генерал-майора инженерно-авиационной службы А.Г.Костикова, который 28 июля 1941 г. стал Героем Социалистического Труда, а в 1943 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР. Конструкторы и изобретатели сделали все возможное, чтобы через 10–15 дней после начала войны Вооруженные Силы СССР получили первые партии этого мощного оружия. К концу 1941 г. в сражавшихся советских войсках находилось уже около 500 «катюш»[57].

Факт создания в СССР нового оружия и его эффективного применения был отмечен военным руководством вермахта. Начальник генерального штаба германских сухопутных сил генерал Гальдер 28 ноября 1941 г. записал в своем дневнике: «По данным разведки, русские имеют 16 полков реактивных установок. Производство в Москве. Боеприпасы — хорошие»[58].

С марта 1942 г. более интенсивно стала проводиться в Советском Союзе работа по атомному проекту. Коллектив ученых-физиков, в котором основную часть составляли москвичи, возглавлял академик И.В.Курчатов — с 1943 г. директор Института атомной энергии, ставший в послевоенные годы трижды Героем Социалистического Труда. Советские исследователи-атомщики за годы Великой Отечественной

войны сделали значительный шаг вперед в области создания ядерного оружия.

Большой вклад в налаживание массового выпуска танков в тыловых регионах и прежде всего на Урале и в Поволжье внесла группа эвакуированных или командированных сюда московских специалистов. Прекрасными организаторами производства боевых машин проявили себя Герои Социалистического Труда заместитель Председателя СНК СССР, нарком танковой промышленности В.А.Малышев, его первый заместитель А.А.Горегляд, ученый-конструктор А.А.Морозов, директор завода Ю.Н.Максарев и другие.

Неизмеримо возросла за годы войны мощь советской авиации во многом благодаря крупным достижениям отечественных конструкторов, в том числе москвичей, удостоенных высоких званий и наград Родины, таких как С.В.Ильюшин, В.М.Петляков, С.А.Лавочкин, А.Н.Туполев, Арт.И.Микоян, М.И.Гуревич, А.С.Яковлев, А.А.Микулин, П.О.Сухой.

Среди москвичей — выдающихся организаторов и творцов непревзойденных артиллерийских и минометных систем, высококачественного стрелкового вооружения и боеприпасов следует назвать наркома вооружения Д.Ф.Устинова, его заместителей Б.Л.Ванникова, В.Н.Новикова, наркома боеприпасов П.Н.Горемыкина, наркома минометного вооружения П.И.Паршина, ученых, конструкторов и изобретателей: А.Э.Нудельмана, А.И.Судаева, Ф.Ф.Петрова, С.Г.Симонова, В.А.Дегтярева, Б.И.Шавырина, Г.С.Шпагина, Б.Г.Шпитального, С.В.Владимирова.

Неоценимую помощь фронту во время войны оказали также ученые Москвы — представители естественных, медицинских, сельскохозяйственных, общественных и других наук.

Москве принадлежало видное место и в производстве новых видов приборов, повышающих эффективность воздушного огня авиации и зенитной артиллерии, а также в снабжении фронта высококачественными пищевыми продуктами. Один только Московский пищевой комбинат в 1944–1945 гг. ежесуточно вырабатывал для фронта до 250 тонн пищевых концентратов и сухих пайков. За годы войны коллективу комбината 21 раз присуждались переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны, правительства и ВЦСПС[59].

Фашистская агрессия против СССР серьезно нарушила нормальную работу московских вузов и других учебных заведений. В 1941/1942 учебном году в столице действовало всего лишь 27 вузов, в которых обучалось около 23,5 тыс. студентов. В первом же учебном военном году в основном из-за ухода в ряды Красной Армии их отсев составил 42,2%. Но к началу 1943/1944 учебного года в Москве насчитывалось уже 65 вузов, в которых обучалось 76 тыс. студентов. В 1945 г. вузы столицы выпустили 7,7 тыс. специалистов[60].

В научной деятельности высших учебных заведений на первый план с самого начала войны выдвинулась оборонная тематика. Только

ученые МГУ им. М.В.Ломоносова в 1941–1945 гг. разработали более 1600 научно-исследовательских тем, имевших важное оборонное и народнохозяйственное значение[61]. За это же время в Московском университете было защищено 106 докторских и 520 кандидатских диссертаций[62].

Весь свой творческий талант отдавали делу разгрома врага представители творческой интеллигенции. В первые же дни военных действий многие московские писатели, артисты, художники, киноработники и музыканты вступили в ряды РККА и народного ополчения. Московские деятели культуры и искусства выезжали на фронт, выступали по радио, участвовали в массовых патриотических митингах и собраниях. После разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой возобновились спектакли ряда московских театров. В 1943 г. вернулись из эвакуации коллективы Большого театра, МХАТ'а, Малого театра, Театра оперетты и других.

Многие московские писатели, журналисты и музыканты стали военными корреспондентами, бойцами, командирами и политработниками (А.Фадеев, К.Симонов, А.Твардовский, Б.Горбатов, А.Сурков, А.Гайдар, В.Ставский, В.Соловьев-Седой, Дж.Алтаузен, П.Павленко, Е.Петров и другие). За годы войны они создали немало проникновенных произведений. 410 членов Союза писателей пали смертью храбрых в боях за Родину.

Активно откликнулись на события Великой Отечественной войны и деятели советского кино, в том числе москвичи, которым удалось создать немало глубоко патриотических художественных и документальных произведений.

Московская научная и творческая интеллигенция вместе со всеми жителями столицы в 1941–1945 гг. продемонстрировали свою неразрывную связь с народом, став его сильным оружием в борьбе с фашизмом.

Ратный и трудовой подвиг москвичей был достойно отмечен страной. Более 800 жителей столицы получили звание Героя Советского Союза, в том числе свыше 20 человек были удостоены этого звания дважды. Многие из них стали Героями Социалистического Труда, кавалерами орденов и медалей СССР. А 8 мая 1965 г. за массовый героизм, мужество и стойкость, проявленные в дни войны, Москве было присвоено звание Города-героя.

«Москва, — писала газета "Правда" 1 мая 1945 г., — победила Берлин, как весна побеждает зиму, как день побеждает ночную тьму, как жизнь побеждает смерть».

[1] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 21.

[2] См.: Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 156–157. (Далее — ИРИ РАН).

[3] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов. М., 1954. Т. 2. С. 366.
[4] *Алещенко Н.М.* Московский Совет в 1941–1945 гг. М., 1980. С. 79.
[5] Архив Президента РФ. Коллекция документов.
[6] Очерки истории Московской организации КПСС. М., 1966. С. 570.
[7] Москва: Энциклопедия. М., 1980. С. 33.
[8] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, 1941–1965. М., 1967. С. 71.
[9] Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971. Т. 3, кн. 2. С. 101.
[10] Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Frankfurt a/M, 1962. S. 142.
[11] Архив Президента РФ. Коллекция документов.
[12] Москва военная, 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 430.
[13] Нюрнбергский процесс... Т. 2. С. 366.
[14] *Василевский А.* Дело всей жизни. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 151.
[15] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 237.
[16] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 2. С. 220.
[17] Личный архив автора.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 58–59.
[21] Там же. Л. 61–63об.
[22] Там же. Инв. № 04/467. Л. 239.
[23] См.: Сообщения Советского Информбюро. М., 1944. Т. 1. С. 308.
[24] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 49. Л. 76.
[25] Личный архив автора.
[26] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 254; Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 15.
[27] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 141; Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 16.
[28] *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 1978. С. 4.
[29] *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года. М., 1980. С. 143–144.
[30] Цит. по: Разгром немцев под Москвой. М., 1943. С. 12.
[31] См.: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. С. 189.
[32] Роковые решения. М., 1958. С. 98.
[33] Магнитофонная запись беседы автора с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским. 15 июля 1977 г.
[34] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 244.
[35] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 103.
[36] ИРИ РАН. Документы и материалы. Инв. № 04/467. Л. 266.
[37] Там же. Л. 271.
[38] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956. С. 201.
[39] История Москвы: Краткий очерк. М., 1974. С. 360.
[40] *Андреев П., Буков К.* Подвиг города-героя, 1941–1945. М., 1965. С. 154.
[41] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, 1941–1965. С. 87.

[42] Там же. С. 88.
[43] Там же. С. 89.
[44] Возрождение прифронтовых и освобожденных районов в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1986. С. 52–53.
[45] История Москвы: Краткий очерк. С. 262.
[46] Там же. С. 364.
[47] *Куманев Г.А.* Советский тыл – фронту, 1941–1945 гг. М., 1970. С. 25; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 3. С. 181.
[48] См.: Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945 гг. М., 1984. Т. 3. С. 253.
[49] *Морехина Г.Г.* Рабочий класс – фронту. М., 1962. С. 461.
[50] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, 1941–1965. С. 120.
[51] Москва: Энциклопедия. С. 34.
[52] Там же.
[53] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, 1941–1965. С. 99; История Москвы: Краткий очерк. С. 368.
[54] Москва: Энциклопедия. С. 35.
[55] Москва – фронту, 1941–1945: Сб. документов и материалов. М., 1966. С. 363.
[56] Советская культура в годы Великой Отечественной войны. М., 1976. С. 38–39.
[57] Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Очерки, воспоминания, документы. М., 1996. С. 166.
[58] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 3, кн. 2. С. 78.
[59] История Москвы в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, 1941–1965. С. 129.
[60] Там же. С. 150, 153.
[61] Там же. С. 152.
[62] Москва: Энциклопедия. С. 35.

ПОДВИГ И ПОДЛОГ

Великая битва под Москвой была отмечена многочисленными примерами самопожертвования, мужества и стойкости бойцов и командиров Красной Армии, партизан и подпольщиков, участников трудового фронта. Не будь этого, наша столица вряд ли устояла бы перед мощным натиском превосходящих сил врага. Без массового героизма ее защитников не удалось бы одержать первую крупную победу над немецко-фашистскими захватчиками.

Многие из героев, отличившихся в сражениях под Москвой, получили всенародную известность, их имена вписаны в летопись Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Среди ратных свершений воинов, защищавших столицу, особое место занимает подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев. 16 ноября 1941 г. у железнодорожного разъезда Дубосеково они преградили путь крупной вражеской танковой колонне, прорывавшейся через Волоколамское шоссе к Москве, и сумели на несколько часов задержать противника. Вскоре об этом подвиге узнала вся страна, и 28 гвардейцев-панфиловцев заняли достойное место в истории Великой Отечественной войны.

В официальных сообщениях того времени говорилось, что все 28 героев пали смертью храбрых. Однако шестеро воинов, раненые и контуженные, — Даниил Кожубергенов, Григорий Шемякин, Илларион Васильев, Дмитрий Тимофеев, Иван Шадрин и Иван Добробабин, оказались сильнее смерти, «воскреснув» один за другим «из мертвых».

Какое-то время оставался в живых и смертельно раненный рядовой Иван Натаров. Подобранный после боя нашими разведчиками (территория оказалась уже занятой немцами), он был доставлен в медсанбат, где успел поведать многое о неравном сражении и бессмертном подвиге под Дубосековом...

Как и И.М.Натаров, тяжело раненные и контуженные Г.М.Шемякин и И.Р.Васильев были обнаружены на поле боя теми же разведчиками, долго лечились в госпиталях, потом снова находились в действующей армии. И.Д.Шадрина и Д.Ф.Тимофеева взяла в плен немецкая тыловая команда. В лагере военнопленных оба принимали

активное участие в подпольной борьбе, пока не пришло, наконец, освобождение.

Шемякину, Васильеву и Шадрину были вручены Золотые Звезды Героев Советского Союза. Вызванный в Москву для этой же цели Тимофеев получить награду не смог по состоянию здоровья. Сказались перенесенные ранения и тяготы плена. Он умер в 1947 г.

У каждого из оставшихся в живых 28 панфиловцев по-разному сложилась дальнейшая судьба. Одних ждали новые суровые и тяжкие испытания, горечь незаслуженных обид, несправедливость и забвение, других — всенародная известность и весьма трудное испытание славой.

Очень нелегкая участь выпала на долю сержанта И.Е.Добробабина и рядового Д.А.Кожубергенова, который был связным политрука В.Г.Клочкова.

Этим солдатам и посвящаются публикуемые ниже материалы*.

Судьба Ивана Добробабина — одного из 28-ми героев-панфиловцев

Сознав, что сделал все, что мог,
Спокойно, как всегда, как давеча,
Недвижно Добробабин лег, —
Так смерть нашла Иван Евстафьича.
(Из поэмы М.Светлова
«Двадцать восемь»)

«Он очнулся в своем окопе от сильного озноба, острой боли в ногах и нестерпимого шума в голове. Собственно, окопа уже не было. Разрушенный взрывами снарядов и вражескими танками, он превратился в какой-то полузасыпанный бесформенный ров. В необычной тихой, морозной ночи резко ощущался запах гари. Вокруг со вздернутыми или опущенными стволами неподвижно застыло несколько искореженных и тлеющих немецких танков...

Бой закончился. Бойцы взвода сержанта Ивана Добробабина, его взвода, достойно выполнили свою задачу».

Спустя много лет с того невероятно тяжелого ноябрьского дня 1941 года, сержант не раз вспоминал ставшее легендарным сражение под Дубосековом, дополняя наши представления о подвиге 28-ми героев-панфиловцев новыми фактами и подробностями.

---

* Статья включает в себя три разных по объему текста, которые в несколько сокращенном виде были напечатаны в газетах «Правда» (18 ноября 1988 г.), «Московская правда» (7 мая 1989 г.) и в еженедельнике «Неделя» (№ 47 от 18–24 мая 1991 г.). При подготовке к печати автор внес в их содержание некоторые исправления и дополнения.

«Наш 1075-й полк, которым командовал полковник И.В.Капров, – вспоминал И.Е.Добробабин, – занимал оборону на линии: высота 251 – деревня Петелино – разъезд Дубосеково. Мое подразделение, состоявшее из группы истребителей танков, находилось на левом фланге и располагалось в центре между проселочной и железной дорогами напротив деревни Красиково.

Вечером 15 ноября 1941 г. политруком роты В.Клочковым и командиром роты старшим лейтенантом П.Гундиловичем был зачитан приказ о том, что 16 ноября части нашей 316-й стрелковой дивизии генерала И.Панфилова переходят в наступление...

С этим приказом я сначала ознакомился на командном пункте (КП), а затем ночью вместе с Клочковым мы пришли с КП в наши окопы, чтобы передать приказ бойцам взвода.

Политрук вернулся на КП, находившийся в метрах 300–400 от окопа, и взвод стал вести ночное наблюдение. В эти томительные часы нам был доставлен завтрак, и мы с большим нетерпением расспрашивали у приехавших об обстановке.

Когда кухня уехала, я побежал на КП, чтобы узнать, когда же будет сигнал наступления...

Близился рассвет. В момент нашего разговора на КП немцы начали обстрел. Прямо под будку КП ударил снаряд или мина. Я вскочил, на бегу попрощался с Клочковым и Гундиловичем и кинулся в свой окоп. Немецкий пулемет ударил по брустверу. Я свалился в окоп: "Ребята! Ведите строгое наблюдение! Сейчас пойдем в бой!" Но сигнала о наступлении мы так и не получили.

А на рассвете гитлеровцы сами пошли на нас. Мы услышали все нарастающий гул машин. Сперва пошла вражеская пехота. Подпустив ее на близкое расстояние (оставалось каких-то 100–150 метров), бойцы взвода по моему сигналу (я громко свистнул) открыли дружный огонь, и первая атака была отбита. Десятки вражеских трупов остались перед нашим окопом.

Но вот снова усиленно заработали вражеские пулеметы, земля содрогнулась от взрывов снарядов и мин. Противник начал вторую атаку. Но и она оказалась сорванной.

После этого из лощины, откуда наступали фашисты, в небо поднялись две желтые ракеты. А через несколько минут мы услышали неприятный металлический лязг. Из-за деревни, сбоку от нас, показались два немецких танка. Зайдя в лощину, они открыли огонь. Под их прикрытием снова двинулась вражеская пехота. Развод отбил и эту атаку. Один танк был подожжен.

Вскоре начался новый штурм нашей обороны. На этот раз противник бросил на нас штурмовую авиацию и много танков. Мы били из противотанковых ружей, забрасывали танки бутылками с горючей смесью и противотанковыми гранатами. Этим боем я руководил не-

сколько часов — с рассвета до полудня, принимая самостоятельные решения, поскольку никакой связи с КП взвод не имел...

Наши ряды редели: один за другим выходили из строя бойцы. Тяжелораненых я отправлял в блиндаж при окопе. Кто еще мог держать оружие, продолжал бой. Несколько танков противника прорвались к окопу, утюжили его, а потом вспыхивали, подожженные бойцами.

Наше оружие засыпалось землей. Но в блиндаже оказалась банка с керосином. Мы промывали затворы и стреляли снова. В окопе было уже невозможно ходить в полный рост, бойцы передвигались ползком. За плотной завесой снега, копоти и земли, которая стояла, не оседая, из-за частых разрывов снарядов, мы не увидели, как наши части с правого фланга отошли на новые рубежи...

Снова пошли на окоп вражеские танки. Это была уже вторая танковая атака. Ко мне по ходу сообщения приполз один из бойцов и позвал: "Товарищ командир!" Я оглянулся — и в памяти остались только страшный взрыв, яркая вспышка и состояние удушья. Я потерял сознание, и этот момент был для меня последним из всех эпизодов боя под Дубосековом...»

Нет Добробабина уже,
Убит Трофимов и Касаев, —
Но бой кипит на рубеже,
Гвардейский пыл не угасает, —

напишет позднее в своей поэме «Слово о 28 гвардейцах» поэт Николай Тихонов.

Засыпанный землей и тяжело контуженный Добробабин уже не знал, что в расположение его подразделения прибыл политрук Василий Клочков и взял на себя непосредственное руководство обороной. Обратившись к бойцам взвода, он произнес слова, ставшие девизом всех защитников нашей столицы: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!»

И воины не отступили, они стояли насмерть до последней гранаты, до последнего патрона, уничтожив в итоге 18 из 50 наступавших вражеских танков. И хотя поле боя оказалось тогда захваченным гитлеровцами, 28 панфиловцев сумели более чем на четыре часа задержать крупную танковую группировку противника, не позволив ей вырваться на Волоколамское шоссе и оттуда ринуться на Москву. Они дали возможность советскому командованию за то выигранное, поистине драгоценное время отвести основные силы на заранее подготовленные рубежи, спешно подтянуть резервы и перегруппироваться. В этом состояло главное значение и величие их подвига, в совершение которого внес свой достойный вклад сержант Иван Евстафьевич Добробабин.

...Он долго не будет знать, что уже через несколько дней после боя газета «Красная звезда» опубликует статью журналиста А.Кривицкого «Завещание 28 павших героев» и весть о бессмертном подвиге у разъезда Дубосеково быстро облетит страну. О мужестве и стойкости двадцати восьми вскоре будут написаны десятки других статей, брошюр и даже сложены песни, появятся поэмы Н.Тихонова и М.Светлова. Славная история панфиловцев войдет позднее и в школьные, и в вузовские хрестоматии, и 21 июля 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР все 28 гвардейцев будут по существу посмертно удостоены звания Героя Советского Союза...

Что же произошло с Добробабиным после того, как он пришел в себя в ту морозную ноябрьскую ночь после закончившегося боя?

Неторопливо Иван Евстафьевич продолжал свой рассказ.

Превозмогая боль, особенно в левой раненой ноге, он выбрался из траншеи и пополз через железнодорожное полотно и поле в лес. До утра пробыл там, наблюдая за железнодорожной будкой. Был без шапки, сильно замерз. Утром, когда рассвело, совсем закоченевший, решился заползти в будку. Находившиеся там железнодорожницы обмыли его окровавленное лицо, накормили, дали шапку, растерли и обули обмороженные ноги...

Все попытки Добробабина пробраться через линию фронта к Москве оказались безуспешными: чересчур велика была здесь плотность вражеских войск. В районе Дубосеково примкнул к группе бойцов, которую выводил из окружения пожилой человек по имени «дядя Вася» в гражданской одежде, но с генеральскими лампасами.

Через несколько дней группа «дяди Васи» была рассеяна огнем вражеской засады. В селе, куда Добробабин зашел в поисках товарищей, он был схвачен солдатами карательного отряда и доставлен в Можайский лагерь военнопленных. Там пробыл около месяца, пережив все ужасы фашистской неволи. Вместе с группой военнопленных пытался бежать, но прорваться на свободу удалось лишь двоим.

Мысль о побеге не покидала сержанта, и подходящий случай представился. С началом наступления Красной Армии под Москвой фашистские оккупанты стали вывозить пленных эшелонами из Можайского лагеря в направлении Смоленска и далее на юго-запад. Когда Смоленск остался далеко позади, Добробабин решил бежать. Ночью на ходу поезда он выломал окно, забитое досками, и, резко оттолкнувшись, прыгнул. При падении сильно повредил правую ногу. Вместе с ним удалось бежать еще двум военнопленным.

Поскольку идти группой было опасно, один из беглецов сразу же отделился. Со вторым, молодым пареньком из Воронежской области, Добробабин шел долго. В хуторах и селах спрашивали о партизанах. Но обнаружить их не удалось. Некоторые местные жители говорили, что о партизанах ничего не слышно. Другие уклонялись от ответа.

В обстановке жестокого оккупационного режима, частых карательных облав и проверок люди боялись довериться неизвестным, опасались провокаторов. В одну из ночей, преследуемый полицаями, Добробабин потерял своего спутника и остался один.

После тщетных попыток перейти линию фронта или попасть к партизанам он решил дойти до родного села Перекоп Харьковской области, где не был уже 13 лет. Рассчитывал восстановить там силы, а затем снова попытаться связаться с партизанами.

И вот, наконец, после долгих мучений, опухший от голода, больной и полураздетый Добробабин пришел в родное село. Немецкого гарнизона там не оказалось.

Приютил Ивана Евстафьевича его брат Григорий, освобожденный от армии по болезни. По просьбе Григория староста села Петр Зинченко, который был выбран на этот пост на сходке самим населением (проголосовали за того, кто сочувствовал Советской власти и не мог стать прислужником оккупантов), выдал сержанту справку о его якобы постоянном проживании в селе. С указанной справкой Добробабин мог чувствовать себя безопаснее.

Однако вскоре к немцам, стоявшим в соседнем селе Левандаловке, поступил чей-то донос: в селе Перекоп скрывается командир Красной Армии. Добробабин был арестован и отправлен в Левандаловский лагерь военнопленных. Лагерь был небольшой. Его узников использовали на дорожных работах. Управляли ими пожилые немцы, по-видимому, тыловики. Через несколько дней родственникам Ивана Добробабина удалось выкупить сержанта из лагеря... за продукты.

Ранней осенью 1942 г. оккупанты стали отправлять крестьян на работу в Германию. Староста П.Зинченко сказал, что дальше скрывать Ивана в селе не может. И единственный выход для него — дать согласие работать при старосте. Правда, что это за работа, староста тогда не сказал.

Добробабин понял, что попал в безвыходное положение и решил согласиться работать при старосте села, продолжая лелеять надежду, что ему все же удастся в конце концов найти и связаться с партизанами.

Во время второго вызова Добробабина в старостат П.Зинченко заявил: «Тебя я записал в полицаи, будем вместе помогать нашим. Пойми, что другого выхода нет».

Иван Евстафьевич подчеркивал, что за весь период его пребывания в роли сельского полицая не было ни одного случая расстрелов, повешений, расправ над коммунистами, комсомольцами, сельскими активистами и членами их семей. Не было и случаев выдачи оккупантам раненых советских воинов, которые скрывались здесь. Комендантом немецкой комендатуры в Перекопе был чех по национальности, а переводчиком югослав, которые не отличались каким-либо жестоким нравом. А немцев в селе не было, здесь располагался только сельский

пост полиции. Сама же полиция находилась в районном центре Валки, куда Добробабина ни разу не вызывали. Форму ни он, ни другие сельские полицаи не носили и никакой присяги, никакого устного обязательства оккупантам не давали.

Числясь полицаем, никаких действий, направленных против народа, Добробабин не совершал, оставался пассивным в выполнении всего того, что могло пойти на пользу оккупантам.

В начале марта 1943 г., когда село Перекоп было освобождено Красной Армией, Добробабин остался в нем, не чувствуя за собой какой-либо вины. И его главным желанием было – получить оружие и снова в рядах Красной Армии сражаться с ненавистным врагом. Однако по навету полицая из соседнего села он был арестован и доставлен в армейскую контрразведку, находившуюся в Левандаловке.

Но уже через день в село внезапно ворвались фашистские танки. Арестованным и конвоирам для спасения пришлось рассеяться. В связи с создавшейся критической обстановкой Добробабин был из-под стражи освобожден.

Он вновь попадает в село Перекоп, где уже хозяйничали эсэсовские части. Вскоре все выходы отсюда оказались отрезанными.

Снова оказавшись в безвыходной ситуации, Добробабин согласился продолжать работу при старостате, чтобы, как и прежде, всеми возможными средствами помогать советским людям. И эта помощь была реальной. Он предупреждал жителей села, в том числе молодежь, о готовящихся облавах и о том, когда их собирались отправлять в фашистскую Германию, как мог, освобождал задержанных из-под ареста, снабжал их необходимыми документами, уничтожал появлявшиеся в старостате списки активистов и т. д.

В результате им были спасены от угона на фашистскую каторгу или освобождены из-под ареста многие жители села.

В конце 80-х годов земляки И.Е.Добробабина так свидетельствовали об этом:

Колесник Василий Ефимович, 1925 г. рождения, уроженец с. Перекоп, инженер, пенсионер:

> *«Летом 1943 года, когда Иван Евстафьевич Добробабин служил в старостате, я хорошо его знал. Дважды Добробабин спас меня и моего товарища Колесника Григория (однофамилец) от облавы. Было это в июне 1943 года. Он ехал на велосипеде, остановился и предупредил: "Хлопцы, сегодня ночью будет облава, ховайтесь". И правда — ночью слышна была стрельба, шла облава. В другой раз Иван Евстафьевич предупредил меня об облаве с Корсун Евдокией».*

Бражник Вера Григорьевна, 1930 г. рождения, уроженка с. Перекоп. В конце 80-х годов проживала в Харькове (ул. Командарма Уборевича, 14, кв. 110):

«С начала войны и до 1949 года я жила в Перекопе. В нашей хате жил Добробабин Иван Евстафьевич, когда служил в полиции. У нас в хате скрывались девчата, которых немцы хотели угнать в Германию. Добробабин, конечно, знал о них, но скрывал это от оккупантов».

Погорелая Настасья Григорьевна, 1910 г. рождения, уроженка с. Перекоп, пенсионерка:

«Всю войну была я в селе. Оккупанты забрали корову, бычка, барахло, выгнали из хаты, жила в хате соседей.

...Полицаями были Дереза, Петро Тредит, Добробабин Иван Евстафьевич. Добробабин был хороший человек. Ничего плохого о нем не скажу... Иван Евстафьевич помогал мне. С поля потихоньку от немцев брали буряк, капусту для еды. Добробабин говорил мне, чтоб везли на саночках, везли потихоньку от немцев, другой улицей. Словом, помогал нам спрятать от оккупантов то, что подбирали на поле. Ничего плохого о Добробабине и не слыхала. Хотя староста посылал его ко мне за коровой, но не брал ее у меня Добробабин».

Дудниченко Андрей Григорьевич, 1907 г. рождения, уроженец с. Левандаловка. Был председателем сельсовета в с. Левандаловка (рядом с с. Перекоп):

«Меня схватили фашисты, долго били, мучили, пытали и, думая, что я уже мертв, бросили в сарай. Сторож на утро обнаружил меня и рассказал обо мне жене моей. Та меня забрала домой. Я подлечился немножко, но кто-то донес, и меня снова забрали фашисты, бросили в полицейский участок Перекопа. Велели повесить. Когда немцы уехали из села, Иван Добробабин освободил меня, я ушел в другое село. Так я остался жив, за что благодарен Ивану Евстафьевичу всю жизнь. И после войны, когда я вернулся в родное село, я ничего худого о Добробабине не слышал».

Прилуцкая Прасковья Никитична, 1922 г. рождения, уроженка с. Перекоп, пенсионерка:

«Помню Ивана Евстафьевича, когда он был в старостате при полиции села. Он тогда людям ничего плохого не делал. Наоборот, предупреждал молодежь, если готовилась облава, чтобы увозить в Германию. И вообще от других людей ничего недоброго о Добробабине не слыхала. Он был хороший. Он лично меня предупреждал, чтобы я ховалась от немцев».

Перечень подобных свидетельств можно было бы продолжить. Но вернемся в те далекие годы.

В августе 1943 г. части Красной Армии вновь приблизились к Перекопу. Отступая под натиском советских войск, немецко-фашистские захватчики подожгли село. Под угрозой расстрела была объявлена поголовная эвакуация всего населения.

Добробабин успел помочь жене фронтовика Екатерине Величко с двумя малыми детьми укрыться в Левандаловском лесу. Но сам попал в огромную колонну людей, которых отступавшие эсэсовцы, используя сторожевых собак, гнали впереди себя, открывая огонь по каждому, кто пытался сбежать. Уже находясь за Днепром, он сумел свернуть с большой дороги и в селе Тарасовка Одесской области встретил, наконец, советские войска.

Он явился в полевой военкомат, все рассказал о себе лейтенанту Усову, который проводил запись военнообязанных, и после соответствующей проверки был приписан в 1055-й полк (командир полка майор Следь, начальник штаба капитан Комиссаров) 297-й стрелковой дивизии и восстановлен в прежнем звании.

С марта 1944 г. и до конца войны И.Е.Добробабин постоянно находился на передовой в должности командира отделения. Он участвовал в Ясско-Кишиневской операции, в боях за освобождение Румынии, Чехословакии, Австрии. Форсировав Тиссу, его отделение укрепилось на противоположном берегу и до подхода основных наших сил удерживало этот важный плацдарм. Здесь Иван Евстафьевич был контужен плавучей миной, но остался в строю. В сражении за Будапешт солдаты отделения действовали как истребители танков. В числе первых ворвались в город Кечкемет, прорвав три кольца вражеской обороны и захватив аэродром противника.

За проявленное мужество и героизм сержант Добробабин был награжден орденом Славы III степени и несколькими медалями.

Вот как характеризовалась его боевая деятельность в спецсообщении начальника контрразведки 2-го Украинского фронта от 22 января 1945 г.:

«За время пребывания в 297-й стрелковой дивизии Добробабин И.Е. никак себя не скомпрометировал. Показал себя в прошедших боях храбрым воином. За бои под Яссами в августе 1944 года награжден орденом Славы III степени. Военный совет 7-й гвардейской армии вошел с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о выдаче Добробабину ордена Ленина и Золотой Звезды».

После разгрома фашистской Германии вместе со своей частью он был направлен на восток для участия в войне против японских милитаристов. Но на пути следования его встретило известие о капитуляции Японии.

Поздней осенью 1945 г. сержант Добробабин был демобилизован и вернулся в г. Токмак (Киргизия). Именно отсюда он добровольцем в июле 1941 г. пошел на фронт в составе панфиловской дивизии.

И вот перед ним до боли знакомые места, сердце сжалось: «Выхожу из вагона, в солдатской шинели, с небольшим чемоданчиком, — вспоминал Иван Евстафьевич, — немного прошелся по знакомой Кошчийной улице и в глазах зарябило, читаю на табличке: "Улица Добробабина"... А на городском сквере у здания горсовета — большой чугунный памятник во весь рост и на нем надпись: "Герою Советского Союза, одному из 28 панфиловцев Ивану Евстафьевичу Добробабину".

Мое появление буквально "с того света" для жителей города было немалой радостью... Но продолжалась она недолго. Вскоре я был арестован».

Все пошло по хорошо известному сценарию, в худших традициях тех лет, с грубейшими нарушениями элементарных норм права: ускоренное, предвзятое следствие, включая применение физических мер воздействия, угрозы и запугивания свидетелей, а затем и двухдневный (8–9 июня 1949 г.) Военный трибунал Киевского военного округа, заседавший в Харькове. И «за измену Родине», за то, что, по словам обвинителя, Добробабин «спасал свою шкуру», последовал жестокий приговор — 25 лет лагерей. Мера наказания была снижена до 15 лет: учли, что Добробабин все же из 28 панфиловцев. Одновременно было направлено представление в Москву о лишении его звания Героя Советского Союза, что и было вскоре оформлено соответствующим указом.

Добробабин просил следователя и судей, чтобы его привезли в село Перекоп (ведь оно находится всего в 40 км от Харькова), собрали бы всех жителей и изложили суть обвинения. Состряпанная легенда о его преступлении легко бы улетучилась. Но в этой просьбе ему было отказано, а многочисленные свидетели из села, которые могли бы без труда подтвердить, что он не изменил Родине, на заседания трибунала не привлекались.

— А что стало с Вашим памятником в Токмаке? — спрашиваю Ивана Евстафьевича при встрече.

— Точно не могу сказать, но мне рассказывали, что поступили с ним просто: мою «голову» отрезали, а «голову» Дуйшенкула Шопокова — моего боевого друга и земляка, тоже одного из 28 панфиловцев, — приварили, да так, что шов был виден. На какое-то время это стало особой достопримечательностью города. Всем приезжим, показывая памятник, местные жители говорили: «Перед вами "тело" Добробабина, а "голова" — Шопокова». Но потом этот памятник убрали».

Находился в лагере И.Е.Добробабин семь лет. В 1955 г. Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела протест Генерального прокурора по его делу, приняв половинчатое решение: срок наказания был снижен как раз до этих семи лет. А 2 ноября 1954 г., еще до принятия решения по указанному протесту, он был освобожден, но без полной реабилитации, а лишь «условно-досрочно». При этом все

его боевые награды не были возвращены, остался в силе и указ о лишении И.Е.Добробабина звания Героя Советского Союза.

В ноябре 1966 г. в газете «Труд» была опубликована моя статья «Бой, вошедший в историю», посвященная 25-летию подвига 28 панфиловцев у разъезда Дубосеково. В ней, в частности, среди погибших героев был назван и сержант Добробабин.

Спустя некоторое время в одном из откликов на статью сообщалось, что Иван Евстафьевич жив и трудится где-то в Ростовской области. Я начал поиски. И вот, наконец, Ростовское областное адресное бюро известило, что И.Е.Добробабин проживает в г. Цимлянске.

Через несколько дней я поехал туда в качестве спецкорреспондента «Комсомольской правды»... Мне казалось, что я встречу человека, изломанного судьбой, с расшатанными нервами, обиженного на все и вся. Но эти опасения оказались напрасными. Я встретил настоящего русского солдата, поражавшего своей выдержкой, неподдельной скромностью, мужественно переносящего все жизненные невзгоды и испытания.

Много нового узнал о нем. Трудовую деятельность Иван начал 15-летним юношей, работал в качестве землекопа на строительстве Харьковского тракторного завода. Здесь же вступил в комсомол. Летом 1939 г., находясь на действительной службе в рядах РККА, около месяца участвовал в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол. Был контужен. За проявленный героизм командование представило пулеметчика Добробабина к медали «За отвагу». (Дальнейшая судьба этого представления осталась неизвестной.) Великая Отечественная война застала Ивана на строительстве Большого Чуйского канала в Средней Азии. 22 июня 1941 г. он пошел добровольцем на фронт. Его направили в г. Алма-Ату, где формировалась 316-я (позднее 8-я гвардейская) стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор И.В.Панфилов. Осенью 1941 г. в составе этой дивизии он сражался на территории Калининской области, а затем на полях Подмосковья...

Вот так характеризовали своего земляка молодежные руководители из г. Токмака, узнав о гибели Ивана Добробабина:

«Он ушел на фронт одним из первых среди токмакских комсомольцев.

Заядлый футболист, Иван Добробабин любил спорт, военное дело и ушел сражаться с врагом хорошо подготовленным, умелым бойцом. Мы были уверены в своем друге — такой не сдастся в трудную минуту. И верно: в армии, в боях Иван быстро выдвинулся, его назначили командиром подразделения. Не дрогнул и в том, последнем бою...

Их было только двадцать восемь... Они погибли, но не отступили.

Мы гордимся, что среди двадцати восьми героев, отдавших жизнь за Родину, был парень из нашего города, комсомолец Иван Добробабин.

Александра Беляева — секретарь Токмакского горкома комсомола,

Александра Старостина — политрук молодежного подразделения Всевобуча»[1].

Находясь в Цимлянске, я имел не только продолжительные беседы с Иваном Евстафьевичем, подробно расспрашивая его обо всем, но и побывал в местных органах власти. И всюду слышал только самые добрые слова об Иване Евстафьевиче как о хорошем человеке, добросовестном работнике.

Рассказал я тогда И.Е.Добробабину о недавней поездке в Алма-Ату и о встрече с Даниилом Александровичем Кожубергеновым — одним из 28 панфиловцев, человеком такой же трудной судьбы, официально тоже не признанным героем, Иван Евстафьевич хорошо помнил этого бойца своего взвода, и между ними позднее завязалась переписка.

Вооруженный богатым и интересным материалом, я вернулся в Москву и приступил к подготовке статьи о Добробабине для «Комсомольской правды».

Но тут последовал вызов на Старую площадь. В полученной открытке, которую храню до сих пор, значился номер телефона, по которому я должен был позвонить т. Осташеву С.П. Молодой голос в трубке подтвердил приглашение, поинтересовавшись, нет ли у меня возражений, если беседа будет проходить в присутствии военного прокурора. Отвечаю, что это, конечно, дело того, кто приглашает.

В кабинете С.Осташева — молодого приветливого человека, уже находился другой собеседник в зеленых погонах подполковника, плотного сложения, с густыми черными бровями, непроницаемым лицом и немигающим пристальным взглядом.

— Какими документами, связанными с историей подвига 28 панфиловцев, Вы располагаете? — спросил С.Осташев.

Я показал все, что захватил с собой, включая ряд документов из Центрального архива Министерства обороны СССР, различные свидетельства, подтверждения.

— Вот что, молодой человек, — жестко заметил военный прокурор. — Народ надо воспитывать на мертвых героях.

— Совершенно правильно, — охотно поддержал его хозяин кабинета. И добавил: — Предупреждаем — больше этим вопросом не заниматься и ни в коем случае его не ворошить. Ответите партбилетом.

На этом «предупредительная» беседа закончилась.

Такова вкратце судьба одного из 28 героев-панфиловцев, Ивана Евстафьевича Добробабина, которая ни одного честного челове-

ка не может оставить равнодушным и которая взывает к нашей совести.

Все попытки в течение вот уже более трех десятилетий помочь Ивану Евстафьевичу вернуть истории его честное имя, восстановить в высоком звании Героя Советского Союза оказались безрезультатными. Журналистка из г. Новочеркасска Ирина Сергеевна Юркова несколько раз побывала в селе Перекоп, собрала обширный материал (в том числе десятки свидетельств перекопцев в пользу И.Е.Добробабина), но ее поистине героические многолетние усилия постоянно наталкивались на стену недоверия и предвзятости.

Сам Иван Евстафьевич неоднократно обращался в разные инстанции, в военную прокуратуру с просьбой о пересмотре его дела, о полной реабилитации. Однако все оставалось без изменений.

За его плечами уже восьмой десяток, «Сердце стало пошаливать», — жаловался он. Все чаще стал принимать лекарства. Но крепится мужественный панфиловец. Похоронил жену Лидию Гайнановну, которая с ним прошла трудный жизненный путь и вместе с которой он вырастил прекрасных детей. Их дочь Элла окончила Ростовский университет. Преподает в Цимлянской средней школе № 2, а сын Ринат трудится технологом по обработке рыбы, плавает по Черному морю.

...Как часто, вспоминая о подвиге у разъезда Дубосеково, мы не задумываемся, что за ставшими священными для народа цифрами «28» стоят реальные люди.

И пока не очень-то вяжутся с действительностью слова из песни о Москве о вечной нашей признательности к бессмертному подвигу «28 самых храбрых сынов» нашей Родины, когда один из этих легендарных героев остается в забвении, оклеветанный и запятнанный, лишенный заслуженных перед Отечеством наград.

Мой очерк о панфиловце был написан осенью 1988 г. и 18 ноября того же года опубликован в «Правде». Однако ничего в жизни героя не изменилось. Более того, нашлись такие, кто, ловко манипулируя ложными документами и фактами, внесли в дело Ивана Евстафьевича осложнения и снова очернили его.

Еще раз о судьбе панфиловца

В №№ 8 и 9 «Военно-исторического журнала» за 1990 г. в новой рубрике «Осуждены по закону» был опубликован обширный материал под названием «Чужая слава», подписанный тогдашним главным военным прокурором генерал-лейтенантом юстиции А.Ф.Катусевым.

В указанной публикации отрицался имевший место 16 ноября 1941 г. подвиг 28 воинов у разъезда Дубосеково. Она была направлена и против полной реабилитации (с возвращением всех наград) одного из 28 панфиловцев сержанта И.Е.Добробабина, которого автор представил как отпетого изменника Родины, хитрого и изворотливого проходимца, пытающегося присвоить себе чужую славу.

Заодно досталось от Катусева и тем, кто искренне пытался помочь ветерану-панфиловцу восстановить справедливость в его очень не простом и трудном деле. Главный военный прокурор не пожалел черной краски, чтобы показать их в виде этаких поверхностных и даже корыстных правдоискателей, действия которых он именует не иначе, как кощунственными. При этом достаточно много критического внимания прокурор уделил содержанию очерка «Судьба Ивана Добробабина — одного из 28 героев-панфиловцев», напечатанного в «Правде» 18 ноября 1988 г.

Оставляя в стороне совершенно недопустимый в любой полемике оскорбительный тон публикации Катусева с наклеиванием ярлыков в духе былых времен, наличие в статье явных искажений, приписок и т.п., остановимся вкратце на ее главных положениях и выводах.

Но прежде надо подчеркнуть, что затронутая в «Правде» тема вызвала широкий резонанс: в поддержку высказанного в статье пришли сотни писем и телеграмм. Были, разумеется, и отклики, авторы которых выражали несогласие с нашей позицией. Причем некоторые из них, не приводя, к сожалению, каких-либо убедительных фактов, опровергающих доводы в защиту Добробабина, выражали свой «плюрализм» в форме грубых выпадов и даже угроз. Приведем лишь выдержки из нескольких писем:

«Со сложным чувством преклонения, горести и негодования читали мы в "Правде" от 18.11.88 г. очерк о трагической судьбе И.Е.Добробабина. Отважный солдат, он по жестокой иронии судьбы оказался оклеветанным, униженным и оскорбленным. То, что произошло с ним, взывает к немедленному восстановлению справедливости...

Президиум Совета ветеранов 2-го Украинского и Забайкальского фронтов».

«В первые годы войны мне довелось трижды в составе воздушно-десантных отрядов выполнять боевые задания в глубоком тылу противника.

...В каких ужасно тяжелых, нечеловеческих условиях находились советские люди на захваченной врагом территории. Там нам пришлось повидать не только мерзавцев, изменивших Родине, но и "полицаев", которые помогали партизанам, раненым бойцам и своим односельчанам, часто не имея на это "специального задания" или "указания".

Не понаслышке, а самому лично довелось видеть, как фашисты вешали этих "полицаев" и не за предупреждение об облавах и спасение людей от угона в рабство (за это они сразу же расстреливали), а только за то, что "полицаи" из награбленного немцами у местных жителей зерна и продуктов что-то передали односельчанам.

Вот почему мы, десантники, побывавшие в тылу врага, всегда выступали против того, чтобы каждому "полицаю" общим чохом пришивалась бирка предателя, как произошло с Добробабиным.

Вице-адмирал в отставке М.А.Усатов (г. Москва)».

«Летом 1944 г. по поручению руководства контрразведки "Смерш" 2-го Украинского фронта я выехал в командировку в одну из дивизий 40-й армии, расположенную на отдых и переформирование на территории Румынии.

Начальник отдела контрразведки этой дивизии (фамилию не помню) обратился ко мне, представителю фронта, с "щекотливым" вопросом: "Как быть?" Оказалось, что в одной из частей их дивизии объявился один из героев-панфиловцев сержант Добробабин...

Начальник контрразведки еще сообщил, что на свой запрос в порядке проверки всех вторично мобилизованных полевыми военкоматами на освобождаемых территориях, он получил ответ, что Добробабин, став полицаем, действовал против оккупантов, предупреждая население и срывая многие готовившиеся акции оккупантов.

С.А.Шехтер, майор в отставке (г. Харьков)».

«Уважаемая редакция!

Пишет вам Крымова (Рубашка) Елена Филипповна. Я родилась в с. Перекоп в 1925 г. и жила там до 1951 г. Прочитала статью о судьбе Ивана Добробабина и невольно вспомнила все пережитое в военное время.

Я помню, когда он вернулся в Перекоп и когда он стал работать в старостате. Мы, молодежь, все его считали своим человеком. Много раз Иван Евстафьевич нас и лично меня спасал от угона в Германию. Весной 1943 г. у нас забрали корову. Я побежала, нашла его, и он сделал все, чтобы нам корову вернули, хотя это было очень нелегко сделать. Все было уже так давно, но я хорошо помню — он работал как советский человек и Родине нашей не изменил. С благодарностью вспоминает Ивана Евстафьевича и моя дочь Дуброва (Гирич) Анна Мелентьевна».

Е.Ф.Крымова (г. Петропавловск-на-Камчатке)».

Оперативно откликнулась на мой очерк военная прокуратура. Работавший в то время главным военным прокурором генерал-лейтенант юстиции Б.С.Попов сообщил редакции «Правды» о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам по уголовному

делу Добробабина. И хотя Б.С.Попов обещал проинформировать редакцию о результатах расследования и принятом решении, долгие месяцы военная прокуратура хранила молчание.

За это время ростовские и алмаатинские кинодокументалисты, а также их коллеги из Центрального телевидения подготовили четыре фильма, непосредственно связанных с нашей темой: «Судьба», «Подвиг и подлог», «Четвертая похоронка», «Неоконченная война Ивана Добробабина». Причем съемки делались и в Перекопе, где живые свидетели подтвердили свое положительное мнение о Добробабине.

Представляется очевидным, что новые свидетельства по столь затянувшемуся делу, все записанные на кинопленку показания следовало бы внимательно и непредвзято изучить.

Но военная прокуратура поступила иначе.

Как только в феврале 1990 г. фрагменты из видеофильма «Судьба» были показаны по ЦТ, буквально через два дня генерал-лейтенант юстиции А.Ф.Катусев — новый главный военный прокурор, — срочно направил в соответствующие организации Ростова-на-Дону, Алма-Аты и руководству ЦК указующий циркуляр. Ссылаясь на «безупречность (!?) следствия 1947–1948 гг.» по делу сержанта-панфиловца, генерал-лейтенант юстиции сделал прокурорское предписание о том, что «пропагандирование Добробабина как героя-панфиловца нецелесообразно». И можно себе представить, в условиях начавшегося процесса гласности наш борец против всяких альтернативных мнений преуспел: во всяком случае, демонстрацию по ЦТ фильма «Подвиг и подлог» ему удалось тогда заблокировать*.

Почти одновременно с письмом 23 февраля 1990 г. Катусев дал интервью корреспонденту газеты «Московский комсомолец», где, в частности, содержалось удивительное по своей некорректности и явным передержкам заявления. «Не так давно, — подчеркнул главный военный прокурор, — по телевидению показали якобы героя-панфиловца Добробабина: он делился воспоминаниями с миллионами телезрителей. По материалам же уголовного дела Добробабин, попав в плен, стал начальником немецкой полиции в Харьковской области, он отбирал имущество, угонял людей в фашистскую неволю. Этот проходимец по случайному стечению обстоятельств получил Звезду Героя Советского Союза, но после войны правда открылась, и его осудили на 15 лет (!). А теперь, когда почти все свидетели умерли, Добробабин выбрался из "укрытия" и требует реабилитации».

---

* Запрет на демонстрацию фильма «Подвиг и подлог» через год был снят, и фильм был показан по ЦТ 16 ноября 1991 г.

Как все просто у автора интервью, где смещены события и опущены «нежелательные факты». Будто и не было у Ивана Добробабина смелого побега из плена, будто он, оказавшись в должности полицая, рискуя жизнью, не помогал советским людям, и позднее, находясь вновь в рядах Красной Армии, не проявил себя, как и у разъезда Дубосеково, мужественным солдатом, за что был награжден орденом Славы III степени и медалями... И не мог Катусев не знать, что есть еще немало живых свидетелей из села Перекоп, которые продолжают подтверждать правоту Добробабина.

Такова небольшая предыстория появления названной публикации в двух номерах «Военно-исторического журнала». А теперь вернемся к ее основному содержанию и целям.

При внимательном чтении обеих частей этой «разоблачительной» статьи не трудно убедиться, что они находятся в явном противоречии одна с другой. Более того, создается впечатление, что их писали разные авторы.

В первой публикации журнала (№ 8) была поставлена задача убедить читателей в том, что Добробабин имеет самое косвенное отношение к бою у Дубосекова, но тем не менее настойчиво пытается примазаться к «чужой славе» (т. е., видимо, к славе младшего политрука В.Г.Клочкова), приписывая себе какую-то руководящую роль в том бою. Но во второй статье журнала (№ 9) автор вообще отрицает, что подвиг 28 героев, как и бой у Дубосекова, имели место. При этом 28 героев, именуемые прокурором «мифическим взводом», противопоставляются не только 4-й роте, где, по словам Катусева, «погибло смертью героя более 100 человек», но и всему полку и даже всей дивизии. Именно здесь, по мнению военного прокурора, «и заложена Большая правда Большого подвига».

Таким образом, конечная цель автора достигается без особых усилий: становится просто нелепой сама постановка вопроса о восстановлении сержанта-панфиловца в звании Героя Советского Союза. И не церемонясь с пожилым и больным человеком, Катусев морально унижает и «разоблачает» его как дезертира и изменника.

Кощунственные «открытия» генерала от юстиции — это не что иное, как очередная дегероизация на этот раз одного из наиболее известных ратных подвигов периода Великой Отечественной войны.

На чем же основываются эти «открытия»?

Первым источником для военного прокурора Катусева являются стенограммы допросов Добробабина в ноябре–декабре 1988 г.

В стенограммах, на которые автор публикации постоянно ссылается, Добробабин отказывается от многих своих прежних утверждений и признается в «совершении преступления перед Родиной». В стенограммах содержится, в частности, и высокая оценка Добробабиным уровня следствия, проведенного по его делу в декабре 1947 — мае

1948 гг. якобы без каких-либо угроз, физического воздействия и прочих нарушений законности.

Но у нас есть все-таки серьезные основания сомневаться в правдивости этих новых «признаний», о безупречности следствия сталинского периода.

Ведь еще в 1953 г. в обращениях осужденного на 15 лет Добробабина в Президиум Верховного Совета СССР и в Верховный Суд СССР, например, говорилось:

«Всех свидетелей, показывавших обо мне положительно, с допросов удаляли, не фиксируя их показаний». (Письмо от 23 мая 1953 г.)

«По вполне понятным причинам я не имею права писать о методах и приемах ведения следствия по моему делу. Надеюсь, что эти методы и приемы Вам понятны...

Во всяком случае, мои, вредные для советских граждан действия не подтвердились, а если имеют какие-либо подтверждения, то они вымышлены и добыты нечестным путем». (Письмо от 28 августа 1953 г.)

Более конкретно о стиле и методах того следствия ветеран-панфиловец рассказал мне в декабре 1988 г. Обратимся к магнитофонной записи:

«Следствие велось, я бы не сказал, что справедливо. Потому что то, что я говорил о своих делах хорошее, во внимание не бралось. "Только давай плохое", — говорил следователь Бабочкин (Бабушкин. — Г.К.) ...А я говорю: "У меня плохого нет". "Нет?!" — и кулаком по столу... Ну, а потом двери в следующий кабинет открывали. А там людей избивали... Ну, думаю, и мне это будет... Было все. Но я отказывался... Тогда следователь сказал так: "Не хочешь подписывать, я тебе такое дело сделаю, сфабрикую, что ты под расстрел попадешь". Ну что мне оставалось делать в те времена?»[2]

Конечно, сейчас не «те времена». И тем не менее имеются данные, говорящие о том, что новое расследование старого дела Добробабина проводилось военной прокуратурой по старой наезженной колее, отнюдь не «глубоко и всесторонне», как утверждает автор статьи, а, напротив, поверхностно и предвзято, с определенной установкой — «разоблачить предателя».

Бот что писал в «Правду» осенью 1989 г. один из создателей видеофильма «Судьба» И.М.Шипулин:

«Когда мы были в селе Перекоп, то узнали о том, что представитель Харьковского КГБ не вызвал в сельсовет ни одного свидете-

ля из тех, кто хорошо знал Ивана Евстафьевича Добробабина... Он вызвал только тех и беседовал с глазу на глаз только с теми, кто знал Добробабина понаслышке».

Такие же слова о действиях харьковского уполномоченного услышала от жителей Перекопа прибывшая туда для съемок фильма «Подвиг и подлог» группа студии «Казахтелефильм» (г. Алма-Ата).

Какие же честные и справедливые выводы можно было ожидать в результате подобной «проверки»?!

А в снятом москвичами и ростовчанами телефильме «Неоконченная война Ивана Добробабина» на соответствующий вопрос журналиста А.Абраменко Иван Евстафьевич ответил: «Я вот был в Харьковском КГБ. Там считают, что я изменил Родине. Почувствовал, что нажим не мягче, чем в НКВД в те годы... Но, вы знаете... гнут на то, чтобы меня очернить».

И, наконец, полученная мною телеграмма из Цимлянска:

«Ознакомился с журнальной статьей "Чужая слава". Глубоко возмущен. Много в стенограммах бесед вымышлено, искажено или сделано под нажимом, что вызывает во мне решительный протест.

С уважением Добробабин».

При внимательном чтении статьи, подписанной Катусевым, бросается в глаза очень важная деталь: автор не опроверг ни одного из показаний (а их несколько десятков!) жителей села Перекопа в пользу Добробабина. Он просто отмахнулся от этих свидетельств. Приведенные военным прокурором «убедительные доказательства» вины Добробабина просто-напросто взяты из уголовного дела панфиловца 1947–1948 гг.

Конечно, совершенно не случайно оставлен без внимания и полный риска побег Добробабина из эшелона с военнопленными, что уже само по себе свидетельствует о многом. Но, по-видимому, для военного прокурора — это мелкая, ни о чем не говорящая деталь, как и тот факт, что с марта 1944 г. и до окончания войны Добробабин, вновь находясь в составе действующей армии, почти непрерывно был на передовой линии фронта, не раз смотрел смерти в глаза, заслужив за свою храбрость в защите Отечества новые награды...

Бьющая через край фантазия генерала юстиции в № 9 журнала приводит его к «дополнительному уточнению». Оказывается, спастись сержанту помогли «уход с поля боя и сдача в плен».

Не будем продолжать перечень подобных поразительных «открытий», а обратимся за ответом к документам и другим источникам, тем более, что о защитниках панфиловца Катусев, помимо нанесенных

им грубых оскорблений, отозвался и как о лицах «безответственных», «плохо изучавших документы».

Перед нами статья А.Ю.Кривицкого «О 28 павших героях», напечатанная 22 января 1942 г. в газете «Красная звезда». Причем сразу же подчеркнем, что в основу очерка был положен рассказ смертельно раненного участника боя у Дубосекова Героя Советского Союза рядового Ивана Моисеевича Натарова, записанный журналистом в госпитале. Уже в самом начале статьи читаем:

«Полк Капрова занимал оборону на линии: высота 251 – деревня Петелино – разъезд Дубосеково. На левом фланге, седлая железную дорогу, находилось подразделение сержанта *Добробабина*» (курсив наш. – *Г.К.*).

А далее в ней говорится:

> *«Теперь мы знаем, что прежде чем двадцать восемь героев, притаившихся в окопчике у самого разъезда, отразили мощную танковую атаку, они выдержали многочасовую схватку с автоматчиками... Сержант Добробабин точно распределил цели. Немцы шли как на прогулку, во весь рост. От окопа их отделяло уже 150 метров. Вокруг царила странная неестественная тишина. Сержант заложил два пальца в рот, и внезапно раздался русский молодецкий посвист. Это было так неожиданно, что на какое-то мгновенье автоматчики остановились. Затрещали наши ручные пулеметы и винтовочные залпы. Меткий огонь сразу опустошил ряды фашистов... Атака автоматчиков отбита, — пишет далее А.Ю.Кривицкий. — Более семидесяти вражеских трупов валяются недалеко от окопа...*
>
> *Танки! Двадцать бронированных чудовищ движутся к рубежу, обороняемому двадцатью восемью гвардейцами. Бойцы переглянулись. Предстоял слишком неравный бой. Вдруг они услыхали знакомый голос:*
>
> *— Здорово, герои!*
>
> *К окопу добрался политрук роты Клочков».*

А вот второе свидетельство – извлеченный из архива документ, повествующий и о том, как протекал бой у разъезда Дубосеково, и об участии в нем сержанта Добробабина. 22 декабря 1942 г. работники Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР побывали в одном из московских госпиталей, где состоялась беседа с находившимся там на излечении одним из 28 панфиловцев Героем Советского Союза рядовым И.Р.Васильевым, который, получив в бою три осколочных ранения и тяжелую контузию, был, как и И.М.Натаров, подобран нашими разведчиками.

Приведем небольшую выдержку из стенограммы его рассказа:

«16-го числа часов в шесть утра немец стал бомбить наш правый и левый фланги, и нам доставалось порядочно. Самолетов 35 нас бомбило.

После воздушной бомбардировки колонна автоматчиков из д. Красиково вышла. Шли они в полный рост. Как раз бугор перед нами был. Они пошли на этот бугор. Мы, конечно, думали, что измена, потому что нет команды огонь открывать, а они подходят совсем близко. Потом сержант Добробабин, помкомвзвода был, свистнул. Мы по автоматчикам огонь открыли. Мы бьем, они, конечно, идут. Это было часов в семь утра. Погода была ясная, мороз, денек хороший был.

Автоматчиков мы отбили... Уничтожили человек под 80. Там не до счету, считать не приходилось.

После этой атаки политрук Клочков подобрался к нашим окопам, стал разговаривать. Он поздоровался с нами.

— Как выдержали схватку?

— Ничего, выдержали.

Мы думали, что, отбив атаку автоматчиков, нам придется продвигаться вперед. Но команды "вперед" не дали. Политрук Клочков заметил колонну танков. Говорит: "Движутся танки, придется еще схватку терпеть нам здесь"»[3].

Имеется такая же документальная запись беседы с Героем Советского Союза рядовым Г.М.Шемякиным, который, как уже отмечалось выше, тоже чудом остался в живых после боя у Дубосекова. 3 января 1947 г. он, в частности, вспоминал:

«Утром 16 ноября налетели немецкие самолеты, стали нас бомбить. Пробомбили — улетают. А мы остались целы. Смотрим — идет пехота, автоматчики, человек сто. Мы их подпустили к себе вплотную.

Сержант Добробабин подал сигнал свистом. Мы поняли, а немцы в этот момент опешили — откуда свист. Они считали, что после бомбежки никого нет. Мы открыли по ним огонь. Мы их человек 80 уложили, остальные убежали.

У нас были два пулемета, два противотанковых ружья, бутылки с жидкостью, гранаты и винтовки. В этот момент подошел политрук Клочков»[4].

И, наконец, сошлемся на изданный в 1943 г. Генеральным штабом Красной Армии (с отметкой «секретно») военно-оперативный труд «Разгром немецких войск под Москвой». Часть первая. В разделе «Бои 16 и 5-й армий на Волоколамском и Истринском направлениях 16–17 ноября (схемы 5–7)» имеется как авторитетное подтверждение активного участия в бою у Дубосекова сержанта Добробабина, так и довольно подробное описание самого сражения:

«Полк (т.е. 1075-й полк. — Г.К.) прикрывал важнейшее направление на Москву, южнее Волоколамского шоссе, обеспечивая шоссе от прорыва танковых частей с юго-запада, — говорится в указанном разделе. — Прорыв крупных сил танков в этом направлении мог пагубно отразиться на всей операции 16-й армии... На левом фланге полка находились политрук роты Клочков-Диев и ***сержант Добробабин*** *с группой бойцов (выделено нами. — Г.К.).*

От разведки уже было известно, что немцы готовятся к новому наступлению и что в районе Муромцево, Жданове, Красикове они сосредоточили полк танков (80 танков), около двух полков пехоты, шесть минометных и четыре артиллерийских батарей; здесь находились группы автоматчиков и мотоциклистов.

С утра 16 ноября противник в районе Жданове крупными силами перешел в наступление в общем направлении на Петелино, Матренино. Группа бойцов ***под командой сержанта Добробабина*** *(выделено нами. — Г.К.), используя благоприятную местность, заняла укрытую позицию у разъезда Дубосеково. Фашисты, используя скрытые подступы на левом фланге обороны полка 316-й стрелковой дивизии, атаковали группу ротой пехоты при поддержке двадцати танков. Не ожидая встретить здесь серьезное сопротивление, немецкая пехота шла в атаку во весь рост.*

Встреченный внезапным, но точным огнем бесстрашных 28 гвардейцев, противник потерял до 70 человек убитыми. Он должен был остановиться... Героев было 28. Двадцать девятый, оказавшийся презренным трусом, был тут же уничтожен самими гвардейцами. Бой с танками длился свыше четырех часов и танки не смогли прорвать оборону доблестных защитников. 14 танков из 20 неподвижно застыли на поле боя. Из 28 славных воинов 7 уже было убито и тяжело ранено. Убит был и храбрый сержант Добробабин. Но ни один из бойцов не дрогнул и не растерялся. В это время в атаку двинулось еще 30 танков. В тяжелом, неравном бою было вновь подбито одиннадцать танков противника...

Славный бой этих героев у разъезда Дубосеково явился не только подвигом мужества; он имел крупное тактическое значение, так как задержал продвижение немцев на много часов, дал возможность другим нашим частям занять более удобные позиции, не допустил прорыва массы танков противника на шоссе и позволил организовать противотанковую оборону в этом районе»[5].

Полагаю, что нет необходимости комментировать все эти строки.

Силясь перечеркнуть подвиг двадцати восьми героев и противопоставляя им «отчаянную сотню» из 4-й роты, Катусев избрал в качестве опоры еще один «неопровержимый» источник, о котором в статье почему-то умалчивается, и, по-видимому, требуется раскрыть читателям его происхождение и содержание.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), в фонде за № 8131сс хранится дело № 4041. Это прежде всего материалы, связанные с расследованием в 1948 г. военной прокуратурой обстоятельств боя 28 гвардейцев из дивизии И.В.Панфилова[6].

Дело в том, что к началу 1948 г. из 28 героев-панфиловцев, считавшихся погибшими, шестеро объявились в живых, четверо панфиловцев побывали в плену. В обстановке тотального недоверия и подозрительности такой поворот сильно насторожил бдительные органы. Именно «в связи с этим» (как отмечается в одном документе) тогдашний главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции Н.П.Афанасьев учредил специальную комиссию по проверке того, что произошло 16 ноября 1941 г. у разъезда Дубосеково.

Хорошо уяснив требуемое, прокурорская рать ринулась на выполнение «ответственного задания», проявив большую оперативность и напористость. Вскоре перед комиссией предстали причастные к пропаганде этого подвига. Среди привлеченных к допросам были журналисты А.Ю.Кривицкий, главный редактор газеты «Красная звезда» Д.И.Ортенберг и даже поэт Николай Тихонов.

Во время одной из наших встреч за несколько месяцев до 30-летия Победы Кривицкий рассказывал, с каким пристрастием и рвением допрашивали его следователи из прокурорской комиссии.

«Мне было прямо сказано, — заявил Александр Юрьевич, — что если я откажусь признать, что описание боя у Дубосекова полностью выдумал я и что ни с кем из тяжелораненых или оставшихся в живых панфиловцев перед публикацией статьи не разговаривал, то в скором времени могу очутиться в районе Печоры или Колымы. А оказаться там мне как-то не хотелось. Поняв, что дело принимает слишком опасный оборот, я "признал", что многое в моих публикациях о 28 героях представляет "литературный домысел"».

«Комиссия была достаточно грозной, — вспоминал генерал-майор в отставке Д.И.Ортенберг. — Подвиг 28 героев — подвиг, основанный на реальных фактах, — поразил всех нас своей осознанной необходимостью, проникшей в души бойцов, но почему-то не устраивал проверявших. Особенно досталось А.Ю.Кривицкому, от которого прямо требовали: "Отрекись!" Отвечая на вопросы комиссии, я подчеркнул, что подвиг 28 воинов — это не чья-то легенда или литературная фантазия, а подлинная быль. И тем не менее, выводы следователей никак не соответствовали этим моим словам».

О том, как тогда завершилась эта история с расследованием, осенью 1967 г. поведал автору настоящей книги Маршал Советского Союза Г.К.Жуков. Бывший командующий войсками Западного фронта во время Московской битвы, имевший прямое отношение к награждению 28 панфиловцев, постоянно проявлял интерес к памятным событиям у Дубосекова, к судьбам оставшихся в живых героев. По сло-

вам маршала, ознакомившись с «делом» панфиловцев, секретарь ЦК ВКП(б) Жданов обнаружил, что все материалы расследования были подготовлены слишком топорно, «сшиты белыми нитками» и что комиссия Главной военной прокуратуры явно перестаралась, «перегнула палку». Поэтому дальнейшего хода быстро испеченному делу не было дано, и оно отправилось в архив.

И вот эта «липа» стараниями А.Ф.Катусева оказалась реанимированной, и «развенчание» беспримерного боя и подвига 28 героев как бы состоялось.

В действительности перед нами вовсе не «Большая правда», о чем торжественно объявил в своей публикации военный прокурор, а Большая ложь и клевета на живых и мертвых героев.

Отнюдь не «по случайному стечению обстоятельств», как утверждал Катусев, 28 гвардейцев оказались в самый опасный для столицы и Родины момент на самом опасном и ответственном рубеже.

Как бы отвечая своим будущим оппонентам, А.Ю.Кривицкий в своей книге «Подмосковный караул» писал:

> *«Подвиг 28 героев прекрасен. История его повергает ниц тех, кто хотел бы видеть на войне только кровь, муки и ошибки — настоящие и мнимые — и не замечать воли, таланта, умения и презрения к смерти во имя Отечества. Мещанин вообще не верит в героизм. В каждом подвиге он ищет возможность принизить его, окоротить, срубить ему голову и тем уравнять с собой...*
>
> *"Мир неделим". Но и еще более неделима правда».*

Нельзя не обратить внимание еще на одну сторону указанных журнальных публикаций военного прокурора. Любую оговорку, неточность, пропущенное слово или обыкновенную опечатку он немедленно возводит в ранг сознательных «кощунственных», злонамеренных действий и даже преступлений.

Представляя себя ревностным борцом за историческую правду, генерал-лейтенант юстиции тем не менее охотно идет на подчистки, натяжки и домыслы.

Так, в моем очерке, опубликованном в «Правде» 18 ноября 1988 г., говорится, что за проявленный героизм в районе реки Халхин-Гол «командование представило пулеметчика Добробабина к медали "За отвагу". Дальнейшая судьба этого награждения *осталась неизвестна*». (курсив наш. — *Г.К.*).

Катусев же в журнальной статье подает эту фразу совершенно иначе:

«Куманев идет еще дальше. В его очерке, помещенном в "Правде", Добробабин тоже отважно сражается в течение месяца (в очерке: "около месяца". — *Г.К.*) на Халхин-Голе. Причем получает за свой подвиг медаль "За отвагу"».

В том же номере газеты, отвечая на мой вопрос о судьбе памятника в Токмаке, Добробабин ответил: «Как мне рассказывали, поступили с ним просто. Мою "голову" отрезали, а "голову" Дуйшенкула Шопокова... приварили...»

Цитируя это место, Катусев убирает слова: «Как мне рассказывали» и т.д. и без отточия дает ответ Добробабина: «Мою голову отрезали...» и т.д. И, таким образом, вместо предположения получается утверждение, а это уже явный подлог.

Перечень подобных «упражнений» можно было бы продолжить.

Несколько слов об улице им. Добробабина и о памятнике герою-панфиловцу в г. Токмаке (Киргизия), где была его вторая родина и откуда он пошел добровольцем на фронт. Для Катусева нет сомнений, что все здесь придумано Добробабиным. В этой связи, видимо, есть необходимость отослать его хотя бы к некоторым источникам военных лет. В г. Токмаке местная газета «Красный хлебороб» 5 февраля 1943 г. писала:

«Идя навстречу пожеланиям трудящихся, на городском сквере у здания горисполкома будет открыт памятник Герою Советского Союза, одному из 28 гвардейцев-панфиловцев И.Е.Добробабину, а улица Кошчийская... переименовывается в улицу имени Добробабина».

19 сентября 1943 г. в республиканской газете «Советская Киргизия» и 30 сентября того же года в газете «Токмакский большевик» была напечатана следующая информация:

> *«Памятник герою-панфиловцу.*
>
> *Скульптор А.Мануйлов закончил работу над фигурой Героя Советского Союза, одного из прославленных 28 гвардейцев-панфиловцев — Ивана Добробабина для памятника, сооружаемого на его родине, в г. Токмаке. Тов. Добробабин изображен во весь рост, встречающим гранатой неприятельские танки. Высота памятника — 6 метров. По бокам постамента устанавливаются горельефы, изображающие отдельные моменты исторической битвы 28 храбрецов с неприятельскими танками. Открытие памятника приурочивается к XXVI годовщине Октября».*

14 ноября 1943 г. «Советская Киргизия» опубликовала и снимок памятника сержанту.

Творение военного прокурора заканчивается на высокой обличительной ноте. Как и прежде, недостаток фактов и аргументов возмещается недопустимыми резкостями и оскорблениями. Добробабин, которого Катусев никогда в глаза не видел, но к которому питает явную антипатию, называется «нечистоплотным человеком», «лжецом», «предателем», который не раскаялся, представ перед трибуналом в июне 1948 г., «а лишь затаился и все эти четыре десятилетия

истаивал неудовлетворенной ненавистью». Вкупе с панфиловцем все его защитники и сочувствующие причисляются к стану тех, кто поддерживает «моду на антикоммунизм и антипатриотизм, на массовое антисоветское злословие».

Откуда, из каких времен такая барская вседозволенность автора, лишившая его элементарной сдержанности, объективности, уважения к мнению других? Откуда такое ревностное стремление обелить неправое следствие и неправый Военный трибунал 1948 г.? И как можно понять оценку, данную Катусевым приговору 1948 г. в отношении Добробабина: 15 лет исправительных лагерей — это, по его мнению, «справедливое наказание».

Трудно быть спокойным, с горечью констатируя, что до сих пор не только не восторжествовала справедливость в отношении ветерана-панфиловца, но и родилась версия, подхваченная некоторыми СМИ, отрицающая сам подвиг у разъезда Дубосеково.

Вопреки всем противодействиям автор книги и позже не оставлял своих усилий, чтобы убедить властные органы России по заслугам оценить героя-панфиловца.

Одной из последних акций в этом направлении явилось написанное обращение накануне 50-летия Победы над фашизмом в Наградную комиссию при Президенте РФ. Но никакого официального ответа не последовало. Между тем еще в марте 1993 г. Верховный Суд Украины полностью реабилитировал И.Е.Добробабина. (См. Приложение 1.)

Наше новое обращение было направлено в Президиум Съезда народных депутатов, который своим Указом от 21 мая 1997 г. восстановил мужественного воина в звании Героя Советского Союза.

Но Иван Евстафьевич Добробабин об этом уже никогда не узнает. К великому сожалению, 19 декабря 1996 г. после тяжелой и продолжительной болезни последний из 28 героев-панфиловцев ушел из жизни...

[1] Огненные годы: Документы и материалы об участии комсомола в Великой Отечественной войне. М., 1971. С. 61.

[2] Магнитофонная запись беседы автора с И.Е.Добробабиным в декабре 1988 г.

[3] Научный архив Института российской истории РАН. Фонд Великой Отечественной войны. Коллекция документов.

[4] Там же.

[5] Разгром немецких войск под Москвой (Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. — 31 января 1942 г.). Ч. 1 / Под главной редакцией Маршала Советского Союза Б.М.Шапошникова. М., 1943. С. 42–43.

[6] ГА РФ. Ф. 8131сс. Оп. 27. Д. 4041.

Приложение 1

ВЕРХОВНЫЙ СУД УКРАИНЫ
252024, г. Киев, 24, ГСП,
ул. Чекистов, 4

11 мая 93 г. № 7–48 п92

Гр. Добробабе (Добробабину) И.Е.
Ростовская обл., г. Цимлянск,
ул. Московская, д.33

Справка о реабилитации

Приговором военного трибунала Киевского военного округа от 8–9 июня 1948 г. Добробаба (Добробабин) Иван Евстафьевич, 1913 года рождения, уроженец с. Перекоп Валковского района Харьковской области, житель пос. Кант Киргизской ССР, осужден по ст. 54–1«б» УК УССР на пятнадцать лет лишения свободы за измену Родины.

Определением военной коллегии Верховного Суда СССР от 30 марта 1955 г. приговор изменен, меру наказания смягчено да семи лет лишения свободы.

Постановлением Пленума Верховного Суда Украины от 26 марта 1993 г. судебные решения в отношении Добробабы (Добробабина) И.Е. отменены, а уголовное дело производством прокращено на основании п. 2 ст. 6 УПК Украины за отсутствием состава преступления.

Гр. Добробаба (Добробабин) И.Е. по данному делу реабилитирован.

Заместитель председателя судебной коллегии
по уголовным делам Верховного Суда Украины Е.И.Овчинников

(печать) *(подпись)*

Слово о Данииле Кожубергенове

Весной 1989 г. из редакции «Московской правды» мне передали письмо от алма-атинского журналиста Михаила Митько и попросили прокомментировать его в виде небольшой статьи.

Оба материала 7 мая 1989 г. были опубликованы в этой газете.

В письме М.Митько говорилось:

...В Алма-Ате есть прекрасный парк, носящий имя 28 героев-панфиловцев. На центральной аллее помещены их портреты. Но нет среди

них Ивана Добробабина и рядового Даниила Кожубергенова. Парк имени 28, а портретов – 26. До сих пор Добробабин и Кожубергенов так и не получили Звезду Героя, хотя совершенного ими подвига никто не может отменить. И, к слову сказать, в 1943 г. в парке их портреты были выставлены. Когда Д.Кожубергенов вышел из алма-атинского госпиталя и пошел в парк, то под своим портретом увидел другое имя – Аскар Кожубергенов. А потом убрали и портрет, осталась пустая рамка...

В Центральном архиве Министерства обороны СССР во всех списках личного состава дивизии, полка и 4-й роты старшего лейтенанта, затем капитана П.Гундиловича, где служили герои-панфиловцы, начиная с 18 июля 1941 г., упоминается только один Кожубергенов – Даниил Александрович. Он же значится и в списке безвозвратных потерь 8-й гвардейской стрелковой дивизии, датированном 28 мая 1942 года.

Но потом произошло нечто странное...

В алфавитной книге награжденных по полку за 1941–1942 гг. имеется такая запись: «Кожубергенов Даниил Александрович. Убит 16.11.41 г.» Затем имя и отчество зачеркнуты и над ними написано: «Аскар, красноармеец, рядовой». В книге, отражающей сведения о присвоении звания Героя Советского Союза среди воинов Панфиловской дивизии за 1942 г., рядом с именем Кожубергенова Даниила Александровича вписано имя Аскар...

Оказывается, в Центральном архиве Министерства обороны СССР имеется такой документ от 18 мая 1942 г.: «...В числе 28 героев Панфиловской дивизии, павших 16 ноября 1941 г. в борьбе с немецкими захватчиками у разъезда Дубосеково и представленных к правительственной награде... находится красноармеец Даниил Александрович Кожубергенов. В результате последней тщательной проверки состава выяснилось, что Кожубергенов Даниил Александрович попал в число 28 ошибочно. На основании этой же проверки действительным участником геройского подвига был Кожубергенов Аскар... Исходя из этого, командование просит наградной материал, составленный на Кожубергенова Даниила переоформить на красноармейца Кожубергенова Аскара, оставив боевую характеристику без изменений».

Даниил Александрович в свое время сам раскрыл этот секрет:

«В ходе боя у Дубосекова я был тяжело контужен, потерял сознание. Очнулся, когда бой уже закончился. Откопал меня путевой обходчик. В темноте наткнулся на немецкий патруль и был схвачен. Сутки провел в плену, в сарае, где находилось еще несколько арестованных. Затем поздно ночью из сарая удалось бежать. Стоял лютый мороз. А я в одной гимнастерке. В лесу был подобран одним из отрядов кавалерийского корпуса генерала Доватора. В его составе сражался (совершали рейды по вражеским тылам) до весны 1942 года. Когда кавкорпус отошел на отдых, меня вызвали в особый отдел. Там я был

разоружен и отправлен под конвоем в Москву, в Таганскую тюрьму. Месяц допрашивал меня капитан НКВД С.С.Соловейчик. Хотел одного — отречения, что я, мол, не панфиловец из числа 28. Я отказывался. Но не вынес избиений и угроз — подписал. Тогда меня отправили в штрафной батальон подо Ржев. Я был тяжело ранен, но выжил, попал в госпиталь...»

«Военная энциклопедия» за 1987 год назвала Д.В.Кожубергенова в числе 28 героев. Правда, слишком поздно — Кожубергенов умер в 1982 году. И до сих пор в алма-атинском парке нет портретов И.Добробабина и Д.Кожубергенова...

Комментарий историка

Письмо алма-атинского журналиста возвращает память к событиям более чем двадцатилетней давности. 20 апреля 1966 года в газете «Комсомольская правда» появилась статья Н.Агаянца и А.Полонского «Всем смертям назло». Миллионы читателей узнали о тяжелой истории Даниила Александровича Кожубергенова — одного из 28 героев-панфиловцев, который чудом остался в живых, но заслуженную награду так и не получил. Вместо Д.А.Кожубергенова в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1942 года о посмертном присвоении звания Героя Советского Союза 28 гвардейцам значился его однофамилец по имени Аскар.

В статье Н.Агаянца и А.Полонского были приведены свидетельства участников событий: двух из двадцати восьми Героев Советского Союза — Г.Шемякина и И.Шадрина, старшины роты Ф.Т.Дживаго, а также несколько выдержек из документов, убедительно подтверждающих участие в бою у разъезда Дубосеково именно Даниила Кожубергенова, который являлся связным политрука В.Клочкова.

Появление же в Указе Аскара Кожубергенова авторы этой публикации предположительно объяснили ошибкой полкового писаря...

Вскоре после этой публикации мне предоставилась возможность побывать в Алма-Ате, и я разыскал Д.А.Кожубергенова. Встреча с ним, многочасовые беседы, знакомство с имевшимися у него документами не оставляли сомнений, что именно он был участником легендарного боя у Дубосекова.

Статья в «Комсомольской правде», а затем мое выступление об этой истории по Центральному телевидению вызвали широкий отклик среди советских людей. Отозвались и бывшие однополчане Д.А.Кожубергенова по Панфиловской дивизии и корпусу Доватора. И среди них теперь уже подполковник А.Шишкин. В своем письме в «Комсомолку» он, в частности, писал:

«Я, как командир взвода, который около месяца обучал и готовил к предстоящим боям взвод в г. Алма-Ате, а затем около двух месяцев воевал с ним на фронте, опознал не только по фамилии, но и по фотографиям, напечатанным в газете, товарища Кожубергенова... Имени красноармейца я сейчас уже не помню, но это именно тот Кожубергенов, который принимал непосредственное участие в бою в районе разъезда Дубосеково».

И.Е.Добробабин тоже свидетельствовал, что со дня формирования взвода в Алма-Ате в июле 1941 года и вплоть до сражения у Дубосекова был только один Кожубергенов, и именно тот, портрет которого был напечатан в газете «Комсомольская правда» 20 апреля 1966 года.

После статьи в «Комсомольской правде» Даниил Александрович был вызван в Москву в наградной отдел Министерства обороны СССР. Но в столичном аэропорту его никто не встретил, а двери МО СССР оказались для ветерана-панфиловца наглухо закрытыми.

С тяжелым чувством он возвратился в Алма-Ату... Недавно в одном из центральных архивов автору этих строк удалось обнаружить письмо Генерального прокурора СССР Г.Н.Сафонова секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Жданову от 11 июня 1948 года, которое подтверждает правоту Даниила Александровича: «...Было установлено, что кроме Добробабина остались в живых: Васильев Илларион Романович, Шемякин Григорий Мелентьевич, Шадрин Иван Демидович и Кожубергенов Даниил Александрович, которые также значатся в списке 28 панфиловцев, погибших в бою с немецкими танками.

...Вместо Кожубергенова Даниила был включен в Указ о награждении якобы погибший в бою с немецкими танками под Дубосековом Кожубергенов Аскар. Однако в списках 4-й и 5-й рот Кожубергенов Аскар не значится и, таким образом, не мог быть среди 28 панфиловцев».

Справедливость в течение первых послевоенных десятилетий относительно Д.А.Кожубергенова так и не восторжествовала. Вручение ему в 1967 году ордена Отечественной войны I степени, конечно, не возмещало все те испытания, что он вынес, не оценивало его подвиг во всей полноте.

С тех пор прошло более двух десятилетий. Даниила Александровича уже нет в живых. Но благодарная память о тех, кто спас нашу Отчизну в годину страшных испытаний, требует восстановления истины и, во имя настоящего и будущего, обязывает нас воздать им должное по заслугам.

Тем же Указом Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 21 мая 1997 г. Даниилу Александровичу Кожубергенову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Приложение 2

Документ 1

ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ КАЗАХСКОЙ ССР
От гр. Дживаго Филиппа Трофимовича, проживающего по адресу: г. Алма-Ата, ул. Октябрьская, д. 12, кв. 11.

СПРАВКА

Я, Дживаго Филипп Трофимович, бывш. старшина 4-й стрелковой роты, роты 28-ми героев-панфиловцев, ныне капитан запаса, знаю тов. КОЖУБЕРГЕНОВА Даниила Александровича — солдата 1075-го стрелкового полка (ныне 23-й стрелковый гвардейский полк), 2-го стрелкового батальона, 4-й роты, 2-го взвода, 1-го отделения — по совместной боевой службе в 316-й стрелковой дивизии (позднее 8-я гвардейская стрелковая дивизия им. Героя Советского Союза генерал-майора И.В.Панфилова).

В августе 1941 г. наша дивизия была направлена в Действующую армию, в составе Северо-Западного фронта обороняла г. Ленинград. В ноябре 1941 г. была брошена на Волоколамское направление, где защищала Москву в составе 16-й армии генерала К.К.Рокоссовского. Нашей роте было приказано оборонять разъезд Дубосеково, населенные пункты Нелидово и Петелино.

16 ноября 1941 г. ровно в 8–00 утра противник пошел в наступление на нашу роту. Весь ее личный состав, отлично усвоив приказ: «Ни шагу назад, позади Москва», стоял насмерть. Бой длился несколько часов, В то время ротой командовали к-р роты Гундилович, политрук Клочков, я исполнял обязанности к-ра 1-го взвода.

Тов. Кожубергенов Д.А. действительно участник боев за оборону разъезда Дубосеково Волоколамского р-на Московской обл. в составе 28 гвардейцев-панфиловцев, был связным политрука Клочкова. У меня сохранился список роты, где Кожубергенов Д.А. значится под № 32. Никакого Аскара с такой же фамилией у нас не было, о чем и свидетельствую.

Бывший старшина 4-й стрелковой роты, ныне капитан запаса. Работаю в строительно-монтажном управлении Алма-Атагэстрой (г. Алма-Ата, Кирова, 107, коммутатор 89–71, тел.41).

10.04.66 г. *(Ф.Дживаго)*
(подпись)

Подпись нач. отдела Техснаба Алма-АтаГЭСстроя Дживаго Филиппа Трофимовича заверяю. Нач. СМУ Алма-АтаГЭСстроя
(И.Варламов)
(подпись)

Документ 2

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О КОЖУБЕРГЕНОВЕ

Я, ШЕМЯКИН Григорий Мелентьевич — Герой Советского Союза, один из 28-ми Гвардейцев-Панфиловцев, подтверждаю, что в боях в районе разъезда Дубосеково, под Москвой, в ноябре месяце 1941 года участвовал Кожубергенов, имени и отчества не знаю, но личность его подтверждаю. После войны, в 1947 году, при нашей встрече мы узнали друг друга и поделились фронтовыми воспоминаниями, что также подтверждает наше совместное участие в боях в вышеуказанном районе.

Мой адрес: г. Алма-Ата, Каракольская, 35.

(подпись) /Г.М.Шемякин/

г. Алма-Ата.
4 апреля 1953 года

Подпись тов. Г.М.Шемякина з а в е р я ю :
Начальник Канцелярии
Президиума Верховного Совета
Казахской ССР
(печать, подпись)

Документ 3

ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

Я, ШАДРИН Иван Демидович, Герой Советского Союза, подтверждаю, что в боях в районе разъезда Дубосеково под Москвой, в ноябре 1941 года, с нами вместе, в числе 28 героев-панфиловцев участвовал Кожубергенов Даниил Александрович. Мы вместе призывались в июле 1941 года, вместе поехали на фронт, были в одной роте. При всех встречах я его узнаю, помню в лицо и при воспоминании о боях у нас нет расхождения.

Подпись *Герой Советского Союза — Шадрин*
Печать

Верно: *(печать, подпись)*

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ ЛЕНИНГРАДА

Молниеносный захват Ленинграда Гитлер считал одной из важнейших стратегических задач войны. Совершив вероломную агрессию против СССР, он приказал вообще стереть город с лица земли. Группа армий «Север», эскадры 1-го воздушного флота устремились на северо-восток с целью захвата Прибалтики и Ленинграда. «Лишь после обеспечения этой неотложной задачи, – говорилось в плане "Барбаросса", – которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжить наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности – Москвой»[1].

Советские войска прикрытия под давлением превосходящих сил противника вынуждены были отходить в глубь страны. Несмотря на подавляющее превосходство врага, наши части и соединения стойко сражались в ходе Прибалтийской стратегической оборонительной операции, наносили контрудары по немецким ударным группировкам, замедляя их продвижение. Противнику не удалось осуществить свой замысел – окружить и уничтожить советские войска в приграничной полосе, а затем беспрепятственно продвигаться на восток.

Для управления войсками фронтов Государственный Комитет Обороны 10 июля 1941 года образовал (наряду с Западным и Юго-Западным) главное командование Северо-Западного направления (главнокомандующий Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, член Военного совета секретарь ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского обкома и горкома партии А.А.Жданов, начальник штаба генерал-майор М.В.Захаров), подчинив ему войска Северо-Западного и Северного фронтов, Северный и Балтийский флоты. Постановление обязывало главное командование осуществлять координацию усилий и организацию взаимодействия фронтов и флотов на уровне оперативного руководства, заботиться о поддержании высокого морального духа красноармейцев и командиров. Главком и его аппарат пытались по мере сил реализовывать поставленные перед ними задачи, но это удавалось далеко не всегда.

---

* Статья написана в соавторстве с Н.Я.Комаровым.

Главное командование не сыграло той роли в борьбе за город на Неве, которая на него возлагалась руководством страны.

В битве за Ленинград объединились усилия войск фронтов, флота и самих ленинградцев. На подступах к городу развернулось строительство оборонительных сооружений. Одновременно прекратилось строительство ленинградского метро, электростанций и других объектов, а высвободившуюся рабочую силу, технический персонал, механизмы и транспорт направили на сооружение укреплений. Но этого оказалось мало. В последних числах июля исполком Ленгорсовета принял решение о привлечении всего трудоспособного населения городов Ленинграда, Пушкина, Петродворца, Колпина и Кронштадта к выполнению оборонительных работ. Население указанных городов объявлялось мобилизованным. По неполным данным, в последних числах июля на оборонительных рубежах трудилось более 243 тыс. человек[2].

Воскрешая и умножая патриотические традиции предков, десятки тысяч ленинградцев заявляли о желании добровольно вступить в народное ополчение. В связи с этим Военный совет Северного фронта 27 июня 1941 г. принял решение о формировании из трудящихся города Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО) численностью в 100 тыс. человек. Однако, по настоянию А.А.Жданова было решено формировать не 100-тысячную, а как в Москве — 200-тысячную армию народного ополчения. На отбор добровольцев отводилось три дня. Непродуманность такого решения была очевидна. Прежде всего, столь масштабное формирование внесло определенную путаницу в мобилизационные планы, заложенные в военкоматах города, во-вторых, некоторые предприятия недосчитались крайне нужных в то время квалифицированных кадров.

Народные ополченцы с честью выполняли свой долг. Неопытные в военном отношении, слабо вооруженные, но сильные духом, они бесстрашно сражались с врагом. Многие из них погибли. Но ленинградцы сохранят о них светлую память, будут помнить о готовности наших людей в любую минуту встать на защиту своей Родины.

В период битвы за Ленинград героическую борьбу с агрессором вели не только воины, народные ополченцы, но и население оккупированных врагом районов Ленинградской области. Тысячи советских людей вступили в жестокую борьбу с фашистскими захватчиками и вели ее в самых разных формах. Ленинградский обком партии образовал тройку по руководству партизанским движением на территории области, занятой противником. Созданная тройка стала поддерживать контакт с партизанскими отделами, созданными при Военных советах Северного и Северо-Западного фронтов. Отделы направляли деятельность партизанских отрядов, давали им оперативные задания, поставляли оружие и снаряжение. Ленинградские партизаны самоот-

верженно сражались с оккупантами. Вооруженная борьба в тылу врага ширилась и крепла.

Организаторами оборонительных работ, народного ополчения и партизанских формирований наряду с Военным советом фронта выступили ленинградские обком и горком партии, которые одновременно возглавлял А.А.Жданов. У него, жесткого аппаратного работника, с первых дней войны с особой силой проявилось все партийное полновластие. Горком ВКП(б) взял в свои руки военную и хозяйственную власть. И.В.Сталину пришлось в связи с этим не единожды вмешиваться и отменять принятые в Ленинграде решения.

В книге «На защите невской твердыни» есть глава «Чрезвычайные органы руководства». В ней, в частности, говорится:

«1 июля, на другой день после образования Государственного Комитета Обороны, областной и городской комитеты партии создали Комиссию по вопросам обороны. В нее вошли секретарь Центрального Комитета, Ленинградского обкома и горкома партии А.А.Жданов (председатель), секретарь горкома партии А.А.Кузнецов, секретарь обкома Т.Ф.Штыков, председатели исполкомов: областного совета Н.В.Соловьев, городского П.С.Попков... В руках комиссии сосредотачивалась вся полнота власти в Ленинграде и области»[3].

Вскоре обнаружились негативные последствия такой формы руководства. Решения Комиссии, которую в обиходе называли «большой пятеркой», дублировались постановлениями советских органов и приказами армейских и фронтовых штабов; самостоятельных решений принимать они, по сути дела, не могли. Практически, комиссия подменила, с одной стороны, облгорисполкомы, а с другой — органы военной власти. В конце главы, о которой идет речь, есть такая неприметная фраза: «К началу блокады обязанности Комиссии по обороне Ленинграда, как и вся полнота власти в осажденном городе, перешли к Военному совету Ленинградского фронта»[4].

Именно в это время в Ленинград прибыл новый командующий фронтом генерал армии Г.К.Жуков и Государственный Комитет Обороны 11 сентября упразднил в городе чрезвычайные органы власти, созданные 1 июля 1941 г.

Это был не единичный случай вторжения в военную сферу партийных руководителей Ленинграда. Под их влиянием главнокомандующий Северо-Западным направлением Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов 20 августа подписал приказ «Об организации обороны г. Ленинграда». В соответствии с ним создавался Военный совет обороны города в составе А.И.Субботина, Л.М.Антюфеева, А.А.Кузнецова, Я.Ф.Капустина и П.С.Попкова.

Штаб обороны должен был работать под руководством горкома партии и исполкома Ленгорсовета.

Узнав о таком приказе главкома, И.В.Сталин совместно с В.М.Молотовым и А.И.Микояном вызвал к аппарату БОДО К.Е.Ворошилова, А.А.Жданова, А.А.Кузнецова, П.С.Попкова и задал им несколько нелицеприятных вопросов: «Почему был создан Военный совет обороны Ленинграда без разрешения правительства, почему в его состав не включены Ворошилов и Жданов, почему была предложена выборность батальонных командиров?» Затем Сталин потребовал: «Ворошилов и Жданов должны сообщить о своих планах операций. Но они этого не делают, к сожалению, встали на путь непонятной нам самостийности и допускают ошибки, которые отражаются на качестве обороны Ленинграда»[5]. Далее Сталин продолжал: «Ссылка ваша на перегруженность смешна. Мы не менее вас перегружены. Вы просто неорганизованные люди и не чувствуете ответственности за свои действия, ввиду чего и действуете как на изолированном острове, ни с кем не считаясь»[6].

Государственный Комитет Обороны упразднил созданный 20 августа Военный совет обороны Ленинграда, передав его властные функции Военному совету фронта.

Горком партии уже в первый месяц войны подчинил себе предприятия союзно-республиканского значения, имеющиеся в Ленинграде. Все началось, казалось бы, с малого. Горком партии обратился к правительству с просьбой разрешить конторе Металлосбыта перераспределить между предприятиями имеющиеся в Ленинграде запасы. Такое разрешение было получено, и сырье было перераспределено в интересах небольшой группы заводов.

Ленинградские руководителей начали сетовать и на то, что все больше нарушаются хозяйственные связи Ленинграда с промышленным комплексом страны. В связи с этим заместитель председателя исполкома Ленгорсовета Н.А.Манаков посчитал, что «наркоматы и их главные управления в центре стали быстро терять нити оперативного руководства ленинградскими предприятиями. Их распоряжения нередко противоречили требованиям обороны города»[7].

Это не совсем так. Наркоматы и главки не теряли нити оперативного руководства, они по-прежнему ставили задачи, которые исходили из интересов обороны страны в целом, а не только из интересов обороны Ленинграда. Однако партийное руководство города не хотело мириться с таким положением. А.А.Жданов сумел убедить И.В.Сталина, что городской комитет партии и исполком Ленгорсовета в условиях войны будут более квалифицированно решать вопросы, связанные с работой ленинградской промышленности. В результате СНК СССР передал функции хозяйственного и технического руководства предприятиями, транспортом и других отраслей хозяйства союзно-республиканского подчинения руководителям города.

Теперь мы знаем, что из этого получилось. Блокадной зимой 1941–1942 г., когда в городе иссяк запас энергоносителей, 270 заводов и фабрик были законсервированы. Многие десятки промышленных предприятий сначала перешли на сокращенную рабочую неделю, а затем из-за отсутствия электроэнергии остановились вовсе. И такой громадный промышленный потенциал бездействовал долгие месяцы из-за амбиций партийного руководства Ленинграда.

Ударные группировки врага неумолимо приближались к городу на Неве. В это время в самом Ленинграде царило благодушие, никто и подумать не мог о возможной и очень скорой блокаде. Прибывший в Ленинград в последних числах августа в составе комиссии ГКО начальник артиллерии Красной Армии генерал-полковник артиллерии Н.Н.Воронов вспоминал: «К моему удивлению, город продолжал жить очень спокойно. Можно было подумать, что бои разворачиваются на ближних подступах к Берлину, а не под стенами Ленинграда... Здесь явно недооценивали угрозы, которая надвигалась на город»[8].

Эта недооценка привела к тому, что перебазирование производительных сил из Ленинграда на восток страны шло довольно тяжело. Люди не верили в близкую развязку немецкого наступления. И, естественно, не были мобилизованы на высокопроизводительный труд. Тем более, что он был сопряжен с эвакуацией их жизненно важных ценностей – оборудования и станков, на которых они проработали всю жизнь.

В июле–августе высшие органы власти страны приняли ряд постановлений по эвакуации промышленности Ленинграда. Некоторые из них предписывали производить эвакуационные мероприятия в столь короткие сроки, что приходилось откладывать на потом уже подготовленные к переезду предприятия. Появились элементы неразберихи которые усилились к концу августа.

Приехавшие в Ленинград члены комиссии ГКО В.М.Молотов, Г.М.Маленков, А.Н.Косыгин, а также вошедшие в нее военачальники и А.А.Жданов 29 августа направили телеграмму на имя И.В.Сталина. В ней они сообщали, что приняли решение эвакуировать из города с 30 августа по 8 сентября 250 тыс. женщин и детей и 66 тыс. населения из прифронтовой полосы. Во второй телеграмме на имя И.В.Сталина, переданной в тот же день, члены комиссии сообщали, что ими утвержден план эвакуации важнейших предприятий Ленинграда в течение ближайших 10 дней. Для вывоза оборудования по этому плану потребуется 12313 железнодорожных вагонов.

Однако, на следующий день, 30 августа 1941 г. вермахт, захватив ст. Мгу, перерезал последнюю железную дорогу, соединяющую Ленинград с центром страны. На железнодорожных путях Ленинградского узла остались загруженными оборудованием заводов 2200 железнодорожных вагонов, предназначенных к эвакуации. В самом городе кипела работа по демонтажу оборудования многих предприятий. В

результате в городе оказался раздробленным военно-промышленный комплекс.

Что он из себя представлял? Часть мощностей была эвакуирована на восток страны, другая часть оказалась демонтированной и складированной, в том числе в железнодорожные составы, наконец, некоторые мощности просто законсервировали. В конечном итоге получилось так, что в течение длительного времени потенциал ленинградской оборонной промышленности не использовался ни в городских, ни в общесоюзных интересах.

Впоследствии оборудование предприятий пришлось эвакуировать с большими трудностями по ладожской коммуникации.

Ленинград в мирное время не располагал большими запасами продовольствия, в этом не было нужды. Да и невозможно создать запасы на длительное время для города с трехмиллионным населением. Текущие потребности в продуктах питания удовлетворялись за счет подвоза из ряда районов страны. В первых числах августа 1941 г., когда уже была видна реальная угроза Ленинграду, заместитель председателя СНК СССР А.И.Микоян направил большой поток различных эвакуируемого продовольствия в Ленинград. Но можно себе представить его огорчение, когда такое решение встретило возражения со стороны А.А.Жданова, который пожаловался Сталину: куда нам столько продовольствия, у нас и так запасы большие, и дополнительно ленинградцам ничего не нужно. Сталин с аргументами Жданова, к сожалению, согласился, и поток грузов был направлен в другие районы тыла. Нетрудно догадаться, какие потом от этого были тяжелые, трагические последствия[9].

Продовольственные вопросы, связанные с Ленинградом, стали решаться по обычной схеме. 18 июля СНК СССР принял постановление «О введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары в Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей». Карточки вводились на хлеб, крупу, сахар, масло, мясо, рыбу, а также на ряд промышленных товаров. В свою очередь Ленгорисполком принял решение об организации коммерческой торговли. В торговой сети Ленинграда, Колпина, Кронштадта, Пушкина, Петергофа была организована торговля нормированными товарами без карточек по повышенным ценам. В ресторанах, кафе и буфетах стала производиться продажа продуктов с надбавкой 200%.

Прав был А.И.Микоян. Уже 31 августа СНК СССР принял специальное постановление о снабжении Ленинграда. Оно, в частности, устанавливало новые нормы продажи хлеба населению города. Во исполнение этого постановления Ленгорисполком ввел следующие нормы продажи хлеба: рабочим 600 граммов, служащим — 400, иждивенцам и детям — 300 граммов. Коммерческие магазины и рестораны закрывались.

К 6 сентября в Ленинграде оставалось муки на 14 дней, крупы — на 23 дня, мяса — на 18, жиров — на 20 дней. Поэтому СНК СССР 10 сентября во второй раз постановил сократить в городе выдачу хлеба: рабочим — до 400 граммов в сутки, служащим, иждивенцам и детям — до 200 граммов. Однако, учитывая возможные последствия массового недовольства, эти нормы не ввели в действие. По указанию Государственного Комитета Обороны с 11 сентября на рабочую карточку стали выдавать 500 граммов хлеба, служащим и детям — 300, иждивенцам — 250 граммов хлеба.

Уже к 10 июля 1941 г. советские войска на северо-западном направлении отступили на 500 км и оставили почти всю Прибалтику. Противник вторгся в пределы Ленинградской области. Началась Ленинградская стратегическая оборонительная операция.

Ставка ВГК, учитывая ослабленность войск Северо-Западного фронта и прорыв ударной группировки врага по направлению к Луге, решила привлечь к боевым действиям Северный фронт. Его командование получило приказ незамедлительно занять рубеж обороны на фронте Нарва, Луга, Старая Русса, Боровичи.

Лужская оборонительная полоса протяженностью 250 км проходила от Финского залива на юго-восток по северному берегу рек Луга, Мшага, Шелонь до озера Ильмень. Здесь были созданы оборонительные сооружения, которые стала занимать Лужская оперативная группа войск под командованием генерал-лейтенанта К.П.Пядышева. В ее состав входили 4 стрелковые дивизии, 2 дивизии народного ополчения, Ленинградское пехотное училище им. Кирова, горнострелковая бригада, артиллерийские и другие части.

10 июля 4-я танковая группа, не ожидая подхода главных сил группы армий «Север», с рубежа рек Великая и Череха возобновила наступление на Ленинград и Новгород. На лужском направлении вдоль шоссе Псков–Ленинград наступал 41-й, на новгородском — 56-й моторизованные корпуса.

Противник встретил организованное сопротивление. Боевые действия войск Лужской оперативной группы в сочетании с контрударами 11-й армии Северо-Западного фронта в районе Сольцы вынудили немецкое командование 19 июля отдать приказ о временном прекращении наступления на Ленинград.

По сути дела Луга для города на Неве стала, если сравнивать, Смоленском на пути движения вражеских войск к Москве. Здесь тоже произошел сбой «Барбароссы». Именно бои на Лужском рубеже спутали замыслы гитлеровских генералов. Это был успех героически сражающихся советских войск. Чтобы возобновить наступление, врагу потребовалось более двух недель. Было выиграно время для укрепления обороны на ближних подступах к Ленинграду с юга.

Как показали бои под Лугой и Сольцами, сделав первые шаги по ленинградской земле, враг тем самым сделал первые шаги к своему по-

ражению. Но до победы было еще очень далеко. Впереди нашу страну, народ, воюющий с агрессором, ожидали ожесточенные сражения, громадные потери, невиданные трудности.

25 августа враг захватил г. Любань, 29 августа — г. Тосно, а 30 августа ворвался на ст. Мга.

Захват немецкими войсками Тосно вызвал крайнюю озабоченность Верховного Главнокомандующего. И.В.Сталин направил в Ленинград телеграмму, в которой в резкой форме выразил недовольство командованием Ленинградского фронта: «Только что сообщили, что Тосно взято противником. Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов? Они даже не сообщают о мерах, какие они думают предпринять против такой опасности. Они заняты исканием новых рубежей отступления, в этом они видят свою задачу»[10].

Не меньшее беспокойство вызвало у И.В.Сталина отсутствие информации об удержании нашими войсками ст. Мга, связывающей Ленинград со страной. Штаб Ленинградского фронта умолчал о ее падении, надеясь быстро возвратить Мгу и восстановить движение поездов. Ничего не знавший об этом Председатель ГКО в 18 час. 00 мин. 31 августа по прямому проводу дал следующую телефонограмму: «Ленинград. Штаб Ленинградского фронта. Для Маленкова. Отвечайте: в чьих руках станция Мга?»[11]

Пришлось доложить, что она в руках противника, но предпринимаются меры по ее освобождению. Действительно, 1 сентября наши войска выбили немцев из Мги. Однако на следующий день соединения Ленинградского фронта, не выдержав напора противника, оставили станцию Мга. Железнодорожная связь со страной была прервана окончательно.

В этой крайне нервозной обстановке и сложнейшей ситуации Военный совет Ленинградского фронта представил в Ставку ВПК план боевых действий, который, как казалось, содействовал бы смягчению обстановки под Ленинградом. Он предусматривал уничтожение любанско-тосненской группировки противника и освобождение Октябрьской железной дороги. Первый этап операции планировалось завершить овладением г. Тосно. Затем план предусматривал разгром немцев в районах Любани и Чудово. Ставка ВГК с некоторыми поправками утвердила этот план. Однако он так и не был претворен в жизнь.

В конце августа, как уже отмечалось, в Ленинграде приступила к работе комиссия Государственного Комитета Обороны в составе В.М.Молотова (заместитель Председателя ГКО), Г.М.Маленкова, А.Н.Косыгина, Н.Н.Воронова, П.Ф.Жигарева, Н.Г.Кузнецова. Комиссия была наделена большими полномочиями. По ее рекомендации

Государственный Комитет Обороны расформировал главное командование Северо-Западного направления. Спустя неделю главком К.Е.Ворошилов получил назначение командующим Ленинградским фронтом, который подчинялся теперь непосредственно Ставке ВГК. Далее к числу мер, направленных на улучшение руководства боевыми действиями, явилось создание на базе Красногвардейского укрепленного района двух новых армий 42-й и 55-й. Комиссия помогла решить насущные вопросы организации противовоздушной, противотанковой и артиллерийской обороны, налаживания взаимодействия артиллерии фронта и Балтийского флота.

Однако не запоздалые решения отдельных руководителей спасли Ленинград. Его спасло упорство и героизм бойцов и командиров в приграничных сражениях, борьба за Таллин, защита Лужского рубежа и Красногвардейского укрепрайона, мужество рядовых жителей города. Всего в ходе Ленинградской стратегической оборонительной операции в состав Северного (с 23 августа Ленинградского) и Северо-Западного фронтов было дополнительно введено 5 управлений армий и 20 дивизий[12]. В ее рамках проведены: Таллинская, Кингисеппско-Лужская фронтовые оборонительные операции, контрудар по группировке противника в районах Сольцы, Порхов, Новоржев, контрудары по группировкам противника в районах Старая Русса и Холм, Демянская фронтовая оборонительная операция. В ходе Ленинградской стратегической оборонительной операции блицкриг потерпел неудачу; она положила начало героической битве за город на Неве.

Знаковые события произошли и в самом городе. 4 сентября противник впервые произвел артиллерийский обстрел Ленинграда из 240-мм орудий с огневых позиций севернее Тосно[13]. Всего за период блокады город 611 дней подвергался варварским артиллерийским обстрелам[14]. 6 сентября вражеская авиация произвела первый налет на Ленинград, в городе разорвались первые фугасные авиабомбы[15]. С этого дня эскадры 1-го воздушного флота противника систематически наносили удары по Ленинграду и Кронштадту. Началось воздушное сражение за Ленинград.

8 сентября немецкие войска прорвались к Ладожскому озеру, захватили Шлиссельбург и перерезали сухопутные коммуникации, связывающие Ленинград со страной. Началась борьба армии, флота, трудящихся города в условиях блокады.

Что же такое блокада с военной точки зрения? Это боевые действия войск, направленные на изоляцию объекта путем пресечения его внешних связей. Объектами блокады могут быть отдельные государства, города, крупные группировки войск, экономические районы и др. Блокада может быть полной или частичной. При полной блокаде прерываются все сообщения объекта по земле, воздуху и воде, и он лишается возможности получать пополнение в личном составе и материальных

средствах, а также эвакуировать людей и ценности. При частичной блокаде нарушаются основные сообщения и сводятся к минимуму поступления подкреплений, подвоз материальных средств и эвакуация. В зависимости от географического положения объекта блокада может быть сухопутной, воздушной, морской или смешанной.

В данном случае Ленинград оказался в тисках сухопутной блокады. Его сообщение со страной стало поддерживаться только по Ладожскому озеру и по воздуху.

О том, что Шлиссельбург пал и Ленинград был блокирован, штаб Ленинградского фронта в очередном донесении в Москву умолчал. Командующий фронтом Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов еще надеялся отбить Шлиссельбург у немцев и восстановить сухопутную коммуникацию Ленинграда с центром страны.

В Ставке ВГК о захвате немцами Шлиссельбурга узнали 9 сентября из своих источников. Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин негодовал и потребовал письменных объяснений Военного совета Ленинградского фронта. Судя по всему, можно было предположить, что грядут кадровые перемены. Так оно и случилось. И.В.Сталин вызвал в Москву командующего Резервным фронтом генерала армии Г.К.Жукова, который 10 сентября по решению Государственного Комитета Обороны вылетел в Ленинград.

Генерал армии Г.К.Жуков приехал в Смольный, где находился штаб фронта. К исходу 10 сентября, руководствуясь личной запиской Верховного Главнокомандующего и без объявления официального приказа, он вступил в командование Ленинградским фронтом. Приказ Ставки ВГК о назначении Г.К.Жукова командующим фронтом был подписан 11 сентября 1941 г., после того, как он доложил И.В.Сталину о своем прибытии в Ленинград. В пункте 3-м этого приказа сказано: «Товарищу Ворошилову сдать дела фронта, товарищу Жукову принять Ленинградский фронт в течение 24 часов с часа прибытия в Ленинград»[16].

Приняв командование фронтом, генерал армии Г.К.Жуков решительными, а иногда и крутыми мерами добился срыва последних немецких атак на город. В этот критический момент выявились характерные для полководца черты: широта мышления, смелость и ответственность в принятии решений, умение концентрировать силы на решающих направлениях.

В конце сентября Жукову удалось стабилизировать фронт под Ленинградом. Главное внимание и силы сторон поглотило решающее сражение на московском направлении. 30 сентября 1941 г. завершилась Ленинградская стратегическая оборонительная операция. Противник был окончательно остановлен непосредственно у стен города. Советские войска достигли этого дорогой ценой: было потеряно убитыми, пропавшими без вести и пленными 214078 человек, санитар-

ные потери составили 130848 человек. Итак, по обе стороны фронта войска, не имевшие сил для дальнейших наступательных операций, зарылись в землю, прикрылись колючей проволокой и минными полями. Их разделяли всего сотни метров. Линия обороны проходила на южных подступах к Ленинграду от Угольной пристани через Пулковские высоты, Пушкин, южнее Колпино и далее по Неве до Ладожского озера. Приморский плацдарм в районе западнее Ораниенбаума, отсеченный противником от Ленинграда, обороняла 8-я армия совместно с частями береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота. Северные подступы к Ленинграду на Карельском перешейке прикрывала 23-я армия.

В итоге ожесточенных боев и сражений летне-осенней кампании 1941 г. гитлеровский план молниеносного захвата Ленинграда был сорван. Войска противника обескровлены и остановлены у стен города на Неве. Ленинград стал первым крупным городом Европы, который не смогли захватить немецко-фашистские войска.

Государственный Комитет Обороны 30 августа 1941 г. принял постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», в котором были намечены конкретные меры по организации водных перевозок по Ладожскому озеру.

По решению СНК СССР грузы для осажденного Ленинграда к берегам Ладоги доставляли воинские эшелоны. Эти эшелоны серии № 97 особого назначения пропускались по железным дорогам страны вне очереди, а в ряде случаев раньше срочных фронтовых эшелонов. ГКО повседневно следил за подвозом продовольствия Ленинграду. Он возложил ответственность за продовольственное снабжение города на заместителя Председателя СНК СССР А.И.Микояна. Уполномоченным ГКО по продовольственному снабжению города и войск фронта был назначен нарком торговли РСФСР Д.В.Павлов.

В ноябре 1942 г., обстреливаемый артиллерией, систематически подвергавшийся ударам авиации, обезлюдевший Ленинград уже выглядел трагически.

Страшное бедствие — голод наложил свой отпечаток на жизнь города. Уполномоченный ГКО Д.В.Павлов так писал об этих днях: «Хлеб подходил к концу. Время начало работать против осажденных. Как ни тяжело и больно было, а пришлось уменьшить выдачу хлеба населению»[17].

13 ноября 1941 г. шли 67-е сутки ленинградской блокады. В этот день произошло очередное, четвертое снижение продовольственных норм. Рабочие стали получать 300 граммов, а остальное население — 150 граммов хлеба. Через неделю, чтобы не прекратить выдачу хлеба совсем, Военный совет фронта принял решение произвести пятое сокращение норм продовольствия. С 20 ноября жители города стали получать самую низкую норму хлеба за время блокады — 250 граммов —

рабочие, все остальные по 125 граммов хлеба[18]. Это была блокадная ленинградская горбушка, жесткая и суррогатная, взвешенная с аптекарской точностью.

Как реагировали патриотически настроенные слои ленинградцев на очередное снижение хлебной нормы? Сотрудники конторы Главметаллосбыта, узнав, что они будут получать по карточкам лишь 125 граммов хлеба, приняли резолюцию: «Армию обеспечить, Ленинград не сдавать, а нас ограничить»[19].

Наступившая зима была особенно тяжелой для ленинградцев. Это может засвидетельствовать и один из авторов, переживший все 900 суровых ленинградских дней. Голод привел к массовому заболеванию — дистрофии. Люди перестали худеть, а просто опухали. Голод особенно остро ощущался и потому, что в домах не было света — остановились электростанции, прекратилось отопление — не было угля и дров, в квартирах царил холод, вышел из строя водопровод. Остановились трамваи, троллейбусы, автобусы — на работу люди добирались пешком по неочищенным от снега улицам. В городе началось людоедство.

Фашисты решили прибегнуть к иезуитскому способу — нарушить установленный порядок распределения хлеба, который существовал в блокированном городе — разрушить карточную систему. Они стали разбрасывать с самолетов тысячи фальшивых продовольственных карточек. Расчет был прост: голодные люди не удержатся и воспользуются ими. Выдача хлеба по карточкам резко возрастет, и город останется без муки.

В Ленинграде были приняты контрмеры. По решению исполкома Ленгорсовета стала проводиться перерегистрация продовольственных карточек. В результате первой такой перерегистрации количество хлебных карточек уменьшилось на 88 тыс., карточек на жиры — на 92 тыс. На подлинных карточках ставился штамп «перерегистрировано». Экстренное мероприятие себя оправдало. Но оно было слишком громоздким. С декабря получение продовольствия по карточкам было организовано только из определенных магазинов, к которым прикреплялись жители города.

В ноябре–декабре 1941 г. в Ленинграде разразился массовый голод населения, насчитывавшего тогда более 2 млн. человек. По данным треста «Похоронное дело», в декабре умерло почти 53 тыс. мирных жителей, что превысило годовую смертность в Ленинграде за 1940 г. Но даже и в это время население города не теряло мужества и продолжало работать на заводах и фабриках, в учреждениях и лабораториях. В цехах заводов Кировского, Металлического, «Большевика» и других ремонтировались танки, оружие, приборы. Предприятия города создали передвижные ремонтные мастерские и посылали своих рабочих на передний край. Они работали непосредственно на огневых позициях. Занимаясь ремонтом оружия, многим производственникам пришлось принимать участие в боях.

Вскоре на пути промышленного производства Ленинграда встали непреодолимые трудности. Кончилось топливо, мягко говоря, не хватало электроэнергии. В этих условиях Военный совет фронта приказал законсервировать свыше 250 заводов и фабрик; оставшиеся продолжали выпускать военную продукцию.

Какой ценой доставалась эта продукция? Приведем лишь один весьма характерный пример. 23 января 1942 г., шел 216-й день войны. Инструментальный цех Кировского завода утром получил срочный фронтовой заказ. Его выполнение было поручено Е.Ф.Савичу. Почти весь день не отходил фрезеровщик от станка. Неожиданно ему стало плохо, и он опустился на пол. Через несколько минут все увидели такую картину: за станком снова стоял Савич, а рядом, по бокам, стояли два таких же изнуренных человека и поддерживали его под руки. Фронтовой заказ был выполнен в срок.

Это не специально подобранный эпизод. Обессиленные рабочие Ленинграда нередко привязывались к станкам, к стволам артиллерийских орудий, к гусеницам танков, которые они ремонтировали.

В неотапливаемых цехах, при отсутствии многих материалов, под обстрелами и бомбежками мужественно трудились ослабевшие от голода люди.

Конечно же, ленинградская промышленность была не в состоянии оказать необходимую помощь фронту. В результате в первую блокадную зиму части и соединения действующей армии испытывали острый недостаток в оружии и боеприпасах. Но уже с апреля по июнь 1942 г. число заводов, занятых производством фронтовых заказов, возросло с 50 до 75. Промышленность стала наращивать темпы роста военной продукции.

Упрочение транспортной связи по «Дороге жизни» несколько расширило возможности поступления в город продовольствия и топлива из тыловых районов. Это ленинградцы ощутили весьма реально. 25 декабря 1941 г. произошло первое повышение норм выдачи хлеба. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать 350 граммов, служащие, иждивенцы и дети — 200 граммов хлеба. Прибавка, пусть даже такая небольшая, имела огромное значение. Секретарь горкома партии по пропаганде, а затем редактор газеты «Ленинградская правда» Н.Д.Шумилов так писал об этом дне: «Тысячи ленинградцев, бледных и истощенных, поздравляли друг друга, улыбались, радовались. В прибавке хлеба люди видели просвет победы...»[20]

Менее чем через месяц, 24 января 1942 г. произошла вторая прибавка хлебного пайка. Появилась возможность увеличить норму выдачи хлеба рабочим и инженерно-техническим работникам до 400 граммов, служащим — 300 граммов, иждивенцам и детям — 250 граммов. Это была вторая победа жизни над смертью.

Мизерные хлебные прибавки не могли предотвратить процесс истощения людей. Число больных дистрофией нарастало, как снежный

ком. В январе 1942 г., по неполным данным, в Ленинграде умирало ежедневно 3,5–4 тыс. человек[21].

А вот как выглядел сам город-фронт. В нем по существу стерлась грань между передовыми позициями и тылом. Многие дома являли собой опорные пункты обороны. Противотанковые надолбы и ежи перекрыли улицы и проспекты. На набережных и площадях расположились огневые позиции зенитных батарей, на крышах многих зданий виднелись счетверенные зенитные установки. Витрины магазинов заложены мешками с песком, стекла окон заклеены крест-накрест полосками бумаги. На стенах домов в синих квадратах отчетливо читались слова, написанные белыми буквами: «Граждане! Эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле». На месте многих зданий громоздились заснеженные развалины. Всюду — груды битого кирпича, скрюченные железные балки. В пустых проемах окон гулял ветер. На улицах одинокие прохожие...

Тот беспощадный январь унес десятки тысяч жизней, в феврале 1942 г. умерло 73 тыс. человек, в марте — 90 тыс., в апреле — 102 тыс. Всего от голода в Ленинграде погибло 632 253 человека; от бомбардировок и артобстрелов — 16 747. Если сложить эти цифры, получится 649 000 человек. Такие сведения представлены Ленинградской городской комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков[22]. Не исключено, что эти цифры сильно занижены. Объяснение тому довольно простое. В первое время ленинградцы регистрировали смерть родных и близких. Однако с наступлением голодных зимних месяцев, ослабленные люди были не в состоянии не только ходить в ЗАГС, но и часто не довозили тела умерших до кладбищ, оставляли их где-нибудь в укромных местах. Поэтому точный учет умерших от голода людей не мог быть осуществлен в полной мере.

Об этом свидетельствуют многие документы. В «Отчете городского управления предприятиями коммунального обслуживания о работе за год войны — с июня 1941 г. по июнь 1942 г.» подчеркивалось:

«С половины декабря 1941 г. кладбища, особенно Серафимовское, Большеохтинское и Волково, представляли такую картину: перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями лежали оставленные покойники в гробах и без них; их постепенно работники кладбищ убирали, хоронили в траншеях, но покойников продолжали подбрасывать, и это зрелище оставалось до марта... На кладбищах часто находили оставленные отрубленные части покойников. Такие части тела нередко, особенно весной с таянием снега, обнаруживались в жилых кварталах города и доставлялись на кладбища для захоронения»[23].

15 апреля 1942 г. по управлению предприятиями коммунального обслуживания Ленгорисполкома был подписан приказ № 29, который

обязывал управляющего трестом «Похоронное дело» с утра следующего дня организовать на всех кладбищах города работу по уборке вытаявших из-под снега трупов и немедленно их захоронить. В течение трех дней около 1000 рабочих и работниц фабрик и заводов, которых мобилизовали райисполкомы, убирали трупы на улицах города. Было собрано 12900 тел. Их грузили на машины и направляли в крематорий; а если он не мог принять — на Пискаревское кладбище, где были заранее подготовлены траншеи.

В тоннельных печах кирпичного завода № 1 путем разработанных технологического и теплотехнического процессов и конструктивного изменения печей и вагонеток были достигнуты необходимые температуры и организована массовая кремация привезенных и подбиравшихся на улицах трупов. С 7 марта по 1 декабря 1942 г. было кремировано 117300 трупов.

Всего (по данным многих источников) в Ленинграде от голода, лишений, артобстрелов и бомбардировок погибло не менее 800 тыс. человек, а всего в городе и его пригородах погибло около одного миллиона человек[24].

Массовая смертность не сломила духа горожан. У них не наступила моральная дистрофия, на которую так надеялись главари третьего рейха.

Зимой никто не следил за санитарным состоянием города. Отсутствие водопровода, электричества, тепла, вышедшая из строя канализация, значительные разрушения жилищ и коммунального хозяйства, голод резко ухудшили санитарно-бытовое состояние населения. Необходимо было оградить горожан и армию от возможных эпидемий. Вся работа по предупреждению инфекционных заболеваний и обеспечению санитарного благополучия города была возложена на чрезвычайную противоэпидемическую комиссию во главе с председателем Ленгорисполкома П.С.Попковым. По решению городских властей были произведены массовые профилактические прививки.

25 марта 1942 г. Ленгорисполком принял решение о мобилизации населения в порядке трудовой повинности на работы по очистке дворов, улиц, площадей и набережных. Всем трудоспособным гражданам вручались повестки о привлечении их к работам. Из домов вышли те ленинградцы, которые могли держать в руках лопату, кирку, тачку или носилки. В большом городе началась большая уборка. Был наведен порядок на многих улицах и площадях, в домах и квартирах. Благодаря тому, что проведение противоэпидемических мероприятий было поднято до уровня государственной задачи, Ленинград избежал массовых эпидемий.

«Очистительная кампания» в значительной мере способствовала тому, что 15 апреля в 6 часов утра в Ленинграде возобновилось пассажирское трамвайное движение. В городе стали курсировать

маршруты трамваев №№ 3, 7, 9, 10 и 12. Слабые и истощенные люди получили возможность ездить на работу, а не ходить пешком за несколько километров. Вслед за пуском трамваев стали открываться бани, парикмахерские, прачечные и другие бытовые предприятия. Заработали кинотеатры.

До этих радостных событий произошло еще одно, не менее значительное — 11 февраля 1942 г. была произведена третья по счету прибавка хлеба для населения осажденного города. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 500 граммов, служащие — по 400, иждивенцы и дети — по 300 граммов хлеба в день. Были увеличены нормы снабжения и другими продуктами питания.

Однако, как свидетельствуют спецсообщения управления НКВД ЛО, положение с продовольствием в Ленинграде в январе — первой половине февраля продолжало оставаться весьма напряженным. В связи с продовольственными трудностями пораженческие настроения и недовольство среди части населения не уменьшались. Увеличились случаи людоедства[25].

Конечно же, хлебная прибавка еще не решала всех проблем. В Ленинграде особенно остро ощущался недостаток в таких источниках питания, как овощи. 10 марта газета «Правда» опубликовала постановление Президиума ВЦСПС о массовом развитии огородничества рабочих и служащих; наряду с индивидуальными огородами рекомендовалось создавать огороды коллективов предприятий. Спустя девять дней Ленгорисполком, опираясь на постановление Президиума ВЦСПС, принял решение об организации личного потребительского огородничества и предложил в связи с блокадой использовать для этой цели земли во дворах, садах, скверах, площадях. Такой земли оказалось около 2,5 тыс. гектаров. Промышленные предприятия также получили возможность иметь подсобные хозяйства.

Всего было создано 633 подсобных хозяйства и 276 тыс. горожан вовлечено в коллективное и индивидуальное огородничество[26]. Созданный земельный отдел Ленгорисполкома разработал в марте «Положение о личных потребительских огородах и их объединениях». Каждый трудящийся и члены его семьи имели право иметь личный огород и самостоятельно распоряжаться собранным урожаем. Жителям города отводились земельные участки из расчета не свыше 100 кв. метров на каждого члена семьи.

К началу лета Ленинград принял совершенно необычный вид. В Летнем и Михайловском садах, на Марсовом поле, у Медного всадника в сквере против Исаакиевского собора, перед Казанским собором, в Саду отдыха на Невском, посередине улиц Чайковского и Петра Лаврова, практически во всех дворах — всюду, где была открытая земля, ее вскопали, взрыхлили, разбили на грядки и посадили овощи. Огородники ухаживали за ними, бдительно охраняли.

Валовой сбор овощей и картофеля пригородных совхозов, подсобных хозяйств и индивидуальных огородников составил 77 тыс. тонн. Этого количества вместе с завезенным из центра было вполне достаточно для обеспечения Ленинграда овощами на зиму 1942/43 г.

Будучи отрезанным по сухопутью от центра страны, Ленинград не чувствовал себя одиноким. Ленинградцы знали, что на «Большой земле» сделают все, чтобы помочь им: пришлют продовольствие, медикаменты, топливо. Так оно и было. Государственный Комитет Обороны, СНК СССР направляли к берегам Ладоги эшелоны с хлебом, продуктами, топливом. В республиках, краях, областях, городах, поселках страны судьба Ленинграда также волновала миллионы людей.

Наиболее массовой формой всенародного движения помощи Ленинграду на всем протяжении блокады был сбор подарков и приезд в осажденный город и на фронт делегаций от трудящихся областей и республик. Ассортимент этих подарков отвечал насущным потребностям защитников города. Им присылали главным образом продукты питания, а также теплые вещи и предметы личного обихода для фронтовиков.

Большую помощь ленинградцам оказали трудящиеся Урала и Сибири, Приморского края, практически все области центральной России. С большим подъемом собирали подарки в республиках Средней Азии. Нельзя без волнения читать сообщение о прибытии в марте 1942 г. в осажденный город партизанского обоза с продовольствием. В феврале–мае 1942 г. в Ленинграде побывало 17 делегаций. Поистине всенародная помощь помогла городу-фронту преодолеть трудности блокады.

Не прекращалась в осажденном, замерзшем городе деятельность мастеров литературы и искусства. Глубокой верой в победу над фашизмом были проникнуты стихи Н.Тихонова, О.Берггольц, В.Инбер, Б.Лихарева, А.Прокофьева и других. Из крупных музыкальных произведений выдающееся место принадлежит Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, законченной композитором в конце декабря 1941 г. Сам Шостакович так писал о своей симфонии: «Мне хотелось создать произведение о наших днях, о нашей жизни, о наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества нашего над врагом... Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу — Ленинграду я посвящаю свою Седьмую симфонию»[27]. В марте 1942 г. Седьмая симфония Д.Шостаковича была исполнена оркестром Большого театра в Куйбышеве, а затем в Москве и Ленинграде. Позже она исполнялась во многих странах мира.

Еще в декабре 1941 г. в Ленинграде стали выпускаться произведения плакатного искусства. В начале января 1942 г. ленинградские художники организовали выставку, названную «Ленинград в дни Оте-

чественной войны». Температура в выставочном зале не поднималась выше минус 10 градусов, а ее организаторы с трудом передвигались около картин. Наиболее впечатляющие рисунки были у Н.Дормидонтова «Очередь в булочную», «Очистка города», рисунки А.Пахомова «Ведут в стационар», «За водой». Суровая правда, отображенная в полотнах, звала жителей города на самоотверженную борьбу с врагом.

За год войны работники искусств Ленинграда дали на фронте и флоте свыше 20 тыс. концертов. Нередко после концертов стихийно возникали митинги, на которых выступали бойцы и командиры. 5 апреля 1942 г. в Ленинграде состоялся симфонический концерт.

Так, превращенный для врага в неприступную крепость, жил и боролся Ленинград в самое трудное время — голодную зиму 1941–1942 гг. С высоты более 60 лет разгрома немцев у стен Города-Героя еще ярче сверкает беспримерное мужество его защитников, одетых в армейские шинели и рабочие спецовки. Они сделали невозможное: выстояли наперекор фашистским планам. И не только выстояли, но и начали собирать силы для победы над врагом.

В январе 1943 г. была проведена стратегическая операция «Искра». В результате ожесточенных боев войска Ленинградского и Волховского фронтов разгромили синявинско-шлиссельбургскую группировку противника и очистили от врага южное побережье Ладожского озера. Образовался коридор шириной до 12 км, по которому Ленинград получил прямую связь с «Большой землей».

Сухопутная петля блокады, душившая город 498 дней и ночей, была разрублена.

С огромной радостью встретили весть о победе жители Ленинграда. В ночь на 19 января никто не спал. Город ликовал. Незнакомые люди обнимали друг друга, целовались на улицах. Повсюду развевались флаги, звенели песни, играла музыка. Трамваи вышли из парков празднично украшенными. Город-герой праздновал победу.

Итак, Ленинград получил сухопутную связь со страной. 18 января 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял решение о форсированном строительстве на освобожденной полосе земли железнодорожной линии, соединяющей Ленинград с Волховским железнодорожным узлом. Эта дорога от станции Поляна до Шлиссельбурга была построена за рекордно короткий срок. Утром 7 февраля жители Ленинграда встретили первый эшелон, пришедший с «Большой земли». Эту дорогу ленинградцы назвали «Дорогой Победы». Началось также автомобильное движение по грунтовым дорогам в отвоеванном коридоре.

В Ленинград хлынул поток различных грузов. Все это резко изменило положение защитников города. Сравнялось с московским снабжение продовольствием населения, войск Ленинградского фронта и Балтийского флота. Ленинград стал получать необходимое ему топли-

во и материалы. В самом городе увеличилась выработка электроэнергии, ожили промышленные предприятия.

Ленинград набирался новых сил для борьбы с врагом.

Через год, в январе 1944 г. была проведена Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция. Мощная глубокоэшелонированная оборона немцев, так называемый «Северный вал», которую они готовили более двух лет, рухнула под сокрушительными ударами Ленинградского (командующий генерал армии Л.А.Говоров) и Волховского (командующий генерал армии К.А.Мерецков) фронтов. Советские войска отбросили врага на 220–280 км от Ленинграда, освободили почти всю Ленинградскую область и часть Калининской, вступили в пределы Советской Эстонии. Создались благоприятные условия для проведения последующих операций в Карелии, на Карельском перешейке и в Прибалтике.

Поражение под Ленинградом и Новгородом сильно подорвало позиции фашистской Германии в Финляндии и ослабило ее влияние в скандинавских странах. Финское правительство стало искать выход из войны. Оно вынуждено было обратиться к Советскому правительству с просьбой сообщить условия возможного перемирия.

Некоторые оценки и итоги. В ходе стратегической обороны летом 1941 г. серьезные ошибки были допущены Маршалом Советского Союза К.Е.Ворошиловым. Он не сумел организовать устойчивой обороны на подступах к Ленинграду, по сути потерял управление войсками. Как впоследствии отмечалось в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о деятельности К.Е.Ворошилова на посту главнокомандующего Северо-Западного направления, а затем командующего Ленинградским фронтом, он «не справился с порученным делом и не сумел организовать оборону Ленинграда»[28]. Промахи, допущенные Ворошиловым, пришлось исправлять генералу армии Г.К.Жукову, который сумел обеспечить перелом ситуации в самый трагический момент, и враг был остановлен у стен города.

Командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант М.С.Хозин (26.10.1941 г. — 08.06.1942 г.) стал инициатором, а затем проводником расформирования Волховского фронта (что, по словам И.В.Сталина, явилось большой ошибкой). В середине мая 1942 г. он своевременно не выполнил указание Ставки ВГК об отводе 2-й ударной армии на восточный берег р. Волхов, что привело к трагическим последствиям. И Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, и генерал-лейтенант М.С.Хозин были сняты со своих постов.

Немало серьезных ошибок допустил член Военного совета Ленинградского фронта, секретарь ленинградских обкома и горкома партии А.А.Жданов. Типичный партийный функционер, редко покидавший свой кабинет в Смольном, он не раз в годы блокады выступал инициатором самых жестких и закостенелых методов партийного руковод-

ства. Жданов визировал документы, которые затем передавались суду Военного трибунала, и по приговору последнего были расстреляны десятки командиров и политработников. Он вместе с партийными соратниками, добившись в самом начале войны подчинения Ленинграду промышленных предприятий союзно-республиканского значения, уже в декабре 1941 г. был вынужден законсервировать сотни заводов. Серьезного упрека заслуживают партийные руководители в связи с эвакуационными мероприятиями населения Ленинграда в первые месяцы войны. Если бы они провели их более оперативно и в надлежащем объеме, то от голода и лишений в блокадную зиму 1941–1942 г. погибло бы значительно меньше ленинградцев.

Секретари ленинградских обкома и горкома партии являлись одновременно и членами Военного совета Ленинградского фронта. Однако они, особенно в первые месяцы войны, не были достаточно компетентными в военных вопросах и тяготели к привычным формам партийной работы в городе. Под их руководством горком партии, подменяя Ленгорисполком, практически ежедневно принимал постановления, связанные с жизнью, бытом и хозяйством Ленинграда. Работе на фронте секретари горкома ВКП(б), как члены Военного совета, уделяли значительно меньше внимания.

Тем не менее, нужно отдать должное Военному совету фронта в быстром установлении воздушной и водной (ледовой) коммуникаций, которые связали Ленинград с «Большой землей». Город выстоял потому, что эти коммуникации действовали и врагу не удалось их перерезать, хотя для достижения такой цели он приложил немало усилий.

Героически обороняли ладожскую трассу воины противовоздушной обороны, летчики Ленинградского фронта и Балтийского флота, моряки Ладожской военной флотилии. Напряженно трудились на ней водители автоколонн, регулировщики, все, кому было доверено великое дело жизни защитников Ленинграда. Нет, недаром бойцы ледовой Ладоги гибли под бомбежками, тонули в бездонных полыньях озера. Плоды их героического труда стали заметны уже в январе 1942 г., когда, наконец, состоялось первое увеличение хлебного пайка. За ним последовало второе, третье...

В январе 1943 г. и январе 1944 г. под Ленинградом были проведены стратегические наступательные операции. Дорогую цену заплатили советские воины в период их проведения. В ходе операции «Искра» безвозвратные потери составили 33 940 человек, санитарные — 81 142 человека, всего — 115 082 человека. В ходе Ленинградско-Новгородской операции безвозвратные потери составили 76 686 человек, санитарные — 237 267 человек, всего — 313 953 человека[29].

Особое место занимает воздушное сражение за Ленинград. Высшее руководство Германии поставило перед командованием немецких военно-воздушных сил (ОКЛ) задачу уничтожения города

ударами с воздуха. Практически воздушные операции люфтваффе начались с момента установления сухопутной блокады города, когда истребительная авиация ПВО и ВВС потеряла свои основные аэродромы. Концентрация всех средств ПВО в одной зоне, отсутствие по существу полосы предупреждения, невозможность своевременного оповещения о подлете авиации противника сделали противовоздушную оборону Ленинграда и кораблей КБФ исключительно сложной. В таких условиях войска ПВО стремились сделать все возможное, чтобы свести к минимуму ущерб от воздушных ударов противника.

Отражение массированных налетов 1-го воздушного флота врага, направленных на уничтожение города и флота, вылилось в ряд объединенных единым замыслом боев и сражений, которые велись Ленинградской армией, ПВО, ПВО КБФ и истребительной авиацией ВВС фронта. Такие действия по масштабу, важности выполняемых задач, форме их организации и ведения носили характер противовоздушных операций. Они явились неразрывным звеном битвы за Ленинград.

Противник не выиграл воздушное сражение за город на Неве, не сравнял его, как было приказано, с землей, хотя и причинил ему огромный ущерб в результате ударов с воздуха и артиллерийских обстрелов. Громадные разрушения враг нанес промышленности, транспорту, городскому хозяйству и жилому сектору. Были разрушены и повреждены заводы — Кировский, Ижорский, «Русский дизель», «Электропульт», «Большевик», «Электросила», «Треугольник», «Красная заря», «Светлана», Адмиралтейский, им. Орджоникидзе, Дубровская электростанция, мясокомбинат им. С.М.Кирова, фабрики им. Первого Мая, «Скороход», «Пятилетка» и другие предприятия, а также склады, оборудования, коммуникации Ленинградского порта, все вокзалы, пути и станционное хозяйство Ленинградского железнодорожного узла.

Немецко-фашистские захватчики разрушили целые кварталы в Кировском, Московском, Володарском и Красногвардейском районах, на Петроградской и Выборгской сторонах; большие разрушения были произведены в пригородах — Колпине, Петродворце, Пушкине, Кронштадте. Были варварски разрушены или повреждены 187 исторических зданий, среди них Зимний, Таврический, Мариинский и Строгановский дворцы; Адмиралтейство, Инженерный замок, Петропавловская крепость, Исаакиевский и Казанский соборы; значительно повреждены здания и экспонаты Эрмитажа, Русского музея, Музея этнографии. Разрушены и повреждены Театр оперы и балета им. Кирова, Большой драматический, театр драмы им. Пушкина, им. Ленинского комсомола, Малый оперный театр, Дворец пионеров, Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина; здания высших

учебных заведений — Государственного университета, Военно-медицинской академии, Академии художеств; Горного, Инженеров железнодорожного транспорта, Технологического, Политехнического и других институтов.

Фашисты уничтожили и повредили гранитные набережные, Ростральные колонны у Фондовой биржи, Нарвские ворота. Они подвергли разрушению и грабежу пригородные дворцово-парковые комплексы. Уничтожили и разрушили принадлежащие мирным гражданам 5495 жилых домов. Чрезвычайная государственная комиссия определила ущерб, причиненный гражданам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям Ленинграда и его пригородов в сумме 38354134 тыс. рублей[30] (в ценах 1945 г. — *Авт.*).

Несмотря на постоянные бомбежки и обстрелы, на громадные разрушения, жертвы и лишения блокады ленинградцы не чувствовали себя изолированными, одинокими перед лицом врага. Вопросами обороны Ленинграда, его снабжения, эвакуационными мероприятиями постоянно занимались члены ГКО В.М.Молотов, Н.А.Вознесенский, К.Е.Ворошилов, Л.М.Каганович, Г.М.Маленков, А.И.Микоян, а также заместитель Председателя СНК СССР А.Н.Косыгин, уполномоченный ГКО по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда Д.В.Павлов, представители Ставки Верховного Главнокомандования, Наркомата обороны и Генерального штаба. Председатель Государственного Комитета Обороны И.В.Сталин постоянно держал в поле зрения Ленинград и уделял особое внимание вопросам его защиты.

Наряду с высшими государственными и военными органами страны многогранную работу вели различные массовые общественные и добровольные общества трудящихся: ВКП(б), профсоюзы, комсомол, кооперативные объединения, оборонные, научно-технические и спортивные общества.

Весомый вклад в оборону города на Неве внесла ленинградская парторганизация, подняв на ратные подвиги и самоотверженный труд сотни тысяч трудящихся Ленинграда и области.

Разностороннюю деятельность в тяжелейших условиях блокады проводил исполком Ленгорсовета. Он принимал сотни конкретных, действенных постановлений и решений по самым разнообразным вопросам жизни и обороны осажденного города и постоянно добивался их реализации.

В условиях блокады Ленинграда ученые, инженерно-технические работники, служащие и рабочие коллективы, преодолевая невероятные трудности и лишения, неустанно ковали оружие победы. Все свои силы отдавали делу защиты родного города и последующего разгрома

врага писатели, художники, артисты, учителя, врачи. Они самоотверженно выполняли свой патриотический долг. Население города внесло огромный вклад в достижение победы над немецко-фашистскими захватчиками. Защитники героического Ленинграда выстояли и победили.

Уже много десятилетий назад перестало полыхать пламя ожесточенной битвы за нашу северную столицу. Но и сегодня люди помнят о беспримерном подвиге ленинградцев, об их несгибаемой стойкости и мужестве. Священные для нас слова – «Никто не забыт и ничто не забыто», выбитые на памятнике, который установлен на Пискаревском кладбище Ленинграда, начертаны резцом отваги и героизма его защитников. Их подвиг навсегда останется в памяти человечества как величайший образец патриотизма, воли и неугасимой веры ленинградцев в сокрушение фашизма.

[1] Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. М., 1954. Т. 1. С. 366.
[2] *Манаков Н.А.* В кольце блокады. Л., 1961. С. 14–15.
[3] На защите невской твердыни / Князев С.П., Стрешинский М.П., Франтишев И.М. и др. Л., 1965. С. 56.
[4] Там же. С. 60.
[5] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 77. Оп. 2. Д. 126. Микрофильм. (Далее – РГАСПИ).
[6] Там же.
[7] *Манаков Н.А.* Указ. соч. С. 38.
[8] *Воронов Н.Н.* На службе военной. М.,1963. С. 186.
[9] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным. Смоленск, 2001. С.35.
[10] Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. СПб., 1995. С. 20.
[11] РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 18. Л. 4.
[12] Россия и СССР в войнах XX века. М., 2001. С. 271.
[13] Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
[14] Там же.
[15] Там же.
[16] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд., доп. М., 1974. Т. 1. С. 396.
[17] *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде. М., 1969. С. 174.
[18] Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза. Л., 1944. Т. 1. С. 119.
[19] На защите невской твердыни. С. 249.
[20] *Шумилов Н.Д.* В дни блокады. М., 1974. С. 105.
[21] *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. 1941–1943. М., 1959. С. 184.
[22] 900 героических дней. М.; Л., 1966. С. 397–398.
[23] Ленинград в осаде: Сборник документов. СПб., 1995. С. 325, 329.
[24] Очерки истории Ленинграда. Л., 1967. Т. 5. С. 692.
[25] *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. СПб.; М., 2002. Т. 2. С. 278–290.

[26] *Манаков Н.А.* Указ. соч. С. 115.
[27] Правда. 1942. 29 марта.
[28] Ленинградская эпопея... С. 25.
[29] Россия и СССР в войнах XX века. С. 274, 283.
[30] 900 героических дней. С. 401.

ОПОЛЧЕНЦЫ НА ЗАЩИТЕ ПРИБАЛТИКИ И БЕЛОРУССИИ

Оборона Прибалтики

Согласно гитлеровскому плану «Барбаросса» одно из трех стратегических направлений наступления немецко-фашистских войск на восточном фронте отводилось группе армий «Север» под командованием генерал-фельдмаршала В.Лееба. Имея в своем составе 18-ю, 16-ю полевые армии и 4-ю танковую группу, она развернула боевые действия на фронте от Клайпеды до Гольдапа. Перед ней стояла задача уничтожить советские войска в Прибалтике и захватить Ленинград.

Группе армий «Север» противостояли войска Прибалтийского Особого военного округа, с началом войны преобразованного в Северо-Западный фронт, под командованием генерал-полковника Ф.И.Кузнецова. В его состав входили 8, 11 и 27-я армии. Взаимодействуя с кораблями и частями Краснознаменного Балтийского флота, которым командовал вице-адмирал В.Ф.Трибуц, эти войска должны были прикрыть территорию Прибалтийских республик, включая и Моонзундский архипелаг.

Задача эта была не из легких. Соотношение сил сложилось в пользу противника. На направлениях главных ударов — каунасском и шяуляйском — враг превосходил советские войска примерно в 5–7 раз[1]. Более того, многие части и соединения Северо-Западного фронта находились в стадии переформирования и перевооружения и были рассредоточены на территории всех Прибалтийских республик.

Первые удары врага здесь, как и на других участках советско-германского фронта, приняли пограничники и малочисленные передовые части Красной Армии, которые непосредственно прикрывали государственную границу. В неравных схватках с немецко-фашистскими захватчиками они проявляли стойкость, упорно защищая родную землю. Даже в условиях полного окружения, лишенные какой-либо надежды на помощь извне, они действовали исключительно мужественно, предпочитая погибнуть, но не сдать врагу занимаемых позиций.

Так началась борьба за города и села Прибалтики.

На исходе первого дня войны Главный военный совет Красной Армии направил в войска директиву, которая предписывала военным советам фронтов организовать контрудары с целью уничтожения вклинившихся группировок противника. В частности, войскам Северо-Западного фронта совместно с войсками Западного фронта предстояло нанести удары из районов Каунаса и Гродно в направлении на Сувалки, окружить и уничтожить сувалкинскую группировку гитлеровцев.

К выполнению этой задачи войска фронта приступили без необходимой подготовки, когда противник уже захватил инициативу и, кроме превосходства в сухопутных силах, имел подавляющее господство в воздухе. Вступая в сражение неодновременно, без тесного взаимодействия, соединения 8-й и 11-й армий Северо-Западного фронта оказались втянутыми в тяжелые, кровопролитные бои. Но и в этой обстановке они сумели на трое суток задержать продвижение врага.

Однако положение на Северо-Западном фронте продолжало ухудшаться. Спустя два дня после начала войны, 24 июня, после ожесточенных боев немецко-фашистские захватчики ворвались в Каунас. В тот же день под давлением превосходящих сил противника советские войска оставили Вильнюс. К концу июня враг сумел захватить в Прибалтике обширный плацдарм, включая всю территорию Литовской ССР. Таким образом, задержать врага в приграничной полосе войскам Северо-Западного фронта не удалось. Более того, через несколько дней после начала войны немецко-фашистские захватчики вторглись в южные районы Советской Латвии.

Внезапное нападение врага, быстрое продвижение его войск в глубь Прибалтики не позволили местным партийным и советским органам создать здесь сколько-нибудь значительные народные формирования в помощь Красной Армии. Тем не менее, многие воины-добровольцы вместе с пограничниками и воинами Красной Армии активно участвовали в защите Ионавы, Зарасая, Науяместиса, Алитуса, Тельшяя, Субачюса, Ужпельняя и других литовских городов и сел. Хорошо зная местные кадры, они помогали также бойцам и командирам Красной Армии уничтожать банды буржуазных националистов, вражеских агентов и диверсантов[2]. Особенно активно действовали эти отряды в Паневежисском, Шяуляйском, Биржайском, Рокишкском и Укмергском уездах[3].

Отважно сражались и воины других народных формирований Литвы. Рабочие Каунаса создали, например, группу сопротивления, которая вела борьбу с гитлеровскими лазутчиками в окрестностях столицы республики — Вильнюса. Вскоре она сумела выдержать бой с отрядом фашистских диверсантов, насчитывавшим около двухсот человек. В Утенском и Зарасайском районах группа вооруженных

патриотов совместно с частями Красной Армии участвовала в боевых действиях против немецких парашютистов и в разгроме прорвавшейся танковой колонны врага. Организованная трудящимися г. Субата вооруженная группа помогла советским воинам очистить на некоторое время от захватчиков Обяльский район[4].

Героическую страницу в истории Великой Отечественной войны вписали мужественные защитники Шяуляя. В течение нескольких дней крупные силы противника яростно, но безуспешно штурмовали город. На помощь частям местного гарнизона, которым командовал полковник И.Д.Черняховский, пришли рабочие батальоны. Они были сформированы Шяуляйскими городским и уездным комитетами Коммунистической партии Литвы. Получив подкрепление, защитники Шяуляя не только задержали продвижение гитлеровцев, но и нанесли им ряд чувствительных контрударов. В ходе активной обороны Шяуляя войсками Красной Армии и воинами-добровольцами было разгромлено несколько отборных танковых частей и моторизованный полк противника[5]. Город был оставлен лишь тогда, когда у оборонявшихся иссякли боеприпасы и возникла угроза полной вражеской блокады.

Бойцы и командиры добровольных формирований Литвы участвовали в боях всего несколько дней. Но даже непродолжительная деятельность добровольных боевых отрядов и групп партийно-советских активистов республики положительно сказалась на последующей борьбе советских патриотов против немецко-фашистских захватчиков. В вооруженных столкновениях с противником и при выходе из окружения погибло около 5000 воинов-добровольцев этих отрядов и групп[6]. Те из них, кому не удалось пробиться к своим, включились в борьбу партизан и подпольщиков.

Более эффективным и продолжительным явилось участие в боевых действиях добровольных народных формирований на территории Латвийской ССР. Первоначально они в основном использовались для борьбы с фашистскими диверсионными группами и бандами буржуазных националистов, а затем, в ходе развертывания военных событий, приняли непосредственное участие в оборонительных боях и сражениях с регулярными немецко-фашистскими войсками.

Первыми на территории Латвийской республики приняли бой с гитлеровскими захватчиками защитники Лиепаи: балтийские моряки, пограничники, воины местного гарнизона и рабочие отряды. К началу войны это был современный портовый и промышленный город, являвшийся важной военно-морской базой Краснознаменного Балтийского флота. В нем насчитывалось 54 тыс. жителей, из них около 20 тыс. рабочих и служащих[7]. В Лиепае размещался ряд крупных предприятий, в том числе заводы «Сарканайс металургс» и «Тосмаре». Лиепайскую партийную организацию возглавлял бывший рабочий

порта Микелис Бука, а комсомольскую — Имант Судмалис, которому позднее за подпольную работу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Лиепайский гарнизон был немногочисленным: он насчитывал около 13 тыс. воинов различных родов войск. Причем незадолго до фашистского нападения из-за небольшой акватории гавани все боеспособные корабли перебазировались в Рижский залив[8]. Важной боевой единицей гарнизона была 67-я стрелковая дивизия, которой командовал генерал-майор Н.А.Дедаев, в прошлом большевик-подпольщик, участник штурма Зимнего дворца и Гражданской войны.

Фашистское командование рассчитывало на молниеносный захват города, возложив решение этой задачи на 291-ю пехотную дивизию. Однако мужество и стойкость его защитников внесли коррективы в планы врага.

Путь гитлеровским войскам на этом участке фронта в первый день войны преградили пограничники и военные моряки. И все же к вечеру превосходящим силам противника удалось выйти в район Руцавы, что в 30 км южнее Лиепаи. Город подвергался почти непрерывным артиллерийским обстрелам и бомбовым ударам вражеской авиации.

В этой обстановке созданный городским и уездным комитетами КП(б) Латвии штаб гражданской обороны города во главе с М.Букой принял решение организовать срочную помощь воинам Красной Армии, подняв на вооруженную борьбу тысячи трудящихся. На наиболее крупные предприятия были направлены второй секретарь горкома партии Я.Зарс, редактор газеты «Коммунист» А.Криевс, прокурор города И.Спруде, заведующий отделом пропаганды и агитации горкома КП(б) Латвии Ф.Ярнис, секретарь уездного комитета комсомола И.Судмалис[9].

Первый рабочий батальон в Лиепае был сформирован на судоремонтном заводе «Тосмаре» в составе 450 добровольцев. Командиром батальона стал старый большевик, парторг завода Артур Петерсон, который еще в октябрьские дни 1917 г. сражался в рядах латышских стрелков, а позднее — в легендарной 25-й Чапаевской дивизии.

На заводе «Сарканайс металургс» был создан рабочий отряд в составе 250 человек. Его возглавил председатель заводского комитета профсоюза Э.Муцениек. Такие же боевые отряды организовали рабочие и служащие порта, железнодорожных мастерских, лесопильни и других предприятий. По инициативе уездного комитета комсомола в первый же день войны стал действовать специальный отряд под командованием И.Судмалиса. Ближайшими его помощниками стали секретари городского комитета комсомола Б.Пелнен и Я.Янушка. Ряды ополченцев-защитников Лиепаи пополнились за счет батальона городского партийного и советского актива, боевых отрядов Осоавиахима и др.[10]

Все эти вооруженные народные формирования уже на второй день войны, 23 июня, вступили в оборонительные бои. Часть из них заняла позиции южнее и восточнее города, оседлав Гробиньское шоссе[11]. Одновременно командование гарнизона и городской штаб усилили защиту северной части города, направив туда несколько отрядов народного ополчения. Так, батальон рабочих-ополченцев завода «Тосмаре» занял позиции у фортов и вдоль канала. В районе рощи, под укрытием фортов, вместе с пограничниками расположились рабочие завода «Сарканайс металургс» и отряд партийно-советского актива. Важный участок от шоссе до озера обороняли отряд добровольцев из Осоавиахима и группы рабочих и комсомольцев. Здесь находились также 70 бойцов комсомольского отряда И.Судмалиса и 10 литовских комсомольцев, которые прибыли из палангского пионерского лагеря. Отдельные группы ополченцев заняли боевые позиции вдоль берега Лиепайского озера, где существовала реальная угроза переправы вражеского десанта[12].

Особенно упорные бои развернулись на южном участке обороны. Во второй половине дня защитникам города удалось предотвратить железнодорожный десант гитлеровцев. Внезапно захватив станцию Прискуле, гитлеровцы направили в Лиепаю под видом советского состава свой воинский поезд с целью захватить мосты у фортов. Однако И.Н.Огоньков, дежурный по станции Гавиезе, в 19 км от Лиепаи, успел сообщить по телефону в Лиепаю о надвигавшейся опасности. Навстречу вражескому эшелону был направлен паровоз. Произошло крушение, в результате которого противник потерял убитыми и ранеными десятки солдат и офицеров[13].

Потерпев неудачу в попытке осуществить железнодорожный десант, гитлеровцы вечером того же дня атаковали город со стороны Гробини. К окраине Лиепаи прорвалась группа вражеских мотоциклистов, но, не выдержав яростного огня воинов мужественного гарнизона, повернула вспять. Утром 24 июня противник предпринял новую атаку. Ему удалось пробиться к железнодорожным мастерским и в район завода «Тосмаре». Учитывая сложившуюся обстановку, командование и штаб обороны города немедленно перебросили туда первую роту ополченцев-тосмарцев, отряды рабочих порта, завода «Сарканайс металургс», подразделения 67-й стрелковой дивизии и отряд военных моряков. Оказав упорное сопротивление, советские воины и бойцы-добровольцы остановили противника.

Но борьба за город не прекратилась. Убедившись, что защитники Лиепаи не собираются складывать оружие, гитлеровцы, получив пополнение, к вечеру 24 июня полностью блокировали город с суши.

Утром 25 июня немецко-фашистские войска возобновили наступление, поддержанное огнем дальнобойной артиллерии из леса восточнее Лиепайского озера. Главный удар наносил 505-й полк

291-й немецкой пехотной дивизии. Защитники Лиепаи предприняли стремительную контратаку, неоднократно переходившую в рукопашные схватки.

«На рассвете на нас двинулись фашисты,— вспоминал один из участников этого боя бывший заместитель председателя комитета профсоюза завода "Сарканайс металургс". — Несколько мотоциклов было уничтожено, а двум танкеткам удалось прорваться в тыл. Немецкие пехотинцы бросились вперед. Наступил критический момент. Нашей группе угрожало окружение. Некоторые товарищи начали колебаться. В этот момент рабочий Чача поднялся во весь рост и крикнул: "Вперед, лиепайчане!" Он бросил две гранаты и вступил в рукопашный бой. Пример товарища Чачи воодушевил других. Все как один встали и бросились на врага. Вой перешел в рукопашную схватку. Фашисты вынуждены были отступить»[14]. Мужественно сражались рабочие А.Скудра, Я.Копшталс, Т.Витолиньш, Г.Пинчук, И.Грасманис, Р.Кажокниекс и др.[15] В этот день смертью героев погибли ополченцы завода «Тосмаре» А.Субач, Ф.Фрейманис, К.Осис, И.Лукаш, Либерт, Петрат, горвоенком подполковник Зимин.

Подлинным штабом по мобилизации трудящихся Лиепаи на борьбу с врагом стал городской комитет партии во главе с секретарями М.Букой и Я.Зарсом. «Организация вооружения рабочих и руководство ими в бою были важнейшей задачей комитета партии. При выполнении ее нередко были минуты, когда из всего аппарата городского комитета оставались только секретарь и несколько технических работников. Все заведующие отделами, инструкторы или были на фронте, или командовали какой-либо оперативной группой»[16], — писал впоследствии Ф.Ярнис. Тяжелые, кровопролитные бои шли 25 июня до позднего вечера на всех участках обороны. От разрыва вражеского снаряда погиб командир 67-й стрелковой дивизии генерал Н.А.Дедаев. В командование дивизией вступил начальник штаба дивизии полковник В.М.Бобович.

Положение защитников города продолжало ухудшаться. Стала остро ощущаться нехватка боеприпасов, значительно поредели ряды бойцов. К этому времени немецко-фашистские войска уже вышли к Даугаве, заняли Даугавпилс, создав непосредственную угрозу Риге. В этой обстановке командование Северо-Западного фронта отдало приказ об отводе из Лиепаи частей гарнизона. В ночь на 27 июня начались бои защитников города за выход из окружения. Однако лишь немногим удалось вырваться из вражеского кольца. Многие защитники Лиепаи в ходе этих боев погибли. Среди тех, кто пал смертью героев, были секретари городского комитета партии М.Бука и Я.Зарс.

В центре города бои продолжались до 29 июня[17]. Отдельные прорывающиеся группы бойцов, моряков и ополченцев продолжали борьбу, переходя к партизанским действиям. Так, 29 июня отряд

защитников Лиепаи численностью около 400 человек под руководством командира истребительного батальона коммуниста А.Дундура, продолжая вести упорные бои, сумел вырваться из города в южном направлении. Разгромив несколько мелких групп гитлеровцев и автоколонну, красноармейцы, моряки и вооруженные рабочие совершили дерзкое нападение на оккупированный противником город Скоудас и удерживали его несколько часов[18]. Спустя сутки удалось вырваться из окружения еще одной большой группе бойцов и ополченцев. Уничтожая мелкие группы противника, этот отряд также устремился в юго-восточном направлении.

Последующая судьба тех, кто вырвался из вражеского кольца, различна: одни из них, разбившись на мелкие группы, перешли через линию фронта и влились в действующую армию, другие остались в тылу врага, включившись в партизанское движение и перейдя на подпольную работу.

Героическая борьба защитников Лиепаи, в том числе рабочих-ополченцев, получила высокое признание Родины. «Когда гитлеровские орды, — писала "Правда", — пользуясь огромным перевесом сил, внезапно окружили латвийский город Лиепаю, немцы напрасно ждали сдачи города. По призыву партийной организации рабочие взялись за оружие и встали на защиту родного города»[19]. Подвиг лиепайцев был вдохновляющим примером для всех, кто сражался против немецко-фашистских захватчиков. Враг был вынужден потом признать, что непредвиденное сопротивление защитников города расстроило его планы и темпы наступления и гитлеровскому командованию пришлось бросить на помощь наступавшим резервные части, чтобы захватить Лиепаю[20].

В августе 1977 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР город Лиепая «за успехи в хозяйственном и культурном строительстве, заслуги в революционном движении, мужество и стойкость трудящихся города в годы Великой Отечественной войны» был награжден орденом Октябрьской Революции.

Ко времени падения Лиепаи общая обстановка на Северо-Западном фронте значительно ухудшилась. Войскам фронта не хватало сил, чтобы остановить наступающего противника и закрепиться на рубеже Западной Двины. Они были вынуждены отступать.

Части 18-й армии противника развернули наступление на Ригу. 29 июня враг захватил Елгаву, Бауску и ворвался в западную часть столицы Советской Латвии. На улицах Риги развернулись ожесточенные бои, в которых активное участие приняли рабочие города.

Формирование рабочих батальонов в Риге началось еще 25 июня. На базе существовавших ранее батальонов Рабочей гвардии здесь были созданы из числа добровольцев три объединенных батальона, по три роты в каждом[21]. Наряду с этим формировались и другие отря-

ды народного ополчения. Вместе с воинскими патрулями они следили за соблюдением порядка в городе, боролись против диверсантов и парашютистов, несли охрану предприятий и учреждений[22].

Республиканская партийная организация принимала экстренные меры по доукомплектованию добровольческих отрядов трудящихся, их оснащению оружием и повышению боеспособности. Поскольку к 27 июня из регулярных войск в Риге находился только полк НКВД и комендантская рота штаба округа, было решено оборону города на наиболее угрожаемых направлениях возложить на рабочие батальоны. Основные силы 1-го батальона, которым командовал А.Нарбатович, расположились в районе понтонного моста. Позиции возле рынка и железнодорожного моста заняли бойцы 2-го батальона под командованием К.Годкална. 3-му батальону было приказано оборонять мосты и узловые пункты на шоссейных и железных дорогах на ближайших подступах к Риге: в районе Икшкиле, Крустпилса и Кегумской ГЭС[23].

28 июня в Ригу отошли сильно ослабленные в предшествующих боях некоторые части и подразделения 10-го стрелкового корпуса. К защитникам столицы Латвийской ССР присоединились моряки и боевые отряды рабочих Лиепаи, Вентспилса, Кулдиги и Елгавы[24].

Первыми 29 июня вступили в бой с фашистскими захватчиками на окраинах Риги (в Пардаугаве) отступавшие к городу части Красной Армии, моряки и рабочие ополченцы. Натолкнувшись на стойкое сопротивление, противник был вынужден приостановить наступление. Бойцам рабочих отрядов удалось подорвать понтонный и Земгальский мосты, а затем уничтожить пытавшихся прорваться по железнодорожному мосту в правобережную часть города три танка и просочившуюся пехоту противника. К вечеру был поврежден и железнодорожный мост[25].

В условиях непрерывных артиллерийских обстрелов, воздушных налетов и возникших в городе многочисленных пожаров бойцы рабочих батальонов выиграли первый бой, помешав гитлеровцам с ходу ворваться в центр Риги. Это заставило противника подтянуть значительное подкрепление и искать переправы через Даугаву в другом месте, юго-восточнее Риги.

Не имея достаточных сил для продолжения борьбы и ввиду угрозы полного окружения основная часть защитников Риги по приказу командования в ночь на 30 июня оставила город и отступила на север Латвии к г. Валке, куда несколько ранее эвакуировались ЦК КП(б) Латвии и СНК Латвийской ССР. В ночь па 1 июля Ригу покинули и части 8-й армии, и она в тот же день была захвачена немецко-фашистскими войсками[26].

На рассвете 2 июля противник крупными силами возобновил наступление в полосе всего Северо-Западного фронта. Развернулись

жестокие бои северо-восточнее Риги, в районе Мадоны, на подступах к Резекне. В связи с угрозой прорыва гитлеровцев к Пскову и Ленинграду командование фронта[27] все свои резервы стало сосредотачивать в районе Пскова, Острова, Дно и организовывать оборону по рубежу р. Великой[28]. Однако поспешно организованная здесь оборона не выдержала сильного натиска крупной танковой группировки противника. 3 июля враг занял Резекне, Гулбене, а 4 июля ворвался в г. Остров. Отрезанная от главных сил Северо-Западного фронта 8-я армия с боями отходила к границе Эстонии. На левом крыле фронта части Красной Армии вели напряженную борьбу с отборными вражескими войсками группы армий «Север», продвигавшимися на псковско-ленинградском направлении.

В эти суровые и тревожные дни большую помощь Красной Армии на территории Латвии продолжали оказывать местные народные формирования. После захвата противником Риги важное значение в качестве центров мобилизации трудящихся на борьбу с врагом приобрели города Валмиера и Валка. Сюда вместе с частями советских войск стекались бойцы отступавших рабочих батальонов и отрядов партийно-советского актива, участвовавших в боях за Лиепаю, Ригу, Вентспилс, Елгаву, Бауску. В соответствии с директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. здесь продолжалось формирование истребительных батальонов и вооруженных рабочих отрядов.

В Валмиере из числа бывших рабочегвардейцев, партийных, советских и комсомольских активистов города и уезда были созданы истребительные отряды и рабочий батальон, бойцы которого заняли оборонительные рубежи вдоль р. Гауи и несли патрульную службу в городе. Возглавил эти формирования секретарь уездного комитета партии А.Калнынь[29]. Истребительный батальон в составе 300 человек организовался в г. Абрене (Пыталово) (командир — В.Семенов, комиссар — А.Никонов). Батальон особенно отличился в районе г. Балвы, где развернулись упорные сражения с превосходящими силами противника. Гитлеровцы понесли здесь большие потери[30].

В Валге по указанию ЦК КП(б) Латвии 1–3 июля было сформировано три отдельных батальона по 350–400 человек в каждом, а также отряд особого назначения в составе 250 добровольцев[31]. Эти ополченские формирования сразу же вступили в кровопролитные оборонительные бои.

На левом крыле Северо-Западного фронта достойно выполняли свой патриотический долг отряды и рабочие батальоны, созданные в восточных уездах Латвии. Среди них Екабпилсский и Лудзенский отряды, подразделения Мадонского рабочего батальона и др.

Тем временем наступление противника продолжалось. Несмотря на упорное противодействие, остановить его на решающих направлениях не удалось. Испытывая острый недостаток в боевых силах и

средствах, части 8-й армии по приказу командования Северо-Западного фронта в ночь на 5 июля начали отходить к оборонительной линии Пярну, Вильянди, Тарту на территории Эстонской ССР. Вслед за ними сюда отступили рабочие батальоны и отряды партийно-советского актива, оставив Валмиеру, Русину, Валгу, Апе и ряд других городов и населенных пунктов Латвийской ССР. К 8 июля вся ее территория была оккупирована немецко-фашистскими захватчиками.

Теснимые превосходящими силами врага отдельные разрозненные отряды латышских ополченцев стали стекаться в эстонский город Тырва. Сюда, например, прибыли отряды комсомольцев в количестве 200 человек во главе с секретарем ЦК ЛКСМ Латвии Э.Либертом, 500 бойцов рабочей гвардии Риги под командованием Ф.Вейсенфельда, К.Васкиса и около 350 добровольцев из Тукумского уезда, которыми командовал бывший красный латышский стрелок, начальник милиции уезда А.Жунис. На совещании коммунистов отрядов было решено объединить все отряды и создать Латышский добровольческий истребительный полк. Его командиром стал Жунис, а комиссаром — Либерт. Вместе с частями Красной Армии и отрядами народного ополчения Эстонии этот полк стал решать важные боевые задачи, ведя активные действия против наступавших гитлеровских войск и банд буржуазных националистов. Он участвовал в ожесточенных боях в районе Вильянди, Пылтсамаа, Марьямаа и Кольга-Яни[32].

18 июля приказом командования 8-й армии Латышский добровольческий истребительный полк, насчитывавший к этому времени 2000 бойцов, был включен на правах отдельной воинской части в состав 10-й стрелковой дивизии под названием «1-й Латышский стрелковый полк». В него влился Валмиерский истребительный батальон во Главе с А.Лукашенко (командир) и А.Калнынем (комиссар); 9 сентября 1-й Латышский стрелковый полк был реорганизован в батальон[33].

Одновременно происходило рождение и 2-го Латышского стрелкового полка. Его основу составили 900 бойцов рабочих отрядов и батальонов из Риги, Елгавский истребительный батальон (240 человек), а также ополченцы из других мест, которые отступили в северо-восточном направлении и сконцентрировались у местечка Торма. С помощью Тартумаавского укома партии все эти разрозненные отряды были объединены в полк, в котором насчитывалось около 1200 человек. 18 июля командованием Красной Армии он был переименован во 2-й Латышский стрелковый полк (командир — К.Улпе, комиссар — К.Циелав) и вошел в 125-ю стрелковую дивизию[34]. В августе 1941 г. 2-й полк был переименован во 2-й отдельный Латышский стрелковый полк. В начале сентября по приказу командования Ленинградского фронта он был преобразован в 76-й отдельный Латышский стрелковый полк и включен в состав 2-й стрелковой дивизии[35].

Совместно с другими частями Красной Армии оба полка участвовали в боях под Эдисте, Латре, Лелле, Таллином, а позднее и в героической обороне Ленинграда[36]. Осенью 1941 г., оценивая боевые успехи воинов 1-го и 2-го Латышских полков, «Правда» писала: «На эстонском участке фронта два латышских полка причинили немало беспокойств "непобедимой" германской армии. Часть, которой командовал К.Улпе, наголову разбила крупную колонну немецких войск у западного берега Чудского озера, уничтожила несколько танков врага, много грузовых машин, захватила штабную машину, много мотоциклов, разного оружия и пленных»[37]. Впоследствии многие воины этих полков продолжают сражаться с фашистскими захватчиками в рядах 201-й Латышской стрелковой дивизии.

На территории Эстонской ССР первые бои развернулись в начале июля в районе Пярну и Вильянди. По замыслу немецко-фашистского командования, 18-я армия из группы армий «Север» должна была отсечь и уничтожить советские войска в Эстонии, захватить Моонзундские острова и столицу республики город Таллин, являвшийся главной военно-морской базой Краснознаменного Балтийского флота.

Ослабленные в предыдущих тяжелых боях и недостаточно укомплектованные части и соединения Северо-Западного фронта были малочисленными[38]. Но они предпринимали героические усилия, чтобы не только затормозить, но и остановить наступление врага. Важным фактором роста сопротивления советских войск на эстонской земле явилось все более активное участие в боевых действиях местных добровольных народных формирований.

Их первые боевые операции были связаны с уничтожением диверсионных групп гитлеровцев, заброшенных по воздуху в тыл советских войск в леса вокруг Пярну, Вильянди, Выру, Петсери и в районы Килинги-Нымме и Вана-Вяндра.

1 июля, еще до вторжения фашистских войск на территорию Советской Эстонии, Вильяндиский истребительный батальон ликвидировал действовавшую в Таэвереской волости банду буржуазных националистов. Через несколько дней тот же батальон пресек попытки вражеской группы захватить волостные центры Сууре-Кыпу, Римму, Пайсту и Тянасильма, а затем совместно с Ляэнемааским и Пярнумааским истребительными батальонами провел успешную операцию по разгрому вооруженной банды в районе поселка Вяндра[39].

Как уже отмечалось, к концу первой декады июля в Эстонию отошла 8-я армия, которой тогда командовал генерал-лейтенант Ф.С.Иванов. Перед ней встала задача закрепиться на рубеже Пярну, Мустла, Тарту, Эмайыги и задержать наступление гитлеровцев па Таллин и Нарву. Значение удержания территории Эстонской ССР было весьма велико, в том числе для успешной обороны Ленинграда. Кроме того, это означало сохранение для Краснознаменного Балтийского флота его

главной базы – города Таллина и свободы действий в Финском заливе, а также на важных морских коммуникациях Балтики.

В условиях осложнившейся военной обстановки части народного ополчения были подчинены командованию 8-й армии. С этого времени они стали принимать непосредственное участие в боях с регулярными частями противника, продолжая при этом выполнять и прежние задачи по борьбе с вражескими диверсантами и бандами националистов.

8 июля передовые части 217-й пехотной дивизии 26-го армейского корпуса противника появились на подступах к Пярну. Их продвижение пытались остановить отряд морской пехоты Пярнуского гарнизона и бойцы 16-го Пярнуского истребительного батальона (командир – капитан И.Смирнов, комиссар – А.Рауд), вступив в бой на южных подступах к городу. Однако превосходство противника в живой силе и технике было слишком велико, и ему удалось сравнительно быстро захватить Пярну. Выехавший на помощь защитникам города из Синди истребительный батальон неожиданно наткнулся на крупную моторизованную вражескую колонну и в неравном бою был гитлеровцами уничтожен. При этом смертью героев погибли бойцы-добровольцы Г.Кумм, И.Юхансон, Д.Иванов, Э.Куллер, А.Вессик, О.Орусте, А.Юрнас, Р.Йыэвеерс, Х.Тийдерман, Р.Курма[40].

Одновременно развернулись боевые действия на улицах г. Вильянди, который подвергался непрерывному обстрелу вражеской артиллерии. Занявший оборону в районе гражданского аэродрома местный истребительный батальон прикрывал фланг 5-го стрелкового полка и 22-й мотострелковой дивизии НКВД. Бой продолжался весь день. 9 июля под давлением превосходящих сил врага советские войска были вынуждены оставить город. При обороне Вильянди отличились многие ополченцы, и среди них И.Мыттус, Р.Паккас, В.Майсте, О.Верро, А.Крейсберг, М.Томассон, Р.Калью, К.Липпур. О.Хильянди[41].

После падения Пярну и Вильянди упорные бои, в которых принимали участие подразделения народного ополчения, продолжались севернее этих городов. Новый оборонительный рубеж проходил по линии Вилувере, Вана-Вяндра, р. Суурйыги до Лепакозе. Оборонявшиеся советские войска, изнуренные тяжелыми боями, заметно поредели. Они испытывали острый недостаток в вооружении, боевой технике, боеприпасах, транспортных средствах, горючем. Однако и противник понес большие потери, что вынудило фашистское командование внести серьезные коррективы в планы наступления и увеличить количество действовавших в Эстонии дивизий с трех до пяти[42].

Недостаток в силах и средствах не позволил советским войскам надежно прикрыть два важных направления: от Пярну через Марьямаа и через Кергу и Рапла на Таллин и второе – от Вильянди через Пылтсамаа на Пайде и Йыгева. Это дало возможность немецко-фашистским

захватчикам, не встречая сильного сопротивления, ворваться в Центральную Эстонию.

Передовые части врага стали продвигаться через Аудру на Виртсу и Лихула, через Марьямаа на Таллин и через Синди в направлении Вяндра и Тюри. К вечеру 9 июля один из фашистских отрядов находился уже на полпути от Пярну до Таллина. Создалась непосредственная угроза захвата столицы Советской Эстонии,

В этой обстановке находившийся в Таллине заместитель командующего 8-й армией генерал-майор И.М.Любовцев отдал приказ всем находившимся здесь воинским частям и отрядам народного ополчения остановить продвижение противника к городу[43].

11–15 июля в районе Марьямаа шли ожесточенные бои. С ходу атаковав гитлеровцев, части 16-й стрелковой дивизии, подразделения морской пехоты, пограничники и ополченцы к вечеру 11 июля вышли в тыл противника, который понес большие потери. Опасаясь полного окружения, враг стал поспешно отступать к Пярну. Так провалилась первая попытка немецко-фашистских войск с ходу ворваться в Таллин. Почти одновременно десантникам береговой обороны Балтийского района удалось выбить противника из Виртсу и отбросить его в направлении Пярну на 50 км[44].

Развивая достигнутый в районе Марьямаа успех, советские войска вместе с отрядами народного ополчения стали очищать от захватчиков побережье между заливами Метсалу и Пярну. Активно действовал на дальних подступах к Таллину Таллинский рабочий батальон (командир — старший лейтенант М.Токарев, комиссар — В.Кин). 13 июля он участвовал в разгроме вражеских войск в Марьямаа и, выйдя к Пярну, Яагупи, продвинулся до мызы Аре. Здесь ополченцы атаковали группу солдат и офицеров противника и местных бандитов, обратив их в бегство. 20 июля Таллинский рабочий батальон вступил в бой с наступавшими крупными частями противника близ Удувере, а затем отошел в Аудру.

В боях под Марьямаа и Лихула участвовали также бойцы-ополченцы 4-го Таллинского истребительного батальона (командир — капитан Р.Штокберг, комиссар — В.Саар) и 7-го Таллинского истребительного батальона (командир — капитан Рубинов, комиссар — старший политрук Русанов). Оба эти батальона предприняли попытку развить наступление из Лихула в направлении на Пярну. Однако из-за плохо организованной разведки колонна автомашин с ополченцами попала в засаду. Понеся значительные потери, оба батальона были вынуждены отступить к Аудре, а к 20 июля снова сосредоточились в Таллине[45].

Крупная неудача под Марьямаа заставила командование 26-го армейского корпуса противника более чем на месяц приостановить наступление на Таллин. В боевых действиях в районах Марьямаа и Лихула отличились многие воины Красной Армии и бойцы народного ополчения.

До последнего патрона сражался с наступавшими гитлеровцами пограничник И. Дубина, погибший под гусеницами немецкого танка. Мужество и героизм проявили также комиссар погранотряда Г.Ланин, пограничник И.Прядко, ополченцы М.Кальюла, А.Рауд, С.Орлов, Э.Лаази, Э.Гольдшмидт, красноармейцы комсомольцы А.Ломако, Г.Мухитдинов, И.Смирнов, И.Матвеев[46].

Потерпев неудачу в попытке с ходу овладеть Таллином, враг бросил крупные силы в наступление вдоль дорог, ведущих из Вильянди на север. Поскольку это направление было открытым, то он уже 11 июля оказался под Пылтсамаа.

Навстречу прорвавшемуся противнику был направлен 17-й Вильяндиский истребительный батальон (командир — капитан М.Ф.Пастернак, комиссар — А.Мюрсеп), имевший в своем составе около 250 бойцов. В ночь на 13 июля батальон внезапно атаковал моторизованную разведчасть 254-й немецкой пехотной дивизии численностью до 600 человек и разгромил ее[47]. Гитлеровцы понесли большие потери и были отброшены назад, к Выйзику[48].

Через несколько дней тот же батальон вступил в бой с вражеской разведгруппой севернее Пылтсамаа, у д. Рутиквере, и нанес ей значительный урон. Бойцы батальона проявили массовый героизм. Его 3-я рота, например, 5 часов отбивала атаки превосходящих сил неприятеля. Смертью героев пали пулеметчики Эльмар и Густав Лиловеры, В.Пуура, В.Мокритс. До последнего вздоха обороняя занимаемую позицию, погиб Р.Паккас. Большая группа ополченцев, в том числе Н.Родионов, С.Стразд, В.Майсте, О.Верро и Х.Кальювээ, за совершенные здесь боевые подвиги была награждена Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Эстонской ССР[49].

Совершив с 5 по 7 июля отход на рубеж Пярну, Тарту, части 8-й армии стали усиленно готовиться к отражению новых атак врага. С 15 июля решением военного совета армии все истребительные батальоны на территории Эстонии были подчинены помощнику командующего 8-й армией по охране тыла подполковнику Л.А.Головкину[50]. Одновременно были приняты меры по дополнительному оснащению войск вооружением и боеприпасами. Это положительно сказалось на повышении боеспособности воинов и ополченцев: когда после трехдневной оперативной паузы гитлеровцы в центральной части Эстонии вновь перешли к активным действиям, пытаясь своими главными силами прорвать фронт 8-й армии, они получили уверенный отпор.

С переменным успехом шли ожесточенные бои в районе Вяндра. Почти три недели продолжалась полная героики оборона г. Тюри. Здесь плечом к плечу с воинами 10-й стрелковой и 22-й мотострелковой дивизий храбро сражались Латышский полк народного ополчения и Ярвамааский истребительный батальон[51].

До 22 июля войска Северо-Западного фронта стойко обороняли рубеж Пярну, Тарту, Чудское озеро, вынуждая фашистское командование бросать сюда дополнительные резервы. Лишь с огромным трудом, перейдя 30 июля в общее наступление, противник смог наконец прорвать оборонительные линии 8-й армии и 7 августа достигнуть побережья Финского залива в районе Кунда. В результате этого соединения Красной Армии, защищавшие Эстонию, оказались рассеченными на две части. Общая военная обстановка здесь значительно ухудшилась.

В боях за Тарту вместе с частями 125-й стрелковой дивизии доблестно сражался 22-й Тартуский истребительный батальон. Воины и ополченцы обороняли участок берега р. Эмайыги в районе города. Благодаря их стойкости и мужеству левобережная часть Тарту до 25 июля оставалась советской[52].

В районе оз. Выртсъярв, защищая мост через р. Эмайыги, героический подвиг совершил ополченец Тартуского истребительного батальона комсомолец Карл Кангур. Будучи раненым, он продолжал вести огонь по наступавшему противнику и последней гранатой подорвал себя и окруживших его фашистов[53].

Активно участвуя в совместных боевых действиях с частями Красной Армии, подразделения народных формирований продолжали вести борьбу с вражескими диверсантами и местными буржуазными националистами. Подтверждением тому может служить крупная операция ополченцев по ликвидации в тылу 8-й армии фашистской диверсионной группы «Эрна». Она была заброшена по морю и воздушным путем в район лесов и болот между Равила, Арду и Альбу и стала развертывать свою деятельность в направлении железнодорожного узла Тана. Задача по уничтожению этой группы была возложена на 4-й и 7-й Таллинские, 10-й и 20-й Харьюмааские, 15-й Ярвамааский и 17-й Вильяндиский истребительные батальоны, а также на пограничные части под общим командованием начальника штаба эстонских истребительных батальонов капитана М.Ф.Пастернака. Операция длилась три дня — с 30 июля по 1 августа. Диверсионная группа противника была окружена у д. Напу и в ходе совместных действий ополченцев и пограничников полностью уничтожена[54].

Подобные задания от командования 8-й армии неоднократно получали бойцы 5-го Нарвского, 6-го Вирумааского, 10-го Таллинского, 15-го Ярвамааского, 11-го Лянэмааского, 21-го Петсеримааского и других истребительных батальонов[55].

С выходом немецко-фашистских войск на побережье Финского залива в районе Кунда начался заключительный этап напряженных боев и сражений за Советскую Эстонию. 30 июля немецко-фашистское командование издало приказ о возобновлении наступления на Ленинград. При этом главный удар предусматривалось нанести между

оз. Ильмень и Нарвой. Однако развернуть наступление из-за возросшего сопротивления советских войск группа армий «Север» могла лишь 8–10 августа 1941 г.[56]

Рвавшимся в восточном направлении двум усиленным германским пехотным дивизиям — 291-й и 93-й — командование 8-й армии Северо-Западного фронта смогло противопоставить из регулярных соединений Красной Армии лишь ослабленные в предшествующих боях и только что вышедшие из окружения севернее Тарту части 11-го стрелкового корпуса[57]. На помощь им пришли народные формирования, в частности, Нарвский, Раквереский и Петсеримааский истребительные батальоны, которые еще 19 июля по приказу командующего 8-й армией генерала Любовцева заняли оборону по западному берегу р. Нарвы[58].

Первые атаки противника на линии Янезе, Ульви и Калда, Пада были отбиты. Но затем фашистским войскам удалось прорваться вдоль северного берега Чудского озера и сильно потеснить части Красной Армии. К 17 августа они отступили к р. Нарве.

Не менее угрожающая обстановка сложилась к югу от г. Нарвы, где передовые части врага, наступавшие восточнее Чудского озера, вышли к истоку р. Нарвы и к 20 июля продвинулись до рубежа р. Плюссы (в 6–7 км южнее Нарвы). Вражеская артиллерия начала обстрел города. Вот что вспоминал об этих днях активный участник обороны Нарвы, бывший командир 2-го истребительного батальона полковник Н.М.Транкман:

«...Части нашей 191-й стрелковой дивизии в тяжелых боях остановили продвижение фашистов на рубеже реки Плюсса. Попытки противника взять Нарву с марша провалились».

Однако в верховьях р. Нарвы фронт от Васькнарвы до Городенки протяжением 25 километров оставался открытым. Здесь находились только саперы, которые заканчивали строительство мостов, и группа пограничников из отряда подполковника Головкина, отходившего с литовской границы.

Единственный резерв оперативной группы — 5-й Нарвский и 6-й Вирумааский истребительные батальоны — были подняты по тревоге и ускоренным маршем направились к незащищенному участку фронта.

Первые подразделения 5-го истребительного батальона прибыли в Васькнарва рано утром 19 июля и сразу же вступили в бой. Совместно с саперами и пограничниками они в последний момент отстояли мост, которым пытались овладеть гитлеровцы. Три пограничника со станковым пулеметом и истребители Г.Михайлов и братья Красновы с легкими пулеметами заняли оборону в каменном здании, остальные бойцы — на берегу реки.

Противник обрушил на истребителей сильный минометно-артиллерийский огонь. По понтонному мосту ринулись вражеские

солдаты. Пулеметчики-пограничники, Михайлов и братья Красновы встретили врага губительным огнем. Немцы не ожидали такого организованного отпора. Потеряв несколько десятков солдат, гитлеровцы отхлынули назад.

Враг еще несколько раз пытался прорваться на правый берег, но истребителям с пограничниками удалось отбить все атаки. Наши саперы потом сами взорвали мост»[59].

Ныне в верховьях р. Нарвы, на ее левом берегу возвышается скромный памятник. На белом доломите высечено: «Здесь сражались 5-й Нарвский и 6-й Вирумааский истребительные батальоны с фашистскими захватчиками в июле – августе 1941 года».

В разгоревшихся ожесточенных боях под Нарвой и на подступах к Ленинграду ряды защитников пополнились за счет Нарвского рабочего полка. Его формирование началось 12 августа под руководством секретарей ЦК КП(б) Эстонии Х.Арбона и А.Паука[60]. Наряду с местными рабочими в полк вошли бойцы отступивших сюда истребительных батальонов, работники милиции и другие советские патриоты. Основу 1-го батальона Нарвского рабочего полка составили работники милиции Эстонской ССР, 2-го батальона – бойцы истребительных батальонов из Выруского и Тартуского уездов, а также отряд латвийских добровольцев, 3-го – ополченцы из уездов Вильянди и Ярва. Командиром полка был назначен капитан К.Гончаров, комиссаром – секретарь Нарвского городского комитета партии И.Чернов[61].

Нарвский рабочий полк был интернациональным. Кроме эстонцев, составлявших большинство, в нем насчитывалось несколько сотен русских, десятки латышей и представители других народов[62]. Более четверти бойцов и командиров полка являлись коммунистами и комсомольцами[63]. Формирование полка закончилось 19 августа, а 20–27 августа он уже участвовал совместно с воинами 11-й стрелковой дивизии в жестоких боях под Кингисеппом. Во время боя 25 августа нарвские ополченцы действовали настолько успешно, что сумели потеснить гитлеровцев и ворваться на северную окраину города. Однако затем фашисты обошли фланги полка и заставили его отступить. С 28 августа ополченцы Нарвского полка обороняли рубежи рек Систа и Воронки[64].

Во время боевых действий под Кингисеппом был тяжело ранен (по другим источникам, геройски погиб.– *Авт.*) командир Нарвского рабочего полка капитан К.Гончаров. Отвагу и мужество проявили ополченцы А.Ярвенд, Л.Плутус, П.Пелиссар, П.Роовик, А.Борм, С.Юга, Ф.Мартынов, Ф.Моорберг, Х.Отт, Э.Суме и др.[65]

В дальнейшем в течение месяца добровольцы Нарвского рабочего полка вели непрерывные кровопролитные бои в районе Котлов и Ораниенбаума. В связи с большими потерями 20–22 сентября полк был расформирован. Часть ополченцев влились в 11-ю стрелковую дивизию, другие – в 125-ю стрелковую дивизию, а также во 2, 5, 20

и 22-й военно-строительные батальоны, в составе которых затем участвовали в обороне Ленинграда[66].

По мере отхода значительной части войск Северо-Западного фронта на ближние подступы к Ленинграду все больше возрастало значение района Таллина. Он оставался единственным пунктом, через который осуществлялось снабжение 8-й армии и проводилась эвакуация населения, промышленного оборудования и материальных ценностей. Поэтому фашистское командование ставило своей ближайшей целью скорейшее овладение Таллином.

Ранним утром 20 августа после интенсивной артиллерийской подготовки враг перешел в наступление. И хотя Таллин фактически уже 9 июля превратился во фронтовой город, он еще не был в достаточной мере подготовлен к обороне с суши. Для оказания помощи войскам и флоту горком партии и городской Совет депутатов трудящихся срочно привлекли 25 тыс. жителей эстонской столицы для создания главной линии обороны[67].

На отражение натиска противника командование Краснознаменного Балтийского флота и Республиканский комитет обороны бросили все свои резервы — соединения армии, флота, отряды народного ополчения. Еще накануне решающих боев в районе мызы Перила в течение нескольких часов был сформирован 1-й Эстонский стрелковый полк, объединивший Таллинский, Пярнуский, Хаапсалускнй, Ярвамааский, Вирумааский и Харьюмааский истребительные батальоны общей численностью примерно 1,5 тыс. человек. Командиром полка стал капитан М.Ф.Пастернак, а комиссаром — секретарь ЦК КП(б) Эстонии Ф.Окк. С утра 20 августа полк занял участок обороны на юго-восточных подступах к Таллину, рядом с 1-м Латышским стрелковым полком[68].

В эти дни по решению городского комитета партии был создан и Таллинский рабочий полк. Его командиром был утвержден заведующий военным отделом ЦК КП(б) Эстонии подполковник К.Кангер, комиссаром — старший политрук Р.Лутус.

Сражаясь почти сутки, пехотинцы и моряки регулярных войск, отряды милиции, латышские и эстонские ополченцы героически отражали атаки отборных войск 254, 61, 217, 291-й пехотных дивизий противника.

21 августа, сразу же после занятия своего участка обороны, 1-й Эстонский стрелковый полк был атакован во фланг наступавшим противником со стороны Раазику. Борьба шла с переменным успехом, но к вечеру под напором превосходящих сил врага ополченцы были вынуждены отступить. 22 августа тяжелые оборонительные бои продолжались около Перила. Здесь отличились многие бойцы и командиры эстонского народного ополчения, и среди них — О.Хильянди, Х.Лаос, Ю.Мейстер, В.Набер, А.Кяосаар, бесстрашные санитарки Э.Пийп-

Сакс, Э.Сырстраметс-Куускюль, Т.Семенова. Рано утром 23 августа полк перешел в контратаку. В неравной схватке с фашистами ополченцы понесли значительные потери. Смертью храбрых пали в этом бою его командир М.Ф.Пастернак и комиссар Ф.Окк[69].

Вот что об этом бое пишет в своих воспоминаниях бывшая санитарка Харьюмааского истребительного батальона 1-го Эстонского полка Э.Сырстраметс-Куускюль;

«Батальон занял позиции, готовясь к выполнению боевой задачи. Со стороны Алавере по дороге на Раазику показались наступающие вражеские подразделения. Наш батальон отразил первую атаку врага. Многие бойцы получили ранения. Перевязав одного, я ползла к следующему. Фашисты обрушили на боевые порядки батальона огонь из всех видов оружия. А наши бойцы стреляли главным образом из винтовок и легких пулеметов. С моря нас поддерживала артиллерия флота...

Ожесточенный бой продолжался весь день. Сражение шло за каждый клочок родной земли... Вражеский огонь все усиливался. Поредели ряды бойцов батальона. Смертью храбрых в этом бою погибли Суудер, Салу, Якула, Кинксепп, Кристаль, Блум, Митт, Салкин, Линд, Якоб, Аринг и другие...

На следующее утро батальон перешел на новые позиции. Наши бойцы упорно отбивали непрерывные атаки наседавших фашистов. За четыре дня врагу удалось продвинуться лишь на несколько километров. Но силы были неравные. Полк отошел к мызе Пениги...

В районе Лехмья–Арукюла к нам на помощь пришли моряки Балтийского флота. Благодаря отважным матросам нам удалось временно приостановить наступление врага. Краснофлотцы и бойцы Рабочего полка заняли позиции в окопах, вырытых трудящимися Таллина. Гитлеровцы несколько раз поднимались в атаку, но вынуждены были откатываться назад...

Тяжелые бои под Лехмья продолжались два дня. Местность здесь ровная, а потому враг был хорошо виден. Наши артиллеристы держали под обстрелом места скопления фашистов. Все время вели огонь корабли с Таллинского рейда, их снаряды летели через наши головы на вражеские позиции. Бойцам то и дело приходилось отражать атаки фашистской пехоты, а с воздуха нас бомбили самолеты. Раненых было много. У санитарок работы хватало»[70].

Отважно сражался с врагом Таллинский рабочий полк. 26 августа гитлеровцам удалось прорваться в черту города, а в ночь на 27 августа достигнуть отдельными группами городского парка Кадриорг. Занимая в этом районе оборону, бойцы Таллинского рабочего полка преградили путь врагу, а затем выбили его из парка[71]. Многие ополченцы сражались как настоящие герои. На Тартуском шоссе 16-летний комсомолец Э.Лоопере, будучи раненным в живот, не покинул поля боя

и остался прикрывать отход однополчан[72]. Подобно ему сражались многие ополченцы полка.

Кроме ополченцев 1-го Эстонского стрелкового и Таллинского рабочего полков вместе с регулярными частями флота и сухопутных войск мужественно защищали город эстонский милицейский батальон, батальон эстонских железнодорожников, Латышский полк и ряд других подразделений[73].

27 августа ожесточенные бои продолжались уже на улицах города, и особенно в районах Пальдиского шоссе и Мяннику. Учитывая тяжелое положение защитников Таллина, острую нехватку оружия и боеприпасов, а также необходимость сосредоточить все силы на обороне Ленинграда, Главнокомандующий войсками Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов с разрешения Ставки ВГК отдал приказ об эвакуации флота и Таллинского гарнизона в Кронштадт и Ленинград. Утром 27 августа защитники Таллина получили план организованного отхода[74].

Чтобы обеспечить выполнение этого плана, воины и ополченцы контратаковали противника по всему фронту, отбросив его на 1–1,5 км. В течение всего дня защитники города удерживали свои позиции, не давая возможности врагу отрезать им путь к порту. В это время шла погрузка на корабли населения, раненых, материальных ценностей, а затем и самих защитников Таллина.

Во второй половине дня командование КБФ отдало приказ о полной эвакуации. К вечеру под прикрытием непрерывного огня артиллерии флота погрузка войск на суда была завершена. 28 августа арьергардные группы народного ополчения Таллинского рабочего полка пробились в Минную гавань и эвакуировались в числе последних защитников города. Всего на корабли КБФ и транспортные суда погрузилось около 23 тыс. человек[75].

После оккупации материковой части Эстонской ССР и выхода фашистских войск на ближние подступы к Ленинграду гитлеровское командование стало готовиться к захвату Моонзундского (Западно-Эстонского) архипелага и п-ва Ханко, выделив для этого значительные силы, в том числе 61-ю и 217-ю пехотные дивизии. С 17 июня оборону Моонзундского архипелага возглавило командование Береговой обороны Балтийского района (комендант района — генерал-лейтенант А.Б.Елисеев, военный комиссар-бригадный комиссар Г.Ф.Зайцев). Они объединили под своим руководством все небольшие гарнизоны Моонзунда[76].

К началу боевых действий непосредственно на островах в распоряжении командования Береговой обороны насчитывалось свыше 23,5 тыс. человек, из них на островах Сааремаа и Муху — более 18,6 тыс., а на Хийумаа и Вормси — 5048 человек[77]. В ходе разыгравшихся сражений силы гарнизона архипелага увеличивались. И увели-

чение это происходило прежде всего за счет добровольных формирований из местного населения. Ополченцы активно участвовали в защите островов Муху, Сааремаа, Хийумаа и п-ва Ханко.

В ходе боев на о. Сааремаа – с 14 сентября до 4 октября – большую помощь войскам оказывал уездный комитет обороны, в состав которого входили первый секретарь уездного комитета КП(б) Эстонии А.Муй и председатель исполкома уездного Совета депутатов трудящихся И.Эллам[78]. Из коммунистов, комсомольцев и советского актива был организован истребительный батальон (командир батальона – капитан Лошманов), многие бойцы которого отличились в боях с вражескими диверсантами и регулярными частями противника[79].

Во время сражения на о. Сааремаа за г. Курессааре (ныне Кингисепп) упорное сопротивление захватчикам на окраине города оказали воины батальона морской пехоты и ополченское подразделение численностью в 1300 человек под командованием полковника Чурикова. Город был оставлен лишь тогда, когда иссякли все боеприпасы и противник завоевал полное господство в воздухе[80].

При обороне о. Хийумаа упорно сражался с фашистами под Кяйна, Нымба и Кярдла местный добровольческий батальон. Его бойцы покинули остров последними[81].

Более двух месяцев, точнее, 70 дней и ночей продолжались на Моонзундском архипелаге напряженные, кровопролитные бои с отборными вражескими войсками. Воины регулярных частей Красной Армии, Военно-Морского Флота и добровольческих формирований сковали здесь значительные силы врага. Гитлеровцы потеряли на этом участке фронта до 25 тыс. солдат и офицеров, много техники, оружия и различных плавсредств[82]. Большая часть мужественных защитников островной части Эстонской ССР погибла, многие раненые попали в плен и были уничтожены в концлагерях. Но все они достойно выполнили свой патриотический долг.

Таким образом, в суровое и критическое для Ленинграда, для судеб всей Советской страны время оборона Прибалтики приковала десятки тысяч вражеских солдат и офицеров, огромную массу военной техники, включая воздушный и морской флот.

На самых ответственных участках Северо-Западного фронта плечом к плечу с воинами Красной Армии стойко сражались с врагом и выполняли важные боевые задания отряды местного народного ополчения. Трудные и трагические дни первых месяцев войны явились для них суровой школой. В совместной борьбе с народами-братьями против ненавистного врага крепла и закалялась воля трудящихся Литвы, Латвии и Эстонии. Многие патриоты, находясь в рядах Красной Армии или в народных добровольческих формированиях, отдали свою жизнь за родной край, за Советскую Прибалтику. Но эти жертвы не

были напрасны. Они вдохновляли всех защитников многонациональной социалистической Родины на новые подвиги во имя разгрома немецко-фашистских захватчиков.

На земле Белоруссии

Едва началась война, как Белоруссия оказалась в зоне напряженных и кровопролитных боев. Здесь, как и в Прибалтике, первыми встретили немецко-фашистских захватчиков советские пограничники. Вооруженные лишь стрелковым оружием, они мужественно отбивались от наседавших полчищ врага. Замечательный пример стойкости показали воины 9-й пограничной заставы Брестского пограничного отряда, которую возглавлял лейтенант А.М.Кижеватов, удостоенный посмертно знания Героя Советского Союза. До последнего патрона сражались в районе Гродно бойцы 3-й заставы Августовского погранотряда во главе с лейтенантом В.М.Усовым, также посмертно награжденным Золотой Звездой Героя[83].

Здесь, как в Прибалтике и на Украине, вместе с пограничниками стойко оборонялись воины передовых частей Красной Армии. Беспримерный подвиг совершили защитники Брестской крепости. С 22 июня по 20 июля они героически отстаивали эту частицу родной земли. Немецко-фашистские захватчики всюду натыкались на упорное сопротивление советских войск. Но условия, в которых Красная Армия встретилась лицом к лицу с врагом, оказались столь тяжелыми, что даже стойкость и мужество защитников Родины не могли изменить неблагоприятное развитие событий.

На центральном участке советско-германского фронта гитлеровское командование ввело в сражение наиболее мощную группировку. Против войск Западного фронта, включавшего 24 стрелковые, 12 танковых, 6 моторизованных и 2 кавалерийские дивизии, наступало до 50 отборных дивизий фашистской группы армий «Центр», в том числе 15 танковых. Использовав внезапность нападения, немецко-фашистские войска захватили инициативу боевых действий и к исходу первого дня войны продвинулись в глубь Белорусской ССР до 35 км, а местами даже до 50 км[84].

В течение первых дней войны гитлеровцы захватили в полосе действий группы армий «Центр» десятки городов и населенных пунктов, в том числе Гродно, Бельск, Белосток, Кобрин, Пружаны, Лида, Молодечно, Вилейка, Слоним, Барановичи[85]. Танковые соединения противника рвались к Минску со стороны Молодечно и по Слуцкому шоссе.

К концу июня врагу удалось нанести тяжелое поражение войскам Западного фронта, захватить значительную часть Белоруссии, в том

числе почти все районы Белостокской, Брестской, Барановичской, Пинской и Вилейской областей, продвинувшись до 300 км.

Но, разумеется, этот путь не был для захватчиков легкой прогулкой. Гитлеровское командование было вынуждено признать, что никогда ранее немецко-фашистские войска не встречали такого сопротивления и не несли столь больших потерь, как на территории СССР. Генерал Э.Бутлар позднее отмечал, что «в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника... были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих "молниеносных войнах"»[86].

Так было и на белорусской земле, где на вооруженную борьбу в помощь Красной Армии уже в самом начале войны поднялись тысячи добровольцев из местного населения, способных носить оружие.

Правда, не везде их участие в боевых действиях было в те дни массовым и достаточно эффективным. В приграничных областях: Белостокской, Брестской, Вилейской, Барановичской и Пинской, где военные события развивались очень быстро и крайне неблагоприятно, в сражение с врагом успело вступить лишь небольшое количество наспех вооруженных, недостаточно обученных отрядов самообороны, истребительных батальонов и других добровольческих формирований.

История сохранила весьма скупые и отрывочные сведения, большей частью мемуарного характера, об этих мужественных героях-ополченцах. Оказавшись в исключительно тяжелом положении, нередко окруженные со всех сторон врагом, осыпаемые снарядами и бомбами, они сражались до последнего патрона, до последнего вздоха.

Организованный в Бресте в первые часы войны добровольческий отряд, куда вошли жители города, партийные и советские активисты, военнослужащие, занял круговую оборону здания облвоенкомата. Он имел на вооружении карабины, винтовки, ручной пулемет и гранаты. Возглавил отряд областной военный комиссар майор М.Я.Стафеев. Вскоре появились фашистские автоматчики. Завязался бой. Патриоты сумели отбить три атаки противника, уничтожив несколько сотен вражеских солдат и офицеров. Но и сами защитники несли большие потерн.

«...Гитлеровцы подтянули орудие и начали методически обстреливать здание. Под обломками рухнувших стен второго этажа погибло много людей. От прямого попадания снаряда вышел из строя пулемет. Кончились боеприпасы. Не стало уже медикаментов. Майор Стафеев был вторично ранен, на этот раз тяжело, но сохранил исключитель-

ную выдержку и самообладание»[87], — вспоминал участник этого боя бывший райвоенком г. Бреста С.Л.Ушеров.

Внезапно фашисты прекратили обстрел, сняли осаду и отошли. Обороняющиеся решили прорываться из вражеского кольца. Но это оказалось коварной уловкой врага.

«Большинство защитников устремилось к воротам, — отмечается в воспоминаниях Ушерова. — Несколько человек перелезло через забор на улицу Советских пограничников. Вдруг откуда-то из засады выскочили гитлеровцы. Стреляя из автоматов, они набросились на наших людей и многих пленили. Раненых зверски расстреляли на месте. Здесь погиб и несгибаемый большевик, замечательный командир, герой обороны военкомата Михаил Яковлевич Стафеев»[88].

С.Л.Ушерову и интенданту 3 ранга Лимонникову удалось вырваться из окружения и присоединиться к отступавшим с боями частям Красной Армии.

Ныне в Бресте на вновь выстроенном здании областного военного комиссариата установлена мемориальная доска со следующей надписью: «На этом месте в здании облвоенкомата 22 июня 1941 года под руководством облвоенкома майора Михаила Яковлевича Стафеева героически сражались бойцы и командиры, партийные, советские и комсомольские работники с фашистскими захватчиками. К вечеру, не сломив сопротивление защитников, гитлеровцы до основания разрушили здание»[89].

Уже в первый день войны в Бресте действовало несколько таких отрядов самообороны. Они сражались непосредственно на улицах города и на возведенных баррикадах.

«Утром 22 июня Московскую улицу, на которую я прибыл из штаба корпуса, — вспоминал бывший начальник оперативного отдела штаба 28-го стрелкового корпуса майор Е.М.Синковский, — перехватила цепь лежавших фронтом на запад бойцов, пограничников, милиционеров и гражданских лиц. Последние даже успели подтянуть пиджаки поясами и, достав винтовки, влиться в ряды защитников города»[90].

Говоря о завершающей стадии сражения за Брест, писатель С.С.Смирнов в своей книге «Брестская крепость» отмечал: «А в Бресте еще кое-где на улицах шли бои. Наших регулярных войск здесь не было, но противник в нескольких местах встретил сопротивление вооруженных горожан»[91].

До 2 июля оборонял Брестский вокзал отряд самообороны, в котором участвовали 27 железнодорожников, работники милиции и группа младших командиров 74-го штурмового авиаполка во главе со старшиной П.П.Басневым[92]. Несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, патриоты действовали смело и решительно. Забаррикадировавшись в подвалах вокзала, они отбивали непрерывные атаки врага. Фашисты использовали огнеметы, травили защитников газами, забрасывали

гранатами и, наконец, решили затопить подвалы водой. В неравных схватках с врагом смертью храбрых погибли добровольцы Л.Елин, А.Головко, П.Довженюк, И.Поздняков, И.Пазин и многие другие[93]. Лишь небольшой части героев удалось прорваться через вражеские заслоны и уйти в лес.

Даже матерые гитлеровцы не могли не удивляться стойкости и мужеству отряда, оборонявшего Брестский вокзал. Например, Отто Скорцени в своей книге «Легион Скорцени» писал: «Русский гарнизон крепости в буквальном смысле этого слова вел борьбу до последнего человека. То же самое было и в районе Брестского вокзала. Там солдаты противника сосредоточились в глубоких подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось подвалы затопить, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал»[94].

По документальным данным, бои на улицах Бреста 22 июня вел и истребительный отряд в количестве 110 человек, который возглавлял капитан милиции Боютенко. Под сильным давлением противника отряд затем отошел на Кобрин[95].

Среди народных формирований, организованных в Брестской области, отличился также отряд самообороны в г. Жабинке во главе с работниками райисполкома. Члены этого отряда самоотверженно боролись с пожарами, которые возникли на железнодорожной станции в результате налета вражеской авиации[96].

В с. Свят-Гурска Сопоцкинского района Белостокской области в первые часы войны стал действовать отряд самообороны во главе с рабочим В.Воробьевым и комсоргом И.Казаком. Значительную часть отряда составляла молодежь, которая участвовала в создании укрепленного района. Вооружившись винтовками и восьмью пулеметами, добровольцы вступили и бой. До 12 часов дня на своем участке они отбивали атаки противника, а затем вместе с частями Красной Армии переправились через р. Неман и закрепились у д. Озеры. Здесь отряд принял участие в ликвидации крупного вражеского парашютного десанта. После этой операции молодые патриоты отступили к пос. Шучин, где была организована его активная оборона. На защиту поселка поднялось все взрослое население, способное носить оружие. После этих боев отряд бок о бок с регулярными войсками участвовал в боевых действиях у г. Дзержинска, прикрывая подступы к Минску с юго-запада[97].

22 июня в районном центре Домброво Белостокской области неравный бой с полчищами фашистов вел отряд самообороны, возглавляемый секретарем райкома партии В.П.Гончаровым. Все добровольцы пали смертью храбрых, защищая родную землю[98].

Двое суток шли бои за Гродно, входивший тогда в состав Белостокской области. Около 25 тыс. рабочих и служащих города участвовали в строительстве оборонительного рубежа. Вскоре показались передовые части противника. Рыть окопы и противотанковые рвы при-

ходилось под сильным огнем врага. Когда потребовала обстановка, строители сменили лопату на винтовку и вступили в бой[99].

Большую помощь пограничникам и частям Красной Армии, оборонявшим этот город, оказал местный отряд самообороны, которым командовал первый секретарь горкома партии И.Б.Поздняков. Отряд вел успешную борьбу с диверсантами, просочившимися на городские улицы. Как писал позднее в своих воспоминаниях И.Б.Поздняков, по его просьбе «командующий 3-й армией В.И.Кузнецов дал приказание начальнику штаба армии генерал-майору А.К.Кондратьеву выдать 75 винтовок для вооружения партийно-советского актива города, с тем, чтобы взять под охрану важнейшие промышленные и государственные объекты. Вооруженный актив охранял объекты и патрулировал улицы»[100].

Уже в первые часы войны отряды самообороны активно боролись с вражескими агентами и парашютистами в ряде других городов и населенных пунктов, в том числе в Сокулке, Свят-Турске, Волковыске и в Белостоке.

Сохранились скупые сведения о действиях добровольцев г. Лиды Барановичской области, которые участвовали в операции по борьбе с диверсантами, уничтожили 12 диверсантов и 14 взяли в плен[101].

Вскоре прифронтовым городом стал и Пинск. Областной комитет партии призвал все его население взяться за оружие. Созданный в Пинске в первый день войны из числа добровольцев истребительный отряд (командир – В.З.Корж) 28 июня дал первый бой у д. Посеничи.

«...Был горячий солнечный день,– вспоминал бывший член отряда Э.Б.Нордман.– Справа за лесом гремели орудия. Небо дрожало от мощного гула самолетов. Неожиданно на дороге Пинск – Логишин появились фашистские танки, замелькали серо-зеленые мундиры вражеских автоматчиков. Чуклай и Солохин находились рядом. Танки приближались. Вот первая машина уже совсем близко. Молодым бойцам никогда еще не приходилось вступать в бой, встречаться лицом к лицу с врагом. "Не пропустим!" – твердо решили они и, не теряя ни одной секунды, начали действовать. Чуклай выскочил из окопа и подполз к зеленому деревцу. Танк поравнялся с ним и устремился вперед. В это время Солохин бросил связку гранат под гусеницу танка и вывел его из строя. Гитлеровцы начали бешеную стрельбу. Чуклай бросился к подбитому танку и ударом приклада по голове убил водителя, а одного фашиста пронзил штыком. Смелый комсомолец снял с танка пулемет и открыл огонь по врагу.

Второй танк также был подбит, а третий повернул назад. Все мы были окрылены мужественным поступком Чуклая. Не выдержав удара, гитлеровцы откатились»[102].

Вскоре этот добровольческий отряд стал партизанским отрядом имени Чуклая, совершив много славных дел в тылу немецко-фашистских захватчиков.

Так действовали в приграничной зоне первые народные формирования белорусских патриотов. В самую тяжкую пору, испытывая острую нехватку оружия и боеприпасов, они сражались, как подобает советским людям. Многие из этих героев остаются пока безвестными. Однако своей мужественной борьбой все они внесли посильный вклад в борьбу против немецко-фашистских захватчиков.

В конце июня противник охватил главные силы Западного фронта с двух сторон, нависла угроза их полного окружения. Пытаясь восстановить фронт обороны и занять более выгодные позиции, военный совет Западного фронта отдал войскам директиву на общий отход. Правда, выполнить ее из-за стремительного развития событий полностью не удалось.

Передовые части 2-й и 3-й немецких танковых групп на пятый день войны устремились к Минску. Воины 13-й армии под командованием генерал-лейтенанта П.М.Филатова в течение двух дней успешно отражали атаки танковых соединений врага. Особенно отличились 100-я стрелковая дивизия (командир — генерал-майор И.Н.Руссиянов), уничтожившая более 100 боевых машин противника[103]. И все же 28 июня гитлеровцам удалось прорвать оборону советских войск и захватить Минск, окружив западнее его большинство дивизий 3-й и 10-й армий и часть сил 13-й армии. Несмотря на чрезвычайно трудное положение, эти части Красной Армии продолжали упорно сопротивляться. Они приковали к себе около 25 вражеских дивизий, а затем большими группами вышли из окружения и соединились с другими силами фронта.

В дни ожесточенных боев в районе Минска большую помощь советским войскам оказали трудящиеся города, близлежащих сел и городов. Созданные в Минске истребительные батальоны охраняли предприятия и несли патрульную службу. В период сосредоточения войск 13-й армии, в Минском укрепленном районе истребительные батальоны занимали оборону вокруг города, ведя борьбу с парашютными десантами противника. По словам командира истребительного отряда Советского района г. Минска Э.С.Соколовского, «десанты вражеских парашютистов вылавливались и истреблялись в радиусе 25–40 км. Так был ликвидирован воздушный десант в районе деревни Обчак — юго-восточнее Минска, у Острошицкого Городка — севернее Минска, у Валерьян, на Слуцком шоссе и т.д. В каждом этом районе противник высаживал от 25 до 150 человек. Бойцы истребительных отрядов по тревоге выезжали в эти пункты вместе с бойцами Красной Армии и местным населением и уничтожали гитлеровцев»[104]. Всего за несколько дней борьбы с парашютными десантами противника добровольцы истребительных батальонов уничтожили под Минском около 2000 фашистов[105].

Когда боевые действия развернулись на подступах к белорусской столице, большая часть бойцов-истребителей уже непосредственно

участвовала в оборонительных боях. Несколько групп противника разгромил городской истребительный отряд, состоявший из рабочих завода им. А.Ф.Мясникова, железнодорожного узла, фабрики «Октябрь», швейной фабрики им. В.В.Куйбышева, учащихся и преподавателей ФЗО. Более 60 фашистских солдат и офицеров ликвидировал молодежный истребительный отряд Минского железнодорожного узла[106].

Активно помогали советским войскам трудящиеся Минской области. В г. Слуцке, по свидетельству бывшего секретаря Слуцкого райкома партии А.Степановой, «в первый же день войны были организованы оперативные группы по борьбе с вражескими десантниками. Вооруженные дружины из числа партийного, советского и комсомольского актива дежурили на промышленных объектах, на железной дороге, патрулировали по городу. В колхозах, совхозах и МТС тоже действовали группы из сельского актива, охранявшие государственное, общественное и кооперативное хозяйство»[107].

Нередко существенную помощь воинам Красной Армии оказывали совсем юные ополченцы, выпускники средних школ. Так, вместе с бойцами и командирами 30-го стрелкового полка, которым командовал полковник А.И.Ефремов, мужественно дрались выпускники Роговской средней школы. «21 июня 1941 года в Роговской средней школе проходил выпускной вечер,— вспоминал бывший директор школы М.Ф.Соболев.— На второй день началась война. Вскоре под Роговом заняли оборону наши воины. Действовали здесь артиллеристы, они уничтожили 6 вражеских танков. Я и выпускники нашей школы вместе с ними трое суток вели бои»[108]. Молодые ополченцы получили на вооружение винтовки, пистолеты, бутылки с горючей жидкостью и были прикреплены к артиллерийской батарее, которая защищала танкоопасное направление. В разгар боев, когда в некоторых орудийных расчетах выбыли заряжающие, их заменили юноши Нестерчук, Жуковский, Вайчицкий, которые сражались с врагом, как настоящие герои.

Во время боевых действий, разгоревшихся непосредственно за столицу Белоруссии, многие минчане с оружием в руках дрались с врагом. Вот что писал об этом бывший помощник командира 54-го танкового полка по материальному обеспечению полковник в отставке И.Г.Андреев: «В Красном урочище собралось 600–700 человек. Это были добровольцы-минчане, жители окрестных сел и часть бойцов 85-го стрелкового полка 100-й дивизии. Обстановка была очень тяжелой. Минск горел, дороги были забиты уходящими жителями... Противник начал высаживать десант. Я организовал ликвидацию десанта. Группа парашютистов была уничтожена в селах Паперня, Колодищи, Уручье. 29 июня к Красному урочищу подошли танки и пехота противника. Мой отряд вступил в бой. Отряд был вооружен винтовками,

тремя танками и двумя пушками. Бойцы и ополченцы Минска дрались мужественно»[109].

В результате героического сопротивления частей Западного фронта и ополченских формирований[110] немецко-фашистские войска не смогли с ходу захватить Минск. На подступах к городу враг был задержан на 5 дней. По неполным данным, противник потерял здесь более 50 тыс. солдат и офицеров, около 300 танков, более 50 самолетов, около 200 орудий и много другой техники[111].

После оставления Минска советские войска отошли к Борисову, где с новой силой разгорелись кровопролитные бои. Враг надеялся быстро переправиться через р. Березину и развить наступление на центральном направлении. Но путь ему преградили части 1-й Московской мотострелковой дивизии под командованием полковника Я.Г.Крейзера, курсанты Борисовского танкового училища, сводный отряд 4-й армии и отряды местного ополчения. Несколько суток сдерживали они натиск танковых сил противника[112]. Только за 3 дня было уничтожено более 2000 гитлеровцев, до 70 танков и много другой военной техники[113]. Лишь 2 июля, подтянув значительные подкрепления, в том числе второй эшелон 4-й танковой армии, гитлеровцам удалось наконец овладеть переправами через Березину у Борисова[114], а затем и форсировать ее. В начале июля упорные бои развернулись на территории Витебской области. К этому времени передовые отряды 4-й танковой армии вермахта прорвались к Западной Двине северо-западнее Полоцка. Здесь они были задержаны вступившими в бой соединениями резервных армий и местными ополченскими формированиями.

У стен древнего Полоцка прославился истребительный батальон, которым командовал коммунист С.П.Портнов. С 5 по 15 июля полоцкие добровольцы успешно выполняли широкий круг боевых задач: вели разведку противника, охраняли важные объекты, непосредственно участвовали в боевых операциях. Но обстановка все осложнялась, и все более трудные задачи вставали перед бойцами истребительного батальона.

Последняя из них была связана со взрывом мостов через Западную Двину. «Утром 15 июля гитлеровские войска пошли на штурм Полоцка со стороны Боровуха 2-я,— говорится в воспоминаниях бывшего командира взвода Полоцкого истребительного батальона П.Е.Гукова. — Чтобы обеспечить взрыв мостов на реке Западная Двина, моему взводу и красноармейцам, отступавшим из укрепрайона, пришлось держать тяжелый бой на подступах к станции Громы»[115]. Ответственное задание командования ополченцы с честью выполнили.

В это же время угрожающее положение создалось и в районе Витебска, который защищала 153-я стрелковая дивизия под командованием полковника Н.А.Гагена. Оборона дивизии отличалась умелым исполь-

зованием местности, организованностью огня, массовым героизмом ее воинов, искусным маневром живой силой и техникой. Только 5 июля гитлеровцы потеряли на одном лишь участке 505-го стрелкового полка до 50 подбитых танков и около 500 солдат и офицеров[116]. Не добившись успеха на этом направлении, немецко-фашистские войска перенесли свои усилия к северу и северо-западу, где прорвались к Витебску. 9 июля ожесточенные бои шли на его улицах.

В тесном взаимодействии с воинами Красной Армии сражались за родной город витебские ополченцы, уничтожившие сотни гитлеровцев. В начале июля в Витебске из рабочих, служащих и интеллигенции была организована дивизия народного ополчения, куда вступило 1500 добровольцев. 6 июля в нее влился созданный горкомом партии еще в июне батальон Осоавиахима, которым командовал коммунист Клейнов[117]. Все батальоны дивизии занимали важные участки обороны города.

Высокие морально-боевые качества проявили бойцы батальона народного ополчения Первомайского района Витебска (командир — Монаков, комиссар — Нагорный), вступившие в бой 8 июля. Трижды фашистские войска на участке, обороняемом этим батальоном, пытались с ходу форсировать Западную Двину, и трижды отбрасывались ополченцами на исходные рубежи. Отважно сражались коммунисты А.Юшкевич, С.Бондарев, С.Гудов, П.Моряхин и многие другие патриоты[118].

Батальон народного ополчения Железнодорожного района Витебска насчитывал в своих рядах 900 человек. Его возглавлял первый секретарь райкома партии Б.К.Семенов. Когда 9 июля противник перешел в наступление, ополченцы были брошены на одно из самых опасных направлений. Бой продолжался 5 часов. И хотя было отбито несколько вражеских атак, в итоге противнику удалось потеснить воинов и ополченцев к Успенской горке[119]. На новом оборонительном рубеже защитники города сражались так же бесстрашно. Особенно отличился ополченец слесарь завода им. С.М.Кирова Михаил Гришанов, который в разгар боя заменил тяжело раненного бойца-пулеметчика и уничтожил десятки гитлеровских солдат и офицеров[120].

По левому берегу Западной Двины в районе Мазурино — пригорода Витебска занимал оборону батальон Осоавиахима. Когда ранним утром 10 июля после артиллерийской подготовки противник начал форсирование реки, ополченцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Бойцы уничтожили до батальона вражеских войск. Но значительно поредели и ряды добровольцев. Почти полностью погибла в боях за город первая рота батальона[121]. Большие потери понесли и другие роты ополченцев.

Оставшиеся в живых добровольцы покинули свои позиции только тогда, когда наши войска получили приказ об отходе. Отступив к Суражу, витебские ополченцы влились в воинскую часть.

Немного сохранилось документальных свидетельств о том, как защищали родную землю в эту тяжелую пору ополченцы двух других восточных областей Белорусской ССР — Бобруйской и Полесской. Хотя к середине июля Бобруйская область была оккупирована врагом, созданные здесь повсеместно с первых дней войны народные формирования уже успели отличиться при обороне своего края[122].

В Полесской области до 12 июля были организованы десятки отрядов народного ополчения, в которых насчитывалось 4480 бойцов[123]. По утверждению бывших местных организаторов партийного подполья и партизанского движения И.Д.Ветрова и Н.И.Малинина, особенно успешно на территории области велась борьба с вражескими парашютистами. «В ней принимало участие все мирное население. Десантным группам врага не удавалось не только что-нибудь сделать, но даже приземлиться. Не удалось также скрыться ни одному фашистскому летчику при вынужденной посадке. Бойцами Лельчицкого истребительного батальона 12–14 июля 1941 г. были захвачены на площадках два "мессершмитта". Один из этих самолетов в исправном виде был передан частям 21-й армии»[124]. Активно действовали в Полесье Василевичский истребительный отряд (командир — А.З.Духанин, комиссар — П.А.Атрощенко), Ельский истребительный отряд (командир — Я.Ф.Гончаренко, комиссар — Е.Д.Перлов), Октябрьский истребительный батальон (командир — Т.П.Бумажков), Мозырский истребительный батальон (командир — В.П.Никитин), Комаринский батальон народного ополчения (командир — Бельченко), Паричский истребительный батальон (командир — М.И.Троян, комиссар — Д.Миндлин), Скороднянский истребительный батальон Ельского района (командир — П.Н.Рогозенко, комиссар — В.М.Цык) и др.[125]

10 июля на западном направлении развернулось Смоленское сражение и длилось два месяца. При обороне Могилева части 61-го стрелкового корпуса и подразделения народного ополчения сковали несколько моторизованных и танковых дивизий врага, обладавших пятикратным превосходством.

Ожесточенные бои на дальних подступах к Могилеву разгорелись уже в начале июля, а к исходу первой декады — непосредственно в полосе обороны города. К этому времени здесь завершалась работа по созданию народного ополчения, которой руководил областной штаб в составе заместителя председателя облисполкома И.М.Кардовича, секретаря обкома партии Н.Т.Вовнянко, секретаря обкома комсомола Ф.А.Сурганова и др., а также городской штаб во главе с секретарем горкома партии А.И.Морозовым[126].

К началу второй декады июля в Могилевском народном ополчении насчитывалось до 12 тыс. бойцов и командиров, объединенных в батальоны и отдельный полк[127].

Отряд шелковой фабрики и кожевенного завода занимал оборону на восточном берегу Днепра, ополченцы труболитейного завода защищали подступы к городу у д. Машевки. В районе парка оборонялось около 2 000 ополченцев, в том числе студенты педагогического института и других учебных заведений[128].

В числе первых боевых операций этих ополченских формирований была ликвидация вражеского десанта 5 июля у д. Новоселки. В ней вместе с воинами батальона под командованием старшего лейтенанта А.П.Волчека участвовали ополченцы фабрики искусственного волокна во главе с Г.П.Кондратьевым. Подразделение вражеских десантников было уничтожено[129].

Боевое крещение батальон народного ополчения, где комиссаром являлся П.Е.Терентьев, принял у д. Буйничи. Батальон занимал оборону от Днепра до Бобруйского шоссе. 11 июля противник с ходу пытался овладеть Могилевом. Но воины 388-го стрелкового полка и ополченцы не дрогнули, уничтожив десятки вражеских танков. «На нашем участке враг не прошел и после многочисленных ожесточенных атак, — вспоминал комиссар батальона П.Е.Терентьев. — Но создалась угроза захвата деревянного моста через Днепр, в центре Могилева. Переправившись севернее Быхова и потеснив подразделения 747-го полка, гитлеровцы приблизились к предместью Луполово, на восточном берегу Днепра. Наше подразделение вместе с воинскими частями срочно было направлено туда. Сначала мы вели бои на Луполовском аэродроме. Но потом под давлением превосходящих сил врага отошли за Днепр и заняли оборону на высоком валу, у парка культуры и отдыха имени Горького. Враг рассчитывал вслед за нами пройти через мост и ворваться в центр города. Мы даже не успели окопаться, когда автоматчики ринулись на мост. Их было много. А нас — редкая цепь с винтовками, наганами, маузерами — кто с чем. Но вот лихорадочно заговорил наш "максим". Передние ряды гитлеровцев легли словно подкошенные. Но через их трупы бегут другие автоматчики. Нескольким гитлеровцам удалось перебежать через мост. Навстречу им бросился худощавый юноша в клетчатой ковбойке и бросил прямо им в ноги лимонку»[130]. Прорыв гитлеровцев в центр города на сей раз был предотвращен.

Стойко сражались ополченцы труболитейного завода под командованием В.Б.Петровского. Они прикрывали город в районе железнодорожной станции Могилев-2. Среди многих отличившихся бойцов прославился Е.Л.Ракуть. Будучи тяжело раненным, истекая кровью, он не оставил поле боя и продолжал вести огонь по наступавшим фашистам[131]. Примером бесстрашия служили для ополченцев П.Б.Бурский и И.В.Бальцевич, уничтожившие несколько танков противника. Мужественно сражаясь, в этом бою пали смертью храбрых председатель исполкома горсовета Д.И.Астров, секретари райкома

партии Ш.И.Егудин, Ц.Ю.Шпалянский, политрук А.А.Эстеркин, лесничий М.И.Леонович, землеустроитель Б.Я.Васильев, технорук Могилевского зеленхоза И.И.Леонович, педагоги Т.И.Дуручаченок, Я.Ф.Пухольская, заведующий городским отделом здравоохранения Н.Ю.Шпалянский, секретарь горкома комсомола Я.Н.Сагал и др.[132]

После неудачных попыток овладеть Могилевом лобовым ударом с запада гитлеровцы решили обойти его с юга и севера и 16 июля замкнули кольцо окружения. Но и в этих условиях защитники «белорусского Мадрида», как называли тогда Могилев, продолжали героически защищать занимаемые позиции. Как свидетельствует бывший секретарь Могилевского горкома партии А.И.Морозов, «когда на северо-западном участке обороны города Могилева создалось трудное положение, туда были брошены подразделения народного ополчения. Самоотверженность ополченцев не знала предела. Раненые не оставляли поля боя, стояли насмерть»[133].

С подлинным героизмом отстаивали подступы к Могилеву народные ополченцы авиамоторного завода, железнодорожного узла, швейной и обувной фабрик, торфозавода «Гребенева», хлебозавода и других предприятий.

Вражеское кольцо все теснее сжималось вокруг города. Гитлеровцы прилагали огромные усилия, чтобы сломить упорство оборонявшихся. Город подвергался непрерывным обстрелам и бомбежкам. Не считаясь с потерями, фашистское командование бросало в бой все новые части.

18 июля противник предпринял очередной штурм Могилева. Накал боев еще более усилился. В районе деревень Жуково, Застенок, Пашково, Чай, совхоза «Казимировка» успешно отбивал атаки фашистов сводный ополченский полк майора Катюшина. 19 июля центр ожесточенных боев переместился на участок обороны 388-го стрелкового полка. Только в одном бою враг потерял здесь 30 танков и штурмовых орудий, более 2000 убитых солдат и офицеров[134].

24 июля фашистское командование предприняло новое мощное наступление. Части 172-й дивизии под натиском превосходящих сил противника были вынуждены отходить к окраинам Могилева.

В районе Пашково и Чай оборонялся батальон народного ополчения под командованием капитана милиции К.Г.Владимирова. Трое суток бойцы отбивали яростные атаки фашистов и сами переходили в контратаки[135]. Несмотря на все усилия фашистских войск, ополченцы удержавли оборонительный рубеж. 24 июля, когда патроны оказались на исходе, бойцы поднялись в штыковую атаку. «Уже без крика "ура", грозные в гневном молчании, они шли в свой последний бой...»[136] Из 250 ополченцев осталось в живых лишь 19 раненых. Погиб и Владимиров[137].

В Могилеве, в районе железнодорожного вокзала, который когда-то прикрывал батальон под командованием К.Г.Владимирова, имеется

улица его имени. В местном краеведческом музее хранятся оружие, фотографии, личные вещи героев. Среди экспонатов — полуистлевшая книга Николая Островского «Как закалялась сталь». Ее нашли в сплюснутой гильзе снаряда при раскопке обвалившегося блиндажа. На одной из первых страниц сохранилась надпись: «Нас четыре пехотинца — русский Федор Незванов, украинец Никита Пилипенко, мордвин Василий Еремкин, казах Юсупов. Умрем — не отступим. Родина нас не забудет!»[138]

24 июля гитлеровские автоматчики стали просачиваться в город. Развернулись уличные бои. Вот что писал об этом в своих воспоминаниях командир сводного ополченского полка майор В.А.Катюшин: «Последние дни в борьбе за город в полку не было продовольствия, и замечательные жители города три дня кормили бойцов. Девушки ухаживали за ранеными, а во время атак брались за винтовки и шли в бой. Можно было видеть, как юноши и девушки охраняли выбившихся из сил бойцов, несли обязанности наблюдателей, разведчиков, связных и санитаров. В ночь на 25 июля врагу удалось захватить Карабановку, выйти к вокзалу и по оврагам проникнуть в город. Завязались уличные бои на баррикадах. Днем 25 июля противник овладел западной окраиной и ворвался в город. Завязался рукопашный бой у завода "Возрождение", у Дома Советов, драмтеатра и медтехникума»[139].

В ночь на 26 июля, когда материальные возможности защитников Могилева были полностью исчерпаны, по решению, принятому на расширенном совещании командования 172-й стрелковой дивизии и партийного актива города, части Красной Армии и народного ополчения оставили город, а затем прорвали вражеское кольцо и вышли из окружения. 28 июля восточнее Могилева части 172-й стрелковой дивизии соединились с воинами 20-го механизированного корпуса[140].

Так закончилась 23-дневная оборона Могилева, имевшая большое значение для операций Красной Армии на западном направлении. В боях за этот город, по неполным данным, было сбито несколько десятков самолетов, уничтожено и повреждено около 500 танков, почти 1500 автомашин, около 700 мотоциклов, истреблено не менее 30 тыс. вражеских солдат и офицеров[141].

Оценивая подвиг, совершенный защитниками Могилева, Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов писал: «Оглядываясь сквозь призму лет, можно сказать: если Брест явился образцом беспримерного мужества горстки советских людей, их стойкости в борьбе против ударной группировки гитлеровской армии на пограничном рубеже нашей Родины, то на втором стратегическом рубеже — по реке Днепр — более обширным очагом такого же упорного сопротивления стал город Могилев. Без танков, без должного авиационного прикрытия, без долговременных оборонительных сооружений, в условиях окружения защитники Могилева выдержали массированный штурм танковых и мо-

томеханизированных соединений гитлеровцев. Вместе воины 172-й стрелковой дивизии и народные ополченцы насмерть стояли у стен древнего города, перемалывая живую силу и технику противника. Бои на днепровском рубеже отразили начало нового патриотического подъема советских воинов, благодаря которому и стала возможной такая длительная оборона Могилева, а затем разгром вражеских войск под Москвой. Многие защитники города на Днепре погибли на поле боя. Но никогда не будет забыт их вклад в победу над врагом»[142].

В первой декаде августа, сосредоточив свыше 25 дивизий, главным образом танковых и моторизованных, немецко-фашистское командование развернуло наступление на гомельском направлении. На обход Гомеля с востока нацеливалась 2-я танковая группа, а с севера сюда стали продвигаться части 2-й немецкой полевой армии. Над Гомелем нависла смертельная угроза.

«С каждым днем враг приближался все ближе и ближе к городу,— вспоминал бывший начальник штаба Центрального фронта генерал-полковник Л.М.Сандалов.— Войсковых резервов, а также танков, авиации и средств ПВО Центральный фронт почти не имел. На усиление дивизий 21-й армии, оборонявших подступы к Гомелю, были выдвинуты на рубеж у Семеновки (24 км северо-западнее города) Гомельский рабочий полк народного ополчения и отдельный батальон Гомельского гарнизона под командованием майора Н.С.Исаева»[143].

Организация добровольных народных формирований в Гомеле развернулась с самого начала войны. В течение 7 дней было завершено создание батальонов народного ополчения по районам города. Они были сведены в полк, который к 10 июля насчитывал уже 2200 человек[144]. Всего к 1 августа на Гомельщине было укомплектовано 18 отрядов народного ополчения общей численностью 6700 человек[145].

В первые недели войны ополченцы участвовали в ликвидации пожаров после налетов фашистской авиации, несли караульную службу, строили укрепления и т.д. 15 августа полк народного ополчения занял оборонительный рубеж в районе деревень Семеновка и Руденец. Три дня ополченцы сражались здесь плечом к плечу с воинами Красной Армии. Рота народного ополчения, которой командовали начальник штаба А.И.Гринько и политрук А.Д.Патыка, отбила несколько яростных атак гитлеровцев, потеряла почти половину своего состава, но обороняемую позицию не сдавала. Герои-ополченцы во время этих боевых действий уничтожили 8 немецких танков, более 500 солдат и офицеров, 800 гитлеровцев взяли в плен[146].

До 19 августа шли ожесточенные бои в районе деревень Красное, Прудок, Костюковка и Поколюбичи. Находившаяся на подступах к Гомелю д. Поколюбичи несколько раз переходила из рук в руки[147]. В разгар одного из боев вдруг смолк станковый пулемет. Подобравшись к пулеметчику Пасынкову, командир полка Ф.Е.Уткин увидел,

что тот мертв. Тогда он сам лег за пулемет. Очередная фашистская атака захлебнулась. Когда же вражеская мина смертельно ранила командира полка, за пулемет лег комиссар полка С.Р.Щуцкий[148]. Героически сражались в этом бою учительница комсомолка Раиса Школьникова, командир взвода И.В.Мигай, рабочий завода им. С.М.Кирова С.М.Станкевич, рабочий вагонного депо Е.Н.Снегирев, железнодорожники И.В.Савченко, В.А.Залужный и др.[149] Так же бесстрашно действовали в эти дни бойцы Речицкого и Жлобинского отрядов народного ополчения.

Оказывая противнику упорное сопротивление, ополченцы помогли советским войскам, находившимся на флангах, перегруппировать свои силы и действовать более эффективно. Когда в середине августа гитлеровцы ворвались в город, его улицы покрылись баррикадами. Защитники Гомеля упорно отстаивали каждый квартал. 19 августа после тяжелого уличного боя по приказу командования советские войска и ополченцы стали покидать город. В ночь на 20 августа последние воины и ополченцы оставили правобережную часть Гомеля. На левом берегу Сожа, в Ново-Белице, бои шли еще трое суток[150]. Но дорогую цену заплатил враг: свыше 80 тыс. фашистских солдат и офицеров было уничтожено у стен Гомеля его защитниками. Противник потерял здесь более 200 танков, около 100 самолетов и много другой техники и вооружения[151].

Итак, многочисленные факты показывают, что народное ополчение Белорусской ССР оказало регулярным частям Красной Армии существенную помощь в один из наиболее критических моментов войны. Добровольцы Бреста и Белостока, Гродно и Барановичей, Минска и Витебска, Могилева, Гомеля и Полесья, проявив массовый героизм, выдержку и стойкость, способствовали срыву гитлеровского плана «молниеносной войны».

На территории Белоруссии, как и в Прибалтике, вследствие быстрого продвижения противника в глубь страны создавались преимущественно мелкие ополченские формирования. Ввиду этого абсолютное их большинство использовалось для борьбы с авиадесантами противника и его диверсионными группами. Если же им приходилось встречаться с врагом непосредственно на фронте, то в этом случае они либо тесно взаимодействовали с регулярными частями Красной Армии, либо входили в их состав.

Ополченские формирования как Прибалтийских республик, так и Белорусской ССР нередко являлись исходной базой для создания подпольных антифашистских организаций, диверсионных групп, партизанских отрядов. Особенно широкое распространение переход ополченских формирований к партизанским методам борьбы с врагом получил в Белоруссии. Народные формирования Прибалтики и Белоруссии, таким образом, использовались как в качестве боевого

резерва Красной Армии, так и для борьбы в тылу немецко-фашистских оккупантов.

[1] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: В 3 кн. Рига, 1966. Кн. 1. С. 40.

[2] Советские партизаны: Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 631–632.

[3] История Литовской ССР: С древнейших времен до наших дней. Вильнюс, 1978. С. 451.

[4] Советские партизаны. С. 631.

[5] Там же.

[6] Гитлеровская оккупация в Литве: Сб. статей. Вильнюс, 1966. С. 186.

[7] Вопросы истории. 1981. № 6. С. 91.

[8] Там же; *Кузнецов Н.Г.* Накануне. М., 1966. С. 250.

[9] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 78.

[10] Там же; Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. Рига, 1970. С. 108.

[11] Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Рига, 1962. Т. 3. С. 112; История Латвийской ССР: С древнейших времен до 1953 г. Рига, 1955. Т. 3. С. 521.

[12] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 79.

[13] Там же. С. 80.

[14] Вопросы истории. 1981. № 6. С. 96.

[15] *Пинксис И., Фрейберг Г., Леинь В.* Революционная Лиепая. Рига, 1956. С. 204.

[16] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 113.

[17] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 85; История Латвийской ССР. Т. 3. С. 521.

[18] *Рашкевиц А.К.* Народные мстители Латвии. М., 1973. С. 107.

[19] Правда. 1941. 17 окт.

[20] *Крастынь Я.* Борьба латышского народа против немецких захватчиков и поработителей. М., 1946. С. 172.

[21] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 120.

[22] Рижские рабочегвардейцы, например, обезвредили ряд диверсионных групп у завода «Красный квадрат», в Шмерли, в Межпарке и уничтожили несколько националистических контрреволюционных банд внутри города. См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой воине, 1941–1945. Кн. 1. С. 114.

[23] Борьба латышского парода в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 122.

[24] *Крастынь Я.* Указ. соч. С. 172–173; Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 123.

[25] В дни войны: Из истории Латвии периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сб. статей. Рига, 1964. С. 10.

[26] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 124.

[27] С 3 июля в командование войсками Северо-Западного фронта вступил генерал-майор П.П.Собенников.

[28] СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945; Краткая хроника. М., 1970. С. 29.

[29] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 126; История Латвийской ССР. Т. 3. С. 524.

[30] История Латвийской ССР. Т. 3. С. 524.

[31] Борьба латышского народа в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 127; Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Т. 3. С. 113.

[32] История Латвийской ССР. Т. 3. С. 525.

[33] Там же. С. 525, 528.

[34] На правый бой, на смертный бой: Сб. воспоминаний. Рига, 1968. Т. 1. С. 64; История Латвийской ССР. Т. 3. С. 526.

[35] История Латвийской ССР. Т. 3. С. 528.

[36] Там же. С. 504.

[37] Правда. 1941. 17 окт.

[38] К середине июля 1941 г. из 33 дивизий Северо-Западного фронта только 7 были полностью укомплектованы. См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 65.

[39] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Таллин, 1971. Т. 1. С. 161.

[40] Там же. С. 191, 193.

[41] Там же. С. 193. По другим источникам – К.Липнур, О.Хальянди. См.: Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 120.

[42] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 194.

[43] *Ларин П.А.* Эстонский народ в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Таллин, 1964. С. 66; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 195.

[44] Вопросы истории. 1962. № 2. С. 128.

[45] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 197; *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 68.

[46] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 68.

[47] Таллин в огне: Сб. ст. ветеранов войны и воспоминаний участников героической обороны Таллина и Моонзундского архипелага 7 июля – 2 декабря 1941 года. Таллин, 1971. С. 186.

[48] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 69; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 121.

[49] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 202; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 121.

[50] Таллин в огне. С. 183.

[51] Там же. С. 186.

[52] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 121.

[53] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Таллин, 1970. Ч. 3. С. 114.
[54] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 121–122; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 161–162.
[55] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 73.
[56] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 66.
[57] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 76.
[58] Таллин в огне. С. 187.
[59] Там же. С. 216–217.
[60] Очерки истории Коммунистической партии Эстонии. Ч. 3. С. 124.
[61] Там же.
[62] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 209.
[63] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной вой не, 1941–1945. Кн. 1. С. 123.
[64] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 78; Таллин в огне. С. 189.
[65] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной вой не, 1941–1945. Кн. 1. С. 123.
[66] Там же.
[67] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 66.
[68] Таллин в огне. С. 16, 183; Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 124; Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 214–215.
[69] Таллин в огне. С. 188.
[70] Там же. С. 199–201.
[71] Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Кн. 1. С. 124.
[72] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 85.
[73] Там же. С. 84.
[74] Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945. Т. 1. С. 217.
[75] Там же. С. 217–218.
[76] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 87.
[77] Таллин в огне. С. 289.
[78] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 92.
[79] Таллин в огне. С. 296.
[80] *Ларин П.А.* Указ. соч. С. 91.
[81] Там же. С. 93.
[82] Таллин в огне. С. 285.
[83] Гісторыя Белорусскай ССР. Минск, 1975. Т. 4. С. 121.
[84] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 35.
[85] СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Краткая хроника. С. 15, 18, 19, 21, 22.
[86] Мировая война, 1939–1945 годы: Сб. ст. М., 1957. С. 163.
[87] Буг в огне. Минск, 1970. С. 85–86.
[88] Там же, С. 86.
[89] *Андрющенко Н.К.* Народное ополчение Белоруссии. Минск, 1980. С. 52.
[90] Буг в огне. С. 152.

[91] *Смирнов С.С.* Брестская крепость. М.. 1969. С. 213.
[92] Гісторыя Беларусскай ССР. Т. 4. С. 123; Железнодорожная магистраль Белоруссии. Минск, 1971. С. 88.
[93] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 53.
[94] Буг в огне. С. 93.
[95] ЦАМО СССР. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 42. Л. 136.
[98] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 51.
[97] Беларусь. 1965. № 1. С. 9–10.
[98] Неман. 1966. № 1. С. 121.
[99] Там же.
[100] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 51.
[101] Там же.
[102] Из истории партизанского движения в Белоруссии, 1941–1944 гг. Минск, 1961. С. 323.
[103] Там же.
[104] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 40–41.
[105] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 56.
[106] Там же.
[107] В боях за Белоруссию. Минск, 1974. С. 154.
[108] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 57.
[109] Там же.
[110] После захвата противником восточной части Белорусской ССР минские истребительные батальоны отступили на Смоленщину, где на их базе была сформирована 3-я запасная стрелковая бригада.
[111] *Парфенов И.И.* Народное ополчение Белоруссии в Великой Отечественной войне, 22 июня – август 1941 года: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 15.
[112] В боях за Белоруссию. С. 114.
[113] Военно-исторический журнал. 1966. № 6. С. 63.
[114] СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945: Краткая хроника. С. 29.
[115] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 63.
[116] В боях за Белоруссию. С. 99–100; История Белорусской ССР. М., 1977. С. 377.
[117] Очерки истории профсоюзов Белоруссии, 1905–1969 гг. Минск, 1970. С. 256.
[118] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 64.
[119] *Пахомов Н.И., Дорофеенко Н.И., Дорофеенко Н.В.* Витебское подполье. Минск, 1974. С. 14.
[120] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 65.
[121] История Белорусской ССР. С. 377.
[122] *Парфенов И.И.* Указ. соч. С. 16.
[123] *Липило И.И.* КПБ – организатор и руководитель партизанского движения в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Минск, 1959. С. 29.
[124] Непокоренная Белоруссия. Минск, 1963. С. 142–143.
[125] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 121–125.
[126] Солдатами были все. Минск, 1970. С. 38.
[127] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1967. Ч. 2. С. 312; Солдатами были все. С. 39.

[128] В боях за Белоруссию. С. 108–109.
[129] Солдатами были все. С. 197.
[130] Там же. С. 297.
[131] Героическая оборона Могилева в годы Великой Отечественной войны: Материал в помощь лектору. Минск, 1977. С. 15.
[132] Солдатами были все. С. 83–85; В боях за Белоруссию. С. 109.
[133] Солдатами были все. С. 81.
[134] В боях за Белоруссию. С. 110.
[135] История Белорусской ССР. С. 378.
[136] Коммунист. 1980. № 8. С. 78.
[137] Солдатами были все. С. 81.
[138] Коммунист. 1980. № 8. С. 78.
[139] В боях за Белоруссию. С. 111.
[140] Героическая оборона Могилева в годы Великой Отечественной войны. С. 19; Военно-исторический журнал. 1963. № 12. С. 91.
[141] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 2. С. 313.
[142] Солдатами были все. С. 30.
[143] Цит. по: *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 102.
[144] Непокоренная Белоруссия. С. 120.
[145] История СССР. 1964. № 3. С. 90.
[146] Непокоренная Белоруссия. С. 120; Очерки истории профсоюзов Белоруссии. С. 256.
[147] В памяти народной. Минск, 1969. С. 197.
[148] Непокоренная Белоруссия. С. 120–121.
[149] *Андрющенко Н.К.* Указ. соч. С. 106.
[150] История Белорусской ССР. С. 379.
[151] В памяти народной. С. 197.

СТАЛИНГРАД — КУРСК — ДНЕПР

Битвы под Сталинградом (17 июля 1942 – 2 февраля 1943 г.), Курском (5 июля – 23 августа 1943 г.) и на Днепре (конец августа 1942 – начало 1944 г.) определили коренной перелом в ходе Великой Отечественной и всей Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. Они оказали влияние на политику и стратегию всех воевавших государств, создали благоприятные условия для ведения боевых действий против фашистских войск на основных театрах вооруженного противоборства*.

К осени 1942 г. от Баренцева моря до предгорий Кавказа на фронте протяженностью более 6 тыс. км действовала небывалая в мировой истории масса войск и боевой техники. С обеих сторон здесь находилось: войсковых соединений – свыше 600 дивизий, солдат и офицеров – 12 млн 790 тыс. человек, орудий и минометов – 129,5 тыс. стволов, танков и штурмовых орудий – 12 тыс., авиации – более 8 тыс. самолетов.

После поражения под Москвой гитлеровское командование перебросило на Восточный фронт свыше 1,5 млн человек. Помимо 193 дивизий вермахта против Красной Армии было сосредоточено около 73 дивизий Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии, Словакии (плюс «добровольческая» испанская). На советско-германском фронте в 1942–1943 гг. сражалось в 15–20 раз больше вражеских соединений, чем на любом из других фронтов, где шли бои немецко-итальянских войск с войсками Англии и США.

Центральным событием Второй мировой войны с лета 1942 г. стала битва за Сталинград, куда были нацелены наиболее мощные ударные группировки фашистской Германии. Если гитлеровское руководство после провала блицкрига в 1941 г. стало считать 1942 год «годом немецкой судьбы», то с захватом Сталинграда связывались все его расчеты добиться именно здесь решающей победы.

Маршал Советского Союза В.И.Чуйков, бывший командующий 62-й армией, державшей оборону в самом центре Сталинграда, писал:

---

* Общий ход этих трех битв довольно широко известен. Поэтому рассмотрим лишь их особенности и международное значение.

«Казалось, Гитлер готов истребить всю Германию за один этот город». Действительно, если с первых дней сражения на Сталинградском направлении наступали 14 дивизий, то к концу июля группа фашистских армий «Б» имела 38 дивизий, поддерживаемых целым воздушным флотом (около 1200 самолетов).

За ходом Сталинградского сражения с напряженным вниманием, буквально «затаив дыхание» (как отмечал У.Черчилль), следили миллионы людей на всех континентах земли, понимая, что в районе реки Волги во многом решается исход войны, судьба мировой цивилизации.

Индийский писатель Ходжа Ахмад Аббас вспоминал: «В 1942 году я вел в газете отдел хроники. Осенью того же года я обычно дежурил в редакции до 5 часов утра. Мы не ложились спать, ожидая новостей из Сталинграда, чтобы заверстать в номер самые свежие известия... Вспоминается мне ночь в середине ноября. Было два часа. Сообщения о Сталинграде запаздывали. Вдруг зазвонил телефон.

— Что слышно о Сталинграде? — спросил усталый мужской голос.

— К сожалению, телеграммы запаздывают, и сейчас я пока ничего нового сообщить Вам не могу.

— Тогда позвольте позвонить позже...

Он действительно позвонил через полчаса, а затем еще раз. По делийскому времени было уже три часа ночи. Только что редакция получила последние сообщения. Они были светлы и радостны.

Снова телефонный звонок. Знакомый голос.

— Ну как Сталинград? — спросил он.

— Сталинград победил. Советская Армия окружила фашистов.

— Очень хорошо! — облегченно промолвил мой собеседник. — Теперь я могу спокойно лечь спать.

Это был Джавахарлал Неру».

Контрнаступление под Сталинградом, в ходе которого была окружена 330-тысячная группировка противника, а в конечном итоге разгромлены пять вражеских армий (6-я и 4-я танковая немецкие, 3-я и 4-я румынские, 8-я итальянская), не имело аналогов в мировой военной истории. Не было примера, когда столь крупная вражеская группировка, оснащенная новейшей боевой техникой, была бы полностью окружена и ликвидирована. За время Сталинградской битвы, длившейся 200 дней и ночей, общие потери противника убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 млн солдат и офицеров, в том числе с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. — свыше 800 тыс. человек, а также до 2 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 10 тыс. орудий и минометов, около 3 тыс. боевых и транспортных самолетов. За это же время безвозвратные и санитарные потери Красной Армии составили более 1,1 млн человек[1].

Следует отметить еще такие важные моменты:

Во-первых, решение немедленно приступить к разработке плана контрнаступления было принято Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК) 13 сентября 1942 г. На подготовку такой огромной по масштабам операции ушло менее двух месяцев.

Во-вторых, соотношение сил Красной Армии и противника (по личному составу 1,1 : 1, по боевым самолетам 1,1 : 1, орудиям и минометам 1,5 : 1, по танкам и штурмовым орудиям 2,2 : 1) не отвечало «классическим» нормативам для нанесения глубокого удара и последующих наступательных действий. При таком соотношении сил лишь высокий уровень искусства советских войск мог обеспечить успех грандиозной военной акции по окружению крупной вражеской группировки.

В-третьих, при самом проведении контрнаступления решающую роль играл фактор времени. Окружение 6-й полевой и 4-й танковой армий противника планировалось осуществить в течение трех суток, до подхода тех сил, которые Гитлер мог перебросить сюда с других участков фронта. Ведение боевых действий в высоких темпах и в сжатые сроки — характерная черта операции.

В-четвертых, неблагоприятная метеорологическая обстановка накануне и в начале наступления (исключавшая действия авиации и поддержку войск с воздуха) не повлекла за собой отмены оперативных планов.

В-пятых, после создания гитлеровской ставкой группы армий «Дон» во главе с Манштейном для деблокады армии Паулюса (когда у противника на отдельных участках превосходство по танкам стало шестикратным, а по пехоте и артиллерии — двукратным), советское командование сумело сразу же внести коррективы в первоначальные планы, перегруппировать силы и сорвать опасный контрудар. Попытки немецко-фашистского руководства организовать «воздушный мост» для снабжения окруженной группировки закончились потерей для него 1100 боевых и транспортных самолетов.

Как отмечал в своих мемуарах Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, Ставка ВГК и Генштаб на этот раз «оказались способными с научной точностью проанализировать все факторы этой грандиозной операции, сумели предвидеть ход ее развития и завершения».

Нам представляется, что эти и другие уроки воинского искусства при решении крупнейшей стратегической задачи Второй мировой войны весьма поучительны в сравнении с действиями на других театрах войны. Вот какими оговорками, например, обуславливалось начало операции «Оверлорд», т.е. высадка англо-американских войск в Нормандии после ее весьма длительной подготовки:

— Если ветер будет не слишком сильный.
— Если прилив будет как раз такой, как нужно.
— Если луна будет именно в той фазе, какая требуется.
— Если предсказания погоды будут подходящими.

— Если у немцев окажется в резерве не более 12 подвижных дивизий, и если они не смогут перебросить с русского фронта свыше 15 первоклассных дивизий.

* * *

Глубокое удовлетворение, радость и ликование охватили миллионы людей во всем мире после того, как разнеслась весть о победе под Сталинградом.

Американский астронавт Д.Слейтон, участник Второй мировой войны, вспоминал: «Когда гитлеровцы капитулировали, ликованию нашему не было предела. Все понимали, что это поворот в войне, что это начало конца фашизма...»

Многие государственные и политические деятели стран антигитлеровской коалиции высоко оценили в те дни выдающийся успех Советских Вооруженных Сил.

5 февраля 1943 г. президент США Ф.Рузвельт писал Сталину:

«В качестве Главнокомандующего Вооруженными Силами Соединенных Штатов Америки я поздравляю Вас с блестящей победой Ваших войск у Сталинграда, одержанной под Вашим Верховным Командованием... Командиры и бойцы Ваших войск на фронте, мужчины и женщины, которые поддерживают их, работая на заводах и полях, объединились не только для того, чтобы покрыть славой оружие своей страны, но и для того, чтобы своим примером вызвать среди всех Объединенных Наций новую решимость приложить всю энергию к тому, чтобы добиться окончательного поражения и безоговорочной капитуляции общего врага»[2].

Позднее Ф.Рузвельт прислал Сталинграду грамоту, в которой подчеркивал «восхищение его доблестными защитниками, храбрость, сила духа и самоотверженность которых во время осады... будут вечно вдохновлять сердца всех свободных людей. Их славная победа, — указывал американский президент, — остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии»[3].

В телеграмме короля Великобритании Георга VI на имя М.И.Калинина 21 февраля 1943 г. говорилось, что «...упорное сопротивление Сталинграда повернуло события и послужило предвестником сокрушительных ударов, которые посеяли смятение среди врагов цивилизации и свободы. Для того чтобы отметить глубокое восхищение, испытываемое мной и народами Британской империи, я отдал приказ об изготовлении Почетного меча, который я буду иметь удовольствие преподнести городу Сталинграду*. Я надеюсь, что в

* Этот Почетный меч позднее был вручен городу-герою. На его клинке на русском и английском языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким, как сталь, — от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа».

грядущие счастливые дни этот дар будет напоминать о несгибаемом мужестве, в котором город-воин закалялся в борьбе против сильных и упорных атак своих врагов, и что он будет символом восхищения не только народов Британской империи, но и всего цивилизованного мира».

Находясь под впечатлением разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, генерал Д.Макартур — командующий союзными силами в юго-западной части Тихого океана — дал такую оценку Красной Армии по случаю ее 25-й годовщины: «Красная Армия воплощает в себе то, что вызывает волнение, что движет всеми воинами: храбрость, готовность отдать жизнь за Родину, стойкость в испытаниях и тот неугасимый огонь решимости, который разгорается ярче и ярче, когда человек попадает, казалось бы, в безысходное положение. Это — основополагающие военные достоинства, которые составляют величие и порождают бессмертие».

Сталинградская победа укрепила международный престиж СССР, подтвердив неминуемость грядущего разгрома фашизма. Она оказала значительное влияние на подъем движения Сопротивления, вдохновила народы порабощенных гитлеровцами стран Европы на усиление ударов по оккупантам.

В самой же нацистской империи и других государствах фашистского блока сообщение о беспрецедентной катастрофе на берегах Волги вызвало растерянность, замешательство, серьезное морально-политическое потрясение. Погребальным звоном церковных колоколов и трехдневным трауром отозвались над ошеломленным гитлеровским рейхом победные раскаты Сталинградской битвы.

«Поражение под Сталинградом, — свидетельствовал гитлеровский генерал З.Вестфаль, — повергло в ужас как немецкий народ, так и его армию. Никогда прежде за всю историю Германии не было случая столь страшной гибели такого количества войск».

«Ни один из союзников России в минувшей войне не может похвастаться такой победой, — утверждал другой генерал вермахта Г.Дёрр, участник Сталинградской битвы. — ...Победа Советского Союза под Сталинградом означала нечто большее, чем величайший военный успех в его истории».

В течение зимней кампании 1942–1943 г. Красная Армия разгромила целые соединения итальянской, румынской и венгерской армий, потерпели поражение под Ленинградом финские войска. Партнеры Германии по агрессии стали подумывать о выходе из войны. Как констатировал румынский диктор Антонеску, «после битвы под Сталинградом фашистское государство стало шататься».

Разгром немецко-фашистских захватчиков на Волге создавал исключительно благоприятную военно-политическую ситуацию для активизации действий союзников СССР и нанесения удара по Герма-

нии с Запада. Однако высшие представители военного командования союзников в своем кругу не скрывали, что стремятся «использовать русских в... собственных интересах» и «выжать из России максимальную пользу».

В то время, как СССР использовал для борьбы против вермахта свыше 400 дивизий, Великобритания в 1943 г. имела на театрах военных действий (включая Юго-Восточную Азию и Тихий океан) от 19 до 24 дивизий, а США – 15–22 дивизии. Имея в общей сложности 10–12-миллионную армию, военно-политическое руководство союзников особо подчеркивало важность «воздушного наступления» на Германию с целью подрыва ее экономики и деморализации населения. Чтобы выиграть войну, считалось необходимым воздержаться от планов «вести наземные операции в Европе», а вместо этого сосредоточить прежде всего воздушную мощь против тыла противника. В разгар Сталинградского сражения министр авиации Великобритании А.Синклер говорил, что «главным инструментом в достижении победы является бомбардировочная авиация». Подразумевалось, фактически, вновь вынудить Советский Союз сражаться один на один с вермахтом.

Размах «воздушного наступления» англо-американской авиации из года в год возрастал. Если в 1941 г. на территорию Германии было сброшено 35,5 тыс. бомб, то в 1942 г. – 53,7 тыс., а в 1943 г. – 226,5 тыс. бомб. Для противодействия налетам союзной авиации командование «люфтваффе» вынуждено было усиливать систему ПВО. Бомбардировки причинили ущерб главным образом жилым кварталам Кельна, Бремена, Дюссельдорфа, Берлина, Гамбурга, Дортмунда и ряда других городов. По официальным германским данным, с октября 1942 по сентябрь 1943 г. было разрушено 914 тыс. квартир, без крова остались миллионы жителей. В военно-экономическом отношении эффективность «воздушного наступления» была невысока: оно не могло существенно подорвать и ослабить промышленный потенциал Германии. По сравнению с 1942 г. ее военное производство в 1944 г. возросло по самолетам и танкам в 3 раза, по артиллерии – 3,5 раза.

Военно-стратегическое положение СССР летом 1943 г. вновь подверглось серьезному испытанию. Несмотря на тяжелейшие последствия сталинградского поражения, гитлеровское руководство приняло решение нанести на советско-германском фронте мощный удар, взять реванш за Сталинград. Расчет делался на «неспособность» Красной Армии восстановить свои силы после напряженных боев зимой 1942–1943 г., на превосходство новой немецкой танковой техники, на господство в воздухе и уверенность в том, что СССР по-прежнему не получит от своих союзников существенной поддержки в виде открытия второго фронта в Европе.

В оперативном приказе ставки вермахта № 6 от 15 апреля 1943 г. указывалось, что наступлению на Курской дуге (операция «Цита-

дель») «придается решающее значение» и что «победа под Курском должна явиться факелом для всего мира». В другом приказе непосредственно перед началом наступления эта операция квалифицировалась, как «великое наступательное сражение, которое может оказать решающее влияние на исход войны в целом. Могучий удар, который настигнет советские армии, должен потрясти их до основания». Как отмечал бывший сотрудник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии генерал В.Эрфурт, «вся наступательная мощь, которую германская армия способна была собрать, была брошена на осуществление операции "Цитадель"».

По продолжительности Курская битва заняла в 4 раза меньше времени, чем Сталинградская, но по своим масштабам не уступала сражению на Волге. Путем перегруппировок войск из Европы гитлеровское командование смогло сосредоточить на Курской дуге 900 тыс. солдат и офицеров (более 100 дивизий). С обеих сторон в битву было последовательно вовлечено свыше 4 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, до 12 тыс. самолетов. Курская битва — крупнейшая танковая битва Второй мировой войны. Здесь было сосредоточено 70% всех танковых и механизированных дивизий вермахта из находившихся на советско-германском фронте, а также свыше 65% самолетов. В общей сложности в битве участвовало более 13 тыс. танков, самоходно-артиллерийских установок и штурмовых орудий. Большие надежды немецко-фашистское командование возлагало на новую боевую технику: танки «тигр», «пантера», штурмовые орудия «фердинанд», самолеты «Фокке-Вульф-190», штурмовики «Хенкель-129».

Об огромной огневой и ударной мощи войск в сражении на Курской дуге говорят такие данные: вермахт обрушил на советские войска 486 тыс. тонн боеприпасов, намного больше, чем англо-американская авиация на всю Германию за весь 1943 год. Возросла и мощь ответных ударов советских войск: по сравнению со Сталинградской битвой среднесуточный расход боеприпасов здесь был выше в 3 раза, а горючего для танков и авиации — почти в 5 раз больше.

В ходе битвы под Курском было разгромлено* 30 отборных дивизий противника, в том числе 7 танковых. Вермахт потерял около 500 тыс. солдат и офицеров, 1,5 тыс. танков, 3 тыс. орудий и более 3,7 тыс. самолетов.

Важным достижением и одной из особенностей советского военного искусства в этой битве явилось своевременное и полное вскрытие замысла и группировки противника. Определив направление главного удара вражеских войск, Ставка ВГК решила перейти к преднамеренной обороне, в ходе которой предусматривалось обескровить

---

* Под разгромленными дивизиями в научной литературе принято считать дивизии, потерявшие от 50% до 75% личного состава.

ударные группировки вермахта, и прежде всего «выбить его танки», а затем осуществить контрнаступление и завершить их разгром.

Победа под Курском стала новым существенным вкладом СССР в разгром фашистского блока. Оценивая ее военно-политические итоги, Маршал Советского Союза Г.К.Жуков подчеркнул: «Разгром немецко-фашистских войск под Курском имел крупнейшее международное значение и еще выше поднял авторитет Советского Союза. Призрак неминуемой катастрофы встал перед фашистской Германией».

Этот факт был вынужден признать и противник. Вот что писал бывший гитлеровский генерал-фельдмаршал Э.Манштейн, командовавший группой армий «Юг»: «Операция "Цитадель" была последней попыткой сохранить нашу инициативу на Востоке. С ее прекращением, равнозначным провалу, инициатива окончательно перешла к советской стороне. В этом отношении "Цитадель" является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте».

Не менее объективно оценил итоги сражений на Курской дуге и бывший генеральный инспектор бронетанковых войск фашистской Германии генерал-полковник Г.Гудериан: «В результате провала наступления "Цитадель" мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе, на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос... и уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику».

Одним из первых политических деятелей Запада, сумевших по достоинству определить значение Курской битвы, был Ф.Рузвельт. Уже спустя четыре дня после начала контрнаступления он писал И.В.Сталину: «Ваши армии великолепно проявляют себя в борьбе против германского наступления под Курском». 6 августа 1943 г. президент США назвал взятие Орла «великой победой», имеющей «далеко идущие последствия»[4]. К оценке американского президента присоединился британский премьер-министр У.Черчилль, отметивший победы советских войск под Курском как «вехи на пути к окончательной победе»[5].

2 августа 1943 г. Комитет начальников штабов США под воздействием победоносного хода битвы на Курской дуге подготовил документ о роли Советского Союза в войне, в котором многие прежние оценки подверглись серьезным коррективам.

«Россия занимает во Второй мировой войне доминирующее положение, — говорилось в нем, — и является решающим фактором в предстоящем поражении стран оси в Европе. В то время как в Сицилии

войскам Великобритании и Соединенных Штатов противостоят две немецкие дивизии, русский фронт приковывает примерно 200 немецких дивизий. Когда союзники откроют второй фронт на континенте, то он, безусловно, будет второстепенным по сравнению с русским фронтом, русский по-прежнему будет играть решающую роль. Без участия России в войне в Европе, разгромить страны оси невозможно...»

Победа Красной Армии под Курском дала новый толчок активизации движения Сопротивления в оккупированных странах, привела к тяжелому военно-политическому кризису в фашистском блоке. Выход из войны Италии положил начало развалу этого блока.

Сокрушительный разгром главной группировки вермахта открыл Красной Армии широкий оперативный простор для ведения наступательных операций на большом протяжении фронта от Невеля до Азовского моря.

Крупным событием второго периода Великой Отечественной войны явилась битва за Днепр, проведенная с конца августа по февраль 1944 г. войсками Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов (переименованных с 20 октября соответственно в Белорусский, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й Украинские фронты).

Именно здесь рассчитывал Гитлер создать неприступный «Восточный вал», перейти к затяжной позиционной войне, чтобы постепенно истощить силы Красной Армии и вновь переломить ход вооруженной борьбы в свою пользу.

«Днепр планировался как линия сопротивления еще после падения Сталинграда... весной 1943 г., — отмечал бывший командир 48-го немецкого танкового корпуса генерал О.Кнобельсдорф, — его большая ширина, низкий восточный берег и высокий крутой западный, казалось, должны были стать непреодолимым барьером для русских».

Но и этот план был сорван советскими воинами. В ходе битвы за Днепр они нанесли тяжелое поражение основным силам группы армий «Юг» и части сил группы армий «Центр» противника, освободив свыше 38 тыс. населенных пунктов, в том числе 160 городов.

Всего за год (ноябрь 1942 — декабрь 1943 г.) от врага была очищена территория более чем в 1млн кв. километров, равная площади Франции, Англии, Бельгии, Нидерландов, Дании, Австрии, вместе взятых. На освобожденной земле до войны проживало 46 млн человек. Понятно, что такие масштабы вооруженной борьбы на советско-германском фронте не могли не изменить общей политической и стратегической ситуации в мире.

Анализ исторических фактов и явлений позволяет сделать вывод, что главный критерий коренного перелома, основными звеньями которого стали Сталинградская, Курская битвы и битва за Днепр, — это необратимость изменений в соотношении сил в военном противобор-

стве в пользу антигитлеровской коалиции. Коренной перелом — не единовременный акт, он был подготовлен многими предшествующими сражениями, прежде всего битвой под Москвой, самоотверженной обороной Ленинграда, Одессы, Севастополя, Киева, Новороссийска, Мурманска, действиями союзников по отражению наступлений врага на других театрах Второй мировой войны.

Военно-политические итоги указанных битв и коренного перелома в целом наглядно свидетельствовали, насколько несостоятельными оказались социально-политические, экономические и военно-стратегические прогнозы гитлеровского командования, рассчитывавшего на слабость СССР, на его неспособность дать достойный отпор наиболее могущественной военной машине того времени.

Народное хозяйство Советского Союза в исключительно тяжелых условиях сумело обеспечить важнейшие потребности фронта. Благодаря поистине самоотверженным усилиям тружеников тыла в течение второго периода войны удалось не только превзойти врага в выпуске основных видов военной продукции, но и осуществить перевооружение Красной Армии новейшими средствами борьбы.

В ходе каждой из рассматриваемых битв повышалась боеспособность многих частей и соединений Вооруженных Сил СССР и внутренних войск. Советские воины учились бить и побеждать врага «малой кровью», т.е. с собственными минимальными потерями, приобретая необходимый опыт, расчетливость, воинскую зрелость. Приумножалось число частей, получивших наименование гвардейских или награжденных высокими орденами СССР.

Неуклонно росло мастерство по руководству войсками. Советское командование учло горький опыт неудачных сражений 1941–1942 гг., научилось современным формам и способам военного искусства; выдвинулась плеяда новых командиров, новаторски решавших сложнейшие проблемы военного дела. Совершенствовалось руководство многомиллионной армией со стороны Ставки ВГК и Генштаба. Сталин как Верховный Главнокомандующий и Председатель Ставки ВГК в течение 1943 г. заметно овладел оперативным искусством. «Ощущение, что Сталин владеет оперативными вопросами, — свидетельствовал Жуков, — у меня лично начало складываться в последний период Сталинградской битвы, а ко времени Курской дуги уже можно было без преувеличения сказать, что он и в этих вопросах чувствует себя вполне уверенным».

Талантливыми военными руководителями и полководцами проявили себя в тот период Г.К.Жуков, А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, Н.Ф.Ватутин, И.С.Конев, Л.А.Говоров, А.И.Еременко, Р.Я.Малиновский, И.Х.Баграмян, П.А.Ротмистров, Н.Н.Воронов, А.А.Новиков, К.А.Мерецков, К.С.Москаленко, А.И.Антонов, М.В.Захаров, И.Д.Черняховский, Ф.И.Толбухин, В.Д.Соколовский, В.И.Чуйков,

П.И.Батов, Д.Д.Лелюшенко, Я.Н.Федоренко, А.В.Горбатов, П.С.Рыбалко, С.И.Руденко, Н.Д.Яковлев и многие другие военачальники. Перед ними поблек престиж известных гитлеровских фельдмаршалов и генералов.

Вскоре после поражения немецко-фашистских войск в битве на Волге посол СССР в Великобритании И.М.Майский так оценивал реакцию английской (и в целом западной) общественности на военные успехи Советского Союза. По его словам, первое, доминирующее чувство на Западе — это крайнее удивление жизнеспособностью СССР. Раньше преобладало мнение, что советским войскам удастся зимой 1942–1943 г. удержать линию фронта и, может быть, провести лишь ограниченные наступательные операции. И вдруг неожиданно — такое мощное наступление. «Наряду со всеобщим изумлением мощью Красной Армии, — писал Майский, — очень широко распространено глубокое восхищение ее храбростью, выносливостью, искусством, организованностью. Было бы неправильно утверждать, что такое восхищение свойственно только массам. Нет, довольно часто можно встретить людей из интеллигенции, из средней буржуазии, даже из высших финансовых и правительственных кругов, которые полны искреннего восхищения героической борьбой нашего народа и нашей армией, и которые прямо говорят: "Вы спасли нас".

Миллионные массы в порабощенных странах изуверились в возможности освобождения от жесточайшего террора. Теперь же они поверили, что на свете есть реальная сила, способная не просто отогнать один африканский корпус врага или высадиться на гряде островов, но и окончательно сокрушить фашистскую империю.

Укрепление международного авторитета СССР в результате коренного перелома в войне означало и усиление антигитлеровской коалиции в целом. К концу 1943 г. в нее входило уже около 40 государств. Примерами плодотворного сотрудничества СССР, США и Великобритании стали Московская и Тегеранская конференции.

Укрепление антигитлеровской коалиции после трех крупнейших побед Советских Вооруженных Сил отразилось не только в верхних эшелонах политического руководства, но и в консолидации широких народных масс, их готовности к решительной борьбе с фашизмом. Массовые движения солидарности с СССР, митинги и сбор средств в помощь Красной Армии проходили в США, Англии, Канаде, Австралии. Многочисленный поток приветствий советскому народу шел из Мексики, Кубы, Бразилии, с Тихого океана, где воевали солдаты, летчики, моряки США, Англии, Индии, Австралии, Голландии. Характерно письмо американских и австралийских солдат, в котором говорилось: "Из болот и джунглей юго-западной части Тихого океана мы шлем братский привет нашим доблестным товарищам по оружию — бойцам Красной Армии. ...Вы выиграли для нас драгоценное время.

Пока мы собирали силы для будущих боев, вы сражались и проливали кровь. Теперь мы тоже готовы...»

Влияние успехов Красной Армии на военно-политическую обстановку в мире во многом определялось их материальными результатами и последствиями. В послании Конгрессу, направленном 10 января 1944 г., американский президент подчеркивал:

«Самую существенную помощь, которую мы и другие Объединенные Нации получили от Советского Союза, нужно искать в Сталинграде, Харькове и Киеве, в миллионах нацистских солдат, раненых, убитых и взятых в плен на русской территории, миллионах, которые уже не смогут сопротивляться нашим войскам в Западной Европе».

Потери, понесенные вермахтом в Сталинградской, Курской битвах, в битве за Днепр и других сражениях на советско-германском фронте в 1943 г., были ошеломляющими для гитлеровского командования. Всего за период коренного перелома в ходе войны Красная Армия нанесла поражение 218 дивизиям Германии и ее союзников (2,6 млн убитых, раненых и пленных, до 7 тысяч уничтоженных танков, более 14 тысяч самолетов, около 50 тысяч орудий). Эти крупные неудачи немецко-фашистских захватчиков заставили гитлеровское командование перебросить с Запада на Восточный фронт до 75 своих дивизий, что, естественно, облегчило боевые действия англо-американских войск.

Для восполнения понесенных потерь и восстановления военного потенциала с января 1943 г. в Германии были в полном объеме введены чрезвычайные мероприятия по программе «тотальной войны», что позволило гитлеровскому режиму оттянуть сроки своего окончательного поражения. Однако полностью возместить численность вермахта путем новых мобилизаций после 1943 г. не удалось. По расчетам генерального штаба сухопутных войск, ежегодная нехватка военнослужащих с начала 1944 г. определялась в 800 тыс. человек.

Осознание безвыходности положения на фронтах привело часть германской буржуазии, генералитета и офицерства к оппозиции против Гитлера, которая все больше принимала форму организованного заговора. Военные катастрофы на Восточном фронте открыли правду многим немцам. Гестаповцы в своих донесениях отмечали, что «значительная часть населения открыто и нелицеприятно выражает свои опасения относительно исхода войны». Усиливалась деятельность антифашистского демократического подполья.

Вместе с поражениями на советско-германском фронте в течение 1943 г. еще более обострились противоречия между всеми участниками фашистского блока, усилились стремления союзников рейха пока не поздно порвать с Гитлером и искать выход в заключении сепаратного мира с США и Англией.

Заметно ухудшились, например, отношения германского военного командования с румынским руководством. По признанию правителя

Румынии И.Антонеску, румынские войска под Сталинградом потеряли более 57 тыс. солдат и офицеров; в июле 1943 г. общая цифра румынских потерь возросла до 300 тыс.

Росло недовольство и в Венгрии и тоже из-за больших потерь, особенно на Дону и Волге. 2-я венгерская армия оставила там около 70 тыс. человек и 75% боевой техники.

8-я итальянская армия потеряла под Сталинградом около 100 тыс. человек убитыми и ранеными. Фактически это был полный разгром итальянского экспедиционного корпуса, который Муссолини в угоду Гитлеру послал за тысячи километров от своей земли.

Одновременно с поражением в России итальянские войска начали отступление в Северной Африке. В октябре 1942 г. 8-я английская армия генерала Монтгомери одержала победу над итало-немецким корпусом Роммеля у Эль-Аламейна, где противник потерял около 55 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными. В ноябре крупный десант английских и американских войск под командованием генерала Д.Эйзенхауэра высадился в Алжире и Марокко, а спустя полгода (в мае 1943 г.) итало-немецкие войска в Северной Африке капитулировали. Важное значение для вывода Италии из войны имела высадка союзников в Сицилии. В обстановке резкого военно-политического кризиса фашистская диктатура оказалась свергнутой, Муссолини арестован, а в сентябре было подписано перемирие с Италией.

Документы германского командования говорят о том, что Гитлер лихорадочно изыскивал наиболее боеспособные дивизии для помощи своему итальянскому союзнику. «Десяток германских дивизий мог бы удержать Муссолини у власти, — писала английская "Дейли экспресс" 7 августа 1943 г., — но Гитлер не мог отвлечь от России даже такое небольшое число войск». Более того, в сентябре — декабре 1943 г. гитлеровское командование было вынуждено отправить 28 дивизий из Западной Европы для удержания Восточного фронта.

События на Средиземноморье и Ближнем Востоке в 1941–1943 гг. развивались совсем не по тому стратегическому сценарию, который намечался гитлеровским руководством. Основные операции здесь планировалось проводить только тогда, когда у Германии будут развязаны руки в России.

Поражения под Москвой, Сталинградом, Курском и на Днепре явились приговором для всей стратегии фашистского блока на Ближнем Востоке и Средиземноморье. Ни о каких перебросках немецких войск с советско-германского фронта для решения средиземноморских задач, и тем более об операциях с Кавказа на Иран, теперь уже не могло быть и речи.

Правда, как уже отмечалось, осенью 1942 г. обстановка на южном крыле советско-германского фронта сложилась очень тревожной. В разгар Сталинградской битвы одна из группировок вермахта вышла

к перевалам Главного Кавказского хребта и находилась всего в 200–300 км от советской границы с Турцией. Наличие договора о взаимопомощи с Англией и Францией не помешало правительству Турции за четыре дня до нападения Германии на СССР заключить с ней договор о дружбе. В августе 1942 г. турецкие государственные деятели заявляли, что Турция «в высшей степени заинтересована в уничтожении русского колосса» и «в возможно более полном поражении большевистской России»[6]. По данным Генерального штаба Красной Армии, у границ с СССР в то время сосредоточилось 26 турецких дивизий. Разгром же гитлеровских войск на Волге и на Кавказе, их поспешное отступление за Днепр отрезвляюще подействовали на турецкие правящие круги и способствовали стабилизации обстановки на южных границах СССР.

События на советско-германском фронте оказали влияние на соотношение сил и ход вооруженной борьбы на средиземноморском театре. В апреле 1942 г. гитлеровский генерал А.Кессельринг признавал, что «потребности русского фронта вынуждают верховное командование вермахта отправить туда большую часть авиационных соединений, базирующихся на Сицилии». Планировавшаяся операция по захвату Мальты так и не состоялась. Требования Роммеля усилить его африканский корпус для захвата Суэца систематически не удовлетворялись из-за невозможности для гитлеровского командования снять хотя бы часть войск из-под Сталинграда. Фельдмаршал В.Кейтель признавал: «Требовалось совсем немного, чтобы захватить Александрию и прорваться к Суэцкому каналу и в Палестину. Но как раз тогда мы не были достаточно сильны на этом направлении... в первую очередь из-за войны с Россией». Более того, летом 1942 г. у Роммеля были взяты две дивизии и переброшены на советско-германский фронт.

Американские генералы Дж.Маршалл, Д.Эйзенхауэр, О.Брэдли неоднократно подчеркивали, что сосредоточение и потери немецких войск в России создают благоприятные возможности для операций союзников и значительно облегчают их действия. Перед высадкой в Алжире Эйзенхауэр писал, что упорное сопротивление русских обеспечивает союзникам «свободу выбора места, времени и количества сил» для наступления в Северной Африке. В августе 1943 г. премьер-министр У.Черчилль говорил, что большинство военных операций союзников «невозможно было осуществить... если бы не героические подвиги и победы русской армии». Тогда же Комитет начальников штабов США констатировал: «Пока основная масса немецких сил скована на русском фронте, у стран оси имеются очень ограниченные возможности для наступательных действий...»

Таким образом, разгром основных группировок вермахта на далеком советско-германском фронте способствовал действиям антигитлеровской коалиции на Средиземном море, он предотвратил и сорвал опасные планы фашистских агрессоров в направлении Ирана

и Индии. Советско-германский фронт всегда учитывался при стратегическом планировании союзников как фактор номер один в мировой обстановке.

Последствия и результаты сражений под Сталинградом, Курском и на Днепре ощутимо проявлялись и в азиатском регионе, где велась длительная война милитаристской Японии с Китаем, а с декабря 1941 г. развернулись сражения между японскими и американскими вооруженными силами на обширной акватории Тихого океана.

Позиция японского правительства по отношению к СССР (несмотря на заключенный в апреле 1941 г. договор о нейтралитете) в течение всей войны определялась решением императорской ставки от 2 июля 1941 г.: «...Нападение на Советский Союз должно быть совершено тогда, когда стало бы ясно, что Советский Союз настолько ослаблен войной, что не сможет оказать эффективного сопротивления».

В декабре 1941 г. Япония, Германия и Италия продлили срок «Антикоминтерновского пакта», демонстрируя этим единство своих целей. Впоследствии Международный трибунал для Дальнего Востока на основе многочисленных документов установил, что «до 1943 года Япония не только планировала вести агрессивную войну против Советского Союза, но также и продолжала активную подготовку к такой войне». В приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока указывалось, что в 1942 г. «японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые наступательные военные планы против Советского Союза, остававшиеся в силе на 1943 год».

На Токийском процессе выяснилось, что в 1943 г. в Японии были разработаны «Мероприятия по управлению Сибирью» с обширной программой деятельности японской администрации после оккупации Советского Приморья и Хабаровского края и присоединения их к «сфере сопроцветания великой восточной Азии». Окончательный раздел советских территорий предусматривалось оформить совместным японо-германским соглашением, причем устанавливалось, что «Сибирская железная дорога будет поставлена целиком под контроль Германии и Японии», разграничительная линия между ними пройдет в Омске.

Соединения Квантунской армии, сконцентрированные возле границ с СССР, в 1941–1943 гг. насчитывали до 40–50% общей численности японских сухопутных войск. На советских дальневосточных границах постоянно сохранялось напряженное положение. За 1941–1942 гг. японцы 779 раз совершали нарушения сухопутной границы, 206 раз — нарушения территориальных вод, 262 — нарушения воздушного пространства. Японскими кораблями было задержано более 80 советских судов, несколько из них потоплено. Наркомат ино-

странных дел СССР только в 1942 г. направил японскому правительству 10 нот с протестами против враждебной деятельности японских властей. Президент Ф.Рузвельт в декабре 1942 г. сообщал Советскому правительству о том, что, по его данным, не исключена возможность нападения Японии на СССР[7].

Чтобы прикрыть дальневосточную границу протяженностью свыше 4 тыс. км от Владивостока до Читы (из расчета хотя бы 1–2 дивизии на 100 км), Советский Союз был вынужден держать там весьма значительные силы: в июне 1941 г. — 700 тыс. человек, в июле 1942 г. — 1,4 млн, в июле 1943 г. — 1,1 млн человек.

Поражения вермахта на советско-германском фронте сильно поколебали веру японских правящих кругов в мощь германской армии. Японский посол Осима в ответ на настойчивые попытки Берлина втянуть Японию в войну с СССР недвусмысленно заявил: «Учитывая нынешнее военное положение, для японского правительства невозможно вступить в войну».

С разгромом немецких войск под Сталинградом, указывается в изданной в Японии «Истории войны на Тихом океане», давно ожидавшийся момент для нападения на СССР «был утерян навсегда».

Политика геноцида, террора и насилия, проводившаяся оккупантами в Европе и Азии, вызвала к жизни мощную волну движения Сопротивления. Его участников вдохновляло сплочение сил антигитлеровской коалиции, каждый успех СССР, США, Англии на внешнеполитическом или военном поприще. Опираясь на возраставшую мощь Объединенных Наций, освободительная борьба народов приобретала все больший размах, охватывала широкие слои общества, в том числе и тех, кто раньше был деморализован или подавлен жестоким террором и социальной демагогией нацизма.

Победы под Сталинградом, Курском, на Днепре оказали сильное морально-политическое воздействие на подъем антифашистской борьбы. Каждая весть о сокрушительных ударах по вермахту становилась достоянием миллионов, звала к активной деятельности тысячи новых бойцов. Активный участник движения Сопротивления, всемирно известный ученый Фредерик Жолио-Кюри говорил: «Голос Москвы звучал в захваченном, но не покорившемся Париже как надежда на освобождение, как призыв к борьбе и победе».

В жестокой борьбе с фашизмом у каждой из стран антигитлеровской коалиции были свои трудности. Но такому напряжению сил, которое было свойственно Советскому Союзу, вынесшему основную тяжесть вражеского натиска, не было примеров в истории. Победы и успехи на фронте достигались также предельной мобилизацией сил тружеников тыла.

В газете «Известия» в январе 1944 г. было опубликовано выступление председателя управления военного производства США Д.Нельсо-

на, с которым он выступил в Вашингтоне после возвращения из поездки в СССР. «То, что я видел и слышал в России, — говорил он, — убедило меня, что руководители и народ этой великой страны стремятся к сотрудничеству с нами. Они знают, что только сотрудничество всех стран и длительный мир могут привести к быстрому внутреннему развитию России, которое больше всего их интересует... Русские не нуждаются в дополнительной территории... Они не являются конкурентами в борьбе за мировые рынки. Все это убедило меня в том, что мы можем вести дела с Россией с пользой для нас самих, для русских и в интересах прочного всеобщего мира».

Таким образом, Сталинградская, Курская битвы и битва за Днепр явились наиболее важными военно-политическими событиями второго периода Великой Отечественной войны. Они оказали влияние на все сферы противоборства двух коалиций, привели к серьезному военному ослаблению Германии, крушению ее наступательной стратегии, кризису агрессивного блока, изменению позиций ряда нейтральных стран. С военными поражениями на советско-германском фронте началось банкротство всей системы гитлеровского режима, его политики, экономики, идеологии.

Принимая на себя главный удар гитлеровской военной машины, преодолевая огромные трудности экономического порядка, СССР не только выстоял в единоборстве с наиболее мощными военными силами противника (опиравшимися на потенциал почти всей Европы), но и сумел без значительной помощи извне добиться коренного перелома в развитии военных событий. Советский Союз дал пример предельной мобилизации сил и активности в действиях для защиты своей независимости и освобождения народов от немецко-фашистских оккупантов...

Действия на советско-германском фронте являлись важнейшими военно-политическими факторами, оказывавшими влияние на обстановку на всех фронтах войны, стратегическое планирование союзников, на усиление размаха освободительной, антифашистской борьбы народов на оккупированных территориях. Исторические факты показывают, что обособленное, изолированное рассмотрение событий Второй мировой войны без учета советско-германского фронта не может дать верной картины исторической действительности.

После побед 1943 г. впереди еще лежал большой и трудный путь до Берлина. Он потребовал от СССР, других участников антигитлеровской коалиции немалых усилий. Но фундамент окончательной победы над нацизмом был заложен в самых тяжелых кровопролитных боях и сражениях 1941–1943 годов.

Руководитель освободительной борьбы народов Югославии И.Броз Тито на первой сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) в ноябре 1942 г. говорил, что

вера в стойкость Советского Союза вдохновляет югославский народ в его борьбе за свободу родины. В приветствии советскому народу, принятом на второй сессии АВНОЮ (ноябрь 1943 г.), указывалось, что борьба народов Югославии за свободу «была бы безнадежной, если бы она не была составной частью великой освободительной войны свободолюбивого человечества».

За событиями на советско-германском фронте постоянно следили патриоты Греции, Албании, Болгарии, Чехословакии, Польши, Норвегии и других стран Европы, попавших под фашистское иго. Выражая солидарность с борьбой советского народа, они говорили: «Русские воюют и за себя и за нас».

Эти слова были созвучны заявлению государственного секретаря США К.Хэлла в сентябре 1943 г. в его беседе с советским послом А.А.Громыко: «Ваши успехи являются нашими успехами».

[1] Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 684; Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 179, 182.

Только с 10 февраля по 30 марта 1943 г. в г. Сталинграде, его окрестностях и прилегающих районах Сталинградской области было захоронено в общих могилах 138572 трупа солдат и офицеров вражеских войск (Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 148. Л. 75 об.).

[2] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: В 2 т. 2-е изд. М., 1976. Т. 2. С. 51–52.

[3] Там же. С. 317.

[4] Там же. С. 77.

[5] Там же. Т. 1. С. 171–172.

[6] Документы Министерства иностранных дел Германии. М., 1946. Вып. 2: Германская политика в Турции. С. 58, 92.

[7] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании... 2-е изд. Т. 2. С. 44–45.

БОРЬБА ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

Большую роль в Великой Отечественной войне сыграла народная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, начавшаяся в начале вражеского вторжения, а затем широко развернувшаяся на всей оккупированной ими территории общей площадью 1926 тыс. кв. км, где до войны проживало около 85 млн человек. Хотя миллионы жителей этого региона успели эвакуироваться в тыловые районы, многие влились в ряды действующей армии, тем не менее значительная часть населения из-за быстрого продвижения противника и в силу других причин оказалась под жестоким контролем оккупантов.

В захваченных областях СССР гитлеровцы осуществляли политику кровавого террора, тотального геноцида и грабежа, стремясь подорвать и сломить дух советских людей, их волю к сопротивлению. Но все чудовищные фашистские злодеяния только усиливали ненависть к захватчикам, стремление народа к активной борьбе. Принимая все более эффективный характер, она не являлась одним лишь стихийным взрывом народного гнева, а выражала кровную заинтересованность всех слоев общества, наций и народностей в защите свободы и независимости своей многонациональной Родины, всего того, что было создано и построено усилиями многих поколений.

Народная борьба в тылу врага проявлялась как в вооруженных, так и в невооруженных формах, т.е. в активных действиях различных партизанских формирований, подпольных организаций и групп, в массовом участии населения, временно попавшего под иго оккупантов, в срыве политических, экономических и военных мероприятий врага. Все формы этой борьбы были тесным образом связаны между собой, дополняли и переходили одна в другую в зависимости от складывавшейся обстановки и являлись частью единого целого.

Общая численность только участников партизанского движения превышала 1,1 млн человек, из них до 80% имели возраст от 18 до 45 лет, т.е. были наиболее боеспособной и зрелой частью населения. Бок о бок с партизанами мужественно сражались против немецко-фашистских захватчиков свыше 220 тыс. подпольщиков. Вооруженные формирования советских патриотов постоянно пополнялись за счет партизанских резервов, число которых превышало 1,5 млн человек.

К началу 1944 г. среди партизан рабочие составляли 30,1%, крестьяне – 40,5%, служащие – 29,4%.

Одна из важнейших особенностей борьбы советских людей за линией фронта заключалась в том, что Коммунистическая партия сумела придать этой борьбе организованность, масштабность и действенность.

С началом фашистской агрессии была разработана программа борьбы советского народа за линией фронта. Уже в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., направленной партийным и советским организациям прифронтовых областей, содержался обращенный к населению оккупированных районов призыв к массовому и активному сопротивлению захватчикам, давались конкретные указания по развертыванию народной борьбы на захваченной врагом территории. «В занятых врагом районах, – говорилось в документе, – создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все мероприятия».

Эти директивные указания, имевшие несомненную важность, тем не менее содержались в закрытом документе и поэтому не могли быть сразу же доведены до сведения широких масс населения. Вот почему особое значение для мобилизации всех сил страны на отпор врагу, включая развертывание народной борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков, приобрела речь по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И.В.Сталина, с которой он выступил 3 июля 1941 г. и в которой основные идеи названной директивы получили дальнейшее развитие.

Вслед за этим, 18 июля 1941 г., ЦК ВКП(б) вынес специальное постановление «Об организации борьбы в тылу германских войск». Оно обязывало руководящие партийные и советские органы осуществить действенные меры для всемерного развертывания народной борьбы за линией фронта. Наряду с созданием партизанских отрядов и диверсионных групп требовалось организовать на оккупированной территории широкую сеть подпольных партийных организаций, призванных возглавить активное сопротивление захватчикам. Особое внимание в постановлении обращалось на подбор руководителей партизанских отрядов и подпольных организаций из числа «опытных, боевых и до конца преданных нашей партии, лично известных руководителей парторганизаций и проверенных на деле товарищей».

Важную роль сыграл приказ народного комиссара обороны СССР И.В.Сталина от 5 сентября 1942 г. «О задачах партизанского движения», где ставилась задача привлечь к участию в партизанском

движении самые широкие слои населения оккупированных врагом районов.

Партийные органы районов, которым непосредственно угрожала вражеская оккупация, главное внимание уделяли созданию партийного подполья, и в первую очередь подготовке и переводу на нелегальное положение городских и районных комитетов партии. Это была весьма трудная задача в силу отсутствия необходимого опыта как у тех, кто создавал партийное подполье, так и у тех, кто оставался в подполье. Отрицательно сказывались и последствия массовых репрессий, развернутых в стране в предвоенные годы, и как следствие этого — общая атмосфера шпиономании, тотальной подозрительности, недоверия к людям. Как уже отмечалось, в результате беззаконий пострадала значительная часть подготовленных на случай войны будущих партизан и подпольщиков вместе с командармами 1-го ранга И.Э.Якиром, И.П.Уборевичем и армейским комиссаром 2-го ранга Я.К.Берзиным, возглавлявшими эту работу.

Быстрое продвижение в начале войны вражеских войск в глубь СССР и оккупация ими Прибалтийских республик, Белоруссии, Молдавии, значительной части Украины и многих районов Российской Федерации не позволили повсеместно организовать партийное подполье. Более того — немало сформированных перед фашистским нашествием партийных комитетов в силу разных причин так и не развернуло свою деятельность. В Эстонии, например, из 800 партийных активистов, оставленных для организации активного сопротивления врагу, многие погибли, не получив в то время широкой поддержки населения, часть была арестована, а некоторые партийные функционеры даже оказались предателями, в том числе К.Сярэ, бывший в 1940 г. первым секретарем ЦК КП(б)Эстонии. Поэтому пришлось создавать в советском тылу организаторские группы и затем перебрасывать их за линию фронта, где они связывались с оставшимися коммунистами, комсомольцами и создавали подпольные партийные комитеты, партизанские отряды. Несмотря на громадные трудности, отдельные серьезные провалы и неудачи, уже к концу 1941 г. на оккупированной врагом территории действовала разветвленная сеть подпольных комитетов: 18 обкомов, более 260 окружкомов, горкомов и т. д.

В большинстве районов Украины, Белоруссии, Российской Федерации подпольные партийные комитеты действовали при крупных партизанских отрядах. Секретари обкомов, горкомов, райкомов занимали, как правило, должности комиссаров соединений, бригад, отрядов. Нередко члены партийных комитетов проникали в города и различные населенные пункты, где находились вражеские гарнизоны, проводили там соответствующую работу среди местного населения, создавали подпольные партийные ячейки, не теряя при этом связи с партизанскими формированиями.

Партийные комитеты работали, как правило, в узком составе. Фактически это было бюро (2–3 секретаря горкома, райкома), выполнявшее функции горкома, райкома партии.

Под непосредственным руководством ЦК компартий союзных республик, крайкомов, обкомов партии и ЦК ВЛКСМ на оккупированной территории была также создана широкая сеть подпольных комсомольских органов. Так, на Украине, в районах, оказавшихся захваченными врагом, в 1941–1944 гг. активно действовало свыше 50 подпольных обкомов, горкомов и райкомов комсомола, в Белоруссии – 224, в западных краях и областях РСФСР – 119. Вся история деятельности подпольных партийных комитетов насыщена многочисленными фактами, документами, другими источниками, убедительно свидетельствующими, какую огромную роль сыграли они в мобилизации советских людей на отпор врагу, сколь весомым был их вклад в победу над фашизмом. В условиях жесточайшего оккупационного режима, постоянно подвергаясь смертельной опасности, руководители и члены партийных комитетов, рядовые коммунисты и комсомольцы в своем абсолютном большинстве вели себя стойко и мужественно, до конца оставаясь преданными своей Родине, идеям социализма. Умелыми организаторами подполья и подлинными героями проявили себя Н.Е.Авхимович, В.А.Бегма, С.С.Бельченко, В.С.Булатов, М.А.Бурмистенко, В.Г.Жаворонков, М.В.Зимянин, П.З.Калинин, Я.Э.Калнберзин, Н.Г.Каротамм, И.А.Козлов, П.Ф.Куманёк, Г.Н.Куприянов, К.Т.Мазуров, А.П.Матвеев, А.Ю.Снечкус, П.М.Машеров, М.И.Никитин, П.К.Пономаренко, Д.М.Попов, Н.Н.Попудренко, П.И.Селезнев, Т.А.Строкач, А.К.Спрогис, Б.Н.Черноусов, А.С.Чуянов, М.Шумаускас, Ф.М.Языкович, С.Я.Яковлев и многие другие партийные работники.

Наиболее организованной формой борьбы в тылу немецко-фашистских захватчиков было партизанское движение – открытая вооруженная борьба. Она направлялась партийным подпольем и осуществлялась в форме вооруженных нападений и боев против отдельных частей и тылов вермахта и его пособников, разрушения коммуникаций, сбора разведывательных данных, диверсионных актов и т.д. Развитие драматических событий на советско-германском фронте довольно скоро выявило и тех, кто занял пассивную, выжидательную позицию или проявил открытую готовность к сотрудничеству с оккупантами, видя в них освободителей от большевизма, «москалей» и «русского владычества». Прежде всего такие настроения проявились среди части населения западных областей Украины, Белоруссии, в Прибалтике и Бессарабии, только недавно вошедших в состав СССР, а также в Крыму и Северном Кавказе.

Пособники врага всех мастей, находившиеся в различных коллаборационистских формированиях, составили за годы войны более 1 млн человек. Многие из этих лиц, ненавидя страну и советскую

власть, выдавали оккупационным военным властям и гестапо коммунистов, комсомольцев, партизан, подпольщиков, оказавшихся в окружении бойцов и командиров Красной Армии, евреев, цыган, добровольно шли на службу врагу, становились полицейскими, принимали активное участие в немецких карательных операциях против патриотов и т.д.

Правда, среди них было немало и тех, кого гитлеровцы насильно включили в разные «освободительные» легионы, батальоны, во власовскую так называемую «Русскую освободительную армию», а также и тех, кто вступил туда с одной затаенной мыслью — получить в руки оружие и при первом удобном случае перейти на сторону Красной Армии. По мере того, как немецко-фашистские захватчики все более откровенно раскрывали истинные цели «нового порядка», ряды сочувствующих врагу заметно поубавились, а многие колебавшиеся вступили на путь борьбы с оккупантами, чтобы отомстить за их злодеяния, понесенные жертвы и разрушения.

Об отношении местного населения к противнику и о том, какой поддержкой пользовались партизаны к концу первого года войны, говорит следующий отрывок из отчета командира 703-го немецкого охранного батальона, действовавшего с мая по июнь 1942 г. в районе восточнее реки Десна: «...Русские к немцам и венграм относятся с неприязнью, по меньшей мере, сдержанно; к партизанам отношение очень дружественное, большая часть их в партизанах; даже женщины и дети со времени боев 1941 г. поддерживают связь с партизанами, постоянно снабжают их продовольствием, как правило добровольно; поставляют им сведения, бегут при приближении немецких и венгерских войск, потом долго скрываются в лесах, постоянно используются в качестве разведчиков...»[1]

В ряды партизан добровольно вступали рабочие, колхозники, служащие, научные и творческие работники, а также многие командиры, политработники и бойцы Красной Армии, попавшие в окружение и не сумевшие пробиться через линию фронта, представители правоохранительных органов и др. Однако в партизанском движении не могло активно участвовать поголовно все население оккупированных районов и даже его большинство. Ведь основную часть оставшегося в тылу врага населения составляли старики, женщины и дети, поскольку миллионы взрослых мужчин были мобилизованы в ряды Красной Армии или эвакуированы вместе с предприятиями на Восток в первые месяцы войны. Кроме того, фашисты замучили, уничтожили на захваченной территории около 11 млн наших соотечественников и угнали на каторгу в Германию около 5 млн граждан СССР, весьма дееспособную часть местных жителей. И все же, несмотря на это, численность партизан и их резервов относительно общего количества населения была довольно высокой.

Наконец, нельзя не учитывать и тот факт, что размах и содержание партизанского движения во многом определялись природными условиями, рельефом и характером местности. Партизанские формирования базировались большей частью в лесистых, болотистых или горных районах. Естественные условия северо-западных районов РСФСР, белорусского Полесья, северо-западной Украины, Закарпатья, а позднее Крыма и предгорья Кавказа обеспечивали интенсивное и непрерывное ведение и развитие мощной партизанской войны, ставшей важным стратегическим фактором. Условия, в которых действовали партизаны за линией фронта, определяли различные формы их организации и разные методы борьбы. У партизан, базировавшихся в лесах, были крупные формирования (отряды, полки, бригады). У партизан в лесостепных районах и в катакомбах были сравнительно небольшие подразделения. Мелкими группами действовали народные мстители в степной местности.

Вместе с партийными и комсомольскими органами в развертывании партизанского движения активное участие принимали командование и политорганы Красной Армии. При политуправлениях фронтов и политотделах армий были созданы специальные отделы и отделения по работе среди партизан и населения временно оккупированных врагом районов.

В первые месяцы Великой Отечественной войны партизанам приходилось вести боевые действия в чрезвычайно трудных условиях. Не хватало опыта партизанской борьбы, оружия, снаряжения, продовольствия. Не была хорошо налажена разведка. Отряды народных мстителей нередко попадали в засады, окружения, подвергались разгрому со стороны карателей, войск СС, но тем не менее их дерзкие налеты уже тогда являлись весьма чувствительными для противника. Всего лишь через несколько дней после нападения на СССР в документах командования вермахта появились сообщения о действиях партизан. В июле 1941 г. с запозданием из-за отсутствия радиосвязи поступали информационные материалы от самих партизан об их первых боевых делах.

Летом 1941 г. в тылу группы армий «Север», рвавшейся к Ленинграду, действовало около 20 тыс. ленинградских и прибалтийских партизан. В приказе от 19 июля командующий 16-й германской армией обращал внимание на деятельность партизан, указав, что с их действиями необходимо считаться.

Летом и осенью 1941 г. в нападениях на тылы группы армий «Центр» участвовало до 900 партизанских отрядов и групп общей численностью более 40 тыс. человек. В середине ноября из-за нехватки паровозов и разрушений партизанами железнодорожных путей группа армий «Центр» вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность в материальных средствах, получала только 23.

На южном участке советско-германского фронта в тылу группы армий «Юг» летом и осенью 1941 г. вели активную вооруженную борьбу 883 партизанских отряда и 1700 небольших групп общей численностью около 35 тыс. человек. Причем, с нашими войсками Юго-Западного и Южного фронтов взаимодействовали 165 отрядов.

Все это дало основание И.В.Сталину еще в конце июля 1941 г. в беседе со специальным помощником президента США Г.Гопкинсом заявить, что за линией фронта Германии созданы многочисленные партизанские отряды. «Они постоянно нападают на немецкие аэродромы и коммуникации. Русские лучше, чем немцы, знакомы с местностью и лучше знают, как пользоваться естественными прикрытиями. Эти "партизанские" войска, – отметил Сталин, – стали серьезной угрозой для немецкого наступления».

Немецко-фашистское командование с тревогой отмечало растущую решимость советских людей разжечь пламя всенародной войны. В секретном приказе от 14 сентября 1941 г. немецкий генерал Роквес констатировал: «...В лице русских партизан мы встретили очень деятельного, ловкого, подвижного и решительного противника, который отлично умеет использовать местность, проводит свои операции преимущественно по ночам и, действуя в своей собственной стране, в большинстве случаев поддерживается населением...» Два дня спустя такая же озабоченность проявилась в приказе, изданном начальником штаба верховного командования вооруженных сил фашистской Германии фельдмаршалом В.Кейтелем, в котором говорилось: «С началом войны против Советской России на оккупированных Германией территориях повсеместно вспыхнуло коммунистическое повстанческое движение. Формы действий варьируются от пропагандистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих вермахта до отдельных восстаний и широкой войны»[2].

Гитлеровцы предпринимали самые разнообразные меры для борьбы с партизанами и подпольщиками. Их карательные отряды устраивали в населенных пунктах частые облавы. Против народных мстителей посылались авиация и танки. Десятки самолетов висели над лесами и горными районами, выслеживая расположение партизан. Применялись все средства устрашения; провокации и подкупы, массовые расстрелы населения и зверские пытки арестованных. Однако повальные злодеяния оккупантов только закаляли волю советского народа к борьбе. К концу 1941 г. в тылу врага боевые действия вели более 2 тыс. партизанских отрядов и групп общей численностью свыше 90 тыс. человек.

Зима 1941/42 г. явилась наиболее тяжелым временем для партизан. Жестокие морозы, острая нехватка оружия, боеприпасов и продовольствия, насыщенность многих населенных пунктов гарнизонами противника – все это до крайности обострило и без того огромные

трудности борьбы. Но основная масса партизанских формирований тем не менее сумела приспособиться к зимним условиям и не снизила активность своей боевой деятельности.

Обеспокоенное разраставшимся партизанским движением гитлеровское командование было вынуждено для борьбы с ним не только непрерывно усиливать специальные охранные соединения, но и привлекать полевые войска. По данным германского генерального штаба, на 30 ноября 1941 г., против советских партизан действовало: 21 охранная, пехотная, моторизованная и кавалерийская дивизии, 16 пехотных, моторизованных и кавалерийских бригад, один отдельный полк, всего около 30 расчетных дивизий. Необходимо отметить, что в ходе начавшегося 5–6 декабря 1941 г. контрнаступления Красной Армии под Москвой заметно усилилось взаимодействие партизан с советскими войсками. В январе 1942 г. партизаны Смоленской области освободили более 40 сел и деревень в Знаменском районе, куда вскоре высадились наши воздушно-десантные части. В феврале смоленские партизаны выбили противника из г. Дорогобужа. В этом районе с ними соединились действовавшие во вражеском тылу части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Совместно с кавалеристами и десантниками партизаны освободили территорию площадью около 10 тыс. кв. км.

«Первая битва, которую проиграл вермахт во Второй мировой войне, — писал позднее бывший гитлеровский полковник Г.Тёске, — была битва против советских партизан зимой 1941/42 г. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе... В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны».

Весной 1942 г. под влиянием выдающейся победы, одержанной в битве под Москвой, происходит усиление партизанского движения, принимавшего все более массовый характер. Обстановка все настойчивее диктовала необходимость централизации руководства народной борьбой за линией фронта. Но решение этого вопроса в силу ряда причин затянулось. И только 30 мая 1942 г. постановлением Государственного Комитета Обороны за №1837сс при Ставке Верховного Главнокомандования был, наконец, создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД) во главе с руководителем коммунистов Белоруссии П.К.Пономаренко.

Вот что рассказывал об этом автору книги сам Пономаренко со слов А.И.Микояна: «Докладчиком по данному вопросу был Лаврентий Берия. Вместе с Никитой Хрущевым он подготовил предложения по основным задачам и направлениям деятельности Центрального штаба партизанского движения, который должен функционировать при Ставке Верховного Главнокомандования, но под руководством НКВД СССР. Доложил и о персональном составе нового органа во главе с

В.Т.Сергиенко, который, по словам Берии, "очень хорошо проявил себя в должности наркома внутренних дел Украины".

– А вам не жаль отдавать в Центр такие хорошие украинские кадры? – спросил не без иронии Сталин, обращаясь к Хрущеву и Берии. Вслед за этим, уже более резким тоном он сказал, смотря только на Берия: – У вас – узко ведомственный подход к этой чрезвычайно важной проблеме. Партизанское движение, партизанская борьба – это народное движение, народная борьба. И руководить этим движением, этой борьбой должна и будет партия. Сейчас то, что требуется, мы и исправим. И начальником Центрального штаба партизанского движения будет член ЦК ВКП(б).

С этими словами Сталин взял синий карандаш, обвел стоявшую последней в представленном списке мою фамилию и стрелочкой поставил ее на первое место. Так состоялось мое утверждение начальником Центрального штаба партизанского движения...»

Как показали последующие события, такое решение оказалось весьма правильным. По мнению Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, П.К.Пономаренко «оправдал доверие партии и стал подлинным организатором деятельности народных мстителей».

Согласно постановлению ГКО Центральный штаб партизанского движения решал следующие основные задачи: установление постоянной и тесной связи с партизанскими формированиями, координация их боевой деятельности, организация взаимодействия партизанских сил с Красной Армией, обобщение и распространение опыта партизанской борьбы, снабжение партизанских формирований и подполья вооружением, боеприпасами, медикаментами и другими материально-техническими средствами, усиление массово-политической работы, подготовка партизанских кадров.

Этим последующими решениями учреждались также 13 республиканских, краевых и областных штабов партизанского движения и соответствующие штабы при военных советах фронтов.

Принятые меры позволили обеспечить стройную систему руководства всеми сторонами боевой и политической деятельности партизан. Они дали возможность значительно улучшить снабжение партизанских формирований необходимыми средствами борьбы и в конечном счете – усилить их удары по врагу.

К весне 1942 г. гитлеровское военное командование было вынуждено для подавления партизанского движения в захваченных советских районах использовать уже до 22 охранных и полевых дивизий. Один из фашистских главарей – министр пропаганды Геббельс записал в это время в своем дневнике: «Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России... Этой зимой они поставили нас перед большими трудностями, которые отнюдь не уменьшились с началом весны».

В обстановке развернувшегося в мае–июне 1942 г. наступления немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта ЦШПД и местные штабы партизанского движения приняли меры для активизации действий партизан, в особенности на коммуникациях противника. Только в июле, по данным днепропетровской, киевской, минской и рижской немецких железнодорожных дирекций, партизаны совершили на железных дорогах 460 налетов и диверсий, произвели 222 крушения поездов, уничтожили около 700 вагонов, платформ и цистерн.

Германское командование проявляло растущее беспокойство в связи с новыми выступлениями народных мстителей. «Приказ Сталина "создать в тылу немецкой армии невыносимые условия для врага" недалек от выполнения», – отмечал командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Г.Клюге.

К осени 1942 г. партизанское движение охватило почти все оккупированные противником районы в результате нового вражеского наступления. Успешные операции в тылу захватчиков проводили рейдирующие партизанские соединения С.А.Ковпака, А.Н.Сабурова, М.И.Наумова, А.Ф.Федорова, В.В.Казубского, С.В.Гришина и др. В самые напряженные дни Сталинградской битвы удары партизан по различным объектам противника, особенно по железным дорогам, заметно возросли. Украинские, белорусские, воронежские, курские, сталинградские, калмыцкие партизаны развернули боевые действия на коммуникациях, использовавшихся гитлеровцами для подвоза из тыловых районов рейха в район Сталинграда военно-оперативных и снабженческих грузов, и сумели добиться резкого сокращения этих перевозок. Ю.Липперт, один из руководителей немецкого «Транспортного управления вооруженных сил на Украине», сообщал, что для снабжения войск, осаждавших Сталинград, ежесуточно требовалось 60 эшелонов, однако «в лучшие дни приходило самое большее 30 поездов».

К середине ноября 1942 г. в захваченных вражескими войсками районах СССР действовало около 1770 партизанских отрядов и соединений, насчитывавших более 125 тыс. человек. Командование вермахта направило против партизан ряд новых крупных карательных экспедиций. Но вооруженная борьба патриотов с оккупантами продолжала нарастать. Контрнаступление Красной Армии под Сталинградом и последующие наступательные операции советских войск сопровождались новым подъемом партизанского движения. Партизанские отряды выросли в бригады, многие бригады развернулись в крупные соединения.

В связи с начавшимся массовым изгнанием врага с советской земли от партизан требовалось всемерно усилить помощь наступающим войскам Красной Армии, постоянно срывать перегруппировки вражеских

сил и планы противника по разрушению и уничтожению оставляемых городов, сел и других населенных пунктов. Их удары по важнейшим коммуникациям гитлеровцев стали заранее планироваться при проведении фронтовых и армейских операций советских войск. Только с ноября 1942 по март 1943 г. партизаны совершили свыше 2,5 тыс. железнодорожных диверсий, выведя из строя более 100 км линий.

В тылу немецко-фашистских захватчиков в результате боевых действий партизан образовывались новые края и зоны, очищенные от врага. Например, в Белоруссии с осени 1941 г. и до полного изгнания с ее территории оккупантов существовал обширный партизанский край в треугольнике Могилев — Орша — Минск. Как отмечал гитлеровский генерал К.Типпельскирх, 4-я немецкая армия при отступлении «очутилась в огромном, простиравшемся до Минска, лесисто-болотистом районе. Он контролировался крупными партизанскими отрядами и ни разу за все три года не очищался от них, а тем более не оккупировался немецкими войсками. Все переправы и дороги в этом труднодоступном районе, покрытом почти первобытными лесами, были разрушены...» Кроме указанной территории появились целые партизанские края: Бегомльский, Лепельско-Чашникский, Освейский, Ивеняцкий и другие. По этому поводу английский историк Г.Рейтлинджер в своей книге, посвященной конфликтам германской политики в России в период войны, писал: «Начиная с зимы 1941 г. до возвращения Красной Армии большая часть Белорусской Советской Республики оставалась в руках партизан. Действительные размеры территории, которую немцы контролировали, были столь малы, а объем деятельности гражданских оккупационных властей был столь незначителен, что настоящую историю страны в период германской оккупации надо искать в анналах партизанской войны, главным театром которой Белоруссия оставалась в течение всего периода германской оккупации».

Летом 1943 г. под постоянным контролем народных мстителей находились и многие районы Украины. По донесению генерального комиссара Житомирского округа, из 18 подчиненных ему районов округа только в пяти органы немецкой администрации могли осуществлять свою деятельность.

В августе 1943 г., еще в ходе Курской битвы, партизаны развернули операцию «Рельсовая война», план которой был разработан Центральным штабом и одобрен Ставкой ВГК. На первом этапе этой операции участвовало 170 отрядов и бригад украинских, белорусских, орловских, смоленских и ленинградских партизан общей численностью около 100 тыс. человек. В ночь на 3 августа, получив по рации приказ из Москвы, партизанские отряды и соединения устремились к железнодорожным линиям и нанесли по ним мощный массированный удар. «Весь день 3 августа, — вспоминал П.К.Пономаренко, — в

Центральном штабе царила атмосфера напряженного ожидания сообщений из тыла врага... В тылу врага огромная армия партизан впервые не только за весь период войны, но и вообще в истории войн по единому плану пошла в атаку, чтобы парализовать жизненные нервы врага — железнодорожные коммуникации... С ночи 4 августа узел связи Центрального штаба партизанского движения работал с огромным напряжением, принимая поток радиограмм от партизанских отрядов, подпольных партийных центров о результатах первого удара». А они были впечатляющими: за одну ночь удалось подорвать более 42 тыс. рельсов, 6 тыс. вражеских эшелонов были уничтожены или застыли на искореженных путях. В дневнике боевых действий верховного командования вермахта 5 августа появилась запись: «За последние ночи существенно изменилось положение на железных дорогах из-за молниеносно проведенной серии взрывов, которые парализовали все движение в тылу армий "Центр". К середине сентября число поврежденных рельсов составляло уже около 215 тысяч.

Создав таким образом для вражеских войск серьезные затруднения в перегруппировке сил и в подвозе резервов, партизанская акция в немалой степени способствовала успешному наступлению Красной Армии на Левобережной Украине.

С 19 сентября началась вторая операция, получившая кодовое наименование «Концерт». К участникам операции подключились 193 отряда партизан Прибалтики, Карелии и Крыма, имевшие в своих рядах свыше 120 тыс. бойцов. За время операции «Концерт», продолжавшейся до конца года, народные мстители разрушили 148557 рельсов. В результате этих действий пропускная способность вражеских железнодорожных коммуникаций снижалась на 35–40%.

Всего в течение 1943 г. партизаны подорвали около 11 тыс. эшелонов противника, вывели из строя 6 тыс. паровозов, около 40 тыс. вагонов и платформ, уничтожили до 6,5 тыс. мостов. К концу года в тылу врага вели вооруженную борьбу свыше 1 млн партизан и подпольщиков. Германское командование было вынуждено использовать против них десятки дивизий. Народная борьба в тылу врага достигла своего наивысшего подъема.

В 1944 г. боевые действия партизан против немецко-фашистских захватчиков были не менее успешными и характеризовались большим разнообразием. Серьезных масштабов достигли взрывы мостов, железнодорожного полотна, крушение и уничтожение эшелонов, диверсии в депо и на станциях, нападения на вражеские колонны, штабы, склады, аэродромы, казармы, комендатуры и т. д.

В начале года произошло изменение в системе управления партизанским движением. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 13 января 1944 г. ЦШПД был упразднен, и руководство народной борьбой за линией фронта целиком возлагалось на ЦК

компартий Украины, Белоруссии, республик Прибалтики, Карело-Финской ССР, на Ленинградский, Калининский и Крымский обкомы ВКП(б), а также местные штабы партизанского движения. Хотя ликвидация ЦШПД повысила ответственность указанных органов за руководство народным сопротивлением в тылу врага, последующие события показали, что проведенная реорганизация была не совсем оправданной, ибо обстановка требовала обеспечивать согласованные действия партизанских сил и войск фронтов в масштабе всей освобождаемой от захватчиков территории, а не только отдельных административных районов.

Основной целью народных мстителей оставались вражеские коммуникации. В связи с изменившимися условиями рельсовые удары стали осуществляться на направлениях и во время, согласованное с командованием фронтов.

Так, план новых диверсионных акций ленинградских партизан, разработанный Ленинградским штабом партизанского движения, был тесно скоординирован с командованием Ленинградского и Волховского фронтов.

За период зимнего наступления этих фронтов (14 января — 1 марта 1944 г.) ленинградские партизаны взорвали свыше 58,5 тыс. рельсов, более 300 мостов, спустили под откос 136 вражеских поездов, освободили 13 железнодорожных станций, уничтожив более 28 тыс. гитлеровцев — столько же, сколько за весь 1942 г.

При подготовке Белорусской наступательной операции было решено нанести одновременный массовый удар партизан по магистралям и линиям связи противника непосредственно перед наступлением.

В ночь на 20 июня 1944 г. партизаны в установленное время атаковали железные дороги группы армий «Центр» на всем протяжении от линии фронта до государственной границы, взорвали 40 775 рельсов.

В полосах наступления 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов только в течение трех суток (с 26 по 28 июня) они пустили под откос 147 эшелонов с живой силой и техникой врага.

«Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском», — отмечал гитлеровский генерал Л.Рендулич. К началу июля 1944 г., в разгар Белорусской наступательной операции, было взорвано уже более 60 тыс. рельсов. По оценке генерала вермахта Г.Гудериана, эта партизанская операция оказала «решающее влияние на исход сражения».

В течение года действенная помощь народных мстителей Вооруженным Силам СССР проявилась при проведении всех последующих наступательных сражений. В ходе освобождения советской земли значительная часть активных борцов сопротивления влилась в регулярную армию.

На польской земле действовало 12 тыс. советских партизан. В Чехии и Моравии к концу января 1945 г. сражались 14 соединений и 12 советско-чехословацких отрядов. В одном только Словацком национальном восстании приняли участие свыше 17 тыс. советских партизан под командованием А.С.Егорова, М.И.Шукаева, П.А.Величко, В.А.Квитинского и других командиров. Во Франции, Италии, Бельгии, Югославии, Голландии, Дании, Греции в рядах движения Сопротивления сражались до 50 тыс. советских граждан, совершивших побеги из лагерей военнопленных и гитлеровских рабочих лагерей. Все они внесли достойный вклад в достижение окончательного разгрома фашистской Германии и ее союзников.

Отмечая значение борьбы советских партизан за линией фронта, Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал: «Успешный ход наших наступательных операций поддерживался героическими действиями партизанских сил Советского Союза, которые более трех лет не давали врагу передышки, разрушали вражеские коммуникации и терроризируя его тыл...

Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, на что отвлекались крупные силы войск. Это серьезно отразилось на общем состоянии германского фронта и в конечном счете на исходе войны».

Как уже отмечалось, огромное значение в борьбе с врагом имела и деятельность подполья — боевых групп, различных антифашистских, молодежных, патриотических организаций. В отличие от партизан подпольщики действовали, как правило, в городах и других населенных пунктах небольшими группами или в одиночку. Член каждой подпольной группы не знал состава, задач, явок и паролей других групп и получал задания через руководителя, связанного с уполномоченным центра. Подобное построение подполья, основанное на революционном опыте прошлого, уменьшало возможности провала, проникновения провокаторов.

Подпольщики применяли весьма специфические средства борьбы: внедрялись в административный и хозяйственный аппарат противника, вели работу по разложению так называемых «добровольческих» формирований, создававшихся гитлеровцами, собирали разведывательные сведения, выводили из строя предприятия путем взрывов и диверсий и т.д. Они активно участвовали и в боевых действиях, нередко увязывая свои удары с выступлениями партизан. С приближением советских войск подпольщики в ряде случаев поднимали население городов и других объектов на вооруженные восстания против оккупантов и сами переходили к открытым боевым действиям. Подпольные ячейки создавались также в фашистских «лагерях смерти», где содержались военнопленные, в различных концентрационных лагерях. Их участники вели агитационно-разъяснительную работу, организовывали побеги,

готовили и возглавляли восстания заключенных. Широкая сеть подпольных организаций начала действовать на всей оккупированной гитлеровцами территории СССР уже в первые месяцы войны. В Белоруссии, например, летом 1941 г. активную работу развернули подпольщики Гомеля, Борисова, Могилева, Витебска, Мозыря, Полоцка и других городов. К концу года только в Орше имелось более 20 подпольных групп. На местном железнодорожном узле стали действовать подпольщики, возглавляемые К.С.Заслоновым, группы Е.В.Гречихи, Е.Н.Шамшуровой, Н.П.Кузьмина, Г.И.Щербо, Л.И.Муромцевой, Е.А.Наталевича, в немецкой типографии – группа А.П.Николаева, на льнокомбинате – И.К.Петроченко, в госпитале военнопленных – В.А.Марчака и др.

В оккупированных районах Украины в первые месяцы войны, несмотря на чрезвычайно трудные условия, удалось сформировать весьма разветвленную городскую и сельскую сеть боевого подполья, которое стало наносить ощутимые удары по немецко-фашистским оккупантам. Одним из крупнейших очагов сопротивления врагу стала, например, Житомирщина. Первый секретарь подпольного обкома партии Г.И.Шелушков в июле 1941 г. прибыл в оккупированный гитлеровцами Житомир и устроился дворником на хлебозаводе. Направленные им в районы уполномоченные обкома П.В.Толкач, М.В.Шклярус, П.И.Кондратюк, П.П.Выховец и др. за короткий срок создали несколько подпольных групп и организаций, которые сразу же включились в активную борьбу против врага. К началу 1942 г. в Житомире успешно действовало до 20 подпольных групп.

На захваченной противником территории РСФСР подпольная борьба наиболее успешно развернулась в городах и населенных пунктах Ленинградской, Смоленской, Калининской, Орловской, Курской, Московской областей и Крыма. Так, уже летом 1941 г. в Пскове и Псковском районе в результате напряженной работы подпольного райкома и горкома партии было создано около 30 подпольных групп, в которых состояло более 100 человек.

Организаторами боевого подполья выступали не только партийные комитеты. Многие подпольные организации создавались и по инициативе беспартийных граждан. Это имело место, например, в ряде городов Смоленской области, где на начальном этапе борьбы не было партийных комитетов.

Конкретные и эффективные меры по развертыванию массового сопротивления в тылу захватчиков принимали подпольные партийные органы Прибалтийских республик. Так, летом 1941 г. после оккупации Литовской ССР наряду с партизанскими отрядами были созданы подпольные организации в Каунасе, Шауляе, Мариямполе, Паневежисе, Укмерге, Рокишкисе и Алитусе. В Эстонии подпольная борьба наиболее активно велась в Вируском, Харьюском, Ярваском, Ляянеском уездах и на острове Сааремаа.

На территории захваченной врагом Молдавии летом и осенью 1941 г. 14 подпольных организаций и групп объединяли около 200 патриотов.

Тяжелая обстановка на фронте, недостаточность опыта борьбы и конспирации в первый период войны нередко приводили к разгрому подпольных организаций, гибели их членов. Но несмотря на все трудности нелегальной работы и большие потери, сила подполья росла и крепла. Вместо одной разгромленной организации или группы возникали новые, а на смену павшим героям-подпольщикам приходили сотни патриотов. Секретарь Духовщинского РК ВКП(б) Смоленской области П.Ф.Цуранов вспоминал: «Первые недели и месяцы подпольной работы были очень тяжелы... Ночевать приходилось в поле, в лесу... Как я ни скрывался... фашистские холуи ... проведали о моем пребывании в районе. За мной охотились, как за медведем, но тщетно... Оставшись в районе, я исходил ... его вдоль и поперек. Пообходил почти всех коммунистов. Организовал их в подпольные партийно-партизанские группы. Теперь они выросли в партизанские отряды». К началу 1942 г. на оккупированной, например, Орловщине действовало 46 подпольных организаций, а к лету 1942 г. их количество удвоилось, составив 96. Во второй половине 1942 – начале 1943 г. на оккупированной гитлеровцами советской земле подпольные организации и группы имелись почти во всех городах и во многих населенны пунктах, нанося врагу серьезный ущерб.

Особый размах и эффективность борьба подпольщиков приобрела в 1943–1944 гг. Партийные комитеты обеспечили высокую степень ее организованности. На Украине по мере приближения линии фронта к оккупированным гитлеровцами районам деятельность боевого подполья резко активизировалась. Как свидетельствуют многочисленные документы, фактически не было ни одного крупного населенного пункта, жители которого вместе с подпольщиками не приняли бы участие в помощи советским войскам, освобождавшим родную землю. Когда, например, наступавшие части Красной Армии подошли к Днепродзержинску Днепропетровской области боевые группы подпольной организации, которой руководил П.Л.Педиско, ударили по вражеским войскам с тыла. В развернувшихся тяжелых боях местные подпольщики и советские воины шаг за шагом очищали от оккупантов улицы и кварталы города. На помощь им подошли боевые группы Криничанского района под командованием секретаря подпольного райкома партии В.С.Терещенко. В результате согласованных действий 25 октября 1943 г. город Днепродзержинск был освобожден.

Под воздействием победоносного наступления Красной Армии массовый переход к открытым вооруженным выступлениям осуществили подпольные организации Николаевской, Одесской, Винницкой, Волынской, Житомирской, Станиславской и Львовской областей Украины.

Еще один характерный пример боевой деятельности подпольщиков. В Минске, несмотря на гибель двух составов Минского горкома партии, новому подпольному городскому комитету удалось создать около 80 боевых групп, куда вошло свыше 300 подпольщиков. Вскоре число боевых групп достигло 120. Вот как описывал обстановку в Минске чиновник немецкого торгового общества «Восток» Э.Вестфаль в письме от 5 августа 1943 г.: «В последние месяцы много немцев застрелено прямо на улицах. Шоссе на Вильно из Минска непроезжее. На Барановичи проезжее только при условии прикрытия танков и сильном эскорте... 22 июня в городском театре была заложена мина и к заключению праздника освобождения мина взорвалась. В результате — свыше 30 убитых и 100 раненых. Затем они взорвали электростанцию и паровой котел молокозавода... В воскресенье вечером у офицерского общежития на воздух взлетела легковая автомашина и у водокачки — паровоз. Здесь бухает ежедневно, иногда даже, тяжелое орудие».

В оккупированных немецко-фашистскими захватчиками районах Украины под руководством партийных комитетов в годы Великой Отечественной войны мужественно сражались с врагом более 100 тыс. подпольщиков, в Белоруссии — более 70 тыс., в краях и областях Российской Федерации — более 35 тыс.

Вместе с партизанами и подпольщиками против оккупантов по мере своих сил и возможностей выступали широкие народные массы. Командование партизанских отрядов и руководители подполья постоянно опирались на поддержку населения оккупированных врагом районов, направляя глухое и скрытое недовольство местных жителей в русло организованного отпора фашистским поработителям.

Подавляющее большинство советских граждан, находившихся на территории, захваченной гитлеровцами, не только постоянно помогали партизанам и подпольщикам, но и сами систематически срывали далеко идущие планы врага. По этому поводу Т.Оберлендер — начальник диверсионной службы вермахта на южном участке советско-германского фронта — в донесении от 28 октября 1941 г. сообщал: «Наряду с охраной путей подвоза существует неотложная необходимость выжать из страны все возможное для обеспечения снабжения Германии. Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, здесь является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех»[3].

На предприятиях, которые не удалось перебазировать в тыловые районы СССР, рабочие прятали или приводили в негодность готовую продукцию, станки, инструменты, оборудование. Жители деревни боролись за сохранение колхозной собственности, утоняли в леса скот, передавали его партизанам, прятали сельскохозяйственный инвентарь, хлеб. Одновременно развернулся массовый саботаж на производстве. Несмотря на крайне жестокие меры оккупантов, рабочие,

крестьяне и служащие уклонялись от выхода на работу, скрывали свои профессии и специальности, игнорировали распоряжения оккупационной администрации, не платили налогов, боролись против угона советских граждан на фашистскую каторгу, уклонялись от мобилизации в различного рода трудовые формирования и т.д.

В результате всех этих методов невооруженного сопротивления захватчикам только на территории Украины, где до войны в строю действующих находились сотни и тысячи фабрик, заводов, шахт и рудников, гитлеровцам удалось частично наладить работу лишь 0,02% довоенного количества предприятий. Практически бездействовали все крупнейшие металлургические объекты республики. По свидетельству одного из партийных руководителей Днепропетровской области, «на протяжении 24 месяцев немцы пытались использовать наши заводы для нужд своей армии, однако эти попытки ни к чему не привели... Кое-как за год и девять месяцев немцам удалось пустить две мартеновские печи в июне 1943 года, но и здесь сталевары... не дали немцам ни одного грамма качественной стали. Рабочий коллектив листопрокатного цеха два раза выводил из строя моторы. На цементном заводе не дал немцам доброкачественного цемента, почти весь выработанный цемент был брак». Благодаря сопротивлению шахтеров оккупанты лишь в самой незначительной мере воспользовались топливом Донецкого бассейна. Согласно сообщению германского хозяйственного штаба «Восток» от 30 сентября 1944 г., в Донецкой области за все время оккупации было добыто 4,1 млн т угля, или всего лишь 1,5% его довоенной добычи, составившей в 1940 г. 94 млн 319 тыс. т[4].

Весьма чувствительными для захватчиков были саботаж и диверсии на транспорте. В Минском депо с 9 июля по 16 августа 1943 г. было выведено из строя и недодано по графику 155 паровозов и уничтожено взрывом два паровоза.

Гитлеровцы были вынуждены констатировать: «Ни одно предприятие не получает ни чугуна, ни стали», «Крупнейшие металлургические заводы Донбасса бездействуют».

По признанию министра военной экономики Германии А.Шпеера, «не удалось извлечь экономической пользы из Донбасса, так как разрушения были серьезны, а восстановление шло необычайно трудно».

Такое же положение сложилось для противника и в области сельскохозяйственного производства, где урожай на захваченной им территории не превышал 25% довоенного, а значительная часть его оставалась к тому же неубранной и невывезенной с полей. Уже к середине 1942 г. надежды врага получить отсюда нескончаемый поток продовольствия стали исчезать. В марте 1942 г. немецкая газета «Дойче Украине цайтунг» писала: «Украинские колхозники без энтузиазма относятся к снабжению германской армии. Они не желают производить больше, чем необходимо для поддержания их собственной жизни».

Саботаж и диверсии были эффективным оружием и для крестьян. Обратимся снова к признаниям врага. По официальным данным немецких оккупационных властей, в Литве в 1941–1942 гг. только 15% крестьянских дворов выполнили поставки по молоку. 18 декабря 1942 г. на совещании у рейхсминистра Розенберга представитель командования группы армий «Север» докладывал: «В Эстонии, к сожалению, настроение населения значительно ухудшилось... сегодня можно говорить о пассивном сопротивлении эстонских крестьян. На 27000 эстонских хозяйств наложены штрафы за невыполнение поставок... Дело дошло до того, что сегодня не найдется ни одного человека для отправки на работы в Германию». На одном из заседаний румынского правительства губернатор Бессарабии констатировал: «У крестьян Бессарабии можно получить продукцию только силой». При допросе зондерфюрера Битнера, взятого в плен советскими войсками и представшего перед военным трибуналом в освобожденном Минске, ему был задан вопрос: «Кто давал вам сведения о том, что в отдельных селениях граждане не выполняли поставки?» Подсудимый ответил: «Такие сведения не были нужны, так как 100 процентов населения не сдавало поставок».

Все это отнюдь не означает, что гитлеровцам ничего не удалось получить с захваченной советской земли. Напротив, общие размеры их массовых грабежей, в том числе продовольствия, промышленного оборудования, произведений искусства, были значительными, однако далеко не в том объеме, на который рассчитывал враг.

Из захваченных районов гитлеровцы намеревались также направить на каторжные работы в Германию 15 млн человек, но сумели, применяя самые жесточайшие, репрессивные меры и встречая постоянное сопротивление советских людей, осуществить свой план только на одну треть (хотя, разумеется, сама по себе цифра — 4978 тыс. наших граждан, угнанных в фашистскую неволю, — представляется весьма значительной). Не удалось захватчикам благодаря противодействию советских людей отправить также в Германию по меньшей мере 120 млн т награбленного имущества.

Всенародная борьба, развернувшаяся за линией фронта, сыграла огромную роль в разгроме врага и ее трудно переоценить.

Значение мощного народного сопротивления состоит в том, что был нанесен большой урон живой силе и технике противника, существенно ослаблена гитлеровская военная машина. За годы войны, согласно данным начальника Центрального штаба партизанского движения военных лет П.К.Пономаренко, советские партизаны и подпольщики уничтожили, ранили и пленили свыше 1,6 млн солдат и офицеров вермахта, военно-строительных организаций ТОДТ, немецких чиновников оккупационной администрации, военных железнодорожников и колонистов. Ими же в боях и в результате диверсий были

убиты 67 генералов немецко-фашистской армии, войск СС и крупных политических деятелей третьего рейха. Они произвели 20 тыс. крушений вражеских поездов, подорвали около 120 бронепоездов, вывели из строя до 17 тыс. паровозов и почти 171 тыс. вагонов, взорвали и сожгли около 12 тыс. железнодорожных и шоссейных мостов, разгромили более 250 железнодорожных узлов и станций, подорвали и захватили более 65 тыс. грузовых и легковых автомашин и т.д.

Советские патриоты, сражавшиеся в тылу врага, оказывали неоценимую помощь войскам Красной Армии. Это выражалось прежде всего в разведывательной деятельности партизан и подпольщиков. Планируя ту или иную операцию, командование Вооруженных Сил СССР через штабы партизанского движения давало конкретные задания партизанским формированиям и подполью по выявлению численности сил противника, разведыванию его оборонительных сооружений, расположения складов, аэродромов и др. Нередко советское военное командование привлекало партизан к обороне отдельных участков фронта: партизаны активно взаимодействовали с регулярными частями в период наступательных боев и т.д.

Народная борьба, развернувшаяся за линией фронта, требовала от противника больших сил для охраны коммуникаций и тыловых объектов, для борьбы против народных мстителей. По данным иностранных источников, осенью 1942 г. для охраны железных дорог и борьбы против советских партизан было выделено 15 полевых и 10 охранных дивизий, а также ряд других подразделений. Уже к октябрю 1943 г. их количество увеличилось до 50 дивизий.

Морально-политическое значение борьбы советских людей в тылу захватчиков заключалось в том, что немецкие солдаты и офицеры, видя размах партизанской и подпольной борьбы, зная настроение и отношение к ним абсолютного большинства населения, все более убеждались в бесперспективности войны, неизбежности поражения фашистского блока.

Ратные подвиги партизан, подпольщиков и других активных борцов сопротивления, совершенные в годы Великой Отечественной войны, получили высокую оценку. Медалью «Партизану Отечественной войны» были награждены свыше 127 тыс. человек, а другими орденами и медалями СССР — около 200 тыс. 249 наиболее отличившихся участников борьбы в тылу врага удостоились звания Героя Советского Союза, в том числе 178 коммунистов и 47 комсомольцев. С.А.Ковпаку и А.Ф.Федорову медаль «Золотая Звезда» была вручена дважды. Среди награжденных медалью «Золотая Звезда» были прославленные партизаны и подпольщики Т.П.Бумажков, А.Н.Сабуров, К.С.Заслонов, П.М.Машеров, С.В.Руднев, С.А.Гришин, С.В.Гришин, М.С.Прудников, И.Судмалис, В.И.Козлов, В.И.Клоков, М.А.Гурьянов, Н.Н.Попудренко, А.С.Шумавцев, В.А.Карасев, Н.В.Троян, Р.Н.Мачульский, И.В.Сергиен-

ко, С.А.Ваупшасов, К.П.Орловский, Н.Г.Васильев, М.И.Наумов, Д.Бакрадзе, В.П.Самсон, З.А.Космодемьянская, А.П.Чекалин, М.Мельникайте, В.З.Хоружая, Д.Н.Медведев, В.З.Корж, члены штаба подпольной организации «Молодая гвардия» и многие другие.

Борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков на оккупированной ими территории СССР не имела себе равных в истории освободительного движения. Она явилась еще одним славным подвигом советского народа, одним из важнейших факторов его исторической победы над ударными силами мировой реакции и фашизма в Великой Отечественной войне.

[1] Война Германии против Советского Союза, 1941–1945: Документальная экспозиция. Берлин, 1991. С. 150.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 395.

[3] Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944 гг.). М., 1968. С. 303.

[4] *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944). М., 1974. С. 193; Промышленность СССР: Статистический сборник. М., 1957. С. 142–143.

НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ИЗГНАНИЯ ОККУПАНТОВ С ТЕРРИТОРИИ РОССИИ И ИХ ПОЛНОГО РАЗГРОМА (1944–1945 гг.)

Успехи боевых действий российских партизан и подпольщиков

Выдающиеся победы Красной Армии в битвах под Сталинградом, Курском, на Днепре и в других крупных сражениях 1943 г. способствовали дальнейшей активизации партизанского движения в районах, продолжавших оставаться под фашистским игом. Соответственно росла и численность партизан и подпольщиков. Если в январе 1943 г. в партизанских отрядах, имевших связь с ЦШПД, насчитывалось свыше 120 тыс. человек, то к началу 1944 г. этот показатель возрос до 250 тыс. На 7 января 1944 г. ЦШПД поддерживал связь с 1131 партизанским отрядом. В это число не входят партизанские отряды и подпольные группы, которые после освобождения соответствующих территорий были расформированы или вошли в состав частей и соединений Красной Армии.

К концу 1943 г. под гитлеровской оккупацией все еще находились Ленинградская область (включая территорию образованных 5 июля и 23 августа 1944 г. Новгородской и Псковской областей), небольшие районы Калининской, Мурманской областей и Крымская АССР.

В 1944 г. партизаны и подпольщики России вступили с определенным опытом диверсионной, разведывательной и политической работы. Их борьба характеризовалась целеустремленным взаимодействием между собой и с регулярными частями Красной Армии. При этом на оккупированной территории вокруг партизанских отрядов и соединений росли и укреплялись многочисленные резервные формирования и группы самообороны.

Существенно улучшилось материальное снабжение партизан и подпольщиков. Если в феврале 1943 г. партизаны одного из регионов, к примеру, получили 3 т боевых грузов, то через год около 90 т. Особенно улучшилось снабжение партизан автоматическим оружием и минно-подрывной техникой, что положительно сказалось на усилении боевых возможностей народных мстителей.

Решением ГКО 13 января 1944 г. ЦШПД был расформирован, руководство партизанским движением в захваченных противником

районах страны отныне полностью возлагалось на республиканские и областные ШПД и партийные органы, через которые военные советы фронтов оказывали партизанам помощь в обеспечении кадрами, боеприпасами, оружием и взрывчаткой. Данное решение ГКО длительное время не подвергалось какому-либо сомнению. Однако с современных позиций вполне очевидно, что упразднение единого центра координации действий всех партизанских формирований в условиях, когда значительная часть территории государства все еще была оккупирована противником, явилось шагом преждевременным. Возможные негативные последствия данного волюнтаристского решения были во многом нивелированы благодаря тому, что к этому времени в управлении партизанским движением уже были наработаны четкие схемы взаимодействия и подготовлены соответствующие кадры.

Одним из основных направлений боевой деятельности партизан в начале 1944 года стало взаимодействие с Красной Армией в окончательном прорыве блокады Ленинграда. Еще в начале декабря 1943 г. Ленинградский ШПД разработал детальный план боевых действий на зимне-весенний период 1943–1944 г., который был конкретизирован при согласовании с Военным Советом Ленинградского фронта 28 декабря 1943 г. и 12 января 1944 г.

К этому времени на ленинградской земле в тылу противника находилось 13 партизанских бригад численностью в 35 тыс. человек[1]. Выполнение поставленных задач партизанские бригады должны были начать 15 января – на следующий день после перехода в наступление воинов Ленинградского и Волховского фронтов. Но уже 14 января одновременно с начавшимся наступлением Красной Армии партизаны 11-й Волховской бригады (командир Н.А.Бредников, комиссар Ф.И.Сазанов) совершили успешный налет на важный пункт обороны противника – станцию Мшинская Варшавской железной дороги. Партизаны разгромили казарму, взорвали водонапорную башню, склады, разрушили железнодорожный узел, 13 км железнодорожного полотна, порвали 1,5 км телефонной связи, уничтожили во время налета до 130 гитлеровских солдат и офицеров[2]. Полки и отряды 11-й бригады одновременно наносили сильные удары на железнодорожных линиях Сиверская–Дуга, Выдрица–Батецкая, Новолисино–Новгород.

Образцово была проведена и операция по разгрому немецкого гарнизона на станции и в поселке Оредеж. Под покровом темноты партизаны 11-й бригады вплотную подошли к Оредежу и по сигналу бросились в атаку. Завязался ожесточенный ночной бой, продолжавшийся до рассвета. Партизаны подожгли казармы, разрушили все путевое хозяйство, взорвали два склада с продовольствием, уничтожили 122 автомашины с боеприпасами. Немецко-фашистские захватчики потеряли в этой схватке только убитыми около 600 солдат и офицеров. Понесла потери и партизанская бригада: 38 человек были убиты

и 51 ранен. Смертью храбрых пали командиры отрядов А.Ф.Степанов, В.И.Осипов, А.И.Зверев.

Бывший генерал вермахта Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны» так оценил значение успеха ленинградских партизан: «Под сильным натиском противника в направлении на Любань немецкие части попали в исключительно критическое положение и лишь ценой тяжелых потерь вновь соединились с остальными, откатывавшимися назад, войсками 18-й армии».

В ходе наступления Красной Армии под Ленинградом и Новгородом более тесным стало взаимодействие местных партизанских формирований с советскими войсками. Командующий Волховским фронтом генерал армии К.А.Мерецков и член Военного Совета генерал-лейтенант Т.Ф.Штыков 20 января 1944 г. утвердили «Соображения по организации взаимодействия между войсками и партизанами Волховского фронта», подготовленные штабом фронта и оперативной группой Ленинградского ШПД на Волховском фронте. А 27 января «Оперативный план боевой деятельности ленинградских партизан в тылу противника», представленный Ленинградским ШПД, утвердил командующий войсками Ленинградского фронта генерал армии Л.А.Говоров. Подобный план взаимодействия партизан с советскими войсками был утвержден и командованием 2-го Прибалтийского фронта.

В соответствии с этими решениями все партизанские бригады были сосредоточены вдоль важнейших коммуникаций противника с таким расчетом, чтобы под их ударами оказались основные участки дорог. Так, партизаны 6-й бригады (командир В.П.Объедков, комиссар В.Д.Зайцев), 9-й бригады (командир И.Г.Светлов, комиссар И.Д.Дмитриев), 32-й бригады (командир А.А.Ингинен, комиссар Г.И.Йосин), в которых насчитывалось до 6 тыс. бойцов, действовали на железных и шоссейных дорогах Волосово–Дуга, Дуга–Плюсса, Кингисепп–Сланцы–Гдов, Волосово–Кингисепп–Нарва. Южнее, на железных и шоссейных дорогах Луга–Псков, Батецкая–Сольцы–Дно, Старая Русса–Дно–Порхов вели боевую деятельность 5-я бригада (командир К.Д.Карицкий, комиссар И.И.Сергунин) и 10-я бригада (командир Т.А.Новиков, комиссар М.И.Тимохин) общей численностью до 10 тыс. человек. На дорогах Гдовского, Плюсского, Середкинского, Карамышевского районов сражались партизаны 2-й бригады (командир Н.И.Синельников, комиссар В.И.Ефремов) и 7-й бригады (командир А.В.Алексеев, комиссар А.Ф.Майлоров), где было около 5 тыс. бойцов. И, наконец, в южных районах области – Псковском, Островском, Дедовичском, Сошихинском, Славковском и Пожеревицком – действовали партизаны 1-й, 3-й, 4-й, 8-й и 13-й бригад.

Следует также иметь в виду, что в ходе операции по полной ликвидации блокады Ленинграда бок о бок с местными народными мстителями отважно сражались партизаны Брянщины. Согласно сводке Смо-

ленского ШПД от 26 марта 1944 г., силами патриотов 1-й Клетнянской партизанской бригады было уничтожено более 33,5 тыс. вражеских солдат и офицеров, пущено под откос несколько десятков воинских поездов, взорван 31 мост, 44 склада с боеприпасами, 588 автомашин[3].

Во время наступления советских войск особую активность проявила 5-я партизанская бригада — самая крупная в Ленинградской области. На ее вооружении помимо большого количества автоматов и пулеметов были противотанковые ружья, минометы и противотанковые пушки; 5-я бригада оказала большую поддержку войскам 59-й армии Волховского фронта, приостановив продвижение 38-го армейского корпуса противника на участке железной дороги Батецкий—Уторгош. Только за семь дней наступления партизаны бригады взорвали пять железнодорожных мостов, 7 тыс. рельсов, 18 паровозов, 160 вагонов и платформ с живой силой и техникой, один бронепоезд, а также 24 моста на шоссейных дорогах и 218 вражеских автомашин[4].

Отличилась и 3-я бригада им. А.В.Германа, отряды которой в январе и феврале 1944 г. пустили под откос 80 эшелонов противника, взорвали около 6,5 тыс. рельсов, семь железнодорожных мостов и 24 шоссейных, 17 складов и истребили более 920 солдат и офицеров вермахта.

Командир 753-го охранного полка полковник Клобе сообщал в эти дни высшему командованию: «В связи с начавшимися атаками Красной Армии партизаны усилили свою деятельность. Так, около 800–1000 партизан 3-й Ленинградской бригады напали на магистраль Порхов—Подсевы. Им удалось произвести ряд взрывов около Узы. Одновременно производились атаки значительной части этой бригады на магистраль Чихачево—Дедовичи. В последние ночи отмечены серии взрывов на магистралях Дедовичи—Белебелка, Дедовичи—Дно и Опочка—Идрица».

Большой урон фашистским войскам нанесла 2-я бригада им. Н.Г.Васильева, которая действовала на путях отхода противника в районе Струги Красные—Гдов—Псков. Только с 14 января по 20 февраля 1944 г. бригада пустила под откос девять вражеских эшелонов, взорвала 5,6 тыс. рельсов, уничтожила около 2500 гитлеровских захватчиков, освободила 40 тыс. советских граждан. Совместно с воинами Красной Армии партизаны бригады полностью разгромили 58-ю стрелковую и 12-ю танковую дивизии противника[5].

На участке Псков—Струги Красные в результате осуществленного партизанами 7-й бригады взрыва моста у станции Торошино движение поездов противника на железнодорожной линии Псков—Ленинград было прервано на 82 часа. Также успешно сражались партизаны других ленинградских бригад.

«Партизанская война на железных дорогах противника, — сообщал 22 января областной ШПД, — приобрела широкий размах. Партизаны

и поднятое ими население рвут и разбивают железнодорожные рельсы, шпалы, разрушают полотно, мосты, уничтожают придорожную телефонно-телеграфную связь»[6]. Восемь партизанских бригад за период наступления вывели из строя свыше 680 км телефонно-телеграфной связи гитлеровцев[7].

Партизаны захватывали переправы через реки, опорные пункты врага и удерживали их до подхода советских войск. Например, во время наступления 2-й ударной и 42-й армий Ленинградского фронта в направлениях Волосово—Кингисепп и Красногвардейск—Сабск отряды 12-й партизанской бригады заняли и удерживали переправы на реке Дуге в районах Ивановское и Сабск. Действуя вместе с частями 116-го стрелкового корпуса, 2-я партизанская бригада под командованием Н.И.Синельникова участвовала в окружении и разгроме частей 58-й пехотной и 12-й танковой дивизий противника в районе озера Черное. Бригады ленинградских партизан содействовали частям советских войск в освобождении городов Дуги и Гдова, районных центров Осьмино, Ляды.

Всего за время зимнего наступления ленинградские партизаны взорвали более 58,5 тыс. рельсов, спустили под откос 136 эшелонов, уничтожили свыше 300 мостов, 1620 автомашин, 42 танка и бронемашины, 28 складов, захватили 15 железнодорожных станций, и в том числе Передельская, Вятки, Кебь, Дедовичи, Подсевы, Плюсса, Дульская, Серебрянки, Сланцы, Веймарн, Брянчаниково, Заклинье, Пожеревицы, Судома. Потери противника составили несколько десятков тысяч убитых и раненых солдат и офицеров вермахта.

Важную роль в разгроме оккупантов под Ленинградом сыграла партизанская разведка. Все важнейшие объекты противника постоянно находились под неусыпным наблюдением народных мстителей. Широким потоком в Центр шла развединформация о численности вражеских гарнизонов, нумерации частей, их вооружении, продвижении и намерениях противника. О результативности партизанской разведки свидетельствует такой факт: только разведчиками 11-й Ленинградской партизанской бригады с ноября 1943 г. по январь 1944 г. были установлены нумерация частей вермахта, места их расположения и фамилии командиров 21-й дивизии и бригады, 14-ти отдельных частей противника, выявлено расположение 38-го армейского корпуса и точные координаты четырех аэродромов.

Вклад партизан в прорыв ленинградской блокады высоко оценило советское командование. «В этот период резко активизировались партизаны Ленинградской области, — вспоминал Маршал Советского Союза К.А.Мерецков. — Оккупанты привлекли для борьбы с ними, помимо охранных дивизий, по батальону из каждой полевой дивизии, но не сумели подавить партизан. В результате наступление, предпринятое советскими войсками в последней декаде января, со-

впало с серией организованных Центральным штабом партизанского движения ударов, нанесенных партизанами по немецким тылам. Мне кажется, что по гармоничности эта совместная операция имеет мало себе равных. Полагаю, что историки обратят на это взаимодействие партизан с войсками Советской Армии особое внимание»[8].

Ленинградские партизаны соединились с войсками Советской Армии и 1 марта 1944 г. торжественно вступили в Ленинград, где состоялся праздничный митинг. Свыше 20 тыс. ленинградских партизан влились в ряды Вооруженных Сил, около 10 тыс. бывших партизан и подпольщиков включились в работу по восстановлению экономики и социальной сферы области[9].

За проявленный героизм и мужество более 5 тыс. партизан и партизанок были награждены орденами и медалями СССР, а 19 командиров партизанских соединений и партизан Ленинградской области, в том числе Н.Г.Васильев, К.Д.Карицкий, И.И.Сергунин, А.В.Герман, Л.А.Голиков, А.Ф.Тараканов, Г.П.Григорьев, удостоены звания Героя Советского Союза.

В начале 1944 г. активизировали борьбу против гитлеровских захватчиков партизаны Карелии и Мурманской области. Здесь действовали 18 отрядов общей численностью более 1,5 тыс. человек. Летом 1944 г. количество партизан увеличилось до 1600 человек[10]. Главная особенность местного партизанского движения этого региона заключалась в том, базируясь на советской земле, совершали боевые рейды в тыл противника, раз за разом пересекая линию фронта. Рейды эти проходили в тяжелых климатических условиях, с преодолением бесчисленных рек, озер и болотных топей. Переходы значительно осложнялись тем, что через линию фронта партизаны шли с большим грузом — до 35 кг на каждого человека. Средняя протяженность пути от базы до района боевых действий составляла 300 км. Нередко на обратном пути к местам своей постоянной дислокации у мурманских или карельских партизан за несколько суток до прибытия на базу заканчивались и продовольствие, и боеприпасы.

Вот что писал об этом бывший первый секретарь ЦК Компартии Карело-Финской ССР Г.П.Куприянов: «Именно эти трудности только одних переходов, не говоря уже о трудностях в связи с боевыми операциями, и стояли на грани физических и моральных сил человека, или, как часто казалось мне и моим многим товарищам по руководству партизанским движением, где-то за пределами этих моральных и физических сил человека»[11].

В необычайно сложной обстановке партизаны научились не только преодолевать тяжелые переходы, но и наносить чувствительные удары по вражеским опорным пунктам, линиям связи, транспортным артериям, складам, нефтехранилищам и другим важным объектам. Осенью 1944 г. во время подготовки Петсамо-Киркенесской опера-

ции по изгнанию немецко-фашистских войск из советского Заполярья местные отряды народных мстителей обеспечили наше командование ценными сведениями о группировке противника, его оборонительных рубежах, расположении аэродромов и посадочных площадок. В ходе наступления Красной Армии они постоянно сообщали штабу Карельского фронта о наиболее слабых местах в обороне вражеских войск, нарушали их связь и систему управления. После полного освобождения Заполярья от немецко-фашистских захватчиков большая часть личного состава местных партизанских формирований влилась в ряды регулярных соединений Красной Армии.

В тяжелых условиях действовали и партизаны Калининской области. К этому времени численность партизан в регионе увеличилась в семь раз, превысив 12 тыс. человек[12]. Зимой и весной 1944 г. фашистское командование предприняло ряд попыток ликвидировать партизанские базы на территории области. Калининские партизаны, находившиеся в южных районах, семь раз отражали наступление карателей, среди которых, наряду с охранными и полицейскими частями, было большое число регулярных войск и эсэсовцев[13].

Накопленный опыт военных действий позволял народным мстителям Калининской области тесно взаимодействовать с советскими войсками даже в районах, где не было больших лесных массивов. Эффективным оказалось взаимодействие партизанской бригады под командованием Н.М.Вараксова с наступавшими войсками 2-го Прибалтийского фронта (июнь 1944 г.). Заняв оборону по реке Иссе в районе Мозули (в 30 км юго-западнее Опочки), бригада отразила несколько сильных атак гитлеровцев и не позволила им закрепиться на этом рубеже. После соединения с советскими войсками партизаны Вараксова во взаимодействии с частями 8-й гвардейской стрелковой дивизии выбили фашистов еще из одного населенного пункта, а затем под огнем противника форсировали реку Синюю и разгромили отступавшую колонну немцев – 370 солдат и офицеров[14].

Осуществляя разведку, калининские партизаны только с 1 ноября 1943 г. по 15 июля 1944 г. выявили дислокацию 30 немецких дивизий, двух бригад, 23 полков, 63 батальонов, расположение 11 аэродромов, 95 складов, 32 предприятий и ряда других объектов[15].

Во время наступления Красной Армии калининские партизаны кратчайшими путями выводили передовые части войск в тылы отступавших германских соединений, сами нападали на их штабы, захватывали важные документы. На многих участках и направлениях партизаны продолжали вести бои совместно с частями регулярных войск и по мере выполнения своих задач вливались в ряды Вооруженных Сил.

В исключительно трудной обстановке продолжали вести борьбу крымские партизаны и подпольщики (командующий партизанским движением в Крыму А.В.Мокроусов, комиссар Г.В.Мартынов). Народ-

ные мстители действовали в зоне большой концентрации вражеских войск с весьма развитой сетью дорог в горно-лесистой местности. Сравнительно небольшая площадь крымских лесов весьма затрудняла маневренность отрядов и групп. Кроме того, в течение полутора лет они находились вдали от действующей армии и не имели постоянной связи с «Большой землей». Гитлеровцы не раз бросали против них крупные карательные отряды, поддерживаемые танками, самоходными орудиями и самолетами. Однако партизаны, базируясь в лесах государственного заповедника в Симферопольском районе, в зуйских и старокрымских лесах, не только стойко сопротивлялись врагу, но и наносили ответные удары по гарнизонам, складам и транспортным коммуникациям. Эти действия заставили немецкое командование усилить тыловые гарнизоны и снять с фронта ряд войсковых соединений для проведения карательных операций.

Во время одной из них наступление крупных сил противника было направлено против партизанских отрядов Северного соединения (командир П.Р.Ямпольский, комиссар Н.Д.Луговой, начальник штаба В.Е.Савченко). Карательный корпус состоял из четырех немецких, двух румынских горно-стрелковых дивизий и восьми полицейских батальонов. Карателей поддерживали 16 танков, штурмовая и бомбардировочная авиация, а также минометные и артиллерийские батареи[16]. Противнику противостояли три бригады партизан, имевшие в своем распоряжении одну батарею 76-мм пушек и одну батарею «Катюш». При этом Северное соединение было лишено возможности стремительного маневрирования, так как партизаны защищали 3 тыс. гражданского населения — стариков, женщин и детей[17]. Именно это обстоятельство придало сражению особое упорство и ожесточенность.

Вооруженные схватки продолжались до 8 января 1944 г. «В тяжелых 13-дневных боях, — сообщал политотдел штаба Центральной оперативной группы, — противник пытался окружить и истребить нас танками, авиацией, артиллерией, минометами. Он нанес нам потери (88 человек убитыми и 250 ранеными), но ни одного метра наших рубежей обороны он не взял. Партизаны, в том числе и новички, дрались героически. Таких бойцов оккупантам не победить никогда. Противник заплатил за свою затею очень дорого. Мы определяем его потери более чем в полторы тысячи человек. Сами же враги болтают, что потеряли более двух тысяч. Может быть. Им виднее...»[18]

Высоко оценил боевые действия Северного соединения Крымский ШПД. «Бои соединения Ямпольского с крупными частями противника, — отмечалось в приказе Штаба от 1 марта 1944 г., — войдут в страницы истории борьбы за Крым как яркий пример беззаветного мужества и героизма партизан»[19].

Другая карательная экспедиция 18–27 января развернула наступление в карасубазарских и старокрымских лесах против отрядов 2-й и

3-й партизанских бригад (командиры Н.К.Котельников и А.А.Вуликовский). Потеряв более 500 солдат и офицеров убитыми и вдвое больше ранеными, оккупанты ретировались, так и не достигнув цели.

В феврале 1944 г. немецко-фашистские войска начали активные боевые действия против народных мстителей Южного (командир М.А.Македонский, комиссар М.В.Селимов, начальник штаба А.А.Аристов) и Восточного направлений (командир В.С.Кузнецов, комиссар Р.М.Мустафаев, начальник штаба С.Д.Качалов). Пять дней продолжались кровопролитные бои в Бешуйской долине, где партизаны 2-, 3-, 6- и 7-го отрядов упорной обороной измотали дивизию карателей и нанесли ей огромный урон в живой силе. Было убито более 400 вражеских солдат и офицеров, уничтожено два орудия, четыре автомашины, три подводы с боеприпасами, радиостанция и взяты большие трофеи.

С 29 марта по 5 апреля боевые действия проходили в старокрымских и зуйских лесах, а с 7 по 13 марта и с 1 по 11 апреля – в Симферопольском заповеднике. Гитлеровцы потеряли здесь около 3 тыс. убитыми и ранеными. Партизанские отряды М.Парамонова, Н.Сороки, Ф.Горбия и Д.Лобанова совершили налеты на гарнизоны оккупантов в селах Старый Айргуль (Солнечное), Кильбурун (Пионерское), Ангара (Перевальное) и Розенталь (Ароматное). В Старом Крыму 27 марта 2-й и 3-й партизанским бригадам удалось разбить вражеский гарнизон.

Героизм, отвагу и высокое боевое мастерство проявили многие бойцы и командиры партизанских отрядов и бригад. Приведем лишь ряд характерных примеров из воспоминаний бывшего командира 1-й Крымской партизанской бригады Н.Д.Лугового: «В сражении под горой Калан-Баир артиллеристы-партизаны во главе с капитаном Аудюковым и его помощниками Дукомцевым и Плетневым в течение двух суток вели борьбу с десятком вражеских батарей. Когда же все артиллеристы пали смертью храбрых, а из трех партизанских пушек и четырех "Катюш" осталось только одно исправное орудие, артиллерийскую дуэль продолжил командир отряда Алексей Ваднев. Прямой наводкой он расстреливал наступавшие вражеские танки и самоходные пушки. На горе Кара-Тепе шестеро партизан, которых возглавлял политрук Константин Воронов, огнем из автоматов и гранатами сумели разорвать вражеское кольцо и освободить окруженных пулеметчиков. Ценой жизни остановили вражеские танки комиссар Акакий Тварадзе и командир отделения тяжелораненый Николай Шаров. Со связками гранат они бросились под грозные машины врага. Во время обороны горы Бурлюк, образец мужества и воинской смекалки продемонстрировал политрук Дмитрий Косушко. Тремя ложными контратаками он со своим отрядом измотал вражеский батальон, а затем партизаны нанесли карателям сильный удар и обратили их в бегство».

Красная Армия в ходе подготовки и проведения операции по освобождению Крыма пользовалась данными партизанской разведки. Только

за три месяца 1944 г. радиоцентр Крымского ШПД передал советскому командованию более 4,6 тыс. сообщений, подученных от разведчиков и их руководителей Е.Б.Романцова, Е.П.Колодяжного, П.К.Рындина, В.А.Сидорова, И.Ф.Сашникова, И.И.Казакова, Н.Е.Касьянова, С.А.Осовского, Н.Е.Колпакова, И.Х.Давыдкина, И.В.Харченко, Ф.А.Якустиди и др.[20] Важные разведсведения шли через агентурную сеть подпольных организаций, которые имелись почти во всех городах и населенных пунктах Крымского полуострова.

Немало славных дел на счету «Севастопольской коммунистической подпольной организации в тылу у немцев», которую возглавлял В.Д.Ревякин. Подпольщики собирали данные о передвижениях немецко-фашистских войск, их планах, вооружении, вели активную агитацию среди населения, советских военнопленных и солдат вермахта. Организация выпускала листовки и газету «За Родину», тираж которой доходил до 500 экземпляров. В апреле 1944 г. гитлеровцы арестовали и расстреляли актив подпольной организации. Оставшиеся в Севастополе подпольщики, действуя по заранее разработанному плану, с приходом Красной Армии помогли спасти от уничтожения многие заминированные объекты города[21]. В.Д.Ревякину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Большой активностью отличалась деятельность симферопольских подпольных групп, возглавляемых И.А.Козловым, о чем он рассказал в своих воспоминаниях «В Крымском подполье». Лишь одна из них во главе с В.К.Ефремовым за короткий срок совершила 22 диверсии и среди них – уничтожение вражеского эшелона с боеприпасами, приведшее к затяжному перерыву в движении поездов.

Незадолго до наступления Северное отделение партизан передало командованию советских войск карту Крыма, где были обозначены; дислокация противника, командные пункты, склады, маршруты отхода вражеских войск от Перекопа и Керчи, план эвакуации Севастополя и другие важные сведения[22].

Войска 4-го Украинского фронта 8 апреля 1944 г. начали операцию по освобождение Крымского полуострова во взаимодействии с отдельной Приморской армией и Черноморским флотом. В этот период партизанские формирования передислоцировались к важнейшим коммуникациям противника и резко активизировали диверсионную работу. Народные мстители Северного соединения перерезали пути отступления гитлеровцев на дорогах Симферополь–Алушта и Симферополь–Белогорск. 13 апреля 2-я бригада этого соединения освободила город Карасубазар и удерживала его до подхода частей Красной Армии. В тот же день партизанские бригады Ф.И.Федоренко и Х.К.Чаусси совместно с подпольными группами А.Н.Касухина и В.И.Бабия участвовали в освобождения Симферополя. Они заняли телефонную станцию, гаражи, склады, мельницы, организовали охрану

мостов, предприятий и других объектов, подготовленных гитлеровцами для уничтожения[23].

Партизаны Южного соединения заняли Бахчисарай и Ялту, предотвратив разрушение гитлеровцами местных исторических сооружений, дворцов и зданий санаториев; 12-й отряд этого соединения освободил район Массандры и тем самым спас от уничтожения знаменитые массандровские винные подвалы.

Отряды Восточного партизанского соединения активно действовали на шоссе Симферополь—Феодосия и Феодосия—Судак, заняли Старый Крым и отрезали фашистским войскам пути отхода на Феодосию.

Войска 4-го Украинского фронта 9 мая освободили от захватчиков город русской славы Севастополь. Остатки войск противника бежали на мыс Херсонес, где вскоре были ликвидированы. Крымская наступательная операция завершилась 12 мая 1944 г. В ее победоносный исход важный вклад внесли партизаны и подпольщики. Документально подтверждено, что народные мстители Крымского полуострова только с ноября 1941 г. по 16 апреля 1944 г. провели 252 боя и совершили 1632 операции на коммуникациях противника. Они уничтожили 29383 и взяли в плен 3872 вражеских солдата и офицера. Партизаны пустили под откос 79 эшелонов и два бронепоезда, взорвали 12 танков, три бронемашины, 211 артиллерийских орудий, 1940 автомашин, 83 тягача, вырезали 112800 метров проводов телефонно-телеграфной связи и захватили много трофейной техники, вооружения и имущества противника[24]. В борьбе против гитлеровских оккупантов приняло участие около 15 тыс. местных партизан, а также до 200 подпольных групп и организаций, объединявших более 2,5 тыс. патриотов[25].

С освобождением Крымского полуострова от немецко-фашистских захватчиков был очищен последний регион Российской Федерации.

Братство по оружию против общего врага

В течение 1944 г. не только Российская Федерация, но и вся территория СССР была освобождена от гитлеровской оккупации. Разгром Советским Союзом основных сил фашистского блока явился главной помощью народам Европы в их освободительной борьбе против германского порабощения.

Наша страна оказывала активное содействие антифашистскому движению Сопротивления в европейских государствах. Среди различных форм и методов взаимодействия — подготовка в СССР и переброска в оккупированные гитлеровцами страны национальных кадров

для развертывания партизанской войны, снабжения антифашистских сил средствами пропаганды и агитации, обеспечение зарубежных партизан оружием, боеприпасами, медикаментами, эвакуация раненых в советский тыл, направление в пределы ряда государств советских партизанских формирований, имевших богатый опыт борьбы в тылу врага.

Многие граждане нашей страны, в силу разных причин оказавшиеся в годы Второй мировой войны вне пределов Родины, приняли активное участие в движении Сопротивления, в боевой деятельности партизанского движения на территории практически всех европейских государств, оккупированных нацистами[26]. Так, по далеко неполным, данным только в партизанских отрядах Сопротивления воевали до 40 тыс. наших соотечественников, в том числе 18 тыс. — в Польше, по 3 тыс. — в Чехословакии, во Франции и в Югославии, 5 тыс. — в Италии, 800 человек — в Бельгии. Сотни советских граждан воевали против гитлеровцев в других странах Европы[27].

В 1944 г. наша страна существенно усилила непосредственную помощь в активизации партизанского движения народам приграничных стран — Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии. По просьбе антифашистских организаций этих стран Советский Союз направлял им необходимые материальные средства, а в некоторые государства — советские партизанские отряды и соединения.

Так, еще с осени 1943 г. стало возможным оказывать систематическую помощь польскому населению. Важную роль в этом сыграл рост антифашистских настроений среди поляков, о чем наглядно свидетельствовало их все более теплое отношение к советским партизанам. В боевом содружестве был создан «фронт по ту сторону фронта», благодаря которому удалось осуществить массовые побеги советских военнопленных из 40 концентрационных лагерей, расположенных в Польше. По данным германского командования, побеги из концлагерей и тюрем совершили 66 тыс. советских граждан[28].

За выдачу каждого советского беглеца немецкие оккупационные власти объявили вознаграждение — до 15 тыс. злотых. Это предложение не получило поддержки среди поляков. Тогда гитлеровцы обрушили на жителей польских районов (особенно тех, где оказывалась активная помощь бежавшим военнопленным) шквал карательных операций. Только крупномасштабных акций было проведено 25. Но и эти драконовские меры не обеспечили желаемого результата. В Польше повсеместно создавались партизанские формирования, причем более чем в 100 таких отрядах народных мстителей значительную часть составляли советские партизаны[29]. Из пяти созданных в 1944 г. в Келецком воеводстве партизанских бригад две насчитывали до 85% советских граждан. Немало наших соотечественников было

среди командиров партизанских отрядов, в Гвардии Людовой и Армии Людовой[30].

Изучая многие документы и свидетельства очевидцев, польский исследователь В.Гура пришел к заключению, что советские партизаны сыграли весьма важную роль в польском партизанском движении: «Особенно в первый период его формирования, когда ощущался большой недостаток кадров, имеющих военную подготовку, советские товарищи составляли значительный процент в Гвардии Людовой, причем многие из них стояли во главе этих отрядов, передавая польским партизанам богатый боевой опыт. Именно в этот период выросли прославленные командиры партизанских отрядов»[31]. Среди них В.Гура в первую очередь отметил Федора Ковалева («Теодор Альбрехт»), Василия Войченко («Сашка»), Михаила Атаманова («Мишка Татар»), Николая Слугачева («Тадек Русский»), Терентия Новака («Петр»), Якова Сальникова («Яша»).

В начале 1944 г. на территорию Польши были введены наиболее опытные и боеспособные советские партизанские формирования. В феврале 1944 г., форсировав Буг, в районах Люблинского воеводства приступил к боевой деятельности партизанский отряд под командованием П.П.Вершигоры. На польской земле он был переименован в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию имени С.А.Ковпака. Отряды дивизии прошли с боями около 2 тыс. км, провели свыше 100 операций, в том числе 20 крупных, нанеся противнику огромный урон в людских ресурсах и боевой технике[32].

Весной 1944 г. в Польшу прибыли отряд имени И.В.Сталина под командованием капитана Н.И.Куницкого («Муха»), партизанская часть имени С.М.Буденного (командир лейтенант И.П.Яковлев), отряд имени А.В.Суворова (командир старший лейтенант С.А.Санков), отряд имени С.М.Кирова (командир М.Я.Наделин), отряд подполковника Н.А.Прокопюка, партизанские соединения полковника Б.Г.Шангина и майора В.П.Чепиги, партизанский отряд Н.П.Федорова и другие формирования.

В конце марта через Буг переправилось и соединение им. Александра Невского под командованием майора В.А.Карасева, численностью свыше 600 человек. Это партизанское формирование было организовано еще в 1941 г. и боевое крещение приняло под Москвой. Российские партизаны до вступления на польскую землю прошли боевой путь от столицы через Брянщину, северные области Украины и Белоруссию. Вступив на территорию Польши, карасевцы с боями дошли до Липских лесов, а затем достигли Немировских лесов и перешли границу Польши и Чехословакии. Отряд А.Н.Ботяна из соединения им. Александра Невского продолжал действовать на польской земле до января 1945 г.

Всего в 1944 г. на территории Польши против немецко-фашистских захватчиков героически сражались семь соединений, 26 от-

дельных отрядов и большое количество небольших партизанских групп, вышедших рейдами или переброшенных по воздуху из СССР. Уже весной 1944 г. советские партизаны на длительное время парализовали железнодорожное движение на участках и направлениях Львов–Варшава, Равва–Русская–Ярослав, Билгорай–Звежинец. В первой половине 1944 г. ими было разгромлено 13 крупных фашистских гарнизонов в районных центрах, поселках городского типа и на таких железнодорожных станциях, как Билгорай, Янов, Кжещув, Краснобруд, Ульянов, Тарногруд, Сусец, Туробин и др. В ходе этих операций советские партизаны тесно взаимодействовали с отрядами Гвардии Людовой, что особо проявилось в сражении, разыгравшемся в Яновских лесах. Совместными усилиями партизаны выступили против регулярных оккупационных войск.

В июне 1944 г. в лесах Люблинского воеводства гитлеровцы окружили крупную группировку советских и польских партизан, задействовав в операции против них три пехотные дивизии, несколько отдельных частей, танки, артиллерию и авиацию. Соотношение сил: 10 к 1 в пользу карателей. К 14 июня партизаны сумели отразить атаки противника, понесшего при этом большие потери в живой силе и технике. Но обстановка по-прежнему оставалась очень серьезной и требовала объединения усилий под единым командованием. Такое решение было принято на совещании командиров советских и польских партизан. Объединенную партизанскую группировку возглавил подполковник Н.А.Прокопюк, а объединенный штаб — также советский офицер А.А.Горович. Ночью 15 июня мощным сосредоточенным ударом партизаны прорвали вражеское кольцо и вышли в Сельскую пущу, эвакуировав туда всех раненых. Каратели вновь окружили партизанское соединение, но народные мстители 23 июня прорвали очередное «кольцо» и обрушили мощнейшие удары на вражеские тылы в прилегающих районах.

Во второй половине 1944 г. многие советские партизанские формирования вслед за продвижением Красной Армии на запад перенесли свои боевые действия в южные районы Польши. Только за 10 дней с 24 сентября по 4 октября они подорвали девять железнодорожных мостов и пустили под откос 19 эшелонов противника. Активную деятельность развернули советские партизаны и в районе Силезского угольного бассейна.

Важная рель в развитии партизанского движения па польской земле принадлежала советским разведывательным группам, которые систематически забрасывались в тыл врага. Нередко на их основе создавались новые партизанские отряды. В сентябре 1944 г., к примеру, в район города Мехув была выброшена разведгруппа во главе с капитаном Г.И.Васильченко. Вскоре группа за счет вырвавшихся из вражеского плена советских военнослужащих выросла численно

до 50 человек. Установив связь с местными антифашистами, разведчики-партизаны добывали ценные сведения о противнике. Отряд Г.И.Васильченко действовал до соединения с частями 1-го Украинского фронта 16 января 1945 г.[33]

В августе–октябре 1944 г. в лесах Пшасниша успешно функционировали группа разведчиков-десантников майора Васильева («Орлова») и группа «Сергеева». Вместе с партизанами эти подразделения провели свыше 25 боевых операций.

В конце августа в горах северо-восточнее Новы-Тарг приземлилась группа советских разведчиков во главе с И.Ф.Золотарем. В состав группы входили поляки Ж.Ткоч и Е.Грит. Разведчиков встретили командиры двух партизанских отрядов, действовавших в данном районе. Вскоре И.Ф.Золотарь принял на себя командование объединенным отрядом партизан. После присоединения к нему нескольких сот бежавших из лагерей советских военнопленных это соединение стало крупной боевой силой, насчитывающей в январе 1945 г. 500 человек. За пять месяцев боевой деятельности в районе Новы-Тарг, Новы-Сонч, Крыница, Лиманово и Закопане партизаны Золотаря провели ряд успешных диверсий на трех военных заводах, подорвали три моста через Дунаец, организовали несколько крушений немецких эшелонов, направили в Центр сотни радиограмм с важными сведениями о противнике. В середине января партизаны также взорвали вражеский военный склад в Новы-Сонче.

За мужество и героизм, проявленные в боевых действиях на территории Польши, звание Героя Советского Союза было присвоено славным сынам России Н.А.Прокопюку, В.А.Карасеву, Н.П.Федорову и др.

С весны 1944 г. усиливается советская помощь чехословацкому партизанскому движению, которое к этому времени все в большем объеме принимало участие в открытых боевых действиях против оккупантов. В нашей стране активно готовили командные кадры для партизанских формирований из числа чехословацких антифашистов. С конца июля по август 1944 г. на территорию Словакии были десантированы 24 организаторские группы, возглавляемые, в частности, опытными советскими партизанскими командирами — А.С.Егоровым, В.А.Кузнецовым, Ф.М.Макаровым, П.А.Величко, И.Д.Дибровым, А.А.Мартыновым, Е.П.Волянским, А.М.Садиленко, К.Г.Ивановым, А.А.Снежинским. Пользуясь поддержкой местного населения, эти группы быстро превращались в крупные партизанские соединения. Так, группы старшего лейтенанта Петра Величко и Героя Советского Союза капитана Алексея Егорова к сентябрю 1944 г. превратились в партизанские бригады, численность которых составляла от 3 тыс. человек.

Почти одновременно на словацкую землю стали выходить рейдами из Польши и Западной Украины советские партизанские отряды и

соединения под командованием Героев Советского Союза В.А.Карасева, В.А.Квитинского, В.И.Клокова, Д.М.Резуто и др. С тяжелыми боями пробивало себе путь в Чехословакию партизанское соединение им. И.В.Сталина под командованием подполковника М.И.Щукаева. Возникло это соединение летом 1943 г. на базе организаторской группы, выброшенной на парашютах в леса севернее Нежина. Блестяще выполнив боевые операции на нефтепромыслах в районе Борислава (Западная Украина), пройдя через Правобережную и Западную Украину, через южные районы Польши, соединение 26 августа 1944 г. на участке Медзилаборце вступило на словацкую землю и действовало там до встречи с советскими войсками в феврале 1945 г.

Для оказания помощи местным патриотам в конце сентября 1944 г. в освобожденные районы Словакии была переброшена группа руководящих работников ЦК Компартии Чехословакии и советских командиров. Здесь уже действовал главный штаб партизанского движения Словакии. Первым заместителем начальника штаба 6 октября был назначен прибывший с названной группой полковник А.Н.Асмолов, имевший большой опыт организации партизанской борьбы. Позднее он стал начальником этого штаба[34]. Появление в Словакии смешанных советско-чехословацких организаторских групп и советских партизанских отрядов содействовало развитию вооруженной антифашистской борьбы. Это совпало с вооруженным восстанием в Словакии. Как это ни странно на первый взгляд, но после поражения восстания численность партизан даже возросла. К концу января 1945 г. на территории Чехословакии действовало более 35 советско-чехословацких соединений и отдельных отрядов общей численностью более 20 тыс. человек. Переброска партизан из различных регионов СССР, включая Российскую Федерацию, продолжалась до весны 1945 г. Все эти формирования имели постоянную связь с командованием и выполняли свои задания в тесном взаимодействии с армейскими частями.

В начале осени 1944 г. на территорию Чехии и Моравии стали прибывать советско-чехословацкие организаторские группы. К марту 1945 г. их число возросло до одиннадцати. В помощь патриотам Чехии и Моравии также были направлены партизанские отряды, возглавляемые М.Я.Савельевым, К.И.Жуковским, Д.Б.Мурзиным, В.М.Гегусом, Я.Ушьяком и др. Всего к маю 1945 г. в Чехии и Моравии сражалось 30 советско-чешских отрядов и бригад.

В решающие дни чешского майского восстания отличилось партизанское соединение капитана Е.А.Олесинского, действующее на Средне-Чешском плато. Всего за два месяца до этого Олесинский был десантирован в районе Иржибрама во главе организаторской группы. Умелыми действиями партизанского командира из разрозненных отрядов и групп была создана мощная бригада «Смерть фашизму» — около 2 тыс. чешских патриотов и советских военнопленных, бежавших из концлагерей.

Олесинский разделил бригаду на несколько групп. Каждая группа развернула активную диверсионную и разведывательную деятельность. В апреле и начале мая 1945 г. буквально ежедневно в районе Пржибрама, Страконице, Блатна, Пльзеня и других городов гремели взрывы партизанских мин. Во второй половине апреля у станции Блатна партизаны пустили под откос вражеский эшелон, следовавший в Прагу.Через несколько дней народные мстители взорвали воинские составы около Задне Требан, на линии Инце–Бероун и мост на железной дороге Пржибрам–Вишневая. Соединение Олесинского освободило от гитлеровцев города Пржибрам, Инце, Добжиш, Гостомице, 57 сел и встало на пути немецких дивизий, рвавшихся в Прагу для подавления восстания. Несколько отрядов этого соединения под командованием М.Х.Баранова прорвались через вражеские заслоны в столицу Чехословакии, где соединились с восставшими и внесли свой вклад в успешное завершение Пражской наступательной операции.

В завершающий период Великой Отечественной войны Советский Союз усилил помощь и народам Юго-Восточной Европы в их освободительной борьбе против фашистских захватчиков. Только в 1944 г. советская авиация произвела более 7500 самолетовылетов, доставив 8 тыс. партизан, разведчиков, подрывников и других военных специалистов, 3500 т грузов, эвакуировав 4500 раненых и больных. В том же году в Румынию было переброшено 12 советско-румынских, а в Венгрию – 12 советско-венгерских организаторских групп. В решающий момент подготовки болгарского народа к вооруженному восстанию, в конце августа 1944 г. советские самолеты сбросили в район болгарской Македонии оружие для 10 тыс. болгарских и югославских партизан. Только авиацией Гражданского воздушного флота СССР было переброшено для поддержки югославских, греческих и албанских партизан 3764 военных специалиста и 1032 т различных грузов.

Советские летчики в ночь на 4 июня 1944 г. в сложнейших условиях спасли руководителей Народно-освободительной армии Югославии (далее по тексту – НОАЮ), попавших в безвыходное вражеское окружение и обреченных на неминуемую гибель. За проявленное мужество и блестящее выполнение поставленной задачи А.С.Шорников, Б.Т.Калинкин и П.Н.Якимов были удостоены званий Народного Героя Югославии и Героя Советского Союза.

Вместе с народами Югославии против общего врага храбро сражались болгары, венгры, чехи, греки, словаки, итальянцы и другие антифашисты, оказавшиеся в те годы на югославской земле. Были среди них и некоторые русские эмигранты, покинувшие Россию еще в начале двадцатых годов.

Славными ратными делами отмечен путь советского партизанского батальона под командованием А.И.Дьяченко, входившего в состав 9-го корпуса НОАЮ. В 1944 г. батальон организовал 30 засад, уни-

чтожил более 2 тыс. вражеских солдат и офицеров, 100 автомашин, 13 бронеавтомобилей, девять танков. В марте 1945 г. батальон был преобразован в 1-ю Советскую ударную бригаду. До начала мая партизаны бригады участвовали в 86 схватках с врагом, выполняя ответственные задания командования корпуса. Как отмечалось в одном из документов, 1-я Советская ударная партизанская бригада благодаря стойкости и храбрости ее бойцов трижды спасала войска корпуса от тяжелых поражений[35]. Боевой путь бригада закончила в Триесте, участвуя в ожесточенных боях за его освобождение; 256 воинов бригады были награждены югославскими орденами и медалями.

Среди других подразделений советских партизан, входивших в состав НОАЮ, отличился 4-й Русский батальон 7-й Воеводинской бригады, которым командовал П.М.Оранский, бежавший, как и другие члены батальона, из фашистского плена. Партизаны Русского батальона капитана Оранского принимали активное участие во всех боях, которые проводила Воеводинская бригада, в том числе при освобождении населенных пунктов Шаренград, Илок и Липовец на границе Хорватии и Воеводины[36].

В Хорватии — в районе Джяково и Славонски-Брод — в составе Осиекской бригады 12-й дивизии НОАЮ успешно сражался против оккупантов другой «Русский батальон», который в июне 1944 г. насчитывал 378 бойцов. Батальон пополнялся в основном за счет советских военнопленных и действовал, главным образом, на коммуникациях в районе Джяково. Партизаны «Русского батальона» совершили успешный налет на местечко и железнодорожную станцию Пшикоревцы, провели много других боевых операций[37].

Очередной 1-й русский батальон имени К.К.Рокоссовского был сформирован летом 1944 г. в Македонии из 120 советских партизан, воевавших в 5-й македонской бригаде (командир И.В.Барсуков, комиссар Д.А.Ромахов). Батальон принял активное участие в сражениях за полное освобождение Македонии, в изгнании оккупантов из Прилепа, Битоли, Охрида, Крушево и др. Свой боевой путь партизаны завершили в Скопье 27 декабря 1944 г.

Рассматривая участие советских людей в антифашистском движении Сопротивления западноевропейских стран, необходимо, прежде всего, учесть, что в странах этого региона советское военное командование не имело контактов с местными партизанами. Связь и координацию действий там осуществляли англо-американские военные миссии. Советские граждане (в основном, бывшие узники гитлеровских лагерей) сами находили пути и способы продолжения вооруженной борьбы против оккупантов в рядах местных антифашистских формирований и подполья.

Во Франции в движении антифашистского Сопротивления весной 1944 г. наступил новый этап. Обусловлено это массовым вовлечением в борьбу с оккупантами французских патриотов и советских граждан,

бежавших из нацистских лагерей для военнопленных и трудовых колоний. Причем побеги из мест заключения в этот период совершались целыми группами: гитлеровцы, терпевшие на фронтах одно поражение за другим, сократили лагерную охрану и численность своих войск во Франции. К маю 1944 г. в восточных департаментах Франции насчитывалось восемь партизанских отрядов, состоявших преимущественно из советских людей. В течение лета число таких отрядов выросло до 18. По территории этих департаментов проходили важные стратегические коммуникации, и партизанские удары по ним были весьма ощутимыми для противника[38].

В районе Нанси наиболее боеспособной партизанской частью считался отряд «Сталинград» (командир лейтенант Г.П.Пономарев). Отряд был создан в конце 1943 г. На его счету десятки диверсий на путях сообщения противника, большое число взорванных эшелонов с живой силой и боевой техникой врага, множество уничтоженных мостов, отдельных предприятий и складов. Смелыми акциями против захватчиков в районе города Бетюн прославилась группа из 28 советских партизан во главе с Н.Гуровым. В тесном боевом содружестве с французским партизанским отрядом «Либерасьен» действовал против оккупантов отряд советских партизан «Свобода», возглавляемый лейтенантом И.Ф.Самариным. Отряды провели более 20 дерзких операций[39].

На востоке Франции в департаменте Кот-д'Ор, в районе городов Дижон и Шатильон-сюр-Сен успешно сражался крупный интернациональный отряд (до 200 человек) под командованием И.Н.Скрипая. Партизаны подорвали несколько немецких эшелонов, разгромили вражеский гарнизон в городе Шатильон-сюр-Сен, а в сентябре 1944 г. участвовали в ожесточенном сражении с войсками вермахта, прочно обосновавшимися в пригородном лесу. В освобождении городов на территории департаментов Верхняя Сена и Кот-д'Ор также активно участвовал отряд «Максим Горький».

На территории Лотарингии немногочисленные группы советских партизан, действовавшие с конца 1943 г., объединились в крупный отряд, который возглавил старший лейтенант И.М.Фищенко («Брав»). С весны 1944 г. партизаны, опираясь на поддержку местного населения, значительно усилили удары по врагу: нарушали работу транспорта, нападали на мелкие группы оккупантов, уничтожали склады с боеприпасами и продовольствием. В августе Фищенко перешел в Эльзас и создал там новое партизанское формирование из советских военнопленных, бежавших из мест заключения. Отряд в Лотарингии возглавил заместитель Фишенко — Василий Хныкин, а после гибели последнего — Василий Шило[40].

Немало партизанских групп, созданных советскими гражданами, воевало в западных департаментах Франции на побережье Атлантического океана.

Из отрядов советских партизан, действовавших на севере страны, нельзя не отметить небольшой отряд лейтенанта Василия Порика – подлинного героя антифашистской борьбы на французской земле, и, как писала газета «Правда», «одного из самых прекрасных и мужественных солдат Сопротивления»[41]. Дважды Порик попадал в плен и дважды бежал с фашистской каторги. Созданный им в начале 1944 г. партизанский отряд вскоре вырос до нескольких десятков человек и имел на своем счету немало смелых операций. Отважный партизанский командир 22 июля 1944 г. в третий раз был схвачен гитлеровцами и в тот же день расстрелян. Президиум Верховного Совета СССР присвоил В.В.Порику посмертно звание Героя Советского Союза.

Во французских группах Сопротивления и самостоятельными партизанскими формированиями советские граждане противоборствовали германской оккупации и на юге Франции, где «власть» принадлежала марионеточному правительству Виши. В этом регионе исключительной храбростью выделялись капитан С.Сапожников, старший сержант морской пехоты А.Плахотнюк, старший лейтенант А.Макеев, Василий Долганов, лейтенант Виктор Алексеенко.

О весомом вкладе советских партизан в освобождение Франции от фашистов свидетельствуют следующие факты. Только в департаментах Нор, Па-де-Кале, Мез, Мозель, Март-э-Мозель и Кот-д'Ор с февраля по август 1944 г. наши соотечественники уничтожили 3,5 тыс. немецких солдат и офицеров, пустили под откос 65 эшелонов, уничтожили или повредили 76 паровозов, 50 грузовиков, 90 телефонных линий, разрушили три моста, взяли в плен 650 гитлеровцев, а в качестве трофеев захватили 100 автомашин, 50 станковых и ручных пулеметов, два орудия, 850 автоматов и винтовок[42].

В Бельгии первый советский партизанский отряд появился в августе 1943 г. на северо-востоке провинции Лимбург. Состоял он из военнопленных, которым помогли бежать бельгийские рабочие. Вскоре был создан второй отряд из советских граждан, вырвавшихся из гитлеровской неволи. Отряды объединились в бригаду «За Родину» в составе 200 человек. Организаторами бригады стали лейтенанты И.А.Дядькин и В.А.Трефилов. Осенью 1944 г. партизанская бригада «За Родину» участвовала в освобождении Брюсселя и в боях под Антверпеном.

В провинциях Льеж и Намюр широкую известность приобрел сводный бельгийско-советский партизанский отряд под командованием бельгийского горняка Ж.Коллара. Во время наступления фашистских войск в Арденнах и Вогезах зимой 1944–1945 г. отряд осуществлял боевые операции на вражеских коммуникациях. За успешные боевые действия Фронт независимости Бельгии вручил партизанам Почетное знамя.

Среди других партизанских формирований, действовавших в Бельгии, известен «Русский партизанский батальон» во главе с Б.И.Тягуно-

вым — бывшим добровольцем ленинградского народного ополчения, бежавшим из фашистского плена. Отряд Тягунова вырос до 112 человек и действовал в районах Брюсселя, Диета и Арендонка. В районе Льежа и Комблен активную диверсионную работу вел небольшой партизанский отряд под командованием Г.Ц.Лермана. Заместителем командира и фактическим комиссаром отряда был младший политрук Е.И.Доценко — секретарь заводского комитета комсомола Сталинградской судоверфи в довоенные годы. В междуречье Урта и Амблева советские партизаны действовали совместно с бельгийскими патриотами. В Арденнах наиболее активным советским партизанским формированием стали отряд старшего техника-лейтенанта Николая Зубарева и отряд под командованием ленинградца Евгения Кожедубова.

В Италии одним из наиболее боеспособных подразделений советских партизан был «Русский ударный батальон», насчитывавший две сотни бойцов. Возглавлял его капитан Владимир Переладов. На фронт В.Я.Переладов пошел добровольцем и в боях под Вязьмой был тяжело контужен и попал в плен. Попав в лагерь военнопленных в Италии, Переладов совершил побег и примкнул к партизанам в районе Эмилия-Романья. Вскоре он уже командовал русским отрядом, преобразованным позже в Русский ударный батальон. Партизаны героически сражались против оккупантов, взяв под свой контроль дорогу Флоренция—Модена. В июне и июле 1944 г. батальон вел ожесточенные бои с карателями у Монтефьорино, где в тылу у гитлеровцев возникла партизанская освобожденная зона — «Республика Монтефьорино»[43].

В итальянской области Эмилия-Романья действовал также отряд подрывников «Кане Адзурро» под командованием бывшего военнопленного старшего лейтенанта И.Е.Рака. «Мы называли парней из этого отряда "огненными", — вспоминал участник движения Сопротивления Ф.Гуерино. — Под носом у фашистов они изготовляли мины самых различных систем и устанавливали их на важнейших вражеских коммуникациях»[44]. Только с октября 1944 г. по апрель 1945 г. отряд участвовал в 54 боевых операциях, уничтожил более 160 гитлеровцев, 29 автомашин, взорвал 28 мостов и много других важных объектов противника.

С весны 1944 г. в горах Вольтаджо против фашистских захватчиков действовал итало-русский диверсионный батальон. Многие наши соотечественники сражались с врагами в составе итальянских партизанских формирований в районе Генди, Феррары, Падуи, Кунео, Болоньи, Пьемонта и Империа.

Легендарным героем партизанской освободительной борьбы, заслужившим высшую награду Италии — Золотую медаль за военную доблесть, стал русский солдат, уроженец Рязанской области России Федор Полетаев («Федор Поэтан»). С помощью итальянских коммунистов Ф.А.Полетаев летом 1944 г. бежал в горы, где вступил в отряд

имени Франки третьей гарибальдийской дивизии «Пинан Чикеро». Полетаев участвовал во всех многочисленных боях и геройски погиб 2 февраля 1945 г. в сражении с карателями в горах Лигурии около деревни Канталупе. В декрете правительства Италии о награждении Федора Полетаева подчеркнуто: «Являя собой пример дисциплинированности и мужества, зная, что идет на верную смерть, Федор Поэтан ринулся во главе небольшого отряда в самую гущу врагов и открыл огонь. Нападение было столь внезапным и смелым, что противник растерялся и был вынужден сдаться. Немцы понесли большие потери, было захвачено много пленных. Во время этого героического эпизода, изменившего в тот день весь ход событий, Федор Поэтан пал смертью героя во имя идеалов свободы народов». За этот подвиг, свершенный вдали от Родины, Ф.А.Полетаев посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Во время празднования двадцатилетия Победы в мае 1965 г. один из руководителей итальянского Сопротивления Ферруччо Парри особо отметил: «Я хочу вспомнить добрым словом советских участников итальянского движения Сопротивления, бежавших из гитлеровских концентрационных лагерей и влившихся в партизанские отряды. Во всех партизанских соединениях Лигурии, Пьемонта, Эмилии, а также в Венето были советские люди, и их мужество, героизм и самоотверженность сыграли большую роль как в военном отношении, так и моральном»[45].

Значительный размах получило освободительное движение в Греции, в рядах которого активно участвовали и несколько сот советских граждан, бежавших из фашистского плена. В районе города Салоники, к примеру, отважно сражалась рота советских партизан под командованием младшего лейтенанта И.Б.Барсукова. К октябрю 1944 г. силы греческого Сопротивления освободили от гитлеровских захватчиков 90 % территории страны[46].

В Норвегии наши соотечественники, оказавшиеся в рядах местного движения Сопротивления, создавали боевые отряды и группы. Широкую известность получил русский взвод во главе с Владимиром Годовым, действовавший в районе Драммена. В марте 1944 г. партизаны взорвали крупный склад горюче-смазочных материалов южнее Тронхейма[47].

Независимо от того, в каком конкретном регионе нашим согражданам довелось участвовать в европейском движении Сопротивления, они выполняли свой боевой долг мужественно и решительно. Преданность Родине, уважение к народам, боровшимся против фашизма за свободу и независимость, твердая уверенность в победе, беспримерный героизм советских партизан заслужили глубокое уважение и благодарную память в сердцах миллионов европейцев, освобожденных от нацистского ига.

[1] На Волховском фронте, 1941–1944 гг. М., 1982. С. 330.
[2] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 32.
[3] Партизаны Брянщины: Сб. документов и материалов. Тула, 1970. С. 436–437.
[4] На Волховском фронте, 1941–1944 гг. С. 334.
[5] Непокоренная земля Псковская, 1941–1944: Документы и материалы. Л., 1976. С. 352.
[6] Цит. по: *Петров Ю.П.* Партизанское движение в Ленинградской области, 1941–1944. Л., 1973. С. 402.
[7] *Пономаренко П.К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков, 1941–1944. М., 1986. С. 249.
[8] *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 357.
[9] *Бычков Л.Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1965. С. 337.
[10] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1977. Т. 8. С. 156; Там же. М., 1978. Т. 9. С. 222.
[11] *Куприянов Г.Н.* За линией Карельского фронта. Петрозаводск, 1979. С. 68.
[12] КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959. С. 254–255.
[13] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 8. С. 170.
[14] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 4. С. 483.
[15] Там же.
[16] Крым в Великой Отечественной войне. Симферополь, 1963. С. 178.
[17] Там же.
[18] Там же. С. 181.
[19] Там же. С. 182.
[20] Там же. С. 186.
[21] *Басов А.В.* Крым в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1987. С. 224–225.
[22] Там же. С. 225.
[23] Там же. С. 227.
[24] Вопросы истории КПСС периода Великой Отечественной войны. Киев, 1961. С. 262.
[25] Там же; *Бычков Л.Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. С. 347.
[26] Вторая мировая война. Кн. 3: Движение Сопротивления в Европе. М., 1966. С. 48.
[27] *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970. С. 7.
[28] Вторая мировая война. Кн. 3. С. 214.
[29] *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 25.
[30] Вторая мировая война. Кн. 3. С. 215.
[31] Боевое содружество польских и советских партизан. М., 1959. С. 67.
[32] Вторая мировая войнам. Кн. 3. С. 223.
[33] *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 62.
[34] *Асмолов А.Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1977. С. 250; *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 92.

[35] *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 128.
[36] Советское славяноведение. 1965. № 6. С. 36–37; Известия. 1965. 11 марта.
[37] О чем не говорилось в сводках. М., 1962. С. 145–151.
[38] Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945. М., 1990. С. 139.
[39] Против общего врага: Советские люди во Французском движении сопротивления. М., 1972. С. 29–30.
[40] *Семиряга М.И.* Советские люди в европейском Сопротивлении. С. 171.
[41] Правда. 1964. 17 мая.
[42] Движение Сопротивления в Западной Европе, 1939–1945. С. 141.
[43] *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 202–205.
[44] Нева. 1960. № 9. С. 172.
[45] Правда. 1965. 5 мая.
[46] Всероссийская Книга Памяти, 1941–1945. М., 1995. Обзорный том. С. 382.
[47] Там же.

ПОБЕДНЫЙ СОРОК ПЯТЫЙ: ЗНАМЯ НАД РЕЙХСТАГОМ

В драматической и героической истории Великой Отечественной войны 1945 год по праву занимает особое место. Его первые месяцы ознаменовались проведением ряда крупных операций Красной Армии в Центральной и Юго-Восточной Европе, завершившихся полным очищением от немецко-фашистских захватчиков территории Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии, Югославии.

Это был год, когда советские воины, принеся освобождение немецкому народу от гитлеровской тирании, водрузили над поверженным Рейхстагом победоносное Красное знамя. Это был год, когда силы фашизма и милитаризма были вынуждены капитулировать и наступил мир, которого с такой надеждой и нетерпением ждали все честные люди на земле в течение всех долгих лет жестокой войны.

1290 неимоверно тяжелых дней осталось за плечами советского народа на 1 января 1945 года. 128 дней, о которых никто не знал, отделяло его от желанной Победы. К этому времени линия советско-германского фронта общей протяженностью 2200 км проходила по территории Латвии, Литвы, Восточной Пруссии, Польши, Чехословакии, Венгрии и Югославии. Стремительный вал освободительной борьбы докатился до фашистского логова. Приближался час расплаты. «Мы горячо приветствуем Новый, 1945 год. Нет сомнения в том, что ему суждено стать историческим годом. Мы ждем от него победного завершения войны с гитлеровской Германией и начала новой, длительной эры мира. До мира человечеству надо пройти сравнительно небольшой участок пути, но это — трудный участок...», — писала «Правда» в первый день нового года.

И действительно, хотя война с фашизмом подходила к концу, впереди еще предстояли тяжелые бои. Несмотря на понесенные в 1944 г. крупные поражения, противник еще не был окончательно сломлен. На Восточном фронте находилось 185 вражеских дивизий и 21 бригада. Вместе с венгерскими формированиями гитлеровская Германия имела здесь 3,7 млн человек, 56,2 тыс. орудий и минометов, 8,1 тыс. танков и штурмовых орудий, 4,1 тыс. самолетов.

Как справедливо заметил Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, среди всех 1418 дней и ночей Великой Отечественной не было

«ни одного легкого дня, даже самый последний день в войне с фашистской Германией был бесконечно опасным, безмерно трудным. Я помню этот день – он прошел на фронте, которым мне довелось командовать, под грохот орудий и треск автоматных очередей; в День Победы, когда во всей стране царило ликование, мы еще вели бои с прижатыми к морю недобитыми гитлеровцами».

В январе 1945 г. воины Красной Армии готовились к завершающим ударам по врагу. Советское командование планировало разгромить противника в Восточной Пруссии между Вислой и Одером, освободить всю Польшу и открыть путь на Берлин. На южном крыле фронта войскам была поставлена задача – завершить ликвидацию будапештской группировки и подготовиться к броску на Вену. Без резерва Ставки Верховного Главнокомандования Красная Армия имела на советско-германском фронте 6,7 млн человек, 107,3 тыс. орудий и минометов, 12,1 тыс. танков и САУ, 14,7 боевых самолетов. Советские войска превосходили противника в живой силе в 1,8 раза, в орудиях и минометах – в 1,9 раза, в танках и самоходно-артиллерийских штурмовых орудиях – в 1,5 раза, в боевых самолетах – 3,6 раза.

Начало наступления намечалось на 20 января 1945 г. Однако непредвиденные обстоятельства заставили изменить этот срок. Еще 16 декабря 1944 г. ударная группировка вермахта неожиданно предприняла контрнаступление на Западном фронте, в Арденнах против англо-американских войск. Прорвав наиболее слабый участок фронта союзников, ей удалось за десять дней продвинуться на запад до 100 км, создав реальную угрозу охвата с фланга и тыла двум американским, английской и канадской армиям. «...По всем дорогам, ведущим на запад, – писал американский журналист Р.Ингрессол, – бежали сломя голову американцы». «Несколько сот американских орудий и грузовиков, – свидетельствовал участник тех драматических событий Б.Уоллес, – были захвачены немцами целыми и невредимыми, и тысячи ящиков с боеприпасами были обращены против нас из наших же собственных орудий».

Охваченное тревогой англо-американское командование спешно перебросило в район прорыва значительные силы, что заставило гитлеровцев приостановить продвижение на Запад.

Однако в новогоднюю ночь в развитие декабрьской операции началось новое наступление вермахта, на этот раз южнее Арденн, в Эльзасе. Оно имело кодовое наименование «Северный ветер». На состоявшемся накануне операции совещании в Адлерхорсте Гитлер заявил: «Новогодняя ночь в истории Германии всегда сулила немцам военные успехи... Все неудачи кончились вместе с прошедшим годом, а новый год начался счастливо. Это доброе предзнаменование на будущее. Это второе наступление преследует предельно ясную цель: уничтожение вражеских сил... Оно одно из тех, которые имеют решающее значение».

Враг, действительно, преследовал далеко идущие цели. По словам генерала Г.Гудериана, Гитлер «рассчитывал таким образом выиграть время, чтобы разрушить надежды его противников на полную победу, заставить их отказаться от требований безоговорочной капитуляции и склонить к заключению согласованного мира».

Утром 1 января 1945 г. более 1 тыс. немецких самолетов нанесли внезапный массированный удар по аэродромам наших союзников по всему фронту — от Голландии до Саара. Германская авиация безраздельно господствовала в воздухе. Было уничтожено 260 англо-американских самолетов. В этот же день командующий экспедиционными силами союзников в Европе генерал Д.Эйзенхауэр отдал приказ: войскам 6-й группы армий оставить Северный Эльзас и отойти к Вогезам.

Немецкое наступление в Эльзасе продолжало развиваться успешно. Уже отвыкшие от серьезных боев англо-американские войска откатывались назад, бросая на горных дорогах военную технику. К 5 января части вермахта форсировали Рейн, углубившись на 30 км в направлении Страсбурга. Фронт американских войск был прорван. «Мы еще можем проиграть эту войну», — с тревогой записал в это время в своем дневнике командующий 3-й американской армией генерал Д.Паттон. 5 января захлебнулось начатое два дня назад контрнаступление 1-й американской армии. Положение становилось критическим.

6 января английский премьер У.Черчилль обратился к И.В.Сталину с посланием, в котором просил о незамедлительной помощи. «На Западе идут очень тяжелые бои, — писал он, — и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации... Я считаю дело срочным...»[1]

В ответном послании Сталина Черчиллю, направленном 7 января, говорилось: «...Учитывая положение наших союзников на Западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам»[2].

12 января после артиллерийской подготовки в наступление перешли войска 1-го Украинского фронта, которые в труднейших условиях осуществили прорыв на Сандомирском плацдарме. Так, на восемь дней раньше намеченного срока, в условиях крайне неблагоприятной для авиации погоды началась Висло-Одерская стратегическая операция, хотя подготовка к ней была еще в разгаре. «...Те восемь суток, что у нас взяли, по правде говоря, были нам крайне необходимы, — вспо-

минал бывший командующий войсками 1-го Украинского фронта Маршал Советского Союза И.С.Конев. — Но это необходимое время брали у нас для того, чтобы помочь союзникам...» Заметим, со своей стороны, что данная помощь, столь щедро санкционированная Верховным, обошлась Красной Армии весьма высокой ценой. Развернувшееся, еще раз подчеркнем, в условиях жесточайшей распутицы, по существу без эффективного воздушного прикрытия, при незавершенной концентрации войск и боевых средств это наступление сопровождалось большими, чем ожидалось, жертвами и потерями.

Итак, в середине января 1945 г. с плацдармов на западном берегу Вислы наступательную операцию начали части 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, а южнее — соединения правого крыла 4-го Украинского фронта. На 1200-километровом фронте от Восточной Пруссии до Карпатских гор развернулось самое крупное за годы войны зимнее наступление Красной Армии. Его основная цель состояла в том, чтобы разгромить вражескую группировку, оборонявшуюся на территории Польши и прикрывавшую жизненные центры Германии, выйти на Одер, захватить здесь важные плацдармы и обеспечить выгодные условия для нанесения решающего удара по Берлину.

В дни, предшествовавшие наступательным действиям советских войск, гитлеровцы готовились ко второму удару по союзным армиям: 6-я танковая армия СС была перегруппирована и нацелена на Динан-Живе. Но удара не последовало.

Уже 14 января Гитлер отдал приказ начать переброску главной силы вермахта в Арденнах — 6-й танковой армии СС на советско-германский фронт. Вскоре за ней последовала и 5-я танковая армия генерала Мантейфеля. Только с 15 по 31 января на восток было переброшено 8 немецких дивизий, в том числе 4 танковые и моторизированная. В их составе насчитывалось 800 танков и штурмовых орудий.

Все это существенно облегчило положение союзников в Арденнах, позволив им перейти в наступление и к концу января восстановить положение на Западном фронте.

В течение января войска 3-го и 2-го Белорусских фронтов во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом прорвали сильно укрепленные оборонительные полосы врага в Восточной Пруссии и окружили крупную группировку его войск. К концу месяца значительная часть этих сил была уничтожена, хотя враг сопротивлялся здесь с особым ожесточением.

17 января 1945 года была освобождена Варшава, в боях за которую вместе с частями Красной Армии самоотверженно сражались воины 1-й Польской армии. 3 февраля воины 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов вышли к Одеру, полностью очистили от врага правый берег реки и захватили плацдармы на его левобережье. Висло-Одерская операция завершилась. Гитлеровские войска понесли

значительные потери: 35 дивизий были уничтожены, 25 — потеряли 50–70% своего состава. «Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года, — отмечал фашистский генерал Ф.Меллентин. — Европа не знала ничего подобного со времен гибели Римской империи». Соединения Красной Армии при участии 1-й армии Войска Польского и партизан освободили значительную часть Польши и вышли на территорию Германии.

Общее положение немецко-фашистских войск становилось все более безнадежным. К началу февраля кроме вражеской группировки, блокированной в Курляндии, от основных сил вермахта была изолирована и группа армий «Север». Разбитые в ходе январских боев части противника спешно отходили в южную часть Померании и за Одер. Почти все резервы гитлеровского командования были израсходованы. Тем не менее оно предприняло лихорадочные меры, чтобы приостановить продвижение Красной Армии. Главные усилия направлялись на укрепление рубежей по Одеру и на подготовку фланговых ударов из Восточной Померании и Силезии по советским войскам, вступившим на территорию Германии.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования Красной Армии приняла решение: не ослабляя подготовку к наступлению на берлинском и дрезденском направлениях, осуществить силами 2-го и 1-го Белорусских фронтов разгром восточно-померанской группировки противника и выйти к нижнему течению Одера.

В ходе ожесточенных боев в Восточной Померании советским войскам и 1-й армии Войска Польского удалось достигнуть серьезных результатов. Была разгромлена крупная группировка противника, прорван Данцигско-Гданьский укрепленный район и освобождены десятки важных населенных пунктов. Только войска 2-го Белорусского фронта с 10 февраля по 4 апреля взяли в плен более 63 тыс. солдат и офицеров противника, захватили 3470 орудий и минометов, 431 самолет, 680 танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники, вооружения, боеприпасов и снаряжений. Восточно-Померанская операция Красной Армии сорвала планы гитлеровского командования нанести фланговый удар по советским войскам, вышедшим на Одер.

В феврале–марте 1945 г. войска 1-го Украинского фронта провели Нижне-Силезскую и Верхне-Силезскую наступательные операции. В результате крупное поражение потерпела вражеская группа армий «Центр». Советские войска разгромили 28 и уничтожили 5 дивизий противника, преодолев мощный рубеж его обороны на реке Одер.

В итоге февральско-мартовского наступления Красной Армии фашистская Германия лишилась важных военно-промышленных и сельскохозяйственных районов, а ее вооруженные силы понесли серьезные потери. Были созданы благоприятные условия для решающего наступления советских войск на берлинском направлении.

На Западе англо-американские войска заканчивали перегруппировку сил для броска на рубеж Рейна и последующего захвата Рурского промышленного района.

Ко времени, когда части Красной Армии готовились к последнему решающему наступлению с рубежа Одер—Нейсе на фашистскую цитадель, назрел целый ряд неотложных политических проблем. Исход войны был уже предрешен и в связи с приближающимся миром перед великими державами встал большой комплекс накопившихся вопросов первостепенной важности, которые предстояло рассмотреть на новой встрече глав правительств СССР, США и Великобритании. Местом встречи «Большой тройки» была определена Ялта (Крым).

Перед конференцией в Ялте западные союзники встретились на Мальте. Объединенный комитет начальников штабов должен был рассмотреть основные вопросы американской и английской наступательной стратегии в Европе. Обсуждалась дилемма: Балканы или Северо-Западная Европа? Конференция на Мальте, продолжавшаяся с 30 января по 1 февраля, по выражению английского историка Дж.Эрмана, выявила «серьезное расхождение во взглядах англичан и американцев» и «споры были самыми бурными за все время существования Объединенного комитета начальников штабов. США, настаивавшие на плане Эйзенхауэра, как наиболее сильный партнер, взяли верх. «Балканский вариант» Черчилля не был принят. Но и сторонники плана американцев и сторонники английского плана были согласны в одном: фактор времени «стал иметь решающее значение ввиду русского наступления».

В отчете о заседаниях Объединенного комитета начальников штабов назывались возможные сроки окончания войны в Европе. В качестве оптимального срока, «имеющего, пожалуй, лишь теоретическое значение», называлась дата 1 июля, но наиболее вероятным союзники считали окончание войны 31 декабря 1945 года.

Крымская конференция с участием руководителей трех союзных держав: Председателя Совнаркома СССР И.В.Сталина, Президента США Ф.Рузвельта и Премьер-министра Великобритании У.Черчилля работала с 8 по 11 февраля.

Союзники согласовали военные планы окончательного разгрома Германии и определили его будущее. При этом не обошлось без разногласий и острых дискуссий. Делегации США и Англии высказывались за расчленение Германии на несколько небольших государств, но это предложение из-за возражения советской стороны не было принято. Главы государств договорились о мерах, которые должны были создать условия для того, чтобы Германия стала единым миролюбивым, демократическим государством. Эти условия предполагали роспуск фашистской партии, вермахта, генерального штаба, ликвидацию военной промышленности. В заявлении о результатах конференции в

связи с этим говорилось: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира... Только тогда, когда нацизм и милитаризм будут искоренены, будет надежда на достойное существование для германского народа и место для него в сообществе наций»[3].

По инициативе советской делегации союзники рассмотрели вопрос о репарациях с Германии. СССР был заинтересован в том, чтобы агрессоры возместили хотя бы часть нанесенного ими огромного ущерба. Излагая позицию советской делегации по этому вопросу, заместитель наркома иностранных дел СССР И.М.Майский предложил общую сумму репараций с Германии определить в 20 млрд долларов натурой, из них 10 млрд долларов – Советскому Союзу. «Когда после оглашения мной на конференции этих цифр, я встретился в кулуарах с Рузвельтом, – вспоминал в беседе с автором настоящей книги академик И.М.Майский, – американский президент сказал мне: "Я поражен вашей скромностью. У вас ведь огромные потери. Я ждал, что вы предъявите требование, по крайней мере, в 50 млрд долларов".

Я ответил: "Мы охотно бы предъявили требование в 100 млрд, – но даже они бы не покрыли наших действенных потерь. К сожалению, однако, это не реально. Мы произвели самые строгие подсчеты того, что Германия практически в состоянии уплатить. И вот результат. Советские люди предпочитают стоять на твердой земле, а не предаваться фантазиям"».

«...Однако даже наши скромные цифры, – вспоминал далее И.М.Майский, – вызвали резкую оппозицию со стороны Черчилля. Он боялся, как бы репарации не ослабили Германию. А Германия ему была нужна как противовес мощи СССР. Результатом была острая полемика между советской делегацией и Черчиллем. Один момент она грозила даже срывом всего вопроса о репарациях. К счастью, однако... этой опасности удалось избежать, и в самый последний момент советский план репараций все-таки был принят конференцией»[4].

Большое внимание главы правительств трех великих держав уделили польскому вопросу. Было вновь подтверждено «общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу...»[5]

Союзники вынесли решение о необходимости создания Организации Объединенных Наций и приняли декларацию об освобожденной Европе.

В интересах безопасности дальневосточных границ и быстрейшего окончания Второй мировой войны СССР в подписанном 11 февраля соглашении подтвердил свое обязательство, данное еще на Тегеранской конференции, выступить против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе.

Правительства США и Англии были весьма заинтересованы в непосредственном участии Советского Союза в войне против японских агрессоров. Еще 27 сентября 1944 г. Черчилль писал Сталину: «Я искренне желаю, и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена»[6]. О крайней заинтересованности американских военных кругов во вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке говорилось в меморандуме Объединенного комитета начальников штабов США президенту Рузвельту от 23 января 1945 г.

Крымская конференция стала новым этапом в дальнейшем укреплении сотрудничества стран антигитлеровской коалиции в борьбе против общего врага. Однако, несмотря на принятые конференцией решения, после нее продолжалась закулисная возня фашистской дипломатии и реакционных империалистических кругов США и Англии в надежде расколоть антигитлеровскую коалицию.

Еще в дни Крымской конференции должно было начаться долгожданное наступление союзников к Рейну.

Предполагалось, что в результате 30-дневных наступательных действий 21-й группы армии части гитлеровских войск будут разгромлены западнее Рейна. Однако начавшееся 8 февраля наступление союзников внезапно прекратилось. Причиной этого явилось повышение до одного-полутора метров уровня воды на реке Рур из-за взрыва отступавшим противником шлюзов. «Опасаясь, как бы форсирование реки не закончилось неудачей, обе армии решили подождать до спада воды», — отмечал в книге «Записки солдата» американский генерал О.Брэдли.

Бездействие наших западных союзников продолжалось до 23 февраля. Позже в своих мемуарах бывший Верховный главнокомандующий экспедиционными силами союзников в Европе генерал Д.Эйзенхауэр напишет, что ни он, ни английский фельдмаршал Монтгомери «не сочли разумным ждать, пока спадет уровень воды в Руре». Тем не менее пауза в наступательных действиях союзников оказалась продолжительной.

«По всему фронту от Неймегана до острова Зееланд царило затишье, — свидетельствовал находившийся в те дни на Западном фронте советский журналист Д.Краминов, — Штабы вывешивали сводки Советского информбюро о боях на Восточном фронте, оперативники разрисовывали карты жирными стрелами; впервые появились пунктирные линии, связывавшие два союзных фронта. Командование измеряло быстро сокращающееся расстояние между ними. И все же Западный фронт упорно стоял на месте: немцы фактически боролись только на одном, Восточном фронте». Здесь они яростно защищали каждую оборонительную позицию, часто оставляя после себя мертвую зону.

В течение февраля–марта 1945 г. воины Красной Армии в основном завершили уничтожение сил противника в Восточной Пруссии, освободили всю Польшу, значительную часть Венгрии, глубоко вклинились на территорию Германии в провинции Померания, Бранденбург и Силезия.

6 апреля после тщательной подготовки войска 3-го Белорусского фронта начали штурм Кенигсберга. «Это была мощная крепость, — отмечал Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, командовавший тогда Земландской группой войск. — И ее мы штурмовали по всем правилам советского военного искусства с привлечением... большого количества авиации, крупных калибров артиллерии, с участием Военно-Морского Флота»[7].

Враг яростно сопротивлялся, бросаясь в контратаки. Но советские воины упорно продвигались вперед, сжимая вокруг вражеского гарнизона кольцо окружения.

Большую помощь нашей пехоте и танкам оказала авиация. Только за одни сутки — 8 апреля — советские летчики совершили более 6 тыс. самолето-вылетов. Они нанесли сокрушительные удары по оборонявшемуся противнику. Его долговременные глубоко эшелонированные полосы, крепостные форты и железобетонные огневые точки были превращены в груды развалин.

9 апреля советские воины завершили штурм Кенигсберга. Гитлеровцы потеряли здесь около 134 тыс. солдат и офицеров, в том числе 42 тыс. убитыми и до 92 тыс. пленными. «...Русские превосходили нас своими силами и брали верх, — заявил взятый в плен гитлеровский комендант Кенигсберга генерал О.Лаш. — Они сумели скрытно сосредоточить такое большое количество артиллерии и авиации, массированное применение которых разрушило укрепления крепости и деморализовало солдат и офицеров... Никак нельзя было раньше предполагать, что такая крепость, как Кенигсберг, так быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию. Под Кенигсбергом мы потеряли всю 100-тысячную армию».

Как отмечал в своей книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза А.М.Василевский, «Гитлер не мог примириться с потерей города, объявленного им лучшей немецкой крепостью за всю историю Германии и "абсолютно неприступным бастионом немецкого духа", и в бессильной ярости приговорил Лаша заочно к смертной казни».

Эта победа позволила уничтожить последнюю часть восточнопрусской группировки, зажатой на Земландском полуострове. Важную роль в успешном развитии событий в Восточной Пруссии сыграли боевые действия, развернувшиеся в Курляндии, где соединения 1-го, 2-го Прибалтийских, а затем Ленинградского фронтов продолжительное время сковывали крупную группировку гитлеровцев. Советские воины последовательно взламывали здесь мощную вражескую обо-

рону, уничтожая живую силу и технику противника, не позволяя ему перебрасывать отсюда части и соединения на другие участки советско-германского фронта.

Разгром немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии имел большое военно-политическое значение. В результате падения восточнопрусского бастиона был ликвидирован важнейший стратегический плацдарм третьего рейха.

Красная Армия продолжала наступление, добиваясь новых успехов. Еще 4 апреля в результате слаженных действий советских войск и партизан была освобождена столица Словакии Братислава. В этот же день пришел конец фашистскому оккупационному режиму на всей территории Венгрии. Изгнав отсюда захватчиков, воины Красной Армии переключили свои усилия на освобождение Австрии и ее столицы Вены. Противник оказал здесь жестокое сопротивление.

Но, несмотря на попытки врага, его оборона была прорвана, и 6 апреля передовые соединения 2-го и 3-го Украинских фронтов с севера и юга ворвались на окраины Вены. Через семь дней австрийская столица была полностью освобождена от оккупантов. В результате этой операции войска обоих фронтов разгромили 32,5 дивизии противника и открыли путь в центральные районы Чехословакии и к ее столице Праге. Фашистский рейх лишился важной промышленной базы и многих предприятий по производству военной продукции. Части Красной Армии оказались в 60 километрах от Берлина.

Итак, в апреле 1945 года перед Советскими Вооруженными Силами стояла основная цель — нанести последний решающий удар по немецко-фашистским захватчикам и водрузить Знамя Победы над Берлином.

«Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем», — вспоминал маршал Г.К.Жуков.

Для осуществления этой задачи привлекались войска 2-го Белорусского (командующий Маршал Советского Союза К.К.Рокоссовский), 1-го Белорусского (командующий Маршал Советского Союза Г.К.Жуков) и 1-го Украинского (командующий Маршал Советского Союза И.С.Конев) фронтов, авиация дальнего действия, Балтийский флот, Днепровская военная флотилия и две армии Войска Польского.

Советское командование сосредоточило на берлинском направлении огромное количество войск общей численностью в 2,5 млн человек, а также 41600 орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов и много другой техники и вооружения.

В составе фашистских армий, оборонявших Берлин, насчитывалось 1 млн солдат и офицеров, 10400 орудий и минометов, 1500 танков и САУ и 3300 боевых самолетов. Ожидая наступления советских

войск на германскую столицу, фашистское командование в течение марта – первой половины апреля создало на этом направлении крупные резервы за счет вывода танковых и моторизованных дивизий из первой линии обороны. Численный состав пехотных дивизий вермахта был доведен здесь до 7–8 тыс., а танковых – до 8 тыс. человек. При этом наиболее плотная группировка была создана противником в полосе 1-го Белорусского фронта, где оказалось сосредоточено до 50% всех сил и средств берлинской группировки.

И все же общее превосходство Красной Армии было весьма внушительным и составляло по сравнению с противником в артиллерии в 4 раза, в танках и САУ – в 4,1 раза, в боевых самолетах – в 2,3 раза.

Но, агонизируя, фашистские правители готовы были принести в жертву весь немецкий народ и его будущее. В изданном гитлеровским командованием 9 марта 1945 г. приказе о подготовке к обороне имперской столицы говорилось: «Оборонять столицу до последнего человека и до последнего патрона... Эту борьбу войска должны будут вести с фанатизмом, фантазией... с коварством, с использованием заранее подготовленных... подручных средств на земле, в воздухе и под землей»[8]. К середине апреля 1945 г. продолжали спешно сколачиваться батальоны фольксштурма, в которые мобилизовались невоеннообязанные всех категорий, старики, женщины, подростки.

К этому времени передовые части армий наших союзников достигли Эльбы. И хотя, как было обусловлено на конференции в Ялте, Берлин не входил в зону операций англо-американских войск, правящие круги США и Великобритании стали разрабатывать свой план овладения столицей фашистского рейха. Главным сторонником этого замысла был Премьер-министр Великобритании У.Черчилль, вынашивавший идею создания «антикоммунистического барьера» в Европе с участием Германии. 1 апреля 1945 г. он писал Президенту США Ф.Рузвельту: «Я хочу сказать совершенно откровенно, что Берлин попрежнему имеет большое стратегическое значение. Ничто не окажет такого психологического воздействия и не вызовет такого отчаяния среди всех германских сил сопротивления, как падение Берлина.

...Русские армии, несомненно, захватят всю Австрию и войдут в Вену. Если они захватят также Берлин, то не создастся ли у них слишком преувеличенное представление о том, будто они внесли подавляющий вклад в нашу общую победу... Поэтому я считаю, что с политической точки зрения нам следует продвигаться в Германии как можно дальше на Восток и что в том случае, если Берлин окажется в пределах нашей досягаемости, мы, несомненно, должны его взять. Это кажется разумным и с военной точки зрения».

«Я, однако, придаю большее зна́чение вступлению в Берлин – возможность, которая вполне вероятно нам представится, – писал У.Черчилль на следующий день генералу Д.Эйзенхауэру. – Я считаю

чрезвычайно важным, чтобы мы встретились с русскими как можно дальше на Востоке...»

Как свидетельствуют документы, Эйзенхауэр также был за то, чтобы возглавляемые им объединенные войска союзников первыми вошли в Берлин. Еще 15 сентября 1944 г. в письме к фельдмаршалу Монтгомери он отмечал: «Ясно, что Берлин является главной целью. По-моему, тот факт, что мы должны сосредоточить всю нашу энергию и силы с целью быстрого броска на Берлин, не вызывает сомнений». 14 апреля 1945 г. в докладе Объединенному комитету начальников штабов Верховный Главнокомандующий экспедиционными силами союзников в очередной раз подчеркнул, что было бы весьма желательным нанести удар в направлении Берлина. По этому поводу бывший командующий 12-й группой армий в Европе генерал О.Брэдли вспоминал, что в первой половине апреля 1945 г. он получил от Эйзенхауэра поручение подсчитать, какие примерно потери понесут англо-американские войска, если они попытаются первыми овладеть столицей рейха. Эйзенхауэр получил ответ — не менее 100 тыс. солдат и офицеров. Эта цифра, по словам Брэдли, явилась решающим фактором отказа Эйзенхауэра от данной цели.

И хотя немало фактов свидетельствовало, что зачастую командование западных союзников СССР больше ценило жизнь своих солдат, чем другая сторона, все же, представляется, не указанная выше цифра, а сложившаяся стратегическая обстановка перечеркнула далеко идущие англо-американские намерения. Ведь было очевидно, что Советские Вооруженные Силы, передовые соединения которых находились тогда всего в 50–60 км от Берлина, располагали неизмеримо большими возможностями, чтобы первыми овладеть германской столицей. Д.Эйзенхауэр раньше многих понял несбыточность указанного плана. Тем не менее перед танковыми дивизиями 9-й американской армии на всякий случай была поставлена задача: «наступать как можно быстрее на Восток — на Берлин».

Позднее в своих мемуарах Эйзенхауэр старался вообще отрицать существование скрытых замыслов англо-американских союзников по захвату Берлина, а заодно и обелить свои действия. Берлинская наступательная операция началась 16 апреля и продолжалась до 8 мая. В ходе тяжелых, кровопролитных боев войска трех фронтов мощными ударами сумели добиться крупных успехов.

С особым ожесточением враг сопротивлялся на главном направлении в районе Зееловских высот, где наступали воины 1-го Белорусского фронта. Этот естественный рубеж господствовал над местностью, имел крутые скаты, что резко осложнило продвижение войск и заметно отразилось на их потерях. Как писал в своей книге маршал Г.К.Жуков, «при подготовке операции мы несколько недооценивали сложность характера местности в районе Зееловских высот, где про-

тивник имел возможность организовать труднопреодолимую оборону. Находясь в 10–12 километрах от наших исходных рубежей, глубоко врывшись в землю, особенно за обратными скатами высот, противник смог уберечь свои силы и технику от огня нашей артиллерии и бомбардировок авиации».

Все это много лет спустя дало известное основание крупному советскому военачальнику генералу армии А.В.Горбатову (командовавшему на заключительном этапе войны 3-й армией) усомниться в правильности общего замысла Берлинской операции. «Я держусь того мнения, – говорил он на встрече с группой сотрудников журнала "Новый мир" в конце 1963 г., – что с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать. Но город достаточно было взять в кольцо, и он сам сдался бы через неделю-другую. Германия капитулировала бы неизбежно. А на штурме, в самый канун победы в уличных боях мы положили не менее ста тысяч солдат».

Как бы отвечая оппоненту, маршал Г.К.Жуков писал: «Сейчас, спустя много времени, размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина были сделаны правильно...

Слов нет, теперь, когда с исчерпывающей полнотой все ясно, куда легче мысленно строить наступательный план, чем тогда, когда надо было практически решать уравнение со многими неизвестными».

Ввиду упорного сопротивления противника Г.К.Жуков днем 16 апреля решил ввести в сражение танковые армии. Вместе с воинами 8-й гвардейской армии генерала В.И.Чуйкова 1-я и 2-я гвардейские танковые армии генералов М.Е.Катукова, С.И.Богданова и другие соединения стали настойчиво продвигаться вперед. К исходу дня 17 апреля враг не выдержал натиска, и войска 1-го Белорусского фронта завершили прорыв Зееловского оборонительного рубежа. Продолжая наступление, части Красной Армии 25 апреля завершили окружение берлинской группировки. В ней насчитывалось около 300 тыс. солдат и офицеров, 3 тыс. орудий и минометов, 250 танков и штурмовых орудий. В этот же день в районе города Торгау воины 5-й гвардейской армии 1-го Украинского фронта переправились через Эльбу и установили связь с подошедшими сюда частями 2-й американской армии. Фашистская Германия оказалась расчлененной на две части.

Чтобы избежать бессмысленных жертв, советское командование предложило окруженным вражеским войскам капитулировать. Но гитлеровское командование продолжало отправлять свои войска в кровопролитные бои на улицах столицы. На фасадах берлинских домов расклеивали приказ Гитлера, в котором говорилось, что каждый, кто прекращает сопротивление, является предателем и должен быть

немедленно расстрелян. Командующим берлинским гарнизоном был назначен генерал-полковник артиллерии Вейдлинг, но фактически всеми действиями руководил Гитлер, укрывавшийся в те дни в подвале имперской канцелярии.

Когда фашистское командование отклонило ультиматум о капитуляции, советские войска начали штурм Берлина. В течение 10 дней на улицах города среди горящих и разрушенных зданий, в густом дыму, смешанном с пылью, велись ожесточенные бои. Одурманенные нацистской пропагандой, воспитанные в духе слепого повиновения, гитлеровские войска оказывали упорное сопротивление. Признавая всю бессмысленность этой борьбы, генерал вермахта фон Бутлар был вынужден позднее отметить: «Гитлер в последние дни, видя неизбежность своей гибели, открыто сбросил маску, показав свое настоящее лицо, и с цинизмом садиста, одержимого духом разрушения, жертвовал в бессмысленной борьбе за рушившийся режим людьми и материальными ценностями». По его словам, бои за Берлин носили ожесточенный характер, «стоили больших потерь не только немцам, но и русским...»

Советские воины вместе с частями 1-й армии Войска Польского штурмовали один квартал за другим, улицу за улицей, район за районом, пробиваясь навстречу друг другу к центру города, к Рейхстагу.

О самом штурме Рейхстага за послевоенные годы написано немало, и наиболее важные события, связанные с ним, уже давно стали как бы хрестоматийными. Однако хорошо известная многим читателям картина штурма и водружения на крыше и куполе здания Знамени Победы, далеко не полностью соответствует действительности.

Имеющиеся архивные источники, сопоставление различных фактов и свидетельств непосредственных участников боев за Рейхстаг позволяют исключительно в интересах исторической правды внести в описание штурма необходимые коррективы.

Во многих изданиях, например, утверждается, что якобы уже в 14 часов 25 минут 30 апреля над поверженным Рейхстагом развевалось Красное знамя и что его водрузили именно разведчики М.А.Егоров и М.В.Кантария. На этот счет имеется даже ряд документов, в том числе направленное в 18.00 30 апреля донесение штаба 150-й дивизии в штаб 79-го корпуса, заверенное командиром генерал-майором В.М.Шатиловым. В нем говорилось, что «в 14.25 30.04.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания Рейхстага, 1/756 сп и 1/674 сп штурмом овладели зданием Рейхстага и водрузили на южной его части Красное знамя». По цепочке это радостное событие быстро пошло «наверх», вплоть до Ставки и нашло, в частности, отражение в поздравительном приказе № 06 Военного Совета 1-го Белорусского фронта, содержание которого позднее было воспроизведено уже в первом издании книги Маршала Советского Союза Г.К.Жукова «Вос-

поминания и размышления»*. Между тем многие исторические факты неопровержимо доказывают, что бои за Рейхстаг, который штурмовали воины 79-го стрелкового корпуса, начались рано утром 30 апреля и приняли весьма упорный и затяжной характер. Неоднократные атаки, предпринятые нашими частями, были противником отбиты, и к концу дня они сумели подойти только к затопленному котловану линии метро, который сильно преграждал путь к Рейхстагу. Наступила пауза и было решено возобновить штурм Рейхстага только с приходом темноты.

Таким образом, ни одного советского солдата днем, в том числе в 14 часов 25 минут, в Рейхстаге еще не было**, и упомянутое выше донесение штаба 150-й дивизии оказалось совершенно преждевременным.

Как могло такое случиться? По мнению бывшего командира 756-го стрелкового полка Героя Советского Союза полковника Ф.М.Зинченко, «всему виной — поспешные, непроверенные донесения. Возможность их появления не была исключена... Кому-то из командиров могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели... Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!.. Именно такое донесение дошло до штаба корпуса и сразу же без проверки было передано выше — в штаб фронта».

Бои за Рейхстаг вновь разгорелись только с 22 часов по местному времени после артиллерийской подготовки.

Среди атакующих первыми удалось ворваться на крышу Рейхстага воинам штурмовой группы капитана В.Н.Макова в составе артиллеристов-разведчиков старших сержантов Г.К.Загитова, А.Ф.Лисименко, А.П.Боброва и парторга батареи сержанта М.П.Минина. Здесь они и водрузили на скульптурной фигуре «Германия»*** Красное знамя, врученное им командованием 79-го стрелкового корпуса[9]. Об этом сразу же из Рейхстага В.Н.Маков доложил по рации командиру 79-го корпуса генералу С.Н.Переверткину. Согласно донесению командира 4-го артиллерийского краснознаменного корпуса прорыва Резерва Главного командования генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова командующему артиллерией 1-го Белорусского фронта, группой капитана В.Н.Макова «Знамя установлено в 22.40 30.04.45 года»[10].

---

* В последующих изданиях книги Г.К.Жукова, конечно, не случайно приказ № 06 приводится без указания времени водружения Красного знамени, т. е. вместо данных «14 час. 25 мин.» стоит отточие.

** Об этом же свидетельствуют и бывшие защитники Рейхстага, ныне профессор Эрнст Биттхер, доктора наук Р.Поль и О.Шевалери, (г. Берлин). В своем официальном ответе на запрос автора настоящей книги от 12. 02. 2000 г. они сообщили, что «только в ночь с 30 апреля на 1 мая в здание Рейхстага проникли советские солдаты». (Личный архив автора.)

*** Первоначально воины предполагали, что эта скульптура носит название «Богиня победы».

Вот как отозвался о действиях этой группы бывший командир 1-го стрелкового батальона, штурмовавшего Рейхстаг, Герой Советского Союза подполковник С.А.Неустроев на специальном совещании, посвященном указанному вопросу, которое состоялось в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 15–16 ноября 1961 г.:

«Группа артиллеристов, пять человек лучших воинов-коммунистов во главе с капитаном Маковым шли в первых рядах атакующих бойцов 1-го батальона 756-го стрелкового полка и играли большую мобилизующую роль в овладении Рейхстагом. Им первым принадлежит честь в установлении Красного знамени на крыше Рейхстага».

А как же М.А.Егоров и М.В.Кантария? Оба славных воина находились во втором эшелоне атакующих. В своей последней книге «Знамя Победы: Бой первый, бой последний» (М., 1975) они писали: «...Группа добровольцев во главе с капитаном В.Маковым в составе старших сержантов Г.Загитова, А.Лисименко и сержанта М.Минина* сумела прорваться на крышу и там укрепила свой флаг.

Прошло еще немного времени. Неожиданно в подвале появился капитан Кондрашов.

— Ну, ребята, пора, — взволнованно сказал он. — Сейчас второй эшелон поднимется в атаку, вместе с ним пойдете и вы.

Мы взяли знамя, поправили каски, автоматы и выбежали из подвала».

Свое Красное знамя за № 5 Егоров и Кантария водрузили на крыше здания с южной стороны у скульптуры конного рыцаря — кайзера Вильгельма. Это знамя, перенесенное ими позднее — 2 мая — на купол Рейхстага, по предложению Военного совета 3-й ударной армии и стало считаться Знаменем Победы — символом окончательного разгрома фашизма в Великой Отечественной войне.

1 мая 1945 г. четверо воинов из группы капитана В.Н.Макова за совершенный подвиг командованием 79-го стрелкового корпуса и 3-й ударной армии были представлены к присвоению звания Героя Советского Союза. Однако приказом командования 1-го Белорусского фронта от 18 мая 1945 г. они были награждены орденами Красного Знамени». Возможно, здесь сказалось то, что в представленных соответствующих документах указывалось реальное время водружения Красного знамени над Рейхстагом — 22 часа 40 минут, а не 14 часов 25 минут, как говорилось в упомянутом выше приказе Военного совета 1-го Белорусского фронта за № 06. Орденами Красного Знамени были награждены тогда также М.А.Егоров и М.В.Кантария. Однако через год, 8 мая 1946 г., дополнительно они удостоились и звания Героя Советского Союза. Что же касается отличившихся воинов из штурмо-

* Поскольку ст. сержант А.П.Бобров вскоре после войны был необоснованно осужден судебными органами, его имя стараниями цензуры на целые десятилетия исчезло из печати.

вой группы В.Н.Макова, то и они, безусловно, заслужили тогда право на высшую награду Родины и допущенную ошибку следовало бы давно исправить*.

2 мая к 15 часам сопротивление войск, оборонявших город, полностью прекратилось, а к исходу дня остатки берлинского гарнизона капитулировали. Гитлер покончил жизнь самоубийством. В течение 2 мая советским войскам сдались в плен до 135 тыс. вражеских солдат и офицеров. Как только закончились боевые действия в германской столице, стали приниматься меры по восстановлению городского хозяйства. Советское правительство выделило голодающему населению Берлина 6 млн пудов муки и зерна и большое количество других продуктов из запасов для войск. Между тем боевые действия вермахта против Красной Армии все еще продолжались. Созданное после смерти Гитлера фашистское правительство во главе с гроссадмиралом К.Деницем пыталось маневрировать, вступая в переговоры с англо-американским командованием и добиваясь капитуляции германских войск только на Западном фронте. Когда стало ясно, что правительства США и Великобритании открыто не пойдут на принятие односторонней сепаратной капитуляции, Дениц решил проводить ее по частям, стремясь отвести на Запад как можно больше войск. Еще 29 апреля был подписан документ о капитуляции немецко-фашистских войск в Северной Италии. 4 мая они сложили оружие в Голландии, северо-западной Германии, Шлезвиг-Гольштейне и Дании. За этим последовала капитуляция на Западном фронте ряда других гитлеровских частей и соединений.

6 мая Дениц направил в Реймс, в ставку главнокомандующего англо-американскими экспедиционными силами в Европе генерала Д.Эйзенхауэра, генерала Йодля. Однако в Реймсе был подписан лишь предварительный протокол о безоговорочной капитуляции вермахта, хотя США и Великобритания поспешили официально объявить о победе над Германией. Благодаря твердой позиции СССР было принято предложение Советского правительства провести подписание акта о капитуляции по всей форме 8 мая в Берлине.

Церемония подписания акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил проходила в пригороде Берлина Карлсхорсте в здании бывшей столовой немецкого военно-инженерного училища. Она началась ровно в полночь 8 мая и закончилась в 0 часов 43 минуты по московскому времени 9 мая 1945 г. Этот акт от имени германского верховного командования подписали фельдмаршал Кейтель, генерал-адмирал флота фон Фридебург и генерал-полковник

---

* Указом Постоянного Президиума Съезда народных депутатов СССР от 21 мая 1997 г. В.Н.Маков, Г.К.Загитов, А.Ф.Лисименко, А.П.Бобров (четверо посмертно) и М.П.Минин были удостоены звания Героя Советского Союза.

авиации Штумпф, а от имени союзных держав-победителей – Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, главный маршал авиации Великобритании А.Теддер и свидетели – представитель США генерал К.Спаатс и представитель французской делегации генерал Ж.-М. де Латтр де Тассиньи.

В соответствии с этим документом стали сдаваться в плен и другие уцелевшие немецко-фашистские части. В ночь на 9 мая сложила оружие курляндская группировка противника в составе 16-й и 18-й армий. Утром 9 мая капитулировали части вермахта в устье Вислы и на Балтийской косе. Однако на юге, в Чехословакии, группа немецко-фашистских войск под командованием фельдмаршала Шернера еще продолжала сопротивление. Она удерживала Прагу, над которой нависла угроза полного разрушения. На помощь жителям чехословацкой столицы выступили советские войска. Стремительным броском они вышли 9 мая к стенам Праги, восставшие жители которой вели тяжелые бои с превосходящими силами оккупантов. 11 мая и здесь враг прекратил сопротивление и сложил оружие. В составе советских войск 1-го и 2-го Украинских фронтов в Пражской операции активно участвовали 1-й чехословацкий армейский корпус, 2-я армия Войска Польского, 1-я и 4-я румынские армии. В ходе операции было взято в плен около 860 тыс. вражеских солдат и офицеров, захвачено 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше тысячи самолетов и много других военных трофеев.

Так под мощными ударами Красной Армии, взаимодействовавшей с войсками Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, с патриотическими силами Югославии, Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии, Венгрии, Албании и других стран рухнула гитлеровская кровавая империя.

После окончания войны в Европе была достигнута договоренность созвать конференцию трех держав в Берлине.

Конференция глав правительств Советского Союза, США и Великобритании открылась 17 июля 1945 г. в пригороде Берлина Потсдаме и продолжалась до 2 августа. Решено было разоружить Германию, ликвидировать ее военную промышленность, уничтожить фашистскую партию, дать немецкому народу возможность переустройства германии на демократической и мирной основе; было положено начало выработке условий мирных договоров с Германией и ее союзниками.

Потсдамская конференция явилась большой победой миролюбивого прогрессивного человечества. Она заложила основы сохранения мира в Европе при условии честного выполнения всеми ее участниками достигнутых соглашений.

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1976. Т. 1. С. 348–349. (Далее – Переписка...).

[2] Там же. С. 349.

[3] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 265–266.

[4] Из магнитофонной записи беседы автора книги с академиком И.М.Майским 7 января 1970 г. в связи с 25-летием Крымской конференции.

[5] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. III. С. 106.

[6] Переписка... Т. 1. С. 306.

[7] Из магнитофонной записи беседы автора книги с Маршалом Советского Союза И.Х.Баграмяном 9 февраля 1977 г.

[8] «Совершенно секретно! Только для командования!»: Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 572.

[9] Центральный архив МО РФ. Ф. 3-й ударной армии. Оп. 4306. Д. 528. Л. 45.

[10] Там же. Оп. 236417-с. Упр. 4 АККП РГК.

Приложение 1

Публикация «Знаменосцы Победы» (Ответы профессора Г.А.Куманева и кандидата исторических наук полковника В.Б.Сеоева на вопросы корреспондента газеты «Правда» 30 апреля 1990 г.)

Вопрос: Прошло 45 лет, как закончилась Великая Отечественная война, но до сих пор продолжаются дискуссии о штурме Рейхстага, нет полной ясности о том, кто и когда водрузил над ним Знамя Победы.

В.Сеоев: Это действительно парадокс, хотя все документы находятся в целости и сохранности, живы многие участники штурма. Опубликовано более сотни книг, тысячи статей, созданы документальные фильмы. Однако это тот случай, когда количество трудно переходит в качество.

Вопрос: И все-таки всплывают новые подробности, детали?

В.С.: В главном основные события прояснились. Чтобы увидеть всю картину, попробуем представить себе обстановку, которая сложилась 30 апреля 1945 г. К утру были закончены бои за два здания, которые прикрывали Рейхстаг: швейцарского посольства и министерства внутренних дел, или, как называли его в то время, «дом Гиммлера». Попытки трех стрелковых батальонов из 150-й и 171-й стрелковых

дивизий с ходу захватить Рейхстаг к успеху не привели. И только поздно вечером, после мощной артиллерийской подготовки три стрелковых батальона смогли совершить бросок к Рейхстагу. По центру шел 1-й батальон 756-го стрелкового полка капитана С.А.Неустроева, справа от него — 1-й батальон 674-го стрелкового полка капитана В.И.Давыдова. Эти два батальона входили в 150-ю стрелковую дивизию, которой командовал генерал-майор В.М.Шатилов. Слева от батальона Неустроева — батальон 380-го стрелкового полка старшего лейтенанта К.Я.Самсонова из 171-й стрелковой дивизии, которой командовал полковник А.И.Негода. Три батальона на одно здание. Кроме того, в цепях батальона Неустроева действовала штурмовая группа капитана В.Н.Макова, а в батальоне Самсонова — группа майора М.М.Бондаря. Они состояли из добровольцев и были сформированы при штабе 79-го стрелкового корпуса.

Таким образом, к трем батальонам добавляются еще два, пусть небольших, но самостоятельных подразделения. В том, что здание будет в короткий срок взято, никто не сомневался. Кто же окажется первым?

Вопрос: Задачи батальонов понятны — взять Рейхстаг, А какие задачи были поставлены перед штурмовыми группами?

Г.Куманев: На этот вопрос ответим словами живущего сейчас в Пскове М.П.Минина — одного из участников группы В.Н.Макова. Вот что он писал: «Штурмовая группа капитана В.Н.Макова имела главную задачу — первой водрузить Знамя Победы. В период штурма мы должны были идти впереди атакующих и первыми ворваться в Рейхстаг. Не исключался и такой вариант: если позволит обстановка, то незаметно просочиться к Рейхстагу еще до подхода передовых стрелковых подразделений и водрузить на видном месте Красное знамя, которое послужило бы сигналом общего штурма. Однако после первых неудач взятия Рейхстага, по указанию штаба корпуса, нашей штурмовой группе было приказано провести тщательную разведку обороны гарнизона Рейхстага и вскрыть его систему огня».

Вопрос: Как же появилось в истории время — 14 часов 25 минут, когда будто бы штурмом был взят Рейхстаг и над ним водружено Знамя Победы?

Г.К.: Ознакомление со многими источниками приводит к выводу, что первое сообщение об этом исходило от командира 150-й стрелковой дивизии генерал-майора В.М.Шатилова, который, как мы полагаем, преждевременно доложил командованию 79-го стрелкового корпуса о захвате Рейхстага и водружении над ним Знамени Победы в 14 часов 25 минут. На самом деле это произошло значительно позже.

Судя по всему, донесение сначала было передано им по телефону или по радио, а затем продублировано письменно штабом 150-й дивизии. В письменном донесении в штаб корпуса говорилось:

«Совершенно секретно
экз. № 1

Штакору 79

Доношу, в 14.25 30.4.45, сломив сопротивление противника в кварталах северо-западнее здания Рейхстага, 1/756 сп и 1/674 сп штурмом овладели зданием Рейхстага и водрузили на южной его части Красное знамя.

Знамя водрузили командиры батальонов капитан Неустроев и майор Давыдов.

Очистка здания Рейхстага от оставшихся в нем и его подвалах групп противника продолжается.

30.4.45 18.00

Штадив 150
Полковник Дьячков

Верно: Командир 150СД
генерал-майор — Шатилов».

Через штаб корпуса радостная весть сразу же пошла в штаб 3-й ударной армии, а оттуда — в штаб фронта.

Вскоре командование 3-й ударной армии издает приказ по войскам армии, в котором, в частности, говорилось:

«Сегодня в 14 часов 25 минут части... штурмом овладели зданием Рейхстага в Берлине и водрузили над ним гордый флаг Советского Союза».

Примерно за час до подписания этого приказа командарм 3-й ударной армии генерал-полковник В.И.Кузнецов сообщил о взятии Рейхстага лично командующему 1-м Белорусским фронтом Маршалу Советского Союза Г.К.Жукову.

Вопрос: А как относится к преждевременному донесению своего штаба бывший командир 150-й дивизии?

В.С.: Василий Митрофанович Шатилов в своих мемуарах и сегодня продолжает утверждать об успешном штурме Рейхстага в середине дня 30 апреля. Но это не подтверждается многими источниками, которые убедительно свидетельствуют, что днем 30 апреля, в частности, в 14 часов 25 минут, ни одного советского солдата в Рейхстаге еще не было.

Утверждение генерала опровергается и свидетельствами тех, на кого он ссылается в подтверждение своей концепции.

Вот что вспоминает об этих событиях бывший командир 756-го стрелкового полка полковник Ф.М.Зинченко: «15 часов, а подразделения не продвинулись ни на метр... Снова зовут к телефону. Звонит комдив:

— В чем дело? Почему задерживаетесь с Рейхстагом?

— Противник атакует, товарищ генерал. И Рейхстаг сопротивляется отчаянно...

— Отбить контратаку, и, не мешкая, — вперед!..»

Через некоторое время вновь состоялся разговор Зинченко с Шатиловым:

«— Почему ничего не докладываете? Ваши люди уже в Рейхстаге?

— Наших людей в Рейхстаге пока еще нет, — несколько озадаченный вопросом генерала, отвечаю я. — Батальоны лежат в ста пятидесяти метрах от него. И мой полк, и полк Плеходанова все это время отражали контратаки...

— А если все-таки в Рейхстаге действительно наши люди?

— Их там нет, товарищ генерал.

— Хорошо, десятиминутный артналет разрешаю. Начало в семнадцать пятьдесят. Готовьтесь к штурму».

Вопрос: Итак, бывший командир дивизии утверждает в своих мемуарах, что командир 756-го стрелкового полка Зинченко доложил о том, что рота Съянова в Рейхстаге, а сам полковник Зинченко пишет, что в Рейхстаге его людей не было. Кто же все-таки прав?

В.С.: Прав Зинченко. Дело в том, что в 14.25 роты Съянова вообще не существовало, она была сформирована вечером из прибывшего пополнения, а сам Съянов в батальон Неустроева прибыл из медсанбата не ранее 16 часов 30 апреля. Кроме того, трудно понять, для чего необходим был штурм Рейхстага с наступлением темноты, если там, по утверждению В.М.Шатилова, более двух рот уже водрузили Знамя Победы у скульптурной группы, а по некоторым материалам, даже на куполе Рейхстага. Получается, что гарнизон Рейхстага отсек эти две роты и взвод разведчиков от главных сил батальонов, позволил им забраться со Знаменем Победы вплоть до купола и дождаться своих в целости и сохранности. А что же делали главные силы? Лежали на Королевской площади, простреливаемые с Рейхстага губительным огнем, а перед тем, как атаковать Рейхстаг, открыли сильный артиллерийский огонь по своим двум ротам и взводу разведчиков ? Здесь многое лишено не только смысла, но и элементарной логики. Немало из участников это поняли и все более склоняются к объективности, другие же упорно придерживаются «ранее согласованной» точки зрения.

Ф.М.Зинченко так объясняет подобное положение: «Всему виной поспешные, непроверенные донесения. Возможность их появления была не исключена. Бойцы подразделений, залегших перед Рейхстагом, несколько раз поднимались в атаку в одиночку и группами. Вокруг все ревело и грохотало. Кому-то из командиров и могло показаться, что его бойцы если еще не достигли, то вот-вот достигнут заветной цели. Особенно твердым было такое убеждение у каждого из нас в самом начале штурма, когда еще не вполне представлялось, какое сопротивление способен оказать противник. Вот и полетели по команде донесения. Ведь всем так хотелось быть первыми!..»

Вопрос: А как же дальше развивались события? Ведь скрыть такой факт, наверное, трудно было?

Г.К.: Практически невозможно. Последствия преждевременного доклада были следующие: издается приказ Военного совета 1-го Белорусского фронта № 06, в котором отмечалось:

«Войска 3-й ударной армии генерал-полковника Кузнецова... сломили сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. в 14.25 подняли на нем Советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Переверткина, его 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова». Приказ № 06 как бы узаконил преждевременное сообщение о штурме и взятии Рейхстага. В результате вся последующая документация 3-й ударной армии и штаба фронта по этому вопросу (в том числе наградные документы) «подгонялись» ко времени 14 часов 25 минут.

Аналогичное сообщение прозвучало по радио не только в Советском Союзе, но и за рубежом. К Рейхстагу потянулись кинооператоры, корреспонденты газет, писатели, в числе которых был и Борис Горбатов. Но подойти к нему не было ни малейшей возможности, так как вражеский гарнизон прочно удерживал здание и простреливал все подступы к нему, а над самим зданием не было никакого Красного знамени.

Виновные в преждевременном докладе командиры и политработники вынуждены были как-то объяснить это положение. И тогда родилась новая версия: небольшая группа, выросшая впоследствии до двух рот и взвода разведчиков, ворвалась, мол, в Рейхстаг и была отсечена от остальных сил, но знамя водрузить успела, а теперь ведет ожесточенный бой с гарнизоном Рейхстага. Но где же знамя, которое, если верить приказу № 06, «развевается над главным зданием Рейхстага»?

И тогда, по свидетельству Неустроева, командир 150-й стрелковой дивизии потребовал от Зинченко: «Если нет наших людей в Рейхстаге и не установлено там знамя, то прими все меры, любой ценой, водрузить там флаг или флажок хотя бы на колонне парадного подъезда. Любой ценой!» — повторил генерал.

Многие тогда пытались выполнить этот приказ. Пытался его выполнить и Неустроев, посылавший дважды к Рейхстагу П.Н.Пятницкого на выполнение этого приказа. Никто из них до Рейхстага не дошел, погиб и П.Н.Пятницкий в 100–150 метрах от Рейхстага. Более двух лет, с августа 1942 г. он находился в плену, был освобожден, считался долгое время пропавшим без вести, затем принял участие в освобождении Польши, отличился под Шнейдемюлем и вот в Берлине погиб героем, прикрывая грехи старших начальников, поторопившихся с победными донесениями. В 150 метрах от Рейхстага в это же время

получил тяжелое ранение начальник политотдела 171-й стрелковой дивизии А.Т.Сотников.

Вопрос: А что же предпринималось историками для установления истины?

В.С.: Исследование обстоятельств водружения Знамени Победы над Рейхстагом по архивным документам оказалось сложным делом. Одни материалы противоречили другим, за подписью одного и того же должностного лица можно найти и сегодня документы, в которых одни и те же события подавались в нескольких вариантах.

Наиболее серьезную попытку к исследованию штурма Рейхстага историки предприняли при написании 5-го тома шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945». Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС 8 апреля 1960 г. организовал, как сейчас принято говорить, «круглый стол», в работе которого приняли участие Герои Советского Союза командир 79-го стрелкового корпуса С.Н.Переверткин, командир 150-й стрелковой дивизии В.М.Шатилов, командир 756-го полка Ф.М.Зинченко и другие. Материалы «круглого стола» были использованы для написания текста по штурму Рейхстага, который стал темой для обсуждения на совещании 15–16 ноября 1961 г. На этот раз круг участников штурма Рейхстага был значительно расширен.

В обсуждении материала приняли участие член Военного совета 1-го Белорусского фронта К.Ф.Телегин, командующий 3-й ударной армией В.И.Кузнецов, начальник политотдела армии Ф.Я.Лисицын, командиры дивизий В М.Шатилов и А.И.Негода, командиры полков А.Д.Плеходанов, Ф.М.Зинченко и В.Д.Шаталин, командиры батальонов С.А.Неустроев и К.Я.Самсонов, командир роты И.Я.Сьянов, командиры штурмовых групп В.Н.Маков и М.М.Бондарь и многие другие.

Особый интерес вызвали выступления непосредственных участников водружения знамени над Рейхстагом: А.П.Береста, А.Ф.Лисименко, М.П.Минина.

После тщательного и объективного анализа всех точек зрения участники совещания общими усилиями пришли к выводу, который стал ближе к истине, хотя и не мог претендовать на окончательные результаты. Этот общий взгляд на события последних дней войны был изложен в 5-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945». К сожалению, после совещания некоторые влиятельные мемуаристы, как правило, виновные в искажении фактов, с новой силой стали пропагандировать свое субъективное мнение и препятствовать любой публикации, противоречившей их точке зрения.

Вопрос: Как оценивались действия группы Макова в ходе того совещания?

В.С.: Даже Шатилов во втором своем выступлении признал первенство за группой Макова, а Лисицын предложил ходатайствовать о присвоении звания Героев Советского Союза таким, как А.П.Берест, К.В.Гусев, М.П.Минин и другим отличившимся воинам.

Степан Андреевич Неустроев так оценил действия штурмовой группы капитана В.Н.Макова: «Группа артиллеристов, пять человек лучших воинов-коммунистов во главе с капитаном Маковым, шли в первых рядах атакующих бойцов 1-го батальона 756-го стрелкового полка и играли большую мобилизующую роль в овладении Рейхстагом. Им первым принадлежит честь в установлении Красного знамени на крыше Рейхстага».

Вопрос: А когда же было водружено знамя Военного совета 3-й ударной армии?

Г.К.: В том же 5-м томе научного труда «История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945» этот эпизод освещается следующим образом: «Бойцы группы старшие сержанты Г.К.Загитов, А.Ф.Лисименко и сержант М.П.Минин с красным флагом бросились наверх. Прокладывая себе путь гранатами и огнем из автоматов, они вырвались на крышу и здесь укрепили флаг. Командир группы немедленно доложил о выполнении задания командиру корпуса генерал-майору С.Н.Переверткину. В ночь на 1 мая по приказанию командира 756-го полка полковника Ф.М.Зинченко были приняты меры по водружению здании Рейхстага знамени, врученного полку Военным советом 3-й ударной армии. Выполнение этой задачи было возложено на группу бойцов, которую возглавил лейтенант А.П.Берест. Ранним утром 1 мая на скульптурной группе, венчавшей фронтон здания, уже развернулось Знамя Победы: его водрузили разведчики сержанты М.А.Егоров и М.В.Кантария».

В своей книге «Знамя Победы» М.Егоров и М.Кантария также отмечают, что «группа добровольцев во главе с капитаном В.Маковым в составе старших сержантов Г.Загитова, А.Лисименко и сержанта М.Минина сумела прорваться на крышу и там укрепила свой флаг».

«Прошло еще немного времени, — пишут они. — Неожиданно в подвале появился капитан Кондрашов.

— Ну, ребята, пора, — взволнованно сказал он. — Сейчас второй эшелон поднимется в атаку, вместе с ним пойдете и вы.

Мы взяли знамя, поправили каски, автоматы и выбежали из подвала».

Вопрос: В группе Макова было пять человек, а называются только четыре. Почему?

В.С.: Дело в том, что пятым в этой группе был ленинградец старший сержант А.П.Бобров. После окончания войны он возвратился в Ленинград, работал. Однажды, не стерпев грубого оскорбления от одного из руководителей, запустил в него чернильницей. Дело

было передано в суд. И, как было принято у нас еще совсем недавно, осужденный лишился своего прошлого. Именно поэтому он и не был упомянут в 5-м томе «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941 — 1945», хотя никто не лишал Боброва боевых наград, в том числе и ордена Красного Знамени за штурм Рейхстага и водружения Знамени Победы. Возвратить истории имя героя — наш долг.

Вопрос: Часто в письмах рассказывается о группе разведчиков С.Е.Сорокина, которая вроде бы тоже в 14.25 водрузила знамя над Рейхстагом.

В.С.: Такие письма приходят и к нам. Для доказательства приводят фотографию, на которой группа Сорокина вместе с Неустроевым салютует у скульптурной группы. Но этот снимок был сделан фотокорреспондентом И.Шагиным 2 мая 1945 г., уже после капитуляции гарнизона Рейхстага. А в 14 часов 25 минут 30 апреля в Рейхстаге, кроме немцев, никого не было. В группу С.Е.Сорокина входили разведчики И.Н.Лысенко, В.Н.Правоторов, С.Г.Орешко, Г.П.Булатов, П.Д.Брюховецкий, М.А.Пачковский, М.С.Габидуллин. Разведчики всегда отличались не только смелостью и решительностью, но и находчивостью, умением не теряться, добиваться решения поставленной задачи в любой обстановке. И когда днем командир дивизии приказал принять все меры, водрузить флаг или флажок хотя бы на колонне парадного подъезда, разведчики конечно же не могли остаться в стороне. Из того же 674-го полка такую попытку предпринял командир стрелкового взвода Р.Кошкарбаев. Его весьма лестно характеризовал командир полка А.Д.Плеходанов на встрече в 1961 году. Отметив Кошкарбаева, командир полка ни словом не обмолвился о том, что его разведчики первыми где-либо водрузили флаг... Их попытки, так же как и попытки многих других, оказались безуспешными. Слишком сильным, а главное, прицельным был огонь из Рейхстага, чтобы подняться в полный рост и перейти водное препятствие по отдельным рельсам или швеллерам. Своих разведчиков он отметил за то, что они взяли в плен и доставили к генералу Шатилову двух немецких медиков — генерал-лейтенанта Вильгельма Бреккенфельда и генерал-майора Вальтера Шрайбера.

Вопрос: А нет ли свидетельств самого Р.Кошкарбаева?

В.С.: Он так рассказывал о своем участии в штурме Рейхстага: «Я прыгнул в окно и оказался на площади — попал под обстрел, укрылся у трансформаторной будки в воронке, здесь со мной оказался разведчик полка Григорий Булатов... Перед нами стреляли огнеметы. Дальше двигаться нельзя. Решили ждать дотемна. Часов в 9 вечера мы поднялись и броском добежали до парадного входа. Здесь и воткнули флаг в замурованное окно. Вскоре появился батальон Неустроева... За батальоном

Неустроева пришел и наш батальон». По-солдатски скупо и немногословно, но правдиво. Этот факт включен в 5-й том «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза»: «Здесь взвились флаги лейтенанта Р.Кошкарбаева и рядового Г.П.Булатова из 674-го стрелкового полка...» Это и был флаг разведчиков С.Е.Сорокина, который был позднее перенесен к скульптурной группе и на фоне которого сфотографировались разведчики вместе с С.А.Неустроевым.

Вопрос: Какой же можно сделать вывод относительно времени водружения знамени над Рейхстагом?

Г.К.: Красных флагов водружалось над Рейхстагом много, одни чуть раньше, другие минутами, а иногда часами позже, а третьи — после окончания боев вплоть до передачи Рейхстага союзным войскам. Очевидцы насчитывали на нем до сорока красных флагов и флажков самых разных размеров и водруженных в самых разных местах Рейхстага. И это было весьма закономерно. Все они водружались советскими воинами от имени всего советского народа.

Но речь сейчас о первых красных флагах над Рейхстагом, которые принято называть знаменами. Так вот, первыми Красное знамя, врученное штабом 79-го стрелкового корпуса, водрузили с западной стороны на крыше Рейхстага (на скульптурной фигуре, как они думали, «Богиня победы») воины штурмовой группы капитана В.Н.Макова в составе артиллеристов-разведчиков старших сержантов Г.К.Загитова, А.Ф.Лисименко, сержанта А.П.Боброва и парторга батареи сержанта М.П.Минина.

Согласно донесению командира 4-го артиллерийскою Краснознаменного корпуса прорыва РГК гвардии генерал-лейтенанта артиллерии Игнатова командующему артиллерией 1-го Белорусского фронта, группой капитана В.Н.Макова «Знамя установлено в 22.40 30.4.45 года».

Об этом событии В.Н.Маков прямо из Рейхстага доложил по своей рации (документ сохранился) командиру 79-го стрелкового корпуса генерал-майору С.Н.Переверткину. Во время этого доклада на КП генерала Переверткина находился начальник политотдела 3-й ударной армии полковник Ф.Я.Лисицын. Он спросил тогда Макова, на каком месте установлено знамя. Разволнованный успехом своей группы, Маков ответил, что знамя вставлено в корону какой-то немецкой (...)

В своей книге «В те грозные годы» генерал-лейтенант Ф.Я.Лисицын так оценивает подвиг этой штурмовой группы: «С самого начала боев за Рейхстаг с воинами штурмового батальона капитана Неустроева действовала и группа капитана В.Макова, которая имела задание водрузить над поверженным зданием так называемого фашистского "парламента" красный флаг. В этой группе были бесстрашные разведчики-добровольцы коммунисты и комсомольцы из 136-й артиллерий-

ской бригады старшие сержанты Г.Загитов и А.Лисименко, сержанты М.Минин и А.Бобров. Наперекор всем трудностям они пронесли в Рейхстаг исправную рацию...»

Затем, как свидетельствуют боевые донесения, эта группа пробилась на крышу здания Рейхстага и установила там поздно вечером 30 апреля красный флаг командования и политотдела корпуса, закрепив его древко в одной из пробоин бронзовой скульптуры «Германия».

Через два-три часа в ночь на 1 мая на крыше Рейхстага было установлено знамя Военного совета 3-й ударной армии, известное под № 5. После непосредственного приказа Ф.М.Зинченко его водрузили разведчики 756-го полка М.А.Егоров и М.В.Кантария, которых сопровождал лейтенант А.П.Берест — заместитель Неустроева по политической части и группа автоматчиков из роты И.Я.Сьянова. «Свое» знамя, по свидетельству Егорова и Кантария, они прикрепили к скульптуре конного рыцаря — кайзера Вильгельма II, которая находилась с восточной стороны здания над депутатским входом. Перенесенное ими позднее — 2 мая — на купол Рейхстага Красное знамя № 5 и стало считаться Знаменем Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В 14 часов 3 мая командир корпуса С.Н.Переверткин доложил Военному совету 3-й ударной армии: «Моим личным приказом Красное знамя, водруженное 30 апреля 1945 г. 150-й стрелковой дивизией над зданием Рейхстага, сейчас снято. Вместо знамени я приказал поставить большой алый стяг». Далее он просил снятое с купола знамя вместе с делегацией от фронта, армии и корпуса направить в Кремль Верховному Главнокомандующему.

Ответ Военного совета армии найти не удалось. Скорее всего, его не было. Но установлено, что после того, как знамя было снято с купола, на нем была сделана надпись. Во второй половине дня 20 июня знамя доставили на центральный аэродром Москвы, где оно из рук И.Я.Сьянова было передано знаменосцу Герою Советского Союза старшему сержанту Ф.А.Шкиреву и двум его ассистентам — Героям Советского Союза гвардии старшине И.И.Паньшеву и сержанту И.С.Маштакову.

23 июня была генеральная репетиция Парада Победы. К этому времени знаменосцев переодели в новую парадную форму. На последней тренировке знамя нес С.А.Неустроев, а ассистировали М.А.Егоров, М.В.Кантария и И.Я.Сьянов. Но на Парад Победы было решено это знамя не выносить. Неустроев это объясняет тем, что знаменосцы из-за отсутствия предварительных тренировок действовали не лучшим образом. Прямо с генеральной репетиции Знамя Победы было отправлено в Центральный музей Вооруженных Сил, где оно хранится и сегодня как святая реликвия, политая кровью миллионов граждан нашего Отечества.

Вопрос: Как были отмечены те, кто водружал знамя над Рейхстагом?

В.С.: После капитуляции берлинского гарнизона командиры всех степеней приступили к подготовке наградных материалов. 756-й и 674-й стрелковые полки были представлены командиром дивизии к орденам Красного Знамени за водружение на здании Рейхстага Знамени Победы.

Большая группа солдат и офицеров из различных полков и батальонов была представлена к званию Героя Советского Союза. В наградных листах отмечалось, что именно данный товарищ водрузил первое знамя над Рейхстагом.

К этому званию 1 мая 1945 г. за совершенный подвиг командованием 79-го корпуса и 3-й ударной армии были представлены четверо воинов из группы капитана В.Н.Макова — Г.К.Загитов, М.П.Минин, А.Ф.Лисименко и А.П.Бобров. Однако приказом командования 1-го Белорусского фронта от 18 мая 1945 г. они получили ордена Красного Знамени. Очевидно, определяющее влияние на это решение оказала путаница в установлении времени водружения знамени (в представленных наградных материалах указывалось реальное время водружения Красного знамени — 22 часа 40 минут, а не 14 часов 25 минут, как говорилось в упомянутом выше приказе № 06 Военного совета 1-го Белорусского фронта).

Орденами Красного Знамени были также награждены М.А.Егоров и М.В.Кантария. 8 мая 1946 г., к годовщине Победы, они удостоились и звания Героя Советского Союза. В соответствии с этим же Указом Президиума Верховного Совета СССР это звание получили командиры батальонов, штурмовавших Рейхстаг, капитаны В.И.Давыдов и С.А.Неустроев, старший лейтенант К.Я.Самсонов. Представлялась к званию Героя большая группа из 674-го полка: С.Е.Сорокин. И.Н.Лысенко, П.А.Греченков, Г.П.Булатов, В.Н.Правоторов, С.Г.Орешко, Р.Кошкарбаев, М.С.Габидуллин, И.Т.Кулаков и многие другие, как наиболее отличившиеся при штурме Рейхстага и водрузившие над ним Красное знамя. Почти все они получили ордена Красного Знамени, а П.А.Греченков и И.Н.Лысенко в мае 1946 г. были удостоены звания Героя Советского Союза.

Трудно объяснить, чем руководствовался Военный совет 3-й ударной армии, когда отклонил представление к званию Героя на А.П.Береста. Что же касается отличившихся воинов из штурмовой группы капитана В.Н.Макова, то и они во главе со своим командиром, безусловно, заслужили право на высшую награду Родины и допущенную ошибку давно бы следовало исправить.

Приложение 2

Из письма участника штурма Рейхстага подполковника В.Д.Шаталина авторам интервью

Дорогие товарищи!

Я, Шаталин Виктор Дмитриевич, подполковник в отставке, участник штурма Рейхстага в роли командира 380 стрелкового полка 171 стрелковой дивизии и участник Парада Победы 24.06.45 г. в качестве знаменосца своего полка, полностью согласен и одобряю материал «Знаменосцы Победы», опубликованный в «Правде» 30 апреля 1990 г.

30.04.45 г., находясь на своем НП в здании швейцарского посольства, примерно в 14.30 по телефону меня спросил командир 79 стрелкового корпуса генерал Переверткин — вижу ли я Красное знамя (флаг) на крыше Рейхстага? Я доложил, что на Рейхстаге его нет и быть не может, потому что там немцы, а мои солдаты и соседние справа ведут бой еще на подступах к Рейхстагу.

Помолчав 2–3 секунды, генерал Переверткин сказал мне несколько «крепких слов»... Он мне не поверил. Я понял, что кто-то доложил ему преждевременно о водружении знамени.

Продолжая держать трубку телефона у своего уха, я отчетливо слышал, как генерал, кому-то докладывая, говорило том, что в Рейхстаге наши ведут бой и на Рейхстаге водружено Красное знамя. Я был, конечно, удивлен и озадачен всем услышанным. Еще раз внимательно осмотрев Рейхстаг, который я видел от фундамента до макушки, убедился в правоте своего доклада и дополнительно звонить не стал.

Дождавшись наступления полной темноты, я перенес свой КП в Рейхстаг в ночь с 30.04.45 г, на 1.05.45 г. Там в это время уже были подразделения ст. л-та Самсонова (комбат 1/380) и подразделения полка полковника Зинченко (150 сд). Не вдаваясь в подробности обстановки и боя, скажу лишь, что до утра 2.05.45 г. я, зам. командира полка по политчасти майор Килькеев Ш.Х., командир штурмового отряда (комбат 1/380) ст. л-т Самсонов, командир минометной роты к-н Сахаров и другие командиры подразделений 380 находились в южной части Рейхстага, отражая контратаки, ведя бой.

Обо всем этом и о разговоре с генералом Переверткиным я рассказал на совещании в ноябре 1961 г. в Москве. Возражений и замечаний по моему выступлению не было. Велась стенографическая запись, можно прочитать.

До вашего интервью в «Правде» от 30.04.90 г. я не знал, кто же преждевременно доложил о якобы захвате Рейхстага. Теперь я и все

мы знаем, что это генерал Шатилов В.М. Он и в своей книге «Знамя над Рейхстагом», мягко говоря, неточен в свою пользу, занимается самовосхвалением.

Спасибо вам за эту публикацию, давно пора назвать автора ложного доклада, внесшего путаницу в историю штурма Рейхстага, в результате чего немало наших воинов погибло...

С уважением
В.Шаталин

18.05.1990 г.

АРСЕНАЛ ПОБЕДЫ

ВОЕННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Советский Союз вступил в вооруженную борьбу против фашистской Германии и ее союзников, располагая крупным современным промышленным потенциалом и огромными материальными ресурсами. Экономика страны по уровню выпуска важнейших видов продукции стояла в первых рядах наиболее развитых стран мира. Так, по производству электроэнергии СССР занимал 3-е место в мире и 2-е в Европе, по добыче угля — 4-е место в мире и 3-е в Европе, по добыче железной руды — 2-е место в мире и 1-е в Европе, по производству чугуна и стали — 3-е место в мире и 2-е в Европе.

Однако к моменту нападения на СССР Германия обладала не только самой мощной армией капиталистического мира. Она поставила под свой контроль экономические ресурсы почти всех европейских государств. Эти страны ежегодно производили более 19,3 млн тонн чугуна, 22,3 млн тонн стали, 149 млн тонн каменного угля, 2215 тыс. тонн бокситов. На 1 апреля 1941 г. 4876 предприятий оккупированных стран было привлечено к выполнению заказов вермахта.

В распоряжении военной экономики Германии была металлургическая и машиностроительная индустрия ее союзников, нефть Румынии, бокситы Венгрии, вольфрам и олово Португалии, лес Финляндии и т.д.

К июню 1941 г. мощности фашистского рейха по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2–2,5 раза больше, чем Советского Союза. Кроме того, в оккупированных европейских странах гитлеровская Германия захватила громадные запасы металла, стратегического сырья, оборудования и весь арсенал вооружения. К ней перешли оружие, техника, боеприпасы и снаряжение 30 чехословацких, 92 французских, 12 английских, 22 бельгийских, 18 голландских и 6 норвежских дивизий. Военная продукция одних только чехословацких предприятий Шкода могла снабдить многими видами вооружения около 40–45 немецких дивизий.

Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с колоссальной военной машиной, самой мощной ударной силой капиталистического мира.

С первых же дней войны крайне неблагоприятный для СССР ход военных действий продиктовал необходимость быстро переключить экономику, всю жизнь страны на военный лад.

Главная цель военной перестройки народного хозяйства сводилась к тому, чтобы путем мобилизации всех внутренних ресурсов обеспечить в самые сжатые сроки максимальное увеличение выпуска оборонной продукции, добиться материально-технического превосходства Красной Армии над войсками фашистского блока, создав тем самым прочный фундамент победы над врагом.

Перевод народного хозяйства СССР на военные рельсы предусматривал коренное изменение структуры материального производства. Полное подчинение всей экономики — промышленности, транспорта, сельского хозяйства — задачам борьбы против немецко-фашистских агрессоров требовало введения в действие мобилизационных планов, перераспределения материальных ресурсов в пользу военного производства, введения строгой централизации в деле их распределения и нормирования. Государственный бюджет должен был обеспечить в первую очередь нужды оборонной промышленности, строительство новых военных объектов и предприятий тяжелой индустрии, улучшение перевозочных средств. В национальном доходе уменьшалась доля накопления и потребления, соответственно вырастали расходы на нужды войны.

В соответствии с новыми чрезвычайными условиями существенно перестраивалась работа всех государственных и общественных органов и учреждений. Уже в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» наряду с мерами общего характера предусматривались меры, касающиеся экономической жизни страны, в частности, введение трудовой повинности, регулирование времени работы учреждений, промышленных и торговых предприятий, нормирование отпуска населению промышленных и продовольственных товаров и др. Однако первым документом, определившим решительный поворот промышленности на обслуживание фронта, было решение СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1941 г. — ввести в действие принятый 6 июня 1941 г. мобилизационный план по боеприпасам. Он был превращен в оперативное задание по развертыванию наиболее массовой отрасли военной индустрии.

Вслед за этим правительство дало указание Госплану СССР срочно разработать мобилизационный план для всего народного хозяйства на ближайшие три месяца. 30 июня 1941 г. мобилизационный народно-хозяйственный план на третий квартал был представлен и утвержден ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это был план, в котором уже зримо проступали черты военной экономики.

Производство военной техники по сравнению с довоенным временем увеличивалось на 26%. Капитальное строительство ограничивалось относительно небольшим числом ударных строек. Средства и

материалы концентрировались на строительстве военных заводов в районах Поволжья, Урала и Западной Сибири.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу содержалась в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. и в выступлении по радио 3 июля И.В.Сталина. Между членами ближайшего сталинского окружения были распределены обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, в ведении В.М.Молотова стали находиться вопросы производства танков, Г.М.Маленкова – самолетов и авиационных моторов, Н.А.Вознесенского – вооружения и боеприпасов, А.И.Микояна – продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л.П.Берия – самолетов и ракетной техники, Л.М.Кагановича и А.А.Андреева – транспортные перевозки.

Факты и документы говорят о том, что почти три четверти всех членов ЦК ВКП(б) приняли непосредственное участие в организации военной экономики. На решение военно-хозяйственных задач были направлены усилия и значительная часть работников всех звеньев партийного и советского аппарата в тылу.

Проблемами военной перестройки народного хозяйства СССР с самого начала войны постоянно занимался И.В.Сталин и особенно после того, как с 30 июня возглавил Государственный Комитет Обороны (ГКО). По мнению некоторых крупных хозяйственников того времени, в том числе руководителей наркоматов, с которыми автору довелось встречаться и беседовать (среди них М.Г.Первухин, Д.Ф.Устинов, П.Н.Горемыкин, А.И.Шахурин, И.А.Бенедиктов, С.З.Гинзбург, Н.К.Байбаков, Д.Г.Жимерин, З.А.Шашков, П.Ф.Ломако, П.П.Лобанов, А.А.Ишков, Д.В.Павлов и др.), в военно-экономических вопросах уже в первые месяцы войны Сталин проявлял большую компетентность. Во время одной беседы, состоявшейся 13 июня 1984 г., В.М.Молотов подчеркнул «огромную роль» главы партии и правительства «в руководстве народным хозяйством». По его словам, «все основные вопросы военной перестройки и функционирования нашей экономики, даже в деталях, он (Сталин. – *Г.К.*) держал в памяти и умело осуществлял все рычаги управления по заданному курсу».

Мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г. явился одной из первых попыток перевести экономику страны на военные рельсы. Но вскоре стало ясно, что подготовленный в своих главных чертах еще до фашистской агрессии он не отвечал той реальной обстановке, которая сложилась в результате военных неудач Красной Армии летом 1941 г.

Поэтому 16 августа 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) утвердили новый военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии, который был направлен на то, чтобы в течение на-

меченного срока развернуть основную военно-промышленную базу Советского Союза в восточных районах страны. С этой целью в эти же районы полностью переводились из южных и центральных районов страны предприятия по производству авиамоторов и самолетов, танков, танковой брони. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового вооружения, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах производства электроэнергии, угля, нефти, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры, крепкой азотной кислоты. В общем плане капитального строительства удельный вес оборонных наркоматов повышался с 30% в первом полугодии 1941 г. до 40% в четвертом квартале того же года. Число же новостроек, предусмотренных третьей пятилеткой, сокращалось с 5700 до 614. Продолжалось строительство лишь тех предприятий, которое можно было завершить в течение года. В области сельского хозяйства план предусматривал увеличение посевной площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии. Под урожай 1942 г. намечалось расширить посевные площади путем использования в первую очередь земель, пригодных для самотечного орошения.

В предвидении увеличения грузопотоков с востока на запад и обратно большое внимание уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено в тыловых районах России строительство вторых путей, связывающих Сибирь и Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. Бюджетные же ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшались на 21,6 млрд руб., а на социально-культурные мероприятия — на 16,5 млрд рублей.

Новые условия хозяйственной жизни страны, порожденные войной, требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью. Важнейшей функцией созданного 30 июня 1941 г. высшего чрезвычайного органа государственной власти — Государственного Комитета Обороны — являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности по созданию и развитию военной экономики ГКО опирался на действовавший и до войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к обстановке и требованиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраи-

вался и аппарат Совнаркома СССР, как органа общегосударственного руководства развитием экономики.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. были значительно расширены права народных комиссаров СССР. 18 июля это решение было распространено на наркомов РСФСР и УССР. Наркомы получили возможность распределять и перераспределять между предприятиями материальные ресурсы наркоматов, в том числе излишки материалов и оборудования между отдельными предприятиями и стройками в соответствии с ходом выполнения планов. Расширялись права наркоматов и в распределении средств на капитальное строительство, в использовании финансовых ресурсов, в регулировании фонда зарплаты. В составе Госплана были образованы отделы вооружения, боеприпасов, судостроения, авиастроения и танкостроения.

Новая чрезвычайная обстановка продиктовала, таким образом, необходимость усиления централизации всех эшелонов управления и их военизацию, что означало беспрекословное выполнение планов и оперативных поручений, равносильных приказу, суровую дисциплину и строжайшую ответственность за срыв заданий и т. п.

Одновременно происходили изменения в структуре управления аппарата, прежде всего за счет упразднения лишних звеньев, укрупнения параллельных подразделений, сокращения штатов.

Война заставила коренным образом пересмотреть привычные представления о пределе производственных мощностей, норм выработки, сроков выполнения. Не дожидаясь пересмотра довоенных норм, многие передовики производства по собственной инициативе ломали устаревшие графики работы, вносили серьезные коррективы в использовании сырья, топлива и материалов, в расстановку рабочей силы, трудясь за двоих и троих. Слова «невозможно», «нереально», «невыполнимо» уходили в прошлое.

Повсеместно, во всех сферах народного хозяйства с первых дней войны возникло немало ценных творческих начинаний, направленных на повышение производительности труда, мобилизацию неиспользованных резервов экономики.

В июле 1941 г. всенародную известность получил почин комсомольца Федора Букина, слесаря Горьковского машиностроительного завода им. Воробьева. Букин 3 июля, выполнив план на 200%, решил выполнять норму не только за себя, но и за товарища, ушедшего на фронт. Уже к концу 1941 г. на многих заводах Москвы, Ленинграда, Баку, Комсомольска-на-Амуре, Свердловской и Молотовской областей двухсотником стал каждый третий комсомолец. Вскоре появились трехсотники, четырехсотники. пятисотники... А в феврале 1942 г., когда газеты сообщили, что молодой фрезеровщик из Нижнего Тагила Дмитрий Босый сумел при помощи приспособлений к станку выполнить норму на тысячу процентов, развернулось движение тысячников. Его пример нашел последователей

на многих заводах, фабриках, стройках, железных дорогах. Второе рождение получило начатое еще в мирные годы движение комсомольско-молодежных бригад, которые стали соревноваться за звание фронтовых. Они выполняли самые ответственные заказы. Участники соревнования ставили своей задачей работать по-гвардейски, по-фронтовому, побеждать в труде, как воины в бою, не числом, а умением, высокой производительностью, не покидать цеха, пока не выполнено задание.

Зачинателями этого движения выступили молодой мастер Уральского завода тяжелого машиностроения имени Орджоникидзе Михаил Попов и руководитель бригады инструментальщиков Горьковского автозавода Василий Шубин. Почин уральцев и горьковчан был подхвачен на многих предприятиях страны.

Доля военной продукции в общем производстве промышленности возросла с 45% в июне до 65% в июле и 70% в августе 1941 г.[1]

Перераспределение сырья и материалов в пользу военного производства сопровождалось дальнейшей централизацией системы снабжения и жестким нормированием расхода материалов, топлива, электроэнергии. Сэкономленное сырье, материалы, мощности и рабочая сила использовались для расширения военного производства. На предприятиях, где характер производства в целом не менялся, оборудование технически приспосабливалось для выпуска военной продукции или сырья, в котором нуждалась военная промышленность.

Исключительно важная роль в военном производстве принадлежала машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности. Тяжелое машиностроение почти целиком переключалось на производство корпусов танков, минометов, снарядов, мин, авиабомб и другой военной продукции.

В это же время авиастроители (нарком авиапромышленности СССР А.И.Шахурин) стали давать во все возраставших количествах более совершенные типы истребителей, бронированные штурмовики, пикирующие бомбардировщики. Это позволило ГКО 18 сентября в развитие общего военно-хозяйственного плана принять мобилизационную программу выпуска самолетов и моторов на сентябрь–декабрь 1941 г.

В процессе перестройки гражданской промышленности на выпуск боевой техники и всех видов вооружения на действовавших предприятиях Центра и Юга Европейской части СССР не ослабляли усилия по наращиванию на Востоке мощностей тяжелой индустрии. Практическое выполнение этих неотложных задач можно видеть на примере развертывания производства танков и самолетов в восточных районах.

После того, как был принят мобилизационный план по танкостроению, В.А.Малышев — нарком созданного 11 сентября 1941 г. Наркомата танковой промышленности — выехал с группой директоров отрасли на Урал. Были выявлены конкретные возможности и условия форсированного перевода уральских машиностроительных заводов

на выпуск бронетанковой техники, определены места для размещения перебазируемых танкостроительных предприятий и подготовлена новая производственная база для дизелестроения.

До войны единственным поставщиком дизельмоторов В-2 для танков КВ и Т-34 был Харьковский дизельный завод. В результате проведенного перемещения предприятий танкостроения, танковые заводы имели перерыв в выпуске продукции лишь в один месяц, а производство дизелей совершенно не прерывалось. В тот день, когда ушел из Харькова последний эшелон с оборудованием дизельного завода, в Челябинске происходила сборка первых дизелей для тяжелых и средних танков. К концу 1941 г. на базе Челябинского тракторного завода (ЧТЗ) возник мощный танкостроительный комбинат имени Кирова.

На заводе заводов России и всей страны – Уралмаше, где ранее строились уникальные, главным образом крупногабаритные машины, началось серийное производство корпусов и башен для танков КВ. К концу года завод выпустил первые 606 корпусов. Группа заводов во главе со Сталинградским тракторным заводом образовали комплексную базу танкостроения в районах великой русской реки Волги. Другой волжский танкостроительный производственный комплекс во главе с заводом «Красное Сормово» сложился в Горьком в результате кооперирования этого завода с Горьковским автозаводом и рядом других предприятий.

Таким образом, Челябинский и Сталинградский тракторные заводы стали центрами по производству тяжелых и средних танков, а Горьковский автозавод – легких. Что касается бронелистов для боевых машин, то их выпускали Магнитогорский и Кузнецкий металлургические заводы, Нижнетагильский и Чусовской заводы и Сталинградский завод «Красный Октябрь». К концу 1941 г. в тылу страны уже действовала мощная танковая промышленность в составе восьми танковых, шести корпусных и трех дизельных заводов.

В течение второго полугодия 1941 г. танкостроители уже изготовили 4649 танков, в том числе свыше 40% легких, 39% – средних. Правда, количество выпущенных тяжелых танков типа «КВ», производство которых было освоено на Челябинском тракторном заводе, увеличилось в четвертом квартале 1941 г. на 108 шт., но выпуск средних танков Т-34 за тот же период снизился почти на 500 машин*.

---

* Поступавшие на фронт танки Т-34 уже в первые месяцы войны продемонстрировали свое тактико-техническое превосходство над германскими боевыми машинами T-IV, которые были более уязвимыми в отношении брони, имели короткоствольное орудие и обладали меньшей маневренностью. Желание выпускать точно такие же танки, по свидетельству танкового стратега вермахта генерала Г.Гудериана, не встретило поддержки у немецких конструкторов. Их смущало не отвращение к подражанию, а невозможность производства с требуемой быстротой важнейших деталей Т-34, особенно дизельного двигателя; уступала и германская сталь.

В целом план производства танков удалось выполнить лишь на 61,7%. Однако в первом квартале 1942 г. определился перелом.

Что касается производства самолетов в тыловых районах, то в ноябре 1941 г. их было построено в 3,6 раза меньше, чем в сентябре. Осенью, когда вражеские войска рвались к центру Советского государства – Москве, оборудование многих самолетостроительных заводов и, в частности, Центрального промышленного района Российской Федерации, дававших до войны более трех четвертей всей выпускаемой Наркомавиапромом продукции, находились еще на колесах. В это же время происходил процесс освоения производства новых типов самолетов, что также замедляло темпы выпуска боевых машин.

Ценой огромного напряжения сил авиастроителям удалось преодолеть падение производства и обеспечить его неуклонный рост. И если в четвертом квартале 1941 г. было выпущено самолетов всех типов 3171 шт., то в первом квартале 1942 г. – 3740, во втором – 6004, а в третьем – уже 7388 шт.

По этому поводу немецкий исследователь военной истории Г.Фойхтер писал: «То, что в таких трудных условиях Советскому Союзу удалось... в сравнительно короткий срок наладить массовый выпуск самолетов... следует отнести к величайшим техническим достижениям периода Второй мировой войны».

Высокую мобильность показали переключенные на военное производство заводы сельскохозяйственного машиностроения. На их базе создавалась минометная промышленность. Но к 1 июня 1941 г, в войсках имелось всего лишь 14200 батальонных минометов и только 3800 полковых. ГКО обязал местные органы власти Свердловской, Челябинской, Сталинградской и Новосибирской областей к 1 ноября подыскать новые базы для производства минометов и представить свои предложения на утверждение правительства 26 ноября 1941 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Наркомат общего машиностроения был преобразован в Наркомат минометного вооружения. Первым его наркомом стал один из опытных организаторов военного производства П.И.Паршин.

В течение второго полугодия 1941 г. страна получила 42,3 тыс. минометов, или в среднем 7 тыс. в месяц, тогда как в первом полугодии их среднемесячный выпуск составил только 1,7 тыс.

Ускоренно шла реализация постановления Государственного Комитета Обороны от 12 июля 1941 г. о возобновлении ошибочно приостановленного незадолго до войны производства противотанковых пушек 45 и 76 мм калибра. Нарком вооружения военных лет Д.Ф.Устинов вспоминал, как повседневно и строго контролировал Председатель ГКО производство этих пушек.

«Мне не раз приходилось докладывать И.В.Сталину о выполнении графиков выпуска продукции, – отмечал Д.Ф.Устинов. – На их нару-

шения он реагировал иногда довольно резко... В октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Возникли трудности и в его планировании. Поэтому в ноябре Н.А.Вознесенский потребовал подготовить проект постановления на три месяца вперед. Рассмотрение этого проекта на заседании ГКО мне особенно запомнилось». По словам Устинова, обсуждение было нелицеприятным. В документ был включен специальный пункт, продиктованный Сталиным: «ГКО предупреждает всех народных комиссаров и директоров заводов об исключительной ответственности за выполнение указанного постановления и за бесперебойное снабжение артиллерийских заводов наркомата вооружения и устанавливает, что невыполнение заказов для выпуска 45-мм и 76-мм пушек будет рассматриваться ГКО как государственное преступление».

В предвоенные годы артиллерийский завод, где работал руководителем конструкторским бюро В.Г.Грабин, выпускал одновременно не более двух типов пушек, чаще всего — только один тип. Война потребовала организовать выпуск нескольких артиллерийских систем (Ф-22 УСВ, Ф-34, ЗиС-2, а затем ЗиС-3 и ЗиС-5).

«День ото дня положение на фронтах становилось все тяжелее, — вспоминал о первых месяцах войны В.Г.Грабин. — "Больше пушек! Больше пушек!" — требовал от завода наркомат...

Сформированные артиллерийские части прибывали за пушками прямо к нам. В заводском поселке на площадке у дома директора эти части учились обращаться с полученными орудиями и отправлялись на фронт».

Исключительно важной задачей являлось обеспечение массового производства боеприпасов. Работа предприятий Наркомата боеприпасов (нарком П.Н.Горемыкин) была в центре внимания ГКО. Военная обстановка продиктовала необходимость срочно возобновить выпуск снарядов и патронов к 45-мм противотанковым пушкам и противотанковым ружьям. Их производство перед войной по настоянию заместителя наркома обороны СССР, начальника Главного артиллерийского управления маршала Г.И.Кулика — человека малокомпетентного — было прекращено.

Исторически так сложилось, что промышленность, выпускавшая боеприпасы, размещалась в большей степени в угрожаемой зоне. Поэтому с самого начала войны она понесла ощутимые потери. Только с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации и эвакуации выбыли из строя 303 предприятия, изготовлявшие боеприпасы.

13 июля 1941 г. ГКО постановил организовать в восточных районах производство бронебойных и зенитных снарядов, причем именно тех видов боеприпасов, которые были особенно необходимы воинам Красной Армии для борьбы с танками и авиацией противника. В течение 10 дней следовало отгрузить с предприятий Москвы и Ленинграда

2800 станков для усиления мощностей предприятий Наркомата боеприпасов. Руководящие органы Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы получили задание в двухдневный срок перебросить на уральские и сибирские заводы, изготовлявшие боеприпасы, около 5 тыс. инженеров, техников, мастеров, квалифицированных рабочих по металло- и термообработке, инструментальщиков, монтажников. Ответственное задание было выполнено.

И все же положение с боеприпасами было тяжелым. Войска испытывали острую нехватку артиллерийских снарядов, особенно зенитных, мин и патронов. Выпуск боеприпасов в последние месяцы 1941 г. снизился и не превышал 50–60% плана. Тогда по решению правительства к их производству до конца года было переключено 382 предприятия 34 наркоматов и ведомств, а в 1942 г. — 1108 предприятий 58 наркоматов и ведомств.

Положение стало постепенно выправляться. С декабря 1941 г. выпуск боеприпасов начал заметно возрастать, и уже в июле 1942 г. предприятия наркомата произвели продукции в 1,7 больше, чем в июле 1941 г.

В судостроительной промышленности (нарком И.Н.Носенко) в соответствии с планом перестройки было законсервировано полностью производство 5 линкоров, 8 из 10 крейсеров, половина мониторов и др. видов тяжелых боевых кораблей. Вместе с тем ускоренным темпом продолжались работы на кораблях с большим процентом технической готовности. К строительству боевых кораблей были привлечены заводы наркоматов морского и речного флота, рыбой и мясной промышленности и ряда других.

Рост и развитие военного производства в свою очередь делало необходимым расширение сырьевой и топливно-энергетической базы и прежде всего в восточных районах, где, как уже отмечалось, развертывалась основная военно-промышленная база Советского Союза.

Черная металлургия (нарком И.Ф.Тевосян), продукция которой в целом по стране из-за вражеской оккупации сократилась более чем в два раза по сравнению с 1940 г., требовала к себе особого внимания.

Исключительно трудные задачи встали перед металлургами Востока. Они должны были не только восполнить утраченные мощности заводов Центра и Юга, но и существенно изменить технологию производства металла, освоить в кратчайшие сроки выпуск новых марок чугуна, легированных сталей, броневого проката.

Ведущая роль в этом деле принадлежала магнитогорским металлургам. До войны броневая сталь на Урале не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах черных металлов, ученым и металлургам и прежде всего коллективу Магнитогорского металлургического комбината пришлось впервые в мировой практике, к тому же в короткий срок освоить технологию выплавки

броневой стали в больших мартеновских печах. Уже в июле–августе 1941 г. 70% плана мартеновских цехов Магнитогорского металлургического комбината занимал качественный металл, а прокатные цехи более чем на 50% давали прокат качественных специальных сталей. Всего в течение лишь второго полугодия 1941 г. сталевары Магнитки сумели освоить свыше 30 марок качественной стали.

Наряду с выплавкой качественной стали здесь же был налажен и ее специальный прокат. За отсутствием на Урале необходимых прокатных станов для этой цели тоже впервые в истории мировой и отечественной металлургии был приспособлен блюминг. Тем самым был совершен технический переворот в прокатном деле.

В октябре 1941 г. магнитогорцы увеличили выпуск броневого листа по сравнению с августом в 3 раза, в декабре — уже в 7 раз. Металлурги Урала дали высококачественную броню для танков на полтора месяца ранее установленного правительством срока.

За короткое время на производство качественной стали и проката был переведен Кузнецкий металлургический комбинат.

В ходе военной перестройки на производство качественного проката были переключены и некоторые другие предприятия черной металлургии.

«Это был далеко не механический процесс, — писал известный сталевар, заместитель наркома черной металлургии СССР П.И.Коробов. — Важнейшая военно-хозяйственная задача решалась путем многочисленных исследований, путем разработки и внедрения новой технологии металлургического производства, путем настойчивой борьбы за выплавку именно тех сортов стали, которая была бы способна выдержать на танках удары вражеских снарядов, обеспечила бы производство таких снарядов, которые пробивали бы броню фашистских танков».

Намеченные правительственным графиком на ноябрь 1941 г. — январь 1942 г. меры по увеличению мощностей металлургических заводов приравнивались к мерам особо важного оборонного значения.

В сложнейших условиях перестраивалась на военный лад советская электроэнергетическая промышленность (Наркомат электростанции в первые месяцы войны возглавлял А.И.Летков, затем Д.Г.Жимерин, а Наркомат электропромышленности — И.Г.Кабанов). Как и другие отрасли тяжелой индустрии, уже в начале гитлеровской агрессии она понесла большие потери. Немецко-фашистские захватчики разрушили 61 крупную электростанцию, около 10 тыс. км высоковольтных линий электропередачи, вывезли в Германию 14 тыс. паровых котлов, 1400 турбин, 11300 электрогенераторов. По установленной мощности электростанций Советский Союз был отброшен к уровню 1935 г.

Чтобы возместить такие потери и обеспечить народное хозяйство страны электроэнергией, ГКО и Совнаркомом СССР были приняты

срочные меры для расширения старых и строительства новых электростанций. Так, уже 9 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны определил первоочередные мероприятия по усилению мощностей Челябинской, Красногорской и Средне-Уральской электростанций — основных станций уральской энергосистемы. 26 сентября СНК СССР вынес постановление «О мероприятиях по строительству электростанций в г. Новосибирске и Кузбассе», в соответствии с которым предусматривалось расширение Кемеровской ГРЭС и ТЭЦ, а также сооружение линий электропередач Кемерово—Ленинск и Мундыбаш—Таштагол. 17 ноября правительство приняло постановление «Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции».

В соответствии с правительственными решениями Наркомат по строительству (нарком С.З.Гинзбург) развернул в восточных регионах форсированное сооружение новых районных и заводских электростанций малой и средней мощности.

Однако, несмотря на ускоренный ввод в эксплуатацию новых электростанций, выработка электроэнергии в системе Наркомата электростанций СССР в декабре 1941 г. составила только 52% по сравнению с июнем.

Лишь во второй половине 1942 г. удалось, наконец, остановить дальнейшее падение производства электроэнергии и обеспечить рост по сравнению с первой половиной года на 6,3%.

Военная промышленность поглощала огромное количество цветных металлов. Поэтому уже 28 июля 1941 г. Наркомат обороны СССР получил указание направить в помощь строителям Уральского алюминиевого завода Наркомата цветной металлургии (нарком П.Ф.Ломако) 10 строительных батальонов. Это позволило почти удвоить мощность завода. Одновременно началось сооружение новых алюминиевых заводов в Свердловской области и в Кузнецке.

Ускоренными темпами возводились также в различных районах тыла 5 крупных заводов по обработке и прокату цветных металлов. Были приняты меры по усилению производственных мощностей крупнейшего в стране Балхашского медеплавильного завода в Казахстане. В октябре 1941 г. сюда было направлено оборудование прокатного цеха Кольчутинского завода (Ивановская обл.). На новом месте цех был превращен в завод. Через 80 дней его металлурги дали стране крайне необходимый цветной прокат.

Горняки Никополя, прибывшие на Северный Урал с оборудованием со своих рудников, взялись за добычу марганцевой руды. Сквозь тайгу, через болотные топи добирались они от конечной станции Ивдель на Урале до р. Полуночной к месторождениям марганца, в труднейших условиях доставили сюда инструмент, многочисленные тяжелые агрегаты — моторы, компрессоры, подъемные машины. В конце 1941 г. на

заводы черной металлургии пошел уральский марганец, который до войны доставлялся с Украины и Закавказья.

Быстро также развертывалась в восточных районах страны и особенно в Казахстане и Узбекистане добыча вольфрамовой руды, ванадия, молибдена и других редких металлов, без которых невозможно производство легированных сталей.

Перестройка черной и цветной металлургии и расширение военного производства потребовали от предприятий Наркомата угольной промышленности (нарком В.В.Вахрушев) значительного увеличения добычи угля, и прежде всего коксующегося. После потери Донбасса резко возросла роль восточных районов страны.

В конце 1941 — начале 1942 г. в Кузбасс и Карагандинский бассейн из Донецкого бассейна прибыли эшелоны шахтеров и энергетиков с оборудованием, врубовыми и подъемными машинами, электровозами и другими агрегатами. Из Ворошиловграда в Караганду был перебазирован завод угольного машиностроения им. Пархоменко, из Москвы — Горный институт с профессорско-преподавательским составом и студентами.

Кузнецкий бассейн вскоре стал основным поставщиком коксующегося угля и химической продукции.

Страна, фронт крайне нуждались в горючем. Между тем с началом войны положение нефтедобывающей промышленности (наркомат возглавлял И.К.Седин) серьезно осложнилось, что во многом было связано с определенными просчетами довоенного времени. Требовалось, например, уделить гораздо больше внимания вопросам развития восточных нефтяных районов СССР. Во втором полугодии 1940 г. в общей добыче нефти в стране они составляли всего лишь 12,3%, а в первом полугодии 1941 г. их удельный вес снизился до 11,9%. Нужно было не только форсировать добычу нефти в стране в старых промысловых районах Северного Кавказа и Азербайджана, но и открывать новые. В июле 1941 г. ГКО принял постановление «О мероприятиях по развитию добычи и переработке нефти в восточных районах СССР», прежде всего в районе «Второго Баку» — в Поволжье и Прикамье. В Поволжье создавалась фактически заново газовая промышленность.

В трудном положении в первые военные месяцы оказался Бакинский район — один из основных поставщиков нефти. Из-за невозможности вывозить готовую продукцию Черноморским флотом на бакинских нефтепромыслах образовались значительные запасы не вывезенных нефтепродуктов и непереработанной сырой нефти, в которых так нуждались фронт и тыл (соответственно, 1268 тыс. т и 790 тыс. т — в конце октября и 1613 тыс. т и 573 тыс. т — в конце ноября 1941 г.).

Положение удалось поправить благодаря более эффективному использованию морского транспорта Каспия, перевалочных баз и Ашхабадской железной дороги.

Наиболее характерным явилось резкое увеличение выпуска авиационных бензинов. Хотя в третьем квартале 1941 г. из-за вражеской оккупации страна лишилась продукции Украиннефтекомбината, Одесского, Херсонского и Осипенковского крекинг-заводов, это почти не отразилось на выработке авиабензинов, масел, бензина КБ-70 и дизельного топлива, поскольку основными базами их производства в первые месяцы войны являлись Баку, Краснодар, Майкоп, Грозный, Туапсе и Батуми. Однако в четвертом квартале 1941 г. в связи с демонтажем и эвакуацией нефтеперерабатывающих заводов Майкопа, Грозного, Туапсе и Краснодара продукция нефтепереработки заметно снизилась.

С большими трудностями переключалась на выпуск военной продукции химическая промышленность (нарком И.Ф.Денисов, затем М.Г.Первухин). К концу 1941 г. в результате вражеского нашествия она потеряла свыше 50% мощностей по производству аммиака и каустической соды, 77% серной кислоты, 83% кальцинированной соды и др.

В связи с этим центральными и местными органами были приняты меры по восполнению понесенных потерь.

Однако возместить нанесенный войной ущерб удалось не сразу. Объем производства химической промышленности в течение второго полугодия 1941 г. продолжал снижаться. Постепенный подъем наступил только во втором квартале 1942 г.

Военная перестройка внесла существенные изменения в работу легкой, пищевой и текстильной промышленности (наркоматы этих отраслей промышленности соответственно возглавляли: С.Г.Лукин, В.П.Зотов и И.Н.Акимов). Например, предприятия текстильной промышленности перешли на производство преимущественно тканей военных образцов, а все швейные фабрики — на пошив армейского обмундирования. Кроме того, на заводах, фабриках и комбинатах легкой текстильной и пищевой промышленности был налажен выпуск таких видов военной продукции, как ручные гранаты, корпуса мин и снарядов, зажигательные авиабомбы, автоматы, бутылки с горючей смесью и др.

Успех всей работы по мобилизации экономики и ее переводу на военные рельсы находился в прямой зависимости от правильного использования трудовых ресурсов. Проблема кадров в условиях войны стала одной из острейших хозяйственных проблем. Трудность ее решений усугублялась тем, что помимо мобилизации в армию большого числа рабочих и служащих, значительная часть населения страны осталась на оккупированной территории. Если к концу 1940 г. в народном хозяйстве во всех отраслях было занято 31,2 млн рабочих и служащих, то к концу 1941 г. их насчитывалось лишь 18,4 млн чел.

В целях правильного и планомерного распределения и перераспределения трудовых ресурсов Совнарком СССР своим постановле-

нием от 30 июня 1941 г. учредил при Бюро СНК СССР Комитет по распределению рабочей силы во главе с П.Г.Москатовым. Позднее на Комитет был возложен также учет рабочей силы.

Недостаток рабочей силы в промышленности пришлось восполнить частично за счет других отраслей народного хозяйства, а также путем увеличения рабочего дня, введением обязательных сверхурочных работ. Для замены ушедших на фронт в промышленность, строительство и на транспорт добровольно влились сотни тысяч советских граждан, в первую очередь старики, женщины и молодежь. 28 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление «О сохранении пенсий за пенсионерами, вернувшимися на производство». Пенсия сохранялась на весь период войны независимо от размера заработка пенсионеров на предприятиях. Это позволило привлечь значительное число пенсионеров на производство. Существенным источником пополнения квалифицированной рабочей силы оставалась система государственных трудовых резервов.

Но указанные мероприятия, несмотря на их положительную роль, не могли полностью решить проблему воспроизводства рабочей силы. Требовалось наладить систематическую подготовку нового рабочего пополнения и переподготовку имевшихся производственных кадров. Ведь на промышленные предприятия и транспорт пришли люди, которые в своем большинстве не владели какими-либо рабочими специальностями. Так, во второй половине 1941 г. в производство влились 50 тыс. домохозяек и 360 тыс. учащихся 8–10 классов.

Подготовка кадров массовых рабочих профессий была организована на краткосрочных курсах, в стахановских школах, в системе государственных трудовых резервов, а также на самом производстве в порядке индивидуального и бригадного ученичества под руководством кадровых рабочих и мастеров. Их огромный опыт, производственное мастерство и знания, охотно передаваемые молодому пополнению, нередко помогали выходить из самых затруднительных ситуаций.

Характерный эпизод, рисующий неоценимую роль опытных квалифицированных кадров, приводит в своих записках бывший директор Ижевского механического завода П.Сысоев: «В 1941 году на заводе налаживалось производство стрелкового оружия; была изготовлена первая партия ижевских “наганов”. Но они... не стреляли. Что такое? Проверили еще раз чертежи, технологию: все как будто в порядке. Бились впустую, пока не додумались обратиться за советом к коренным тулякам, эвакуированным в Ижевск вместе с заводом. Приводят к нам старичка, который при “наганах” состоял чуть не со старого режима. Взял он образец револьвера, покрутил в руках, разобрал, да как вспылит:

— И не будет он у вас стрелять! “Шептало”-то, “шептало” здесь какое?

Сверяемся опять по чертежам, “шептало” — деталька такая, одна из семнадцати, приводящих в движение при выстреле, — полностью

соответствует размерам. Ну, думаем, это со стариком что-то не в порядке. А дед возьми да и объясни... Оказывается, уже давным-давно туляки заметили, что в документации допущена ошибка. Была она пустяковая, на сборке ее устраняли в "рабочем порядке", поэтому и забыли инженеры сделать исправление на бумаге.

Так, благодаря помощи старого рабочего было сэкономлено драгоценное время. Надежные, признанные на фронте "наганы" пошли в серию. К назначенному сроку завод изготовил их тысячу штук».

Опираясь на помощь и содействие местных органов, Комитет по учету и распределению рабочей силы при Бюро СНК СССР с июля 1941 г. по январь 1942 г. переместил с предприятий местной промышленности, общественного питания, промкооперации, коммунального хозяйства, управленческого аппарата, а также мобилизовал из числа незанятого городского и сельского населения в оборонную промышленность 120 850 человек. За то же время были направлены на угольные шахты, нефтепромыслы, электростанции, в черную и цветную металлургию, на строительство и железнодорожный транспорт 608,5 тыс. рабочих, призванных военкоматами и сформированных в строительные батальоны и рабочие колонны.

Для укрепления трудовой дисциплины и закрепления работников за своими предприятиями 26 декабря 1941 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Согласно этому указу все трудящиеся, работавшие в военной промышленности, считались мобилизованными на период войны. Самовольный уход с работы с данных предприятий рассматривался как дезертирство. 13 февраля 1942 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве». Мобилизованные направлялись в первую очередь в авиационную, танковую промышленность, на предприятия по выпуску вооружения и боеприпасов, на металлургические, химические, топливно-энергетические объекты.

В целях привлечения рабочей силы на выполнение сельскохозяйственных работ в наиболее напряженные периоды постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 апреля 1942 г. мобилизация трудоспособного населения распространялась и на сельских жителей.

Сейчас эти и другие чрезвычайные меры кому-то могут показаться чересчур суровыми и даже жестокими. Но шла война и с таким положением приходилось считаться. Эти меры, а также досрочный массовый выпуск учащихся из школ трудовых резервов, помогли существенно смягчить остроту проблемы кадров и во многом определили необходимые возможности для развертывания военного производства.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный Комитет Обороны, Совнарком СССР, центральные, республиканские и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. (Наркомат земледелия СССР и Наркомат зерновых и животноводческих совхозов СССР в то время соответственно возглавляли И.А.Бенедиктов и П.П.Лобанов.)

Требовалось прежде всего в сжатые сроки убрать урожай первого военного лета и провести своевременно государственные заготовки и закупки хлеба, спасти от врага из прифронтовой полосы скот, сельскохозяйственные машины, запасы сырья и продовольствия; увеличить в восточных районах посевные площади зерновых, картофеля и овощей.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села и повышали требование работать на пределе сил и возможностей.

В связи с тем, что были мобилизованы на нужды фронта части тракторов и автомашин, при уборке урожая использовались простейшие технические средства и ручной труд.

В дни первой военной уборочной страды в колхозах тыловых районов страны машинами, на конной тяге и вручную было убрано 67% колосовых культур, а в совхозах – 13%. В прифронтовой полосе сбор урожая часто происходил под обстрелами и налетами вражеской авиации.

В целом справились со своими задачами колхозники и работники совхозов прифронтовых районов. Но в создавшейся обстановке вся тяжесть решения продовольственной проблемы легла на восточные районы, где уборка первого военного урожая была проведена хуже, чем в 1940 г. Основными причинами такого положения явились сильные затяжные дожди, начавшиеся во многих районах сразу же после созревания хлебов. Ощущалась также нехватка механизаторских кадров, особенно комбайнеров и трактористов, а также транспортных средств, уборочных машин, горюче-смазочных материалов и др. В связи с мобилизацией общая численность трактористов к августу 1941 г. при потребности 498 тыс. человек составляла 286 тыс.

Чтобы по возможности компенсировать потери сельского хозяйства и поддержать на необходимом уровне сельскохозяйственное производство, еще 20 июля 1941 г. правительство утвердило план увеличения озимого клина зерновых культур в областях Поволжья, Урала, Сибири и Казахской ССР. Было принято также решение расширить посевы зерновых культур в районах хлопководства – Узбекистане, Туркмении, Киргизии, Казахстане и Азербайджане.

Продвижение на восток озимых хлебов, использование части хлопковых посевных площадей Среднеазиатских республик под по-

севы зерновых и технических культур составляло важнейшую часть программы военной перестройки экономики, мобилизации ресурсов села на помощь фронту. Фронт оторвал от мирного труда наиболее трудоспособную и квалифицированную часть работников села. Для возмещения убыли рабочей силы в общественное производство деревни вовлекалось все мало-мальски трудоспособное колхозное население, включая подростков и стариков. Женщины и молодежь допризывного возраста были основным резервом комплектования механизаторских кадров.

Удельный вес женщин среди трактористов, комбайнеров, шоферов поднялся с 7,8% в 1940 г. до 36–42% в 1942 г., в отдельных областях этот процент был еще выше. Так, в Молотовской области процент трактористок возрос с 9% в 1940 г. до 75% в 1942 г. Активно вовлекались в производство подростки. Если в 1940 г. в тыловых районах работало 4,4 млн подростков и престарелых, то в 1942 г. их число достигало 6,1 млн чел. Дополнительную рабочую силу, особенно во время уборки урожая, деревня получала за счет временной мобилизации трудоспособного населения городов и сельских местностей, не занятых в колхозном производстве.

В итоге всех усилий к концу 1941 г. в закрома государства поступило свыше одного миллиарда пудов зерна. В тех труднейших условиях это было несомненным достижением работников сельского хозяйства, их заметным вкладом в дело мобилизации экономических ресурсов страны.

Трудности первых недель и месяцев войны наложили свой отпечаток на все отрасли народного хозяйства, в том числе и на транспорт. Приспосабливать транспортные перевозки к возраставшим потребностям фронта и тыла и особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелых условиях. Враг сразу же сделал попытку перерезать и парализовать транспортные артерии страны, с особым ожесточением бомбардируя мосты, переправы, пристани и железнодорожные коммуникации.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л.М.Каганович, затем А.В.Хрулев) началась с перевода движения поездов на особый воинский график 1941 года. Введение особого воинского графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск воинских эшелонов и грузов.

Уже в течение первой недели войны железные дороги СССР выполнили такой объем перевозок, на который дореволюционной России в начале Первой мировой войны потребовалось два с половиной месяца. За первые 40 дней войны по железным дорогам было перевезено на фронт 2,5 млн чел. Под воинские перевозки с начала военных действий по декабрь 1941 г. потребовалось 2,4 млн вагонов.

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт при одновременно проводимых народнохозяйственных перевозках и

эвакуации людей и предприятий в тыл потребовало от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Подвергаясь постоянным атакам с воздуха, машинисты и поездные бригады героически водили эшелоны с войсками и вооружением на фронт, вывозили отсюда раненых и другие грузы.

Трудности и потери на железнодорожном транспорте были велики. Достаточно отметить, что к ноябрю 1941 г. в результате вражеской оккупации длина железнодорожного пути СССР сократилась на 41%. Все это тяжело отразилось на эксплуатационной деятельности железных дорог. Так, во втором полугодии 1941 г. было перевезено народно-хозяйственных грузов на 134,9 млн т меньше, чем в первом полугодии[2]. Однако железнодорожный транспорт выдержал самое большое испытание военных лет. Важную роль сыграли меры, принятые ГКО в первые месяцы 1942 г., по созданию устойчивости в работе железных дорог, в том числе учреждение 14 февраля при Государственном Комитете Обороны специального органа, координирующего все перевозки, — Транспортного комитета под председательством И.В.Сталина.

В первые месяцы войны на обслуживание первоочередных нужд фронта были мобилизованы и другие виды отечественного транспорта.

Огромные трудности выпали на долю речников Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов (нарком речного флота СССР З.А.Шашков). Только благодаря героическим усилиям речников удалось в невиданно короткий срок организовать 46 переправ по среднему и нижнему течению Днепра и на Десне.

Весь флот Неманского пароходства работал по заданиям военного командования. По мере продвижения вражеских войск на Восток речной флот отводился на Днепр. После оставления Красной Армией левого берега Днепра флот пароходства был затоплен.

Морской транспортный флот (нарком морского флота СССР С.С.Дукельский, затем П.П.Ширшов) на Черном, Балтийском и северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования. Моряки своей самоотверженной работой внесли значительный вклад в оборону Ленинграда, Одессы, Севастополя и Мурманска.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, во время войны приобрел исключительно важное значение при обслуживании ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу с 24 ноября 1941 г. по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354200 т грузов. За это же время по той же трассе удалось

вывезти в тыл 514069 человек[3]. На базе автомобильных парков городских и промышленных хозяйств в первых числах ноября 1941 г. по решению ГКО были созданы автоколонны в Москве, Ярославле, Горьком, Рязани, Туле, Воронеже, Ростове-на-Дону, Сталинграде. Эти колонны перевозили эвакуируемые грузы и население, подвозили сырье и материалы для промышленных предприятий, продовольствие для населения городов.

Общий объем перевозок воздушного транспорта Главного управления гражданского воздушного флота (ГУГВФ) за шесть месяцев 1941 г. и первую половину 1942 г. составил 15,9 млн тонно-км. За это же время было перевезено, в том числе фронтовыми авиаподразделениями ГУГВФ, 572 тыс. пассажиров.

Развитие производственной инициативы транспортников, массовый трудовой героизм железнодорожников, речников, моряков, коллективов автомобильного транспорта и гражданского воздушного флота в значительной мере помогли им в первые месяцы войны осуществить огромный по тому времени объем перевозок.

Как уже отмечалось, мобилизационная перестройка народного хозяйства СССР проходила в необычайно трудных, экстремальных условиях. Неудачи на фронте и потери в связи с этим важных в экономическом отношении районов тяжело отразились на промышленном производстве. Советская экономика испытывала острую нехватку рабочей силы, топлива, электроэнергии, металла, сырья, различных материалов.

Особенно критическими были последние два месяца 1941 г. Из-за ущерба, понесенного страной, а также вследствие того, что значительная часть предприятий еще находилась в стадии эвакуации и восстановления на новых местах, валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 г. сократилась в 2,1 раза, выпуск проката черных металлов — основы военной индустрии — в декабре 1941 г. уменьшился против июня 1941 г. в 3,1 раза; выпуск проката цветных металлов, без которого невозможно военное производство, за тот же период уменьшился в 430 раз; изготовление шарикоподшипников, без которых нельзя выпускать самолеты, танки, артиллерию, сократился в 21 раз.

Однако в результате поистине героических усилий тружеников тыла, а также принятых ГКО и правительством действенных мер с декабря 1941 г. выпуск военной продукции стал возрастать, хотя общий уровень производства в ведущих отраслях тяжелой индустрии еще продолжал снижаться вплоть до февраля 1942 г.

Уже в декабре 1941 г. по сравнению с ноябрем было произведено больше винтовок и карабинов на 27%, орудий — на 21%, танков — на 38%, боевых самолетов — почти на 55%, минометов — почти в 2 раза и противотанковых ружей — в 2,2 раза.

Подчиненная интересам фронта, задача скорейшего разгрома врага, советская экономика постепенно создавала предпосылки для обеспечения материально-технического превосходства над гитлеровскими захватчиками — важнейшего условия победы.

[1] Российский государственный архив экономики. Ф. 4372. Оп. 93. Д. 28. Л. 1, 88.

[2] Архив Института военной истории МО РФ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 389.

[3] Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3. Л. 4–5.

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК

«Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток, как эти предприятия были в кратчайший срок и в неслыханно трудных условиях восстановлены и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 г., это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости», — подчеркивал в своей книге «Россия в войне, 1941–1945» известный английский публицист Александр Верт[1].

И действительно, эвакуация, осуществленная в СССР уже в первые месяцы Великой Отечественной войны, была беспрецедентной в истории стран и народов по своим размерам и срокам. Добавим к этому и те тяжелейшие условия, в которых она протекала. Без успешного решения столь масштабной задачи практически невозможно было сохранить основную экономическую базу СССР, организовать прочный тыл и оперативно переключить народное хозяйство на массовый выпуск необходимой фронту военной продукции. Таким образом, эвакуация была крайне важной мерой, вызванной трагической обстановкой, сложившейся в зоне боевых действий уже в самом начале войны.

Ведь враг вторгся на обширную территорию Европейской части СССР и поставил под угрозу районы, где проживало 40% всего населения страны, было расположено 31 850 крупных и средних промышленных предприятий, из них 37 заводов черной металлургии, 749 заводов тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий[2].

Гитлеровцы надеялись, как это им удалось в порабощенных странах Европы*, захватить на советской земле огромный промышленно-экономический потенциал, имущество сотен колхозов, МТС, совхозов и другие материальные ценности и людские ресурсы СССР. После овла-

---

* Общая стоимость материальных ценностей, награбленных гитлеровцами в оккупированных странах Европы, достигла к 1941 г. 9 млрд английских фунтов стерлингов, что вдвое превысило годовой национальный доход Германии до войны.

дения столь внушительной экономической базой они рассчитывали быстро покончить с Советским государством.

Необходимо было принять экстренные и эффективные меры, чтобы сорвать эти далеко идущие планы агрессора. Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. призывала население при вынужденном отходе Красной Армии «угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего». Разумеется, такое требование было явно невыполнимым, но оно означало призыв к максимальному спасению от врага всего, что можно было спасти. Все ценное имущество и продовольственные запасы, которые невозможно было эвакуировать в тыл, подлежало разрушению и уничтожению.

Необходимо учесть, что сама по себе любая эвакуация уже, как правило, сопровождается значительными материальными и финансовыми потерями. Одно лишь прекращение производственного процесса на тысячах предприятий означало для Советского государства ущерб в десятки и сотни миллионов рублей. Но на это пришлось идти для спасения большой части производительных сил страны и последующего их использования в интересах фронта, скорейшего создания и развертывания мощной военной экономики СССР.

Следует также иметь в виду, что каких-либо заблаговременно подготовленных эвакуационных планов фактически не существовало, хотя перед войной некоторая работа в этом направлении проводилась. Черновые варианты таких документов составлялись, например, Военно-промышленной комиссией при СНК СССР в 1939–1940 гг., начале 1941 г.[3] Более того, когда 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», была даже создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное время во главе с председателем Моссовета В.П.Прониным. 3 июня эта комиссия представила И.В.Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн 40 тыс. москвичей.

5 июня на докладной записке председателя комиссии Сталин наложил следующую резолюцию:

«Т-щу Пронину.

Ваше предложение о "частичной" эвакуации населения Москвы в "военное время" считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию — ЦК и СНК уведомят Вас»[4].

Не были заранее созданы и органы, призванные непосредственно руководить перебазированием производительных сил страны. Все это пришлось решать уже в ходе разразившейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательные последствия.

Внезапность вражеского нападения, громадные размеры театра военных действий, массированные удары с воздуха, артиллерийские обстрелы, превращение многих городов и сел в арену ожесточенных сражений создало исключительные сложности во время эвакуации, потребовав от советских людей огромного физического и морального напряжения.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей» при СНК СССР был создан Совет по эвакуации в составе Л.М.Кагановича (председатель), А.Н.Косыгина (заместитель председателя), Н.М.Шверника (заместитель председателя), Б.М.Шапошникова, С.Н.Круглова, П.С.Попкова, Н.Ф.Дубровина и А.И.Кирпичникова.

«Тогда считалось, — вспоминал А.И.Микоян, — что Наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширялся. Все подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации»[5].

3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н.М.Шверник. Однако на этом организационный процесс не завершился. 16 июля последовало новое решение ГКО «О составе Совета по эвакуации». На этот раз в его реорганизованный состав вошли: Н.М.Шверник (председатель), А.Н.Косыгин и М.Г.Первухин (заместители председателя), А.И.Микоян, Л.М.Каганович (в отсутствие Кагановича его заменял Б.Н.Арутюнов), М.З.Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г.П.Косяченко) и В.С.Абакумов (НКВД).

16 августа 1941 г. постановлением ГКО в Совет по эвакуации дополнительно ввели заместителя начальника Главного управления тыла Красной Армии генерал-майора М.В.Захарова. 26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К.Д.Памфиловым. Одновременно Памфилов пополнил состав Совета по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета.

Вопросы эвакуации постоянно находились в центре внимания Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО и Совнаркома СССР. За практическое осуществление эвакуации стали отвечать центральные комитеты партии

и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, исполкомы местных Советов прифронтовых и многих тыловых областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты или советы по эвакуации. К выполнению этой военно-хозяйственной задачи были привлечены и военные органы.

Контроль за эвакуацией населения, за вывозом оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А.Н.Косыгиным.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на Восток в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины и молодежь, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие военно-хозяйственное значение. Вскоре это постановление было дополнено утвержденной Совнаркомом СССР специальной инструкцией о порядке демонтажа и отгрузки оборудования заводов и фабрик.

В тот же день были вынесены решения «О вывозе из Ленинграда ценностей и картин ленинградского Эрмитажа, Русского и других музеев» и «О вывозе из Москвы государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля».

В гигантскую операцию по перебазированию производительных сил страны на восток с первых дней войны были активно включены все виды советского транспорта. Однако, главная тяжесть в выполнении этой сложнейшей задачи пришлась на долю железных дорог. Совет по эвакуации поддерживал постоянную и тесную связь с НКПС через представителей Наркомата путей сообщения в Совете.

Для оказания органам НКПС помощи на крупные железнодорожные станции правительство направило уполномоченных Совета по эвакуации с широкими полномочиями.

С 5 июля на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты. «Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Цепь эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запада страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — писал А.Н.Косыгин. Уже к 22 августа в прифронтовых и тыловых районах страны действовало 128 эвакопунктов.

В самом Наркомате путей сообщения была сформирована специальная оперативная группа в составе 25 человек, куда вошли опытные работники, знавшие организацию перевозок, грузовой и коммерческой работы.

Как вспоминал бывший заместитель наркома путей сообщения Н.Ф.Дубровин, «...конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны.

Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками. Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В.И.Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий».

18 июля 1941 г. в письме, направленном в Совет по эвакуации, Генеральный штаб Красной Армии отмечал: «Эвакуация населения и промпредприятий с западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакоплана, что, несомненно, отражается и на ее осуществлении». В связи с этим Генштаб предложил Совету по эвакуации «дать указания соответствующим наркоматам на проработку плана вывоза подведомственных им предприятий, определив для них заранее эвакобазы», а также районы размещения эвакуируемого населения[6].

При составлении эвакуационных планов первоочередное внимание уделялось перевозке предприятий, выпускающих оборонную продукцию. Особое преимущество в отправлении перед всеми другими эшелонами (кроме воинских и оперативных) предоставлялось также составам с вывозимым населением. Для эвакуационных пассажирских эшелонов была установлена среднесуточная скорость до 500–600 км. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, вывоз населения осуществлялся также в специально оборудованных для этой цели товарных вагонах, а иногда даже и на платформах.

Вот что писал о первых эшелонах, прибывавших на Урал, Н.С.Патоличев, работавший тогда первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б):

«Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя... Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей... При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для жен-

щин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось по 80–100. Никто, разумеется, не роптал — горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами»[7].

Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль. НКПС ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными.

Для оказания помощи спасающемуся от угрозы фашистского порабощения населению государство выделило значительные средства. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей кипятком. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным около 3 млрд рублей[8].

Все это, конечно, не означает, что эвакуация советских граждан с самого ее начала протекала гладко и слаженно. Срочно поднять миллионы людей с «обжитых мест», убедив в нависшей над ними смертельной угрозе, в необходимости временно оставить свое жилье, многое из добра, нажитое с таким трудом, а затем организовать их погрузку, перевозку и обеспечить размещение в тылу было невероятно сложно. Как и во всяком большом деле, да к тому же без соответствующей подготовки, на разных этапах эвакуации и в различных регионах встречалось немало неполадок. При перемещении миллионных масс населения нередкими были случаи простаивания эшелонов на ряде станций, перебои со снабжением продуктами питания, кипятком, факты неудовлетворительной организации врачебной помощи, потери родных в пути следования и т. п.

Однако, как свидетельствуют многочисленные документы и сами участники событий, все эти недостатки не приобрели массового характера. С ними боролись, их устраняли быстро и решительно по законам военного времени. И людской поток на восток с каждым днем принимал все более организованный и планомерный характер.

Огромных усилий от советских людей требовало перебазирование сотен и тысяч промышленных объектов. При монтаже многих предприятий ощущалась острая нехватка рабочей силы, грузоподъемных и транспортных средств. Чрезвычайно сложно было в крайне ограниченное время, часто под огнем противника демонтировать и размещать на железнодорожных платформах крупногабаритные грузы: оборудование электростанций, горной, угольной промышленности, металлургии. В условиях быстро ухудшающейся военной обстановки нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее важных и технически современных агрегатов, станков, машин и механизмов.

Одним из основных правил, которые постоянно стремились соблюдать местные органы во время демонтажа и перемещения предприятий, было сохранение комплектности оборудования. Эшелоны с ценным оборудованием формировались так, чтобы каждый из них,

а иногда и часть могли на новом месте быстро развернуться в самостоятельное предприятие и выпускать необходимую фронту и стране продукцию.

ГКО и Совнарком СССР принимали срочные меры по упорядочению и ускорению эвакуационных перевозок. Наркоматы получили указания заблаговременно предоставлять в Совет по эвакуации конкретные заявки по каждому предприятию, подлежавшему перебазированию в восточные районы. Устанавливались пункты разгрузки так называемых бездокументных грузов из прифронтовой зоны. Был учтен весь наличный вагонный парк и предусмотрено наиболее целесообразное его использование под перевозки. В частности, вводился порядок, согласно которому многие эшелоны, осуществлявшие мобилизационные перевозки на запад, должны были после разгрузки немедленно предоставляться для эвакогрузов. С этой же целью в прифронтовые районы перебрасывалась часть порожних вагонов и платформ. Но порожняка не хватало, что заставляло искать дополнительные резервы, проявляя смекалку и изобретательность, усиливать контроль за правильностью погрузки и заполнения емкости вагонов.

Большую организующую роль в перемещении производительных сил страны на восток имел уже упомянутый нами принятый 16 августа 1941 г. военно-хозяйственный план на четвертый квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Он содержал программу развертывания в тыловых районах СССР новой военно-промышленной базы.

С каждым днем эвакуация принимала все больший размах. Непрерывный поток устремился на восток. Из городов и рабочих поселков шли составы, грузовые машины, обозы, почти непрерывно подвергавшиеся бомбежкам и обстрелам. Из сел и деревень гнали скот, увозили трактора, сельскохозяйственную технику, продовольствие и сырье. Многие материальные ценности, которые по разным причинам невозможно было вывезти, приводились в негодность до такой степени, чтобы их не смог использовать враг.

А теперь вкратце рассмотрим, как проходила эвакуация в различных регионах и областях европейской части страны и каковы были ее основные результаты. При этом следует заметить, что с наименьшим успехом она прошла в западных приграничных районах, откуда вследствие быстрого продвижения противника организовать более или менее полный вывоз населения и материальных ценностей не представлялось возможным. По свидетельству, например, руководства Брест-Литовской железной дороги, эвакуацию пришлось начать под огнем наступающего врага «при полнейшем отсутствии связи с военным командованием» и при противоречивых указаниях местных организаций, «рассматривавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины». Только после

получения в 22 часа 23 июня 1941 г. приказа НКПС об эвакуации были приняты меры по вывозу различных материальных ценностей и документов. Во второй половине дня вглубь страны отправились составы с семьями трудящихся, прибывшие из зоны военных действий. Потери оказались значительными: из 10091 вагона с материальными грузами удалось отправить в тыл только 5675[9].

В крайне тяжелой обстановке проходила эвакуация из Молдавской ССР. Лишь благодаря оперативным и энергичным действиям республиканских и местных органов, рабочих предприятий и железнодорожников Кишиневской дороги было вывезено из угрожаемых районов до 300 тыс. граждан республики, а также 4076 вагонов с ценным промышленным оборудованием, сельскохозяйственными машинами, зерном, продовольствием и большое количество скота.

С громадными трудностями, под непрекращающимися бомбардировками и обстрелами осуществлялось перебазирование предприятий и населения Украины и Крыма.

4 июля ЦК КП(б) Украины и Совнаркомом УССР направили всем партийным и советским организациям республики специальную директиву. В ней ставилась задача «немедленно выделить ответственных людей за каждую МТС, совхоз, отвечающих за уничтожение ценного имущества, которое не может быть взято на случай эвакуации». Директива требовала усилить «отгрузку ценностей, оборудования предприятий и продовольствия (зерно, сахар и другие ценные товары), приняв меры к тому, чтобы подготовиться к уничтожению всего оборудования, продовольственных и других товаров, которые не могут быть вывезены при вынужденном отходе частей Красной Армии»[10]. Поток грузов на восток из важнейших промышленных центров УССР быстро возрастал. В первые дни июля началась эвакуация из Одесской области. Несмотря на непрерывные воздушные налеты, днем и ночью демонтировалось наиболее важное промышленное оборудование и шла его погрузка в эшелоны.

В начале августа немецко-фашистские войска перерезали основную коммуникацию дороги и Одесса оказалась изолированной с суши. Тогда было решено организовать вывоз основных железнодорожных грузов водным путем через Одесский порт в Николаев.

Много усилий и изобретательности потребовала эвакуация паровозного парка. Паровозы в горячем состоянии погрузили на три плавучих дока, два из которых удалось доставить в Николаев. Прибывшие в Николаев локомотивы подали к подготовленным составам, и они увезли в тыловые районы свыше 20 эшелонов с ценными грузами. К моменту занятия города противником вывоз населения и промышленного оборудования железнодорожным и морским путем был завершен[11].

Вскоре ввиду угрозы широкого выхода немецко-фашистских войск к Днепру в полосе обороны Юго-Западного и Южного фрон-

тов стала неизбежной массовая эвакуация промышленных районов Приднепровья и Крыма. Только через Киевский узел было отправлено на Восток 450 эшелонов, которые эвакуировали оборудование 197 крупных предприятий украинской столицы и свыше 350 тыс. киевлян[12]. «Обстановка здесь была исключительно тяжелой, — писал в своих воспоминаниях бывший уполномоченный Совета по эвакуации Л.И.Погребной. — С утра до ночи Киев бомбили. Все торопились с эвакуацией. Однако рабочие в столь напряженной обстановке проявляли беспримерный героизм и сумели вывезти из Киева основное оборудование, сырье и материалы»[13].

7 августа 1941 г. ГКО и Совет по эвакуации обязали НКПС, наркоматы черной металлургии, электростанций, боеприпасов, химической промышленности, среднего и тяжелого машиностроения и земледелия ускорить перебазирование предприятий, расположенных на правом берегу Днепра.

Основной поток эвакуационных перевозок из Приднепровья и Крыма проходил через Южную и, особенно, Сталинскую магистрали. В течение 15 дней августа 1941 г. здесь было погружено и вывезено по одной только Сталинской дороге около 14 тыс. вагонов с эвакогрузом[14].

С середины августа развернулось перебазирование предприятий и населения с левого берега Днепра, в первую очередь заводов, фабрик, электростанций Запорожской и восточной части Днепропетровской областей. Местными органами и органами военных сообщений вместе с уполномоченными ГКО и Совета по эвакуации — председателем СНК УССР Л.Р.Корнийцом, заместителем наркома черной металлургии СССР А.Г.Шереметьевым, представителями НКПС С.И.Багаевым и Н.Ф.Дубровиным, а также военными советами Южного и Юго-Западного фронтов были приняты энергичные меры по демонтажу, погрузке и вывозу наиболее ценного оборудования[15].

«С правого берега гитлеровцы просматривали заводы. Враг видел, как увозят оборудование запорожских предприятий, бомбил и ежедневно обстреливал территории заводов артиллерийским и минометным огнем. Ежедневно были раненые и убитые. Но люди работали, спешили. Были дни, когда из Запорожья уходило по 800–900 вагонов, груженных оборудованием и материалами», — вспоминал А.Г.Шереметьев, отвечавший за эвакуацию запорожской группы заводов[16].

К началу октября вывоз важнейшего оборудования запорожских и днепропетровских заводов был завершен.

С большими трудностями и потерями осуществлялась эвакуация из Харьковской области и Донбасса.

Как отмечалось в одном из спецсообщений Транспортного управления НКВД СССР от 4 октября 1941 г. перебазирование харьковских предприятий «из-за неподготовленности заводов к погрузке, отсутствия средств механизации погрузочных работ и главным образом из-

за нераспорядительности и растерянности администрации заводов» проводилось неудовлетворительно»[4]. И все же к 16 октября все крупные заводы города и области (45 предприятий) удалось эвакуировать. Вместе с заводами выехали в тыл 24,5 тыс. рабочих, инженерно-технических работников и служащих[17].

Решение Совета по эвакуации о перемещении в восточные районы страны предприятий Донецкого бассейна состоялось лишь 9 октября 1941 г., когда противник уже завязал бои на территории Донбасса. Всего за пять дней до захвата врагом Макеевки началась эвакуация местного металлургического завода. Постановление ГКО о перебазировании на Восток Мариупольского металлургического завода было вынесено 5 октября, эвакуация началась на следующий день, но уже 8 октября была прервана противником. «По важнейшим металлургическим, коксохимическим и огнеупорным заводам Сталинской области фактически эвакуация была сорвана», — сообщал в ГКО нарком черной металлургии СССР И.Ф.Тевосян. Из Сталинской и Ворошиловградской областей местные органы успели отправить в тыл только 11 870 вагонов с людьми, оборудованием и материалами[18].

Исключительно сложно было спасать от немецко-фашистских захватчиков энергетическое хозяйство Украины, которое нельзя было демонтировать одновременно с другими оборонными предприятиями. Ведь значительная часть из них выполняла срочные заказы фронта и нуждалась в бесперебойной подаче электроэнергии. Поэтому переброска из угрожаемых районов основного оборудования таких крупных электростанций, как Киевская, Кураховская, Зуевская, Северо-Донецкая, Штеровская ГРЭС, Одесская ТЭЦ, проходила буквально перед отходом советских войск, в самые последние дни и часы. На Днепровской ГЭС местные работники успели снять только некоторые детали с трех турбин, а плотину пришлось взорвать.

Всего с Украины только с июля по октябрь были вывезены в тыл миллионы людей, около 500 крупных промышленных предприятий. Кроме того, удалось эвакуировать за пределы республики свыше 6 млн голов скота, 1 667,4 тыс. тонн зерна и 269,5 тыс. тонн зернопродуктов, тысячи тракторов, автомашин и много других материальных и культурных ценностей[19].

В тяжелейших условиях проводилась эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР. Уже 23 июня 1941 г. встал вопрос о незамедлительной эвакуации населения и материальных ценностей из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий.

«Это было тяжелое решение, — вспоминал бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко. — Еще тяжелее было ставить этот вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: "Вы думаете

это надо делать? Не рано ли?" Я ответил, что обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики уже невозможна эвакуация. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей явится непоправимым.

Подумав, Сталин сказал: "Хорошо, приступайте к эвакуации"»[20].

Была срочно создана республиканская комиссия, которая приступила к работе. Между тем обстановка стремительно ухудшалась, что не позволило организовать эвакуацию в достаточно широких размерах из Брестской, Белостокской, Барановичской и Пинской областей БССР, которые уже через несколько дней были оккупированы врагом. В несколько больших размерах эвакуация была проведена в восточной части республики. Только из Гомеля и области ежедневно отправлялось в тыл не менее 250–300 вагонов с эвакогрузами.

18 августа 1941 г. в докладной записке на имя председателя ГКО Сталина Пономаренко сообщил, что «все наиболее значительные предприятия числом 83 из Белоруссии эвакуированы полностью...»

Всего из Белоруссии было эвакуировано свыше 1,5 млн человек, 109 крупных и средних промышленных предприятий (из них 39 союзного и 70 республиканского значения)[21].

В столь же напряженных условиях прошла эвакуация в республиках Прибалтики.

В первые дни войны, несмотря на непрерывные налеты вражеской авиации и действия диверсантов, железнодорожники и рабочие коллективы предприятий Риги, Елгавы, Вентспилса, Даугавпилса и других грузили в 4–5 раз больше вагонов, чем обычно. В работу по эвакуации включились и транспортные суда, расположенные вдоль Балтийского побережья.

Недостаток времени и быстрое продвижение вражеских войск не позволили эвакуировать из этого региона страны много материальных ценностей. Не было вывезено оборудование ряда предприятий металлообрабатывающей, цементной, текстильной промышленности. Из Прибалтийских республик эвакуация дольше всего продолжалась в Эстонской ССР, где непосредственные боевые действия развернулись несколько позднее. Она началась по решению Комитета обороны республики в конце июня 1941 г. В соответствии с разработанным планом эвакуации с 15 июля по решению того же Комитета демонтаж производственного оборудования на заводах и фабриках Эстонии был приостановлен из-за необходимости срочного выполнения поступивших военных заказов[22]. Перевозки по Эстонской железной дороге были прекращены лишь после того, как 7 августа 1941 г. противник захватил станцию Раквере, перерезав тем самым основную линию Таллин–Нарва. На западном участке перерезанной линии осталось более 1 тыс. вагонов и 40 паровозов. «Условия эвакуации были крайне тяжелые из-за нехватки железнодорожного подвижного состава

и больших потерь вследствие бомбежек при перевозках морским транспортом. Мобилизация в армию и на фортификационные работы вызвала острый недостаток в рабочей силе при погрузочно-разгрузочных работах», — говорилось в эвакуационном отчете Совнаркома Эстонской ССР[23].

И все же за время эвакуации преимущественно по железнодорожным линиям удалось перебросить в тыл значительную часть людей и материальных ценностей: около 13 тыс. единиц различного производственного оборудования предприятий республики, 65 паровозов и мотовозов, более 6 тыс. единиц электрооборудования, 750 тыс. хлопчатобумажных тканей и т.п. на сумму свыше 600 млн рублей[24].

Массовая эвакуация ленинградских промышленных предприятий и населения развернулась по решению ГКО от 11 июля 1941 г., после того, как противник овладел Псковом и вышел к р. Луге. Работа Ленинградского узла резко осложнилась. Значительно возрос поток эшелонов с грузами из Прибалтики, со станций Карельского перешейка и других районов. Ход эвакоперевозок находился под контролем заместителя Председателя Совнаркома СССР А.Н.Косыгина, направленного в Ленинград в качестве уполномоченного ГКО. Но 29 августа 1941 г. враг перерезал последнюю железнодорожную линию. 8 сентября замкнулось кольцо блокады, и эвакуировать в тыл многих ленинградцев, а также материальные и культурные ценности полностью не удалось. К этому времени из города Ленина было эвакуировано, согласно оперативным сводкам НКПС (с 29 июня по 26 августа включительно), 773590 человек (в том числе беженцев из Прибалтики и Карело-Финской ССР) и десятки крупных предприятий[25].

Вывоз из Ленинграда населения и оборудования возобновился воздушным путем и через Ладожское озеро, которое использовалось для этой цели и в зимние месяцы. Как сообщал в ГКО А.Н.Косыгин, только с 22 января по 11 апреля 1942 г. из Ленинграда по льду Ладожского озера удалось переправить на автомашинах и специально оборудованных товарных вагонах 539400 человек.

Эвакуация из Мурманской области и Карело-Финской ССР была проведена главным образом по Кировской (Мурманской) железной дороге, которая на протяжении более чем 1500 км находилась в прифронтовой полосе. Из Советского Заполярья железнодорожники перебазировали в глубокий тыл несколько тысяч вагонов с грузом. С территории Карелии были отправлены в тыл почти 90% населения, оборудование и имущество Онежского завода, Соломенского, Сунского и Ильинского лесозаводов и других предприятий.

Эвакуационные перевозки развернулись и на Кавказе. С 28 октября началось перебазирование «Майкопнефти» и «Грознефти». К 9 ноября 1941 г. с Орджоникидзевской магистрали на Закавказскую железную дорогу поступило 16208 вагонов с эвакогрузом, в том числе 10758

вагонов с промышленным оборудованием и материалами. Почти все грузы направлялись на перевалку в Бакинский порт.

Много усилий от транспортников потребовал вывоз хлеба и других продуктов питания из зоны военных действий и угрожаемых районов. К 1 августа 1941 г. по Калининской, Западной, Одесской, Ленинградской, Юго-Западной, Московско-Киевской, Южной и Белорусской дорогам удалось эвакуировать 32 731 вагон с хлебом. А между тем в связи со сбором нового урожая зерновых в западных и южных областях на местах погрузки начали скапливаться целые горы зерна, которые требовалось любой ценой спасти от немецко-фашистских захватчиков[26]. Несмотря на постоянную острую нехватку порожняка, только железнодорожники Сталинской магистрали с начала эвакуации по 1 октября сумели вывезти 35 514 вагонов хлеба. По решению Совета по эвакуации от 5 августа 1941 г. по южным и юго-западным магистралям намечалось эвакуировать также 5 385 вагонов сахара, но работники этих дорог обеспечили вывоз к началу сентября не менее 6,5 тыс. вагонов[27].

Темпы массовых эвакуационных перевозок в осенние месяцы 1941 г., когда противнику удалось захватить около 40% протяженности сети, были весьма напряженными.

Все возраставшая угроза советской столице вызвала необходимость проведения эвакуации Москвы и Московской области. Так, уже в первые недели войны развернулась подготовка к перебазированию из столицы на восток двух заводов Наркомата судостроительной промышленности. Одновременно была начата эвакуация населения.

Следует учесть, что с конца июня через Москву, как важнейший транспортный узел, проходил большой поток беженцев из западных районов СССР. На пути этого потока Наркоматом внутренних дел были организованы заслоны железнодорожной милиции, которая на близрасположенных к столице станциях вела строгую проверку всех прибывавших лиц. Только в течение одной недели — с 28 июня по 4 июля 1941 г. ею было задержано для проверки 49 730 человек, из них оказались арестованными по разным причинам — 2 116 человек. Одновременно органы милиции изъяли 29 пулеметов, 1 026 винтовок, 1 260 пистолетов, 223 боевые гранаты, свыше 47,2 тыс. патронов и др.[28]

Разумеется, в разряд подозрительных в шпионаже, диверсии и т.п. иной раз попадали и совершенно невинные люди, но в целом подобная проверка в условиях военного времени была вполне оправданной мерой.

По данным Пассажирского управления НКПС, с 29 июня по 29 июля специальные эвакопоезда вывезли из Москвы 959 530 человек (включая беженцев из прифронтовых областей)[29].

Более широкие масштабы приняли эвакоперевозки из Москвы и Московской области в осенние месяцы 1941 г., когда враг начал генеральное наступление на советскую столицу. 15 октября «ввиду

неблагополучного положения в районе Можайской оборонительной линии» ГКО вынес постановление об эвакуации Москвы.

На 12 декабря, по данным 24 наркоматов, эвакуацией было охвачено 523 предприятия Москвы и Московской области. На 10 декабря вместе с предприятиями удалось переместить в тыл 564248 работников промышленности и членов их семей[30]. Общее число эвакуированных москвичей достигло 2 млн человек.

Несмотря на чрезвычайные трудности, перемещение производительных сил в тыловые районы страны в 1941 г. прошло в целом слаженно и в основном в соответствии с намеченными сроками. Из прифронтовой зоны в течение второго полугодия 1941 г. на восток только по железным дорогам, согласно неполным сводкам НКПС, было вывезено 2593 промышленных предприятия. Если же учесть, что при этом имелось большое количество так называемых бездокументных грузов, то приведенная выше цифра еще более возрастет. Ведь только на территории СССР, подвергавшейся оккупации, накануне войны размещалось около 32 тыс. заводов и фабрик (в том числе 7,5 тыс. крупных), не считая мелких предприятий и мастерских. Подавляющая часть их была эвакуирована.

Наиболее полно было перебазировано оборудование военных, машиностроительных, металлообрабатывающих, алюминиевых, химических предприятий, а также турбогенераторы электрических станций, чему помимо других факторов способствовала сравнительная легкость демонтажа и транспортировки этих видов оборудования. В меньшей степени ввиду громоздкости, ограниченности времени и транспортных средств удалось перебросить в тыл котельное оборудование электростанций и основные фонды горной, металлургической и коксовой промышленности, которые в большей своей части состояли из крупных сооружений (шахты, мартеновские и доменные печи, коксовые батареи и т.п.).

Кроме приграничных районов Украины, Белоруссии и Прибалтики многие материальные ценности не успели вывезти и из некоторых областей Российской Федерации.

Почти 70% перемещенных на Восток промышленных объектов размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами на Восток прибыло до 30–40% рабочих, инженеров и техников. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также водным и воздушным путям с начала войны до конца 1941 г. было переправлено в тыловые районы более 12 млн человек.

Одновременно была осуществлена и операция по спасению от врага ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны приняли во втором полугодии 1941 г. 2393,3 тыс. голов скота, перемещенного из прифронтовой полосы[31].

Все эвакоперевозки 1941 года потребовали одних железнодорожных вагонов более 1,5 млн. Построенные в одну линию, эти вагоны заняли бы путь от Бискайского залива до Тихого океана.

Первостепенную роль в осуществлении беспрецедентного в истории перемещения производительных сил явился самоотверженный труд коллективов эвакуированных предприятий и учреждений. Люди работали с громадным напряжением, по несколько суток не уходя с эвакуируемых объектов, чтобы своевременно и как можно полнее демонтировать и погрузить оборудование и другие материальные ценности. В прифронтовой зоне это происходило в обстановке постоянных вражеских ударов с воздуха и обстрелов. Нужны были исключительная выдержка, мужество, самопожертвование, преданность делу, чтобы в таких условиях, нередко за несколько часов или дней, проделать огромную, поистине титаническую работу.

Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами сражавшегося Советского государства. Государственные и общественные органы восточных областей страны активно готовились к приему эвакуированных. В центре их внимания постоянно находились вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывавших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей. Примерно треть всех прибывших была расселена в городской местности, а остальные — в сельской[32].

Чрезвычайно важное военно-хозяйственное значение имел скорейший ввод в действие прибывавших в восточные регионы предприятий. От решения этой задачи во многом зависела успешная перестройка народного хозяйства СССР на военный лад, создание в стране мощной военной экономики, способной обеспечить Победу над врагом.

29 октября 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О графике восстановления заводов, эвакуированных на Волгу, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и Казахстан», в котором наркомам оборонных наркоматов и ведущих отраслей тяжелой промышленности — А.И.Шахурину, В.А.Малышеву, Д.Ф.Устинову, П.Н.Горемыкину, И.Ф.Тевосяну, П.Ф.Ломако, Г.Д.Каплуну, В.М.Денисову, И.К.Седину и другим предписывалось представить не позднее 1 ноября 1941 г. в Совнарком СССР график восстановления заводов, эвакуированных из Москвы, Тулы, Харькова, Донбасса, Ленинграда и других мест.

Вопросами размещения и ввода в строй прибывавших в тыл предприятий занимались также члены правительства: С.А.Акопов, Б.Л.Ванников. В.В.Вахрушев, С.З.Гинзбург, А.И.Ефремов, А.Г.Зверев, А.Н.Косыгин, И.Г.Кабанов, Н.С.Казаков, А.И.Микоян, М.Г.Первухин, П.И.Паршин и др.

В своем постановлении «О порядке размещения эвакуируемых предприятий» ГКО особо указал на то, что в размещении предпри-

ятий, подлежащих эвакуации из угрожаемых зон, преимущество должно быть отдано авиационной промышленности, промышленности боеприпасов, вооружения, танков и бронеавтомобилей, черной, цветной и специальной металлургии, химии. ГКО обязал местные организации принять необходимые меры для быстрого развертывания восстанавливаемых предприятий.

Областные комитеты партии и исполкомы облсоветов каждую декаду отчитывались перед ЦК ВКП(б), СНК СССР и ГКО о ходе восстановления эвакуированных промышленных предприятий на новых местах. Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с трудящимися восточных районов в невиданные сроки, в среднем 1,5–2 месяца, монтировали поступавшее промышленное оборудование и вводили его в действие.

Быстрое восстановление перемещенных в восточные районы заводов стало возможным в значительной мере благодаря усилиям строителей, их творческой смекалке, смелым техническим решениям. Между тем строить приходилось в неимоверно тяжелых условиях. Нередко переброшенные в тыл предприятия начинали свою жизнь буквально на пустом месте. Возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. Иногда даже под открытым небом, в непогоду, в лютые сибирские и уральские морозы, при ледяном пронизывающем ветре люди рыли котлованы, строили железные дороги, разгружали поезда, монтировали оборудование.

Согласно отчетным данным наркоматов, к концу года на новых местах действовали уже многие заводы и фабрики. В различных тыловых районах было размещено 122 предприятия Наркомата авиапромышленности, 43 — Наркомата танковой промышленности, 71 — Наркомата вооружения, 96 — Наркомата боеприпасов, 80 — Наркомата минометного вооружения, 199 — Наркомата черной металлургии, 91 — Наркомата химической промышленности, 45 — Наркомата цветной металлургии и т.д.[33]

Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР[34].

Наряду с этим в связи с ликвидацией непосредственной угрозы столице в конце декабря 1941 г. — первые месяцы 1942 г. была проведена реэвакуация части предприятий центрального промышленного района СССР, в том числе Москвы. Так, уже в начале 1942 г. в Москву было возвращено несколько крупных объектов, в том числе станкостроительный завод «Красный пролетарий»,

С конца мая 1942 г. военная обстановка вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда она проходила на этот раз с

более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ.

22 июня 1942 г. постановлением ГКО при нем была образована Комиссия по эвакуации, куда вошли Н.М.Шверник (председатель), А.Н.Косыгин, А.И.Микоян, М.З.Сабуров, Б.Н.Арутюнов, П.А.Ермолин и В.Н.Меркулов. Опираясь на опыт по перемещению производительных сил 1941 г., комиссия обеспечила возобновление работы эвакопунктов, эвакобаз и эвакокомитетов, созданных на местах в первые месяцы войны.

В течение лета и осени 1942 г. удалось вывезти из угрожаемых районов оборудование более 150 крупных промышленных предприятий, многие материальные и культурные ценности и сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти в интересах военной экономики СССР значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта.

Перебазирование производительных сил страны на восток явилось одной из наиболее значительных достижений тружеников тыла.

Американский журналист Л.Сульцбергер назвал перебазирование производительных сил в СССР в глубокий тыл легендарным. «Этот осуществленный в гигантских масштабах перевод промышленности на восток, — писал он 20 июня 1942 г. на страницах журнала "Лайф", — одна из величайших саг истории. Причем, речь идет отнюдь не о спорадическом процессе...»

По мнению Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, эвакуация по своей значимости оказалась равной «величайшим битвам Второй мировой войны»[35].

И хотя эвакуация сопровождалась многими потерями и явилась одной из причин резкого падения производства в конце 1941 г., уже вскоре стало очевидным, что ее главная цель — спасти от фашистских захватчиков и использовать в интересах фронта миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей — была достигнута.

[1] *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945: Пер. с англ. М., 1967. С. 148.

[2] *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения, 1917–1947. М., 1979. С. 504; Эшелоны идут на восток. М., 1966. С. 6.

[3] ГА РФ. Ф. 8418. Оп. 27. Д. 244; Оп. 23. Д. 224.

[4] Архив Президента РФ (бывший Кремлевский архив ЦК КПСС). Коллекция документов.

[5] *Микоян А.И.* В первые месяцы Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1985. № 6. С. 103–104.

[6] ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 195. Л. 46.

[7] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 217.

[8] Железнодорожники в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1985. С. 119.

[9] Из 13 тыс. человек, работавших на Брест-Литовской дороге, было эвакуировано около 2 тыс., а по другим данным – лишь 900 железнодорожников. (См.: Центральный архив МПС. Ф. 23а. Оп. 90. Д. 56. Л. 11; Ф. 33а. Оп 49. Д. 1367. Л. 3. Далее – ЦА МПС)

[10] Институт российской истории РАН. Документы и материалы. Инв. № 91. Л. 56–58 (Далее – ИРИ РАН); История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 138.

[11] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1396. Л. 26.

[12] Киев-герой: Киев, 1961. С. 191–194. Укр.; История Киева. Киев, 1960. Т. 2. С. 487. Укр.

[13] Эшелоны идут на восток. С. 205.

[14] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1224. Л. 246–247.

[15] Там же. Д. 1193. Л. 16.

[16] Гвардия тыла: Сб. воспоминаний. Л., 1960. С. 27.

[17] ГА РФ. Ф. 6822 сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 18; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг. Киев, 1975. Т. 1. С. 263.

[18] *Куманев Г.А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 62; Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза, 1941–1945 гг. Т. 1. С. 269.

[19] Там же. С. 269–273.

[20] Личный архив автора.

[21] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[22] Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 8. Д. 372. Л. 1. (Далее – РГАСПИ).

[23] Там же. Л. 2.

[24] Там же. Сводная табл. к табл. № 35, 38.

[25] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1241. Л. 80.

[26] Российский государственный архив экономики. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3029. Л. 191; Д. 3054. Л. 35. (Далее – РГАЭ).

[27] Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3023. Л. 221, 229; Д. 3024. Л. 15–16, 56.

[28] ГА РФ. Ф. 6822 сс. Оп. 1. Д. 200. Л. 20, 24, 25, 27, 29, 32, 33, 36, 37.

[29] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1224. Л. 64, 82.

[30] ГА РФ. Ф. 6822сс. Оп. 1. Д. 495. Л. 110, 111, 116.

[31] *Арутунян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны М., 1970. С. 52.

[32] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 548.

[33] ГА РФ. Ф. 6822 сс. Оп. 1. Д. 538 (Сводная таблица). Л. 1.

[34] *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. М., 1979. С. 505.

[35] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 278.

ЭВАКУАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ УГРОЖАЕМЫХ РАЙОНОВ СССР В 1941–1942 гг.

Неотложная задача

С самого начала вероломной фашистской агрессии против СССР на советско-германском фронте создалось чрезвычайно тяжелое и опасное положение. Под давлением превосходящих сил противника Красная Армия, несмотря на ее мужественное сопротивление, была вынуждена отступать в глубь советской территории.

Все это вызвало необходимость организовать срочное перебазирование на Восток производительных сил страны, расположенных в ее западной части: оборудование и сырье тысяч предприятий, сельскохозяйственные ресурсы, материальные и культурные ценности и главное — миллионы людей.

Перемещение в тыловые районы огромных масс населения стало одной из важнейших задач, вставших перед руководством Советского государства в первые месяцы Великой Отечественной войны. Это означало не только спасение значительной части наших граждан от физического истребления и фашистского рабства, но и быстрое их размещение на новых местах и эффективное использование взрослого населения в интересах экономики и фронта.

Проведенная в СССР массовая эвакуация была беспрецедентной в истории стран и народов по своим масштабам, срокам и тяжелейшим условиям.

В своей книге «Россия в войне, 1941–1945 гг.» — известный английский публицист Александр Верт, который с июля 1941 г. по 1946 г. находился в Советском Союзе в качестве корреспондента газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-би-си, писал: «Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были вывезены на восток... и как им удалось в огромной степени увеличить производство в течение 1942 г., — это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости»[1].

Без успешного решения столь масштабной производственной операции практически было невозможно сохранить основную экономическую базу СССР, создать крепкий тыл, оперативно переключив важнейшие отрасли народного хозяйства на массовый выпуск необходимой фронту военной продукции. Ведь вторгшийся на советскую землю враг

стал захватывать многие жизненно важные районы, а позднее оккупировал обширную территорию общей площадью 1926 тыс. кв. км, где до войны (1940 г.) из 190,7 млн граждан проживало 84,9 млн, или 44,5%[2].

Драматизм ситуации осложнялся и тем, что в СССР до войны не были заблаговременно разработаны конкретные планы оперативного перемещения с Запада на Восток страны производительных сил (включая и значительные людские ресурсы), хотя в архивных фондах и отразились некоторые робкие попытки что-то сделать в этом направлении. Так, с января 1939 г. по январь 1941 г. на правительственном уровне было подготовлено несколько черновых набросков соответствующих эвакуационных планов и предложений[3]. Но затем дальнейшая работа над ними была прекращена. И дело не только в том, что в советской военной доктрине доминировала концепция быстрого перенесения театра военных действий на территорию предполагаемого агрессора и последующего его незамедлительного разгрома.

Это было связано с тем, что И.В.Сталин вплоть до 22 июня 1941 г. не верил в близость войны, считая, что Гитлер не решится вести войну на два фронта, пока не разделался с Англией. По мнению Сталина, важно было не давать нацистскому фюреру никакого повода для нападения. Поэтому Сталин не принимал никаких самых неотложных мер оборонительного характера, опасаясь, что Германия может их использовать в качестве оправдания своей агрессии против СССР.

Не были заблаговременно созданы и органы, призванные непосредственно руководить перебазированием производительных сил страны. Проблемы, связанные с эвакуацией, пришлось решать уже в ходе разразившейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательных последствий[4].

И все-таки такой существенный пробел при проведении перебазирования людских контингентов и материальных ресурсов, как отсутствие эвакуационных планов и соответствующих органов, ЦК партии, правительству, Госплану, наркоматам, плановым комиссиям республиканских и областных Советов удалось сравнительно быстро ликвидировать. Это сразу же помогло оперативно устранить возникшие поначалу стихийность, хаос, неразбериху, придав всей работе по перемещению производительных сил СССР в целом организованный и планомерный характер.

29 июня 1941 г. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) направили специальную директиву партийным и советским организациям прифронтовых областей. Наряду с другими первоочередными мерами, которые требовалось немедленно осуществить в складывавшейся обстановке, в ней была сформулирована одна из важнейших военно-хозяйственных задач — при вынужденном отступлении советских войск угонять подвижный железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего.

Колхозники должны быть угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно «безусловно уничтожаться»[5].

Содержание этой директивы, которая не была тогда обнародована, повторил почти слово в слово в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. председатель созданного 30 июня Государственного Комитета Обороны И.В.Сталин[6].

В этой связи следует заметить, что появившиеся в последние годы в средствах массовой информации утверждения о том, что будто бы Сталин и советские органы власти с первых дней войны требовали от населения и местных органов власти западных районов (независимо от складывавшейся военной обстановки) заблаговременно и полностью уничтожать перед наступавшим врагом все жилые дома, здания заводов, электростанций, водопроводы, все запасы продовольствия, скот, птицу, не соответствует действительности.

Правда, подобные, весьма радикальные предложения ставились перед ГКО (например, Н.С.Хрущевым), но они не были поддержаны высшими чрезвычайными органами страны. Об этом свидетельствует следующая, извлеченная нами из архива телеграмма ГКО, которая была направлена 10 июля 1941 г. в Киев Н.С.Хрущеву. Приведем полностью ее текст.

«1. Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100 — 150 километров от противника, независимо от состояния фронта. Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии и создать, как в Армии, так и среди населения настроения обязательного отхода вместо решимости дать отпор врагу. 2. Государственный Комитет Обороны обязывает Вас ввиду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести *все взрослое мужское население* (курсив наш. — *Г.К.*), рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, и чего невозможно вывезти уничтожить, не касаясь, однако птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров. 3. Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать. 4. Водопроводов не взрывать. 5. Заводов не взрывать, но снять с обору-

дования все необходимые ценные части, станки и т.д., чтобы заводы долго не могли быть восстановлены. 6. После отвода наших частей на левый берег Днепра, все мосты взорвать основательно. 7. Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти – взорвать. 8. Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, выводя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование. Председатель ГКО И.Сталин»[7].

Поставив перед советским народом неотложную задачу срочного перемещения в тыл огромных людских контингентов и материально-производственных ценностей, ГКО, ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР придавали первостепенное значение созданию устойчивых производственных связей между отдельными предприятиями и целыми отраслями промышленности, ибо ранее сложившееся кооперирование было нарушено в ходе начавшейся войны или не отвечало новой оборонной специализации многих заводов и фабрик. Поэтому при составлении планов размещения в восточных районах оборудования сотен и тысяч предприятий вместе с эвакуированными рабочими и служащими учитывалась не только имевшаяся сырьевая база и транспортные коммуникации, но и смежные заводы или возможность их быстрого создания.

Значительную часть населения и промышленных объектов прифронтовой зоны предусматривалось перебазировать в Поволжье, на Урал и в Сибирь. Это диктовалось как сравнительной отдаленностью указанных регионов от линии фронта, так и наличием там необходимых условий. В частности, на Урале, в Западной Сибири и в Поволжье уже имелось большое число введенных в строй по решению XVIII съезда партии или недостроенных к началу войны предприятий-дублеров, на площадях которых можно было разместить эвакуированные предприятия, оборудование оборонной, машиностроительной, нефтеперерабатывающей и химической индустрии для того, чтобы быстро восстановить эвакуированные предприятия, ввести их в эксплуатацию, максимально использовав при этом прибывшие рабочие кадры, и добиться форсированного увеличения военной продукции.

Внезапность вражеского нападения, громадные размеры театра военных действий, массированные удары противника с воздуха, артиллерийские обстрелы, превращение многих городов и сел в арену ожесточенных сражений создало исключительные сложности во время эвакуации, потребовав от советских людей огромного физического и морального напряжения.

Организация эвакуации

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей»[8] при Совнаркоме СССР был создан Совет по эвакуации во главе с наркомом путей сообщения Л.М.Кагановичем. Однако на этом организационный процесс не завершился.

3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н.М.Шверник, а 16 июля состоялась реорганизация его состава[9].

26 сентября 1941 г. при Совете по эвакуации было создано Управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К.Д.Памфиловым. Одновременно Памфилов пополнил Совет по эвакуации в качестве одного из заместителей председателя Совета. Вскоре правительство утвердило заместителями начальника Управления по эвакуации населения Е.Н.Кобзина – бывшего начальника Переселенческого управления при СНК СССР, А.Н.Горчакова – сотрудника секретариата СНК СССР и Р.Е.Мельникова – председателя Смоленского облисполкома[10].

В состав нового управления входили отделы по эвакуации, трудоустройства, бытового обслуживания эвакуируемых и Центральное справочное бюро. На управление возлагались задачи организации вывоза населения из угрожаемой зоны, обслуживания в пути следования, приема, размещения и устройства на работу беженцев. Управлению был передан аппарат бывшего Переселенческого управления при Совнаркоме СССР. Оно располагало значительным числом кадров в центре и на местах. Общее количество уполномоченных Управления по эвакуации в союзных республиках, областях и краях вместе со штатными работниками, осуществлявшими вывоз населения, составляло на 1 января 1942 г. 2757 человек.

Нельзя не отдать должное той оперативности, которая была проявлена руководством страны, чтобы наверстать упущенное. Помимо создания специальных советов и комиссий по перебазированию к выполнению эвакуационных задач были немедленно привлечены республиканские и областные партийные, профсоюзные и комсомольские органы, правительства республик, союзные и республиканские наркоматы, исполкомы местных Советов прифронтовых и тыловых областей страны, а также военные органы и органы внутренних дел.

Контроль за вывозом населения, оборудования и других материальных ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с А.Н.Косыгиным[11].

Таким образом, в комплексе стали решаться важнейшие проблемы перебазирования – о порядке эвакуации жителей западных районов, об организации их обслуживания в пути и о конечных пунктах следования, а также о правилах и очередности вывоза ценного оборудования и грузов, о сроках восстановления предприятий, строительстве жилья, промышленных помещений и т.д.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» от 27 июня 1941 г. были определены главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. Перемещению на Восток в первую очередь подлежали детские учреждения, квалифицированные кадры рабочих и служащих, люди пожилого возраста, женщины с детьми, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие материальные и культурные ценности, имеющие государственное значение[12].

При этом не предусматривалось какое-либо преимущество той или иной национальности в отношении перемещения в тыл, что представляется вполне справедливым и демократичным. Правда, существует мнение, что следовало бы при эвакуации первоочередное право предоставить евреям и цыганам, поскольку по отношению к ним гитлеровцы осуществляли в оккупированных районах ничем не прикрытый массовый геноцид. Но предоставление такого преимущества при эвакуации могло бы вызвать негативную реакцию других народов СССР, спасавшихся от угрозы фашистского ига.

Для эвакуационных пассажирских эшелонов была установлена среднесуточная скорость до 500–600 км. Поскольку ощущалась острая нехватка пассажирских вагонов, вывоз населения осуществлялся также в специально оборудованных для этой цели товарных вагонах, а иногда даже и на платформах. Вот что вспоминал о первых эшелонах, прибывавших на Урал, Н.С.Патоличев, работавший тогда первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б): «Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя... Иногда и этого не было.

Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Именно кое-что. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей... При более благоприятной обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось до 80–100. Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами»[13].

С 5 июля во всех крупнейших городах, на многих железнодорожных узлах, станциях и пристанях были организованы эвакуационные пункты, число которых к концу августа достигло 128. «Они принимали и отправляли эшелоны с людьми, организовывали их питание и медицинское обслуживание. Цепь эвакопунктов протянулась на тысячи километров от прифронтовых железнодорожных станций юга и запа-

да страны до Восточной Сибири, Казахстана, Средней Азии», — писал А.Н.Косыгин[14]. С середины августа до конца 1941 г. только эвакопункт и пункт питания станции Иваново приняли и обслужили 481 тыс. человек. Примерно за то же время один эвакопункт пристани Кинешма на Волге обеспечил питанием 100 тыс. эвакуированных[15].

Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль. Начальники дорог ежесуточно, не позже 22 часов сообщали в НКПС сведения о следовании людских эшелонов и отдельных вагонов с эваконаселением по состоянию на 18 часов. В свою очередь, Наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся на железных дорогах составах с эвакуированными[16].

Для оказания помощи спасавшемуся от угрозы фашистского порабощения населению государство выделило значительные средства. В эвакуационных пунктах старшие вагонов получали хлеб и другие продукты. Организовывались столовые, душевые, санпропускники, было обеспечено снабжение людей кипятком.

Принимались и другие решения по оказанию материальной поддержки эвакуируемым, в том числе рабочим и служащих. Так, 15 октября 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление № 2145 «О выдаче заработной платы и продуктов рабочим и служащим эвакуируемых предприятий и учреждения г. Москвы».

Согласно постановлению с 18 часов 15 октября рабочим и служащим предприятий и учреждений столицы, подлежащих перебазированию, предоставлялся временный отпуск. Помимо этого сверх установленного правительственным решением от 2 июля 1941 г. денежного пособия эвакуируемым выдавалось единовременное пособие в размере месячного оклада заработной платы. Они имели право купить в магазинах по 16 кг муки или зерна и месячную норму по карточкам на продовольственные товары (мясо, сахар, крупа и др.). Постановление распространялось также на рабочих и служащих эвакуированных предприятий Кунцевского и Мытищенского районов Московской области.

Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало в помощь эвакуированным около 3 млрд руб. (в масштабе довоенных цен)[17].

Вопросами снабжения эвакобаз и обеспечения эвакуированного населения продуктами питания ведал заместитель наркома торговли СССР Г.Ф.Шорин, а медицинской помощью — заместитель наркома здравоохранения СССР С.И.Миловидов.

Все это существенно помогло в ходе эвакуации свести к минимуму людские потери вследствие недоедания и заболеваний.

Из зоны военных действий гражданское население перемещалось в тыл по указанию военного командования, а из прифронтовых и угрожаемых районов — с разрешения Совета по эвакуации. Основным методом перебазирования людских масс явился организованный вывоз

рабочих, служащих, колхозников, учащихся вузов и техникумов вместе с предприятиями, учреждениями и учебными заведениями, а также эвакуация неорганизованного населения в индивидуальном порядке.

Перемещению в тыл в обязательном порядке подлежали советские граждане стран, воевавших против СССР. Так, согласно постановлению ГКО с 31 августа по 7 сентября 1941 г. органами НКВД проводилась операция по переселению из пригородов Ленинграда в Карагандинскую, Кзыл-Ордынскую, Южно-Казахстанскую и Джамбульскую области Казахской ССР 132 тыс. немцев и финнов[18].

Для предотвращения человеческих жертв в зоне боевых действий по решению военных органов практиковалось внеплановое отселение гражданского населения на небольшое расстояние (25–30 км) в менее опасные районы.

Своеобразной формой эвакуации можно рассматривать также отвод в тыловые районы людей, подлежащих в ближайшее время мобилизации.

Всего было таким образом отведено в тыл примерно 10 млн человек.

Те рабочие и инженерно-технические работники предприятий военной промышленности и машиностроения, электростанций, заводов тяжелой индустрии, которые не подлежали призыву в ряды Красной Армии, эвакуировались в целом организованно. Совет по эвакуации разработал специальное Положение о перемещении в тыл рабочих, служащих и их семей. Каждый работник предприятия при эвакуации имел право взять 100 кг груза на себя и по 40 кг на каждого члена семьи. Перевозка людей и грузов производилась за счет государства. На время эвакуации за рабочими предприятий полностью сохранялась заработная плата (средняя за последние три месяца). Выплачивались подъемные из расчета: месячный оклад главе семьи — работнику предприятия, четверть оклада на жену и одна восьмая оклада на каждого из остальных неработающих членов семьи. Кроме того, в июне и декабре 1941 г. было ассигновано из союзного бюджета 35 млн руб для оказания единовременной помощи особо нуждающимся семьям рабочих, служащих, военнослужащих, эвакуированным из прифронтовой полосы[19].

Следует отметить, что все же значительная часть квалифицированных рабочих и инженерно-технического персонала, уже погруженная в эвакоэшелоны, по разным причинам не смогла прибыть вместе с заводским оборудованием в места новой дислокации предприятий. Чаще всего это было связано с мобилизацией их в пути следования в ряды Красной Армии. Например, по отчетным данным на 20 января 1942 г. по Наркомату боеприпасов, из 178541 рабочих и служащих предприятий по производству боеприпасов было отправлено на Восток 38463 чел. (21,5% к их общему числу), а прибыло на места размещения 34931 чел. (19,5%). Из 29656 работников предприятий Наркомата цветной металлургии было отправлено в тыловые рай-

оны 5768 чел. (19,4%), а прибыло к местам назначения 4727 чел. (15,9%). По данным на 31 января 1942 г., было охвачено эвакуацией из 35863 рабочих и служащих предприятий Наркомата электропромышленности 9193 чел. (25,6%), а прибыло к местам назначения 8791 чел. (24,5%) и т.д.[20]

Эвакуация населения, отправлявшегося в индивидуальном порядке, проходила с большими трудностями. Не хватало транспорта, люди испытывали недостаток продовольствия и другие лишения, ввиду перегрузки транспорта часть гражданского населения прифронтовой полосы вынуждена была уходить в тыл пешком.

Путь на восток

С каждым днем процесс перебазирования принимал все больший размах, вскоре захватив обширные районы западных и центральных областей Украины, Молдавии, Крыма, Белоруссии, Прибалтики, Карелии, Северо-Западного промышленного региона РСФСР.

Непрерывный людской поток уходил на Восток. Из городов и рабочих поселков прифронтовых областей шли составы, речные суда (там, где были водные артерии), грузовые машины, обозы с людьми и материальными ценностями, подвергавшиеся вражеским бомбежкам и обстрелам. Сельские жители гнали скот, уводили трактора, сельскохозяйственную технику, вывозили хлеб и продовольствие. Многие материальные ценности, которые по разным причинам невозможно было переместить в тыл, приводились в негодность до такой степени, чтобы их не мог использовать враг, или уничтожались. Уход из родных мест был исключительно трудным испытанием для советских людей. Тяжело было разрушать или уничтожать то, что с таким трудом создавалось годами, во имя чего советские люди переносили лишения и невзгоды, зачастую отказывая себе в самом необходимом.

Особого напряжения сил потребовала эвакуация гражданского населения из западных приграничных промышленных и сельскохозяйственных районов, где она началась в первые дни боевых действий.

В обстановке быстрого продвижения немецко-фашистских войск организовать здесь более или менее полный вывоз населения и материальных ценностей не представлялось возможным. По свидетельству, например, руководства Брест-Литовской дороги, эвакуацию пришлось начать под огнем наступающего врага «при полнейшем отсутствии связи с военным командованием» и при противоречивых указаниях местных организаций, «рассматривавших вопрос об эвакуации как создание паники, как нарушение государственной дисциплины»[21]. Только после получения в 22 часа 23 июня 1941 г.

приказа НКПС об эвакуации были немедленно приняты меры по вывозу с узлов Барановичи-Полесские и Барановичи-Центральные различных материальных ценностей и документов. Во второй половине дня 23 июня при непрерывной бомбежке в глубь страны отправились составы с семьями трудящихся, прибывшие непосредственно из зоны военных действий.

В целом эвакуации на Брест-Литовской дороге прошла с большими потерями. Так, из 13 тыс. работников магистрали удалось вывезти в тыл, по одним данным, около 2 тыс. человек, а по другим — всего лишь 900 железнодорожников. Из 10091 вагона с людьми и материальными грузами было отправлено только 5675[22].

В крайне тяжелой обстановке проходила эвакуация на Белостокской дороге. К вечеру 22 июня крупные силы танков и мотопехоты противника прорвались в районы расположения магистрали. Ее пограничные узлы и станции подвергались непрерывным ударам с воздуха и обстрелам из дальнобойных орудий. Для спасения людей и материальных ценностей использовались все возможности, и прежде всего порожние грузовые вагоны. В первый день войны только со станций Белосток и Гродно было отправлено 30 эвакопоездов.

С Ковельской магистрали, где уже с 22 июня прервалась связь Управления дороги со станциями, были вывезены лишь некоторые ценности. Удалось эвакуировать подвижной состав и часть грузов с населением со станций Ковель, Владимир-Волынский, Стояново, Здолбуново, Ровно и Сарны[23].

«В первые два-три дня военных действий, — вспоминал бывший нарком путей сообщения СССР генерал-лейтенант И.В.Ковалев, — вопросы об эвакуации населения, воинского имущества, промышленного оборудования и других народнохозяйственных ценностей в значительной мере приходилось решать военному командованию, партийным и советским органам по собственному усмотрению. В одних случаях местные органы, трезво оценив обстановку, принимали решительные меры для эвакуации гражданского населения и материальных ценностей, в других — проявляли колебания, и в результате советские люди не по своей воле оставались на оккупированной врагом территории, а материальные ценности, либо в последний момент приходилось уничтожать, либо, что еще хуже, они доставались немецко-фашистским захватчикам»[24].

Лишь благодаря оперативным и энергичным действиям партийных, советских, хозяйственных органов Молдавской ССР, самоотверженному труду рабочих местных предприятий и железнодорожников Кишиневской железной дороги удалось отправить в тыл до 300 тыс. граждан республики[25].

В исключительно тяжелых условиях прошла эвакуации в республиках Прибалтики. Из-за быстрого продвижения противника массовый

вывоз населения здесь провести не удалось. Так, из Литвы, которая была захвачена гитлеровцами в течение четырех дней, из почти 3 млн ее жителей смогли эвакуироваться всего лишь около 20 тыс., или 0,07%. Немного больше времени для эвакуации имело население Латвии. Но и здесь итоговые результаты оказались весьма скромными. В тыловые районы СССР переместилось около 40 тыс. человек, — всего лишь 2% населения республики.

Из Прибалтийских республик эвакуация дольше всего продолжалась в Эстонии, где непосредственные боевые действия развернулись несколько позднее. Она началась по решению Комитета обороны республики в конце июня 1941 г.

«Условия эвакуации были крайне тяжелые из-за нехватки железнодорожного подвижного состава и больших потерь вследствие бомбежек при перевозках морским транспортом. Мобилизация в армию и на фортификационные работы вызвала острый недостаток в рабочей силе при погрузочно-разгрузочных работах»[26], — говорилось в эвакуационном отчете Совнаркома ЭССР. Всего из республики было эвакуировано железнодорожным и морским путем 60 тыс. человек[27].

С громадными трудностями, под непрекращающимися вражескими бомбардировками и обстрелами осуществлялось перебазирование населения и предприятий Украины и Крыма.

4 июля ЦК КП(б) Украины и Совнарком УССР направили всем партийным и советским организациям республики специальную директиву о форсировании эвакуационных мероприятий[28]. Поток эшелонов с беженцами и материальными грузами из важнейших центров УССР быстро нарастал. Уже в первых числах июля значительных размеров достигли эвакуационные перевозки из областей Правобережной Украины.

В конце июля ввиду угрозы широкого выхода немецко-фашистских войск к Днепру в полосе обороны Юго-Западного и Южного фронтов стала неизбежной массовая эвакуация населения и производственного оборудования промышленных районов Приднепровья, а также Крыма. Только через Киевский узел было отправлено на Восток 450 эшелонов.

Штаб обороны Киева, партийные и советские организации на протяжении всех дней обороны города руководили вывозом женщин, детей, стариков, квалифицированных кадров рабочих и служащих. Согласно отчетным документам, в июне–августе 1941 г. из Киева было перемещено в тыл 335 тыс. человек, из Харькова — почти 450 тыс., или более половины всего населения города, из Одессы — около 300 тыс. В общей сложности, по тем же данным, с Украины к концу 1941 г. удалось эвакуировать в восточные районы страны свыше 4 млн человек.

В невероятно тяжелых условиях проводилась эвакуация производительных сил с территории Белорусской ССР. Уже на второй день

войны, 23 июня 1941 г., бюро ЦК КП(б) Белоруссии рассмотрело вопрос о незамедлительной эвакуации детей и материальных ценностей из городов, подвергавшихся обстрелу в полосе военных действий.

«Это было нелегкое решение, – вспоминал бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П.К.Пономаренко. – Еще тяжелее было ставить данный вопрос перед ЦК ВКП(б) и правительством.

В середине дня я позвонил Сталину и после краткой информации сообщил ему о нашем решении. Он удивился и спросил: "Вы думаете это надо делать? Не рано ли?" – Я ответил: "Обстановка сложилась такая, что в половине западных областей республики (в Брестской, Белостокской, Пинской, Барановичской) широкая эвакуация уже невозможна. Боюсь, что опоздание с этим для Минска и восточных областей станет непоправимым". Подумав, Сталин сказал: «Хорошо, приступайте к эвакуации. Кроме населения и особенно детей, родители которых ушли на фронт, вывозите наиболее важную часть государственных и партийных архивов, и государственные ценности..."»[29]

Была срочно создана республиканская эвакокомиссия во главе с председателем Совнаркома БССР И.С.Былинским, которая приступила к работе.

В числе первых из Белоруссии было эвакуировано 110 детских домов, 25 детских садов, 28 пионерских лагерей, 3 специальные школы, 3 детских санатория, всего около 14 тыс. детей. В местах наибольшего скопления эвакуируемых – Орше, Витебске, Могилеве, Полоцке и других были организованы 24 эвакопункта, где население получало медицинскую помощь, а также помощь деньгами, продовольствием, одеждой, обувью. На эти нужды правительство БССР выделило 3 млн рублей.

Между тем обстановка стремительно ухудшалась, что не позволило организовать эвакуацию из республики в достаточно широких размерах и особенно из приграничных областей БССР, которые уже через несколько дней были оккупированы врагом.

Вот что свидетельствовала об этих и последующих днях бывший начальник спецчасти Главрыбпрома при СНК Белоруссии Этта Майзлес, безуспешно пытавшаяся, как и сотни тысяч советских граждан, спастись от немецко-фашистских захватчиков. В период оккупации она была секретарем десятки в подпольной организации минского гетто, а затем в партизанском отряде «Мститель». Интереснейший документ – стенограмма беседы с ней членов Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, записанная в августе 1944 г., – хранится в Научном архиве Института российской истории РАН.

«Об эвакуации трудно говорить, – вспоминала она, – не было организованной эвакуации, сильно немец бомбил дороги. Кое-что собрала, пошла пешком с ребятами до ст. Колодище на Московское шоссе. У старшей дочки ноги болели. Навстречу нам шли рабочие из типографии им. Сталина. Они сказали нам: "Напрасно идете, впереди

немецкий десант". Нас как холодом обдало. Вернулись. И уже 28 июня 1941 г. в Минске появились немцы... Хлеба у нас не было и вообще ничего не было. Запасов не держали... Я осталась без денег. Нам помогала сестра мужа.

Дней через пять после прихода — приказ о регистрации всех евреев — 9–10 июля 1941 г. Я хорошо помню приказ № 1, в котором объявлялось, что организация в 120 человек пыталась противодействовать немцам, поэтому они все расстреляны...

...В эти же дни, когда приказывалось евреям явиться на регистрацию, всех мужчин от 16 до 55–60 лет согнали в лагерь, их держали 10 дней, жутко над ними издевались, не давали ни пить, ни есть. Потом всех гражданских отпустили, а евреев, больше 90 человек, отправили в тюрьму и потом всех расстреляли»[30].

Всего из Белоруссии успели эвакуироваться в тыловые районы СССР свыше 1,5 млн человек[31].

Вывозом населения и материальных ценностей были охвачены и северо-западные районы страны: Ленинградская, Мурманская области и Карелия. Освещение только этих страниц эпопеи перебазирования, наполненных людскими трагедиями вместе с многочисленными примерами стойкости и мужества, может стать темой специального исследования. Мы же ограничимся лишь некоторые итоговыми сведениями.

Общее число перемещенных в тыл из Ленинграда, по оперативным сводкам НКПС, с 29 июня по 26 августа 1941 г. включительно составило 775 тыс. 590 человек, из Карелии — свыше 500 тыс. (почти 90%) населения республики[32]. В итоге эвакуации население Мурманской области к концу 1941 г. уменьшилось с 313,4 тыс. до 102,3 тыс. человек, а число жителей Мурманска — с 117,1 тыс. до 35,6 тыс.[33]

С лета 1941 г. развернулась эвакуация и из центральных районов СССР, которая в осенние месяцы приняла массовый характер. Только из Москвы и пригородов было вывезено одним железнодорожным транспортом около 1 млн 400 тыс. человек, причем одну треть из них составляли дети. К ноябрю 1941 г. население Москвы в результате мобилизации и эвакуации сократилось с 4,5 млн. человек до 2,5 млн. К середине ноября число вывезенных всеми видами транспорта москвичей достигло 2 млн человек[34].

Большая роль в перемещении многомиллионных масс из угрожаемых районов принадлежала эвакопунктам и уполномоченным Управления по эвакуации населения. Уже к концу лета 1941 г. каждый эвакопункт ежедневно обеспечивал проследование десятков тысяч переселенцев. Только на 25 июля 1941 г. через Сталинградский эвакопункт было пропущено 125 эвакоэшелонов. Причем многие поезда, прибывшие в июле из Украины и Крыма, не имели начальников эшелонов и списков эвакуируемых. Кроме того, значительная часть пере-

селенцев отказывалась следовать дальше и самовольно высаживалась на пригородных станциях. В результате – численность населения в городе резко возросла. Как вспоминал бывший председатель Сталинградского городского комитета обороны А.С.Чуянов, «все станции и перевалочные базы были забиты. На вокзалах, пристанях, переправах – огромное скопление людей, автомашин, подвод, скота. Работникам вокзалов и переправ трудно было установить, куда и в каком направлении должны идти те или иные грузы»[35].

Сталинградский городской комитет обороны принял срочные меры по устранению этого положения, создав специальную комиссию для отправки населения и грузов. Для перевозки населения она мобилизовала все имевшиеся транспортные средства, включая самоходный и несамоходный флот, принадлежавший предприятиям и организациям. Всего с августа 1941 г. по март 1942 г. через Сталинградский эвакопункт проследовало 441 079 эвакуированных[36].

Так же напряженно работали многие другие эвакопункты в различных городах восточных районов страны.

Размещение и трудоустройство «беженцев войны»

Процесс перебазирования производительных сил СССР включал в себя не только вывоз в тыловые районы огромных масс населений, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей. Не менее важной задачей являлось их рациональное размещение на новых местах. Партийные, советские, профсоюзные, комсомольские, хозяйственные органы восточных областей страны занимались вопросами расселения, трудоустройства, медицинского и бытового обслуживания, проблемами питания прибывших из угрожаемых районов рабочих, служащих, колхозников, членов их семей и семей военнослужащих. Усилиями местных организаций тыловых областей была налажена круглосуточная работа столовых, буфетов, продовольственных магазинов, медпунктов, а нередко – и санпропускников.

Вот несколько характерных примеров. Уже в июле 1941 г. в г. Иваново прибыло для размещения на 26 эшелонах 28,5 тыс. эвакуируемых граждан. Работу по их приему и обслуживанию возглавляла комиссия в составе двух секретарей Ивановского обкома ВКП(б) и заместителя председателя облисполкома. В помощь комиссии было мобилизовано 120 человек актива. Прибывшие для доставки к местам поселения обеспечивались гужевым и автомобильным транс-

портом. К началу августа здесь было расселено и трудоустроено около 30 тыс. человек[37].

В Марийской АССР за каждым эвакопунктом закреплялась партийная организация, члены которой отвечали за встречу прибывавших эшелонов, разгрузку, погрузку и сохранность багажа эвакуированных. Они отвечали также за питание переселенцев, уход за престарелыми, больными, детьми и за организацию шефской помощи[38].

В Ярославской области для эвакуированных ленинградцев был установлен повышенный паек, создан специальный фонд продуктов и промышленных товаров и открыты 56 стационарных лечебных заведений на 14583 человека[39].

В Саратовской области, через которую проследовали сотни эвакоэшелонов, только один Саратовский транзитно-приемный эвакопункт принял из западных районов страны 820 тыс. человек, из которых 307 тыс. получили здесь работу и жилье[40].

Следует иметь в виду, что довольно значительной части переселенцев эвакуацию и трудоустройство на новых местах пришлось испытывать дважды. Так, в Краснодарский край летом и осенью 1941 г. прибыло из угрожаемой зоны и было размещено 220 тыс. человек. Но через несколько месяцев из-за ухудшения военной обстановки их пришлось (как и местных жителей) вновь отправлять в глубь страны. В таком же положении оказались беженцы, расселенные в Орджоникидзевском крае, Северо-Осетинской АССР, Сталинградской области и в ряде других регионах ближайшего тыла[41]. Примерно треть всех прибывших во время первой волны эвакуации (1941 г.) была расселена в городской местности, а остальные — в сельской. Причем в своем абсолютном большинстве местные жители многонациональных восточных регионов страны проявили большое радушие и гостеприимство по отношению к прибывавшим беженцам войны, делясь с ними зачастую и без того скудным кровом, одеждой, продуктами питания, медикаментами и т.д.

Многие сибиряки, уральцы, жители центральных районов, республик Закавказья, Средней Азии и Казахстана брали в свои семьи на воспитание эвакуированных детей-сирот. Только Узбекистан, где зародилось движение за усыновление эвакуированных детей-сирот, принял 200 тыс. малышей и подростков, оставшихся без родителей. Все они нашли здесь отеческое внимание, приют и заботу. Настоящий гражданский подвиг совершил кузнец из Ташкента Шаахмед Шамахмудов и его жена Бахри. Они усыновили, удочерили и воспитали 16 сирот, среди которых были русские, узбеки, чуваши, татары, казахи, евреи, цыгане[42]. Садовод из г. Ош (Киргизия) Иминахун Ахмедов усыновил 13 детей[43]. У этих замечательных советских людей нашлось немало последователей.

Массовое перемещение населения (вплоть до прибытия его на места нового расселения) не обходилось и без ряда серьезных недостат-

ков и ошибок. В начале перебазирования были случаи, когда решения Совета по эвакуации о вывозе населения из того или иного региона принимались с опозданием, без указания количества беженцев, подлежащих перемещению в тыл, мест размещения и т.д.

В июле 1941 г. во время эвакуации детей из Москвы в Горьковскую область Моссовет и ряд наркоматов проявили недостаточное внимание к тому, какие районы выделены для приема детей, и подготовились ли они к этому, что внесло путаницу и создало дополнительные трудности с размещением прибывших.

Встречались и факты черствого отношения некоторых работников местных органов к нуждам переселенцев, когда последние вынуждены были подолгу жить возле эвакопунктов, поскольку необходимые транспортные средства им не предоставлялись или предоставлялись с большой задержкой.

В спецсообщении Управления НКВД по Вологодской области от 16 мая 1942 г. отмечалось, что в некоторых районах области эвакуированные из прифронтовой полосы «находятся в крайне плохих материально-бытовых условиях, а местные партийно-советские организации реальных мер к улучшению их положения не принимают». Например, в Тотемском районе, где проживало 6470 эвакуированных граждан, к середине мая им не были выданы ни продовольственные, ни промышленные товары, выделенные государством еще на 1 квартал 1942 г. Причем торгующие организации, пользуясь бесконтрольностью со стороны районных организаций, систематически занимались разбазариванием и расхищением «промтоваров, выделенных для снабжения эвакуированных»[44].

В других документах по Вологодской области от 10 и 22 апреля говорилось о неудовлетворительной работе двух госпиталей (организованных для лечения эвакуированного населения) и пункта выдачи разовых талонов на обед эвакуированным ленинградцам. Хотя еще 13 сентября 1941 г. СНК СССР обязал исполкомы местных Советов тыловых районов организовать для эвакуированного населения форсированное строительство жилых и коммунально-бытовых помещений упрощенного типа, правительственное решение в ряде мест оказалось без должного внимания. Приказ по Вологодскому областному отделу коммунального хозяйства от 30 мая 1942 г. отмечал «совершенно неудовлетворительный» ход сооружения жилых коммунальных помещений для эвакуированного населения. По итогам пяти месяцев 1942 г., констатировалось в том документе, «ни один строящийся объект не закончен»[45].

С подобными недостатками и упущениями велась решительная борьба, с виновных был строгий спрос по законам военного времени. Конкретные меры по устранению негативных фактов, принимаемые центральными и местными органами, приносили свои плоды.

Если, например, в первой половине 1942 г. в восточных районах РСФСР было введено в эксплуатацию для эвакуированного населения 68900 кв. м жилой площади, то во втором полугодии строители сдали уже 80 тыс. кв. м[46].

Миллионы граждан, спасенные от угрозы уничтожения или фашистского рабства, активно включались в работу для фронта.

Некоторые итоги и последствия двух эвакуаций

1 февраля 1942 г. по указанию ГКО во всех регионах тыла Центральным справочным бюро при Совете по эвакуации была проведена перепись прибывшего из угрожаемой зоны СССР населения. Можно только поражаться, как в таких экстремальных условиях удалось провести столь сложную и трудоемкую работу. Каждый из переписчиков получил соответствующие типографские бланки с 20 вопросами, на которые должны были ответить прибывшие, размещенные и трудоустроенные граждане.

Материалы этой чрезвычайно ценной и интересной переписи, составляющие несколько сотен объемистых папок и долгие годы хранившиеся в секретном архивном фонде, дают широкие сведения об эвакуированых. Они позволяют определить более точную численность эвакуированных в первые месяцы войны, их возрастной и национальный состав, основные профессии, прежние и новые должности и адреса.

Уже предварительное изучение данных указанной переписи позволяет, к примеру, опровергнуть встречающиеся сегодня утверждения СМИ, будто из угрожаемых районов вывозились преимущественно лица русской национальности и семьи «одних комиссаров», что при ее осуществлении якобы господствовали различные проявления национальной дискриминации, антисемитизма и т.п.

Приведем лишь некоторые выборочные данные, опровергающие подобные домыслы. Так, согласно переписи, только в Закатальский, Ждановский, Имишлинский и Пушкинский районы Азербайджанской ССР было эвакуировано 2745 чел. Из них: русских — 114 чел., украинцев — 65 чел., евреев — 2545 чел. В числе остальных были армяне, татары, молдаване, грузины и даже 13 поляков[47].

В Городской и Дзержинский районы г. Баку из 1067 эвакуированных к 1 февраля 1942 г. прибыло 387 русских, 386 евреев, 168 украинцев, 73 армян, 5 грузин, 7 азербайджанцев, 11 поляков, 8 татар и представителей некоторых других национальностей[48].

В Дербентский район Дагестанской АССР из 330 прибывших из угрожаемой зоны было 47 русских, 212 евреев, 43 украинца и 35 болгар, татар и поляков[49].

Нельзя не отметить и такие строгие правила, которыми постоянно руководствовались государственные органы, занимавшиеся вывозом гражданского населения: семьи при эвакуации не разобщались и жители умеренных климатических зон и особенно южной полосы в северных районах страны, как правило, не размещались.

Например, по данным той же переписи, Беломорский и Виноградовский районы Архангельской области к началу февраля 1942 г. приняли 2242 эвакуированных из Мурманской области, Карело-Финской ССР и Ленинграда, в том числе русских 1869, украинцев – 102, карелов – 201, мордвы – 26, белорусов – 15, татар – 14, вепсов – 5, финнов – 5, башкир – 3, евреев – 1, немцев – 1[50].

К сожалению, подобная перепись не была организована по итогам частичной реэвакуации, имевшей место с января по март 1942 г., а также по итогам второй волны эвакуации, проводившейся летом и осенью того же года из-за нового вражеского наступления. Архивные документы об этих производственных операциях по новому перемещению людских масс (включая кадры руководящих работников, специалистов), а также промышленного оборудования и других материальных ценностей весьма скудны и отрывочны.

После упразднения 19 декабря 1941 г. Совета по эвакуации, аппарат которого тем не менее в начале 1942 г. еще продолжал функционировать, все важнейшие правительственные решения по перебазированию производительных сил на Запад и Восток принимались Государственным Комитетом Обороны, Совнаркомом СССР и, наконец, учрежденной 22 июня 1942 г. Комиссией по эвакуации во главе с Н.М.Шверником.

Первое постановление ГКО по вопросам реэвакуации кадров и гражданского населения было вынесено 6 января 1942 г. и было посвящено переводу в Москву части аппарата Главнефтесбыта при СНК СССР и Наркомата угольной промышленности. 10 января ГКО определил порядок въезда в столицу. Возвращение эвакуированных предприятий могло быть только с его согласия в каждом случае, а возвращение людей – с согласия Моссовета и МГК ВКП(б)[51].

Из 65 постановлений ГКО и СНК СССР по вопросам реэвакуации, принятых с 3 января по 9 марта 1942 г., 46 были непосредственно связаны с Москвой и Московской областью, 25 постановлений так или иначе касались возвращения на прежние места руководящих кадров Президиума Верховного Совета и Совнаркома РСФСР, Госплана СССР, наркоматов: путей сообщения, финансов, внешней торговли, заготовок, торговли, черной металлургии, танковой промышленности, пищевой промышленности, вооружения, боеприпасов, электростанций, здравоохранения, лесной, химической, резиновой, текстильной промышленности, Госбанка Центрсоюза[52]. Одно из последних постановлений о реэвакуации в 1942 г. относилось к 4 июня 1942 г., когда из Сызрани в Люблино Московской области вместе с

рабочими и служащими было возвращено оборудование Московского завода «Инжектор»[53].

В 1943 г. процесс реэвакуации был продолжен. 23 января согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) в освобожденные районы возвращалось 23500 специалистов сельского хозяйства (трактористы, комбайнеры, агрономы, механики, шоферы), ранее эвакуированных в Азербайджанскую, Грузинскую ССР, Среднеазиатские республики, Дагестан, Ярославскую, Пензенскую, Омскую, Чкаловскую области и в некоторые другие тыловые регионы[54].

Как свидетельствуют документы, с 13 марта 1943 г. начался перевод в Москву эвакуированных институтов, учреждений и сотрудников Академии наук СССР. Сюда же с 9 мая временно перемещалась из г. Уфы Академия наук Украинской ССР[55].

Эвакуация населения, в том числе жителей Москвы и центральных районов Советского Союза, тогда еще не приняла столь широкого и организованного характера, как это было во время эвакуации во второй половине 1941 г. Возвращение советских людей на места прежней работы и постоянного проживания становилось более массовым по мере приближения победоносного окончания войны и особенно в первые послевоенные годы. Наряду с этим необходимо отметить, что многие из числа бывших эвакуированных в тыловые регионы страны по собственному желанию предпочли остаться на своей «второй родине».

Что касается эвакуации 1942 г., начавшейся из-за нового наступления немецко-фашистских войск, то по своим размерам и масштабам она была неизмеримо меньше, чем первая (1941 г.), захватив территорию Северного Кавказа, Калмыцкой АССР, Ростовской, Воронежской, Орловской, Сталинградской, Ворошиловградской, Смоленской областей, а также Ленинграда.

Эвакуация жителей города на Неве возобновилась 25 мая 1942 г., когда ГКО и Совнарком СССР приняли решения о перемещении в тыл в течение весенне-летнего периода не менее 300 тыс. ленинградцев, в том числе — 15 тыс. в Ивановскую область, 10 тыс. — в Горьковскую, 35 тыс. — в Куйбышевскую, 55 тыс. — в Новосибирскую, 10 тыс. — в Ярославскую, 40 тыс. — в Сталинградскую области, 20 тыс. — в Башкирскую АССР, 30 тыс. — в Алтайский край и т.д.[56]

С 5 по 13 июня 1942 г. проводилось переселение 145 тыс. городских и сельских жителей Смоленской области в Сталинградскую (9 тыс. человек) и Саратовскую (6 тыс. человек) области.

Решением ГКО общее руководство эвакуацией населения было возложено на заместителя председателя СНК РСФСР К.Д.Памфилова[57].

В течение лета и осени 1942 г. только Государственным Комитетом Обороны было вынесено более 80 постановлений по вопросам эвакуации. Большая часть из них была связана с перебазированием в восточные районы многих крупных предприятий вместе с рабочими,

инженерно-техническими работниками и служащими. Некоторые решения высшего органа страны военного времени непосредственно касались массового перемещения гражданского населения, включая матерей с малолетними детьми и детских учреждений[58].

Так, 4 июля ГКО принял постановление «Об эвакуации населения г. Воронежа», согласно которому подлежало перемещению из опасной городской зоны в восточные районы Воронежской области 23 тыс. членов семей военнослужащих и матерей с детьми, а в Саратовскую область – 8 тыс. 12 июля по указанию ГКО развернулась эвакуация населения, имущества и инвентаря совхозов и колхозов Ворошиловградской области, 18 июля – населения из Ростова и Ростовской области, а 1 сентября – 25 тыс. матерей с детьми и детских учреждений из г. Астрахани[59].

Как показали последующие события, решения о вывозе части гражданского населения, в том числе детей, ряда центральных и южных областей в Сталинградскую область было ошибочным. Согласно воспоминаниям бывшего первого секретаря Сталинградского обкома, горкома партии и председателя городского комитета обороны А.С.Чуянова, еще в июне 1942 г. «по Волге, с северных портов, не прекращалась отправка в Сталинград эвакуированного населения... Это шло вразрез с развертывавшимися боевыми действиями в большой излучине Дона. Партийные и советские организации поставили перед ГКО вопрос о необходимости разгрузки города – эвакуации мирных жителей Сталинграда и членов их семей, работников ряда его предприятий. Однако вопрос об их эвакуации не решался по тем соображениям, что "Сталинград не будет сдан противнику"»[60].

Вывоз населения из города начался в конце августа со значительным опозданием уже в ходе активных боевых действий в районах Волги и Дона и в условиях жесточайших бомбовых ударов вражеской авиации. За несколько дней из горящего Сталинграда удалось переправить на левый берег Волги 300 тыс. человек[61].

30 августа 1942 г. Военный совет Сталинградского и Юго-Восточного фронтов в специальном постановлении обязал Сталинградский облвоенкомат, районные военные комиссариаты и директоров шести крупных городских заводов в трехдневный срок отмобилизировать всех оставшихся на предприятиях рабочих, а также подростков от 14 до 17 лет и «отвести их на левый берег р. Волга».

Ценой огромных усилий и жертв на заводы восточных областей было направлено из Сталинграда 23019 рабочих и членов их семей[62].

Для упорядочения вывоза с эвакуируемыми предприятиями трудовых коллективов Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от 28 сентября перевел на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах[63]. В Указе говорилось, что «в необходимых случаях указанные рабочие,

служащие и ИТР подлежат по решению правительства обязательной эвакуации в организованном порядке (колоннами, эшелонами и т.п.)»[64].

В очень тяжелых условиях проводилась эвакуация населения и материально-производственных ценностей с Северного Кавказа. «Вся железнодорожная линия Баку–Ростов, – писал в своих мемуарах бывший командующий войсками Закавказского фронта генерал армии И.В.Тюленев, – была забита эшелонами с заводским оборудованием. Дорога, работая с предельным напряжением, не в состоянии была пропустить все составы, и они стояли на запасных путях, дожидаясь своей очереди... Даже самые маленькие полустанки были забиты беженцами. Беженцы всюду: в товарных вагонах, под вагонами, в кюветах, в придорожных насаждениях. Они находились под интенсивной бомбежкой и, охваченные страхом перед надвигающейся вражеской лавиной, давно израсходовав скудные запасы питания, умоляли вывезти их на Каспий.

С болью в сердце смотрели мы на эти длинные скорбные эшелоны с тысячами женщин, детей и стариков. На окнах и на стенках теплушек – связки сушенных яблок, детские пеленки, вяленая рыба. Теплушки стоят почти впритык одна к другой от Нальчика до Бесалана, от Гудермеса до Махачкалы, от Дербента до Баку...

Требовалось немедленно предпринять чрезвычайные меры. За это дело взялись Бакинская и Махачкалинская партийные организации. Многие беженцы были устроены в колхозах, остальные эвакуированы в Красноводск и дальше, в глубь страны»[65].

По своим размерам вторая эвакуация населения, проведенная в 1942 г., была неизмеримо меньше, чем первая, вызвав перемещение в тыл примерно 1–1,5 млн советских граждан. Но никак не 8 млн., что утверждают без ссылок на какой-нибудь источник авторы книги «Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942 гг.» (Л., 1985. С. 27).

Чтобы назвать более точную цифру ее итогов (как и итогов реэвакуации), требуются дополнительные поиски архивных источников, их изучение и соответствующие подсчеты.

В целом, несмотря на массу огромных трудностей, возникших при вывозе гражданского населения и детей, из западных, центральных и южных районов СССР, эвакуационная кампания 1941–1942 гг. прошла организованно, и людские потери в ходе ее составили сравнительно небольшой процент. Речь в данном случае идет о тех, кто был погружен на транспортные средства и следовал на место нового проживания. При этом, как видно из документов, потери, составлявшие несколько десятков тысяч человек, в основном были связаны с бомбежками и обстрелами противником эвакоэшелонов и других видов транспорта.

Какими же представляются общие итоги эвакуации людских ресурсов СССР в 1941–1942 гг.? Согласно предварительным результатам изучения данных переписи эваконаселения, произведенного 1 февраля

1942 г. во всех регионах советского тыла Центральным справочным бюро, и по ряду других источников, из угрожаемой зоны удалось переместить на Восток различными видами транспорта в 1941–1942 гг. около 17 млн человек.

Эти сведения выглядят более скромными по сравнению с перебазированием в восточные районы сотен и тысяч промышленных предприятий, огромных запасов сырья, продовольствия, различных материальных и культурных ценностей. И хотя, например, в своей книге «История второй мировой войны» бывший генерал вермахта К.Типпельскирх склонен считать, что «все население, способное носить оружие, удалось своевременно эвакуировать»[66], на фоне 63–65 млн советских граждан, оставшихся на оккупированной территории, такое утверждение представляется явно завышенным.

Конечно, по разным причинам многие наши граждане оказались под фашистским игом. Здесь, нельзя не отметить, что для органов внутренних дел и госбезопасности все, кто так или иначе, оказался в оккупированной зоне, становился потенциальными «неблагонадежными элементами» или даже предателями. Не случайно вскоре в советских анкетах наряду с графой: «Был ли во вражеском плену?» появился и вопрос: «Находился ли на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории СССР?»

В заключении еще раз подчеркнем, что хотя эвакуация сопровождалась многими, зачастую неизбежными потерями, ее главная цель — спасти от фашистских захватчиков миллионы советских граждан, основную часть промышленных и сельскохозяйственных ресурсов и других материальных ценностей — была достигнута.

[1] *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945. М., 1967. С. 148.

[2] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1942–1945: Стат. сб. М., 1990. С. 20–21.

[3] См.: ГА РФ. Ф. 8418/689. Оп. 27. Д. 244; Оп. 23. Д. 224; Оп. 24. Д. 1483; Оп. 25. Д. 120.

[4] ТАрхив Президента РФ. Коллекция документов. Л. 3–5.

[5] Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 3: 1941–1952 гг. С. 39.

[6] См.: *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 15.

[7] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[8] КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1978. Т. 7. С. 212.

[9] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. М., 1999. С. 36–37.

[10] Эшелоны идут на восток: Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941–1942 гг.: Сб. ст. М., 1966. С. 10, 16–17.

[11] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 143.

[12] Там же.

[13] *Патоличев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 217.

[14] *Косыгин А.Н.* В одном строю защитников Отчизны. М., 1980. С. 15.

[15] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 547.

[16] Железнодорожники в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1985. С. 119.

[17] Там же. С. 118.

[18] *Конасов В.Б., Акиньков Г.А., Судаков В.В.* На стыке фронта и тыла. Вологда, 1999. С. 14–15.

[19] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[20] ГА РФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 500. Л, 1–2, 24–28, 30–39.

[21] *Куманев Г.А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 51.

[22] *Он же.* На службе фронта и тыла. М., 1976. С. 95.

[23] Там же.

[24] *Ковалев И.В.* Транспорт в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1981. С. 81.

[25] Молдавская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. / Афтенюк М., Елин Д. и др. Кишинев, 1970. С. 119.

[26] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства. С. 125.

[30] Научный архив Института российской истории РАН. ВОВ. Раздел IX. Коллекция документов.

[31] Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1967. Т. 2. С. 307.

[32] *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. С. 110; Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск, 1974. С. 336.

[33] *Куманев Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945. М., 1988. С. 91; *Смирнов С.А.* Мурманская область в годы Великой Отечественной войны. Мурманск, 1959. С. 19–20.

[34] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 140; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 548.

[35] Исторический архив. 1962. № 3. С. 16.

[36] *Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И.* Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны, 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 32.

[37] Трудящиеся Ивановской и Владимирской областей в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): Сб. документов. Иваново, 1959. С. 95–98; Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ярославль, 1967. С. 35.

[38] Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сб. документов и материалов. Йошкар-Ола, 1967. С. 49, 51–52.

[39] *Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И.* Указ. соч. С. 33.

[40] *Фролов Д.Ф.* Единство фронта и тыла. Саратов, 1961. С. 16–17.

[41] *Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И.* Указ. соч. С. 32–33.

[42] История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. 4. С. 87.
[43] СССР – великое содружество народов-братьев. М., 1972. С. 216.
[44] *Конасов В.Б., Акиньков Г.А., Судаков В.В.* Указ. соч. С. 53–55.
[45] Там же. С. 55.
[46] История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1970. Т. 10. С. 592.
[47] ГАРФ. Ф. 327. Оп. 2. Д. 83. Л. 160–168; Д. 84. Л. 36–43 об.
[48] Там же. Д. 83. Л. 68–128.
[49] Там же. Д. 86. Л. 125.
[50] Там же. Д. 82. Л. 53–54.
[51] Архив Президента РФ. Коллекция документов.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] Там же.
[55] Там же.
[56] Там же.
[57] Там же.
[58] Там же.
[59] Там же.
[60] Эшелоны идут на восток... С. 238.
[61] Там же. С. 342.
[62] Там же. С. 243.
[63] Архив Президента РФ. Коллекция документов.
[64] Там же.
[65] *Тюленев И.В.* Через три войны. М., 1960. С. 175–176.
[66] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956. С. 228.

НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР — ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ (1944–1945 гг.)

Новые крупные сражения, развернувшиеся на советско-германском фронте, требовали от экономики СССР дальнейшего бесперебойного снабжения Вооруженных Сил всем необходимым. Военные расходы росли, ложась тяжелым бременем на народные плечи. Лишенные многих нормальных жизненных условий, советские люди напрягали все силы, чтобы быстрее разгромить врага, вернуться к мирной жизни, с которой связывали самые радужные надежды.

1944 г. стал кульминационной точкой развития советской военной экономики. Ее промышленность смогла даже несколько превзойти довоенный показатель производства валовой продукции, составивший 104% по отношению к 1940 г. Это было достигнуто за счет развития тяжелой индустрии и выпуска военной продукции. Предметов же народного потребления производилось чуть больше половины, а продуктов питания в два-три раза меньше довоенного уровня. Особые трудности выпали на долю населения освобожденных от оккупации районов.

В единоборстве с Германией и ее союзниками советская экономика опиралась прежде всего на свои силы. Вместе с тем более заметной стала военно-экономическая помощь западных держав в рамках ленд-лиза.

1944 г. характеризовался началом перевода военного хозяйства СССР на мирные рельсы. Однако лейтмотивом военной экономики до конца Второй мировой войны оставалось обеспечение разгрома врага как в Европе, так и в Азии.

Сельскохозяйственное производство с его ослабленной материально-технической базой развивалось крайне медленно, главным образом за счет продукции восточных районов страны. Валовая продукция сельского хозяйства даже в 1945 г. составляла только 60% к довоенному уровню.

Основные направления военно-экономической политики государства на 1944–1945 гг. определялись годовыми планами восстановления и развития народного хозяйства СССР. План на 1944 г. предусматривал ускоренный рост всего промышленного производства, опережающие темпы развития тяжелой индустрии, дальнейшее расширение и повышение качества военной продукции. Наряду с этим планировалось

увеличение уже и гражданской продукции. В плане намечалось также укрепить материально-техническую базу сельского хозяйства, транспорта, существенно ускорить объем работ по возрождению народного хозяйства на освобожденной от оккупантов территории. При этом требовалось не только закрепить достигнутые военно-экономические результаты, но и подготовить страну к быстрому переходу на рельсы мирного строительства.

Переход к мирной жизни не был простым и легким. Предстояло восстановить нормы довоенного времени во всех сферах жизни советского общества. Разрабатывались мероприятия по демобилизации армии, всемерному расширению выпуска гражданской продукции, перестройке аппарата. Для этого в хозяйственных наркоматах, ведомствах, предприятиях создавались новые управления, отделы, конструкторские бюро и цехи. Научные учреждения начали разработку первоочередных теоретических проблем, связанных с перспективами развития народного хозяйства, науки и культуры.

Принятый план восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1944 г. обеспечивался финансовой политикой государства.

Таблица 1

Доходы и расходы по государственным бюджетам СССР за 1943–1944 гг. (в млрд руб.)[1]

Статьи бюджета	*1943 г.*	*1944 г.*
Доходы (всего)	204,4	268,7
В том числе:		
— от социалистического хозяйства	141,4	187,2
— привлечение средств населения	63,0	81,5
Расходы (всего)	210,0	264,0
В том числе:		
— на оборону страны	125,0	137,8
— на народное хозяйство	33,1	53,8

Главным источником увеличения доходов государства по-прежнему являлась прибыль, полученная от планового социалистического хозяйства. Ее доля составляла в 1944 г. 69,7%, а в 1945 г. — увеличилась до 76%. До конца войны неуклонно возрастали поступления в бюджет налогов с населения. В 1945 г. они в 4,2 раза превысили довоенный уровень. За это время почти в три раза возросла сумма государственных займов, распространение которых носило добровольно-принудительный характер.

Государственный бюджет с 1944 г. стал вновь бездефицитным, что являлось выдающимся событием. История не знала подобного примера, чтобы во время столь кровопролитной и разрушительной войны удалось не только сбалансировать бюджет, но и добиться в ходе его выполнения превышения доходов над расходами. В сбалансированности бюджета большую роль сыграло как увеличение доходов, так и постепенное сокращение доли военных расходов.

Основная тяжесть материально-технического обеспечения вооруженной борьбы с врагом лежала, как и прежде, на промышленности, которая в последние годы войны добилась значительных успехов.

В 1944 г. среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве по сравнению с 1943 г. возросла на 4,2 млн человек. При этом, как и в 1943 г., женщин среди работающих в народном хозяйстве было 57%. В 1945 г. среднегодовая численность рабочих и служащих возросла еще на 3,6 млн чел., а доля женщин снизилась всего на 2%.

Таблица 2

Производство основных видов промышленной продукции в СССР за 1943–1945 гг.[2]

	1943 г.	*1944 г.*	*1945 г.*
Электроэнергия, млрд квт-ч	32,3	39,2	43,3
Уголь, млн т	93,1	121,5	149,3
Нефть, млн т	18,0	18,3	19,4
Чугун, млн т	5,6	7,3	8,8
Сталь, млн т	8,5	10,9	12,3
Автомобили, тыс. шт.	49,3	50,6	74,7
Тракторы, тыс. шт.	1,1	3,2	7,7
Магистральные паровозы, шт.	43	32	8
Грузовые магистральные вагоны, тыс. шт.	0,1	0,01	0,8

Набирали темпы энергетика и топливная промышленность. В 1944 г. шахтеры страны добыли на 30,5% больше угля, чем в 1943 г. Всего же за два последних года добыча угля возросла в 1,6 раза. Это был выдающийся подвиг шахтеров и поднимавших шахты из руин рабочих. Благоприятными для военной экономики СССР оказались и итоговые данные по производству электроэнергии: они в 1944 г. заметно превысили показатель 1943 г. Впервые за время войны было остановлено сокращение

добычи нефти и природного газа и достигнут некоторый рост. Однако из-за низкого уровня буровых работ достичь большего не удалось, и потребности народного хозяйства и даже действующей армии обеспечивались нефтепродуктами с большим напряжением.

Война предъявляла все более высокие требования к металлургии. Дальнейший рост производства военной продукции был невозможен без увеличения выпуска чугуна, стали, проката, цветных металлов. Много металла требовалось для восстановления разрушенных войной предприятий. Государственный Комитет Обороны 18 января 1944 г. принял постановление «О неотложных мерах помощи черной металлургии», которое определило конкретные меры по бесперебойному снабжению металлургических заводов сырьем, топливом, электроэнергией, пополнению рабочей силой. На основе жестких требований этого документа советская черная металлургия (соответствующий наркомат возглавлял И.Ф.Тевосян) увеличила выплавку чугуна, стали и прокат металлов.

Ведущее место в обеспечении потребностей народного хозяйства СССР черным металлом, как и прежде, принадлежало предприятиям Урала и Сибири. Преодолевая огромные трудности, из месяца в месяц неуклонно наращивал производство флагман черной металлургии — Магнитогорский комбинат, перешедший на выплавку высоколегированных марок металла. Его мартеновские цехи в течение года увеличили выплавку металла на 470 тыс. т. При этом большую часть продукции составлял качественный и самый дешевый в стране металл. И это в условиях, когда 61% рабочих ведущих профессий составляла молодежь, недавно пришедшая на производство. Осваивая опыт известных не только на Урале, но и всей стране таких мастеров-новаторов, как М.Ф.Пугачев, М.Зинуров, В.Ф.Шлямнев, Е.О.Сазонов, П.Н.Бревешкин, молодые доменщики и сталевары улучшали использование полезного объема доменных печей, добивались сокращения сроков плавки и высокого съема стали.

В не менее трудных условиях самоотверженно трудился коллектив Кузнецкого металлургического комбината, который на третьем году войны давал качественного металла в 7 раз больше довоенного. Только из сверхплановой продукции одного мастера сталеварения М.В.Буркацкого можно было изготовить несколько десятков танков. Другой характерный пример: молодой сталевар Александр Чалков, освоив варку стали в обычных мартенах, за 1941–1945 гг. дал стране около 13,3 т сверхплановой качественной стали.

Усилия металлургов были поддержаны работниками горнорудной промышленности, добившихся заметных результатов. Многие горняки перенимали передовые методы знатных уральских бурильщиков. В 1944 г. в стране было добыто 11,7 млн т железной и более 1 млн т марганцевой руды, а в 1945 г. соответственно 15,9 млн и 1,5 млн т. Все это создавало прочную основу для развития черной металлургии.

Увеличение производства металла достигалось не только благодаря лучшему использованию имевшихся мощностей, но и вводом в действие новых агрегатов. В 1944–1945 гг. только в восточных районах вступили в строй 4 доменные и 11 мартеновских печей, один прокатный стан и 6 коксовых батарей.

Несмотря на успехи черной металлургии СССР, уровень производства металла в 1944 г. был почти в два раза ниже уровня Германии. Перелом наступил только в 1945 г., когда выплавка чугуна и стали в СССР многократно, в десятки раз превзошла германское производство.

Продолжала развиваться и цветная металлургия, стратегическое сырье которой целиком использовалось для нужд фронта. В течение 1944 г. на Норильском никелевом комбинате были полностью освоены мощности, введенные в эксплуатацию еще в первые годы войны. Стал давать медь Сибайский завод Баймакского медеплавильного комбината. На Новосибирском оловянном комбинате была пущена обогатительная фабрика, а на Медногорском медно-серном комбинате — брикетная фабрика. Расширились мощности Уральского алюминиевого завода, а также предприятий алмазной и золотодобывающей промышленности.

«Характерным для военного периода было то, что различные отрасли народного хозяйства страны действовали неразобщенно, — отмечал нарком цветной металлургии СССР военных лет П.Ф.Ломако. — Взаимовыручка, поддержка, стремление прийти на помощь друг другу были приметами времени. Нас выручали машиностроители, танкостроители, геологи. Мы, в свою очередь, старались сделать все от нас зависящее и для работников электротехнической промышленности, и для приборостроителей, и для химиков... И это понятно, так как все мы, советские люди, жили одним стремлением — приблизить долгожданный день Победы, разгромить ненавистного врага».

Новые мощности цветной металлургии в сочетании с самоотверженностью рабочих коллективов ощутимо сказывались на выпуске конечной продукции в этой отрасли промышленности. Только в 1944 г. по сравнению с 1943 г. выпуск алюминия увеличился на 32,9%, меди на 7,7%, цинка — на 35,6%, никеля — на 18%. Возросло также производство кобальта, вольфрама, олова, ртути, молибдена, сурьмы и твердых сплавов.

Новый шаг вперед был сделан в области машиностроения. В 1944 г. производство металлорежущих станков увеличилось на 46%. Рост, хотя и в три раза меньший, произошел и в 1945 г., но довоенный уровень был достигнут всего на 66%. В 1944–1945 гг. было произведено больше, чем в 1940 г., турбобуров — в 2–2,7 раза, однако нефтеаппаратуры выпускалось менее десятой части довоенного уровня. В 1945 г. производилось больше довоенного врубовых машин — в полтора раза, отбойных молотков — в два с лишним раза, что позволило поднять добычу угля.

Узким местом машиностроения оставалось производство сельскохозяйственных машин, паровозов, вагонов, автомобилей, тракторов. Сельское хозяйство снабжалось в основном конными плутами, сеялками, косилками и молотилками, производство которых в большинстве случаев было так же в несколько раз меньше довоенного. В 1944 г. страна производила меньше, чем в 1940 г.: тракторов – в 9,9 раза, автомобилей – в 2,4 раза, паровозов магистральных – в 28,5 раза, грузовых вагонов – в 2375 раз. Основные мощности машиностроительного производства были заняты выпуском военной продукции.

Заметную помощь СССР оказали военно-экономические поставки США и Великобритании. Только в 1944 г. Советский Союз получил по ленд-лизу 591,9 тыс. т проката черных металлов, 18,6 тыс. металлорежущих станков, 1,1 тыс. магистральных паровозов, 129,1 тыс. грузовых автомашин. Поставки продолжались и в 1945 г. Если доля помощи в прокате была невелика (составляла в 1944 г. всего 8% советского производства), то станков СССР получил более 54%, а количество автомобилей и паровозов превосходило их отечественный выпуск соответственно в 2,4 и 34 раза.

Рост отечественной тяжелой индустрии позволил оборонной промышленности добиться значительного увеличения выпуска танков, самоходно-артиллерийских установок, боевых самолетов, боеприпасов.

Таблица 3

Производство основных видов вооружения в СССР в 1943–1945 гг.

	1943 г.	*1944 г.*	*1945 г. (янв.–авг.)*
Винтовки и карабины, тыс. шт.	3436,2	2450,0	637,0
Пистолеты -пулеметы, тыс. шт.	2023,6	1970,8	583,4
Пулеметы всех видов, тыс. шт.	458,5	439,1	156,0
Орудия всех видов, тыс. шт.	130,3	122,4	72,2
Минометы, тыс. шт.	69,4	7,1	3,0
Танки и САУ, тыс. шт.	24,1	29,0	20,5
Боевые самолеты, тыс. шт.	29,9	33,2	19,1

В авиационной, танковой промышленности и промышленности вооружения непременно осваивалось производство современных образцов боевой техники и другой военной продукции, создаваемых работниками оборонных заводов и конструкторских бюро во главе

с С.В.Ильюшиным, А.И.Микояном, С.А.Лавочкиным, А.С.Яковлевым, А.Н.Туполевым, Н.Л.Духовым, Ж.Я.Котиным, А.А.Морозовым, В.Г.Грабиным, Ф.Ф.Петровым, С.Н.Махониным, А.И.Савиным, П.М.Горюновым, Г.С.Шпагиным, В.А.Дегтяревым и другими.

Заводы Наркомата вооружения (нарком Д.Ф.Устинов) перешли на выпуск более мощных артиллерийских орудий и минометов. Выпуск стрелкового оружия, потребности в котором снизились, в 1944 г. сократился. Уменьшилось производство 45-мм противотанковых и всех зенитных пушек. В то же время увеличился выпуск 57-мм, началось производство 100-мм противотанковых пушек, возрос уровень производства орудий калибра 76 мм и выше.

Предприятия Народного комиссариата минометного вооружения, который возглавлял П.И.Паршин, прекратили выпуск 50-мм, сократили производство 82-мм минометов, начав производство 160-мм миномета. Созданный в сжатые сроки главным конструктором И.Г.Теверовским, главным инженером Л.Г.Шершня и конструкторами С.А.Емельяновым и З.З.Гуревичем, он стал мощным средством огневого поражения противника.

Упорно трудилась над совершенствованием выпускаемой техники танковая промышленность, возглавляемая наркомом В.А.Малышевым. Было налажено массовое производство нового тяжелого танка ИС-2 со 122-мм пушкой, который пришел на смену танку КВ и по своим боевым и техническим качествам превосходил все немецкие танки. Коллектив завода имени Кирова на Урале всего за 51 день наладил поточное производство танка ИС. Чтобы удвоить его выпуск, в апреле 1944 г. на заводе был создан сборочный цех, изготовлены необходимые инструменты и приспособления.

В конце 1944 г. в производство поступил средний танк Т-44, а весной 1945 г. — тяжелый танк ИС-3. «Все годы, — писал известный советский конструктор тяжелых танков Ж.Я.Котин, — шло состязание конструкторских умов воюющих сторон. Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Однако гитлеровцам так и не удалось достигнуть боевой мощи советских танков, созданных и модернизированных учеными и конструкторами А.Морозовым, М.Кошкиным, Л.Трояновым, Н.Духовым, А.Ермолаевым, М.Балжи, В.Торотько, Н.Шамшуриным, Л.Сычевым и многими другими».

Появление у противника большого количества тяжелых танков с усиленным бронированием вызвало необходимость создания более мощных истребителей танков. Так, появилась самоходная установка СУ-100, выпуск которой развернулся с сентября 1944 г. До конца года было произведено около 500 таких установок. Наряду с этим увеличился выпуск и других самоходно-артиллерийских установок — СУ-85, ИСУ-122 и ИСУ-152.

В 1944 г. были сняты с производства старые истребители и бомбардировщики. С конвейеров авиационных заводов начали сходить

новые, более совершенные типы самолетов. Часть истребителей и штурмовиков оснащалась реактивным оружием. Коллектив конструкторов во главе с А.С.Яковлевым создал истребитель Як-3 с повышенной маневренностью, скоростью и сильным вооружением. Высокой маневренностью и отличными боевыми качествами обладал другой новый истребитель Ла-7.

«Продолжал совершенствоваться штурмовик С.В.Ильюшина, — вспоминал нарком авиапромышленности СССР А.И.Шахурин. — Сначала появился Ил-8, а затем Ил-10, при создании которого были учтены почти все пожелания летчиков и воздушных стрелков. Теперь это был цельнометаллический самолет с более мощным двигателем, усиленным вооружением и полностью бронированной кабиной воздушного стрелка. Новая машина имела значительно лучшие маневренные качества в сравнении с Ил-2, скорость ее полета превышала прежнюю на треть... В апреле 1944 г. построили опытный образец, в июне самолет прошел государственные испытания, а в октябре он уже стал поступать на фронт... Немецкие авиаконструкторы попытались построить самолет, похожий на наш "летающий танк". Для этого они тщательно изучали попавшие к ним подбитые советские самолеты-штурмовики. Однако из этого замысла ничего не вышло».

Новые образцы стрелкового оружия создали конструкторы во главе с П.М.Горбуновым, Г.С.Шпагиным, В.А.Дегтяревым, хотя выпуск пулеметов, винтовок и автоматов из-за имевшихся в достаточном количестве их запасов в целом сократился.

В 1944 г. производство боеприпасов (нарком боеприпасов Б.Л.Ванников) осталось почти на прежнем уровне, обеспечивая потребности войск. При этом значительно вырос выпуск снарядов среднего и крупного калибра и к противотанковым пушкам. Продолжал оставаться высоким объем производства боеприпасов и в первые месяцы 1945 г., и только после разгрома Германии их выпуск резко сократился. Однако темпы производства самолетов и особенно бронетанковой техники оставались высокими до окончания войны с Японией.

В 1944 г. СССР получил от западных союзников 5877 самолетов, 3223 танка и САУ, 3122 орудия. Количество поступившей боевой техники было незначительным, составляя по сравнению с выпуском советской промышленностью боевых самолетов — 17,6%, танков и САУ — 11%, орудий — 2,5%. Военно-экономические поставки продолжались до конца Второй мировой войны.

Напряженно работали труженики сельского хозяйства (нарком земледелия СССР А.А.Андреев, нарком зерновых и животноводческих совхозов СССР П.П.Лобанов). Война продолжала тяжело сказываться на сельскохозяйственном производстве и положении крестьянства. Численность трудоспособного сельского населения в 1944 г. сократи-

лась по сравнению с 1940 г. на 13,8 млн человек. При этом основную тяжесть труда несли женщины, подростки и старики. Уровень сельскохозяйственного производства снижался до 1943 г. включительно.

В 1944 г. для увеличения материально-технической базы сельского хозяйства было дополнительно выделено 2 млрд рублей. Всего государственные ассигнования в эту отрасль выросли по сравнению с 1943 г. на 37%. Чтобы поставить сельское хозяйство на ноги в техническом отношении, увеличивался выпуск сельскохозяйственных машин и запасных частей к тракторам и другим машинам, а также поставки горючего. За год производство запасных частей на предприятиях союзной и местной промышленности увеличилось в 2,5 раза по сравнению с 1943 г. и даже превысило уровень 1940 г. Заметно выросли и поставки горючего.

Вступила в строй первая очередь Алтайского тракторного завода в г. Рубцовске. Многие заводы взяли шефство над МТС и совхозами, помогали им в ремонте тракторов, сельскохозяйственных машин, в производстве запасных частей.

В очень тяжелых условиях шла упорная борьба за хлеб, картофель, овощи, хлопок, технические культуры. Между тем к этому времени трудовые резервы колхозов оказались исчерпанными и дефицит рабочей силы почти не восполнялся. На 1 января 1945 г. в колхозах страны, включая освобожденные районы, насчитывалось 22 млн трудоспособных — почти на 14 млн меньше, чем к началу 1941 г.

Нелегкий крестьянский труд ложился на плечи женщин, подростков, инвалидов и стариков. В самый напряженный период уборочных работ на помощь сельским труженикам приходил город.

1944 год стал переломным в развитии сельского хозяйства в военные годы. Производство сельскохозяйственной продукции стало расти.

Посевная площадь расширялась за счет освобожденных от оккупации районов. В 1944 г. по сравнению с предыдущим годом было собрано больше зерна — на 67,1%, сахарной свеклы — в 3,1 раза, льноволокна — на 7%, картофеля — на 57,3%. Увеличилось поголовье скота, производство мяса, сала, молока, яиц, шерсти. Росту сельскохозяйственного производства способствовали и некоторые правительственные меры. С целью восстановления и сохранения поголовья скота и укрепления кормовой базы колхозы районов, освобожденных от оккупации после 1 января 1944 г., не поставляли государству все продукты животноводства. Во второй половине года была введена дополнительная оплата труда колхозников за перевыполнение заданий по выращиванию молодняка и сохранению взрослого скота в колхозах РСФСР. Увеличились ассигнования на ремонт и восстановление животноводческих ферм.

Однако при этом следует иметь в виду, что и в заключительный период войны для колхозов продолжали оставаться непосильные

поставки государству зерна, мяса, молока и других сельскохозяйственных продуктов, хотя жизнь требовала облегчить тяжкое бремя, взваленное на плечи крестьянства. Но в деятельности центральных директивных органов господствовали методы административного нажима. Стремление некоторых колхозов заготовить для себя более надежный продовольственный и семенной фонд и хотя бы что-то из продуктов выдать на трудодни, как правило, рассматривалось «сверху» как «нежелание увеличить госпоставки» и «саботаж».

Военные месяцы победного 1945 г. не принесли советскому крестьянству существенного облегчения. Продолжая испытывать громадные тяготы от изнурительного труда, большие материальные лишения, колхозники и рабочие совхозов жертвовали всем во имя скорейшей Победы. Несмотря на позднюю весну, посевная кампания была проведена в стране организованно. Посевные площади увеличились, но составили всего только 75% уровня 1940 г. Впервые за военные годы стал пополняться парк тракторов и грузовых автомобилей в сельском хозяйстве. Новая техника направлялась прежде всего в пострадавшие от вражеского нашествия районы. Впервые за время войны колхозы в 1945 г. выполнили государственный план ярового сева, а совхозы даже перевыполнили его.

На ряд районов страны в 1945 г. обрушилась засуха, поэтому, несмотря на увеличение посевных площадей, сбор зерна оказался ниже урожайного 1944 г. Уборка урожая проходила в обстановке большой активности тружеников села, что позволило убрать хлеб без больших потерь.

С возросшими темпами наступления Красной Армии повысилась роль транспорта. Советское государство увеличило бюджетные ассигнования на транспорт и связь в 1944 г. на 31,2% по сравнению с 1943 г.[3] Как и прежде, главную роль в перевозках грузов играл железнодорожный транспорт, удельный вес которого в 1944 г. составлял почти 82% общего грузопотока. Капиталовложения в железнодорожный транспорт СССР на 1944 г. были определены в размере 1965 млн рублей, в результате чего его материально-техническая база окрепла. Однако недоставало паровозов и вагонов, а также ремонтных средств и топлива. Железнодорожный транспорт, который возглавлял нарком путей сообщения Л.М.Каганович, работал с большим напряжением, последовательно увеличивая объем и темпы перевозок.

При подготовке и в ходе грандиозного летнего наступления советских войск работники транспорта обеспечили огромный поток воинских грузов. Только при подготовке Белорусской операции было использовано для доставки войск и воинских грузов более 440 тыс. вагонов, т.е. около 65% рабочего парка вагонов страны.

И все же работа железнодорожного транспорта не удовлетворяла потребности развивавшейся военной экономики. Перевозки металла, леса, зерна и особенно угля осуществлялись с перебоями.

22 декабря 1944 г. наркомом путей сообщения СССР вместо Кагановича стал начальник Центрального управления военных сообщений Красной Армии генерал-лейтенант И.В.Ковалев. К началу 1945 г. отставание в перевозках топлива и других народнохозяйственных грузов было ликвидировано. С января по май 1945 г. железнодорожники доставили к линии фронта 1,9 млн воинских вагонов, или примерно столько, сколько потребовалось для обеспечения самых интенсивных эвакуационных перевозок в 1941–1942 гг.

За это же время железнодорожные войска и спецформирования НКПС восстановили вслед за наступавшими войсками на территории СССР, Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии и Германии 4509 км железных дорог.

В течение второго и третьего кварталов 1945 г. работники транспорта, и прежде всего железнодорожного, осуществили огромные по объему перевозки, связанные с подготовкой и проведением военных действий против милитаристской Японии. С мая по сентябрь 1945 г. на Дальний Восток прибыло 2019 эшелонов, или более 116 тыс. вагонов с военными грузами. По единственной Транссибирской железнодорожной магистрали были перегруппированы с Запада крупные силы Красной Армии. Такого перемещения за короткие сроки на многие тысячи километров по железной дороге история еще не знала.

Напряженно трудились работники речного флота. Осенью 1944 г. экипажи судов досрочно справились с навигационным планом. Годовое задание по грузообороту и план воинских перевозок были перевыполнены. И это в условиях большого урона, который понес советский речной транспорт.

В сложных условиях работал коллектив морского флота, принимавший непосредственное участие во многих боевых операциях. Например, в наступательных действиях войск 3-го Украинского фронта, сил Черноморского флота и Дунайской военной флотилии участвовали суда торгового флота. Особая ответственность ложилась на моряков Дальневосточного пароходства. По океанским коммуникациям в дальневосточные порты доставлялись грузы из США и других стран. Нередко под огнем врага приходилось везти караваны судов морякам Северного морского пароходства. Важное место в обеспечении страны нефтью и транспортной связью между республиками Закавказья и Средней Азии отводилось Каспийскому гражданскому флоту.

Как правило, морские грузы в портах страны разгружались скоростными методами. Грузооборот морского транспорта СССР в 1944 г. составил 104,5% по отношению к 1943 г.

Важные задачи в 1944 г. решали также работники автомобильного и воздушного транспорта. В течение года увеличился парк грузовых автомашин. Значительную часть из них составили американские грузовики «Форд» и «Студебеккер», полученные по ленд-лизу. В итоге

грузовым автомобильным парком народного хозяйства СССР было перевезено грузов на 52,3 млн т больше, чем в 1943 г. Вдвое увеличился по сравнению с тем же годом общий объем перевозок, выполненный воздушным транспортом Главного управления Гражданского воздушного флота.

Всего в течение 1944 г. грузооборот всех видов советского транспорта по сравнению с 1943 г. вырос на 15,3%, что заметно сказалось на укреплении военной экономики СССР и позволило Красной Армии осуществить серию успешных наступательных операций на фронтах войны.

Военно-экономическая политика Советского государства предусматривала активное привлечение научных сил страны к решению вопросов народнохозяйственного строительства и научно-технических проблем оборонного значения. Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) определили и главные направления организационного развития научных центров и творческой деятельности ученых в области фундаментальных наук и наук прикладного характера. В 1943–1945 гг. были образованы академии наук Азербайджанской, Армянской, Казахской и Узбекской союзных республик, а также открыты Западно-Сибирский, Казахский и Киргизский филиалы Академии наук СССР. Крупнейшие ученые П.С.Александров, И.М.Виноградов, М.А.Лаврентьев, В.И.Смирнов, С.Л.Соболев вели исследования в области вычислительной техники и математики. Научные коллективы под руководством А.Ф.Иоффе, М.В.Келдыша, Н.Е.Кочиной, С.И.Вавилова, С.А.Христиановича проводили изучение полупроводников, сделали открытия в области авиастроения, создавали новые приборы для самолетов, боевых кораблей, артиллерии. Группы ученых-химиков во главе с академиками Н.Д.Зелинским и Н.Н.Семеновым исследовали проблемы горения и создавали новые взрывчатые вещества. Большую роль в военной промышленности сыграла автоматическая сварка металлов по методу академика Е.О.Патона.

Советские ученые во главе с И.В.Курчатовым продолжали возобновившиеся исследования в области ядерной физики, которые имели большое народнохозяйственное и оборонное значение.

Научные коллективы под руководством С.П.Королева и В.П.Глушко успешно разрабатывали теорию и практические основы создания мощных ракет и ракетного оружия.

Как известно, уже в ходе войны советский народ развернул широкие восстановительные работы. Они начались сразу же после освобождения от оккупации первых же районов зимой 1941–1942 года и усиленно продолжались позднее.

Вынужденные откатываться под ударами Красной Армии вражеские войска применяли тактику «выжженной земли», превращая в безжизненные пространства обширные регионы страны. Разруше-

нию подверглись народное хозяйство и культура России, Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии, Карело-Финской и Молдавской ССР. Враг разрушил 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, превратил в развалины свыше 6 млн зданий, 31850 крупных и средних промышленных предприятий, 65 тыс. км железных дорог, разорил 98 тыс. колхозов, 1976 совхозов, 2890 машинно-тракторных станций.

Стране был нанесен громадный материальный ущерб. Достаточно сказать, что во время войны 66% промышленного производства СССР подверглись разрушению или остановке. СССР потерял около 30% национального богатства. В результате советская промышленность оказалась отброшенной назад: по производству цемента — до уровня конца 20-х годов, по добыче нефти, выпуску тракторов, выплавке чугуна — к началу 30-х годов, а угля, стали и черных металлов — до уровня середины 30-х годов. В целом война задержала развитие экономики СССР не меньше, чем на десять лет.

Возрождение разрушенных вражеским нашествием районов нельзя было откладывать, так как освобожденные города и села составляли тыл Красной Армии, который должен был стать прочной опорой фронту. Интересы войны были главным критерием необходимости быстрого восстановления освобожденных районов.

В 1944 г. размах восстановительных работ значительно возрос. Капитальные вложения на эти цели из бюджета государства по сравнению с предыдущим годом увеличились в 3,4 раза, составив огромную сумму в 14,2 млрд рублей. Восстановление охватило территорию общей площадью около 2 млн кв. км, а также прифронтовые районы, где часть предприятий была также разрушена огнем артиллерии и авиации или эвакуирована в восточные районы страны.

Большое значение имело возрождение Ленинградского и Центрального промышленных районов, которые до войны являлись ведущими индустриальными базами страны.

За короткий срок только в Ленинграде было введено в действие: 14 мартеновских печей, 16 электропечей, 40 вагранок, 22 прокатных стана, около 1 млн кв. м производственных площадей, 750 км различных коммуникаций; отремонтировано 1300 станков и кузнечно-прессового оборудования; установлено 500 единиц нового оборудования.

Широким фронтом шло восстановление в Донбассе. ГКО в постановлении от 18 июля 1944 г. обратил внимание на то, что «восстановление угольной промышленности Донбасса, особенно шахт, добывающих коксующиеся угли, является первоочередной государственной задачей, без решения которой немыслимо восстановление черной металлургии, всей промышленности, железнодорожного транспорта и электростанций на Юге». Уже в 1944 г. донецкие шахты дали стране 21 млн т угля (более 17% общей добычи), а на следующий год Донбасс вновь стал главным производителем каменного угля.

Продолжалось возрождение и черной металлургии. Всего в 1944–1945 гг. на освобожденной от фашистских захватчиков территории СССР вновь вступили в строй 16 домен, 61 мартен, 28 прокатных стана и 53 коксовые батареи.

Поднимались из руин машиностроительные заводы Юга, поставлявшие оборудование прежде всего черной металлургии и угольной промышленности Донбасса. В 1945 г. на Украине начали выпускать машиностроительную продукцию 93 восстановленных завода. К лету в Белоруссии возобновили работу такие крупные предприятия, как завод заточных станков в Витебске, станкостроительный завод имени С.М.Кирова, завод сельскохозяйственного машиностроения в Гомеле — всего более 8 тыс. заводов, мастерских и артелей.

Существенных результатов достигли трудящиеся Прибалтийских советских республик. В Латвии, например, уже через несколько месяцев после ее освобождения было введено в действие 183, а в Литве — свыше 100 промышленных предприятий.

К концу войны полностью была восстановлена Волховская ГЭС, снабжавшая электроэнергией Ленинград. Всенародной стройкой стала Днепровская ГЭС. В ее возрождении участвовали 120 промышленных предприятий 53 городов. 25 тыс. молодых рабочих и колхозников 25-ти национальностей поднимали из руин этот гигант. В 1945 г. в районах, освобожденных от оккупации, стали действовать 30 крупных электростанций, которые давали электроэнергии, в 2,2 раза больше, чем в 1944 г.

Продолжались большие работы по восстановлению транспорта.

Одна из американских газет в январе 1944 г. писала: «Когда Гитлер в ноябре 1941 года объявил, что им захвачено 40 тыс. километров советских железных дорог, казалось почти невероятным, чтобы транспортная система Советского Союза могла быть когда-нибудь восстановлена для наступления крупного масштаба. Однако невероятное снова стало фактом».

Действительно, в истории не было такого примера, чтобы после огромных потерь и разрушений железнодорожный транспорт столь быстро наращивал свою мощь. Так же интенсивно возрождались и другие виды транспорта.

К концу войны на освобожденной от оккупации территории было восстановлено и введено в строй 115 тыс. километров железнодорожных путей, 7,5 крупных промышленных предприятий, продукция которых стала составлять пятую часть всего промышленного производства страны.

Военные годы сильно опустошили деревню западной части страны: не хватало рабочей силы, машин, семян; страшный урон понесло общественное животноводство. Искалеченные, изрытые блиндажами, траншеями, воронками поля хранили мины и неразорвавшиеся сна-

ряды. Для обезвреживания их в каждой области создавались школы минеров. Земля очищалась от мин и снарядов, зарывались траншеи, собирались трактора, машины, ремонтировался инвентарь. Крестьяне пахали, сеяли и убирали урожай. К началу второго полугодия 1944 г. на Украине и в Белоруссии была уже восстановлена большая часть колхозов и совхозов. Постепенно возрождалась и техническая база земледелия. К осени 1944 г. из восточных районов страны сюда поступило: 22 тыс. тракторов, 12 тыс. плугов, 1,5 тыс. комбайнов и более 600 автомашин.

Во многих областях в период весеннего сева использовались в качестве тягловой силы коровы. Когда и коров не хватало, колхозники сами впрягались в плуги, бороны или вскапывали землю лопатами.

Крайне мало было посевного зерна: оккупанты при отступлении вывезли или уничтожили семенные фонды. Государство помогало колхозам ссудой, в порядке шефской помощи семена посылали им тыловые районы. Наряду с этим колхозники выделяли семена и из своих личных запасов, которые удалось сохранить от гитлеровцев.

Еще труднее было восстанавливать животноводство. Из восточных областей были возвращены эвакуированные туда сотни тысяч голов скота. Почти весь возвращенный скот прибыл в хорошем состоянии. В общей сложности поступило около 3 млн голов скота, в том числе более 1 млн голов крупного рогатого скота.

К концу войны на освобожденной территории удалось восстановить 85 тыс. колхозов, все совхозы и машинно-тракторные станции. И хотя до полного восстановления сельского хозяйства было еще далеко, уже в 1944 г. освобожденные районы дали стране более половины общегосударственных заготовок зерна, свыше трех четвертей сахарной свеклы, четвертую часть мяса, около трети молочных продуктов. Это явилось серьезным вкладом тружеников села в укрепление советской военной экономики, в обеспечение разгрома врага.

Наряду с восстановлением основных отраслей народного хозяйства полным ходом в рассматриваемый период шло возрождение жилого фонда, объектов здравоохранения, народного образования и культуры.

Таким образом, уже в ходе жестокой и кровопролитной войны в СССР была проведена огромная и многоплановая работа по возрождению территории, пострадавшей от фашистского нашествия. Умелая организация миллионных масс на это чрезвычайно важное дело в совокупности с преимуществами планового хозяйства позволили достичь поразительных результатов, которые способствовали усилению военного потенциала страны. Тем самым не только были сокращены сроки разгрома фашистского агрессора, но и созданы необходимые условия для быстрейшего залечивания ран, нанесенных войной, и перехода к мирному хозяйственному строительству.

Приближалось победоносное завершение войны, и переход к мирной жизни не был простым и легким делом. Предстояло восстановить нормы мирного времени и во всех сферах жизни советского общества, перераспределить материальные и людские резервы, повысить уровень жизни людей, вынесших тяжелые испытания войны. Это была проблема большого политического и народнохозяйственного значения.

25 марта 1945 г. был утвержден представленный Госпланом в ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР государственный план восстановления и развития народного хозяйства на этот год. Он опирался на национальный бюджет, который отвечал основным потребностям Советского Союза на новом этапе развития его экономики. Денежные средства, выделяемые для выполнения плана, составляли 74,4 млрд рублей против 53,7 млрд рублей в 1944 г.

О росте производства базовых отраслей советской промышленности в первой половине 1945 г. по сравнению со второй половиной 1944 г. говорят следующие данные.

Таблица 4

Производство некоторых основных видов тяжелой индустрии СССР в первом полугодии 1945 года

	II полугодие 1944 г.	*I полугодие 1945 г.*	
		Количество	*Прирост в %*
Электроэнергия, млрд квт-ч	20,4	21,1	3,4
Железная руда, млн т	6,5	7,5	15,3
Марганцевая руда, тыс. т	505	631	24,9
Чугун, млн т	4,0	4,6	15,0
Сталь, млн т	5,8	6,4	10,3
Прокат, млн т	3,9	4,4	12,8
Уголь, млн т	64,9	70,6	8,7

Все эти результаты позволяли поддерживать в требуемых размерах производство боевой техники и вооружения.

Имея по сравнению с Германией в начале войны втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, Советский Союз добился в ходе вооруженной борьбы среднегодового производства больше, чем в Германии: самолетов — в 2 раза, танков — почти в 2 раза, орудий — в 4 раза, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза. По этому поводу известный

западный публицист А.Верт, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к коммунизму, писал: «...Хотя Германия и подвластные ей страны производили во время войны больше угля, стали и других важнейших материалов, чем Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучшее использование ресурсов, чем это было у немцев».

Всего в течение 1944 — первой половины 1945 г. в СССР было произведено 183,2 тыс. орудий, 10,5 тыс. минометов, 44,1 тыс. танков и самоходно-артиллерийских установок, 60887 самолетов всех видов, в том числе 50115 боевых и много других видов военной продукции.

За время же всей войны из США и Англии по ленд-лизу было получено 9600 орудий, 11576 танков и самоходных орудий, 18753 самолета. Причем, общий объем англо-американских поставок по отношению к советскому производству не превышал по самолетам 13%, по танкам — 7%, зенитным орудиям — около 2%. К тому же, к сожалению, далеко не вся техника была высокого качества и доставлялась союзниками в те сроки, когда СССР испытывал наиболее острую в ней потребность.

Все эти факты убедительно говорят о том, что немецко-фашистские захватчики были остановлены и обескровлены отечественным оружием, созданным из отечественного металла доблестными тружениками тыла.

[1] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Стат. сборник. М., 1990. С. 215.

[2] Там же. С. 38–39.

[3] Десятая сессия Верховного Совета СССР, 28 января — 1 февраля 1944 г.: Стенографический отчет. М., 1944. С. 17, 31.

ТРАНСПОРТ НА СЛУЖБЕ ФРОНТА И ТЫЛА

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ СТОЛИЦЫ — ФРОНТУ

Важная роль в эксплуатационной деятельности железнодорожного транспорта СССР в 1941–1945 гг. принадлежала Московскому железнодорожному узлу. Накануне Великой Отечественной войны он занимал ведущее место среди всех транспортных узлов страны как по грузообороту, так и по пассажирским перевозкам. В 1940 г. его грузооборот, например, достиг 27024 тыс. т[1]. Здесь сходились 10 магистральных железнодорожных линий (с общей пропускной способностью свыше 500 пар поездов в сутки), которые связывала при посредстве 20 соединительных ветвей Московско-Окружная железная дорога[2]. На Московском железнодорожном узле имелось 12 отделений дорог, 20 паровозных депо, около 80 станций и 32 дистанции[3], где трудилось более 150 тыс. человек.

В первые же дни войны работники столичного узла проявили высокую сознательность, выступив инициаторами многих ценных починов. Их мысли и чувства были выражены в обращении коллектива орденоносного депо Москва-Сортировочная Ленинской железной дороги: «Товарищи железнодорожники магистралей Советского Союза!.. Обеспечим полностью все нужды Красной Армии в перевозках, быстро и бесперебойно доставим военные грузы на фронт, поможем нашей Красной Армии разгромить фашистские банды... Надо особенно сейчас, в этот серьезный момент, показать всю силу, мощь и организованность железнодорожного транспорта, с честью выполнить все, что требует от нас Родина, наше правительство»[4]. Это обращение было напечатано в центральных и дорожных газетах.

Многие железнодорожники Московского узла подавали в партийные организации, политотделы и военкоматы заявления с просьбой немедленно отправить их в ряды действующей армии добровольцами или зачислить в истребительные батальоны. За первые четыре дня войны от них поступило около 12 тыс. заявлений[5].

Несмотря на большие ограничения в отношении мобилизации в армию работников железнодорожного транспорта, часть из них добивалась отправки на фронт. Только в Московском отделении Московско-Киевской дороги 935 человек, в том числе 135 женщин, записались в народное ополчение[6]. Всего с 22 июня по 1 августа 1941 г.

на Московско-Киевской дороге в народное ополчение вступили 12400 человек[7].

Ответ железнодорожников столицы на призыв партии и правительства подняться на отпор врагу и обеспечить нужды фронта и тыла всем необходимым нашел конкретное проявление в многообразии форм социалистического соревнования.

Оперативные информационные сообщения, поступавшие с начала войны в НКПС и ВЦСПС от дорожных профсоюзных комитетов, были полны примеров самоотверженной работы многих коллективов Московского железнодорожного узла. Вот несколько характерных выдержек из этих документов.

«23 июня работники смены дежурного по Московскому отделению Ленинской дороги т. Демина заключили социалистический договор с работниками полевых станций и поездными бригадами на повышение погрузки и выгрузки. Это обязательство было выполнено. В результате соревнования за сутки были отправлены по графику и проследовали по участку почти все поезда. В этот день смена диспетчера т. Власова обеспечила стопроцентное проследование пассажирских и электропоездов по расписанию. Справился со всеми обязательствами диспетчер т. Столяров, перевыполнивший суточное задание по погрузке и выгрузке. Соревнование продолжается»[8].

«Образцы высокой дисциплинированности и производительности труда показали работники станции Москва-Товарная Октябрьской железной дороги в ответ на вероломное нападение гитлеровских захватчиков. Здесь отличились коммунисты тт. Максимов, Туляков, Логинов, Николаев, Арсеньев и др. После окончания трудового дня 24 июня эти товарищи остались работать во вторую смену. Их примеру последовали другие железнодорожники»[9].

«В паровозном депо Лихоборы Московско-Окружной железной дороги из 923 работавших в соревновании во втором полугодии 1941 г. участвовало 711 человек. Коллектив этого депо поставил перед собой задачу: полностью обеспечить себя запасными частями из внутренних резервов путем реставрации старых паровозных запасных частей. На службу повышения производительности труда и улучшения технологического процесса привлечена стахановская смекалка. Поступило 35 рационализаторских предложений, 21 из них проведено в жизнь»[10].

«Машинисты депо Москва-Сортировочная Ленинской железной дороги бережно относятся к расходованию угля, они ежемесячно уменьшают норму его расхода на десятки тонн. В июле лучших результатов по вождению поездов и экономии топлива добились бригады машинистов тт. Прохорчук и Субботина, которые за 20 дней сберегли более 12 т угля. Больших успехов достигли в этом и машинисты тт. Шитов, Авилов, Суранов»[11]. Во втором полугодии 1941 г. произ-

водительность труда в депо Москва-Сортировочная выросла на 22%, достигнув 218% нормы. За это же время коллектив депо выполнил 11 специальных заданий[12].

Как и на других участках транспорта, железнодорожники Московского узла, непосредственно связанные с движением поездов, стали широко попользовать лунинский метод работы. В условиях военного времени молодой машинист Томской железной дороги Николай Лунин и его последователи добились отличного ухода за локомотивом, увеличив тем самым время его полезной работы. Применяя лунинский метод, железнодорожники ускоряли оборот подвижного состава, боролись за скоростное продвижение тяжеловесных поездов, снижение себестоимости ремонта, за более длительные сроки службы технических средств. На 1 января 1942 г. только в депо Москва-Сортировочная Ленинской магистрали было 39 локомотивов, которые не имели заходов в депо на межпоездной ремонт. Среди машинистов, помощников машинистов и кочегаров здесь трудилось 232 лунинца[13].

Патриотическое движение работников столичного узла в помощь фронту проявилось также в сборе средств на вооружение и в проведении массовых воскресников. Только во всесоюзном воскреснике 3 августа 1941 г. на железных дорогах Центра приняло участие более 300 тыс. железнодорожников, членов их семей, а также колхозников. На Московско-Окружной дороге в нем участвовал 4731 человек, которые отремонтировали 12 паровозов и 14 вагонов, собрали 12 вагонов металлолома[14]. Хорошо потрудился 3 августа коллектив депо Москва-Сортировочная, где на воскресник вышло 800 человек. Многие работники депо выполнили норму выработки на 300–350%. На Московской дистанции пути в воскреснике приняли участие 1016 рабочих и служащих, перечисливших в Фонд обороны около 9 тыс. руб.[15]

Одновременно на предприятиях Московского железнодорожного узла развивалось движение за увеличение Фонда обороны. К концу 1941 г. только работники станции Москва-Пассажирская Ярославской железной дороги отчислили из собственного заработка в Фонд обороны более 46 тыс. руб. Кроме того, они сдали облигаций на сумму свыше 86,2 тыс. руб. и отчислили на постройку поезда-бани около 12 тыс. руб.[16]

Начавшиеся в конце июля 1941 г. воздушные налеты вражеской авиации на Москву осложнили эксплуатационную деятельность железнодорожников столицы, но не нарушили бесперебойность движения эшелонов. На узле была усилена местная противовоздушная оборона и организована военизированная охрана его важнейших объектов. Как и все коллективы транспорта, железнодорожники столицы под руководством партийных организаций быстро перестраивали свою работу в соответствии с требованиями войны.

Первостепенную роль приобрели воинские перевозки, поскольку от их своевременности зависел исход боевых операций. В тяжелые дни оборонительных боев железнодорожники Московского узла прилагали огромные усилия, чтобы выполнить задания фронта. Так, летом 1941 г. коллектив Московско-Окружной железной дороги обеспечил массовый пропуск воинских эшелонов в смоленском направлении. Задача, поставленная Наркоматом путей сообщения перед этой магистралью,— вдвое увеличить обычную пропускную способность — была не только выполнена, но и перевыполнена[17].

Важную роль в обеспечении нужд фронта сыграли железнодорожники столицы в период великой битвы под Москвой.

Начав 30 сентября генеральное наступление на Москву, враг рассматривал это направление как самое важное и решающее. «Захват этого города, — отмечалось в плане "Барбаросса",— означает как с политической, так и с хозяйственной стороны решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла»[18].

В эти дни на железнодорожный транспорт, включая Московский узел, были возложены огромные задачи. Железные дороги Центра: Ярославская, Горьковская, Казанская и Ленинская (Московско-Рязанская) — в начале октября стали основными коммуникациями Московской зоны обороны. От них потребовалось в чрезвычайно сжатые сроки, не снижая темпа эвакуационных перевозок, перебросить к столице сотни воинских эшелонов с резервами, переместить сюда часть войск с других фронтов и одновременно осуществить крупные внутрифронтовые перевозки. Особое значение в системе центральных коммуникаций играла Московско-Окружная железная дорога, являясь связующим звеном между линиями, прилегающими к Москве, и выполняя преимущественно транзитную роль. На ее долю выпала также большая задача по обеспечению погрузки и выгрузки войск и воинских грузов.

Судьба Москвы, таким образом, во многом зависела от быстроты и слаженности действий работников столичного узла, от их умения максимально использовать пропускную и провозную способность всех линий и участков.

А между тем на всех дорогах, подходивших к столице из тыла страны, положение было крайне напряженным. Прежде всего на работе железнодорожных магистралей резко отразилась весьма тревожная обстановка на фронте, существенно уменьшились их маневренные способности. Кроме того, все эти линии и находившиеся на них эшелоны подвергались систематическим ударам фашистской авиации. Эксплуатационные возможности железных дорог стали ниже тех, на которые рассчитан воинский график. И все же железнодорожники и в этой обстановке добивались решения, казалось бы, невыполнимых задач, осуществляя громадный объем воинских перевозок.

По призыву Коммунистической партии работники столичного узла и центральных магистралей встала в первые ряды защитников родной Москвы. Их усилия были направлены на выполнение важнейших заданий Ставки Верховного Главнокомандования.

Важным мероприятием, повысившим маневренность транспорта на подступах к Москве, явилось создание по решению ГКО с 24 октября 1941 г. Военно-эксплуатационного управления (ВЭУ) столичного узла и реорганизация 11 московских отделений движения в военно-эксплуатационные отделения (ВЭО). Железнодорожники Московского узла, связанные с движением поездов, были переведены на положение военнослужащих[19]. Все службы на отделениях стали подчиняться начальнику Военно-эксплуатационного отделения Московского узла. Это позволило укрепить дисциплину и привело к более четкой и согласованной работе железнодорожников и органов военных сообщений (ВОСО).

15 ноября 1941 г. гитлеровцы начали второй этап генерального наступления на Москву. В этот период все основные воинские перевозки выполнялись главным образом для центрального, московского направления. Объем работ на станциях Московского узла по сравнению с довоенным возрос в 3–5 раз[20].

Сложные и ответственные задачи решала Московско-Окружная железная дорога (начальник А.М.Васильев), которая, несмотря на свою небольшую протяженность (54 км)*, сыграла исключительную роль в общей системе перевозок живой силы и воинских грузов, послужив и как коммуникация, и как рокада для маневра войсками. Не обладая большими технико-эксплуатационными возможностями и работая при резко завышенном рабочем парке (составлявшем от 6000 до 7000 вагонов), Московско-Окружная магистраль тем не менее справилась с важнейшими заданиями. В немалой степени этому способствовала четкая согласованность действий руководителей дороги с органами военных сообщений фронтов. Станции дороги были фактически превращены в резервные погрузочные и выгрузочные пункты для воинских частей и боевой техники. Нередко эшелоны подавались к самому переднему краю. Тем самым сокращался переход войск от места выгрузки до рубежа обороны и сохранялись силы бойцов. Всего в октябре и ноябре 1941 г. по централизованным и внутрифронтовым планам на Московско-Окружном железнодо-

* В конце августа 1941 г. в целях создания необходимой маневренности в сети железных дорог Центра и разгрузки Московского узла от транзитных перевозок было начато сооружение Большой Московско-Окружной магистрали протяженностью 534 км. Земляные работы на трассе предполагалось закончить в 1941 г., а само строительство — в апреле 1942 г. Однако резкое ухудшение обстановки на фронте помешало выполнить работы в намеченные сроки (См.: РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 3014. Л. 86).

рожном кольце было принято с других дорог 2876 транспортов с грузами, или 11748 вагонов[21].

Всевозраставшие нужды фронта и трудная эксплуатационная обстановка потребовали от железнодорожников столицы и органов ВОСО осуществления ряда смелых мероприятий, использования новых приемов, позволяющих ускорить доставку грузов. В ряде случаев пришлось организовывать одностороннее движение поездов.

На Московском узле (а также на Северной дороге) осенью 1941 г. были впервые сформированы и использованы па практике специальные паровозные колонны, которые позднее получили название «паровозные колонны особого резерва НКПС». В каждую из колонн включалось по 30 паровозов. Из них формировались «боелетучки», состоявшие из трех–пяти вагонов и паровоза и доставлявшие боеприпасы на передовую. Не находясь в зависимости от депо, колонны имели возможность работать на любом участке. Каждая имела свои подвижные бани, вещевой склад, запасы продовольствия, запасные части, материалы и ремонтные средства. Личный состав размещался в специальных вагонах. Он состоял из комплексных бригад, в которые входили главным образом эвакуированные железнодорожники: паровозники, кондукторы, поездные вагонные мастера.

Став подвижными военизированными соединениями транспорта, паровозные колонны заняли важное место в работе прифронтовых дорог, выполняя самые ответственные задания. Здесь впервые отличилась паровозный машинист Елена Чухнюк, удостоенная позднее в числе первых трех советских женщин звания Героя Социалистического Труда. «...Передовая тогда была рядом,— вспоминает она,— бои шли на подступах к столице. И мы водили поезда в непосредственной близости от неприятеля, часто под непрерывным обстрелом пушек и минометов, в ночной тьме, без единого сигнала. Подвозили боеприпасы, водили составы с ранеными, накапливали стратегические резервы для разгрома гитлеровцев. И я была в числе первых машинистов, которые повели свои локомотивы на запад по освобожденной подмосковной земле...»[22]

В целях увеличения пропускной способности узлов и станций многие диспетчеры Московского узла в этот период стали широко использовать так называемый караванный способ пропуска эшелонов, когда один поезд следовал за другим на расстоянии видимости хвостовых сигналов впереди идущего состава. В создавшейся обстановке такое движение часто было единственным средством незамедлительной доставки воинских грузов к фронту. Опыт работы железных дорог в военных условиях обогатился в период битвы за Москву и другими приемами и методами, позволявшими своевременно и наиболее эффективно выполнять важнейшие военно-хозяйственные задачи.

Защищая великий город, московские железнодорожники проявляли в те дни массовый героизм. Тысячи работников столичного узла в течение суток не уходили со своих предприятий, напрягая все силы для скорейшего выполнения заданий. Так, сигналист станции Угрешская Московско-Окружной дороги Прохоров 31 час не уходил со своего поста. Сутками, доставляя эшелоны к фронту, не покидали паровозов машинисты той же станции Афоничкин, Сасин, Сафонов, Богданов и др. В период обороны Москвы их депо не знало ни одного случая несвоевременной подачи паровозов для воинских перевозок[23].

Железнодорожники деповских мастерских Московского узла под руководством политотделов и первичных партийных организаций провели большую работу по строительству и ремонту бронепоездов, танков, орудий, противотанковых заграждений. Силами комсомольцев столичного вагонного депо Октябрьской железной дороги было изготовлено свыше 14 тыс. противотанковых надолбов. При выполнении этого задания особенно отличились сварщик Литовщик и кузнец Карпов, работавшие за восьмерых[24].

Инициаторами строительства бронепоездов выступили работники депо Москва-Пассажирская Ленинской (с сентября 1943 г. — Московско-Рязанской) дороги. При строительстве бронепоезда прославилась бригада котельщиков, руководимая коммунистом Ф.О.Кротовым. На работах по его оборудованию она выполняла 5 норм. Так же самоотверженно трудились и другие рабочие депо. Автосварщик И.А.Илюхин работал по 30–40 час., перевыполняя задание в 4–5 раз. Бригадир по электросиловым установкам С.С.Королев сумел закончить монтаж электрооборудования на 2 дня раньше срока[25].

В начале ноября 1941 г. коллектив прославленного депо сдал на вооружение бронетанковых войск свой первый бронепоезд.

Удачное завершение строительства бронепоезда и боевые успехи его команды на одном из направлений Западного фронта окрылили работников депо, и они приступили к созданию второго, а затем и третьего бронепоезда, названного «Железнодорожник Ленинской»[26].

Железнодорожники столичных мастерских Октябрьской дороги за короткий срок построили также 3 бронепоезда и более 400 противотанковых «ежей»[27]. При этом все рабочие мастерских показывали высокую производительность труда, выполняя норму на 200–300%. Железнодорожники трудились по 12–16 час. непрерывно. Многие сутками не уходили из мастерских, отдыхая прямо на строящихся бронепоездах.

Патриотические движения за сбор теплых вещей, ремонт и постройку бронепоездов и поездов-бань для воинов Красной Армии становились все более массовыми. Только железнодорожники Московского узла построили и отремонтировали 24 бронепоезда, 6 поездов-бань и оборудовали 38 санитарных поездов[28].

Несмотря па сложнейшие эксплуатационные условия, массированные налеты вражеских самолетов, артиллерийско-минометный и пулеметный огонь на фронтовых участках, а также несмотря на трудности с продовольствием и ранние сильные морозы, железнодорожники осуществляли непрерывное снабжение фронта.

«Пока в руках русских оставался важный железнодорожный узел — Москва,— писал позднее гитлеровский генерал Гудериан, — они могли подтягивать резервы из отдаленных частей своего огромного государства и подбрасывать их к важнейшим участкам боев, создавая таким образом неожиданный перелом в сражении, что при сильно снизившейся подвижности немецких войск часто приводило к критическим моментам»[29].

Об объеме работы Московского узла за период оборонительных боев можно судить по следующим данным: с октября по 7 декабря 1941 г. на дорогах, прилегающих к нему, было разгружено свыше 315 тыс. вагонов[30].

В то время, как начальник генерального штаба сухопутных сил германской армии генерал-полковник Ф.Гальдер в своем служебном дневнике записал 2 декабря 1941 г., что «сопротивление противника достигло своей кульминационной точки» и что «в его распоряжении нет больше никаких новых сил»[31], Ставка Верховного Главнокомандования в основном закончила сосредоточение переброшенных по железным дорогам стратегических резервов, а 5 и 6 декабря войска Калининского, Западного и правого крыла Юго-Западного фронта перешли в контрнаступление. Сопротивление врага было сломлено, и он стал отступать, неся большие потери.

В эти дни Московская партийная организация с новой энергией развернула работу по мобилизации усилий москвичей на отпор врагу. Состоявшийся 6 декабря 1941 г. пленум МГК ВКП(б) призвал всех коммунистов столицы, «не щадя сил, работать на предприятиях и оборонительных рубежах», помня, что стойкость, революционная бдительность, выдержка и сплоченность большевиков «есть решающее условие победы над врагом». Пленум обязал партийные органы оказывать дальнейшую действенную помощь железнодорожному транспорту в его трудной и ответственной работе[32].

В ходе развернувшегося контрнаступления Красной Армии работники центральных магистралей, в том числе Московского узла, продолжали выполнять значительные по объему воинские перевозки. Только с 6 декабря 1941 г. по 10 января 1942 г. на Западный фронт железнодорожники Горьковской, Казанской и Московско-Окружной дорог доставили 119 эшелонов, в которых перебросили из районов ближнего тыла 7 стрелковых дивизий и стрелковую бригаду. Всего за период контрнаступления войска Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов получили 110 тыс. вагонов воинских грузов[33].

Общий объем воинских перевозок, выполненных железнодорожниками для этих 3 фронтов за все время Московской битвы (без учета эвакуационных и хозяйственных перевозок), составил 333 452 вагона[34].

На последующих этапах Великой Отечественной войны железнодорожники столицы в целом бесперебойно обеспечивали важнейшие потребности фронта в перевозках. Они постоянно находились в первых рядах соревнующихся, выступали инициаторами многих ценных начинаний, позволявших вскрывать значительные неиспользованные резервы транспорта.

3 апреля 1942 г. в газете «Московский большевик» было опубликовано обращение работников Московского узла Октябрьской железной дороги ко всем железнодорожникам страны с призывом развернуть предмайское социалистическое соревнование. Это обращение поддержали рабочие и служащие всех предприятий транспорта. Предмайское социалистическое соревнование сказалось на улучшения работы как отдельных предприятий, узлов, дистанций, так и целых магистралей.

Когда в начале мая 1942 г. в ведущих отраслях промышленности СССР началось Всесоюзное социалистическое соревнование, в это патриотическое движение по инициативе работников Московского узла Ленинской дороги включились железнодорожники.

Всесоюзное соревнование, продолжавшееся в течение всех последующих лет войны, мобилизовало железнодорожников на работу по-новому, по-военному, еще более подняло их трудовую энергию, породив многообразные формы производственной активности.

В числе его победителей неизменно оказывались железнодорожники столицы. Так, в течение 6 месяцев 1942 г. завоевывали переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны и Наркомата путей сообщения станция Перово Ленинской дороги, дистанция связи Москва и дистанция пути Москва Ярославской дороги. В июне 1942 г. от Московского узла в НКПС были представлены материалы для награждения 84 предприятий и лучших цехов, смен, бригад, паровозов, а в ноябре того же года было уже 126 таких предприятий и 163 цеха, смены, бригады и паровоза[35].

Борясь за увеличение пропускной способности линий и участков, экономию материалов и топлива, соблюдение графика движения поездов, московские железнодорожники добились увеличения среднесуточной погрузки на Московском узле с 2085 вагонов в мае 1942 г. до 3695 вагонов в октябре[36]. По итогам этого наиболее трудного для железнодорожного транспорта и всей экономики СССР военного года коллектив Московско-Окружной дороги перевыполнил план погрузки на 15,2%[37].

Однако в работе железнодорожников Московского узла имелось немало недостатков, неиспользованных резервов. Не всегда выдержи-

вались нормы технической скорости движения поездов. Недостаточно четко был организован среднесуточный прием груженых вагонов. Даже Московско-Окружная железная дорога, оказавшаяся в марте 1943 г. в числе победителей соревнования, в начале года ежедневно недодавала фронту по 15–20 поездов[38].

В январе 1943 г. МК и МГК ВКП(б) вынесли совместное решение «О мероприятиях по улучшению работы железных дорог Московского узла». Вскрыв серьезные недостатки в эксплуатационной деятельности предприятий узла, они потребовали от местных партийных и хозяйственных органов принять срочные действенные меры к устранению этих недостатков[39]. В феврале–марте 1943 г. па важнейшие станции и отделения Московского железнодорожного узла для контроля за продвижением и разгрузкой составов было направлено свыше 30 руководящих партийных работников Москвы[40].

Выполняя это постановление, железнодорожники столицы активнее включались в социалистическое соревнование, находили новые пути мобилизации внутренних резервов, сокращения издержек производства, ускорения темпов перевозок.

Многочисленные факты свидетельствовали о том, что все более развивавшееся Всесоюзное соревнование среди коллективов столичного узла заметно сказалось на улучшении их работы. Машинисты-лунинцы Московско-Окружной дороги в январе 1943 г. провели 409, а за 20 дней февраля — 269 поездов, вес которых значительно превышал норму[41]. В марте 1943 г. только железнодорожники депо Москва-Пассажирская и Голутвин Ленинской магистрали доставили сверх плана 1400 т грузов[42]. Диспетчеры Московского отделения той же дороги и работники станций Москва-Сортировочная и Перово стали обеспечивать ускоренную доставку грузов, следовавших для восстановления героического Сталинграда[43].

Весной 1943 г., после объявления 15 апреля всех железных дорог СССР на военном положении, по предложению передовых машинистов Московского узла здесь стали создаваться фронтовые паровозные колонны тяжеловесников, добивавшиеся высоких результатов в работе. В мае 1943 г. в депо Лихоборы Московско-Окружной магистрали была сформирована первая на Московском узле фронтовая колонна. В нее вошло 6 паровозов старших машинистов-лунинцев: Мосолова, Юхалова, Богданова, Кулешова, Киселева и Данилова. Коллектив тяжеловесников с каждым днем набирал темпы в работе. В мае участники фронтовой колонны провели уже 196 тяжеловесных поездов, сэкономив при этом почти 105 т топлива[44].

Накануне и в дни Курской битвы железнодорожники Центра, в том числе и Московского узла, перевыполнили такой важный показатель плана перевозок, как норма передачи вагонов с дороги на дорогу. Летом 1943 г. заметно улучшилась работа Московско-Окружной

железной дороги. Начиная с августа ее коллектив 3 месяца подряд удерживал переходящее Красное знамя ГКО, перевыполняя важнейшие задания по воинским перевозкам, погрузке и выгрузке, приему и сдаче поездов и др.

В сентябре 1943 г. ГКО вынес постановление об увеличении количества наград для победителей Всесоюзного соревнования на транспорте[45], что способствовало росту трудовой активности железнодорожников.

В это время возродилась и получила дальнейшее развитие такая форма проявления творческой инициативы масс за лучшее использование производственных возможностей транспорта, как общественные смотры организации труда. Инициатором выступил коллектив депо Москва-Сортировочная Ленинской дороги. В связи со смотром работники депо внесли свыше 250 рационализаторских предложений, что дало возможность сэкономить около 2 млн руб.[46]

В соответствии с решениями многих областных и краевых комитетов партии на всех действовавших магистралях по примеру депо Москва-Сортировочная были организованы массовые смотры готовности к зиме, а в рамках Всесоюзного социалистического соревнования начато предоктябрьское соревнование. Проведение последнего совпало с подготовкой к 25-летию Ленинского комсомола (29 октября 1943 г.) и поэтому отличалось особенно активным участием в нем молодежи. День рождения своей организации комсомольцы транспорта встретили проведением стахановских вахт, дальнейшим развитием движения комсомольско-молодежных бригад, повышением производительности труда. На Московском железнодорожном узле в сентябре–октябре 1943 г. было создано 190 комсомольско-молодежных бригад. В социалистическом соревновании Москвы и Московской области в октябре 1943 г. принимали участие 54 комсомольско-молодежные бригады паровозов с охватом 336 человек. Одна комсомольско-молодежная бригада машиниста Василия Мосолова сэкономила 32 117 кг топлива и провела 36 тяжеловесных поездов. МК и МГК ВЛКСМ наградили эту бригаду переходящим Красным знаменем[47].

К концу 1943 г., ставшего переломным в работе советского транспорта, на решающих участках Московского железнодорожного узла были достигнуты серьезные успехи.

Героический труд советских железнодорожников, их самоотверженное служение Родине получили признание всего народа. За особые заслуги в увеличении перевозок для фронта и народного хозяйства в трудных условиях Великой Отечественной войны Президиум Верховного Совета СССР 5 ноября 1943 г. присвоил звание Героя Социалистического Труда 127 железнодорожникам[48]. Среди них были лучшие командиры транспорта, в том числе начальники дорог Центра: Московско-Окружной — А.М.Васильев, Октябрьской —

Б.П.Саламбеков, работники столичного узла: начальник ст. Рыбное М.Р.Колобов, старший паровозный машинист паровозной колонны особого резерва НКПС Е.М.Чухнюк и др.

Вступая в новый, 1944 год, железнодорожники вновь отвечали на победы Красной Армии трудовыми успехами, еще более широким развертыванием соревнования. Непрерывно росло число передовых предприятий. Если, например, в начале Всесоюзного социалистического соревнования на центральных магистралях и предприятиях Московского узла за получение переходящих Красных знамен ГКО соревновалось около 180 предприятий, то в феврале 1944 г. — уже 10002 предприятия[49].

Активное участие в соревновании принимали комсомольско-молодежные бригады. Число таких бригад, боровшихся за звание фронтовых, неуклонно росло. На Московском железнодорожном узле только с января по март 1944 г. количество молодежных бригад увеличилось на 115 и составило в апреле 525[50].

Постоянная борьба советских транспортников, в том числе железнодорожников столицы, за выполнение своих обязательств, повсеместное внедрение передовых методов труда содействовали достижению серьезных успехов в обеспечении нужд фронта и тыла. Только работники Московско-Окружной дороги за 6 месяцев 1944 г. перевезли грузов в 1,5 раза больше, чем в первой половине 1943 г.[51]

Всего по железным дорогам Центра за 10 месяцев 1944 г. было проведено около 55 тыс. тяжеловесных поездов, доставивших фронту и народному хозяйству сотни тысяч тонн сверхплановых грузов[52].

Все более действенной формой коллективной борьбы железнодорожников столицы за повышение производительности труда становились комсомольско-молодежные и фронтовые бригады и смены. Многие члены бригад являлись двухсотниками и трехсотниками. Как и на всей железнодорожной сети, ряды участников этого патриотического движения молодежи непрерывно ширились. В одном железнодорожном районе г. Москвы на предприятиях транспорта участвовало в предоктябрьском соревновании 275 бригад, объединявших 1821 молодого рабочего, из них 95 бригад ранее получили право называться фронтовыми. В ходе соревнования, было создано 17 новых комсомольско-молодежных бригад[53].

Настойчивая борьба железнодорожников Московского узла за выполнение принятых обязательств в социалистическом соревновании позволила улучшить показатели использования подвижного состава. К концу 1944 г. отправление эшелонов по графику приближалось здесь к 100%. По сравнению с 1943 г. значительно увеличился объем перевозок; среднесуточная погрузка возросла на 242 вагона, а выгрузка — на 148 вагонов[54].

В 1945 г., на завершающем этапе войны, работа столичного узла и всего железнодорожного транспорта страны проходила под знаком непрерывно возраставшей помощи фронту. Московскими железнодорожниками были полностью выполнены задания но воинским перевозкам и основные задания по доставке народнохозяйственных грузов. В 1945 г. на Московском узле ежесуточная погрузка составляла 4209 вагонов, а выгрузка — 5280 вагонов. Многим передовым коллективам Московского узла были переданы или оставлены на вечное хранение переходящие Красные знамена Государственного Комитета Обороны и Наркомата путей сообщения. 65% всего состава железнодорожников столицы были удостоены высоких государственных наград[55].

Своим самоотверженным трудом московские железнодорожники полностью оправдали возложенные на них партией и правительством ответственные военно-хозяйственные задачи и внесли достойный вклад в общие усилия работников советского транспорта по обеспечению нужд фронта и тыла.

[1] Железнодорожный транспорт. 1947. № 9. С. 17.
[2] ЦА МПС. Ф. ЦД. Оп. 525. Д. 9. Л. 1.
[3] Беспримерный подвиг. М., 1968. С. 258.
[4] Ленинский путь. 1941. 6 июля.
[5] Центральный архив ВЦСПС. Ф. 161. Д. 10. Л. 26–28, 31, 32, 48, 49, 148, 156. (Далее — ЦА ВЦСПС).
[6] Беспримерный подвиг. С. 256–257.
[7] *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла: Железнодорожный транспорт СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. М., 1976. С. 66.
[8] ЦА ВЦСПС. Ф. 161. Д. 10. Л. 27.
[9] Там же. Л. 28.
[10] Там же. Д. 16. Л. 103–104.
[11] Там же. Д. 10. Л. 32.
[12] Там же. Д. 15. Л. 134.
[13] Там же. Ф. 16. Д. 16. Л. 111.
[14] Там же. Д. 10. Л. 55–56.
[15] Там же. Л. 56–57.
[16] Гудок. 1942. 4 янв.
[17] Научный архив Института истории СССР АН СССР. Великая Отечественная война. Разд. IX. Ф. 11. Л. 13–14. (Далее — НА ИИ СССР. ВОВ).
[18] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. М., 1955. Т. 2. С. 366.
[19] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1961. Т. 2. С. 274.
[20] Беспримерный подвиг. С. 265.
[21] *Дикушин В.Ф., Киселев А.М.* Военные сообщения Советской Армии в битве под Москвой. М., 1960. С. 69.

[22] Гвардия тыла: Сб. воспоминаний. М., 1962. С. 217.
[23] Московский большевик. 1941. 26 окт.
[24] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 969. Д. 21. Л. 107.
[25] *Новиков С.* Железнодорожники – фронту. М., 1942. С. 18–20.
[26] Там же. С. 22–24.
[27] НА ИИ СССР. ВОВ. Разд. V. Ф. 20. Л. 1–2; Д. 20. Л. 20.
[28] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 276.
[29] Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 122.
[30] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 274.
[31] Военно-исторический журнал. 1961. № 12. С. 89–90.
[32] Беспримерный подвиг. С. 263.
[33] *Дикушин В.Ф., Киселев А.М.* Указ. соч. С. 57, 58, 60, 73.
[34] Там же. С. 78.
[35] ЦА ВЦСПС. Ф. 1. Д. 19. Л. 65.
[36] ЦПА ИМЛ. Ф. 88. Оп. 1. Д.865. Л. 10.
[37] ЦА МПС. Ф. 23а. Оп. 504. Д. 6. Л. 40.
[38] Московский железнодорожник. 1943. 14 февр.
[39] ЦПА НМЛ. Ф. 111. Оп. 3. Д. 56. Л. 104.
[40] Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1301. Л. 17–18.
[41] Московский железнодорожник. 1943. 14 февр.
[42] ЦА ВЦСПС. Ф. 161. Оп. 10. Д. 27. Л. 132.
[43] Гудок. 1943. 26, 28 марта.
[44] Московский железнодорожник. 1943. 11 июня.
[45] Гудок. 1943. 29 сент.
[46] ЦА ВЦСПС. Ф. 161. Оп. 10. Д. 18. Л. 65.
[47] *Куманев Г.А.* Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1963. С. 194.
[48] Гудок. 1943. 7 нояб.
[49] ЦА ВЦСПС. Ф. 161. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.
[50] ЦА ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 35. Д. 69, 1944 г. Л. 58–59, 124, 130.
[51] ЦА ВЦСПС. Ф. 1. Д. 8. Л. 2.
[52] Там же. Ф. 161. Ед. хр. 33. Л. 77.
[53] ЦА ВЛКСМ. Ф. 1. Оп. 35. Д. 69, 1944 г. Л. 4, 5, 12, 49, 86, 157.
[54] *Смирнова П.З.* Московская партийная организация во главе трудовых подвигов железнодорожников столицы в годы Великой Отечественной войны Советского Союза: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1963. С. 21.
[55] Там же.

ТРАНСПОРТНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В БИТВЕ ПОД СТАЛИНГРАДОМ

Однажды во время очередной встречи с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским на подмосковной даче в Архангельском он рассказал мне об одном эпизоде, связанном со Сталинградской битвой. 13 сентября 1942 г. он и Г.К.Жуков, только что прилетевшие по вызову И.В.Сталина из района Сталинграда, оказались у него на совещании в Кремле. Они были втроем.

Верховный задал вопрос, какие можно нанести контрудары, пусть даже частные, чтобы хоть немного ослабить исключительно тяжелое положение, создавшееся тогда на волжском рубеже.

В ходе обмена мнениями Сталин склонился над картой, а оба представителя Ставки ВГК несколько отошли от стола, заметив вполголоса, что пора искать другое решение.

«Что вы сказали, что за решение?» — тут же спросил Сталин, продемонстрировав при этом поразительный слух.

«Мы говорим о том, что не лишена оснований возможность контрнаступления на сталинградском направлении, с тем чтобы зажать вражескую группировку в тисках окружения», — ответил Василевский.

«Идея о нанесении внезапных мощных концентрических ударов по слабым флангам группировки Паулюса, где находятся румынские войска, нам представляется вполне реальной», — добавил Жуков.

Верховный Главнокомандующий, по словам Василевского, не сразу поддержал это предложение, считая, что в тот период стране будет не под силу проведение такой серьезной стратегической операции. «Хватит ли у нас резервов и сможет ли наш транспорт своевременно и скрытно доставить их к Сталинграду?» — заявил Сталин. Он предложил обоим генералам немедленно отправиться в Генеральный штаб, чтобы там детально продумать, что надо предпринять, и через сутки ему доложить...

Я остановился на этом примере исключительно потому, чтобы особо подчеркнуть, как много зависели тогда от работников советского транспорта ход и исход крупнейшей битвы, развернувшейся в районе Нижней Волги во второй половине 1942 г.

Избрав Сталинград одним из главных направлений своего летнего наступления на южном крыле советско-германского фронта,

гитлеровское командование, как показал впоследствии на допросе (25 июля 1945 г.) бывший начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф.Гальдер, прежде всего стремилось «захватить Кавказ, отрезать русских от нефти и нарушить коммуникации вдоль Волги». Потеря такого крупного стратегического и транспортного узла, каким был Сталинград, поставила бы Советский Союз в чрезвычайно тяжелое положение.

Следует иметь в виду, что задача снабжения советских войск людским пополнением, боеприпасами, техникой, вооружением, продовольствием существенно осложнялась тем, что части Красной Армии, оборонявшие районы Нижней Волги и Северный Кавказ, базировались на сравнительно бедной сети железных и грунтовых дорог. Если в приграничной западной полосе густота железнодорожной сети доходила до 70 км на 1000 кв. км, то в районе между Днепром и Доном, на Кубани и в других районах Северного Кавказа — даже до 14 км на 1000 кв. км территории. Главная тяжесть по обеспечению перевозок для защитников Сталинграда пришлась на долю железнодорожников, и в первую очередь на коллективы Рязано-Уральской и Юго-Восточной дорог, которые одновременно питали Сталинградский, Донской и Юго-Западный фронты.

Между тем техническое состояние многих участков этих магистралей не отвечало задачам осуществления массовых воинских перевозок. Так, из-за постоянных бомбежек, начавшихся еще до наступления противника, в неудовлетворительном состоянии находилась фронтовая линия Поворино—Сталинград, не имевшая к тому же нормальных погрузочно-разгрузочных мест. Не лучше было положение на линии Балашов—Камышин, обладавшей низкой пропускной и провозной способностью. Еще в первой половине июля 1942 г. выбыла из строя железнодорожная линия Сталинград—Лихая, а 30 июля враг занял станцию Ремонтная на линии Сталинград—Тихорецкая, перерезав тем самым железнодорожную связь волжского города с югом страны.

Чтобы успешно справиться в таких условиях с огромным объемом перевозок, от работников транспорта, местного населения, органов военных сообщений и тыла Красной Армии потребовались громадное напряжение сил, четко продуманное планирование, организация согласованной деятельности всех видов транспорта, внедрение в перевозочный процесс новых приемов и методов работы.

Еще во время Московской битвы для доставки срочных грузов на железных дорогах были эффективно использованы паровозные колонны особого резерва НКПС, личный состав которых переводился на положение состоящих в рядах Красной Армии. В период битвы под Сталинградом эти подвижные соединения транспорта получили более широкое применение. Постановлением Государственного Ко-

митета Обороны от 7 сентября 1942 г. на прифронтовых и тыловых магистралях было сформировано 18 колонн (по 30 локомотивов в каждой) в целях создания мобильного резерва паровозов для выполнения специальных перевозок к фронту и для ликвидации зимних затруднений в продвижении поездов на наиболее грузонапряженных участках железных дорог... К каждому паровозу колонн прикреплялись две локомотивные и две кондукторские бригады, два поездных вагонных мастера и проводник вагона. Первые 120 паровозов, входивших в колонны, были использованы в августе 1942 г. для перевозок по кольцу Балашов—Поворино—Иловля—Петров Вал—Балашов. Всего в перевозках для защитников Сталинграда участвовало более 500 паровозов из состава колонн особого резерва НКПС. Только в 1942 г. объем работы, выполненной паровозными колоннами, составил 5933 млн тонно-километров брутто.

«Часто встает перед моими глазами голая, выжженная огнем и солнцем черная степь, — вспоминает бывший машинист паровозной колонны № 4 Герой Социалистического Труда Е.М.Чухнюк. — Прорываться через нее ближе к скрытому густым дымом городу было почти невозможно. Я говорю "почти", потому что прорывались, с каким-то нечеловеческим упорством мы водили составы через ту степь. Водили мимо станций, стертых с лица земли, мимо горящих составов, изуродованных, сваленных под откос локомотивов. Сколько раз во время этих поездок приходилось расцеплять состав, чтобы отвести в сторону горящий вагон, пожарными приспособлениями паровоза сбивать пламя, хотя взрыв грозил каждую минуту гибелью».

В один из рейсов эшелон с танками, который вел к Сталинграду старший машинист паровозной колонны № 10 А.И.Покусай, 15 раз подвергся налетам самолетов противника. Машинист был тяжело ранен, а локомотив получил до 300 пробоин. И все же танки были своевременно доставлены к месту назначения, Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В летопись сражений на берегах Волги вписаны также подвиги машинистов паровозных колонн Героев Социалистического Труда В.И.Мурзича, А.А.Янковского, С.А.Харчевникова, К.Н.Мышастого, С.Ф.Тетюшкина и многих других. Сутками под огнем врага осуществляли они рейсы к волжскому плацдарму. В самые тяжелые дни обороны города мужественно трудились железнодорожники Сталинградского узла. С августа 1942 г. они остались лишь на небольшом участке Бекетовская—Шпалопропиточная, не занятом врагом. Тем не менее коллективы станций Бекетовская, Сарепта и Шпалопропиточная оказали серьезную помощь Красной Армии в доставке вооружения, боеприпасов и продовольствия.

Путейцы станции Бекетовская во главе с мастером А.А.Сологубовым, несмотря на частые вражеские обстрелы, постоянно держали

свой 11-километровый участок, по которому наш бронепоезд подходил к линии фронта, в образцовом состоянии.

В тяжелых, по существу фронтовых условиях трудился коллектив станции Сарепта, возглавляемой А.И.Сурковым. Вот один из характерных примеров. В конце августа железнодорожники станции Сарепта получили ответственное задание командования 57-й армии — срочно подготовить эшелон для перевозки в Сталинград стрелковой дивизии. Задача была очень сложная, учитывая большую разбросанность вагонов и повреждение части станционных путей. Но железнодорожники нашли выход. Там, где не проходил паровоз, они подкатывали вагоны вручную. Задание было выполнено досрочно.

А.А.Сологубов и А.И.Сурков удостоились высокого звания Героя Социалистического Труда.

Постоянно в сталинградском железнодорожном отделении находился заместитель наркома путей сообщения С.И.Багаев, прибывший в Сталинград в конце июня 1942 г. во главе оперативней группы. Вместе с диспетчером М.С.Вербиным он стал руководить продвижением поездов, показывая при этом примеры личного мужества. «Диспетчер отделения и замнаркома, — записал в своем дневнике 22 августа 1942 г. первый секретарь Сталинградского обкома партии и председатель городского комитета обороны А.С.Чуянов, — сутками не покидают поста, оперативно решая все вопросы. На днях произошел такой случай. Окольным путем в отделение поступило сообщение, что небольшую станцию Кривая Музга, где находятся эшелоны с боеприпасами, непрерывно бомбят гитлеровские стервятники. Нужно принимать меры, а связь по селектору прервана. Тогда Сергей Иосифович (Багаев. — *Г.К.*) срочно отправился туда. Под жестокой бомбежкой он собрал путейцев, паровозников и весь станционный персонал и вместе с ними стал расцеплять составы с боеприпасами, отправляя со станции уцелевшие вагоны. Всю ночь героически работали люди. Несколько железнодорожников убито, много раненых. Но больше двух десятков вагонов удалось спасти».

Со второй половины августа, когда немецко-фашистские войска вплотную подошли к городу, работа транспортников резко осложнилась. Сталинградский фронт теперь стал пользоваться только тремя железнодорожными направлениями: Урбах—Верхний Баскунчак—Ахтуба—Владимирская Пристань (левобережье Волги), Поворино—Сталинград (на правом берегу Волги) и построенной позднее линией Саратов—Иловля. Все эти железнодорожные участки, будучи однопутными, не обладали достаточной пропускной способностью, поэтому не были приспособлены для той напряженной работы, которая требовалась от них. На многих отделениях и узлах создалось огромное перенакопление рабочего парка. Шоссейные и грунтовые дороги севернее Сталинграда были перерезаны врагом, а Волга в рай-

оне города заминирована. После 23 августа 1942 г., когда гитлеровские войска прорвались к Волге, подвоз воинских грузов по железным дорогам Поворино–Сталинград, Саратов–Иловля и по Волге на участке Саратов–Сталинград был полностью прекращен. Советские войска, оборонявшие город, могли базироваться только на железнодорожной линии Уральск–Урбах–Верхний Баскунчак–Астрахань и ветке от нее Верхний Баскунчак–Ахтуба–Заплавное. Пропускная способность этих коммуникаций не превышала 6–8 пар поездов в сутки при потребности фронта в 10 пар и более.

Положение осложнялось и тем, что господствовавшая в воздухе авиация противника подвергала яростной бомбардировке все средства сообщения и пути, ведущие к Сталинграду. В августе 1942 г. самолеты люфтваффе произвели свыше 2 тыс. самолето-вылетов на 22 объекта Сталинградского узла. В отдельные дни железнодорожные участки бомбились по 17 раз. Всего за время битвы на Волге вражеская авиация совершила на транспортные объекты только сталинградского направления около 60 тыс. налетов, сбросив более 90 тыс. бомб.

И тем не менее поток воинских грузов в район Сталинграда усиливался с каждым месяцем. Только с 1 по 20 августа Ставкой было сюда направлено по железным дорогам 15 стрелковых дивизий и 3 танковых корпуса. В сентябре выгрузка военно-оперативных грузов на Рязано-Уральской магистрали выросла по сравнению с июлем почти в 3 раза. В период подготовки контрнаступления значительно увеличилась выгрузка и на Юго-Восточной железной дороге. Если в сентябре воины, оборонявшие Сталинград, получили 4715 вагонов с вооружением, боеприпасами и другими грузами, то в октябре – 8651 вагон, а в ноябре – уже 12253 вагона. Успешному решению многих заданий по воинским перевозкам способствовали не только массовый героизм работников транспорта, но и их умелое маневрирование в движении эшелонов, а также применение новых смелых технических приемов.

Еще во время боевых действий на дальних подступах к Сталинграду ввиду усилившихся налетов немецкой авиации многие перевозки стали осуществляться ночью, при отсутствии световых сигналов. Их заменяла живая связь при помощи дежурных постов на каждом километре фронтовых участков. Позднее, уже в ходе подготовки к контрнаступлению (операция «Уран»), когда самолеты противника стали наносить непрерывные удары по коммуникациям, ведущим к городу, направляемые из тыла резервные войска, вооружение и боеприпасы начали разгружаться за 280–300 км от фронта, Последующая доставка их к волжским переправам осуществлялась автомобильным транспортом по грунтовым дорогам.

Используя опыт железнодорожников Московского узла, работники сталинградских прифронтовых магистралей и органов военных сообщений фронтов организовали одностороннее замкнутое сообще-

ние по маршруту Поворино–Арчеда–Иловля–Петров Вал–Балашов, что позволило значительно ускорить продвижение воинских эшелонов. Применяя одностороннее и так называемое колебательное движение, железнодорожники-сталинградцы в условиях ожесточенных воздушных налетов только на участке Поворино–Иловля добились увеличения пропускной способности с 16 пар поездов в сутки (довоенная максимальная пропускная способность участка) до 22 пар. Пропускная способность другой однопутной линии Урбах–Астрахань в результате введения одностороннего движения и ряда новых решений возросла с 12 до 20 пар поездов в сутки.

Важную роль в обеспечении ускоренной доставки необходимых грузов воинам Сталинграда сыграло и форсированное строительство железнодорожных участков, линий и станционных путей.

Вместе с военными железнодорожниками, коллективами спецформирований НКПС и строителями в их сооружении участвовало не менее 100–120 тыс. местных жителей. Южный участок Камышин–Сталинград был построен всего за 100 дней, и в августе 1942 г. по нему открылось регулярное движение. 4 августа 1942 г. вступила в строй линия Кизляр–Астрахань протяженностью 348,6 км, имевшая очень важное значение для усиления снабжения фронтов. Месяцем позже была принята в эксплуатацию дорога Свияжск–Ульяновск. Железнодорожная линия Саратов–Иловля вдоль правого берега Волги в труднейших условиях была проложена всего за три месяца, что позволило резко увеличить объем воинских перевозок с севера на юг и ускорить подготовку к наступательной операции. Кроме того, усилиями железнодорожных войск и спецформирований НКПС удалось построить и ввести в эксплуатацию 53 новых разъезда.

Всего за четыре месяца оборонительных боев только для Сталинградского и Юго-Восточного фронтов железнодорожным путем было доставлено около 100 тыс. вагонов с войсками и грузами. Одних боеприпасов со складов и баз Главного артиллерийского управления защитники города на Волге получили около 5400 вагонов.

«Доставка в район Сталинграда столь большого количества боеприпасов за какие-то четыре месяца, что в среднем составляло около 1350 вагонов в месяц, являлась нелегким делом для начальника тыла генерала А.В.Хрулёва и начальника ВОСО генерала И.В.Ковалева. Во второй половине 1942 г. всем фронтам действующей армии ежемесячно доставлялось около 6 тыс. вагонов боеприпасов, следовательно, 1/4 из них – в район Сталинграда», – писал бывший начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии маршал артиллерии Н.Д.Яковлев.

Плечом к плечу с железнодорожниками самоотверженно трудились волжские речники пароходства «Волготанкер» (начальник Н.С.Романенко) и Нижне-Волжского пароходства (руководители

Ф.Г.Каченин и С.А.Кучкин), доставляя грузы защитникам города и одновременно обеспечивая эвакоперевозки. Со второй половины июля в связи с ухудшением военной обстановки на юге страны на Волгу была переключена часть грузопотоков, в том числе перевозки людей, вооружения и особенно боеприпасов и горючего. В Саратове, Камышине, Вольске и Сталинграде были созданы фронтовые базы снабжения, а в Казани, Сызрани и Ульяновске — перевалочные пункты для перегрузки воинских грузов на воду и обратно. Оперативное руководство деятельностью речного транспорта в районе Астрахань—Саратов было сосредоточено в Сталинграде, где длительное время вместе с замнаркома путей сообщения С.И.Багаевым находились нарком речного флота СССР З.А.Шашков и его заместитель С.М.Баев.

После прорыва немецко-фашистских войск к Волге, когда транзитное судоходство на Нижней Волге было фактически прекращено, главные усилия речников сосредоточились на обеспечении переправ через реку. Всего на переправах Сталинградского фронта под огнем врага работало 23 самоходных судна и 12 несамоходных.

Одна команда баркаса «Абхазец» во главе с капитаном А.Н.Хлыниным, совершив 800 рейсов, перевезла через Волгу для 62-й армии 30 орудий, 1497 автомашин, 105 тягачей и несколько тысяч человек. Отличились также команды судов «Алтай», «Орленок», «Надежный», «Лена», «Ваня-коммунист», «Фронтовик», «Узбек», «Тринадцатый», «Генерал Панфилов», «Сократ», «Лейтенант Здоровцев», «Ян Фабрициус», «Гаситель», «Ласточка», «Капитан Иванищев», «Могучий», «Волго-Дон» и многие другие.

«В низовьях Волги, — отмечала передовая "Правды", — коллективы судов и пристаней показывают примеры трудового героизма и мужества на своих постах. Они стоят плечом к плечу с героическими защитниками Сталинграда у подступов к великой русской реке». Хотя с ноября на Волге уже начался ледостав, движение судов не прекращалось. «В эти дни и ночи, — вспоминал бывший командующий 62-й армией Маршал Советского Союза В.И.Чуйков, — они творили истинно героические дела. Я сам наблюдал ночью, как эти суда метр за метром, пробивая путь среди льдов, шли от пристани Тумак на север по Волге к берегу, где оборонялась 62-я армия. Были дни, когда эти суда не могли в темное время вернуться обратно, а идти днем вдоль берега, занятого немцами, было равносильно гибели. Тогда они оставались около сталинградского берега, маскировались парашютами, белыми простынями и мешками под цвет снега и льда».

Неоценимую роль в оказании помощи осажденному Сталинграду сыграла Волжская военная флотилия (командующий контр-адмирал Д.Д.Рогачев), созданная еще в октябре 1941 г. 6 августа 1942 г. она поддерживала сухопутные войска на оборонительном обводе города, обеспечивая коммуникацию на участке Камышин, Астрахань и пере-

праву советских войск на правый и левый берега Волги. Только за оборонительный период кораблями Нижне-Волжского пароходства и Волжской военной флотилии было перевезено 124 тыс. человек, около 20,5 тыс. лошадей, до 300 орудий, 121 танк, 1740 автомашин и свыше 240 тыс. тонн различных материальных средств.

Значительный объем перевозок во время навигации 1942 г. выполнили и работники морского транспорта. В связи с временной потерей ряда важных железнодорожных коммуникаций заметно возросла роль морских путей Красноводск–Астрахань и Баку–Астрахань. По этим путям моряки Каспия в тесном взаимодействии с железнодорожниками и речниками доставляли фронту горючее, вооружение, людское пополнение. Воинские грузы вначале следовали по магистралям Средней Азии и Закавказья, а затем на кораблях Каспийского транспортного флота до Астрахани, с перевалкой здесь на речные волжские суда. С мая по октябрь 1942 г. по Каспийскому морю было перевезено только нефтепродуктов 6165,7 тыс. тонн.

С предельным напряжением трудились под Сталинградом, обеспечивая бесперебойность коммуникаций, части и подразделения автотранспорта, дорожники и работники фронтового тыла. Днем и ночью при строгом соблюдении маскировки двигались к линии фронта по грунтовым дорогам сотни и тысячи машин с военной техникой, боеприпасами, продовольствием, людскими резервами. Предшествующие этапы войны не знали столь массовых и интенсивных автомобильных перевозок. Лишь с 9 августа по 25 октября по дорогам Сталинградского фронта проследовали в ту и другую стороны 700 тыс. машин. Только автомобильные части резерва Главного командования Красной Армии в сентябре и октябре доставили в район Сталинграда двадцать стрелковых дивизий, а с 1 по 20 ноября для Донского фронта – свыше 150 тыс. тонн снабженческих грузов.

В конце осени 1942 г. фронтовые участки Юго-Восточной и Рязано-Уральской железных дорог принимали под выгрузку свыше 30 поездов в сутки, что в 10 раз превышало предвоенный уровень работы этих магистралей. Увеличилась доставка воинских грузов другими видами транспорта.

Все это дало основание начальнику Генерального штаба Красной Армии генерал-полковнику А.М.Василевскому в канун наступательной операции доложить в Ставку Верховного Главнокомандования, что, «несмотря на все трудности, в которых пришлось работать нашему железнодорожному и водному транспорту, сосредоточение предназначенных Ставкой для фронтов войск и необходимых ресурсов заканчивается с очень незначительными отклонениями от графика».

После начала операции «Уран» непрерывное пополнение южного фланга советско-германского фронта громадным количеством боевой техники и войсками продолжалось. В первой половине декабря из-под

Тамбова и Мичуринска к берегам Волги была срочно переброшена 2-я гвардейская армия, созданная из отборных войсковых соединений. Для этого потребовалось 168 железнодорожных составов. В декабре 1942 г. 46% всех оперативных воинских эшелонов, выгруженных на советско-германском фронте, приходилось на долю волжских фронтов. С июля по 1 января 1943 г. железнодорожники доставили в район Сталинграда 3269 оперативных эшелонов, или 202377 вагонов, из них 18 вагонов — в октябре–декабре 1942 г.

В конце 1942 г. в связи с подготовкой наступательной операции «Кольцо» по ликвидации окруженной вражеской группировки перед работниками транспорта была поставлена задача — в предельно сжатые сроки дополнительно доставить в район Нижней Волги большое количество материальных средств и резервов. От этого во многом зависел успех всей битвы под Сталинградом. Одновременно в конце 1942 — начале 1943 г. необходимо было осуществить переброску крупных резервов советских войск в район Воронежа и среднего течения Дона.

Опоздание эшелонов с войсками, вооружением и боеприпасами к местам выгрузки на 4–5 дней ставило под угрозу всю операцию «Кольцо». В целях ускорения их подхода пришлось разгружать многие эшелоны на большом удалении от предусмотренных планом мест выгрузки. Это мероприятие потребовало дополнительного времени на подтягивание выгружаемых воинских частей, вооружения и боеприпасов к фронту.

Как вспоминал бывший представитель Ставки ВГК Главный маршал артиллерии Н.Н.Воронов, на первый взгляд казалось, что виноваты тыл и работа железнодорожного транспорта, а в действительности их тоже винить было нельзя, ведь тыловики и транспортники заранее не знали многих новых задач, поставленных им только в декабре 1942 г. Эти новые сверхплановые задачи очень трудно было выполнить в столь сжатые сроки.

«Я позвонил, — писал он, — народному комиссару путей сообщения и начальнику тыла Красной Армии Андрею Васильевичу Хрулёву и стал взывать о срочной помощи. Я верил ему, ибо у нас с ним была договоренность о том, что я никогда с какими-либо пустяками к нему обращаться не стану. Так мы с ним всегда и работали. Теперь я всерьез и, как показали события, не напрасно рассчитывал на его помощь».

Несмотря на исключительно тяжелые условия и срочность задания, железнодорожники своевременно обеспечивали первоочередные нужды воинов-сталинградцев. Воинская погрузка на дорогах, обслуживавших войска волжских фронтов, в январе 1943 г. достигла около 1500 вагонов в сутки. Всего же за время подготовки и проведения наступательных операций «Уран» и «Кольцо» только работники Рязано-Уральской и Юго-Восточной дорог доставили воинам Красной Армии 300 тыс. вагонов грузов.

В сложнейших условиях приходилось трудиться в дни развернувшегося контрнаступления под Сталинградом и работникам речного транспорта. Когда началось контрнаступление советских войск, на Волге был уже ледоход и появились ледовые заторы. Но с помощью подрывников переправы действовали и в декабре. Вновь и вновь под огнем врага проводили через льды свои суда отважные речники. До 25 декабря обслуживали переправу команды пароходов «Краснофлотец» и «Самара». Всего, по неполным данным, только за время работы переправ в районе Сталинградского фронта было перевезено 543 тыс. военнослужащих и гражданских лиц, 29400 автомашин, 550 тягачей, 840 орудий, около 150 тыс. тонн боеприпасов, продовольствия и других грузов.

Тесно взаимодействовали в дни контрнаступления с железнодорожниками, водниками и командованием советских войск авиаторы гражданского воздушного флота. В приказе по 8-й воздушной армии от 17 декабря 1942 г. отмечалось, что, когда в период ледохода на Волге переправы оказались не в состоянии обеспечить поставку на правый берег реки боеприпасов, горючего и авиатехимущества, что создало угрозу срыва боевых действий ВВС, переброска этих материальных средств была поручена экипажам гражданской авиации. В ходе Сталинградской битвы работники воздушного транспорта СССР обеспечили доставку защитникам героического города 2587 тонн грузов, около 31 тыс. воинов и, кроме того, эвакуировали в тыл до 3,5 тыс. раненых.

Все приведенные выше факты убедительно свидетельствуют, что в период битвы на Волге работники советского транспорта, проявив массовый героизм, сумели доставить мужественным защитникам Сталинграда столько грузов, сколько потребовалось, чтобы остановить врага, сорвать его планы и перейти в решительное контрнаступление, завершившееся небывалой в истории войн катастрофой отборных немецко-фашистских войск.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ И СТРОИТЕЛЬСТВО ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

В годы Великой Отечественной войны немецко-фашистские захватчики нанесли колоссальный ущерб советскому железнодорожному транспорту. На территории СССР гитлеровцы вывели из строя 26 из 54 железных дорог довоенной сети и частично повредили 8 магистралей, разрушив 65 000 км пути, 13 тыс. мостов общей протяженностью около 300 км, 4100 станций, 2436 вокзалов (60%), 317 паровозных депо, 129 паровозо- и вагоно-ремонтных заводов и т.д.

Кроме того, фашисты уничтожили или угнали с территории СССР большое количество паровозов и вагонов. Транспорт любой другой страны после таких неисчислимых потерь и разрушений оказался бы неизбежно парализованным. Но железнодорожный транспорт СССР не только выдержал этот удар, но и в ходе войны неуклонно наращивал свою мощь, интенсивность и размеры перевозок.

Благодаря мужественному труду гражданских и военных железнодорожников, при помощи всего народа уже в годы войны был осуществлен огромный масштаб восстановительных, а также строительных работ, позволивший обеспечить бесперебойную деятельность железных дорог.

Освещению этих пока еще почти не исследованных вопросов истории минувшей войны посвящена данная статья.

* * *

С самого начала войны гитлеровская авиация стала наносить сильные удары по многим магистралям Европейской части СССР. В отдельные месяцы 1941 г. в сферу действия вражеской авиации входило одновременно до 22 советских железных дорог, в том числе даже такие тыловые, как Горьковская, Пензенская, Куйбышевская[1]. Интенсивность воздушных нападении до ноября 1941 г. непрерывно повышалась. По данным Управления МПВО НКПС, фашистская авиация с июля по декабрь 1941 г. совершала на наши железные дороги в среднем ежесуточно до 33 налетов[2]. Гитлеровцы полагали, что им удастся быстро вывести из строя важнейшие магистрали СССР и прервать снабжение фронта и тыла всем необходимым.

Но этим расчетам врага не суждено было осуществиться. Используя имеющиеся возможности, мастерски маневрируя подвижным составом, быстро восстанавливая разрушенные участки, работники железнодорожного транспорта с первых дней войны успешно приспосабливали свое хозяйство к новым условиям.

По решению НКПС в прифронтовых районах вскоре были созданы головные ремонтные поезда и восстановительные отряды, поезда по ремонту водоснабжения и связи, а несколько позднее — ремонтные поезда для текущего ремонта паровозов и вагонов, пострадавших от бомбардировок и обстрелов.

Коллективы этих формирований трудились буквально под огнем врага, устраняя последствия бомбардировок. Восстановительный поезд № 3042 Западной железной дороги (начальник поезда И.П.Юркевич, политрук И.П.Осипов) с 22 июня по 25 июля 1941 г. 18 раз выезжал па опасные участки для ликвидации разрушений и повреждений. Причем, в 11 случаях восстановителям приходилось работать в условиях непрерывной бомбежки и обстрелов. Но все задания, порученные коллективу поезда, были выполнены в срок[3].

Помимо восстановления прифронтовых участков железнодорожные войска и спецформирования НКПС производили заградительные работы на линиях и участвовали в эвакуации железнодорожного имущества.

Количество загражденных линий составило 75% от числа оккупированных врагом в 1941 г. За это же время только воины железнодорожных войск эвакуировали свыше 4000 км рельсов[4]. В первые дни войны восстановительные организации не были объединены и действовали разобщенно. Так, формирования гражданских строителей-железнодорожников подчинялись непосредственно НКПС. Особый корпус железнодорожных войск находился в двойном подчинении НКПС и Наркомата обороны. Кроме того, существовали еще железнодорожные войска, подчиненные только Наркомату обороны СССР (НКО).

Все это не могло не сказываться отрицательно на маневренности, расстановке и использовании восстановительных сил, которые зачастую получали от разных управлений разноречивые указания.

Поэтому встала задача создания постоянных кадров восстановителей непосредственно на железных дорогах и координации их действий в одних руках.

С 15 сентября 1941 г. постановлением ГКО на магистралях были образованы восстановительные службы, восстановительные участки и околотки. Этим же решением назначались постоянные ответственные руководители по восстановлению, которые в своей работе поддерживали постоянные контакты с уполномоченными НКПС на фронтах, и таким образом создавалась система управления по обеспечению железных дорог материалами и средствами[5].

Однако организованный особый корпус железнодорожных войск НКПС и железнодорожные войска НКО не были объединены, и это мешало с максимальной эффективностью использовать кадры восстановителей железных дорог.

Позднее, когда был организован единый орган — Главное управление военно-восстановительных работ НКПС (ГУВВР), этот недостаток был устранен.

За первые 6 месяцев воины на фронтовых и прифронтовых магистралях советскими железнодорожниками были выполнены восстановительные работы по засыпке воронок, укладке путей, стрелок, подвеске телефонно-телеграфных проводов и т.д. в объеме, достаточном для постройки новой железнодорожной линии протяжением в 400 км[6]. Только воины железнодорожных войск в 1941 г. восстановили 834 км железных дорог[7].

Одновременно с восстановительными работами с первых дней боевых действий на железнодорожном транспорте развернулось строительство новых линий и участков. Значительную часть их необходимо было построить в прифронтовой полосе и притом в кратчайшие сроки. Объекты железнодорожного строительства намечались в зависимости от положения на фронтах и были разбросаны от Белого до Черного морей.

Кроме того, еще в процессе перебазирования промышленности с Запада на Восток перед строителями была поставлена важная задача: усилить пропускную способность и техническую оснащенность дорог Урало-Сибирского направления. Выполнить эту работу, которую приходилось вести в непосредственной близости от действующих путей с чрезвычайно густым движением поездов, нередко было значительно сложнее, чем построить новые железнодорожные линии.

Уже в принятом СНК СССР и ЦК ВКП(б) 16 августа 1941 г. Военно-хозяйственном плане были намечены мероприятия, повышающие пропускную способность железных дорог Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии в течение IV квартала 1941 г. и в 1942 г. (реконструкция и расширение ряда узлов, станций, строительство вторых путей и т. д.)[8]. В связи с этим коренным образом изменилось распределение капиталовложений. Средства направлялись преимущественно на сооружение линий и увеличение пропускной способности дорог, имевших первоочередное военно-хозяйственное значение.

В первые дни войны по мере отхода наших войск работы по капитальному железнодорожному строительству на магистралях Запада были приостановлены, а строительные организации перебазировались в центральные и восточные районы страны.

В широких масштабах строительные работы велись на Московском железнодорожном узле, где создавались дополнительные ветки, для соединения Калининской дороги с Савеловской линией, Ленин-

градской дороги — с Горьковской линией, Дзержинской — с Московско-Донбасской и т.д. В августе 1941 г. согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР было начато сооружение Большой Московской окружной дороги (протяженностью в 290 км) для того, чтобы связать новым кольцом железнодорожные линии Московского узла. Предполагалось закончить земляные работы на трассе дороги в 1941 г., а ее строительство — в апреле 1942 г. Однако резкое ухудшение обстановки на фронтах помешало выполнить намеченный план в срок.

Летом 1941 г. развернулось строительство новых железнодорожных линий на Южном Урале. Особое значение приобрело сооружение дороги Гурьев–Кандагач, позволившей кратчайшим путем с перевалкой через Каспийское море перевозить грузы с Урала и Сибири на Кавказ и обратно[9].

Одновременно с новостройками были ускорены работы по увеличению пропускной способности важнейших узлов: Челябинского, Свердловского, Нижне-Тагильского, Новосибирского и Кировского[10].

В приказе НКПС от 9 сентября 1941 г. были определены конкретные задачи строительных организаций Центрального управления железнодорожного строительства НКПС (Цустрой) по сдаче в эксплуатацию новых железнодорожных линий и вторых путей в Центре Европейской части СССР, на Урале, в Поволжье, Средней Азии и Сибири. Строительные управления этих строек были усилены за счет эвакуированных сюда родственных организаций из западных областей СССР. Хотя большая часть кадров и материальных средств Цустроя НКПС была уже в первый год войны передана военно-восстановительным организациям, объем выполненных им работ в 1941 г. значительно превышал план довоенного 1939 г.[11]

В сентябре 1941 г. была введена в строй линия Сороки (Беломорск)–Обозерская, благодаря которой улучшилось снабжение войск Карельского фронта. В районе Нижней Волги с 15 октября 1941 г. началось строительство важной железнодорожной коммуникации Кизляр–Астрахань протяженностью в 348 км[12], 27 декабря 1941 г. было закончено сооружение первой очереди линии Сталинград–Владимировка.

Всего в 1941 г. только строительными организациями Центрального управления железнодорожного строительства НКПС, насчитывавшими в своих рядах около 134 тыс. человек, было сдано в эксплуатацию 793 км новых железнодорожных линий и 137 км вторых путей, в том числе отдельные участки на направлениях Коноша–Архангельск, Пермь–Киров, Свердловск–Вагай и др.[13]

* * *

После разгрома немецко-фашистских войск под Москвой и Ростовом, когда было освобождено около 1000 км железных дорог, появи-

лись возможности для развертывания широких восстановительных работ.

3 января 1942 г. ГКО вынес постановление «О восстановлении железных дорог». Считая «важнейшей оборонной задачей форсированное восстановление железнодорожных линий», Государственный Комитет Обороны обязал НКПС сосредоточить усилия и средства на восстановлении ряда важнейших направлений, таких как: Москва—Бологое и далее до Ленинграда, Тихвин—Ленинград, Москва—Можайск—Вязьма, Москва—Волоколамск—Ржев и др.[14]

Руководство и осуществление всех восстановительных и заградительных работ было возложено на созданное при НКПС Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР)[15].

В пределах фронтов руководство восстановительными и заградительными работами осуществлялось уполномоченными НКПС.

Облисполкомы были обязаны начиная с января 1942 г. выделять по требованию и в сроки, указанные НКПС и командованием фронтов, рабочую силу и конный транспорт. ГКО установил также систему премирования рабочих, ИТР и административно-хозяйственных работников за досрочное выполнение восстановительных работ.

Весь личный состав спецформирований НКПС был переведен «на положение состоящих в рядах Красной Армии»[16].

В числе первых больших сооружений, вступивших в строй в начале 1942 г., можно назвать мост через канал Москва—Волга у Яхромы (391 м), восстановленный за 44 дня, и мост через р. Истра у Нового Иерусалима (79 м), возведенный за 39 суток[17]. Кроме того, в январе-феврале 1942 г. было восстановлено 3043 км железнодорожных линий[18].

Широкие восстановительные работы на транспорте продолжались в основном до лета 1942 г., когда все силы ГУВВРа были брошены на защиту коммуникаций от яростных налетов вражеской авиации, и возобновились в связи с наступлением Красной Армии под Сталинградом[19].

Всего в течение 1942 г. было восстановлено 4012 км главного пути и 607 км вторых путей[20].

С самого начала 1942 г. по указанию Государственного Комитета Обороны развернулись крупные работы по сооружению новых железнодорожных путей. С 18 января, в тяжелейшие дни блокады Ленинграда в районе Ладожского озера началось строительство ветки от станция Войбокало до Косы[21] протяженностью в 34,4 км. Отсюда грузы должны были переправляться через Ладожское озеро в осажденный Ленинград. Работы производили коллективы строительств № 5 и № 42 НКПС. Несмотря на трудности, связанные с недостатком продовольствия, морозами и налетами фашистской авиация, строители с честью справились с правительственным заданием: уже 16 февраля на этой линии было открыто движение.

Вот как оценивал героический труд ее строителей Военный Совет Ленинградского фронта: «Физически ослабевший, но морально крепкий коллектив строительства в самую стужу перебрасывается на восточный берег Ладожского озера и с марша приступает к работе. Изнуренные голодом люди шли на трассу, шатаясь от слабости, за несколько километров, а вечером возвращались в землянки, в палатки, в дома и сараи ближайших деревень. Побуждаемые высоким стремлением помочь Ленинграду люди побеждали стихию, усталость и даже смерть. И вот в середине февраля по пустынному берегу Ладожского озера протянулись стальные пути, по которым один за другим страна посылала Ленинграду составы с продовольствием и боеприпасами...

...Славная работа коллектива строительства войдет в историю Отечественной войны»[22].

В столь же сложных условиях с 8 марта по 30 августа 1942 г. на берегу Ладожского озера проводилось сооружение Кобоно-Кореджского порта, которое было поручено работникам строительства № 5 НКПС.

В числе ударных транспортных строек, осуществленных в течение 1942 г. в районе Ленинграда и Ладожского озера, можно назвать строительство линии Любытино—Неболчи, Кузьминка—Дубровка, мост свайно-ледовой конструкции через р. Нева. С 7 декабря 1942 г. по 3 февраля 1943 г. была построена линия Жихарево—Шлиссельбург, имевшая важное стратегическое значение[23].

Зимой 1942–1943 г. для снабжения Ленинграда было принято смелое решение построить через озеро свайно-ледовую железную дорогу длиной в 30 км. К моменту прорыва блокады строители успели выполнить более 60% работ[24].

В сооружении этих важных строек под Ленинградом кроме коллективов строительств № 5 и № 42 активное участие принимали также части Управления военно-восстановительных работ: 2-я (начальник Управления — генерал И.Г.Зубков), 9-я (командир — генерал В.Е.Матишев) и 11-я (командир — полковник Дебольский) железнодорожные бригады.

Одновременно ускоренными темпами стала строиться Северо-Печорская железная дорога. К концу года на ней было открыто движение. В январе 1943 г. возобновилось сооружение Большой Московской окружной железной дороги (1 ноября 1942 г. было закончено возведение западного кольца дороги протяженностью в 291,3 км)[25].

В течение 1942 г. широкие работы по строительству новых участков развернулись также в районе Нижней Волги. В частности, это было связано с летним наступлением немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта. Слабое развитие железнодорожной сети Юга и недостаточная пропускная способность существовавших здесь линий отрицательно сказывались при решении многих военно-хозяйственных задач, в том числе связанных с от-

ражением нового наступления врага. Это потребовало от Советского правительства принятия незамедлительных мер.

Еще в январе 1942 г., когда гитлеровцы были отброшены от Москвы, ГКО вынес решение о форсированном строительстве магистрали Саратов–Сталинград. Предполагалось создать Волжскую рокадную линию (Свияжск–Сызрань–Саратов–Сталинград) общей протяженностью в 978 км[26].

В конце июня 1942 г. в Сталинград прибыла оперативная группа НКПС во главе с заместителем наркома С.И.Багаевым с целью координирования перевозок для нужд Донского, Юго-Западного и Южного фронтов. По указанию оперативной группы развернулось форсированное строительство новых линий для увеличения пропускной способности направлений: Поворино–Сталинград, Сталинград–Лихая, Сталинград–Сальск–Батайск. Работы проводились на 20 разъездах и 9 станциях[27].

«В настоящее время немыслимо строительство без бульдозеров, экскаваторов, тракторов, – вспоминает В.В.Степанок – один из участников строительства дороги Саратов–Сталинград. – ...Мы тогда ничего этого не имели, кроме автомашин, которые использовались для подвозки рельс, да нескольких старых экскаваторов. Строили дорогу с помощью тачек, носилок. Люди были плохо одеты, плохо питались. И все-таки строили. Еще как строили!.. В июле началась бомбежка. Но работы не прекращались, производились под бомбами. Днем строили, а ночью строительные батальоны восстанавливали разрушенное полотно... Работа была очень тяжелая. Но только при такой работе можно было в срок окончить строительство, необходимое и важное – это все мы видели, особенно когда замкнули рельсы на южном участке, от Камышина до Сталинграда[28]. Это было 7 августа 1942 г.»[29]

Новая дорога позволила выпустить в глубь страны огромное количество скопившихся эвакопоездов, а также маневрировать подвижными средствами[30].

4 августа 1942 г. была принята в эксплуатацию линия Кизляр–Астрахань протяженностью в 348,6 км, имевшая огромное значение для улучшения снабжения фронтов. Над сооружением этой новой железнодорожной трассы трудилось свыше 20 тыс. строителей[31]. Месяцем позже вошла в строй дорога Свияжск–Ульяновск. Железнодорожная линия Саратов–Иловля вдоль правого берега Волги была построена в течение трех месяцев. Ее эксплуатация позволила резко увеличить воинские перевозки с севера на юг и ускорить подготовку операций.

Под Сталинградом особенно прославилось соединение железнодорожных войск под командованием генерал-майора П.А.Кабанова (позднее ставшего начальником Главного управления военно-восстановительных работ НКПС), обеспечившее действие железнодорож-

ной коммуникации, тянувшейся к Сталинграду с севера. Воины-восстановители и строители несколько раз завоевывали переходящее Красное Знамя ГКО. «Эту ветку, все станции, расположенные на ней, фашисты непрерывно бомбили. Багрово-черные веера разрывов закрывали горизонт. Трудно, почти невозможно было дышать воздухом, насыщенном газами и копотью. Но бойцы работали...

Генерал решил перехитрить немцев. На тех станциях, которые чаще подвергались налетам авиации врага, были выстроены обходные пути. Фашистские стервятники, как и прежде, бомбили основную дорогу, а в это время поезда без задержек двигались по обходным путям к Сталинграду. Город-герой, город-богатырь сурово и стойко отбивался от немцев, накапливая силы для решительного удара»[32].

Быстрыми темпами велось новое железнодорожное строительство и в тыловых районах страны. В течение 1942 г. протяженность железнодорожной сети по районам Севера, Поволжья и Востока возросла на 8,7%[33]. В частности, на Урале с апреля по октябрь 1942 г. было осуществлено строительство южного обхода Челябинского узла протяженностью в 40 км[34]. Здесь же сооружались вторые пути на трудных перегонах Пермь—Киров, Свердловск—Омск, Еманжелинск—Челябинск, Кизел—Пермь, Вагай—Ишим и др.

Когда основные пути, связывавшие Центр с Югом и Кавказом, оказались перерезанными врагом, центральные районы пришлось снабжать кавказской нефтью, используя Каспийское море, далекий порт Красноводск, а затем Ашхабадскую и Ташкентскую железные дороги. Серьезная трудность здесь заключалась в том, что пропускная способность Ашхабадской железной дороги и ряда линий Ташкентской железной дороги была незначительна.

Тогда командированная на магистрали Средней Азии оперативная группа НКПС под руководством члена коллегии наркомата В.С.Гаврилова возглавила работы по увеличению пропускной способности участков и ускорению доставки нефтепродуктов фронту. За полтора месяца с помощью 3,5 тыс. местных колхозников удалось построить 35 дополнительных разъездов, прямую ветку от Красноводска до главной магистрали, новые подъездные пути к Красноводскому порту. В результате — отгрузка горючего для Красной Армии выросла в 3 раза[35].

Всего в 1942 г. было построено 3145 км новых железнодорожных линий[36].

* * *

После разгрома немецко-фашистских захватчиков под Сталинградом от врага были очищены важнейшие участки южных и северокавказских магистралей. К середине марта 1943 г. Красная Армия

освободила свыше 6 тыс. км железных дорог, включая значительное количество мостов, станционных зданий, депо и др.

В связи с этим объем восстановительных работ, пришедшийся на долю воинов железнодорожных войск и коллективов спецформирований НКПС, резко возрос.

Об этом говорят следующие данные только по первым трем месяцам 1943 г.:

Месяц	*Протяженность восстановленных железных дорог (км)*
Январь	725
Февраль	2139
Март	3175

Среднесуточные темпы восстановления составляли от 5,3 км (линия Армавир–Туапсе) до 9,9 км (линия Сталинград–Лихая)[37]. Вслед за наступающими войсками Красной Армии восстанавливались не только железнодорожные пути, но и мосты, станционные и жилые здания, стрелочные переводы, пункты водоснабжения и т.д. Общая протяженность введенных в эксплуатацию путей в освобожденных районах составила в первые два-три месяца 1943 г. 6600 км[38].

Временная стабилизация линии фронта в апреле–июне 1943 г. сказалась на определенном снижении размеров работ по восстановлению железных дорог. Так, в апреле 1943 г. вступило в строй только 525 км восстановленных участков[39].

Новые возможности для широкого развертывания восстановительных работ открылись перед железнодорожниками во время летне-осеннего наступления советских войск после победы на Курской дуге. Части Красной Армии в течение трех месяцев продвинулись на запад на расстояние 300–450 км, освободив свыше 12 тыс. км железных дорог.

Отступая, гитлеровцы с особым ожесточением разрушали железнодорожные сооружения и в первую очередь железнодорожное полотно. Впервые они применили так называемый «крюк» — новый тип путеразрушителя.

Тем не менее средние темпы восстановления во второй половине 1943 г. были значительно выше по сравнению, с предшествующим периодом. На отдельных направлениях они составляли 10–15 км в сутки[40]. Так, например, частями железнодорожных войск во время сражения на Правобережной Украине в рекордные сроки были восстановлены днепровские мосты, что в значительной степени способствовало успеху наступательных операций Красной Армии. Здесь особенно отличились соединения генералов Н.В.Зверева и П.А.Кабанова.

Низководный мост через Днепр у станции Дарница, для сооружения которого потребовалось около 4 тыс. куб. м лесоматериалов, был построен частями генерал-майора П.А.Кабанова невиданными за всю Вторую мировую войну темпами: по 81 пог. м в сутки. Об огромном объеме работ, выполненных восстановителями, можно судить хотя бы потому, что в течение только одного, 1943 г. было введено в эксплуатацию 19 864 км главных и вторых путей, 501 большой и средний мост, 144 пункта водоснабжения и т.д.[41]

Одним из важных объектов работы железнодорожников-восстановителей была перешивка пути на советскую колею[42]. Они сумели добиться в этом деле исключительно высоких результатов. В мирное время считалось, что одно небольшое подразделение железнодорожных войск может перешить за день не более 3–4 км пути. В 1943 г. реальные показатели работы таких подразделений возросли до 8–10 км[43].

Большое значение в деле успешного восстановления железнодорожного транспорта имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»[44]. Решение партии и правительства дало ясную программу и наметило конкретные пути скорейшего возрождения транспорта на очищенной от врага территории.

Серьезную помощь железнодорожникам в восстановлении и ремонте путевого хозяйства оказывали местные партийные организации. По их инициативе в 1943 г. только на работы по ремонту путей было проведено около 200 массовых выходов, в которых участвовало свыше 680 тыс. рабочих, колхозников и служащих[45].

На 1 января 1944 г. было уже восстановлено 122 станционных здания (100% плана), 2137 путевых будок (125,4% плана), 588900 кв. м жилой площади (постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. намечалось восстановить 520 тыс. кв. м)[46]. Всего за 1942 и 1943 гг. только железнодорожные войска восстановили до 24000 км железнодорожного пути, 300 станций, 65 км мостов, 600 пунктов водоснабжения и т.д.[47] Такие темпы восстановления транспортного хозяйства позволили создать необходимые условия для бесперебойной деятельности железнодорожного транспорта в освобожденных районах страны.

В течение 1943 г. продолжалась напряженная работа по строительству новых железнодорожных участков и по усилению пропускной способности существующих линий и узлов. Советское правительство выделило для этих целей 1,5 млрд рублей[48].

Сразу же после прорыва блокады Ленинграда началось строительство линии Поляна–Шлиссельбург. В районе Шлиссельбурга в условиях постоянных воздушных налетов строители начали сооружать мост длиной около 1 км. Он был построен в минимально короткие сроки и уже 7 февраля 1943 г. в Ленинград прибыл первый поезд[49].

В районе Курской дуги накануне битвы по решению ГКО от 28 июня 1943 г. было начато строительство железнодорожной линии Старый Оскол–Ржава (Сараевка) протяженностью 95 км[50].

В соответствии с этим решением бюро Курского обкома ВКП(б) и облисполкома для выполнения строительных работ мобилизовали 20 тыс. трудящихся и 1000 подвод[51]. Местное население горячо откликнулось на призыв областной партийной организации. На строительство линии вместе с железнодорожниками прибыло более 25 тыс. человек. Сооружение участка, несмотря на частые налеты фашистской авиации, проводилось рекордными темпами – свыше 2 км в сутки[52].

Особенно отличились молодые строители, выполнявшие нормы выработки на 180–200%. Комсомольско-молодежная бригада Тамары Семеновой систематически выполняла задание на 200%. Ей было вручено переходящее Красное Знамя Курского обкома ВЛКСМ. Более трех норм ежедневно выполняли молодые строители А.Северина, Н.Подтихина, Михалев, Дегтярева и многие другие. За героическую работу 45 комсомольцев были представлены к правительственным наградам[53].

По инициативе Курского обкома партии ГКО сократил срок окончания строительства до 25 июля 1943 г., т.е. на 26 дней. Но линия была введена в эксплуатацию еще раньше – уже 20 июля по ней прошел первый воинский эшелон[54].

Особенно интенсивно велось новое железнодорожное строительство и работа по усилению пропускной способности узлов и перегонов на железных дорогах Урала: Свердловской, Южно-Уральской и Пермской. В частности, началось строительство важной линии Сосьва–Алапаевск, которая должна была дать второй выход с Северного Урала в Средний и Южный и снизить нагрузку крайне напряженного в то время направления Гороблагодатская–Свердловск–Челябинск[55]. Только силами коллективов Центрального управления железнодорожного строительства НКПС в 1943 г. сдано в эксплуатацию 1831 км главных и 138 вторых путей, в том числе линия Большой Московской окружной железной дороги (278 км), а также реконструированы 15 станций и узлов и 51 разъезд[56].

* * *

Позади осталась самая тяжкая пора военного времени. Миновал и год коренного перелома Великой Отечественной войны. Наступил период полного изгнания гитлеровских захватчиков с советской земли. В 1944 г. Красная Армия очистила от оккупантов всю территорию СССР, освободив 24430 км железных дорог[57].

Для железнодорожников-восстановителей и строителей 1944 год был годом особенно напряженного труда. Следуя вплотную за насту-

павшими частями Красной Армии, подчас подвергаясь жестоким артиллерийским обстрелам и налетам фашистской авиации, воины-железнодорожники первыми открывали движение на освобожденных от врага участках железных дорог. От них не отставали восстановители других формирований НКПС, которые обеспечивали советские войска надежными коммуникациями. Город Пинск был освобожден 3 июля 1944 г., а уже 10 июля железнодорожные части генерала Смирнова восстановили до города путь[58]. Говоря о неоценимой помощи фронту со стороны железнодорожных военно-восстановительных соединений, командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф.Ватутин писал: «Без быстрого восстановления разрушенных отступающим противником железных дорог было несравненно труднее, а подчас просто невозможно решать многие важнейшие задачи наступления»[59].

Следует учесть, что железнодорожные линии, мосты, связь, станционные устройства в большинстве случаев разрушались гитлеровцами почти полностью. Так, рельсы, как правило, надрывались на 2–3 части, у мостов уничтожались одновременно и опоры и пролетные сооружения, станционные здания взрывались вместе с фундаментами и т.п. В отличие от 1941–1943 гг., в 1944 г. фашисты широко применяли разрушение земляного полотна. Воронки от взрывов доходили до 12500 куб. м[60]. Но, несмотря на все трудности, строители, железнодорожники восстанавливали пути и успешно справлялись с грандиозным объемом работ. Темпы и качество восстановления непрерывно повышались. Так, например, уже на 6–7 сутки после освобождения Минской области на всей ее территории была перешита железнодорожная колея, частично восстановлено стрелочное хозяйство, водоснабжение и на 8-е сутки поезда пошли к фронту[61]. Летом 1944 г. по сравнению с 1942 г. железнодорожные пути восстанавливались в 3 раза быстрее, а средние мосты – более чем в 2 раза[62].

Отдельные крупные мосты восстанавливались с темпом 30–40 метров в сутки[63].

Особенно отличились в 1944 г. восстановительные части генералов П.А.Кабанова, Н.В.Борисова, В.В.Безвесильного, И.Г.Зубкова, И.С.Картенева, Ф.Н.Доронина, В.Е.Матишева, П.И.Бакарева, полковников А.С.Дугина, Ш.Н.Жижилашвили. Только в сентябре из 695 восстановленных этими соединениями объектов 356 были закончены досрочно[64]. В течение 1944 г. одно соединение генерала Кабанова восстановило свыше 6 тыс. км путей[65], 8 раз завоевывало переходящее Красное Знамя ГКО и 3 раза – Красное Знамя НКПС.

Воины железнодорожных войск внесли немало технических усовершенствований в процессе восстановления. Широкое распространение в 1944 г. получило изобретение Героя Социалистического Труда ефрейтора В.Ф.Жукова. Сконструированный им станок позволил

довести выработку болтов, поковок, костылей и клепок до 2000% нормы. На Ленинградском фронте капитан железнодорожных войск Андриевский создал пробивной механизм, который намного облегчил одну из трудоемких работ – сверление дыр в рельсах и позволил сэкономить миллионы рублей[66].

В 1944 г. на освобожденных участках дорог СССР и сопредельных стран части железнодорожных войск выполнили наибольший за время войны объем работ, восстановив 32 881 км, в том числе за рубежом – 6851 км[67].

Большую поддержку железнодорожным войскам оказывали местные железнодорожники и население. Возрождению транспортного хозяйства освобожденных районов помогала вся страна. Из многих областей Союза на западные железные дороги шел нескончаемый поток оборудования, материалов, запасных частей и т.д. Ширилось шефство работников транспортных предприятий Центра, Урала, Сибири, Средней Азии над восстанавливаемыми участками железных дорог.

Постоянную помощь в выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1943 г. железнодорожники получали со стороны партийных организаций западных областей РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтийских республик и Молдавии. Так, ЦК КП(б) Белоруссии и СНК БССР для восстановления Западной магистрали направили дополнительно 7 тыс. рабочих, 60 грузовых и 10 легковых машин, большое количество строительных материалов. В ходе восстановления коллективы предприятий дороги и многие железнодорожники добивались высоких показателей. Годовой план восстановления путевых будок Западная железная дорога выполнила на 117%, казарм, полуказарм и жилых домов – на 122%, мастерских при паровозных депо – на 332% и т.д.[68] Значительную поддержку предприятиям Западной железной дороги в восстановлении разрушенного хозяйства оказали созданные в Смоленске, Рославле и других узлах по инициативе железнодорожников добровольческие строительно-восстановительные бригады. На Рославльском узле работало 44 таких бригады с общей численностью 495 человек[69].

Большую самоотверженность по время восстановления транспортного хозяйства проявили железнодорожники, а также жители городов и сел Украины. Только на участках Приднепровской железной дороги в работах приняли активное участие до 80 тыс. рабочих и колхозников Днепропетровской области[70]. С сентября 1943 г. по апрель 1944 г. на этой магистрали было восстановлено свыше 431 км главных путей, 297 км станционных путей, 858 шт. стрелочных переводов, 106 путевых зданий и т.д. Кроме того, с западноевропейской колеи на отечественную было перешито 683,5 км главных и 346 км станционных путей. За это время на дороге не было ни одной аварии или крушения[71].

Много сделала для быстрейшего возрождения железнодорожного хозяйства молодежь освобожденных республик. Центральным Комитетом ЛКСМ Украины совместно с ЦК профсоюзов железнодорожников Юга и Управлениями девяти дорог УССР было объявлено соревнование молодежных бригад и молодежных коллективов узлов и станций за лучшее участие в восстановительных работах на транспорте. Итоги соревнования подводились в конце каждого квартала. Только на станции Ясиноватая Южно-Донецкой железной дороги к концу 1944 г. было проведено 76 молодежных воскресников с участием в них 11 320 юношей и девушек. Комсомольцы и молодежь железнодорожного узла Фастов Юго-Западной магистрали отработали на восстановлении транспортного хозяйства узла 54000 человеко-часов, сэкономив при этом 68400 руб. 10 тыс. молодых патриотов принимали участие в восстановлении транспорта Одесской области. В свободное от работы время к началу 1945 г. они отработали 86800 человеко-часов, восстановив 218 км железнодорожных путей, 5 мостов, 31 станционное и жилое здание, отремонтировав 7 паровозов и 51 вагон[72].

В 1944 г. из 28 дорог задания по восстановлению железнодорожного хозяйства перевыполнили Литовская, Брест-Литовская, Винницкая, Одесская, Эстонская и Белорусская магистрали[73]. Хороших результатов в восстановлении достигли также Белорусская, Западная, Октябрьская, Приднепровская, Латвийская, Московско-Донбасская, Московско-Киевская, Северная и другие железные дороги[74]. По отраслям транспортного хозяйства НКПС успешно выполнили план восстановления служба сигнализации и связи (104,7%), путевое хозяйство (103,9%) и служба движения (101,7%)[75].

Наряду с восстановлением железнодорожных коммуникаций в 1944 г., хотя и в меньших масштабах, проводилось сооружение новых линий. Строительные организации НКПС ввели в действие в 1944 г. 308 км главных и вторых путей, в том числе такие участки, как Ташкент—Ангеры (115 км), Сухуми—Гагры (46 км) и др. Была усилена пропускная способность 8 станционных узлов и 41 разъезда[76].

В результате успешного выполнения плана восстановительных, а также строительных работ эксплуатационная длина железнодорожной сети СССР с 1 января 1944 г. по 1 января 1945 г. увеличилась с 81,7 тыс. км до 110,5 тыс. км, т.е. на 28,8 тыс. км[77].

На завершающем этапе Великой Отечественной войны на железнодорожном транспорте продолжались широкие работы по восстановлению разрушенного хозяйства. Только за 5 месяцев 1945 г. части железнодорожных войск восстановили 21676 км отечественных линий, большое количество мостов, вокзалов, служебных помещений, около 20000 кв. м жилой площади и т.д.[78]

Кроме того, за это же время да территории Германии, Польши, Венгрии, Австрии, Чехословакии воины ГУВВР восстановили 23 733 км же-

лезных дорог. Одна из особенностей работ по восстановлению зарубежных магистралей — это значительно меньший объем разрушений по сравнению с разрушениями на территории СССР. Так, процент разрушенных путей в Венгрии и Румынии не превышал 6–8, в Германии — 1,8[79].

Советским восстановителям пришлось здесь встретиться с новыми для них конструкциями верхнего строения пути, которые серьезно затрудняли перешивку и восстановление путей.

Одновременно повышалось и качество восстановительных работ. Так, процент железнодорожных участков на территории СССР, сданных в эксплуатацию с оценкой «отлично», вырос с 5 в 1943 г. до 59 в 1945 г.[80]

Велись также значительные работы по новому строительству и усилению пропускной способности дорог Урала, Сибири, Казахстана, где труженики «Цустроя» соорудили 195 км главных и 211 км вторых путей.

Таким образом, советские железнодорожники-восстановители и строители с честью справились с задачами, возложенными на них Родиной.

Всего за годы Великой Отечественной войны силами личного состава Главного управления военно-восстановительных работ и других восстановительных организаций НКПС было восстановлено 83 800 км главных путей (из них 31 900 км на территории зарубежных стран), 24 400 км станционных путей, 190 паровозных депо, 61 700 стрелочных переводов, 2 734 крупных моста, общим протяжением 230 км, более 2 300 пунктов водоснабжения, свыше 719 тыс. проводо-км линий связи и т.п.[81]

Помимо этого коллективы Центрального управления железнодорожного строительства НКПС и Главного управления военно-восстановительных работ НКПС за время войны ввели в эксплуатацию 8 803 км новых линий[82].

Непрерывно возраставшие темпы и размеры восстановления советских железных дорог, а также строительство новых линий, оказывали серьезное влияние на ход военных событий.

Самоотверженный труд восстановителей и строителей железнодорожного транспорта СССР явился достойным вкладом в общенародное дело достижения победы над врагом.

[1] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 2300. Л. 12.

[2] *Хрулев А.* Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне // Военно-исторический журнал. 1901. № 6. С. 65; Тыл и снабжение Красной Армии. 1942. № 4–5. С. 36; История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 2. С. 169; ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 2300. Л. 11.

[3] ЦА МПС. Ф. 39а. Оп. 49. Д. 1368. Л. 6.

[4] Там же. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 6–7.
[5] Там же. Оп. 49. Д. 2551. Л. 8.
[6] Там же. Оп. 49с. Д. 2300. Л. 4.
[7] Там же. Д. 2551. Л. 32.
[8] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 707–712.
[9] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 1430. Л. 56.
[10] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 35.
[11] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 26. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 7.
[12] Там же. Л. 140.
[13] Там же. Л. 8.
[14] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 714.
[15] К моменту организации ГУВВР располагал следующими силами: железнодорожных войск – 82 655 человек, спецформирований – 34800, всего – 117455 человек. (ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 10). В состав ГУВВРа входили: Управление желдорвойск. Управление по восстановлению мостов, Управление по восстановлению пути, станций, связи и тяговых устройств, Управление снабжения, Штаб Главного управления и Политотдел (Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 715).
[16] Там же. С. 718.
[17] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 11.
[18] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 2. С. 525.
[19] Так, воины 15 отдельной железнодорожной бригады с 20 ноября по 1 декабря 1942 г. осуществили восстановление важного стратегического участка Бекетовская–Сарепта–Гнилоаксайская линии Сталинград–Тихорецкая (ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 1787. Л. 1).
[20] Там же. Ф. 33а. Оп. 554. Д. 14. Л. 39.
[21] Окончание песчаной косы в Ладожском озере.
[22] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 1789. Л. 2, 8.
[23] Там же. Л. 19.
[24] Там же. Д. 2551. Л. 25.
[25] Там же. Д. 26. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 156.
[26] Там же. Л. 8.
[27] Там же. Ф. 33а. Оп. 32. Д. 29. Л. 71.
[28] Скоростное строительство участка Камышин–Сталинград осуществлялось в соответствии с постановлением ГКО от 20 июля 1942 г. (В дни великого сражения: Сборник документов и материалов. Сталинград, 1958. С. 124).
[29] *Степанок В.В.* Подвиг строителей железных дорог // В труде как в бою: Из истории комсомольско-молодежных бригад в годы Великой Отечественной войны. М., 1961. С. 109–110.
[30] Только за 20 дней эксплуатации дороги Камышин–Сталинград было вывезено 26 тыс. вагонов ценного оборудования и 600 паровозов. (*Степанок В.В.* Указ. соч. С. 110.)
[31] *Хрулев А.* Указ. соч. С. 85.
[32] *Кин М.* Организатор восстановления // Восстановители железных дорог. М., 1945. С. 7.

[33] *Ратобыльский Ф.А.* Создание и развитие военного хозяйства СССР в первый период Великой Отечественной войны // Труды / Военно-политическая академия им. В.И.Ленина. М., 1959. Т. 26. С. 42.
[34] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 26. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 140.
[35] *Хрулев А.* Указ. соч. С. 82–83.
[36] *Ратобыльский Ф.А.* Указ. соч. С. 42.
[37] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49. Д. 2551. Л. 18.
[38] *Вознесенский Н.* Указ. соч. С. 101.
[39] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 18.
[40] Тыл и снабжение Красной Армии. 1948. № 11–12. С. 39.
[41] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 554. Д. 14. Л. 45.
[42] В СССР нормальная ширина колеи равна 1524 мм. Значительная часть захваченных гитлеровцами магистралей была ими перешита по западноевропейскому образцу.
[43] Железнодорожный транспорт. 1943. № 11. С. 46.
[44] Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 765–802.
[45] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 3. С. 193.
[46] Гудок. 1944. 6 февр.
[47] Железнодорожный транспорт. 1944. № 4. С. 9.
[48] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 3. С. 192.
[49] *Карасев А.В.* Ленинградцы в годы блокады. М., 1959. С. 247; *Августынюк А.* В огненном кольце. Л., 1948. С. 138.
[50] ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1125. Л. 64, 218, 222.
[51] Там же. Л. 218.
[52] Там же. Д. 1120. Л. 22, 63.
[53] Там же. Л. 8, 23.
[54] Там же. Л. 22, 63.
[55] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 3. С. 192.
[56] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 12.
[57] Там же. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 20.
[58] Там же. Л. 27.
[59] За разгром врага: (Газета железнодорожных войск 1-го Украинского фронта). 1944. 23 февр.
[60] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 26.
[61] Там же. Ф. 33а. Оп. 556. Д. 9. Л. 149.
[62] Гудок. 1944. 22 июня; Железнодорожный транспорт. 1945. № 7. С. 16.
[63] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 608.
[64] Подсчитано нами. См.: ЦА МПС. Ф. 33. Оп. 764. Д. 7. Л. 45, 53, 56, 58, 59.
[65] Гудок. 1945. 12 янв.
[66] Там же. 1944. 22 июня.
[67] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 29, 33.
[68] Там же. Ф. 33а. Оп. 556. Д. 9. Л. 8, 9, 29.
[69] Там же. Л. 12.
[70] КПСС – вдохновитель и организатор побед советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1959. С. 288.

[71] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 34. Д. 161. Л. 369.
[72] Архив ЦК ВЛКСМ. Ф. Отдела рабочей молодежи. Д. Материалы по НКПС, 1945. Л. 3–4, 5, 7.
[73] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 674. Д. 74. Л. 23.
[74] Там же.
[75] Там же. Л. 7.
[76] ЦА МПС. Ф. 43. Оп. 49с. Д. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 13.
[77] Там же. Ф. 33а. Оп. 674. Д. 74. Л. 8.
[78] Там же. Ф. 43. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 33.
[79] Там же. Л. 30.
[80] Железнодорожный транспорт. 1945. № 7. С. 17.
[81] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49с. Д. 2551. Л. 40; Д. «Отчет Цустроя НКПС». Л. 172.
[82] Там же.

ВКЛАД РАБОТНИКОВ СОВЕТСКОГО ТРАНСПОРТА В ПОБЕДУ НАД ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ

В современных войнах роль транспорта как связующего звена между фронтом и тылом неизмеримо возросла. Указывая на это обстоятельство, В.И.Ленин в 1920 г. писал: «По условиям военной обстановки в настоящее время особенно необходима напряженная безотказная работа железных дорог по военным перевозкам... теперь успех общего дела особенно зависит от работы железных дорог»[1]. Исход разразившейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны во многом зависел от маневренности и слаженности действий средств сообщения воюющих государств.

Не случайно, готовя нападение на Советский Союз, гитлеровские стратеги предусматривали в числе первоочередных задач нанесение концентрированных ударов по важнейшим транспортным артериям страны и особенно по железнодорожным магистралям. «Русские железные дороги и пути сообщения в зависимости от их значения для операции,— указывалось в директиве № 21 (план "Барбаросса"),— должны перерезаться или выводиться из строя...»[2]

Поэтому первый удар вторгшегося на территорию СССР агрессора пришелся и по крупным железнодорожным узлам, станциям, морским и речным портам приграничных районов. Уже в 4 часа утра 22 июня нападению с воздуха и интенсивному обстрелу подверглись Белостокская, Брест-Литовская, Ковельская, Кишиневская, Юго-Западная, Львовская, Винницкая, Западная, Белорусская, Литовская, Латвийская, Эстонская, Кировская железные дороги, морские порты Клайпеда, Лиепая, Вентспилс, Рига, Мурманск и др.

Гитлеровцы стремились сразу же парализовать деятельность советского транспорта и тем самым поставить СССР перед неизбежностью военно-экономического краха. Они полагали, что достижение этих целей не представлялось трудным из-за якобы слабости советской транспортной системы, ее отсталости и неподготовленности к работе в военных условиях. В первые месяцы войны одна из немецких газет писала: «С начала военных действий на восточном фронте германская авиация нанесла сильный ущерб большому количеству железнодорожных линий. Она продолжает громить пути, ведущие к фронту, и уничтожать составы. Таким образом, *положение советских*

железных дорог, очень ненадежное еще до 1941 г., скоро станет совершенно безвыходным»[3].

По этому поводу позднее в своей книге «История второй мировой войны» бывший генерал фашистского вермахта К.Типпельскирх с горечью отметил: «...В таких решающих областях экономики, как, например, транспорт и военная промышленность, возможности русских сильно недооценивались»[4].

Немецко-фашистские захватчики жестоко просчитались. Транспорт СССР оказался способным не только выдержать небывалое, колоссальное напряжение, но и усилить в ходе Великой Отечественной войны темпы своей работы и с честью справиться с труднейшими задачами, выпавшими на его долю.

Враг прежде всего сильно недооценил силу и жизнеспособность народного строя, преимущества планового хозяйства, неисчерпаемые внутренние резервы и мобильность всех отраслей социалистической экономики. Германское командование при этом не учло и того, что в предвоенные годы волей Коммунистической партии и всего народа в СССР были осуществлены коренная социалистическая реконструкция, техническое перевооружение всех основных видов отечественного транспорта, по существу создан заново автомобильный, воздушный и трубопроводный транспорт.

Грузонапряженность советских железных дорог уже к 1938 г. была почти в 3 раза выше, чем в США, и в 5 раз выше, чем на дорогах Англии[5]. По мощности перевозочных средств и по грузообороту социалистический транспорт к этому времени превзошел во много раз транспорт дореволюционной России.

Хотя в годы первых пятилеток далеко не все удалось сделать и в развитии средств сообщения в стране имелось немало узких мест, наша страна к началу Великой Отечественной войны оказалась в транспортном отношении неизмеримо выше, чем когда-либо. Это явилось залогом успешной деятельности работников советского транспорта в годы суровых испытаний.

Начавшаяся война с Германией резко повысила требования к работникам транспорта, поставила перед ними новые, чрезвычайно сложные задачи. Прежде всего необходимо было обеспечить быстрый и бесперебойный подвоз к фронту огромного количества войск, боевой техники, вооружения, боеприпасов, продовольствия и снаряжения.

На долю советских транспортников выпало беспрецедентное в истории народов перемещение из угрожаемой зоны миллионов людей, оборудования сотен предприятий, имущества тысяч учреждений, огромного количества культурных ценностей. И, наконец, от транспорта требовалось осуществлять массовые перевозки народнохозяйственных грузов, в первую очередь для оборонной промышленности.

В решении этого сложнейшего комплекса военно-хозяйственных задач принимали участие все советские гражданские и военные транспортники. Однако, как и в мирные годы, ведущее место в грузообороте принадлежало работникам железнодорожного транспорта, на долю которого в годы войны приходилось до 83,8% всех перевозок[6], в том числе 70,5% воинских[7].

Война потребовала приспособления всей транспортной системы к новым условиям и задачам. Перестройка работы советского транспорта на военный лад охватила все стороны его деятельности. Все силы гражданских и военных работников транспорта были подчинены одной цели — максимально увеличить пропускную и провозную способность коммуникаций и скорость перевозок.

В первые месяцы войны в невероятно сложной обстановке они сумели в целом своевременно обеспечить мобилизационные перевозки, стратегическое развертывание сил Советской Армии и переброску военной техники. Уже за первые 40 дней боевых действий по железным дорогам на фронт было доставлено 2,5 млн человек, а летом и осенью 1941 г. — 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн человек маршевых пополнений[8].

Общий объем воинских перевозок за шесть месяцев 1941 г. составил около 2,5 млн вагонов, а эвакуационных — 1,5 млн вагонов[9]. И это в условиях, когда в руках противника оказались около половины всей железнодорожной сети страны (причем наиболее густой и технически оснащенной) и важные водные пути. Следует также учесть при этом, что немецко-фашистским войскам удалось выйти в районы, которые были намечены для сосредоточения и выгрузки советских войск.

В подвозке войск и материальных средств важную роль с первых дней войны приобрел водный и автомобильный транспорт. Так, в период напряженных оборонительных боев на Южном фронте на рубеже Днепра с августа по октябрь 1941 г. только автомобильным транспортом было перевезено 23 дивизии[10].

Одновременно советские транспортники выполнили грандиозную по масштабам и невиданную по срокам работу по перебазированию производительных сил страны с запада на восток. Хотя в подобных размерах эвакуация никогда не предусматривалась, они сумели вывезти в тыл 1500 тыс. вагонов, или 30 тыс. поездов, с людьми, сырьем и оборудованием. Если все эти вагоны вытянуть в одну линию, то длина такого состава в 2 раза превысит расстояние от Прибалтики до Владивостока.

Эвакуация осуществлялась и по водным путям Северо-Запада, Юга и Центра страны. Проявляя подлинную самоотверженность в труде, речники эвакуировали около 2 млн человек и 870 тыс. т оборудования, готовой продукции и продовольствия.

Наличие двух мощных встречных грузовых потоков (воинских и эвакуационных), которые столкнулись на узлах, станциях, перевалоч-

ных пунктах и пристанях ближайшего тыла, осложнило деятельность советских транспортников, потребовав от них большой изобретательности, находчивости и организованности. На транспорте была проведена система мер, направленных на обеспечение быстрого продвижения двух встречных потоков грузов. Так, на железных дорогах организовывалась помощь загруженным узлам, практиковались сдваивание составов и установление «живой блокировки», пропуск поездов с ходу через перегруженные станции и целый ряд других организационно-технических мероприятий.

«Повесть о том, как целые предприятия и миллионы людей были выведены на восток... — это прежде всего повесть о невероятной человеческой стойкости», и ее «следует отнести к числу самых поразительных организаторских и человеческих подвигов Советского Союза во время войны»[11], писал известный английский публицист Александр Верт.

Необходимо при этом иметь в виду, что огромный комплекс военно-хозяйственных задач работникам советского транспорта приходилось решать в обстановке непрекращающихся массированных налетов вражеской авиации. За первые два года войны она сбросила на важнейшие железнодорожные узлы СССР более 400 тыс. бомб[12]. Этого количества было бы достаточно, чтобы полностью парализовать все железные дороги капиталистической Европы. Но наш, социалистический транспорт выстоял.

Большим испытанием для транспортной системы СССР явилась битва под Москвой. Хотя к концу ноября 1941 г. советская столица была связана с глубоким тылом лишь четырьмя магистралями, железнодорожники сумели доставить защитникам города 333,5 тыс. вагонов с различными военными грузами. В невиданные сроки и с небывалой скоростью к Москве были перевезены 39 дивизий, 42 бригады и другие соединения и части[13]. «Пока в руках русских оставался важный железнодорожный узел — Москва, — писал позднее фашистский генерал Гудериан, — они могли подтягивать резервы из отдаленных частей своего огромного государства и подбрасывать их к важнейшим участкам боев, создавая таким образом неожиданный перелом в сражении»[14].

Наиболее трудным для транспорта СССР был 1942 год, когда грузооборот всех его видов сократился по сравнению с довоенным уровнем на 47%[15]. Снижение эксплуатационных показателей было связано с резким сокращением действовавших коммуникаций, изменением грузопотоков, потерей важнейших топливных районов страны, ухудшением материального и технического обеспечения транспорта и рядом других причин. Тем не менее работники советского транспорта, проявляя большую творческую инициативу, героизм в труде и благодаря огромной организаторской деятельности партийных и хозяйственных органов, сумели выполнить важнейшие военно-хозяйственные перевозки. Достаточно отметить, что для трех фронтов,

участвовавших в битве на Волге, было доставлено по железным дорогам около 300 тыс. вагонов с войсками и грузами[16]. Причем при подготовке контрнаступления под Сталинградом на фронтовые участки двух местных магистралей (Юго-Восточной и Рязано-Уральской) в сутки поступало свыше 30 поездов под выгрузку, что в 10 раз превышало предвоенный уровень работы этих дорог.

Речники Волжской военной флотилии и Нижне-Волжского пароходства только за оборонительный период перевезли к участвовавшим в битве на Волге фронтам 124 тыс. человек, до 300 орудий, 121 танк, 1740 автомашин и свыше 250 тыс. т материальных средств[17].

Работники автотранспорта за это же время доставили сюда одних мин и снарядов около 10 млн штук[18].

Выдающуюся роль сыграл транспорт, особенно водный, в период героической борьбы блокированного врагом Ленинграда.

В 1943 г. советские транспортники добились значительного перелома в своей работе. Общий грузооборот транспорта начал непрерывно возрастать. Заключительные операции по разгрому врага требовали быстрейшего подвоза колоссального количества техники и боеприпасов. И советские транспортники, проявив высокую организованность, с честью справились и с этой задачей. Они оказали большую помощь Красной Армии в операциях на Курской дуге, во время битв на полях Украины, Белоруссии и Прибалтики, осуществив грандиозные перевозки по сосредоточению боевой техники, вооружения и боеприпасов.

В 1944 г. фронту было доставлено грузов уже вдвое больше, чем за первый год войны. Только работники автомобильного транспорта в тот год перевезли свыше 50 млн т грузов.

В период завершающей битвы Великой Отечественной войны — Берлинской операции — ежесуточно выгружалось до 2 тыс. вагонов с воинскими грузами.

Всего за годы Великой Отечественной войны перевозки этих грузов на железнодорожном транспорте составили 19,7 млн вагонов, или 443213 эшелонов[19], в том числе боеприпасов — 1500 тыс. вагонов[20]. Такое число вагонов достаточно, чтобы несколько раз опоясать наш земной шар.

Работники автомобильного транспорта, как правило, дополнявшие работу железных дорог, перевезли за годы войны более 625 млн т различных грузов[21].

Значительный вклад внесли и работники водного транспорта, доставившие фронту более 4,3 млн человек, 10,6 тыс. орудий, 4,6 тыс. танков, 48,9 тыс. автомашин и другие грузы. Кроме того, для воинских перевозок был использован и воздушный транспорт. За годы войны транспортная авиация перевезла около 2,3 млн человек и 301,9 тыс. т различных грузов[22].

Росту перевозок в немалой степени способствовали широко развернувшиеся в военные годы строительные и восстановительные работы. Было построено около 10 тыс. км новых железнодорожных магистралей, десятки тысяч километров шоссейных дорог, много пристаней, причалов, морских портов.

Кроме того, был выполнен огромный объем восстановительных работ. Гитлеровцы нанесли нашему транспорту, особенно железнодорожному, колоссальный ущерб. Они вывели из строя 26 железных дорог и частично повредили 8 магистралей, разрушив 65 тыс. км пути, 13 тыс. мостов, 4 100 станций и т.д. Транспорт любой страны оказался бы парализованным. Но советские транспортники в труднейших условиях сумели осуществить огромные по объему восстановительные работы. Всего за годы войны они восстановили свыше 117 тыс. км железнодорожных путей на территории СССР и за ее пределами. Эта цифра заставляет задуматься, если вспомнить, что протяженность железнодорожной сети СССР накануне Великой Отечественной войны составляла 105 тыс. км. Кроме того, было восстановлено несколько тысяч крупных мостов, более 719 тыс. км линейной связи, свыше 2 100 пунктов водоснабжения и т.д.[23]

Одна из американских газет в январе 1944 г. в статье под заголовком «Советские железнодорожники выполняют "невыполнимые" задачи военного времени» писала: «Когда Гитлер в ноябре 1941 г. объявил, что им захвачено 40 тыс. км советских железных дорог, казалось почти невероятным, чтобы транспортная система Советского Союза могла быть когда-нибудь восстановлена для наступления крупного масштаба. Однако невероятное снова стало фактом»[24].

Росту транспортных перевозок в годы войны способствовали успешное решение Советским государством проблемы подготовки и воспитания новых кадров взамен выбывших на фронт, важные мероприятия партии и правительства по мобилизации производственных мощностей и резервов транспорта, в том числе перевод его на военное положение.

Непрерывное возрастание грузооборота железнодорожного и других видов транспорта было обеспечено героическим трудом широких масс транспортников, руководимых Коммунистической партией. В 1941–1945 гг. выдвинулась целая плеяда талантливых командиров транспорта, большая армия новаторов производства, которые увлекали за собой миллионные массы транспортников.

Таким образом, советский транспорт, несмотря на значительное сокращение действующих магистралей, огромные потери и разрушения, оказался способным выдержать колоссальное напряжение в ходе войны и обеспечить важнейшие потребности фронта и тыла.

Великая Отечественная война еще раз показала громадную роль коммуникаций в современных боевых действиях. Во время минувшей

войны огромные расстояния, новые технические средства быстрого преодоления пространства, возросшая потребность в перевозках превратили транспорт в военный фактор первостепенной важности.

В решающий период борьбы советского народа с фашистскими захватчиками работники транспорта доставили героическим защитникам Родины столько грузов, сколько потребовалось для того, чтобы в трудную пору остановить врага, а затем перейти в решительное наступление, завершившееся полным разгромом гитлеровской Германии и ее сателлитов.

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 350.

[2] «Совершенно секретно! Только для командования!»: Документы и материалы. М., 1967. С. 153.

[3] *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956. С. 172. (выделено нами. — *Г.К.*).

[4] *Ковалев И.В.* Железнодорожный транспорт в новой пятилетке. М., 1946. С. 6.

[5] Там же. С. 5.

[6] Народное хозяйство СССР в 1961 году: Статистический ежегодник. М., 1962. С. 474.

[7] Тыл Советской Армии. М., 1968. С. 273.

[8] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. С. 107; Военные сообщения за 50 лет. М., 1967. С. 46.

[9] Тыл Советской Армии. С. 122.

[10] Там же. С. 123–124.

[11] *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945. М., 1967. С. 144, 148.

[12] *Ковалев И.В.* Советский железнодорожный транспорт, 1917–1947. М., 1947. С. 68.

[13] Тыл Советской Армии. С. 135.

[14] Итоги второй мировой войны. М., 1957. С. 122.

[15] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1965. Т. 6. С. 70.

[16] Там же. С. 71.

[17] Архив МО СССР. Ф. 16. Оп. 29411. Д. 327. Л. 76; Тыл Советской Армии. С. 160.

[18] Тыл Советской Армии. С. 164.

[19] 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 466.

[20] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. С. 72.

[21] Военные сообщения за 50 лет. С. 63.

[22] Там же.

[23] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 2551. Л. 35–37; ЦГАНХ СССР. Ф. 1884. Оп. 31. Д. 6031. Л. 35–37.

[24] Цит. по: *Ковалев И.В.* Железнодорожный транспорт в новой пятилетке. С. 8.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ СССР В ВОЙНЕ С МИЛИТАРИСТСКОЙ ЯПОНИЕЙ

Для железнодорожного транспорта СССР война с милитаристской Японией явилась серьезным испытанием. Она потребовала от всей многотысячной армии тружеников стальных магистралей, особенно на Дальнем Востоке, значительного напряжения.

Перевозка по железным дорогам запасов материальных средств, связанных с предстоящими боевыми действиями на Дальнем Востоке, началась еще зимой 1944/45 г. С декабря 1944 г. стала осуществляться переброска к дальневосточным границам вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия.

Одновременно развернулась подготовка к массовой транспортировке войск и материальных средств по железным дорогам Сибири и Дальнего Востока. Прямое указание об этом дал Наркомату путей сообщения Верховный Главнокомандующий И.В.Сталин после возвращения с Крымской конференции. В соответствии с полученной директивой в феврале 1945 г. была произведена проверка мобилизационной готовности ряда дальневосточных магистралей и намечены меры по усилению их пропускной и провозной способности[1].

Целесообразность такой проверки объясняется тем, что общее состояние восточных железных дорог в начале 1945 г. не отвечало требованиям сложившейся обстановки. Здесь не хватало 30 тыс. квалифицированных рабочих. Последние в свое время были направлены на Запад для укомплектования военно-эксплуатационных отделений и спецформирований НКПС. Туда же были отправлены все запасы рельсов, стрелочных переводов и значительная часть локомотивного парка[2]. Как вспоминал бывший нарком путей сообщения СССР генерал-лейтенант И.В.Ковалев, на Транссибирской магистрали имелось немало сгнивших шпал, более 11 тыс. старых, изношенных или лопнувших рельсов, что существенно ограничивало скорости движения эшелонов и провозную способность многих участков. Земляное полотно на некоторых линиях нуждалось в укреплении, «особенно на участке, проходящем по берегу Байкала, где еще до войны были начаты, но не закончены работы по устройству подпорных станков и ремонту аварийных тоннелей»[3].

Поэтому необходимо было срочно пополнить железные дороги Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока подвижным составом, осуще-

ствить ремонт верхнего строения пути, развитие многих перегонов и станций и выполнить ряд других организационно-технических мероприятий. Встал вопрос и об изменении системы управления и руководства работой дальневосточных магистралей.

Весной 1945 г. по указанию ЦК ВКПб) и ГКО была увеличена пропускная способность Томской, Омской железных дорог и некоторых линий Дальнего Востока. В целях улучшения руководства деятельностью этих магистралей был образован особый Округ железных дорог Дальнего Востока, во главе которого был поставлен опытный организатор, заместитель наркома путей сообщения В.А.Гарнык. Уполномоченным Центрального управления военных сообщений (ВОСО) при Округе стал генерал-лейтенант А.В.Добряков. Начальники указанных дорог должны были обеспечить пропуск по установленным участкам максимального количества поездов. НКПС обязывался довести наличие паровозов на железных дорогах Дальнего Востока к 1 мая 1945 г. до 2 708, к 1 июля – до 2 947, а к 1 сентября – до 3 107. Для пополнения паровозного парка этих дорог с других магистралей и из резерва перегонялось 800 локомотивов. Из 240 паровозов резерва ГКО и 360 запаса НКПС требовалось сформировать 20 колонн по 30 паровозов в каждой.

Решение ГКО предусматривало также создание значительных запасов угля за счет разбронирования резервов и пополнение железных дорог Сибири и Дальнего Востока квалифицированными кадрами.

Уже в течение второго квартала 1945 г. число машинистов увеличилось здесь на 2 400, помощников машиниста – на 2 900, паровозных слесарей – на 3 100 человек. Начиная с апреля в распоряжение Округа железных дорог Дальнего Востока поступили три эксплуатационно-железнодорожных полка и три эксплуатационных отделения из Польши и Румынии; возвращались также все специальные подразделения, направленные ранее с восточных магистралей на юго-западные. Всего в этих частях насчитывалось свыше 14 тыс. человек[4].

ГКО обязал Наркомат путей сообщения усилить пропускную способность дальневосточных магистралей. Для этих целей, а также для выполнения предстоящих восстановительных работ выделялись две бригады железнодорожных войск и несколько специальных формирований НКПС[5].

На Забайкальском фронте накануне войны с Японией эти работы развернули части 14-го управления военно-восстановительных работ (УВВР) во главе с генерал-майором В.А.Чигарковым. Главное внимание уделялось подготовке основной коммуникации – однопутной линии Карымская–Борзя–Баин-Тумэн. Здесь воинскими подразделениями, органами ВОСО, а также железнодорожниками только на наиболее слабом участке Борзя–Баин-Тумэн было построено в июне 1945 г. 13 разъездов. Все это позволило увеличить пропускную способность участка с 7 до 18 пар поездов в сутки[6].

На 1-й Дальневосточный фронт из Чехословакии прибыли части УВВР-8 (начальник генерал-майор А.Д.Шишкин), в том числе 3-я железнодорожная бригада. На Приморской железной дороге они развернули работы по развитию станций снабжения, улучшению водоснабжения и состояния верхнего строения пути.

25-я железнодорожная бригада, поступившая в распоряжение 2-го Дальневосточного фронта, добилась к началу боевых действий обеспечения максимальной пропускной способности Амурской и Дальневосточной магистралей. Поскольку для выполнения всего объема работ прибывших сил оказалось недостаточно, из числа железнодорожников Амурской, Приморской и Дальневосточной дорог было дополнительно сформировано около 80 различных восстановительных поездов и летучек[7]. Чтобы пополнить запасы строительных материалов, пришлось разобрать некоторые второстепенные ветки и тупики.

Ряд оперативных заданий, связанных с повышением военно-мобилизационной готовности дальневосточных линий, получили железнодорожники и от НКПС. Так, в соответствии с приказом наркома путей сообщения И.В.Ковалева от 22 мая 1945 г. на Дальневосточной магистрали форсированным темпом были проведены работы по приспособлению тоннельного перехода через Амур для пропуска всех видов транспорта и воинских соединений[8].

Переброска крупных контингентов войск и воинских грузов на тысячи километров с Запада на Дальний Восток при недостаточном развитии коммуникаций в приграничных районах потребовала значительных усилий от железнодорожников. Большое народнохозяйственное значение имел почин машиниста депо Зилово Забайкальской магистрали И.Т.Соловьева. В совершенстве овладев передовыми методами П.Ф.Кривоноса, Н.А.Лунина, В.И.Болонина, И.П.Блинова, Д.А.Коробкова и других знатных машинистов и дополнив их новыми приемами, он разработал комплексный метод по уходу, эксплуатации и режиму отопления паровоза любыми углями. Работая без брака, бригада И.Т.Соловьева неизменно выполняла все задания по перевозкам. Опыт забайкальского машиниста стал быстро распространяться на дорогах Дальнего Востока, Сибири, Урала и Центра.

Быстрое и своевременное осуществление важных мер, разработанных партией и правительством по подготовке железнодорожных коммуникаций к войне с милитаристской Японией, позволило советскому командованию реализовать перед началом боевых действий все основные цели.

Весной 1945 г. продолжалось обновление материальной части советских войск, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, особенно за счет танков Т-34 и других видов вооружения.

В мае–июле 1945 г. железнодорожники доставили в Забайкалье и на Дальний Восток 136 тыс. вагонов с войсками и различными гру-

зами, в том числе на Дальний Восток (по 9 августа включительно) 127126 вагонов[9]. Средняя скорость продвижения оперативных воинских эшелонов составляла до 600 км, а транспортов со снабженческими грузами – до 450км в сутки[10]. 64% всех перевозок на Дальний Восток составляли оперативные и 36% – снабженческие[11]. Почти одновременно было осуществлено перемещение сотен тысяч демобилизованных военнослужащих старших возрастов по 13 маршрутам следования на расстояние от 289 до 2702 км[12]. Летом 1945 г. на линии, расположенные восточнее Байкала, прибывало ежедневно от 22 до 30 поездов[13].

Одновременно с перевозками по Транссибирской магистрали железнодорожники выполняли значительные внутри- и межфронтовые перевозки на расстояние до 1500 км по магистралям Дальнего Востока (из района Благовещенска в Приморье). Объем внутрифронтовых воинских перемещений за май–август составил 95205 вагонов (в двухосном исчислении)[14]. Всего в течение мая–июля 1945 г. на коммуникациях Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока и на маршах в районы развертывания находилось до миллиона человек советских войск[15].

На всем своем протяжении, от Иркутска до Владивостока (4140 км), Транссибирская магистраль была передана в ведение оперативной группы Управления тыла Красной Армии при Главнокомандующем советских войск на Дальнем Востоке Маршале Советского Союза А.М.Василевском. Фронты же использовали отдельные ответвления от главной магистрали, выходящие к границам Маньчжурии и Кореи, общей длиной в 2700 км. Так, например, сосредоточение воинских соединений в Приморье осуществлялось по железной дороге Хабаровск–Владивосток, расположенной в непосредственной близости от государственной границы (в отдельных пунктах в 3–6 км). Эти перевозки требовали от работников железных дорог и командования 1-го Дальневосточного фронта максимальной скрытности, проведения специальных мер по маскировке. Как и на других фронтах, в целях дезориентации противника здесь неоднократно производились ложные перевозки войск и оборудовались ложные районы сосредоточения.

Большая удаленность Дальневосточного театра военных действий от центральных складов глубокого тыла и наличие всего лишь одной главной транспортной артерии вызвали необходимость концентрации здесь для надежного обеспечения кампании значительных запасов материальных средств. Огромную работу по организации бесперебойного движения и погрузки провело в тот период Центральное управление движения НКПС во главе с заместителем наркома путей сообщения Б.П.Бещевым и Управление воинских перевозок под руководством генерала С.Н.Кресика. К началу боевых действий, преодолев огромные трудности, железнодорожники вместе с тыловыми органами и органами военных сообщений сумели в целом удовлетворить по-

требности фронтов в необходимых грузах. Так, 1-й Дальневосточный фронт в самый канун войны с Японией имел четырехмесячный запас материальных средств[16]. Все это, разумеется, не означало, что войска не нуждались более в доставке дополнительных контингентов людей и снабженческих грузов из тыловых районов страны.

С открытием военных действий потребности фронтов в перевозках значительно возросли. Однако эксплуатационная обстановка на дальневосточных магистралях вследствие их недостаточной пропускной и провозной способности, перенакопления порожняка в пунктах выгрузки войск и грузов вновь обострилась. К середине августа 1945 г. здесь создалось тяжелое положение с продвижением и особенно с выгрузкой военно-снабженческих грузов. При плане среднесуточной выгрузки 1850 вагонов фронтами обеспечивалась выгрузка лишь 1420 вагонов[17]. Среднесуточная выгрузка, например, для Забайкальского фронта, куда направлялось около 50% всех эшелонов, перебрасываемых на Дальний Восток, к 22 августа не превышала 950 вагонов, в то время как возраставший поток поступления грузов с дорог Запада составил за 20 дней августа 1200 вагонов в сутки[18]. В результате этого на железных дорогах Дальнего Востока, по данным на 23 августа, скопилось огромное количество неразгруженных вагонов с военно-снабженческими грузами, в том числе для Забайкальского фронта — до 8500 вагонов, 1-го Дальневосточного — 5415, 2-го Дальневосточного — 3215 вагонов. В числе неразгруженных значилось 3990 вагонов с боеприпасами и вооружением, 2855 вагонов с продовольствием, 4075 цистерн с горючим и т.д.[19] Для ликвидации такого положения был принят ряд экстренных и эффективных мер, из которых особое значение имела операция по переброске 10 тыс. порожних вагонов с Дальнего Востока на западные магистрали.

Одновременно значительные силы и средства транспортников, воинских частей и местного населения были направлены на разгрузочные работы. Эксплуатационная обстановка на дальневосточной сети не замедлила улучшиться. В последующем, опираясь на помощь железнодорожных войск, советское командование стремилось по мере возможности использовать освобождаемые от противника железные дороги Маньчжурии вместе с находившимся на них подвижным составом. Однако из-за слабого развития и низкой технической оснащенности маньчжурских железнодорожных коммуникаций значительная тяжесть перевозок легла здесь на автотранспорт, действия которого постоянно координировались с работой железнодорожных магистралей.

За какие-то два месяца войска вместе с огромным количеством боевой техники, вооружением, боеприпасами и другими материальными средствами были в основном перевезены и сконцентрированы на важнейших оперативно-стратегических направлениях. И этого уда-

лось достичь благодаря четкому планированию перевозок Генеральным штабом, Центральным управлением ВОСО и НКПС, а также высокой организованности в работе, самоотверженному труду всех советских железнодорожников. Весьма большая заслуга в успешном проведении операции по перевозкам принадлежит коллективу Забайкальской дороги (начальник И.А.Корчаченко), по которой в июле–августе была переброшена главная часть воинских грузов. Транспортники этой магистрали, следуя примеру знатного машиниста И.Т.Соловьева, за шесть месяцев 1945 г. доставили к линии фронта на 811 тяжеловесных поездов больше, чем за весь 1944 г.[20] «За время этих перевозок, — свидетельствует бывший нарком путей сообщения СССР генерал-лейтенант И.В.Ковалев, — не произошло ни одного крушения или крупной аварии, была обеспечена полная безопасность движения поездов»[21].

Трудовые усилия почти трехмиллионной армии работников железнодорожного транспорта, с честью справившихся с порученными им грандиозными заданиями на заключительном этапе Второй мировой войны, явились одной из важнейших предпосылок полного разгрома советскими войсками Квантунской армии и капитуляции противника в Маньчжурии, Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах.

[1] См.: ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 2541. Л. 42, 47.

[2] Цит. по: *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 42.

[3] Там же.

[4] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5: Победоносное окончание войны с фашистской Германией. Поражение империалистической Японии (1945 г.). М., 1963. С. 398–399.

[5] *Гришин М.* Военные сообщения в кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке (9 августа — 2 сентября 1945 г.). М., 1960. С. 21.

[6] См.: Там же. С. 23.

[7] См.: *Терехин К.П., Таралов А.С., Томашевский А.А.* Воины стальных магистралей. Краткий военно-исторический очерк о железнодорожных войсках Советской Армии за 50 лет. М., 1969. С. 228.

[8] См.: ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 33а. Д. 254–1. Л. 26.

[9] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1943. Т. 5. С. 551; *Гришин М.* Военные сообщения в кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. С. 27.

[10] *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. С. 44.

[11] См.: *Гришин М.* Военные сообщения в кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. С. 27.

[12] ЦА МПС. Ф. 33. Оп. 303. Д. 6. Л. 41–41 об.

[13] Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 г. М., 1969. С. 91.

[14] *Гришин М.* Военные сообщения в кампании Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке. С. 33.

[15] Военно-исторический журнал. 1960. № 9. С. 6.

[16] См.: *Вотченко Л.Н.* Победа на Дальнем Востоке: Военно-исторический очерк о боевых действиях советских войск в августе–сентябре 1945 г. М., 1966. С. 302.

[17] ЦА МПС. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 2541. Л. 30.

[18] Там же. Л. 42.

[19] Там же. Л. 30.

[20] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 400.

[21] *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. С. 44–45.

В СОЮЗЕ ПРОТИВ ОБЩЕГО ВРАГА

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ЛЕНД-ЛИЗ. 1941–1945 гг.*

Годы Второй мировой и Великой Отечественной войн были временем создания и укрепления антигитлеровской коалиции во главе с Советским Союзом, Соединенными Штатами Америки и Великобританией.

Готовя вооруженную агрессию против СССР, Гитлер и его стратеги рассчитывали на полную изоляцию Советского государства, на невозможность объединения в борьбе с фашизмом свободолюбивых народов, понимая, что от этого зависит многое в войне с Советским Союзом и в конечном счете — осуществление нацистских планов завоевания мирового господства. Однако уже в первые дни нападения армий фашистского блока на СССР начала складываться мощная антигитлеровская коалиция. Советско-англо-американский боевой союз сорвал указанные расчеты и надежды Гитлера и явился важным фактором достижения разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Антигитлеровская коалиция была сложным явлением, поскольку включала в себя государства с различными социальными системами. Ее участники наряду с борьбой за решение общих задач преследовали во Второй мировой войне и свои различные военные, политические и экономические цели, исходившие из характера государственного строя и интересов стоящих у власти классов и партий, что, конечно, порождало известные противоречия. И они нередко осложняли усилия союзников по разгрому общего врага.

В настоящем очерке речь пойдет о такой важной стороне взаимодействия стран антигитлеровской коалиции, как экономическое сотрудничество, которое осуществлялось преимущественно в рамках закона о ленд-лизе (англ. lend-lease, от lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду), утвержденного Конгрессом США 11 марта 1941 г. В соответствии с этим законом Президент США наделялся полномочиями передавать, обменивать, давать в аренду, взаймы или поставлять иным способом боевую технику, вооружение, боеприпасы, снаряжение, стратегическое сырье, продовольствие, предоставлять различные товары и услуги, а также военную информацию прави-

---

* Очерк подготовлен в соавторстве с Л.М.Чузавковым.

тельству любой страны, если ее «оборона против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов».

Страны, которые стали получать помощь по ленд-лизу, подписывали с правительством США двусторонние соглашения, в которых предусматривалось, что поставленные по этим соглашениям различная военная техника, машины, вооружение, другие предметы, уничтоженные, утраченные или употребленные во время войны, не подлежали после ее окончания никакой оплате.

Первоначально закон о ленд-лизе распространялся на Великобританию и ряд других стран, против которых воевал третий рейх, а после начала операции «Барбаросса» — и на Советский Союз.

Уже на третий день нападения Германии на СССР президент США Франклин Рузвельт заявил, что американское правительство намерено оказать помощь советскому народу. Рузвельт понимал, что поражение Советского Союза в войне станет «катастрофой первейшего значения для Англии и Америки», ибо в случае установления нацистского господства над всей Европой и Азией фашистский рейх «будет угрожать Соединенным Штатам с обоих берегов»[1].

Взвесив все за и против, руководство США начало предпринимать некоторые подготовительные шаги по оказанию помощи СССР. При госдепартаменте был создан специальный комитет, он составил небольшой список товаров, включая военные, для их поставок в СССР. Однако различные ведомства США не спешили приступить к военно-экономическим поставкам, пересылая советские заявки друг другу.

Мнение многих американских газет в первые дни фашистской агрессии против СССР относительно боеспособности Красной Армии было однозначным: она не устоит. «Русская армия будет разгромлена в течение 30 дней», — утверждала 23 июня 1941 г. газета «Нью-Йорк дейли мирор». Если СССР «будет воевать, то сможет ли он сдержать Гитлера до наступления зимы?» — выражала свои большие сомнения «Дейли мейл».

Такого мнения придерживались некоторые видные политические и военные деятели США. Так, руководитель администрации ленд-лиза Эдуард Стеттиниус считал, что «германская армия пройдет сквозь Россию как нож сквозь масло». Военный министр США Генри Стимсон полагал, что «Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России». Такую же позицию занимали морской министр Фрэнк Нокс, министр внутренних дел Гарольд Икес, начальник штаба генерал Джорж Маршалл, министр финансов Ганс Моргентау, который писал, что «в лучшем случае капитуляция русских последует самое большее через шесть месяцев»[2].

Однако уже в первый месяц войны, когда стала проявляться несостоятельность прогноза американских военных специалистов относительно скорого поражения и капитуляции Красной Армии,

президент США Ф.Рузвельт решил в июле направить в Москву своего советника Гарри Гопкинса. Основная цель его миссии – определить, действительно ли положение Советского Союза столь безнадежно и нужно ли ему оказывать помощь поставками[3].

Во время переговоров с И.В.Сталиным Гопкинс заявил о готовности президента США обеспечить долгосрочное военно-экономическое снабжение СССР. Но решение об этом американское правительство готово принять лишь тогда, когда «будет полностью ознакомлено не только с военным положением в России, но и с типами, количеством и качеством ее вооружений, а также с ресурсами сырья и промышленным потенциалом». На вопрос Гопкинса Сталин сообщил, что Советскому Союзу крайне необходимы зенитные орудия, крупнокалиберные пулеметы, винтовки, алюминий для производства самолетов, бомбардировщики ближнего действия и высокооктановый авиационный бензин[4].

Миссия Гопкинса способствовала изменению взглядов в правительственных и военных кругах США относительно боеспособности русских. На заседании кабинета Рузвельт заметил, что с начала войны в России прошло почти шесть недель, а «мы практически ничего не сделали для поставки каких-либо материалов, о которых они просили. Откровенно говоря, русские чувствуют, что в Соединенных Штатах их водят за нос»[5]. Президент полагал, что самолеты, предназначенные для продажи Советскому Союзу, не обязательно должны быть последних моделей, а поставки могли носить «символический характер».

2 августа 1941 г. американское правительство в лице и.о. госсекретаря США Сомнера Уэллеса сообщило правительству СССР, что оно «решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. Это решение продиктовано убеждением Правительства Соединенных Штатов, что укрепление вооруженного сопротивления Советского Союза грабительскому нападению агрессора, угрожающего безопасности и независимости не только Советского Союза, но и всех других народов, соответствует интересам государственной обороны Соединенных Штатов»[6]. О желании снабдить СССР материалами, в которых он больше всего нуждался, говорилось и в совместном послании Ф.Рузвельта и У.Черчилля И.В.Сталину, полученном 15 августа 1941 г.[7]

К сожалению, несмотря на эти заявления, западные союзники не торопились осуществить их на деле. В конце лета в правительстве США обсуждался вопрос о помощи Советскому Союзу. По свидетельству министра внутренних дел США Г.Икеса, на заседании «зашел разговор о золотых запасах, которые могут иметь русские...» «По-видимому, мы стремимся к тому, – записал он в своем дневнике, – чтобы русские передавали нам свое золото в уплату за поставки, пока их золотой запас не будет исчерпан. Тогда мы и применим к России закон о ленд-лизе». 24 августа 1941 г. Конгресс США ассигновал очередные

5 млрд долл. на осуществление ленд-лиза. Однако Советского Союза в числе государств–получателей этой помощи не оказалось...[8]

4 сентября 1941 г. в беседе с советским полпредом британский премьер-министр Уинстон Черчилль откровенно заявил, что «до зимы мы не можем оказать вам никакой серьезной помощи — ни путем устройства второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия»[9].

С июня по август 1941 г. СССР получил только 128 т материалов, купленных за наличный расчет. Позади осталось более двух тяжелых месяцев войны, а США направляли своему восточному союзнику лишь инструменты и промышленное оборудование, закупленное им ранее. Кроме золота в уплату за поставки Советский Союз передавал Соединенным Штатам стратегическое сырье — марганец, хром, платину, асбест, вольфрам и др.

Следует отметить, что военно-экономические поставки Советскому Союзу из Великобритании стали поступать раньше, чем из США. 6 сентября 1941 г. Черчилль сообщил Сталину о первых готовых к отправке через «иранский коридор» ограниченных поставках на условиях, аналогичных американскому ленд-лизу[10].

Для обсуждения вопроса о взаимных поставках с 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве состоялась конференция представителей трех великих держав. Для участия в ней со стороны США прибыл специальный представитель американского Президента Аверелл Гарриман, а с английской стороны — министр снабжения лорд Вильям Бивербрук и члены делегаций. В конференции приняли участие И.В.Сталин, В.М.Молотов, К.Е.Ворошилов, А.И.Микоян и другие.

Сталин сделал «откровенный обзор военного положения» на советско-германском фронте; он подчеркнул, что германские войска пока имеют превосходство в самолетах и особенно в танках. Переходя к вопросу о поставках, он подчеркнул, что Советский Союз больше всего нуждается в танках, противотанковых орудиях, средних бомбардировщиках, истребителях, разведывательных самолетах, зенитных орудиях, броне и, «что довольно важно, в колючей проволоке»[11]. А.Гарриман назвал затребованное советской стороной количество поставок «умеренным»[12], а выступая на заключительном заседании конференции, подтвердил «получение от советского правительства крупных поставок русских сырьевых материалов, которые значительно помогут производству вооружения в наших странах»[13]. В служебной информации о конференции В.М.Молотов констатировал, что она прошла «в общем успешно»[14].

В соответствии с секретным протоколом Московской конференции, подписанным главами делегаций Гарриманом, Бивербруком и Молотовым, Соединенные Штаты и Великобритания с учетом пожеланий Советского Союза определили свыше 70 основных видов поставок и более 80 предметов медицинского снабжения. С 1 октября

1941 по 30 июня 1942 г. западные союзники согласились направлять ежемесячно в Советский Союз 400 самолетов, 500 танков, зенитные и противотанковые орудия, а также другие виды оружия, военной техники, стратегических материалов, сырья, снаряжения и т.п.[15]

30 октября 1941 г. Президент США Рузвельт сообщил в Москву о решении его правительства предоставить Советскому государству беспроцентный заем на сумму до 1 млрд долл., а 7 ноября он на основании принятого Конгрессом США постановления подписал документ о распространении закона о ленд-лизе на Советский Союз.

В соответствии с Первым протоколом Соединенные Штаты обязались поставить СССР с октября 1941 по 30 июня 1942 г. 900 бомбардировщиков, 900 истребителей, 1125 средних и столько же легких танков, 85 тыс. грузовых машин и т.д. Фактически за это время было получено только 267 бомбардировщиков (29,7%), 278 истребителей (30,9%), 363 средних танка (32,3%), 420 легких танков (37,3%), 16502 грузовика (19,4%) и т.д.[16] По признанию Гарримана, американцы выполнили лишь четвертую часть обязательств, взятых ими на себя на Московской конференции.

В феврале 1942 г. Ф.Рузвельт выделил второй миллиард долларов на военно-экономическую помощь СССР и при этом выразил желание пересмотреть условия предоставления кредита. Это предложение и вопросы, связанные с открытием второго фронта в Европе в 1942 г., рассматривались в мае в Вашингтоне во время поездки туда В.М.Молотова в мае того же года. Был подготовлен Второй протокол на один год. По этому протоколу первоначально намечалось поставить Советскому Союзу 8 млн т материалов. В весенних посланиях 1942 г. главе советского правительства руководители двух западных великих держав вновь заверяли его о своем твердом желании оказывать помощь Советскому Союзу «лучше, чем мы это делали до сих пор»[17]. Однако вскоре общий объем военно-экономических поставок без каких-либо серьезных причин был сокращен Рузвельтом до 2,5 млн т. А летом 1942 г., в чрезвычайно тяжелый для СССР период, когда немецкие дивизии рвались к Кавказу и Волге, западные союзники прекратили отправку для Красной Армии конвоев с военными грузами Северным путем. Оправданием послужила гибель 2–5 июля в Баренцевом море англо-американского конвоя PQ-17. Из 35 его транспортов до порта назначения дошли лишь 11. В трюмах осталось 430 танков, 210 бомбардировщиков, 3350 автомашин и 99316 т груза[18]. В мае 1942 г. адмирал Паунда в письме американскому адмиралу Э.Кингу признался, что «арктические конвои становятся для нас камнем на шее...»[19]

Между тем, когда поставки союзников были сокращены, на южном крыле советско-германского фронта сложилась особенно напряженная обстановка. На сталинградском направлении противник превосходил советские войска в таких средствах вооруженной борьбы,

как артиллерия, танки, боеприпасы. Но особо острый недостаток ощущался в истребительной авиации. Видимо, чтобы подчеркнуть это обстоятельство, в послании Рузвельту 7 октября 1942 г. Сталин писал, что «за последние месяцы наше положение на юге, особенно в районе Сталинграда, ухудшилось из-за недостатка у нас самолетов, главным образом истребителей... Немцы имеют на юге минимум двойное превосходство в воздухе...» Признавая эти нужды[20], американское правительство не ответило тогда согласием увеличить поставки самолетов-истребителей современного типа (например, «Аэрокобра»), о чем просил глава советского правительства[21].

Исход битвы под Сталинградом показал, что крепнущее военное хозяйство СССР способно самостоятельно обеспечить Красную Армию всеми необходимыми средствами вооруженной борьбы для разгрома врага. Тем не менее американо-английские поставки по-прежнему сохраняли свое значение. До затянувшегося открытия второго фронта это был реальный вид помощи советскому народу в борьбе против общего врага.

В 1943 г. Соединенные Штаты и Великобритания располагали благоприятными возможностями для значительного увеличения и бесперебойной доставки военно-экономических поставок Советскому Союзу. Сообщив 27 января 1943 г. Сталину об итогах конференции в Касабланке, где по существу было принято решение об отказе открытия второго фронта в текущем году, Черчилль и Рузвельт заявили: их желание состоит в том, чтобы «направить в Россию максимальный поток снабжения. Мы не пожалеем никаких усилий, чтобы отправлять Вам материальную помощь в любом случае, всеми возможными путями»[22]. И действительно, с начала года поставки заметно выросли. В январе было направлено, в том числе Северным морским путем, 1 258 055 т различных материалов, а в феврале – 1 342 055 т[23].

Советский народ с благодарностью принимал эту помощь. Выступая 11 марта в Вашингтоне, посол СССР в США М.М.Литвинов подчеркнул, что хотя значительную часть военных материалов его государству пришлось производить самому, тем не менее помощь, полученная по ленд-лизу, «глубоко ценится народами Советского Союза»[24].

Однако весной, когда после зимнего наступления Красная Армия испытывала острую потребность в военно-экономических поставках, западные союзники приостановили отправку грузов в СССР северным путем по причине нехватки транспортных средств и военных судов для их сопровождения.

По поводу прекращения поставок по северной трассе в послании Сталина Черчиллю и Рузвельту от 2 апреля 1943 г. говорилось:

«Я понимаю этот неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу

со стороны Великобритании и США, так как путь через Великий океан ограничен тоннажем и мало надежен, а южный путь имеет небольшую пропускную способность, ввиду чего оба эти пути не могут компенсировать прекращение подвоза по северному пути. Понятно, что это обстоятельство не может не отразиться на положении советских войск»[25].

Стремясь, по признанию Черчилля, «в некоторой степени» смягчить «чувство досады по поводу перерыва в отправке северных конвоев»[26], британский премьер-министр в послании Сталину 10 апреля 1943 г. сообщил о намечаемых поставках Советскому Союзу через Иран самолетов-истребителей (375 «Харрикейнов», 285 «Аэрокобр» и «Китигауков»), снимаемых с отмененных конвоев. Все эти самолеты, указывалось в послании, по разрабатываемым «день и ночь» планам предполагалось направить Советскому Союзу «по возможности скорее другими путями»[27]. Черчилль пообещал также направить на советско-германский фронт Красной Армии несколько «Харрикейнов», вооруженных 40-мм пушками для борьбы «против германских бронетанковых сил»[28]. Через два дня в своем ответе глава советского правительства отметил, что эти поставки «для нас весьма ценны». Что касается предложения «послать нам 60 самолетов "Харрикейн IID" с пушкой 40 мм», то он подчеркнул — такие самолеты «очень нужны, особенно против тяжелых танков»[29].

Когда 30 июня истек срок действия Второго протокола, результаты его выполнения оказались следующими. Согласно американским данным, вместо 4,4 млн т различных материалов, причитавшихся по союзным протокольным обязательствам, в Советский Союз было отправлено только 3 054 299 т, или около 69,5%[30]. От США было получено 3 816 самолетов, 1 206 танков, 62 292 автомата, 93 713 автомобилей, 10 200 мотоциклов, 59 240 т взрывчатых веществ, 749 890 т металла, 213 488 т нефтепродуктов, 997 783 т продовольствия, а также имущество связи, промышленное оборудование и изделия легкой промышленности[31].

Весной 1943 г. в Лондоне, в связи с приближавшимся окончанием срока действия Второго протокола, начались переговоры между представителями трех великих держав о заключении Третьего протокола о поставках по ленд-лизу. Проходили они в довольно сложной обстановке. Отказ Черчилля и Рузвельта от открытия второго фронта в Европе привел к заметному охлаждению отношений между СССР и его западными союзниками.

В ходе переговоров о заключении Третьего протокола американский посол в СССР У.Стэндли и ряд членов делегации США предпринимали попытки обусловить подписание соглашения включением пункта, разрешавшего доступ военных атташе союзников в Москве к закрытой советской военной и экономической информации. Серьез-

ные разногласия возникли при обсуждении номенклатуры и размеров поставок, подавляющую часть которых по-прежнему составляли американские материалы. Великобритания и Канада решили направить в СССР лишь небольшое количество истребителей и некоторые виды промышленного оборудования, сырья, а также танки («Валентайн»), бомбардировщики («Москито») и грузовики (до 13 700 шт.)[32].

Что касается других советских заявок, то они принимались не полностью (см. табл. 1).

Таблица 1

Заказы СССР по Третьему протоколу*

Наименование поставок	*Единица измерения*	*СССР запрашивал*	*США предоставляли*	*% от советской заявки*
Самолеты	шт.	8160	3452	42,3
Танки	"	не запрашивал	3000**	
Радиоаппаратура	"	26880	26880	100
Локомотивы	"	3000	500	16,6
Жел.-дор. платформы	"	10000	7000	70,0
Алюминий	кор. т***	80640	35700	44,2
Зерно	"	1680000	1180000	70,2
Сталь	"	849730	710000	83,5

* См.: US Department of State. Publication 2579. Soviet Supply Protocols. P. 56–58, 60, 61, 66,68,75.

** Танки предоставлялись вопреки советским заявкам

*** Здесь и далее вес указывается в коротких тоннах (короткая, или судовая, тонна равна 907,2 кг).

Во время переговоров Советскому Союзу было отказано в предоставлении шести заводов по изготовлению синтетического каучука, завода по производству толуола, завода авиационных запчастей и ряда других предприятий. Американская сторона отклонила заявки на поставку 22 тральщиков, 12 морских охотников, 20 морских буксиров и еще нескольких боевых судов.

Несмотря на решающее значение Советского Союза в борьбе против общего врага, США продолжали большую часть ленд-лизовских товаров передавать Великобритании. Если за время действия Второго протокола СССР получил поставок, которые составляли 26,4% всех ассигнований по ленд-лизу, то Англия – 41,8%[33].

Осенью 1943 г. переговоры в Лондоне завершились подписанием Третьего протокола. К этому времени поставки конвоев в советские северные порты Мурманск и Архангельск так и не возобновились. В памятной записке наркома иностранных дел СССР В.М.Молотова, врученной в этом месяце послу Великобритании А.Керру, отмечалось, что «дальнейшее откладывание отправки северных конвоев по мотивам опасности плавания в Северной Атлантике лишено всякого основания»[34].

Союзники направили конвои в СССР по северному пути лишь во второй половине ноября. До конца года в советские северные порты прибыло всего только семь конвоев, включая один конвой первой половины 1943 г., или 121 транспорт, тогда как в 1942 г. – тринадцать конвоев, или 235 транспортов[35].

Характерно, что в период наибольшего напряжения на советско-германском фронте – накануне и во время Курской битвы – союзные поставки в СССР сократились. Если в апреле 1943 г. их объем в долларовом выражении составлял 210 млн, то в июле уменьшился до 139 млн[36]. Заметно поднявшись в августе 1943 г. за счет южного и дальневосточного путей подвоза до 313 млн долл., он вновь снизился в октябре до 263 млн[37], когда развернулась битва за Днепр.

Ради справедливости отметим, что в течение восьмимесячного нефункционирования северных конвоев в 1943 г. несколько увеличились ленд-лизовские поставки Советскому Союзу через Иран и Дальний Восток, хотя они и не достигли обещанных размеров.

В течение лета и осени 1943 г. советские вооруженные силы разгромили 50 дивизий противника в сражениях на Курской дуге и при сокрушении Восточного вала на Днепре. В результате окончательно был достигнут переход стратегической инициативы в пользу антигитлеровской коалиции.

К концу 1943 г. позиции СССР и его западных партнеров по ряду проблем военно-экономического сотрудничества заметно сблизились. Этому во многом способствовали состоявшиеся международные встречи союзников – прежде всего конференция министров иностранных

дел в Москве (19–30 октября 1943 г.) и Тегеранская конференция глав правительств трех великих держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г.).

Более конструктивный характер приобрели отношения Соединенных Штатов с Советским Союзом. По свидетельству государственного секретаря США Кордэлла Хэлла, во второй половине 1943 г. внимание Вашингтона «сконцентрировалось на более важных проблемах, касающихся великой нации и полноправного союзника – Союза Советских Социалистических Республик»[38]. На встрече Рузвельта и Черчилля в Квебеке (14–24 августа 1943 г.) американская делегация располагала весьма примечательным документом, подготовленным Объединенным комитетом начальников штабов, в котором, в частности, говорилось: «Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь, и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы»[39]. Под давлением Рузвельта британский премьер вынужден был согласиться на открытие второго фронта в Европе в 1944 г. – операция «Оверлорд», о чем участники совещания в Квебеке 26 августа 1943 г. известили Сталина[40]. (Правда, дата начала высадки союзников была предусмотрительно не указана.)

1944 год прошел под знаком дальнейшего укрепления советско-англо-американских отношений, включая и военно-экономическую область. Антигитлеровская коалиция сумела и в этом году противостоять попыткам третьего рейха и его агентуры расколоть ее ряды, используя внутренние разногласия западных союзников и СССР, во многом определявшиеся различием их общественного и государственного строя. В главных же вопросах удалось выработать общую линию, на что указал Сталин в докладе 6 ноября 1944 г. «Дело не в разногласиях, – подчеркнул он, – а в том, что разногласия не выходят за рамки допустимого интересами единства трех великих держав и в конечном счете разрешаются по линии интересов этого единства»[41].

С самого начала 1944 г. Советский Союз продолжал уделять постоянное внимание западным поставкам по ленд-лизу. 11 февраля в Оттаве было подписано важное советско-канадское соглашение «О принципах, относящихся к предоставлению Канадой военных поставок СССР». Оно определило порядок канадской военно-экономической помощи, когда после 1 июля 1943 г. она была выведена из английских обязательств и стала осуществляться самостоятельно. Первые месяцы 1944 г. были отмечены значительным увеличением поставок союзниками военной продукции, стратегического сырья, промышленного оборудования и продовольствия.

В связи с этим следует сделать небольшое отступление. В предшествующие годы войны советская печать и радио нерегулярно и довольно скупо освещали все то, что было связано с экономической помощью по ленд-лизу. Это, естественно, вызывало на Западе не только недоумения и вопросы, но и давало повод для критики такой позиции

руководства СССР и особенно для различных антисоветских клеветнических измышлений. Характерным в этом отношении явилось недружелюбное по сути выступление в начале марта 1943 г. перед американскими журналистами посла США в Москву У.Стэндли, который, в частности, заявил: «Русские власти, похоже, хотят скрыть тот факт, что они получают помощь извне. По всей вероятности, они хотят, чтобы их люди верили, что Красная Армия воюет в одиночку»[42].

Этот случай оставил определенный осадок в советско-американских отношениях[43]. Однако он не прошел бесследно. Во всяком случае уже 16 марта 1943 г. в газете «Известия» был напечатан обширный материал, посвященный союзным поставкам СССР. И с этого времени советские официальные власти стали более регулярно информировать общественность о состоянии дел, связанных с ленд-лизом. 11 июня 1944 г. в советской печати были опубликованы данные Наркомата внешней торговли СССР о поставках Советскому Союзу вооружения, стратегического сырья и продовольствия Соединенными Штатами Америки, Великобританией и Канадой за весь предшествующий период и по 30 апреля 1944 г., когда еще действовал Третий протокол, срок которого истекал 30 июня того же года. В преамбуле этого материала Наркомвнешторга подчеркивалось, что, «снабжая Советский Союз... ценными материалами, Соединенные Штаты Америки, Великобритания и Канада содействуют успехам Красной Армии в деле освобождения родной земли от фашистских захватчиков и в деле ускорения общей победы союзников над гитлеровской Германией и ее сателлитами»[44]. Вот лишь некоторые данные об этом. В документе правительства сообщалось, что за период с 1 октября 1941 по 30 апреля 1944 г. Соединенные Штаты отправили в СССР 8,5 млн т поставок на сумму 5357 млн долл. Из них прибыло в Советский Союз 7,4 млн т на сумму 4612 млн долл., в том числе за 4 месяца 1944 г. – 2,1 млн т. Потери в пути составили 1,1 млн т[45].

Великобритания за период с 22 июня 1941 по 30 апреля 1944 г. отправила 1150 тыс. т поставок. Из указанного количества 319 тыс. т вооружения было предоставлено без оплаты в порядке военной помощи; 815 тыс. т оборудования, сырья и продовольствия на сумму 6837 млн ф. ст. было отправлено на основе соглашения от 16 августа 1941 г.; 2 тыс. т грузов на сумму 0,5 млн ф.ст. – за наличный расчет в самом начале войны. Из отправленного количества СССР получил 1041 тыс. т грузов, в том числе в 1944 г. – 144 тыс. т. Потери в пути составили 109 тыс. т[46].

Из Канады было направлено в Советский Союз 450 тыс. т поставок на общую сумму 187,6 тыс. долл. Прибыло 355 тыс. т[47].

Всего три западные союзные державы отправили в СССР 10,1 млн т различных материалов, из которых он получил 8,796 млн т. Потери в пути, таким образом, составили 1,306 млн т, причем подавляющая их часть пришлась на американские грузы[48].

В информационной справке Наркомата внешней торговли СССР сообщалось и о военной продукции, которая поступила от США, Великобритании и Канады в Советский Союз. К 30 апреля 1944 г. от них было получено 12256 самолетов, 9214 танков, 220817 автомашин и других транспортных средств, 3730 зенитных орудий, 245 тыс. телефонных аппаратов, 2073 млн автопокрышек, 241 паровоз, 1154 платформы, 476 тыс. т авиабензина, 1160 тыс. т стали, 26839 металлорежущих станков, 263 передвижные электростанции, другое энергосиловое оборудование общей мощностью 288 тыс. кВт, 2337 млн т продовольствия и другие материалы[49].

Союзные поставки и в 1944 г. являлись полезным дополнением к продукции, которую давали фронту труженики советского тыла. В приказе от 1 мая 1944 г. Верховный Главнокомандующий указывал, что успехам Красной Армии «в значительной мере содействовали наши великие союзники, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, которые держат фронт в Италии против немцев и отвлекают от нас значительную часть немецких войск, *снабжают нас весьма ценным сырьем и вооружением*»[50] (выделено нами. — *Авторы*).

В начале 1944 г. открылись переговоры о содержании Четвертого протокола поставок Советскому Союзу. Согласно проекту новый протокол предполагалось заключить на период с 1 июля 1944 по 30 июля 1945 г. По его условиям Соединенные Штаты должны были предоставить Советскому государству в течение этого периода 5,7 млн т различных поставок. Правительство США обязывалось также удовлетворить дополнительные советские заявки на материалы, необходимые СССР для ведения войны на Дальнем Востоке. Как и в соответствии с предыдущими протоколами, основная часть советских потребностей удовлетворялась Соединенными Штатами Америки. Из общего количества (5,7 млн т) 2,7 млн т различных материалов должно было быть доставлено по тихоокеанскому маршруту и 3 млн т — через Атлантику[51].

При ведении переговоров о заключении Четвертого протокола все большее влияние в американской делегации приобретали такие деятели США, как сенатор А.Ванденберг, глава американской военной миссии в СССР Д.Дин, заместитель госсекретаря Дж.Грю, руководитель иностранной экономической администрации США Л.Кроули и ряд других, выступавших за пересмотр отношений с Советским Союзом, за сокращение поставок по ленд-лизу. В мае 1944 г. начальники штабов представили президенту США Рузвельту конкретные предложения, которые сводились к тому, чтобы американская помощь оказывалась только тем союзным войскам, которые участвуют в войне против Японии. Тогда же Дин предложил удовлетворить заявку СССР на тяжелые бомбардировщики только в том случае, если он предоставит американской стратегической авиации, действовавшей против Японии, базы на советской территории[52]. Это предложение главы

американской военной миссии в СССР не прошло. В силу ряда причин, включая и настойчивость советской делегации, ее заявки при переговорах удовлетворялись полнее, чем раньше (см. табл. 2).

Таблица 2

Заявки СССР по Четвертому протоколу*

Наименование поставок	*Единица измерения*	*Всего запрашивалось СССР*	*Предоставлялось США*	*% удовлетворения советских заявок*
Самолеты	шт.	4190	3020	72,0
Танки	"	3173	3173	100
Автомобили	"	165048	143330	86,7
Арттягачи	"	5000	2200	44,0
Взрывчатые вещества	кор. т	65000	60000	92,0
Радиостанции разл.	шт.	12291	12253	99,6
Паровозы	"	1564	1585	101,5
Жел.-дор. платформы	"	14549	12244	84,1
Сталь	т	951486	860421	90,4
Консервированное мясо	"	408000	951000	233,0

При выработке окончательных условий соглашения возникли новые разногласия, в результате которых в 1944 г. Четвертый протокол подписан не был, хотя, как заявил 26 декабря 1944 г. на пресс-конференции госсекретарь США Э.Стеттиниус, американские поставки материалов Советскому Союзу послѐ 30 июня (срок истечения действия Третьего протокола. — *Авторы*) продолжаются в соответствии с условиями Четвертого протокола, несмотря на то, что он еще не подписан[53].

Всего в 1944 г. союзники предоставили Советскому государству различных поставок 6217622 т[54]. Общая же стоимость материалов, переданных только Соединенными Штатами, составила 3 млрд 195 млн

* См.: SSP. P. 141–146, 156.

182 тыс. долл., или 30,3% всех ленд-лизовских ассигнований. За это же время Великобритания получила от США материальную помощь на сумму 4 млрд 737 млн 937 тыс. долл., или соответственно 45%[55].

В течение года от трех западных союзных держав было получено 5749 самолетов, 2613 танков, 129100 грузовых машин, 1100 паровозов, 18 600 металлорежущих станков и другие материалы[56]. Все эти поставки превышали то, что доставлялось в СССР в течение каждого года из предыдущих военных лет. Однако по сравнению с неуклонно возраставшими потребностями Красной Армии они продолжали оставаться незначительными, тем более, что почти все протокольные обязательства союзников недовыполнялись. Так, количество переданных Советскому Союзу танков составило 9% советского производства 1944 г., самолетов — 14%, стали — 6,1% и т.д. Наиболее значительными оказались поступления автотранспорта, хотя на 1 января 1945 г. импортные автомашины составляли только 30% всего автопарка Красной Армии, или 199500 машин[57]. Поэтому основные потребности советских вооруженных сил и в 1944 г. удовлетворялись военной экономикой СССР. «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов», — констатировал Ф.Рузвельт 20 мая 1944 г. в Конгрессе США[58].

17 апреля 1945 г. в г. Оттаве (Канада) был, наконец, подписан Четвертый протокол о поставках Советскому Союзу в целях оказания помощи в ведении войны против фашистского блока на период с 1 июля 1944 по 30 июня 1945 г. Основу протокола составил окончательный список советских заказов, представленный в ноте советского правительства от 30 октября 1944 г. Но и в этом документе союзники не удовлетворили пожелания СССР о выделении ему 540 тяжелых бомбардировщиков, 120 транспортных самолетов, 7500 т пороха, 16 танкеров, некоторых видов оборудования и сырья. Вместо 600 средних бомбардировщиков союзники выделяли 300, вместо 120 летающих лодок — 30, вместо 72 морских охотников — 23, вместо 962 танковых тягачей — 400 и т.д. В протокол были включены отдельным разделом дополнительные заявки Советского Союза на стратегические материалы, необходимые ему в предстоящей войне с милитаристской Японией[59].

Несмотря на подписание Четвертого протокола и усилия советского правительства, направленные на всемерное укрепление взаимопонимания и сотрудничества между СССР, США и Великобританией, в отношениях между ними, особенно после внезапной смерти Ф.Рузвельта (12 апреля 1945 г.) стало нарастать напряжение. 23 апреля 1945 г. на заседании американского правительства под председательством президента США Гарри Трумэна решено было использовать в качестве средства давления на СССР ограничение ленд-лизовской помощи Советскому Союзу. 8 мая глава Комитета помощи иностранным государствам Л.Кроули и исполнявший обязанности госсекретаря США

Джозеф Грю предложили президенту Трумэну подписать одобренный ранее, но не подписанный Ф.Рузвельтом, приказ об ограничении поставок по ленд-лизу в СССР после капитуляции Германии.

Такие действия новой администрации США вызвали отрицательную реакцию со стороны советского руководства и осуждение американской общественности. Это заставило Трумэна предпринять определенные шаги для смягчения создавшейся напряженности в советско-американских отношениях (учитывая большую заинтересованность США в скорейшем вступлении Советского Союза в войну с Японией). С этой целью президент принял решение послать в Москву с «разъяснительной миссией» Гарри Гопкинса, известного сторонника советско-американского сотрудничества. Несмотря на болезнь, Гопкинс принял предложение Трумэна, и его поездка в Москву сыграла положительную роль. 26 мая 1945 г. состоялась его беседа в Кремле с И.В.Сталиным. Затронув вопрос об ограничении ленд-лизовских поставок в СССР, глава советского правительства заявил: «Несмотря на то что это было соглашением между правительствами, действие его было прекращено неожиданным и оскорбительным образом». Сталин выразил озабоченность ухудшением советско-американских отношений, заметив, что отношение Соединенных Штатов к Советскому Союзу охладело после того, как выяснилось, что Германия побеждена, и, как говорит народ, после того, как Соединенные Штаты убедились, что Советский Союз им более не нужен. В заключение он указал, что «если отказом от дальнейших поставок по ленд-лизу имелось в виду оказать давление на русских с целью сделать их более уступчивыми, то это было большой ошибкой... репрессии, в какой бы форме они ни применялись, приведут к диаметрально противоположному результату»[60].

Гопкинс попытался дезавуировать сложившееся у советского руководителя представление об отходе США от союзнической политики доверия, основанной на взаимопонимании, и пообещал в конструктивном духе проинформировать обо всем Президента Соединенных Штатов Америки. Вскоре после возвращения Гопкинса в Вашингтон Трумэн отменил злополучный приказ, хотя поставки были ограничены категорией «необходимого для войны с Японией».

Всего в период с 1 июля 1944 по 12 мая 1945 г. США и Англия отправили Советскому Союзу 5294336 т различных поставок. Только американской стороной было передано 1157373 т продовольствия, 748740 т нефтепродуктов, 1122596 т различных металлов[61], а также 3450 самолетов, 63 тыс. грузовиков, вооружение, промышленное оборудование, стратегическое сырье и другие материалы[62].

Как уже отмечалось выше, большая заинтересованность США в участии Советского Союза в войне против Японии явилась одной из главных причин отмены приказа Трумэна и возобновления американских поставок своему восточному союзнику по антигитлеровской

коалиции. За период с 13 мая по сентябрь 1945 г. Соединенные Штаты отправили в Советский Союз 1541699 т различных грузов общей стоимостью 3 млрд 14 млн 936 тыс. долл.[63] Причем около 87,5% этих поставок следовали в дальневосточные порты СССР, в том числе 37160 т нефтепродуктов, 235607 т продовольствия, а также 245 самолетов, 56 танков, 12 тыс. грузовиков и другие товары[64].

В целом ленд-лизовские поставки положительно сказались как при подготовке советских войск к дальневосточной кампании, так и во время боевых действий Красной Армии против Японии. Однако следует отметить, что в этот период решающую роль в снабжении вооруженных сил СССР сыграла советская военная экономика. С 1 декабря 1944 по 1 апреля 1945 г. только в войска Дальневосточного и Забайкальского фронтов было отправлено выпущенных военной промышленностью СССР 4640 минометов, 2200 орудий, 410 млн патронов, 3,2 млн снарядов[65]. В частях и соединениях, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке и в Забайкалье, производилась замена устаревшей бронетанковой техники модернизированными танками Т-34. Только с апреля по май 1945 г. туда было отправлено 670 машин[66]. Кроме того, создавались большие танковые резервы, которые предназначались для оснащения войск, перебрасывавшихся с западных фронтов к дальневосточным рубежам без материальной части. Так, 6-я гвардейская танковая армия, оставившая свои боевые машины в Европейской части СССР, быстро прибыла на Дальний Восток, где получила новые танки, поступившие туда непосредственно с уральских заводов[67]. Наряду с этим в 1944 г. и в первом полугодии 1945 г. вводятся в срок действующих судоремонтный, химический, автосборочный и снаряжательный заводы, расширяются производственные мощности нескольких самолетостроительных, нефтеперегонных и авиамоторных заводов. Сотни дальневосточных предприятий переключаются на производство боеприпасов, военного снаряжения, санитарного оборудования, инженерных средств[68]. В результате к началу боевых действий в советских войсках, подготовленных к участию в кампании на Дальнем Востоке, насчитывалось 26137 орудий, 5556 танков, 3446 боевых самолетов и много другой техники отечественного производства[69].

Прежде чем подвести итоги и дать общую оценку роли, места и значения ленд-лизовских военно-экономических поставок, остановимся на основных маршрутах, по которым осуществлялась помощь Советскому Союзу из США, Англии, а с 1943 г. и из Канады.

Таких маршрутов было четыре. Первый из них — *Северный* — занимал особое место в доставке союзных материалов. Он был самым коротким, хотя его протяженность через Северную Атлантику составляла 1800–2000 миль, а продолжительность перехода 10–14 суток. Но этот путь являлся и самым рискованным. Гитлеровское командование понимало значение морских перевозок союзников СССР, направив в Северную

Атлантику свыше 100 подводных лодок, большое количество надводных кораблей и военно-морскую авиацию. Всего за время войны в Советский Союз был проведен 41 конвой в составе 797 транспортов. Ими удалось доставить, по американским данным, 3 964 231 т различных материалов, или 22,7% от общего количества отправленных грузов[70]. Из СССР в союзные страны в тот же период убыло 36 конвоев в составе 726 судов. За военные годы гитлеровцы потопили 83 транспорта (из них 7 советских) и 15 кораблей охранения (из них 2 советских), направлявшихся в Мурманск, Архангельск, Молотовск (Северодвинск) и другие порты[71]. В свою очередь, англо-американские и советские корабли и самолеты, действовавшие в Арктике, уничтожили 27 вражеских подводных лодок, 2 линкора и 3 эсминца[72].

Второй путь — *Южный* — проходил через Южную Атлантику, Персидский залив, Ирак и Иран в Армянскую, Азербайджанскую и Туркменскую советские республики. Через это южное направление Советскому Союзу передавались танки, самолеты, автомашины, взрывчатые вещества, порох, авиационный бензин и другие важные материалы.

Необходимость создания «Персидского», или «Иранского» коридора была тесно связана с резко возросшей опасностью использования Северного пути. После трагической гибели каравана PQ-17 Черчилль счел необходимым запретить следования конвоев по данному опасному маршруту на несколько месяцев до наступления полярной ночи. Одновременно союзники предприняли довольно эффективные меры по скорейшему вводу в действие южного направления следования военно-стратегических товаров. Еще 19 сентября 1941 г. английский премьер-министр писал главе советского правительства: «Я придаю большое значение вопросу об открытии сквозного пути от Персидского залива до Каспия не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организаторскими способностями»[73]. Силами английских и американских войск были капитально реконструированы иракские и иранские порты, увеличена пропускная способность железных и автомобильных дорог и сооружены новые коммуникации, авто- и авиасборочные заводы и т.д.

Большое число ленд-лизовских грузов перевозили морские суда в порты Персидского залива. В Иране и Ираке с участием советских специалистов ВВС была налажена сборка самолетов, которые доставлялись в разобранном виде сухопутным и водным транспортом. Для приемки собираемых самолетов и последующей их перегонки воздушным путем в Советский Союз была организована в Абадане специальная авиабаза. Ее первым командиром стал полковник И.Муравьев, а после его трагической гибели в авиакатастрофе — генерал-майор И.Образков.

Поставки самолетов на авиабазу в Абадане стали неуклонно расти. Если до 1 апреля 1943 г. советские представители приняли от американ-

ской администрации базы 1025 самолетов, то с 1 июля 1943 по 30 июня 1944 г. было собрано и отправлено в СССР уже около 2900 самолетов[74].

Транзитом грузов через Иран руководил генерал-майор Л.И.Зорин, который в своей небольшой, но весьма интересной книге воспоминаний «Особое задание» подчеркивал:

> *«Операция по ленд-лизу интересна прежде всего как новая форма международного сотрудничества, впервые в истории осуществленная в годы Второй мировой войны, в чем отдавали себе отчет многие политические деятели США. Американские участники поставок грузов Советскому Союзу признавали, что "операция через Персидский коридор представляла собой эксперимент международного сотрудничества, не имеющего себе равного в истории"»*[75].

Всего с ноября 1941 по май 1945 г., по американским данным, в порты Персидского залива было отправлено 4 159 117 т различных материалов, или 23,8% от общего количества поставок по всем маршрутам[76]. В 1945 г. значение иранского пути упало, и в мае поставки по нему были прекращены.

Третий маршрут проходил по Тихому океану. *Тихоокеанский* или *Дальневосточный* путь являлся наиболее стабильным по доставке ленд-лизовских грузов в течение всех военных лет, и их объем по этому направлению с небольшими колебаниями неуклонно увеличивался. Так, если в 1942 г. через порты Севера поступило 40% грузов, Дальнего Востока – 35%, Персидского залива – 25%, то за девять месяцев 1943 г. – соответственно 12,5% и 38%[77]. Всего же за 1941–1945 гг. в порты советского Дальнего Востока (Владивосток, Петропавловск-Камчатский, Комсомольск-на-Амуре, Нагаево (Магадан), Николаевск-на-Амуре, Находка, Хабаровск и др.) прибыло около 2000 судов, на которых, по американским данным, было отправлено 8243397 т поставок, что составило 47,1% от их общего количества[78]. Из портов западной части США через Тихий океан грузы доставлялись транспортами, укомплектованными преимущественно гражданскими экипажами СССР. Хотя суда шли под советским флагом, опасность поджидала их на каждом километре и особенно в нейтральных и советских территориальных водах. Здесь они нередко обстреливались японскими кораблями, а три транспорта – «Ильмень», «Кола», «Трансбалт» были ими потоплены. Причем сил сопровождения на этом пути не было.

Характер поступавших по Тихоокеанской трассе ленд-лизовских грузов несколько отличался от других маршрутов. Это были главным образом нефтепродукты, станки, продовольствие, технологическое оборудование.

В завершающий период войны через Тихий океан проходили и военные корабли США, переданные по ленд-лизу Военно-Морскому

Флоту СССР. По этой программе советский Тихоокеанский флот получил за военные годы 277 боевых кораблей и судов. Кроме того, за это же время в местные морские и речные пароходства и предприятия Главсевморпути поступило по ленд-лизу около 150 судов[79].

Руководство всей этой сложной работой на Севере и Дальнем Востоке осуществляли уполномоченные Государственного Комитета Обороны — начальник Главсевморпути И.Д.Папанин (на арктическом маршруте) и начальник Дальневосточного морского пароходства А.А.Афанасьев (на дальневосточном маршруте).

Была, наконец, еще одна важная трасса — *воздушная*: через Аляску и Восточную Сибирь (сокращенно АЛСИБ), через которую доставлялись на советско-германский фронт американские ленд-лизовские самолеты. Они должны были покрыть расстояние до 14 тыс. км.

Инициатором создания этого сложнейшего маршрута выступил Советский Союз. 9 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление, согласно которому было решено срочно приступить к изысканию и строительству всего, что было связано с созданием новой авиатрассы[80]. Ее предстояло проложить в труднодоступных местах, в том числе и там, где еще не ступала нога человека, пересечь ряд горных хребтов, изыскать площадки для сооружения аэродромов, перебросить строительные материалы, оборудовать жилые и служебные помещения, организовать питание летного и технического состава (более 3 тыс. человек), завезти на аэродромы большие запасы бензина, обеспечить слаженную деятельность различных вспомогательных служб и т.п. Авиатрасса должна была вступить в строй в кратчайшие сроки.

Летом 1942 г. во время переговоров главы правительств трех великих держав подтвердили свое одобрение этой смелой советской инициативы и выразили желание оказать созданию перегоночной авиатрассы всяческое содействие. Ее строительством занимались управления ВВС, Гражданского воздушного флота и несколько подразделений Наркомата обороны СССР. Большую помощь строители получали от партийных, советских, комсомольских, хозяйственных органов и местного населения Дальнего Востока и Сибири. В невиданно сжатые сроки, в условиях вечной мерзлоты, а в зимнее время — в жесточайшие морозы, достигавшие 60°, были сооружены аэропорты, жилые и служебные здания, радиостанции, сухопутные коммуникации и многое другое. С 7 октября 1942 г. авиатрасса уже использовалась по своему назначению. Хотя она первоначально предназначалась для перегонки бомбардировщиков, переправлялись по ней главным образом истребители, что было тоже необычно, поскольку полеты по данному направлению колесных самолетов никогда не производились.

Американские летчики пилотировали самолеты до авиабазы в Фэрбенксе (Аляска), где находилась советская военная миссия во главе с

полковником М.Г.Мачиным (впоследствии генерал-лейтенант, Герой Советского Союза). Достойный вклад в освоение легендарного маршрута и обеспечение его успешного функционирования внесли прославленный авиатор Арктики, начальник Управления Красноярской воздушной трассы, Герой Советского Союза полковник И.П.Мазурук, командир 1-й перегоночной авиадивизии полковник А.Г.Мельников, начальник штаба 1-й перегоночной авиадивизии полковник И.Я.Прянишников и другие.

Перегонка самолетов США осуществлялась эстафетным методом. Передав самолеты в Красноярске (конечном пункте авиатрассы) специальной комендатуре ВВС Красной Армии, летчики возвращались к месту базирования на закрепленных за полками транспортных самолетах. Из Красноярска прибывшие самолеты переправлялись группами по воздуху на фронт.

Условия, в которых проходила поистине героическая работа по перегонке самолетов, были чрезвычайной трудности. Вот как вкратце они описываются в четырехтомном труде «Великая Отечественная война, 1941–1945»:

> *«Из-за того, что зимой в Сибири морозы достигали 60°, а в районе Оймякона доходили до 70°, самолеты на аэродромах покрывались ледяной коркой. Масло и смазка становились твердыми как камень, резина — хрупкой, лопались шланги, выводя из строя тормоза и гидравлику. Ангаров не было, поэтому все работы выполнялись под открытым небом. Советские инженеры, техники и другие специалисты умудрялись с помощью простейших приспособлений ремонтировать, разогревать и отправлять в полет самолеты. Часто в качестве подогревателей использовали большие примусы и бочки из-под бензина. В короткое летнее время возникали иные трудности: туманы, облачность, москиты, а то и лесные пожары заволакивали густым дымом большие пространства»*[81].

Создание уникальной воздушной трассы Аляска–Сибирь явилось ярким примером плодотворного советско-американского боевого сотрудничества. Согласно данным Ф.Д.Альберти – одного из исследователей этой интересной темы, во время Великой Отечественной войны удалось перегнать из Соединенных Штатов и доставить на советско-германский фронт 8094 ленд-лизовских боевых самолета, на базе которых было сформировано 250 авиационных полков[82].

* * *

Таким образом, как свидетельствует приведенный нами цифровой и фактический материал, военное сотрудничество Советского Союза с Соединенными Штатами Америки и Великобританией прошло в 1941–1945 гг. сложный и поучительный путь. Несмотря на разногла-

сия, все же наличие общей опасности позволило союзникам выработать конкретные формы военного сотрудничества и применить их для достижения победы над врагом.

Важное место в отношениях СССР с западными союзниками занимало экономическое сотрудничество. Оно осуществлялось путем оказания Советскому Союзу военно-экономической помощи в рамках принятого в США закона о ленд-лизе на основе взаимных поставок, необходимых для борьбы против Германии и ее союзников.

Всего с июня 1941 по сентябрь 1945 г. стоимость поставок от США составила 11 141,4 млн долл.[83] Значение американо-английской помощи для победы СССР в Великой Отечественной войне можно правильно понять и оценить, сравнив прежде всего количество некоторых основных видов военной продукции, произведенной в Советском Союзе, с аналогичными материалами, полученными от Соединенных Штатов и Великобритании в военные годы (см. табл. 3).

Как видно из табл. 3, союзные поставки составляли небольшой процент от общего количества основных видов военной продукции, выпущенной советской промышленностью. Удельный вес других видов импортного вооружения был еще меньше. Например, зенитные орудия составляли 2%, пистолеты — 0,8%, снаряды — 0,6%, мины — 0,1% от общего количества, произведенного в СССР[84].

Таблица 3

Советское производство вооружения и боевой техники и аналогичная продукция, полученная от союзников, с июля 1941 по сентябрь 1945 г.*

Наименование военной продукции	*Произведено в СССР, в тыс. ед.*	*Получено от США и Великобритании, в тыс. ед.*	*Процент к советскому производству*
Самолеты	136,8	18,7	13,6
Танки и САУ	102,8	11,5	11,1
Орудия (всех калибров)	482,2	9,6	1,9
Автоматы	6173,9	103,7	1,6

* См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1965. Т. 6. С. 48; История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. С. 168.

При сопоставлении отечественной боевой техники и вооружения с ленд-лизовскими аналогичными материалами важное значение имеют не только количественные показатели, но и качественные. Между тем некоторые виды военной продукции, поставляемой по ленд-лизу, оставляли желать лучшего. Так, летом 1942 г. Сталин предупреждал Рузвельта, что американские танки очень легко загораются от противотанковых средств противника[85]. Командир танкового батальона Герой Советского Союза лейтенант В.Г.Шашков, например, так отзывался об английских танках МК-311 «Валентайн»: «Эти машины во всех отношениях хуже наших: и проходимость хуже, и огневые качества. Очень неповоротливые машины. Внутри все прекрасно, как в хорошей комнате, а в бой на ней идти плохо... Получили мы эти машины в марте сорок четвертого... Была весна, такая жуткая грязь, а эти "Валентайны" пыхтят, а не идут»[86].

Не пользовалась особой популярностью у советских летчиков англо-американская авиационная техника. Несмотря на то, что Черчилль в своих посланиях Сталину усиленно расхваливал самолеты «Харрикейн», на деле они уступали советским. Это относится и к некоторым американским самолетам, в частности, к истребителям «Китигаук», о которых Сталин писал Рузвельту, что они «не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями»[87]. Лучшими летными качествами обладали истребители "Аэрокобра", хотя первоначально имели дефекты. «Из статистических данных и анализа летных происшествий по этому типу самолета, — говорилось в одном из документов командования ВВС, — выявлено, что даже очень опытные летчики с большим стажем полетов и высокой летной культурой гибнут на самолетах "Аэрокобра" из-за невозможности вывести самолет из пикирования и штопора»[88]. Об этом были поставлены в известность американские специалисты. В дальнейшем СССР получал более надежные машины. Из-за крупных потерь, которые несли части советских ВВС, оснащенные импортной техникой, в конце 1942 г. командование ВВС было вынуждено снять устаревшие импортные самолеты и передать их в тыловые части.

Недостаточно высокими были и качества англо-американских артиллерийских систем. Они уступали советским и были сложны в эксплуатации. «Не случайно Советский Союз не проявлял особой заинтересованности в получении по ленд-лизу орудий и минометов», — отмечается в многотомной «Истории второй мировой войны, 1939–1945»[89].

Довольно значительными по размерам и ценными по своему значению были поставки по ленд-лизу промышленного оборудования и стратегического сырья. За годы войны Советский Союз получил 44,6 тыс. металлорежущих станков, 517,5 тыс. т цветных металлов и

802 тыс. т проката черных металлов, 2800 тыс. т стали, 2599,9 тыс. т нефтепродуктов и другие товары[90].

Заметными оказались ленд-лизовские поставки автомобилей разных типов и марок. Первая их небольшая партия поступила в СССР в декабре 1941 г. из Великобритании, а с января 1942 г. они начали прибывать из США. Импортные автомобили шли по Северному маршруту (в Мурманск и Архангельск), по Тихоокеанскому (во Владивосток) в разобранном виде на морских судах, последующая сборка производилась на пяти отечественных заводах. В собранном виде основная масса автомашин поступала в Советский Союз через Иран. Сколько же их было получено? По американским данным, используемым и в нашей исторической литературе, они составили 401,4 тыс. Бывший начальник Тыла Красной Армии генерал армии А.В.Хрулёв в беседе с одним из авторов настоящего очерка сказал, что мы получили 378 тыс., а остальные были потоплены противником во время морских перевозок[91]. Такого же мнения придерживался и А.И.Микоян.

Приведенные данные выглядят весьма впечатляюще. Хотя на протяжении всей войны решающая роль в автоперевозках принадлежала все же отечественной автомобильной технике[92] (на ее долю приходилось в среднем от 70% до 80% автопарка страны). Импортные автомашины высокой проходимости оказали существенную помощь наступавшим советским войскам.

В годы войны союзные поставки по ленд-лизу коснулись и железнодорожного транспорта. К концу 1944 г., например, к отечественным паровозам, которых насчитывалось более 25 тыс., а также к 215 тыс. платформ и около 70 тыс. цистерн[93], Советское государство получило пополнение в виде 1680 паровозов (7,4%), 11300 платформ (5,2%), 120 цистерн (0,1%), большое число рельсов и другое транспортное оборудование[94].

В этой связи представляются необоснованными дилетантские утверждения филолога Б.В.Соколова, что будто бы «функционирование советского железнодорожного транспорта было бы невозможно без ленд-лиза»[95].

Важное место в военно-экономической помощи СССР со стороны западных союзников занимали продовольственные поставки. За время войны Советский Союз получил от них более 2 млн т продовольствия, в том числе от Соединенных Штатов 55,7 тыс. т, зерна, 638,7 тыс. т пшеничной муки, 672,4 тыс. т сахара, 717,6 тыс. т консервированного мяса и другие продукты[96]. В пересчете на зерно среднегодовой импорт крупы и зерна составил 0,5 млн т, или 2,8% среднегодовой заготовки зерна в СССР[97].

В этой связи можно привести ответ А.И.Микояна — члена Политбюро ЦК, ГКО и наркома внешней торговли СССР военных лет. На вопрос одного из авторов настоящего очерка о его оценке роли ленд-лиза в вооруженной борьбе Советского Союза Микоян сказал:

«Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, оцениваю очень высоко. Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы».

И, поясняя свое утверждение, добавил:

«Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым вооружением, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот, когда к нам стали поступать американская тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепадало и тылу.

Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили, насколько помню, с учетом потерь в пути около 400 тыс. первоклассных по тому времени машин типа "Студебеккер", "Форд", легковые виллисы и амфибии. Вся наша армия оказалась фактически на колесах и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления.

Да-а, без ленд-лиза мы бы наверняка еще год-полтора лишних провоевали»[98].

Количественное и качественное сопоставление некоторых важных видов поставок по ленд-лизу с тем, что было произведено в Советском Союзе, показывает полную несостоятельность утверждений конъюнктурного характера о якобы решающей роли союзной военно-экономической помощи в победе советского народа в Великой Отечественной войне. В своей книге «Воспоминания и размышления» маршал Г.К.Жуков писал:

«Действительно, Советский Союз получил от союзников во время войны важные поставки для народного хозяйства — машины, оборудование, материалы, горючее, продовольствие. Из США и Англии было доставлено, например ...400 тыс. автомобилей, большое количество паровозов, средств связи. Но разве все это могло оказать решающее влияние на ход войны? Советская промышленность достигла в годы войны огромного размаха и обеспечила фронт и тыл всем необходимым... Относительно вооружения могу сказать следующее. Мы получили по ленд-лизу из США и Англии около 18 тыс. самолетов, более 11 тыс. танков. К общему числу вооружения, которым советский народ оснастил свою армию за годы войны, поставки по ленд-лизу составили в среднем 4 процента. Следовательно, о решающей роли поставок говорить не приходится»[99].

Для определения значения поставок по ленд-лизу в победе Советского Союза в войне важны время их поступления, а также внутригодовое распределение в зависимости от оборонительных или наступательных операций Красной Армии. Статистические материалы показывают, что их наиболее значительные поступления начались с конца 1943 г., когда советские войска добились коренного перелома в вооруженном противоборстве с армиями Германии и ее союзников, а в работе тыла страны произошел общий подъем. В то же время на протяжении первых лет войны экономическая помощь в СССР была весьма неравномерной: в периоды обострения положения на советско-германском фронте она, как правило, резко снижалась, а на отдельных маршрутах вообще прекращалась. Как в свое время заметил бывший президент США Герберт Гувер, Россия в битве под Москвой «остановила немцев до того, как ленд-лиз дошел до нее». Официальные американские военные историографы Л.Лейтон и Р.Коукли в своей книге, посвященной проблемам всемирной стратегии начала 40-х годов, отмечали, что во время наивысшего напряжения в Сталинградской битве поставки из США Советскому Союзу уменьшились почти наполовину[100].

В целом американская система ленд-лиза, несомненно, сыграла положительную роль в борьбе с фашистским блоком. Но ленд-лиз давал в то же время выгоды самим Соединенным Штатам. Эта программа явилась источником обогащения военных американских компаний. Советский Союз, в свою очередь, поставил Соединенным Штатам 300 тыс. т хромовой руды, 32 тыс. т марганцевой руды, значительное количество платины, золота и т.д. на общую сумму 2,2 млн долл.[101] «Поставками из СССР, — по признанию бывшего министра торговли США Дж.Джонса, — мы не только возвращали свои деньги, но и извлекали прибыль, что было далеко не частным случаем в торговых отношениях, регулируемых нашими государственными органами»[102]. Была и другая привлекательная для США сторона ленд-лизовской программы, на что обратил внимание в своих мемуарах Президент Соединенных Штатов Г.Трумэн:

> *«Деньги, истраченные по ленд-лизу, безусловно, спасали множество американских жизней. Каждый русский, английский или австралийский солдат, который получал снаряжение по ленд-лизу и шел в бой, пропорционально сокращал военные опасности для нашей молодежи»*[103].

Достойно внимания мнение американского историка Дж.Херринга, который в своей книге о помощи Советскому Союзу во время войны констатировал:

«Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»[104].

В 1944 г. Эдвард Стеттиниус – начальник Управления по соблюдению Закона о ленд-лизе, а с конца того же года государственный секретарь США – выпустил книгу «Ленд-лиз – оружие победы», в которой по поводу союзных поставок Советскому государству признал:

«В ответ на всю эту помощь Россия уже внесла свой вклад, не измеряемый ни в долларах, ни в тоннах. Это — миллионы нацистских солдат, убитых или попавших в лагеря для военнопленных; это — нацистские танки, уничтоженные в боях, и нацистские пушки и грузовики, брошенные отступающими немецкими армиями. Русские заплатили тяжкую цену за победы, одержанные в боях ради защиты родной земли от врага, но при этом они нанесли и непоправимый ущерб нацистской военной машине, значительно сократив сроки войны»[105].

26 мая, во время встречи со Сталиным, Гарри Гопкинс, как представитель президента, касаясь вопроса об американских поставках Советскому Союзу, сказал:

«Нам известно, что американские поставки были использованы в борьбе против общего врага. Но мы никогда не считали, что поставки по ленд-лизу явились главным фактором в поражении Германии. Этого добились воины Красной Армии, которые отдавали свою жизнь и кровь в борьбе с общим врагом»[106].

В докладе, который в мае 1945 г. президент Трумэн представил американскому конгрессу, констатировалось, что советские армии были оснащены *главным образом продукцией советских предприятий* (курсив наш. – *Авторы*), хотя, по его мнению, поставки по ленд-лизу значительно ускорили темпы крупных наступлений Красной Армии[107]. Такая оценка роли и места американской экономической помощи Советскому Союзу содержалась и в послании Сталина Трумэну от 11 июня 1945 г. В этом послании говорилось:

«Соединенные Штаты Америки на протяжении всей войны в Европе поставляли Советскому Союзу в порядке ленд-лиза вооружение, стратегические материалы и продовольствие, что сыграло важную роль и в значительной степени содействовало успешному завершению войны против общего врага — гитлеровской Германии»[108].

Вскоре после победоносного окончания войны в Европе американская администрация экономической помощи иностранным государствам подготовила итоговый документ. В нем было сделано следующее заключение:

> *«...Военные материалы, которые мы поставляли по ленд-лизу, хотя и играли важную роль в достижении успеха вооруженными силами Великобритании и СССР, но, тем не менее, составляли очень небольшую часть от их общего производства вооружения и оснащения. Основные свои потребности наши союзники покрывали за счет собственного производства. Что касается Великобритании, то помощь по ленд-лизу, полученная из США, покрывала примерно одну пятую всех потребностей. Если же взять русскую армию, то наша помощь удовлетворяла ее потребности в гораздо меньшей степени»*[109].

Все поколения России по достоинству оценивают материальную помощь, предоставленную СССР союзниками по антигитлеровской коалиции. Они были и всегда будут особенно благодарны усилиям народов США и Великобритании, а равно и всем прогрессивным людям западных союзных стран, которые оказали помощь СССР в тяжелейшие военные годы.

[1] The New York Times. 1941. 26 June. P. 18.

[2] *Morgenthau H.* In Defense of the National Interest. N.Y., 1952. P. 165.

[3] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс: Глазами очевидца: В 2 т. М., 1958. Т. I. С. 525.

[4] Там же. С. 526–528.

[5] *Longer W.L., Gleason S.E.* The Undeclared War, 1940–1941. N.Y., 1953. P. 541, 560.

[6] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. М., 1946. Т. I. С. 141.

[7] См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1976. Т. 1. С. 25. (Далее – Переписка...).

[8] *Яковлев Н.Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961. С. 113–114.

[9] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1983. Т. 1: 1941–1943. С. 115.

[10] Переписка... Т. 1. С. 30–32.

[11] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 1. С. 606–607.

[12] Известия. 1941. 11 нояб.

[13] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1984. Т. 1: 1941–1943. С. 130.

[14] См.: *Сиполс В.* Великая Победа и дипломатия, 1941–1945. М., 2000. С. 40.

[15] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 140–146.
[16] История внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 439.
[17] Переписка... Т. 2. С. 14, 16.
[18] *Кузнецов Н.Г.* Предисловие // *Ирвинг Д.* Разгром конвоя PQ-17. М., 1971. С. 5.
[19] Там же. С. 9.
[20] Переписка... Т. 2. С. 31–32, 35.
[21] Там же. С. 31, 44–45.
[22] Там же. Т. 1. С. 105.
[23] *Motter T.* Persian Corridor and aid to Russia. Wash., 1952. P. 482.
[24] Правда. 1943. 13 марта.
[25] Переписка... Т. 1. С. 134.
[26] Там же. С. 133.
[27] Там же. С. 138.
[28] Там же. С. 1.
[29] Там же. С. 141.
[30] *Jones R.* The Roads to Russia: United States Lend-Lease to the Soviet Union. Oklachoma, 1969. P. 273.
[31] Ibid. P. 138, 273; 14th Report to Congress on Lend-Lease Operations. For Period Ended December 31. 1943. P. 20.
[32] См.: US. Department of State. Publication 2579. Soviet Supply Protocols. Wash. P. 51–85. (Далее – SSP).
[33] 16th Report to Congress on Lend-Lease Operations. For Period Ended June 30. 1944. P. 56.
[34] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1961. Т. 3. С. 502–503.
[35] Военно-исторический журнал. 1971. № 11. С. 29.
[36] 14th Report to Congress on Lend-Lease Operations... P. 58.
[37] Ibid.
[38] *Hull C.* The Memoirs. N.Y., 1948. Vol. II. P. 1247.
[39] См.: *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 431.
[40] Переписка... Т. 1. С. 181.
[41] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 163.
[42] *Standley W., Ageton A.* Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955. P. 343.
[43] Через несколько месяцев адмирала Стэндли сменил на посту посла США в СССР Гарриман, который немало сделал, чтобы вернуть эти отношения в прежнее русло.
[44] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. II. С. 143.
[45] Там же. С. 143–144.
[46] Там же. С. 145.
[47] Там же. С. 146.
[48] Там же.
[49] Там же. С. 143–145.
[50] *Сталин И.В.* Указ. соч. С. 143.
[51] SSP. P. 141–143.
[52] См.: *Секистов В.А.* Война и политика. М., 1970. С. 483.

[53] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. II. С. 656.

[54] *Motter T.* Op. cit. P. 482–483.

[55] См.: 14th Report to Congress on Lend-Lease Operations...; 18th Report to Congress on Lend-Lease Operations. For Period Ended December 31. 1944. P. 15.

[56] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1962. Т. 4. С. 585.

[57] Архив Института военной истории МО РФ. Инв. № 819. Л. 406; Вторая мировая война: Военное искусство. М., 1966. Кн. 2. С. 142.

[58] См.: Краткая история СССР. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1978. Ч. 2. С. 433.

[59] SSP. P. 96, 97, 104.

[60] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 622; История дипломатии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1975. Т. IV. С. 644.

[61] *Jones R.* Op. cit. P. 273.

[62] См.: 16th Report to Congress on Lend-Lease Operations... P. 28; 20th Report to Congress on Lend-Lease Operations. For Period Ended September 30, 1945. P. 22.

[63] См.: *Jones R.* Op. cit. P. 275; 20th Report to Congress on Lend-Lease Operations... P. 22.

[64] *Coakley R., Leighton R.* Global Logistics and Strategy, 1943–1945. Wash., 1968. P. 483; *Jones R.* Op. cit. P. 275; 21th Report to Congress on Lend-Lease Operations. For Period Ended June 30, 1945. P. 25.

[65] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 5. С. 559.

[66] Финал: Историко-мемуарный очерк о разгроме империалистической Японии в 1945 году. М., 1968. С. 90.

[67] Там же. С. 95.

[68] См.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 234. Оп. 3254. Д. 31. Л. 10.

[69] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 5. С. 551.

[70] Военно-исторический журнал. 1971. № 11. С. 29; *Motter T.* Op. cit. P. 484.

[71] Там же.

[72] Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1999. Кн. 4. С. 208.

[73] Переписка... Т. 1. С. 33–34.

[74] *Зорин Л.И.* Особое задание. М., 1987. С. 130–131.

[75] Там же. С. 168–169.

[76] *Motter T.* Op. cit. P. 483.

[77] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1976. Т. 6. С. 152.

[78] Морской сборник. 1946. № 11–12. С. 46.

[79] Великая Отечественная война. 1941–1945. Кн. 4. С. 212.

[80] Центральный архив Министерства гражданской авиации. Ф. 44с. Оп. 332. Д. 47. Л. 2.

[81] Великая Отечественная война, 1941–1945. Кн. 4. С. 211.

[82] Гражданская авиация СССР в суровые годы войны. М., 1990. С. 75.

[83] 21th Report to Congress on Lend-Lease Operations... P. 14.

[84] См.: *Куманев Г.А., Чузавков Л.М.* США и Англия: Военно-экономическое сотрудничество в годы Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 40.

[85] Переписка... Т. 2. С. 26.
[86] Архив Института российской истории РАН. Ф. 4. Оп. 384. Д. 2. Л. 2.
[87] Переписка... Т. 2. С. 31.
[88] История СССР. 1970. № 3. С. 220.
[89] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 6. С. 360.
[90] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. С. 48, 62.
[91] За годы войны потери следовавших в СССР союзных грузов при потоплении судов противником составили 1,3 млн т (Военно-исторический журнал. 1990. № 6. С. 39).
[92] Этот вывод убедительно подтверждают статистические данные, содержащиеся в недавно рассекреченной книге Военной академии тыла и транспорта «Автомобильный транспорт в Великой Отечественной войне, перспективы его использования в современной войне» (Л., 1960).
[93] Архив ИВИ РФ. Документы и материалы. Инв. № 819. Л. 392.
[94] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. С. 62; 21th Report to Congress on Lend-Lease Operations... P. 25.
[95] См.: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. М., 2000. С. 203–204.
[96] *Jones R.* Op. cit. P. 290.
[97] *Чернявский У.Г.* Война и продовольствие: Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.). М., 1964. С. 20.
[98] *Куманев Г.А.* Рядом со Сталиным: Откровенные свидетельства: Встречи, беседы, интервью, документы. М., 1999. С. 38.
[99] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 3. С. 347.
[100] См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 471–472.
[101] История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. V. С. 542; История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 187.
[102] *Jones J.* My Twenty one Billion Dollars. N.Y., 1959. P. 100.
[103] См.: *Орлов А., Новоселов Б.* Факты против мифов. М., 1986. С. 99.
[104] *Herring J.* Aid to Russia, 1941–1946. New York; London, 1973. P. 293.
[105] См.: *Стеттиниус Э.* Ленд-лиз – оружие победы // Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 224.
[106] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. С. 438.
[107] См.: *Розенфельд Я.С.* Промышленность Соединенных Штатов Америки и война. М.; 1946. С. 132–133.
[108] Переписка... Т. 2. С. 202.
[109] Lend-Lease. Facts and Fictions. Foreign Economic Administration. Wash., 1945. P. 5.

СССР И АНГЛИЯ: ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

Фашистская Германия, готовя вооруженную агрессию против СССР, рассчитывала на полную изоляцию Советского государства, на невозможность создания боевого союза свободолюбивых народов. Но фашистские главари просчитались. Уже в первые же дни нападения нацистской Германии на СССР начала складываться мощная антифашистская коалиция. Советско-англо-американский боевой союз сорвал планы Гитлера внести раскол в ряды его противников и явился важным фактором победы над фашистскими агрессорами. Тем самым на практике была доказана возможность эффективного политического и военного сотрудничества государств с различными социально-экономическими системами.

При создании антифашистской коалиции Коммунистическая партия и Советское правительство исходили из ленинских положений, что не следует отказываться «от военных соглашений с одной из империалистических коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ Советской власти, могло бы укрепить ее положение и парализовать натиск на нее какой-либо империалистской державы»[1].

Важнейшим условием образования коалиции явился справедливый, освободительный характер борьбы советского народа, одной из целей которой явилась «не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»[2]. В выступлении по радио 3 июля 1941 г. Председатель Государственного Комитета Обороны (ГКО) И.В.Сталин выразил уверенность, что «наша война за свободу нашего Отечества сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения со стороны фашистских армий Гитлера»[3].

Антифашистская коалиция была сложным явлением, поскольку включала в себя государства с различными политическими и общественными системами. Ее участники, наряду с борьбой за решение общих задач, пре-

---

* Статья подготовлена в соавторстве с Л.М.Чузавковым.

следовали во Второй мировой войне и свои различные военные, политические и экономические цели, исходившие из характера государственного строя и интересов стоящих у власти классов и партий. Это порождало противоречия, которые нередко осложняли ее деятельность.

При создании антифашистской коалиции советским руководителям приходилось учитывать, что вступление Англии и США в союз с СССР является для правящих кругов этих стран вынужденным актом; их классовая враждебность к социалистическому государству от этого не исчезла.

В советской историографии Второй мировой войны тема об антигитлеровской коалиции нашла отражение как в общих трудах и мемуарной литературе о борьбе с фашизмом[4], так и в специальных исследованиях и сборниках документов, посвященных истории внешней политики СССГ и международных отношений в 1939–1945 гг.[5]

Но вопрос о военно-экономических отношениях СССР и Великобритании в 1941–1945 гг. освещен еще недостаточно полно. В настоящей работе делается попытка в какой-то степени восполнить этот пробел.

Необходимость установления тесного многостороннего сотрудничестве между СССР и Англией в условиях борьбы против общего врага отвечал кровным интересам обеих стран и их народов.

В связи с нападением фашистской Германии на Советский Союз премьер-министр Великобритании У.Черчилль сказал: «Никто не был более упорным противником коммунизма, чем я, в течение последних 25 лет. Я не возьму назад ни одного из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России,— это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом,— это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара». Далее он отметил, что «мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем»[6]. 24 июля аналогичное заявление сделал президент США Ф.Рузвельт.

Одним из первых шагов в области становления советско-английских военно-экономических отношений было прибытие в Москву английской военно-экономической миссии для решения задач военного сотрудничества и оказания СССР экономической помощи. Предложение об этом поступило от английской стороны накануне войны 21 июня 1941 г. В ответ Советское правительство подчеркнуло, что оно «не захочет принять помощь Англии без компенсации» и, в свою очередь, «готово оказать помощь Англии»[7].

В день прибытия миссии в Москву, 27 июня 1941 г., ее сотрудники и возвратившийся из Лондона посол Великобритании в СССР С.Крипс были приняты народным комиссаром иностранных дел СССР В.М.Молотовым. Во время состоявшихся бесед были рассмотрены английские предложения по оказанию помощи СССР. Они сводились в основном к предоставлению некоторой информации и технической

помощи — в военной области и к поставкам «всего необходимого для войны — в экономической»[8].

8 июля советская военно-экономическая миссия прибыла в Лондон. В ходе начавшихся в Москве и Лондоне переговоров советская сторона представила списки товаров, которые ей требовались в первую очередь. Они включали самолеты, каучук, олово, свинец, обувь, одежду[9]. Поднимая перед Англией, а затем и перед США вопрос о предоставлении СССР военно-экономической помощи, Советское правительство считало вполне закономерным сосредоточение материально-экономических ресурсов союзников на главном, решающем участке борьбы — советско-германском фронте. Это в наибольшей степени отвечало бы интересам государств, сражавшихся против фашистского блока. Военно-экономическая помощь СССР служила бы также сближению западных союзников с Советским Союзом для скорейшего разгрома общего врага.

Советское государство в ходе войны полагалось главным образом на собственные возможности. Однако в первые месяцы войны временные успехи врага и связанные с этим потери ряда важных промышленных районов значительно осложнили развертывание военного производства в стране. Это отрицательно сказалось на снабжении, а следовательно, и боевой деятельности Советских Вооруженных Сил в первый год войны. В создавшейся обстановке поставки союзниками вооружения, боевой техники, стратегического сырья и горючего могли несколько компенсировать указанные потери, облегчить развертывание советской военной экономики и улучшить материальное обеспечение Вооруженных Сил.

Стремясь поставить военное и политическое сотрудничество между СССР и Англией на прочную основу, Советское правительство с первых дней войны стало добиваться не только получения экономических поставок, но и заключения союзного договора между двумя странами. Вопрос об этом был поставлен перед Крипсом уже в беседах 27 июня 1941 г. Однако для достижения реальных результатов Советскому правительству пришлось приложить значительные усилия. Первоначально английские правящие круги считали, что «для политического соглашения время еще не созрело»[10]. В июне в беседе с Крипсом И.В.Сталин даже заявил, что «у Советского правительства создалось плохое впечатление... Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением», в то время как «обстановка требует заключения соглашения о взаимной помощи»[11].

12 июля 1941 г. переговоры завершились подписанием в Москве «Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии». В нем были зафиксированы взаимные обязательства по оказанию помощи и поддержки в

войне, а также об отказе от сепаратных переговоров и от заключения сепаратного мира с противником[12]. Это соглашение явилось первым серьезным шагом в создании антигитлеровской коалиции и открывало двери для установления дружественных, союзнических англо-советских отношений.

Вслед за этим, 16 августа, между Англией и СССР было подписано новое соглашение «О товарообороте, кредите и клиринге», согласно которому Англия должна была существенно увеличить объем поставок товаров в СССР. Для их финансирования Советскому государству предоставлялся трехпроцентный заем на сумму в 10 млн ф. ст.[13]. Однако до реального осуществления Англией военно-экономической помощи СССР прошло немало времени. Причины заключались в том, что в правящих кругах Англии и США в это время проходила острая борьба о целесообразности и сроках поставок военной техники и снаряжения в СССР. Ее корни уходили еще в довоенную политику Британии по отношению к Советской стране. Оказавшись в одном военно-политическом лагере с СССР, реакционные круги союзных стран не отказались от своих позиций. В советско-германской войне они видели возможность добиться такого ослабления СССР, которое позволило бы США и Англии диктовать ему свою волю после ее окончания. «Идеальным, с точки зрения Черчилля,— писал посол СССР в Лондоне И.М.Майский,— было бы, если бы и Германия и СССР вышли из войны сильно потрепанными, обескровленными и на протяжении по крайней мере целого поколения бродили бы на костылях, в то время как Англия пришла бы к финишу с минимумом потерь и в доброй форме европейского боксера. Отсюда, естественно, вытекало стремление проявить максимум экономии в затрате собственных усилий на выигрыш войны и, наоборот, переложить максимум усилий, страданий и потерь для достижения этой цели на Советский Союз»[14].

Неудачно складывавшийся для советского народа начальный период войны лишь укрепил прежние убеждения англо-американских реакционных кругов в неминуемости поражения СССР. В британском военном министерстве считали, что Красная Армия будет разбита за три-четыре недели[15].

Ошибочная оценка военно-политической обстановки в Европе и прежде всего способности СССР дать отпор врагу заставляла руководящие круги США и Англии искать компромиссный путь, предоставлявший им возможность, с одной стороны, максимально продлить сопротивление Советского Союза, а с другой — не подвергать опасности «собственные интересы». Такой путь нашел свое выражение в установке: материальную помощь обещать, но предоставление ее без особой нужды не форсировать. В результате, несмотря на заявление правительств США и Англии об их готовности оказать помощь СССР, они не торопились выполнить свои обязательства. У.Черчилль

писал, что в те дни он больше старался заполнить пустоту вежливыми фразами. Как сообщал в Народный комиссариат иностранных дел И.М.Майский, 19 июля 1941 г. во время беседы с ним У.Черчилль «долго и настойчиво говорил о том, что готов сделать все, что только в его силах, для оказания нам помощи, но не хочет создавать у нас каких-либо иллюзий. Мы должны иметь в виду, что британские возможностей пока ограничены... В отношении снабжения Черчилль рекомендовал нам прежде всего рассчитывать на США»[16].

И действительно, в июле из США и Англии было отправлено в СССР всего 27576 т материалов, главным образом невоенных. Несмотря на обострение положения на советско-германском фронте, ставшем главным фронтом Второй мировой войны, помощь СССР от его западных союзников в сентябре не только не возросла, но оказалась, по официальным американским данным, даже на 59322 т меньше, чем в августе[17]. В послании И.В.Сталину от 15 августа 1941 г. Ф.Рузвельт и У.Черчилль писали; «Мы в настоящее время работаем совместно над тем, чтобы снабдить Вас максимальным количеством тех материалов, в которых Вы больше всего нуждаетесь... Мы полностью сознаем, сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза»[18].

Но, обещая СССР широкую военно-экономическую помощь, У.Черчилль как в 1941 г., так и в дальнейшем, стремился прежде всего сгладить неблагоприятную реакцию Советского правительства, вызванную его крайне отрицательным отношением к идее о создании второго фронта в Европе для облегчения борьбы Советского Союза.

Характеризуя положение с английскими поставками, И.М.Майский в беседе с министром иностранных дел Англии А.Иденом 27 августа 1941 г. указывал, что «Англия не открывает второго фронта и в то же время не дает нам самолетов и оружия в сколько-нибудь серьезных количествах. Разумеется, мы благодарны Британскому правительству за те 200 "Томагавков", которые были переданы нам около месяца назад и которые до сих пор еще не доставлены в СССР, но по сравнению с нашими потерями в воздухе, о которых я только что говорил,— что это значит? ...мы просили у Британского правительства крупных бомб — министр авиации в результате длинных переговоров в конце концов согласился исполнить нашу просьбу, но сколько бомб он дал нам? Шесть бомб — ни больше и ни меньше. <...> ...фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником... сколько сочувствующим зрителем»[19].

3 сентября 1941 г. в связи с ухудшением обстановки на фронтах И.В.Сталин в послании к У.Черчиллю предложил открыть второй фронт в Европе, могущий оттянуть с восточного фронта 30–40 немецких дивизий, и обеспечить ежемесячно поставки СССР — 30 тыс. т алюминия, 400 самолетов и 500 танков[20].

В ответ У.Черчилль в беседе с Майским, касаясь вопросов снабжения СССР, заявил: «До зимы мы не сможем оказать вам никакой серьезной помощи — ни путем создания второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия»[21].

6 сентября 1941 г. в послании И.В.Сталину он сообщил, что Англия считает возможным, чтобы военная помощь СССР проводилась по принципу американского закона о ленд-лизе, и обещал приложить усилия, чтобы удовлетворить потребности СССР в военных материалах[22]. Однако на практике английские поставки на основе ленд-лиза стали осуществляться только в конце осени 1941 г.

Военно-экономические проблемы заняли центральное место на конференции представителей трех великих держав, состоявшейся в Москве 29 сентября — 1 октября 1941 г. Основным вопросом повестки дня были взаимные поставки военных материалов и вооружения. Советская делегация, возглавляемая народным комиссаром иностранных дел В.М.Молотовым, представила подробный перечень потребностей СССР в вооружении и стратегических материалах по 69 позициям, включая самолеты, танки, зенитные орудия, противотанковые пушки, алюминий, олово, свинец, сталь, станки, фосфор[23]. При этом характер заявок показывал, что СССР в своих военных усилиях исходил из перспективы ведения длительной и тяжелой войны до полного разгрома гитлеровских захватчиков. «Обсуждение заявок,— писал заместитель Председателя СНК СССР А.И.Микоян,— проходило не без трений. Представители Англии и США не стремились к быстрому их решению и при первой возможности старались усложнить дело»[24]. Союзники заверяли, что будто бы удовлетворение советских заказов потребует большого напряжения. Они уклонялись от немедленного разрешения вопросов по ряду важных видов поставок. Так они поступили с более чем 60% заявок в области стратегического сырья, промышленного оборудования[25].

Согласно протоколу от 1 октября 1941 г., США и Англия взяли на себя обязательство с момента его подписания и до июля 1942 г. поставлять СССР ежемесячно 400 самолетов, 500 танков, а также алюминий, олово, свинец, некоторые виды обмундирования. Все это, разумеется, лишь в незначительной части могло удовлетворить потребности СССР.

Было также принято решение о советских сырьевых поставках Англии и США. Глава американской делегации на Московской конференции А.Гарриман отмечал, что «Советское правительство снабжает Великобританию и Соединенные Штаты большим количеством сырьевых материалов, в которых эти страны испытывают нужду»[26].

Московская конференция разрушила надежды нацистской Германии на международную изоляцию СССР и способствовала дальнейшему сближению стран-участниц антигитлеровской коалиции. «В том, что настоящая конференция представителей Советского

Союза, Англии и США с таким единодушием и быстротой решила все поставленные перед ней задачи оказания практической поддержки СССР в войне с гитлеровской Германией, — говорилось в заявлении В.М.Молотова на заключительное заседании, — мы видим признание дружественными странами того факта, что сейчас Советский Союз несет на себе всю тяжесть борьбы с фашистскими ордами Германии»[27].

К сожалению, после окончания конференции, в чрезвычайно тяжелое для Советского государства время, когда враг находился под Москвой, поставки военных материалов от западных союзников осуществлялись с большими перебоями и в значительно сокращенных размерах. В октябре–декабре 1941 г. «из 800 самолетов, которые Англия должна была поставить за эти месяцы в СССР, фактически было доставлено 669, танков — 487 вместо 1000, а танкеток — 330 вместо 600»[28].

В то же время Советский Союз, несмотря на сложную обстановку первых месяцев войны, неукоснительно выполнял взятые на Московской конференции обязательства по снабжению Англии некоторыми стратегическими материалами. «Мы глубоко признательны... — писал В.М.Молотову в ноябре 1941 г. министр снабжения Англии лорд У.Бивербрук, возглавлявший английскую делегацию на Московской конференции,— за снабжение нас сырьем, которое приходит в прекрасных количествах... И тот факт, что Россия в час своей нужды находит возможным снабжать нас сырьем, которое будет использовано в интересах нашей общей борьбы, только углубляет нашу благодарность за то, что мы получаем»[29].

Критерии, которыми союзники определяли выполнение соглашения по оказанию СССР военно-экономической помощи, не отражали действительного положения вещей. За выполнение обязательств по поставкам принимались не фактически полученные СССР материалы, а лишь переданные советским представителям в Англии и США, еще не доставленные в СССР. В результате этого одни из поставок — в лучшем случае — длительное время дожидались формирования очередного конвоя и не попадали своевременно в СССР[30], другие — в худшем случае — шли на дно во время атак нацистских кораблей и самолетов на конвои. Материалы, недоставленные ко времени истечения срока действия очередного протокола о поставках, переходили в следующий, хотя формально предыдущий считался выполненным.

Такой порядок давал возможность английской стороне, прежде всего Черчиллю, на словах утверждать, что она выполняет свои обязательства по предоставлению СССР военно-экономической помощи. Во время визита в Москву в августе 1942 г. Черчилль в ответ на критику Сталина по поводу неудовлетворительного выполнения Англией и США соглашения о поставках заявил, что союзники «обещали доставлять товары для СССР только в порты погрузки. В этом отношении они свои обязательства выполнили»[31].

Сложной проблемой была организация транспортировки союзных поставок в СССР. Пути, по которым они могли доставляться, в основном определились в 1941–1942 гг. Главными из них были северный, тихоокеанский, иранский и транссибирский — воздушный.

Наиболее экономичным был северный маршрут. Его протяженность составляла 1800–2000 миль, а переход занимал 10–14 суток[32]. Начальными пунктами были порты в Англии и Исландии, а конечными — Мурманск и Архангельск в СССР. Близость советских портов к центру страны позволяла в минимальные сроки доставлять на фронт боевую технику и вооружение, а в промышленные районы — сырье и оборудование.

Но северный маршрут был и самым опасным. Он пролегал вблизи германских военно-морских и воздушных баз в Северной Норвегии. Суровые климатические условия Северной Атлантики и Баренцева моря также усложняли плавание. Особенно неблагоприятным являлся период полярного дня, длившийся с середины апреля по сентябрь. Эти обстоятельства некоторые руководители союзников, и особенно Черчилль, периодически использовали как предлог для сокращения поставок СССР.

В соответствии с договоренностью между СССР и союзниками северный маршрут делился на две зоны: английскую — к западу от острова Медвежьего, и советскую — к востоку от него. Доставка грузов производилась английскими, американскими и до 1943 г. советскими судами, следовавшими, как правило, в составе конвоев. Количество входивших в них транспортов колебалось от 6–10 в 1941 г. до 30–40 в последующие годы. Для их защиты английское адмиралтейство выделяло непосредственное охранение (крейсер, 2–3 эсминца, 10–16 сторожевых кораблей) и отряды оперативного прикрытия, состоявшие из линкоров, крейсеров и авианосцев, которые сопровождали конвой только до острова Медвежьего. С 1942 г. в проведении конвоев стали принимать участие корабли американского военно-морского флота[33].

Для координации действий по совместной защите конвоев и решения вопросов материального и медицинского обеспечения экипажей союзных судов, формирования обратных конвоев с 1941 г. в Полярном, Мурманске и Архангельске находились британские военные миссии. Ответственность за обеспечение движения в советской зоне нес наш Северный флот. Несмотря на нехватку в первые годы войны боевых кораблей и авиации, командование Северного флота осуществляло эффективные меры по защите союзных судов. Потери конвоев в советской оперативной зоне, как правило, были минимальны. Большую роль в этом играли высокое воинское мастерство, массовый героизм и мужество военных летчиков и моряков-североморцев. Так, если из состава конвоя PQ-13, шедшего в СССР в марте 1942 г., в английской зоне было потеряно от воздушных атак пять транспортов, то в советской зоне гитлеровцам удалось лишь повредить корабль

охранения. Даже на самом опасном участке пути, когда конвоирование продолжили только два советских эсминца «Сокрушительный» и «Гремящий» (так как поврежденный крейсер оставил конвой и увел с собой остальные английские боевые корабли), потерь больше не было. При этом советские корабли потопили вражескую подводную лодку, сбили торпедоносец и вывели из строя эсминец противника. Аналогичная обстановка была и при следовании конвоя PQ-16, который до входа в советскую зону недосчитался семи судов, а после подключения к конвоированию советских ВМФ и авиации больше потерь не имел. Для его прикрытия авиация сделала 1198 боевых вылетов, а корабли — 67 выходов. Защищая PQ-16 30 мая 1942 г., сражаясь один против четырех самолетов врага, трое из которых были сбиты, погиб прославленный летчик Северного флота Герой Советского Союза гвардии подполковник Б.Ф.Сафонов.

По мере того как противодействие гитлеровцев северным перевозкам возрастало, советское командование предлагало Англии принять конкретные меры по усилению защиты конвоев и со своей стороны делало все возможное в этом плане. Однако британские реакционные правящие круги, не заинтересованные в оказании СССР эффективной помощи, оставляли советские предложения без внимания. Их взгляды разделяло и высшее командование английского военно-морского флота, считавшее «северные конвои» камнем на шее[34] и не желавшее ради них рисковать боевыми кораблями.

Результатом такого подхода были серьезные недостатки в организации перевозок союзных грузов в СССР. Наиболее характерное отражение они нашли в трагической судьбе конвоя PQ-17. Этот конвой, состоявший из 34 транспортных судов, в том числе двух советских и 24 кораблей непосредственного охранения, вышел из Англии 27 июля 1942 г.[35] Планируя операцию, английское адмиралтейство основное внимание уделяло не столько организации его благополучного перехода, сколько стремлению уничтожить германский линкор «Тирпиц», при одном упоминании о котором «британский морской штаб приходил почти в панику»[36]. В результате серьезных ошибок английского адмиралтейства, безосновательно рассредоточившего конвой и лишившего его военного эскорта, погибло 25 судов, из них 21 после рассредоточения. На дно ушло 99254 т груза, в частности, 430 танков, 210 самолетов, 3300 автомобилей и много ценных материалов[37]. Немецкая эскадра при выходе из шхер была встречена советской подводной лодкой под командованием капитана II ранга Н.А.Лунина, который, несмотря на многократное превосходство противника, атаковал «Тирпиц», после чего гитлеровцы повернули обратно.

Командование Северного флота не было заблаговременно предупреждено о рассредоточении PQ-17. Это крайне осложнило действия по спасению людей и судов. «20 суток, без малейшей передышки, все

силы Северного флота — надводные, подводные и авиация, искали союзные суда, — писал командующий Северным флотом в годы войны адмирал А.Г.Головко, — поиски охватили тысячемильное пространство от Шпицбергена до Новой Земли»[38]. Североморцами было подобрано в море около 300 моряков союзных судов, найдено и отконвоировано, а также самостоятельно пришло в Архангельск 11 транспортов — все, что осталось от PQ-17.

Когда в Архангельск начали прибывать спасенные моряки, городской комитет обороны во главе с первым секретарем горкома партии Костровым сделал все, чтобы поскорее восстановить их здоровье. В больницах не хватало мест, и во временные госпитали были превращены гостиницы. Жители Архангельска окружили спасенных моряков заботой и вниманием. По специальному указанию из Москвы для иностранных моряков были выделены одежда, обувь, медикаменты и продовольствие[39]. Высоко оценивая мужество и героизм английских и американских моряков в годы Второй мировой войны, Маршал Советского Союза Г.К.Жуков писал: «Мы искренне чтим память погибших английских и американских моряков, которые, невзирая на сложную морскую обстановку, на то, что на каждой миле их поджидала смертельная опасность, доставляли нам грузы, обусловленные договором по ленд-лизу»[40].

И.Д.Папанин, который в военные годы был уполномоченным ГКО на Севере, отмечал, что «иностранные моряки... сражались храбро, но, как я заметил, у них не было того беспокойства за судьбу корабля, которое так свойственно нашим морякам. Мы знали немало случаев, когда команда советского торпедированного парохода оставалась на нем до последнего момента, боролась за свое судно и приводила его в порт, в то время как при первом попадании торпеды или бомбы в английское или американское судно его экипаж спешно покидал корабль, хотя тот порой сохранял плавучесть и управление. В этих случаях военные корабли эскорта обычно торпедировали свой же корабль, чтобы он не достался врагу»[41].

Советский транспорт «Старый большевик», шедший в конвое PQ-16, во время налета вражеской авиации был серьезно поврежден и загорелся. Экипаж отказался покинуть судно, исправил повреждение и, отразив 47 воздушных атак, привел его в порт. За этот подвиг теплоход «Старый большевик» был награжден орденом Ленина, а капитану И.И.Афанасьеву и рулевому В.И.Аксенку присвоены звания Героев Советского Союза. В составе PQ-17 находились также два советских судна. Одно из них, танкер «Азербайджан», был торпедирован, на нем возник пожар. Но команда не оставила танкер, ликвидировала огонь, восстановила ход, и «Азербайджан» догнал конвой. После распада конвоя танкер, отразив ряд воздушных атак, достиг порта. Экипаж другого транспорта «Донбасс» после рассредоточения PQ-17 отбил шесть атак авиации, спас экипаж союзного судна и тоже благополучно прибыл в Архангельск.

Несмотря на имевшиеся трудности в развитии англо-советско-американских отношений, не они определяли характер военно-экономического сотрудничества между великими державами, в том числе между СССР и Англией. Общность интересов в борьбе против фашизма являлась основным фактором, оказавшим благотворное влияние на укрепление англо-советских военно-экономических связей, объединяла свободолюбивые народы двух стран. Начиная с 22 июня, отмечал И.М.Майский, настроение дружественности к Советскому Союзу систематически укреплялось в первую очередь в рабочих и близких к ним кругах; можно было наблюдать самые неожиданные превращения среди мелкой, средней и даже крупной буржуазии.

Одной из форм движения за дружбу с СССР в Англии являлась кампания по сбору средств в фонд помощи СССР. Пожертвования шли из всех слоев, но больше всего, конечно, из слоев демократических. Крупные пожертвования были со стороны федерации горняков, подарки Генсовета тред-юнионов... Блестящий успех имела «Неделя русского танка». Наряду с крупными, имели место и небольшие многочисленные пожертвования от трудовых людей Англии и даже детей, сопровождавшиеся словами сочувствия и одобрения. 10-летняя девочка прислала в советское посольство 6 шиллингов — подарок родителей в день рождения — в «танковый фонд»[12].

Во время пребывания в советских портах союзные моряки знакомились с советскими людьми, с их радушием, гостеприимством, самоотверженным трудом для фронта, верой в победу. «С каждым пароходом, — писал И.Д.Папанин,— отплывало в океан значительно больше друзей Советского Союза, чем находилось на этом же судне до прихода»[13].

В первые месяцы 1942 г., после победы Красной Армии под Москвой, размеры англо-американской военно-экономической помощи СССР заметно возросли. Однако в целом обязательства по поставкам Англией значительно недовыполнялись. Подводя итоги, «советская военная миссия пришла к выводу, что за англичанами имеются крупные долги по согласованному в Москве плану,— сообщал 22 января 1942 г. в НКИД И.М.Майский. — ...Бивербрук согласился и обещал при реализации январского плана ликвидировать прошлую задолженность, кроме грузовиков, которую он обещал покрыть только в марте. Откровенно говоря, я не вполне уверен, что обещание Бивербрука насчет января будет целиком реализовано»[14].

Как показали события, опасения И.М.Майского были ненапрасными. 27 февраля им был сделан демарш А.Идену по поводу продолжавшегося отставания в выполнении условий первого Протокола. «Приведя цифры и факты,— сообщал он В.М.Молотову 27 февраля 1942 г.,— я указал на крайнюю ненормальность создавшегося положения и просил Идена принять энергичные меры к срочной ликвидации английской задолженности»[15]. Однако, несмотря на ожидавшееся ве-

сеннее наступление немецко-фашистских войск на советско-германском фронте, представители английских правящих кругов пытались воспрепятствовать оказанию эффективной помощи СССР. По словам И.М.Майского, «попутно Иден сообщил, что только вчера в кабинете было внесено предложение о сокращении поставок СССР, хотя оно и было отвергнуто — исходило оно от начальников штабов». В апреле 1942 г. Советское правительство вновь обращало внимание Англии на обеспокоенность по поводу того, что в апреле будет иметь место «резкое снижение прибытия пароходов в северные порты Союза».

26 мая 1942 г. в Лондоне был подписан договор между СССР и Англией «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны». Выступая с речью по этому поводу, А.Иден отметил, что никогда еще в истории взаимоотношений этих двух стран их сотрудничество не было столь тесным и это является счастливым предзнаменованием[46].

Договор предусматривал принятие СССР и Великобританией совместных мер для достижения победы над нацистской Германией и ее сообщниками и для предотвращения возможности новой агрессии со стороны Германии после войны. Он был встречен с горячим одобрением широкими народными массами обеих стран. «Подписанный договор,— говорилось в редакционной статье газеты "Таймс",— влечет за собой всестороннее признание Великобританией того факта, что как русская мощь и выносливость сыграют значительную роль в достижении победы, так и русская безопасность неизбежно должна стать одной из главных основ любого европейского урегулирования. Русская заинтересованность в активном участии Британии в организации безопасности и экономическом процветании Европы не менее глубока и прочна и на этой взаимной заинтересованности в мире и благополучии на беспокойном европейском континенте зиждутся прочные основы англо-советской дружбы и сотрудничества»[47].

Важное значение англо-советского договора для укрепления антигитлеровской коалиции было подчеркнуто в докладе народного комиссара иностранных дел СССР В.М.Молотова, с которым он выступил 18 июня 1942 г. на сессии Верховного Совета СССР в связи с ратификацией этого документа. «Поставки вооружения и материалов из США и Англии, — подчеркнул докладчик,— не только не сократились, а усилились за последние месяцы. Эти поставки являются необходимым и важным дополнением к тому вооружению и снабжению, которое Красная Армия получает в своей подавляющей массе от наших внутренних ресурсов... Надо также признать, что осуществление этих поставок сыграло и будет играть в дальнейшем важную роль в укреплении дружественных отношений между СССР, Англией и США». Советское правительство выразило уверенность, что со второй половины 1942 г. «военные поставки и снабжение для СССР со стороны союзников будут увеличены и ускорены»[48].

К сожалению, ближайшие месяцы не подтвердили столь оптимистичного прогноза. Уже в мае 1942 г. в СССР было отправлено 194 747 т грузов, или на 247 221 т меньше, чем в апреле, а в июне – 193 695 т[49].

27 июня 1942 г. в Москве было заключено англо-советское соглашение о финансировании британских военных поставок и другой военной помощи СССР. По его условиям, вооружение, изготовляемое в Англии, а также в ее доминионах и колониях, поставлялось СССР без оплаты, на основе взаимности. Одновременно коммерческий товарооборот СССР с Англией продолжал осуществляться на основе соглашения от 16 августа 1941 г. В связи с тем, что выделенный ранее кредит в сумме 10 млн ф. ст. был почти использован, Англия, согласно новому соглашению, предоставила СССР новый кредит в сумме 20 млн ф. ст. на прежних условиях[50].

Положение на советско-германском фронте между тем вновь резко осложнилось. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровское командование начало новое наступление, стремясь прорваться к Волге и овладеть Кавказом. В этот исключительно тяжелый для Советского государства период отправка союзниками конвоев с военными грузами в СССР Северным морским путем (а через него следовало в 1942 г. около 3/4 всех грузов, предназначенных для СССР) оказалась полностью прекращенной. Поводом послужили тяжелые потери, понесенные в июне конвоем PQ-17. Одновременно были резко сокращены военные перевозки для СССР и по Трансиранской железной дороге, не отличавшейся высокой пропускной способностью. На 15 августа 1942 г. в портах Персидского залива скопилось 34 977 т неотправленных военных грузов. В июле и августе 1942 г. СССР не получил из Англии ни одного самолета, в которых особенно остро тогда нуждался[51]. «Год спустя после нападения Гитлера на нашу страну для Черчилля было ясно,– писал И.М.Майский,– что СССР не рухнет под ударами германских армий, что он способен оказывать им серьезное сопротивление, и он успокоился: не было надобности в экстренном порядке идти на помощь России, чтобы предупредить развал Восточного фронта (что было невыгодно для Англии), можно было вернуться к своим, имперским делам и, в частности, позаботиться о том, чтобы у русских "рога не росли выше лба"»[52].

В беседе с У.Черчиллем 18 августа 1942 г., во время его пребывания в Москве, И.В.Сталин, касаясь положения с союзной помощью, заявил, что «мы благодарим за помощь и ценим ее. Но... составлялось столько планов, назначались эскорты для конвоев, а затем снова отменялись, так что мы теперь мало что получаем от англичан и американцев... недовольство вызвано не тем, что нам мало дают, а тем, что дают не то, что обещано... мы получаем из Англии и США только остатки. Эти остатки посылаются в СССР тогда, когда они накапливаются. Если их нет, нет и поставок»[53].

В сентябре 1942 г. с английскими поставками произошел инцидент, вызвавший крайне отрицательную реакцию Советского правительства. В самый разгар Сталинградского сражения по указанию военного министерства Англии с формировавшегося конвоя № 19 были сняты 150 истребителей «Аэрокобра» и заменены 280 грузовиками. И.В.Сталин в письме И.М.Майскому назвал такое поведение «верхом наглости... Ссылка англичан на то, что это непреднамеренно произошло по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»[54].

6 октября 1942 г. был подписан Второй протокол о поставках СССР. К нему прилагалось решение английского кабинета в ответ на просьбу Советского правительства увеличить поставки никеля, сохранить поставки алюминия и начать поставки кобальта. Согласия же на увеличение поставок самолетов с английской стороны получено не было.

К концу 1942 г. размеры союзных поставок продолжали оставаться значительно ниже плановых. В октябре 1942 г. СССР получил от Англии только 52 самолета, в ноябре — 33. Всего за июль — ноябрь она поставила 394 самолета вместо 1000, 692 танка вместо 1250[55]. В целом обязательства по Второму протоколу к 1 января 1943 г. были выполнены лишь на 55%[56]. Снабжение СССР англо-американскими материалами стало улучшаться только после перехода советских войск в контрнаступление под Сталинградом.

Как и раньше, полученные материалы являлись полезным дополнением к вооружению Красной Армии и материальному обеспечению советского военного производства, хотя они далеко не удовлетворяли потребности СССР и были во много раз ниже реальных возможностей союзников. Кроме того, из поступивших танков и самолетов большинство представляло собой устаревшие образцы.

На 1 января 1943 г. в действующей армии имелось, например, 11946 советских танков и всего 1230 иностранных, что составляло немногим более 10%[57].

Касаясь роли военно-экономической помощи союзников в 1941–1942 гг., Маршал Советского Союза Г.К.Жуков заметил, что эта помощь сыграла свою положительную роль, но ее удельный вес был незначителен[58].

Выдающаяся победа советских войск в битве под Сталинградом красноречиво свидетельствовала, что развернувшаяся военная экономика СССР вполне способна самостоятельно обеспечить дальнейшую борьбу и окончательный разгром нацистского блока. Тем не менее англо-американские поставки имели важное значение, поскольку до затянувшегося открытия второго фронта это был, хотя и далеко недостаточный, но зато наиболее реальный вид помощи советскому народу в его борьбе против общего врага.

В 1943 г. Англия и США располагали весьма благоприятными возможностями для существенного увеличения военно-экономических поставок СССР. Сообщая 27 января 1943 г. И.В.Сталину о результатах конференции в Касабланке, на которой по существу было принято решение об отказе открытия второго фронта в 1943 г., У.Черчилль и Ф.Рузвельт заявили: «Наше основное желание состоит в том, чтобы направить в Россию максимальный поток снабжения»[59]. С начала 1943 г. поставки заметно выросли. В январе Советскому Союзу было отправлено из Англии и США, в том числе Северным морским путем, 1 млн 258 тыс. т различных материалов, в феврале — 1 342 тыс. т.[60]. В феврале Англия приняла решение дополнительно поставить Советскому Союзу 1 200 истребителей.

В результате победы Советских Вооруженных Сил под Сталинградом, как сообщил в НКИД И.М.Майский, «чувство крайнего изумления охватило всех, — радостного у одних, тревожного у других»[61]. Последнее не замедлило сказаться и на поставках.

Весной 1943 г., когда Советские Вооруженные Силы после большого зимнего наступления испытывали особую нужду в военных материалах, союзники вновь приняли решение приостановить их доставку по северному маршруту. В качестве причины выдвигалась нехватка транспортных судов и военных кораблей сопровождения. В послании И.В.Сталина У.Черчиллю «этот неожиданный акт» был охарактеризован «как катастрофическое сокращение поставок»[62].

Летом 1943 г. вопреки обещаниям Черчилля увеличения доставки грузов через Иран и Дальний Восток не произошло. В августе планировалось перевезти через Иран 240 тыс. т грузов, а было доставлено лишь 140 тыс. т. Не достигла планировавшихся размеров и переброска грузов через Дальний Восток[63]. Отправка союзниками конвоя в СССР по Северному пути не возобновилась и в октябре, а началась вновь только во второй половине ноября, т.е. после восьмимесячного перерыва.

За это время Красная Армия сумела разгромить 50 отборных нацистских дивизий в грандиозной битве на Курской дуге, сокрушить гитлеровский «Восточный вал» на Днепре и тем самым окончательно переломить ход борьбы с фашизмом в пользу антигитлеровской коалиции. Хотя в целом поставки в СССР в 1943 г. по отношению к 1942 г. выросли почти вдвое, основная их часть поступила во второй половине года, когда коренной перелом в войне в пользу антифашистской коалиции был уже завершен. Несмотря на увеличение союзниками поставок, они составляли лишь небольшую долю по сравнению с выпуском военной продукции, производимой советской промышленностью.

На заключительном этапе войны в 1944–1945 гг. Англия принимала участие в военных поставках в СССР в рамках Третьего и Четвертого протоколов, подписанных соответственно в октябре 1943 г. и апреле 1945 г. Однако удельный вес английских материалов имел тенденцию к снижению. По Четвертому протоколу они, например, составляли

совсем небольшую часть по сравнению с американскими. С 1 октября 1944 г. по 30 апреля 1945 г. Англия направила в СССР 1 150 тыс. т различных грузов, из которых прибыло 1 041 тыс. т. За это время из США было послано в Советский Союз 8,5 млн т грузов, а получено 7,4 млн т[64].

В целом же военно-экономическое сотрудничество СССР с Англией и другими западными союзниками сыграло в годы Второй мировой войны важную роль, способствуя лучшему использованию материальных ресурсов стран антифашистской коалиции для борьбы с общим врагом.

Значение англо-американских поставок СССР можно правильно оценить, сравнив их с советским производством аналогичных материалов. Выплавляя стали и добывая угля в 3–4 раза меньше, чем Германия и оккупированные ею страны, СССР выпустил вдвое больше военной техники.

Всего в военные годы в Советском Союзе было произведено 482,8 тыс. орудий, 136,9 тыс. самолетов, 102,8 тыс. танков и самоходных орудий. За это же время из Англии и США было получено 9 600 орудий, 11 576 танков и самоходных орудий, 18 753 самолета, в том числе из Англии с начала войны по 30 апреля 1944 г. — 3 384 самолета и 492 танка. Таким образом, поставки союзников занимали: по артиллерийским орудиям — менее 2%, по самолетам — 13,6% и по танкам и САУ — 11,2% общего количества этих боевых средств, полученных Красной Армией во время войны[65]. Кроме того, импортные зенитные орудия составили 2%, пистолеты — 0,8%, снаряды — 0,6%, мины — 0,1%, зерно — 2,8%[66]. В целом все поставки промышленных товаров со стороны союзников за всю войну составили только около 4% советской промышленной продукции[67]. «Вся помощь, которую мы смогли оказать, — заявил английский министр Э.Бевин, — незначительная по сравнению с огромными усилиями советского народа. Наши правнуки, читая исторические книги, будут оглядываться назад с чувством восхищения и благодарности к великому русскому народу за проявленный героизм».

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 323.

[2] Коммунистическая партия в Великой Отечественной войне (июнь 1941 г. — 1945 г.): Документы и материалы. М., 1970. С. 149.

[3] Там же.

[4] См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: в 6 т. М., 1960–1965. 6 т.; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. М., 1970; История второй мировой войны, 1939–1945: в 12 т. М., 1973–1982. 12 т.; Великая Отечественная война Советского Союза: Краткая история. 3-е изд., испр. и доп. М., 1984; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985; Великая Отечественная воина, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985; *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., 1971; *Харламов Н.М.* Трудная миссия. М., 1983; *Голиков Ф.И.* Советская военная миссия в Англии и США

в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1969. № 3–4; *Микоян А.И.* В первые месяцы Великой Отечественной войны // Там же. 1985. № 6; и др.

[5] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании по время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: В 2 т. 2-е изд. М., 1986 2 т. (Далее – Переписка...); *Яковлев Н.Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961; История внешней политики СССР, 1917–1980: В 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М., 1980–1981. 2 т.; *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982; Советско-английские отношения но время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2 т. М., 1983. 2 т. (Далее – Советско-английские отношения...); *Трофимова Л.* Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны // Международная жизнь. 1984. № 6. С. 73–83; *Сиполс В.Я.* На пути к великой Победе: советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985; и др.

[6] Советско-английские отношения... Т. 1. 1941 – 1943. М., 1983. С. 513; *Churchill W.* The Second World War. London, 1950. Vol. III. P. 332–333.

[7] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 47, 49, 51.

[8] Там же. С. 47.

[9] Переписка... Т. 1. С. 17, 438 (примечание 1).

[10] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 49, 52.

[11] Там же. С. 69, 71.

[12] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 1. С. 131–132.

[13] Там же. С. 146–149.

[14] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 610.

[15] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 159.

[16] Там же. С. 87–88.

[17] *Motter T.* Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 1952. P. 481. (Здесь и далее вес в коротких тоннах.)

[18] Переписка... Т. 2. С. 25.

[19] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 105–106.

[20] Переписка... Т. 1. С. 28 – 29.

[21] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 115.

[22] Переписка... Т. 1. С. 31.

[23] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. М., 1975. С. 169–170.

[24] Военно-исторический журнал. 1978. № 9. С. 67.

[25] Советско-английские отношения.... Т. 1. С. 140–148.

[26] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 175.

[27] Там же. С. 172.

[28] История внешней политики СССР. 4-е изд., перераб. и доп. Т. 1: 1917–1945. С. 430.

[29] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 172.

[30] В 1942 г. в Исландии и Англии с весны до глубокой осени в ожидании конвоя простояли 24 груженных американских судна. В результате 11 судов потеряли ход, так как их днища обросли ракушками и они требовали постановки в доки для очистки, а часть грузов испортилась (Советско-английские отношения... Т. 1. С. 311).

[31] Там же. С. 273.

[32] *Козлов Я.А., Шломин В.С.* Краснознаменный Северный флот. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1983. С. 112.
[33] Там же.
[34] *Ирвинг Д.* Разгром конвоя PQ-17. М., 1967. С. 38.
[35] *Козлов И.А., Шломин В.С.* Указ. соч. С. 117.
[36] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 639.
[37] *Ирвинг Д.* Указ. соч. С. 5.
[38] *Головко А.Г.* Вместе с флотом. М., 1983. С. 110.
[39] *Папанин И.Д.* Лед и пламень. М., 1977. С. 297.
[40] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е, доп. изд. М., 1974. Т. 2. С. 385.
[41] *Папанин И.Д.* Указ. соч. С. 274–275.
[42] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 160–161.
[43] *Папанин И.Д.* Указ. соч. С. 275.
[44] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 200–201.
[45] Там же. С. 209.
[46] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 276.
[47] Times. 1942. 12 june.
[48] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 299.
[49] *Motter T.* Op. cit. P. 482.
[50] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 304.
[51] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 431.
[52] *Майский И.М.* Указ. соч. С. 614.
[53] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 213.
[54] Там же. С. 280.
[55] История внешней политики СССР. Т. 1. С. 438.
[56] Всемирно-историческая победа советского народа, 1941–1945 гг. М., 1971. С. 615.
[57] Военно-исторический журнал. 1977. № 3. С. 104.
[58] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 2-е, доп. изд. Т. 2. С. 428–429.
[59] Переписка... Т. 2. С. 102.
[60] *Motter T.* Op. cit. P. 482.
[61] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 336–337.
[62] Переписка... Т. 1. С. 131.
[63] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 425.
[64] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. Т. 2. С. 143–146.
[65] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. Т. 6. М., 1965. С. 48; Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 14; Вторая мировая война: итоги и уроки. М., 1985. С. 229.
[66] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945. М., 1970. С. 553; Советская экономика в период Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 263.
[67] *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1947. С. 74.

ПОЛКОВОДЦЫ ПОБЕДЫ

Г.К.ЖУКОВ И А.М.ВАСИЛЕВСКИЙ
(О творческом союзе двух выдающихся полководцев)

Помнится, в своей статье, опубликованной в «Комсомольской правде» по случаю 70-летия Маршала Советского Союза Г.К.Жукова, известный журналист и писатель В.М.Песков справедливо заметил, как должно Отечество наше быть благодарно простой русской женщине, вовремя подарившей ему великого сына, который в годину страшных испытаний стал спасителем русской земли.

Продолжая эту мысль, хотел бы подчеркнуть: все мы должны быть также благодарны судьбе, что в то неимоверно тяжелое и драматическое для Родины время в руководстве вооруженной борьбой народа сложился и плодотворно действовал полководческий союз двух выдающихся советских военачальников – Георгия Жукова и Александра Василевского. По счастливому стечению обстоятельств он стал функционировать уже в первые военные месяцы и продолжался до полного окончания Великой Отечественной войны.

Биографии военных лет обоих Маршалов Советского Союза имели немало схожих черт: и тот и другой в разное время 1941–1945 гг. занимали должности начальника Генерального штаба Красной Армии, члена Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) и представителя Ставки ВГК на фронтах войны, оба командовали войсками фронтов и являлись заместителями наркома обороны СССР. И если Г.К.Жуков как заместитель Верховного Главнокомандующего принял на себя львиную долю фактического руководства многими операциями, завершившимися сокрушением гитлеровского рейха, то А.М.Василевский как Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке обеспечил блистательное проведение 24-хдневной дальневосточной кампании Красной Армии, приведшей к капитуляции японского агрессора. Наконец, оба они почти одновременно стали Маршалами Советского Союза и дважды кавалерами высшей полководческой награды страны – ордена «Победы».

Внешне Жуков и Василевский и по характеру, и по стилю, и методам деятельности совершенно не походили друг на друга. Но многое их и объединяло, делая этот дуэт мощным и эффективным. Это и умение находить в сложнейших и запутанных ситуациях наиболее верный, зачастую единственно верный путь. Это и полководческий

дар предвидения, смелость и решительность при достижении намеченных целей с разумной степенью риска, правильной и часто неожиданный для противника выбор направления главного удара, умелое использование при обороне и наступлении всех сил и средств и многое другое. Два выдающихся полководца органически дополняли друг друга. Вместе им удавалось более успешно убеждать Верховного Главнокомандующего в принятии правильных решений.

По этому поводу их боевой соратник Герой Советского Союза генерал армии С.П.Иванов писал: «По характеру и темпераменту это были во многом не похожие друг на друга военачальники. Георгий Константинович — категоричный, властный, идущий к цели всегда прямым кратчайшим путем. Александр Михайлович — внешне мягкий, умеющий облечь свое решение в форму вежливой просьбы и иной раз исподволь подвести подчиненного к нужному выводу, так что у того создавалось впечатление, будто он сам самостоятельно пришел к нему. Казалось бы, на почве этой несхожести между ними обязательно должны были возникнуть трения, но в действительности ничего подобного не замечалось. И прежде всего, на мой взгляд потому, что не было между ними соперничества»[1].

Можно добавить: не было между ними и обыкновенной человеческой зависти, а была искренняя, честная и глубокая мужская дружба.

Мне посчастливилось 21 ноября 1966 г. лично познакомиться с Георгием Константиновичем Жуковым, а вскоре и с Александром Михайловичем Василевским. В течение последующих нескольких лет наши довольно частые встречи и беседы, а также переписка и телефонная связь способствовали установлению между нами достаточно близких и теплых отношений. Темами этих бесед были неизменно события кануна и периода Великой Отечественной войны, оценка государственных, политических и военных деятелей той эпохи (в том числе И.В.Сталина), а также интересовавшие и волновавшие тогда нашу общественность различные проблемы текущей политики.

Записывая мнения обоих маршалов по затрагиваемым вопросам, я невольно оказывался свидетелем и отношения их друг к другу. И не трудно было убедиться, что оно характеризовалось не только глубокой порядочностью, но и взаимной симпатией и сердечностью.

Уже во время первого телефонного разговора с А.М.Василевским, когда я сообщил ему, как восторженно был встречен маршал Жуков на научной конференции в ЦДСА и в Институте истории АН СССР, он сказал в ответ:

— Как хорошо, что вы, историки, поддержали Георгия Константиновича. Ведь столько лет такой заслуженный человек, выдающийся полководец находился по существу в изоляции от общества, как бы под домашним арестом... Мне он уже звонил, остался очень доволен этими встречами.

Меня тогда несколько удивили столь прямые суждения прославленного военачальника. Тем более, что телефонные разговоры могли и прослушиваться... Но, видимо, слишком много накипело на сердце у старого маршала за черную неблагодарность и несправедливость по отношению к своему боевому другу, спасителю Отечества. Позднее, во время одной из встреч, состоявшейся 27 июля 1977 г. на даче А.М.Василевского в подмосковном поселке Архангельское, он дал мне небольшое интервью, записанное на пленку.

Один из моих вопросов касался Георгия Константиновича Жукова. Я спросил маршала, что он может сказать о своем боевом друге и как относится к кампании шельмования, которая с известного времени развернулась вокруг великого полководца, продолжается и сейчас наряду с попыткой вообще забвения его имени, выдающейся его роли в войне.

Вот что ответил Василевский: «Прямо скажу, — Георгия Константиновича в октябре 1957 г. оболгали, оклеветали. Он настоящий и честнейший партиец. Вся эта недостойная кампания заслуживает осуждения со стороны всех честных людей. И я уверен — история рано или поздно сметет разные наветы, небылицы и грязь вокруг славного имени замечательного человека и полководца.

Что касается наших с ним отношений, то Вы правильно заметили: многие годы мы были и остались большими и верными друзьями. Познакомился я с ним в мае 1931 г., когда меня забрали из 48-й стрелковой дивизии в Управление боевой подготовки РККА. Я, как мог, возражал, просил оставить в дивизии, но еще в марте состоялся приказ наркома. Приехав в Москву, застал это управление в стадии формирования. Почти одновременно со мной приехал и Георгий Константинович Жуков в инспекцию кавалерии. Он был назначен помощником инспектора кавалерии.

И вот на первом организационном собрании коммунистов всех инспекций и штаба Управления боевой подготовки (а я был тогда кандидатом в члены ВКП(б)) секретарем партийного бюро по предложению Семена Михайловича Буденного был избран Жуков, а его заместителем — Иван Владимирович Тюленев. Георгий Константинович возглавлял нашу парторганизацию до 1934 г. Много я повидал на своем веку разных секретарей, но такого не припомню. Как он нами прекрасно руководил! Работа была проведена колоссальная, дисциплина — образцовая, просто прелесть.

Уже тогда у нас с Георгием Константиновичем сложились очень хорошие отношения. Три года совместной работы в Управлении боевой подготовки и жизнь наших семей в домах по соседству в Сокольниках для меня просто незабываемы.

Вспоминается один эпизод. Это было еще в самом начале нашей работы в управлении наркомата. Иду как-то после рабочего дня по

Арбатской площади и вижу большое скопление народа на трамвайной остановке (тогда по ней ходили трамваи). И в этой людской массе узнаю Жукова. А рядом с ним стоит довольно большая книжная этажерка. Мы поздоровались.

— Куда это Вы с этажеркой собрались ехать? — спрашиваю. Жуков отвечает, что получил комнату в Сокольниках и по этому случаю приобрел новую "мебель". Да вот из-за давки (все же едут с работы) невозможно сесть в трамвай. Уже несколько из них пропустил.

— Давайте вместе попробуем, мне ведь тоже в Сокольники, — предлагаю ему.

Он охотно согласился. Но как мы не старались, попасть в битком набитые вагоны так и не удалось. Пропустив еще три-четыре трамвая, мы, наконец, "махнули рукой" и решили идти до Сокольников пешком. Положили этажерку на свои плечи и двинулись в путь. Жуков впереди, а я за ним...

Можно представить, как это выглядело со стороны. Картина была довольно забавная. Мы, конечно, порядком устали, но своей цели достигли...

В 1934 г., прощаясь с Георгием Константиновичем, убывавшим на должность командира кавалерийской дивизии в Слуцк, я уже знал его как опытнейшего командира, отличного методиста, примерного партийца и отличного товарища.

В предвоенный год судьба вновь свела нас, но уже в том коллективе Генерального штаба, который он возглавлял. Я же работал в Оперативном управлении. С тех пор мы практически всегда были вместе.

Во время Великой Отечественной войны тоже почти всегда находились рядом. Ни одной крупной операции не проходило, чтобы мы оба не участвовали в разработке и осуществлении ее стратегического плана.

И Сталин, если первое время, в начале войны, посылал нашего брата к черту, многое брал на себя, явно переоценивая свои силы и военные знания, потом изменил к нам свое отношение и особенно уже в 1943–1944 гг. Иногда сам принимает решение, потом спрашивает наше с Жуковым мнение: "Ну что?".

Говорим:

— Товарищ Сталин, нам казалось бы в этой обстановке надо сделать то-то и то-то, внести такие-то коррективы, уточнения в план операции.

— Ну, черт возьми, где же вы были, что же вы молчали?

— Нет, мы эти предложения уже вносили.

Подумает и, как правило, соглашается с замечаниями»[2].

В тяжелые дни обороны Москвы творческий союз двух полководцев еще только складывался, но уже тогда он принес свои первые плоды. И Жуков, командовавший войсками Западного фронта, и Ва-

силевский, как заместитель начальника Генштаба, возглавлявший его оперативную группу, приняли активное участие в разработке плана контрударов и плана общего наступления Красной Армии.

Оба они четко сформулировали главную цель предстоящих решительных действий советских войск — не просто задержать дальнейшее продвижение противника и продолжать оборону столицы, а добиться его разгрома на полях Подмосковья. Эта цель, по словам Г.К.Жукова, «была довольно отчетливо выражена в состоявшемся 1 декабря разговоре заместителя начальника Генерального штаба А.М.Василевского с командующим Калининским фронтом И.С.Коневым: "Сорвать наступление немцев на Москву и тем самым положить начало серьезному разгрому противника можно лишь активными действиями с решительной целью"»[3].

Как отмечал боевой соратник полководцев Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян, «быстрая реакция заместителя начальника Генерального штаба на предложения командующего войсками Западного фронта Г.К.Жукова и аргументированная поддержка их при докладах И.В.Сталину сыграли существенную роль в повышении стойкости обороны столицы и в организации последовавшего победоносного наступления»[4].

Когда в результате обострения оперативной ситуации большая часть аппарата во главе с маршалом Б.М.Шапошниковым по решению Ставки выехала за пределы Москвы, А.М.Василевский возглавлял оставшуюся часть сотрудников Генштаба, став непосредственным помощником Верховного Главнокомандующего в руководстве военными действиями по защите Москвы. «Как говорил мне в свое время Г.К.Жуков, — писал маршал Баграмян, — это обстоятельство сыграло немаловажную роль, ибо с Александром Михайловичем они понимали друг друга с полуслова, кроме того, он смелее вел себя при обсуждении оперативных вопросов с Верховным Главнокомандующим»[5].

В дальнейшем результаты функционирования совместного содружества двух выдающихся полководцев становились все более эффективными, что особенно ярко выразилось во время Сталинградской и Курской битв.

Г.К.Жукову и А.М.Василевскому принадлежит огромная заслуга не только в рождении самой идеи окружения крупной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом, но и в строгом, убедительном обосновании своевременности замысла контрнаступления Красной Армии, который был разработан на основе дальнейшего анализа сложившейся обстановки в районе Нижней Волги.

К этому времени Г.К.Жуков уже являлся заместителем Верховного Главнокомандующего, а А.М.Василевский — начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Оба военачальника, почти постоянно находившиеся в качестве представителей Ставки ВГК под Сталинградом, точно уловили мо-

мент, когда стало возможно склонить здесь чашу весов в пользу Красной Армии.

«Приступая к разработке Сталинградской операции, — вспоминал позднее Александр Михайлович, — мы не имели реального опыта проведения крупных операций на окружение в современной войне. Дело было новое»[6]. И тем не менее в Ставку было представлено очень удачное и смелое военно-стратегическое решение этой задачи.

О том, как родилась идея окружения вражеской группировки под Сталинградом, план контрнаступления советских войск, имеются письменные свидетельства обоих полководцев.

При небольшом расхождении в определении точной даты первого совещания в Ставке ВГК в середине сентября 1942 г. и в ряде других деталей* в различных публикациях Г.К.Жукова и А.М.Василевского в целом идентично и довольно подробно освещается ход совещаний у И.В.Сталина с обсуждением возможности проведения крупной наступательной операции Красной Армии в междуречье Волги и Дона.

Уже во время первого совещания в Кремле Жуков и Василевский вкратце доложили Верховному свою идею об организации контрнаступления против войск противника, который сосредоточил все внимание и основные силы на штурме Сталинграда. Суть их предложений заключалась в том, чтобы после соответствующей тщательной и скрытой подготовки внезапно нанести мощные концентрические удары по слабым румынским войскам, прикрывавшим фланги основной немецкой группировки генерала Ф.Паулюса. Эти мощные удары могли бы привести к окружению и ликвидации всей вражеской группировки, а, следовательно, и к радикальному изменению обстановки на южном крыле советско-германского фронта.

«Верховный Главнокомандующий, — писал А.М.Василевский в статье, посвященной 80-летию маршала Г.К.Жукова, — не сразу одобрил наши предложения, считая, что в тот период стране будет не под силу проведение столь серьезной операции и что мы, проведя ее, можем подвергнуть войска и Советский Союз большому риску. От нас потребовалась настойчивость, и надо сказать, что и здесь сыграл основную роль характер Г.К.Жукова»[7].

---

* Например: *Василевский А.М.* Победа, не меркнущая в веках // Двести огненных дней. М., 1968. С. 28. Говорится: «12 сентября в Москву был вызван с фронта генерал армии Г.К.Жуков. *На следующий день* (курсив наш. — *Г.К.*) после его прибытия он и я были вызваны к И.В.Сталину». См.: *Жуков Г.К.* Разгром немецких войск в районе Дона, Волги и Сталинграда // Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 34–35. Статья стала основой одной из глав книги маршала «Воспоминания и размышления» (М., 1990. Т. 2. С. 301). Читаем: «Днем 12 сентября я вылетел в Москву и *через четыре часа* (курсив наш. — *Г.К.*) был в Кремле, куда Верховный вызвал и начальника Генштаба А.М.Василевского».

Сталин предложил обоим генералам отправиться в Генштаб, чтобы там детально продумать, что надо предпринять в районе Сталинграда и, спустя сутки, более конкретно доложить по существу вопроса.

«Весь следующий день, — вспоминал Г.К.Жуков, — мы с А.М.Василевским проработали в Генеральном штабе. Все внимание сосредоточили на возможности осуществления операции крупного масштаба, чтобы не расходовать подготовляемые и уже готовые резервы на частные операции»[8].

После одобрения основной схемы предложенного плана контрнаступления Сталиным было принято решение вновь направить генерала армии Жукова и генерал-полковника Василевского в качестве представителей Ставки ВГК под Сталинград, чтобы на месте изучить обстановку, наметить более выгодные направления ударов по врагу, уточнить необходимые силы и связанные с этим различные детали. Оба военачальника провели в войсках огромную подготовительную работу.

По возвращении с фронта они доложили свою оценку противника, основные соображения по плану предстоящей операции и прежде всего о наиболее выгодных направлениях для нанесения главных ударов. По словам А.М.Василевского, «мы выразили Сталину в присутствии находившихся в Москве членов Политбюро свою твердую уверенность в необходимости проведения задуманной операции»[9].

Детальная разработка контрнаступления была передана в Генеральный штаб, позднее к этой работе присоединились командующие и штабы фронтов, а затем и армий. 13 ноября план Сталинградской наступательной операции после докладов Г.К.Жукова и А.М.Василевского был утвержден на заседании Политбюро и Ставки ВГК.

На этом же заседании Ставка поручила Г.К.Жукову приступить к подготовке отвлекающей операции на Калининском и Западном фронтах, а на А.М.Василевского возложила координацию действий трех фронтов сталинградского направления при проведении контрнаступления.

Блестящее осуществление в битве на Волге грандиозного стратегического замысла по окружению и разгрому 22 вражеских дивизии заняло почетное место в истории мирового военного искусства.

Столь же эффективное боевое содружество двух советских полководцев, ставших после сталинградской победы Маршалами Советского Союза, проявилось и в Курской битве.

В конце марта 1943 г., сразу же после завершения зимней кампании, советское командование приступило к планированию и организации летнего наступления Красной Армии. Главный удар по противнику предлагалось нанести на юго-западном направлении.

Однако вскоре советской военной разведке удалось вскрыть подготовку гитлеровской армии к крупному наступлению в районе Курской дуги. Перед Ставкой ВГК встал вопрос: наступать или обороняться?

Согласно свидетельству А.М.Василевского, в конце марта – начале апреля по этому вопросу происходил неоднократный обмен мнениями между ним и заместителем Верховного Главнокомандующего Г.К.Жуковым. Оба они все больше склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. «Наиболее конкретный разговор о планировании боевых действий на ближайшее время, – отмечал Василевский, – состоялся у нас по телефону 7 апреля, когда я находился в Москве, в Генеральном штабе, а Г.К.Жуков – на Курском выступе, в войсках Воронежского фронта. А уже 8 апреля за подписью Г.К.Жукова был направлен Верховному Главнокомандующему доклад с оценкой обстановки и соображениями о плане действий в районе Курского выступа, в котором отмечалось: "Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным. Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выбьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника"»[10].

По мнению бывшего начальника Генштаба, указанный доклад сыграл первостепенную роль в принятии Ставкой правильного решения, хотя Сталина поначалу «очень беспокоил вопрос, выдержат ли наши войска удар крупных масс фашистских танков».

Чтобы снять основные сомнения Центра, Василевский был направлен в штаб Воронежского фронта, где он незамедлительно встретился с другим представителем Ставки ВГК – маршалом Жуковым.

Вспоминая об этой встрече, Жуков писал в своей книге: «9 или 10 апреля, точно не помню, в штаб Воронежского фронта прибыл А.М.Василевский. С ним мы еще раз в деталях обсудили мой доклад, обстановку, соображения по дислокации оперативно-стратегических резервов и характер предстоящих действий. *У нас с Александром Михайловичем было единое мнение по всем вопросам*»[11] (курсив наш. – *Г.К.*).

Вечером 12 апреля на совещании у И.В.Сталина состоялось обсуждение плана летней кампании 1943 г., и в частности, по Курской дуге. Помимо Верховного Главнокомандующего в нем участвовали Г.К.Жуков, А.М.Василевский и заместитель начальника Генерального штаба А.И.Антонов. Здесь было принято предварительное, но, как оказалось впоследствии, единственно правильное решение о преднамеренной обороне в связи с предстоящей наступательной операцией противника в районе Курского выступа. «Тщательный анализ обстановки и предвидение событий, – говорится в книге маршала Василевского «Дело всей жизни», – позволили сделать правильный вывод: главные усилия надо сосредоточить к северу и югу от Курска, обескровить здесь противника в оборонительном сражении, а затем перейти в контрнаступление и осуществить его разгром»[12].

Эти глубокие расчеты Ставки Верховного Главнокомандования и Генштаба, и прежде всего Жукова и Василевского, во многом предопределили выдающуюся победу Красной Армии в Курской битве. Добавим также, что оба полководца принимали самое непосредственное участие и в подготовке основного плана контрнаступления в районе Орла, Белгорода и Курска. Он был утвержден Сталиным еще в мае 1943 г. Но в ходе развернувшегося на Курской дуге оборонительного сражения указанный план по их инициативе неоднократно уточнялся и корректировался.

Например, когда к 23 июля ранее оборонявшиеся войска Воронежского и Степного фронтов в результате контратакующих действий сумели выйти к переднему краю обороны противника, Сталин потребовал немедленного перехода их в контрнаступление. Однако, по подсчетам Жукова и Василевского, нужно было не менее 8 суток, чтобы пополнить запасы горючего, боеприпасов, другие виды материально-технического обеспечения, а также организовать взаимодействие всех родов войск, осуществить некоторую перегруппировку сил, провести тщательную разведку и т.д. Следовало также иметь в виду, что, отойдя на заранее укрепленные рубежи, гитлеровцы неплохо подготовились к встрече войск Воронежского и Степного фронтов.

Поэтому только хорошо разработанная и обеспеченная наступательная операция могла гарантировать ожидаемый успех. «Сталин торопил нас с началом сражения, — вспоминал Георгий Константинович. — Мне и А.М.Василевскому стоило многих трудов доказать ему необходимость излишне не спешить с началом действий и начинать операцию только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена»[13]. По словам маршала, «скрепя сердце, после многократных переговоров Верховный утвердил наше решение, так как иного выхода тогда не имелось»[14].

В итоге наступательная операция прошла успешно и завершилась полной победой.

Можно было бы привести немало других примеров благотворного, зачастую решающего влияния союза двух выдающихся полководцев на подготовку, ход и исход многих битв и сражений на последующих этапах Великой Отечественной войны.

Они успели в своих книгах, статьях, беседах и интервью дать весьма высокие, но объективные оценки друг другу и, как нам кажется, даже иной раз за счет умаления собственных заслуг.

Приведем лишь некоторые из этих оценок. Вот что сказал однажды о Василевском Георгий Константинович Жуков: «Все, кому приходилось работать с Александром Михайловичем, отмечали его глубокие знания, четкость и ясность мышления. А.М.Василевский не терпел недоработок и догадок "на авось", а всегда требовал от лиц, готовивших операцию, твердых, точных данных и обоснован-

ных прогнозов». «Александр Михайлович не ошибался в оценках оперативно-тактической обстановки, — подчеркивал Жуков в своих мемуарах. — Поэтому именно его И.В.Сталин посылал на ответственные участки советско-германского фронта в качестве представителя Ставки. В ходе войны во всей полноте развернулся его талант военачальника крупного масштаба и глубокого военного мыслителя. В тех случаях, когда И.В.Сталин не соглашался с мнением Александра Михайловича, Василевский умел с достоинством и вескими аргументами убедить Верховного, что в данной обстановке иного решения, чем предлагает он, принимать не следует»[15].

Бывший военный корреспондент «Правды» П.Трояновский вспоминал, что после одной встречи журналистов с Г.К.Жуковым кто-то спросил маршала: «В своей книге Вы дали высокую оценку Василевскому. Что к этому можно добавить?»

Георгий Константинович, не задумываясь, ответил: «Александр Михайлович — такого масштаба военачальник и человек, что о нем можно говорить бесконечно»[16].

Как уже говорилось выше, во время встреч и бесед с Г.К.Жуковым или А.М.Василевским я не раз имел возможность убедиться, как тепло и с каким искренним уважением они говорили друг о друге, как светлели их лица, поднималось настроение, когда речь заходила о совместно пройденном, нелегком, но славном боевом пути. Однажды, находясь в гостях у А.М.Василевского на госдаче в подмосковном поселке Архангельское, я спросил его: что наиболее характерное он мог бы выделить в Жукове как полководце?

Ниже приводится полный текст мнения прославленного маршала по этому вопросу: «Сразу же хочу отметить, уважаемый Георгий Александрович, одну из сильных сторон, присущих этому великому полководцу, — блестящий талант организатора. Когда Жуков принимал решение, то немедленно мобилизовал все силы и возможности для его практического осуществления. Казалось, для него не существовало никаких преград. Он был рожден, чтобы побеждать.

И еще одна важнейшая черта. Жуков никак не походил на полководца, возвышающегося над солдатской массой. Он всегда находился в гуще бойцов, при подготовке к операции держал самый тесный контакт со всем командным составом, но особенно с офицерами частей и подразделений, которые действовали на главном направлении. Все это давало ему возможность знать подлинные настроения воинов, управлять их действиями и направлять усилия на успешное решение стоящих перед ними задач.

Размышляя о своем боевом друге, каждый раз прихожу к одному выводу: это был человек железной воли, большого личного мужества, выдержки и самообладания. Даже в невероятно трудные, критические моменты мне не приходилось видеть его растерянным или подавлен-

ным. Наоборот, в таких случаях, в такой обстановке он был весьма энергичен, собран и целеустремлен. Это и позволяло ему добиваться стратегической цели.

Выдающийся военный талант, огромные заслуги Жукова были отмечены высшими воинскими наградами и званиями. Но лучшей наградой для Георгия Константиновича являлась подлинная народная любовь, которая слепила завистливые глаза власть имущих. Вот почему, как и Суворов, он испытывал на себе и незаслуженную опалу. Причем, даже не одного правителя.

А миллионы простых людей искренне уважали и ценили Жукова как человека, очень много сделавшего для спасения нашего Отечества, всего человечества от гитлеровской чумы в годы Второй мировой войны, как человека, подпись которого стоит на историческом документе — Акте о безоговорочной капитуляции вооруженных сил фашистской Германии.

Закончить свой ответ на Ваш вопрос мне хочется словами моего незабвенного друга и соратника. Процитирую эти слова. Он подчеркивал: "Я всегда чувствовал, что нужен людям, что постоянно им должен. А это, если думать о смысле человеческой жизни, — самое главное. Моя судьба — лишь маленький пример в общей судьбе советского народа". Так писал незадолго до своей кончины наш Национальный Герой, Маршал Победы, убежденный коммунист, великий патриот и великий полководец.

Человеку, который ощущает органично слитно свою личную жизнь и народа, можно только позавидовать. Его жизненный путь, многогранная деятельность по защите нашей Советской Родины достойный образец для многих»[17].

В заключение еще раз подчеркнем — это был уникальный тандем, возможно, беспрецедентный в истории войн. Это был чрезвычайно плодотворный союз двух величайших полководцев XX века.

[1] Красная звезда. 1975. 30 сентября.

[2] Личный архив автора. Магнитофонная запись. 1977. 27 июля.

[3] *Жуков Г.К.* Заря грядущей Победы // Правда. 1971. 5 дек.

[4] *Баграмян И.Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 47.

[5] Там же.

[6] См.: *Яровиков В.* Грани военного таланта: (Об А.М.Василевском). М., 1979. С. 44.

[7] Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 63.

[8] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 2. С. 302.

[9] Военно-исторический журнал. 1976. № 11. С. 63.

[10] См.: *Василевский А.М.* Стратегическое планирование Курской битвы // Курская битва. М., 1970. С. 79.

[11] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 3. С. 17.
[12] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. 2-е изд., доп. М., 1975. С. 333.
[13] *Жуков Г.К.* На Курской дуге // Курская битва. М., 1970. С. 56.
[14] Там же.
[15] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. Т. 2. С. 112.
[16] *Трояновский П.* Почерк полководца // Правда. 1985. 30 сент.
[17] Личный архив автора.

МАРШАЛ К.К.РОКОССОВСКИЙ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО СОРАТНИКОВ

Полководческая деятельность генерала, а затем Маршала Советского Союза К.К.Рокоссовского во время Великой Отечественной войны проходила в тесном взаимодействии и содружестве с целой когортой его талантливых боевых соратников по 16-й армии Западного фронта, по Брянскому, Донскому, Центральному, Белорусскому, 1-му и 2-му Белорусским фронтам, где он был командующим.

Среди этих военачальников в первую очередь назовем известные имена генералов и некоторых будущих маршалов: В.И.Казакова, М.С.Малинина, А.А.Лобачева, К.Ф.Телегина, С.И.Руденко, Н.А.Антипенко, М.Е.Катукова, А.В.Горбатова, П.И.Батова, А.П.Белобородова, А.С.Жадова, А.И.Прошлякова, Г.Н.Орла, Е.Ф.Ивановского.

Почти все они успели в послевоенные годы выпустить в свет свои военно-исторические исследования или мемуары в виде книг и статей, в которых достойное место занимают описания и оценки полководческой деятельности К.К.Рокоссовского.

С большинством из названных военачальников автору довелось неоднократно встречаться, беседовать и записать их откровенные и интересные свидетельства о тяжелом и героическом военном лихолетье, о наших славных воинах, героях, полководцах, в том числе и о маршале К.К.Рокоссовском. Кроме того, мы располагаем и некоторыми, к сожалению, пока еще неопубликованными рукописями однополчан Константина Константиновича и небольшими, но весьма содержательными воспоминаниями бывшего заместителя командующего войсками Брянского и Белорусских фронтов по тылу генерал-лейтенанта Н.А.Антипенко под названием «Рядом с Г.К.Жуковым и К.К.Рокоссовским».

Опираясь на указанный материал и суммируя имеющиеся в нашем распоряжении суждения о прославленном маршале, рассмотрим на фоне некоторых военных событий наиболее примечательные черты К.К.Рокоссовского как полководца и человека, которые на редкость единодушно выделяли все его боевые друзья и соратники.

Каждый из них, говоря о нем, отмечал прежде всего чисто человеческие качества: ровность характера, интеллигентность, выдержку, простоту, доступность, исключительную вежливость в обращении с

подчиненными, собранность, наряду с принципиальностью, твердостью, решительностью, мужеством.

Приведем несколько оценок общего характера. Вот, что писал о своем боевом соратнике Маршал Советского Союза Г.К.Жуков: «Рокоссовский был очень хорошим начальником. Блестяще знал военное дело, четко ставил задачи, умно и тактично проверял исполнение своих приказов. К подчиненным проявлял постоянное внимание и, пожалуй, как никто другой, умел оценить и развить инициативу подчиненных ему командиров. Много давал другим и умел вместе с тем учиться у них. Я уже не говорю о его редких душевных качествах — они известны всем, кто хоть немного служил под его командованием...»[1]

Маршал Советского Союза И.Х.Баграмян охарактеризовал личность нашего полководца в такой формуле: «Мой друг маршал Рокоссовский был воплощением богатырского мужества и рыцарской скромности». По словам Баграмяна, «Константин Константинович Рокоссовский счастливо сочетал природный ум, удивительное трудолюбие, твердость убеждений, выдающиеся организаторские способности, дар полководца и мужество солдата»[2].

Это же отмечал генерал армии П.И.Батов: «Он удивлял своим полководческим талантом и совершенно поразительной скромностью. Сколько лет знал его, сколько боев прошли рядом — и почти никогда не слышал от него слова "я"». И далее: «Редкая личная храбрость, необыкновенное человеческое обаяние удачно сочетались в нем с творческим и трезвым умом, энергией, решительностью и требовательностью»[3].

Маршал войск связи И.Т.Пересыпкин во время одной из наших бесед (14 марта 1978 г.), на мой вопрос, к кому из полководцев Красной Армии у него особые симпатии, ответил: «Это, конечно, Константин Константинович Рокоссовский. В дни войны мне довелось не раз встречаться с ним в войсках, в штабе фронта, на его квартире. И я не мог не поражаться его изумительной скромности, тактичности, предельной вежливости. Он привлекал своим обаянием. И вот что удивительно: я ни разу не слышал, чтобы он на кого-то повысил голос. А ведь какое было тяжелое и драматическое время! Иной раз легко было сорваться, выплеснуть на подчиненных свое недовольство за неизбежные промахи и неудачи, сказать резкие слова... Но Рокоссовский всегда оставался ровным и выдержанным. Безусловно, это был выдающийся человек, большого военного таланта и богатых дарований»[4].

И наконец, мнение маршала бронетанковых войск М.Е.Катукова: «...Мне пришлось воевать вместе с Константином Константиновичем не один месяц, приходилось бывать в сложнейших ситуациях, и всегда я не переставал удивляться исключительной выдержке этого человека, его безукоризненной вежливости со всеми — от рядового до маршала.

...Я много раз думал, почему все, кто так или иначе знал Рокоссовского, относились к нему с безграничным уважением. И ответ напрашивался только один: оставаясь требовательным, Константин Константинович уважал людей независимо от их звания и положения. И это главное, что привлекало в нем»[5].

К началу войны К.К.Рокоссовский находился в Киевском особом военном округе, где недавно был назначен командиром 9-го механизированного корпуса. Совершив 200-километровый бросок в район Луцка, передовые отряды танковых дивизий мехкорпуса с ходу вступили в ожесточенные бои с противником и потеснили его за Стырь. Тем самым они оказали существенную поддержку находившимся под угрозой окружения воинам 135-й стрелковой дивизии генерала Ф.Н.Смехотворова и 1-й артиллерийской противотанковой бригады генерала К.С.Москаленко. «Когда позднее мы читали это донесение, — вспоминал маршал И.Х.Баграмян, — то не верили глазам. Как это удалось Рокоссовскому? Ведь его так называемой моторизованной дивизии предстояло следовать... пешком. Оказывается, решительный и инициативный командир корпуса в первый же день войны на свой страх и риск забрал из окружного резерва в Шепетовке все машины — а их было около двухсот, — посадил на них пехоту и комбинированным маршем двинул впереди корпуса. Подход его частей к району Луцка спас положение. Они остановили прорвавшиеся танки противника и оказали этим значительную помощь отходившим в тяжелой обстановке соединениям»[6].

В июле 1941 г., когда создалось тяжелое положение под Смоленском, Рокоссовский возглавил одну из оперативных групп Западного фронта, включив в нее отступавшие соединения, части и небольшие отряды. В районе Ярцево его группа нанесла неожиданный удар по наступавшему противнику. Воины Рокоссовского освободили город, форсировали реку Вопь и закрепились на выгодных рубежах. Эти первые боевые успехи Константина Константиновича были отмечены четвертым орденом Красного Знамени, а на 45-й день войны он стал командующим 16-й армией Западного фронта.

Осень 1941 г. Тяжелые бои на Западном фронте. Начав операцию «Тайфун», немецко-фашистские войска прорвали фронт, и пять наших армий попали в окружение. Враг оказался у стен Москвы. Именно здесь мужал и закалялся полководческий талант К.К.Рокоссовского. Его 16-я армия, оборонявшая волоколамское направление, сыграла на рубежах Подмосковья выдающуюся роль.

«Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями, — писал маршал Г.К.Жуков в своей книге "Воспоминания и размышления". — Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не

позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее подготовленные и уже занятые артиллерией рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев»[7].

В действиях 16-й армии постоянно чувствовалась умело направляющая рука ее командарма, его способность не только глубоко оценить складывающуюся обстановку, но и предвидеть вероятный ход событий в ближайшем будущем.

Это обстоятельство особо подчеркнул в своих мемуарах бывший командир 78-й стрелковой дивизии, входившей в состав 16-й армии, генерал А.П.Белобородов. По его словам, «личные качества генерала Рокоссовского сыграли большую роль» в боевых действиях 16-й армии под Москвой. Не раз 78-я дивизия попадала в критическое положение, «но не было случая, — отметил Белобородов, — чтобы Константин Константинович, связавшись с нами по телефону или радио, даже после длительного перерыва (связи со штабом армии мы не имели иногда сутками), недостаточно оценил обстановку. Когда мне очень хотелось прикрыть зияющие пустоты в обороне последним резервом, он говорил:

— Поспешай, но не торопись. Твой резерв — это твой маневр. Не торопись лишать себя маневра.

Оперативная смелость генерала Рокоссовского передавалась и нам, его подчиненным»[8].

Когда 5–6 декабря 1941 г. части Красной Армии перешли в контрнаступление, воины 16-й армии находились в авангарде атакующих. Преследуя 5, 10, 11-ю танковые дивизии вермахта, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию, они освободили Крюково, Каменку, Истру, Волоколамск и ряд других городов и населенных пунктов. Только за один день 16 января 1942 г. войска 16-й армии выбили противника из 14 населенных пунктов, превращенных им в сильные узлы сопротивления[9].

Как в дни обороны столицы, так и во время развернувшегося наступления, бойцы и командиры 16-й армии часто видели своего командующего на самых передовых рубежах.

Вновь обратимся к воспоминаниям генерала армии А.П.Белобородова, который рассказывал: «Вскоре на наш КП, находившийся в деревне Иваново, приехал К.К.Рокоссовский. Как обычно, он внимательно, ни разу не перебивая, выслушал данные о противнике, мои соображения по поводу созданного за Рузой плацдарма». Далее Белобородов подробно описал посещение Рокоссовским 258-го полка и небольшого с высоткой плацдарма на западном берегу Рузы, где закрепилась рота из 1-го батальона капитана Романова. Это было открытое место, и гитлеровцами простреливался здесь буквально каждый бугорок. Вопреки всем предостережениям и, несмотря на все опасности, Рокоссовский отправился на передний край, получив на месте столь

необходимые сведения. «Уже в Иваново, на КП дивизии, — продолжал свой рассказ Белобородов, — я все-таки высказал К.К.Рокоссовскому мои сомнения насчет вылазки на передний край. Ради чего так рисковать командарму?

Константин Константинович положил на мое плечо правую руку, тепло улыбнулся и, перейдя на "ты", спросил:

— Сам-то ходишь на передний край?

— Разумеется.

— Зачем?

— Я — это другое дело: командир дивизии обязан...

— И командарм обязан, — сказал он. — Я тоже обязан ясно представлять себе и людей, которые будут выполнять мой приказ, и обстановку, в которой они живут на войне. Если долго не бываешь в окопах переднего края, начинает казаться, будто что-то уходит от тебя. Теряешь ощущение конкретности, той связи, которая всегда должна быть между тобой и солдатом...»[10]

Приведем еще два свидетельства подобного стиля боевой работы Рокоссовского.

«Командарм целые дни проводил в частях, — писал в своей, сегодня почти забытой книге "Трудными дорогами" бывший член Военного совета 16-й армии А.А.Лобачев. — ...Во время войны стало общим правилом: генерал, приехав в часть, обязательно обходил передний край, расспрашивая бойцов, как кормят, давно ли мылись в бане, получают ли письма. Этому правилу твердо следовал Рокоссовский. А жизнь самого командира взвода, роты, батальона? Не обидел ли его кто-нибудь, не нужно ли ему чем-нибудь помочь? Рокоссовский повседневно заботился о командирах. Не раз я был свидетелем бесед командарма с офицерами. Его интересовало буквально все: как они связаны с семьей, как устроен их быт на переднем крае...»[11]

И на последующих этапах войны, уже командуя рядом фронтов, Константин Константинович всегда оставался верен этому своему правилу. Как свидетельствовал один из однополчан полководца — генерал П.И.Батов, Рокоссовский «большую часть времени проводил на боевых участках, излазил вместе с командармами весь передний край и составил мнение, на что способен каждый командир дивизии. Многих командиров полков он вскоре знал настолько, что мог дать аттестацию, не заглядывая в документы. Личная проверка командующим передовых частей и соединений — сильное средство воспитания и сколачивания войск»[12].

Военная биография К.К.Рокоссовского богата многими другими эпизодами, характеризующими суть портрета этой яркой личности и запечатленными в памяти его боевых друзей и соратников.

В конце января 1942 г. генерал Рокоссовский и штаб 16-й армии блестяще справились с необычной и очень сложной задачей, по-

ставленной командующим Западным фронтом генералом армии Жуковым, — временно возглавить основные силы 10-й армии и вернуть недавно отбитый противником город Сухиничи...

29 января по существу без боя Сухиничи были вновь освобождены. Бросая технику, склады, боеприпасы, гитлеровцы в панике покинули город, даже не успев его заминировать. Важную роль здесь сыграла высокая репутация молодого советского генерала в войсках противника как мастера неожиданных ударов и большого специалиста по окружению вражеских частей. Узнав о прибытии под Сухиничи столь уже известного командарма 16-й (а, значит, и его воинов!), комендант гарнизона генерал фон Гильз предпочел не испытывать судьбу и поспешно ретировался.

«В Сухиничах я познакомился с генералом Рокоссовским, — отметил в те дни в своей записной книжке Илья Эренбург. — После битвы под Москвой его имя все выделяли, да и внешность у него привлекательная. Кажется, он самый учтивый генерал изо всех, которых я когда-либо встречал»[13].

В Сухиничах командарм получил тяжелое осколочное ранение... В конце мая 1942 г., немного окрепнув, хотя и не долечившись, Рокоссовский вопреки запрету врачей решает покинуть госпиталь и возвращается в свою 16-ю армию. Однако вскоре, 13 июля 1942 г., в звании генерал-лейтенанта он назначается командовать войсками вновь созданного Брянского фронта.

Вспоминая о первой встрече с ним, генерал-лейтенант Н.А.Антипенко, тоже только что получивший в июне 1942 г. новое назначение (заместителем командующего Брянским фронтом по тылу), писал: «Вскоре прибыл новый командующий войсками Брянского фронта генерал-лейтенант К.К.Рокоссовский. О нем и его 16-й армии много писали в газетах. Имя Рокоссовского не сходило с уст, когда речь шла об отражении немецких атак на Волоколамском шоссе, о переходе наших войск в наступление на этом направлении, а еще раньше — о кровопролитных боях под Ярцево.

Теперь мне пришлось встретиться с ним как со своим командующим. Хотя мы увиделись впервые, у меня было впечатление, будто мы уже много лет знаем друг друга. Я коротко рассказал о себе, о своей службе. Рокоссовский деликатно прерывает мой доклад и, как бы невзначай, заявляет мне, что он успел попасть в очень сложное положение.

Глядя на карту, он рассказал об обстановке: "13-я армия, ставшая теперь левофланговой армией нашего фронта, вела напряженные бои. У нее очень тяжелое положение с ранеными. Ей надо помочь в первую очередь. Об остальном поговорим еще не раз", — сказал Рокоссовский. В тоне, каким он говорил, не было ничего похожего на приказ, но я почувствовал серьезную тревогу командующего за 13-ю армию». Начальник тыла фронта принял энергичные меры и за короткий срок

ему удалось навести необходимый порядок с эвакуацией, размещением и обслуживанием раненых[14].

Сильной стороной полководческой деятельности К.К.Рокоссовского было его непреклонное стремление бить врага «малой кровью», т.е. ценой наименьших собственных потерь. Широта военных знаний, организаторский талант, большой дар предвидения, умение создать среди подчиненных творческую рабочую атмосферу и достойно оценить их полезную инициативу — все это позволяло Константину Константиновичу при проведении различных операций добиваться желаемых результатов с наибольшим эффектом.

Его человеческое обхождение с людьми, удивительная тактичность, демократизм и личное обаяние вызывали у боевых соратников постоянное желание выполнить приказ командующего как можно быстрее и лучше, действовать смелее и решительнее.

Это отмечали в своих воспоминаниях практически все без исключения названные выше боевые друзья и однополчане прославленного полководца.

«28 сентября 1942 г. наш Сталинградский фронт был переименован в Донской, — рассказывал бывший командующий 16-й воздушной армией маршал авиации С.И.Руденко. — Командующим стал генерал-лейтенант К.К.Рокоссовский — молодой, стройный, обаятельный. Все командиры приняли его очень хорошо.

Что особенно привлекало в новом командующем? Он глубоко понимал любые вопросы организации боя, умел предвидеть, как будут развиваться события при тех или иных изменениях обстановки. Была у него и еще одна хорошая черта: внимательное отношение к каждому. Некоторые мнения он не разделял и прямо говорил, что такую точку зрения не поддерживает, что надо делать так, а не иначе. Но делал это спокойно, уважительно...

Одним словом, Константин Константинович сразу же расположил людей к себе. Постепенно это расположение переросло в безграничную веру в него как в талантливого военачальника. Откуда рождалась эта вера, причем буквально у всех бойцов и командиров фронта?»

Отвечая на свой же вопрос, маршал Руденко заметил, что самое сильное впечатление, как в мирные годы, так и на войне, оставляли у него те командиры, у которых военная жилка проявлялась в любой обстановке. При встрече с опасностью они испытывали какое-то особое вдохновение. И на первый план выступали их лучшие командирские и человеческие качества, а решительность, воля, инициатива, находчивость словно удваивались.

«Вот таким военачальником был К.К.Рокоссовский, — подчеркнул С.И.Руденко. — В минуты грозной опасности он становился еще инициативнее и изобретательнее, тверже и собраннее. И буквально все подчиненные — от солдата до генерала — были готовы беспрекословно

выполнить любую его задачу. Константина Константиновича мне довелось видеть в различной боевой обстановке, в самых критических ситуациях. И всегда он оставался хозяином положения»[15].

В беседе с маршалом, состоявшейся 24 февраля 1971 г., когда мы коснулись вопроса о характерах наших полководцев, Сергей Игнатьевич Руденко обратил внимание на одну замечательную черту Рокоссовского: высокую степень гуманности, умение, несмотря на экстремальные условия, прощать людям некоторые слабости, отдельные промахи, его крайнюю осторожность, осмотрительность при применении наказания. «Уважая воинов, Константин Константинович никогда не допускал чрезмерного наказания виновных, — сказал Руденко. — Приведу Вам один пример. Летом 1944 г. в первый же день начавшейся операции "Багратион" произошло ЧП. Наши штурмовики ударили по лесу, где в это время находился командующий фронтом Рокоссовский. Возвращаясь с наблюдательного пункта, он остановил машину в лесу, — чтобы немного отдохнуть. Его автомобиль оказался весь изрешечен пулями и осколками, но, к счастью, сам командующий не пострадал.

Когда мне об этом сообщили, я буквально онемел. Даю запрос: "Чьи штурмовики?" Получаю ответ: 300-й дивизии. Выяснилось, что экипажи, которые вел штурман из 382-го полка, потеряли ориентировку, но все же решили сбросить бомбы и обстрелять предполагаемого противника.

Последовала моя команда — отстранить эти экипажи от полетов, а группе офицеров срочно разобраться с происшествием.

И вот раздается телефонный звонок от Рокоссовского:

— Что ты там делаешь в 300-й дивизии? Имей в виду: все летчики пусть воюют. Своей властью сделай строгое внушение непосредственным виновникам. Но никакой жестокости не проявляй.

При первой же встрече командующий спросил, что я предпринял. Отвечаю: все летчики, кроме провинившихся, продолжают боевые полеты.

— Пусть все воюют, никого не наказывай, — твердо заключает Константин Константинович...»[16]

Выдающийся стратегический талант К.К.Рокоссовского с присущим ему особым полководческим почерком еще более весомо проявился во время Сталинградского сражения, разгрома немецко-фашистских войск на Курской дуге и в битве за Днепр. По словам генерала армии А.С.Жадова, «он творчески применял важнейшие принципы советского военного искусства — решительное массирование сил и средств на направлении главного удара, смелое и мастерское маневрирование резервами... решительно избегал шаблона»[17].

По общему мнению соратников Константина Константиновича, принимаемые им тогда решения были неожиданными для вражеских

войск и свидетельствовали о превосходном знании противника, его предполагаемых действий.

Показателем зрелого военного мышления и мастерства полководца явилась Белорусская стратегическая наступательная операция, в проведении которой участвовали войска 1-го Белорусского фронта, возглавляемого К.К.Рокоссовским. Как вспоминал бывший член Военного совета фронта генерал-лейтенант К.Ф.Телегин, «Ставка ориентировала нас, что в предстоящем наступлении задача 1-го Белорусского фронта должна состоять в нанесении главного удара на Бобруйск, Осиповичи из района Рогачева, Жлобина и вспомогательного — из района южнее Паричи.

Однако тщательное изучение противника, его системы обороны и местности привело командующего фронтом генерала армии К.К.Рокоссовского к выводу о целесообразности нанесения не одного, а двух мощных ударов примерно равными силами: одного — с участка Рогачев, Жлобин на Бобруйск, Осиповичи и второго — из района южнее Паричи, вдоль западного берега Березины, на Слуцк в глубокий обход бобруйской группировки противника с юга, с последующим наступлением на Минск, Барановичи, Брест...

Как-то трудно было сразу согласиться с планом двух ударов во фронтовой операции. Даже такие близкие помощники командующего, прошедшие с ним большой боевой путь, как начальник штаба фронта генерал М.С.Малинин и его заместитель генерал И.И.Бойков, вначале были крайне удивлены столь необычным решением командующего.

Несколько дней и ночей провели члены Военного совета в штабе фронта. Вместе с командующими родов войск и начальниками управлений думали, считали, уточняли, высказывали сомнениия, опасения, вносили предложения, советовались с командармами и командирами танковых корпусов. Но Рокоссовский обладал замечательной способностью убедительно обосновывать правильность именно такого решения. И Военный совет единодушно принял этот план»[18].

Сам ход и развитие Белорусской операции в июне–июле 1944 г. блестяще подтвердили всю правоту указанного неординарного и смелого решения Рокоссовского. (Вскоре Ставка ВГК после продолжительного обсуждения утвердила этот план.)

Оценивая роль Константина Константиновича в реализации плана, бывший начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии М.С.Малинин писал: «В ходе операции командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Рокоссовский К.К. спокойно, уверенно и твердо осуществлял руководство. Он глубоко понимал роль штаба в управлении войсками и относился с полным доверием и уважением к его работе, сплачивая вокруг себя коллектив штаба и всего полевого управления фронта. На этой основе все органы полевого управления работали постоянно в тесном

деловом взаимодействии. О принятых решениях или отданных распоряжениях тов. Рокоссовский немедленно ставил в известность штаб фронта, что давало возможность своевременно доводить их до войск и осуществлять контроль за выполнением поставленных задач...

Постоянная уверенность командующего войсками фронта в выполнении стоящих перед войсками задач и его спокойствие в самые острые моменты операции, а таких было немало, передавались и штабным работникам, бравшим пример со своего командующего»[19].

Однополчанин Рокоссовского по 2-му Белорусскому фронту – бывший начальник оперативного отдела танкового корпуса, а затем командир тяжелого танкового полка генерал армии Е.Ф.Ивановский рассказывал, как быстро полюбили нового командующего воины фронта. «Он был прост, доступен, внимателен и, я бы сказал, деликатен в отношениях со всеми. ...И уже одно это создавало атмосферу взаимного уважения, спокойной деловитости», – подчеркнул генерал. «А как его любили, как восхищались своим командующим рядовые бойцы! – продолжал он. – У нас на 2-м Белорусском фронте была очень популярна песня, где звучали такие слова:

Грозный гром – салют московский –
В нашу честь гремел не раз.
Храбрый маршал Рокоссовский
Вел всегда к победе нас.

...К.К.Рокоссовский любил солдата, хорошо знал его нужды и запросы и всегда подчеркивал, что если по-отечески руководить им, можно решить любую задачу»[20].

У читателя или слушателя столь высоких оценок маршала Рокоссовского как полководца и человека поневоле мог возникнуть вопрос: а все-таки допускал ли прославленный военачальник какие-либо ошибки и были ли у него, пусть небольшие, но недостатки в характере? Можно сразу ответить утвердительно, ибо, как любой человек, Константин Константинович не был свободен от них.

В связи с этим приведу такой пример. На юбилейной научной конференции в ЦДСА (13 мая 1970 г.), посвященной 25-летию Победы, мое место в конференц-зале оказалось рядом со старым знакомым и очень уважаемым человеком – бывшим командармом 3-й армии генералом армии А.В.Горбатовым. После окончания конференции Александр Васильевич пригласил меня к себе в гости. Через какие-то полчаса мы на его служебном ЗИСе оказались у дома № 2 по улице Качалова, где проживал генерал.

За чашкой чая я стал его расспрашивать о некоторых событиях военных лет, о Сталине и его окружении, о наших полководцах и

т.д. Речь зашла и о Константине Константиновиче. «Ваш бывший командующий, видимо, самый интеллигентный и любимый среди всех остальных», — говорю Горбатову. «Согласен, — отвечает он. — Это был не только очень талантливый военачальник, но и яркая, неординарная личность. Однако и ему, как говорят, "ничто человеческое не было чуждо". Однажды у нас с ним случилось серьезное расхождение по одному вопросу, которое имело некоторые последствия.

Во второй половине февраля 1944 г. за четыре дня наступательных боев воины моей 3-й армии добились немалых успехов: форсировали Днепр, очистили от вражеских войск важный в оперативном отношении плацдарм на восточном берегу реки, освободили город Рогачев (причем 23 февраля), перерезали столь необходимую для противника железнодорожную линию Жлобин—Могилев, захватили плацдарм на р. Друть, более 8 тыс. пленных, большое количество техники, много вооружения и других трофеев.

Но дальше наступать пока было нельзя: сопротивление противника резко усилилось. Он подтянул большое количество свежих сил, в том числе три танковые дивизии и, насколько помню, 25 февраля в условиях возросших потерь нам пришлось оставить южную часть только что освобожденного села Озеране...

Я решил перейти к обороне и глубоко окопаться. Доложил об этом командующему фронтом Рокоссовскому. Он не согласился и на следующий день приехал ко мне. Получился нехороший разговор. Рокоссовский был человек очень спокойный, интеллигентный, и я его уважал. Здесь же он в категорической форме потребовал продолжить наступление на Бобруйск.

Спрашивает меня: "Почему Вы не соглашаетесь?" Отвечаю: "Если сейчас начну наступать, то в изменившейся обстановке много наших людей погибнет и противник снова захватит плацдарм". И тут Рокоссовский сказал: "Руки по швам, выполняйте приказ"...

Я с 1912 г. в армии, прекрасно понимал: отказаться от выполнения приказа командующего в условиях военного времени — верная смерть. В крайнем случае, если суд будет справедлив, — разжалуют в солдаты. Но тем не менее заявил: "Товарищ командующий, пусть армию губит другой, я не согласен".

После этого Рокоссовский уехал. Я послал ему вдогонку объяснительную записку, в которой изложил, почему я отказался наступать. А в конце ее приписал: прошу доложить мой рапорт в Ставку. Просил, чтобы меня перевели на другой фронт.

Как я и предполагал, когда мы перешли к обороне, противник тоже перестал наступать. Через два дня мне звонит первый заместитель начальника Генштаба генерал армии Антонов и сообщает: "С Вашим рапортом ознакомился Иванов. (Это значит Сталин.) Он считает, что Вы правы и Вам нужно остаться там, где Вы сейчас. Вот в кабинете у

тов. Иванова находится тов. Константинов (т.е. Рокоссовский. – *Г.К.*), и он тоже просит, чтобы Вы остались у него".

Вкратце об этом я написал в своей книге, в том числе и о том, кто оказался прав. Рокоссовский читал мою книгу, может быть, читал не раз, но он никогда не сказал, что я в чем-то не прав, всегда соглашался. Но вот в своей книге я также отметил следующее. Сейчас я Вам, Георгий Александрович, процитирую это место: "Я побаивался, что после этого у нас с К.К.Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился" (*Горбатов А.В.* Годы и войны. М., 1965. С. 275).

И вот здесь по соображениям, о которых нетрудно догадаться, не сказана подлинная правда. А она заключается в том, было все-таки сведение личных счетов со мной, а из-за меня и с 3-й армией. Так, половину г. Минска 3 июля 1944 г. освободила наша 3-я армия, но в приказе Верховного Главнокомандующего о ней ничего нет. Но зато, например, сказано, что отличились войска армии генерала Батова, которая от нас была через армию. Я ничего не могу сказать плохого про Батова. Это прекрасный человек, прекрасный военачальник. Но вот так получилось. А ведь все первичные сведения для приказа поступали от командующего войсками фронта. Ну и, наконец, тоже в порядке примера: за форсирование Днепра и удержание плацдармов на его правом берегу 3-я армия оказалась самой обделенной в отношении высоких наград, включая звание Героя Советского Союза, в том числе и ее командующий», – сказал в заключение генерал армии А.В.Горбатов[21].

Эти свидетельства одного из боевых соратников нашего героя и полководца, несмотря на некоторые критические замечания, позволяют, на наш взгляд, более объективно и правдиво представить его многогранный и неординарный образ.

В послевоенные годы Константина Константиновича постоянно окружала большая всенародная любовь. Его популярность в народных массах была поистине безграничной. Автору не раз приходилось быть свидетелем искренних проявлений глубочайшего уважения простых людей к прославленному маршалу, а также испытать на себе ответные проявления со стороны К.К.Рокоссовского.

Как отмечал генерал-лейтенант Н.А.Антипенко, «даже не склонный к "сантиментам" Сталин любил Рокоссовского». «Надо же было так случиться, – писал далее Антипенко, – оба они: Сталин и Рокоссовский родились 21 декабря. В самом начале декабря 1943 года Рокоссовский был в Москве. Сталин пригласил его на ужин. Константин Константинович мне рассказывал об этом так: "Было далеко за полночь с 20-го на 21-е декабря. Присутствовали некоторые члены Политбюро. Обстановка за столом была самая непринужденная. Взяв меня под руку, Сталин отвел в сторону и тихо сказал: "Да, мы Вас креп-

ко обидели, товарищ Рокоссовский... Ну что ж, бывает... Извините..." Потом мы возвратились к столу. Кто-то провозгласил тост за здоровье Сталина. Закусили. Встав из-за стола, Верховный подошел ко мне с полным бокалом "Хванчкары" (его любимого вина), произнес тост в мою честь и стал чокаться со мной так, чтобы верхний край его бокала был бы не вровень с моим, а чуть пониже. Я знал этот грузинский обычай, выражающий особое уважение, и поспешил опустить свою рюмку ниже. Сталин повторил свой прием, опустив руку с бокалом еще ниже, то же сделал и я. В конце концов наши бокалы оказались на полу. Это всех рассмешило..."»[22].

Завершая настоящий очерк, снова обратимся к неопубликованным воспоминаниям генерала Н.А.Антипенко. По словам Николая Александровича, после войны ему не раз доводилось отдыхать вместе с маршалом в санатории им. Фрунзе в Крыму. Константин Константинович увлекался теннисом, рыбной ловлей и до конца жизни — шахматами.

«Как-то в столовой санатория, — вспоминал Антипенко, — садимся с моей женой Еленой Дмитриевной завтракать и видим перед собой целую гору жареной рыбы.

— Это вам от маршала Рокоссовского, — сказала официантка. Так было не раз. Константин Константинович любил ранним утром уходить в море — половить рыбу. Бывали такие удачные дни, когда весь большой улов рыбы он сдавал на кухню — потчевал всех отдыхающих.

На пляже мы часто играли в шахматы. В последние два приезда в санаторий его здоровье заметно ухудшилось. Не раз во время наших шахматных сражений я видел на лице Рокоссовского выражение какой-то озабоченности и тревоги. Но он избегал разговоров о болезни. Перестал купаться в море, довольствуясь бассейном. Просил меня составлять ему компанию и позаботиться о том, чтобы пока в это время никто в бассейн не заходил.

— Я и так живу "лишних" десять лет благодаря врачам. Знаю, что болезнь неизлечима, а жить хочется, — как-то сказал мне Константин Константинович.

Трудно было даже допустить крайнюю мысль о человеке, с которым тебя так тесно связала судьба в годы войны... То было суровое и ответственное время, когда каждый из нас свято выполнял свой солдатский долг перед Родиной и народом. Именно таким, безгранично преданным своей матушке-земле и народу, был Маршал Советского Союза Рокоссовский»[23].

[1] Цит. по: *Блоштейн Е.А., Захацкий Б.Н.* Маршал К.К.Рокоссовский: Военно-исторические материалы. М., 1996, С. 35.

[2] *Баграмян И.Х.* Великого народа сыновья. М., 1984. С. 125; *Мар Н.* Есть упоение в бою... М., 1986. С. 18.

[3] *Мар Н.* Есть упоение в бою... С. 18; Полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 262.
[4] Личный архив автора.
[5] *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М., 1985. С. 14, 68–69; *Свитунов И.* Сказание о Рокоссовском. М., 1976. С. 292.
[6] *Багрямян И.Х.* Так начиналась война. М., 1971. С. 134–135.
[7] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 2. С. 233.
[8] *Белобородов А.П.* Всегда в бою. М., 1978. С. 43–44.
[9] *Кардашов В.* Рокоссовский. М., 1972. С. 251.
[10] *Белобородов А.П.* Всегда в бою. С. 125–128.
[11] *Лобачев А.А.* Трудными дорогами. М., 1960. С. 196.
[12] *Батов П.И.* В походах и боях. М., 1974. С. 146.
[13] Цит. по: *Свитунов И.* Сказание о Рокоссовском. С. 119.
[14] Личный архив автора.
[15] *Руденко С.И.* Крылья победы. М., 1976. С. 121–122.
[16] Личный архив автора.
[17] *Жадов А.* Славный путь // Красная звезда. 1976. 20 дек.
[18] *Телегин К.* В боях за освобождение Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1969. № 6. С. 83–84.
[19] *Малинин М.* О действиях войск 1-го Белорусского фронта в Белорусской наступательной операции (июнь–июль 1944 года) // Военно-исторический журнал. 1959. № 7. С. 32.
[20] *Ивановский Е.* Талант полководца // Красная звезда. 1986. 21 дек.
[21] Личный архив автора.
[22] Там же.
[23] Там же.

АДМИРАЛ ФЛОТА СОВЕТСКОГО СОЮЗА Н.Г.КУЗНЕЦОВ И ДВА ЕГО ИНТЕРВЬЮ

Публикуемый ниже текст представляет собой содержание двух интервью, которые дал автору книги нарком Военно-Морского Флота и Главнокомандующий Военно-Морскими Силами СССР Герой Советского Союза Николай Герасимович Кузнецов (1902–1974) в апреле 1973 г.

Людям старшего поколения, ветеранам войны особенно хорошо известно имя этого выдающегося советского флотоводца. Начав службу добровольцем на Северодвинской военной флотилии в 1919 г., он прошел путь от матроса до наркома и Главнокомандующего Военно-Морскими Силами страны.

Особенно ярко талант Н.Г.Кузнецова как флотоводца и крупного организатора проявился в годы Великой Отечественной войны. Его личный вклад в руководство боевыми операциями флотов отмечен высокой наградой – присвоением звания Героя Советского Союза.

Однако дальнейшая судьба адмирала складывалась нелегко, подчас драматически. В 1945 г. по указанию Сталина рассматривался вопрос о том, чтобы разделить Балтийский флот на два флота, Н.Г.Кузнецов всесторонне обдумал этот вопрос, посоветовался со своими помощниками и с присущей ему прямотой решительно и твердо выступил против разделения, вызвав гнев «полководца всех времен и народов». Вскоре последовал инсценированный Сталиным и Берией «суд чести», а затем и заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР, перед которым предстало сразу четыре флотоводца: адмирал флота (в то время это было высшее воинское звание в ВМФ) Н.Г.Кузнецов, адмирал Л.М.Галлер, адмирал В.А.Алафузов и вице-адмирал Г.А.Степанов.

Обвинения, которые им предъявили, были надуманными. Поводом послужило письмо одного офицера-изобретателя, написавшего, что Наркомат Военно-Морского Флота передавал союзным державам чертежи советского якобы секретного торпедного оружия и «закрытые карты» подходов к нашим портам. И хотя все это оказалось вымыслом (карты тоже не являлись секретными), расправа состоялась: Николай Герасимович был разжалован до контр-адмирала и позднее направлен на Дальний Восток, а Л.М.Галлер, В.А.Алафузов

и Г.А.Степанов были приговорены к различным срокам тюремного заключения.

Однако не так-то легко было перечеркнуть роль адмирала Кузнецова в Великой Отечественной войне, не посчитаться с его высокой компетентностью, огромным авторитетом в военных кругах, на флоте, с тем исключительно глубоким уважением, громадной популярностью и подлинной любовью, которые он снискал в сердцах советских людей, и прежде всего моряков. И очень уж нелепой выглядела вся история с передачей «секретов» нашим союзникам. Так или иначе, но в 1951 г. прежние обвинения с Н.Г.Кузнецова были сняты, и последовало его назначение военно-морским министром СССР — Главкомом ВМС. 3 марта 1955 г. Н.Г.Кузнецову было присвоено учрежденное в тот день новое военно-морское звание — Адмирал Флота Советского Союза.

После смерти Сталина по инициативе Н.Г.Кузнецова были предприняты немалые усилия для того, чтобы исправить ошибки, допущенные в отечественной программе судостроения в то время, когда он находился не у дел. Но вопросы развития Военно-Морского Флота СССР решались по-прежнему медленно. Н.С.Хрущев рассмотрение планов ВМФ по судостроению постоянно откладывал, высказывая при этом отрицательное отношение к строительству авианосцев. Когда это произошло в очередной раз, как рассказывал мне Николай Герасимович, он в резкой форме заявил о недопустимости проволочек. Вскоре тяжелая болезнь надолго вывела его из строя. Понимая, что состояние здоровья и создавшаяся обстановка помешают ему в полной мере выполнить свои обязанности, Н.Г.Кузнецов летом 1955 г. подает заявление об освобождении его от занимаемой должности. Просьбу оставляют без ответа.

В октябре того же года в Севастополе трагически гибнет, подорвавшись на мине, линкор «Новороссийск». Ответственность за случившееся возлагается на Н.Г.Кузнецова, хотя фактически из-за перенесенного инфаркта он почти полгода был не у дел. Его понижают в звании до вице-адмирала и отправляют в отставку. Так была совершена очередная несправедливость по отношению к заслуженному военачальнику. Его имя предается забвению, в частности, оно уже не попало в изданный в 1959 г. 5-й том Малой советской энциклопедии.

Вокруг адмирала Кузнецова создается своего рода заговор молчания: его выступления в широких аудиториях не поощряются, рукописи книг и статей адмирала придирчиво просматриваются, нежелательные места изымаются, произведения не рекомендуются к переизданию.

Именно тогда, в трудные для него годы Н.Г.Кузнецов дал мне два интервью, полный текст которых предлагается читателям. Обе наши

встречи состоялись в подмосковном поселке Барвиха, на государственной даче, где почти безвыездно проживал в то время полуопальный адмирал.

Особенно запомнился мне день первого интервью – 26 апреля 1973 г. Он выдался по-весеннему солнечным, теплым. Накануне по телефону мы договорились с Николаем Герасимовичем о том, что он ответит под магнитофонную запись на ряд вопросов, связанных с событиями Великой Отечественной войны. Мне удалось решить проблему с автотранспортом, и где-то около полудня машина подъехала к знакомой даче.

Адмирал встретил меня в домашнем халате после только что принятого душа. Обменявшись свежими новостями, мы приступили к работе. Николай Герасимович расположился в мягком кресле, говорил довольно медленно, ясно и четко формулируя каждую мысль.

В разгар интервью раздался телефонный звонок. Н.Г.Кузнецова куда-то срочно просили приехать. Видя мое огорчение, он предложил продолжить нашу работу дня через два-три, тем более остались без ответа еще несколько моих вопросов.

29 апреля мы вновь встретились. Когда вся запись была закончена, Николай Герасимович предложил прослушать ее начало. Я почувствовал, что он остался доволен услышанным...

Перед моим отъездом мы сфотографировались возле дачи. Миссию фотографа любезно согласилась взять на себя супруга адмирала – Вера Николаевна.

По причинам, о которых сказано выше, оба интервью не увидели тогда света, и впервые, правда, в сокращенном виде, их содержание было опубликовано только 29 июля 1988 г. в газете «Советская Россия» в тот день, когда Н.Г.Кузнецов был полностью реабилитирован и посмертно восстановлен в звании Адмирала Флота Советского Союза.

Может быть, не все его оценки и суждения покажутся абсолютно правомерными. Но это те оценки и взгляды, которые Николай Герасимович Кузнецов высказывал уже в то время, это его понимание и его суждения о фактах, событиях и людях. Выслушать их сегодня, на мой взгляд, полезно и важно не только историкам.

* * *

Г.А.Куманев: Дорогой Николай Герасимович! Сейчас, в преддверии очередного праздника Победы, мне очень бы хотелось услышать Ваше авторитетное мнение о событиях кануна Великой Отечественной войны и о ее первых часах и днях, когда военные действия развивались не в нашу пользу и советские войска терпели крупные неудачи и поражения.

Н.Г.Кузнецов: Уважаемый Георгий Александрович! Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что советский народ и вообще русский народ не один раз испытывал нашествия и в конечном счете всегда одерживал победу. Но иногда бывало так, что начало войны было для нас неудачным. Неудачным, как Вы знаете, было и начало Великой Отечественной войны. Но, говоря о неудачном начале войны, мы одновременно подчеркиваем, что в конечном итоге все-таки разгромили такого мощного, внезапно напавшего на нас противника. Это свидетельствует о несокрушимости советского народа и его Вооруженных Сил.

Постараюсь остановиться на тех фактах, эпизодах, которые Вам, как историку, может быть, меньше известны в деталях.

Стоит отметить в первую очередь, что победа обошлась нам очень дорого: свыше 50 млн человек потерял мир, потеряло человечество, из них более 20 млн приходится на Советский Союз.

К этому следует добавить и те потери, которые понесла страна накануне войны в результате грубейших нарушений социалистической законности. Сколько одних только опытных военачальников, флотоводцев мы тогда недосчитались! Среди погибших к тому времени достаточно назвать одного из организаторов советского Военно-Морского Флота командарма 2-го ранга П.Е.Дыбенко, начальника Морских Сил РККА флагмана флота 1-го ранга В.М.Орлова, начальника Военного совета Морских Сил РККА флагмана флота 1-го ранга М.В.Викторова, командующих: Тихоокеанским флотом — флагмана 1-го ранга Г.П.Киреева, Черноморским флотом — флагмана флота 2-го ранга И.К.Кожанова. Одновременно подверглись репрессиям и такие крупные деятели и специалисты Военно-Морского Флота, как А.К.Векман, А.С.Гришин, И.М.Лудри, Д.Г.Дуплицкий, Э.С.Панцержанский, Г.С.Окунев. Из двух флагманов флота 1-го ранга были арестованы двое, из двух флагманов флота 2-го ранга — двое, из шести флагманов 1-го ранга — шестеро, из 15 флагманов 2-го ранга — девять. Конечно, эти и другие ничем не оправданные потери — результат произвола и беззаконий — были невосполнимыми и ослабили наш флот.

Со дня начала войны с фашистской Германией прошло немало лет. За это время, естественно, пришлось многое передумать и кое-что написать. Поэтому как-то события отложились уже не по дням, а по этапам.

Первый этап, вспоминая о Великой Отечественной войне, я связываю с событиями в Испании. Тогда, как мне думается, еще можно было избежать Второй мировой войны. Затем мне памятны хасанские события, когда я командовал Тихоокеанским флотом на Дальнем Востоке. Наконец (в то время я уже работал в Москве), памятны переговоры с военными миссиями Англии и Франции, которые, как Вы знаете, кончились неудачей, и вслед за ними последовал договор

с Германией, подписанный в августе 1939 г. Всегда возникает мысль: а что было бы, если бы этого договора не было и нам пришлось вступить в войну с Германией не в 1941 г., а в 1939-м? Мы, конечно, тогда были менее подготовленными, ибо за два года удалось сделать очень многое, в том числе и в отношении флота. Например, общий тоннаж Военно-Морского Флота СССР с начала 1939 г. до 1941 г. возрос по надводным кораблям на 108 тыс. тонн, а по подводным — на 50 тыс. тонн. Только за 11 месяцев 1940 г. флот получил 100 различных боевых кораблей.

Другое дело — не следовало бы слишком переоценивать действие советско-германского пакта, чересчур верить в его незыблемость и прочность. Здесь Сталин допустил серьезнейший просчет, и фашистская агрессия в целом оказалась для нас внезапной и с такими тяжелыми последствиями.

Но факт остается фактом — договор был заключен, он оставил нас на мирном положении еще в течение почти двух лет, и война началась только в 1941 г.

Я вспоминаю последние предвоенные дни и месяцы и несколько возвращаюсь назад — к хасанским событиям. Как Вы знаете, эти события были около Владивостока. В один из дней мы с командующим военно-воздушными силами поднимались на Тигровую сопку, так как ожидали возможного нападения японских самолетов на Владивосток. И тогда зародилась мысль, что надо быть в такой степени готовыми, чтобы никакая атака не могла для нас оказаться роковой.

Когда я после XVIII партсъезда был назначен на работу в Москву, то вспомнил эти пережитые во Владивостоке дни. И тогда были приняты меры по всем флотам, которые сводились к тому, чтобы еще в мирное время, не теряя ни одного дня, разработать такую систему оперативной готовности флотов, чтобы в случае необходимости по одному условному сигналу — скажем, слову «огонь» или «пламя» — флоты могли бы немедленно развертываться и приводиться в готовность. Первая директива была дана по Военно-Морскому Флоту в ноябре 1939 г. Все последующее время происходила усиленная тренировка флотов.

Наступил июнь 1941 г. Чувствовалось, особенно на Балтике, что мы находимся на грани войны. Не проходило дня, чтобы командующий КБФ вице-адмирал В.Ф.Трибуц не звонил по телефону и не докладывал о каких-нибудь зловещих новостях.

13 и 14 июня последний раз перед войной я видел Сталина. Доложил ему о последних разведданных с флотов, о проводимом учении на Черном море и фактическом прекращении поставок немцами для крейсера «Лютцов», который мы купили у них в 1940 г. Никаких вопросов о готовности флотов или указаний в связи с возможным нападением Германии от Сталина не поступило.

«У Вас всё?» — обратился он ко мне. Все присутствующие посмотрели в мою сторону: дескать, не задерживай. Я быстро вышел из кабинета. Мне очень хотелось еще доложить о том, что немецкие транспорты покидают наши порты, и спросить, не следует ли ограничить движение советских торговых судов в водах Германии. Но я понял, что мое дальнейшее присутствие здесь явно не желательно. На следующий день я был на приеме у В.М.Молотова по текущим делам. В конце беседы решил все-таки сообщить свое мнение о подозрительном поведении немцев и в качестве самого веского аргумента показал график движения германских торговых судов. Но Молотов в ответ высказал ту же точку зрения на возможность войны, которую раньше высказывал А.А.Жданов: «Нужно быть глупцом, чтобы нападать на нас».

Задумываясь над поведением Сталина и его ближайших помощников, я склонен сделать вывод, что они до последнего момента не верили в возможность нападения Гитлера. Сталина крайне нервировали и злили все более настойчивые доклады (устные и письменные) о возраставшей угрозе фашистской агрессии. Он все резче отметал факты и доводы.

Чувствуя ответственность за флоты и зная, какие непоправимые последствия могут быть, если они окажутся застигнутыми врасплох, я не мог высказывать даже близким подчиненным свою точку зрения, противоречившую официальной. Под предлогом тренировок мы стремились повысить готовность флотов, требовали ускорения различных мероприятий по укрепления обороны баз и в тоже время опасались «надира» за излишнюю инициативу. Пользуясь товарищескими отношениями, я более откровенно делился своими опасениями с заместителем начальника Главного морского штаба В.А.Алафузовым, официально держался с начальником Главного морского штаба адмиралом И.С.Исаковым, хотя чувствовал, что он разделяет эти опасения. Более осторожно высказывал свое мнение начальнику Политуправления ВМФ И.В.Рогову. Постоянно поддерживая, хотя и не очень тесный, личный контакт с наркомом обороны Маршалом Советского Союза С.К.Тимошенко и начальником Генштаба генералом армии Г.К.Жуковым, я замечал, что и они ждут указаний. За несколько дней до начала войны ко мне зашел по какому-то вопросу заместитель начальника Генштаба Н.Ф.Ватутин. Он сказал, что внимательно читает наши оперативные сводки и докладывает их своему начальству. Обещал немедленно известить Главный морской штаб, если положение будет критическим.

19 июня 1941 г., когда на границах было уже очень напряженно, моим приказом все флоты были переведены на повышенную оперативную готовность (№ 2).

Наступило 21 нюня. По моему вызову прибыл наш военно-морской атташе в Берлине М.А.Воронцов, который до этого давал мне

телеграмму о том, что немцы готовятся в ближайшее время напасть на Советский Союз. Воронцов буквально с поезда часов в 6–7 вечера пришел ко мне — это было в субботу. После его подробного доклада я поставил перед ним вопрос: «Как Вы думаете, чем это дело кончится?» Он говорит: «Вы знаете, это — война». Заявление было довольно ответственное, но и данных для этого тоже было очень много.

Вечером, уже позднее, я был приглашен к наркому обороны маршалу С.К.Тимошенко, который мне объявил о том, что в ближайшую ночь не исключено нападение немцев на Советский Союз. Бывший со мной адмирал В.А.Алафузов, исполнявший обязанности начальника Главного морского штаба, был немедленно послан в штаб, чтобы дать тот самый условный сигнал, к которому мы в течение этих двух лет готовились. Переговорив еще по отдельным вопросам с маршалом Тимошенко, я отправился к себе в кабинет и буквально на ходу приказал соединить меня по телефону с командующим Балтфлотом, потому что Балтфлот граничил с Германией и ему угрожала наибольшая опасность. Я сказал В.Ф.Трибуцу по телефону, что отправил телеграмму — «считайте, что она к вам попадет через 20–25 минут», но немедленно нужно переводить флот на боевую готовность, не учебную.

У командующего флотом записано в журнале, что он получил приказание в 23 часа 37 минут, и флот стал переходить на боевую готовность.

К 2–3 часам все флоты уже перешли на оперативную готовность № 1. С Северного флота об этом доложил адмирал А.Г.Головко, своевременно получивший такой же приказ.

Около 12 часов ночи я разговаривал с Черноморским флотом, которому был дан тот же приказ. Есть документы, которые это подтверждают.

Вот журнальная запись в Севастополе: «В 3 часа 07 минут послышался шум моторов и появились фашистские самолеты. Их встретили огнем наших батарей. И противник свою задачу — заблокировать корабли в Севастопольской бухте — выполнить не смог. Под огнем наших батарей он сбросил мины на город и бухту».

Как бы то ни было, но я был поражен, хотя всем ходом событий был к этому подготовлен. Я немедленно взялся за телефонную трубку и доложил Сталину о том, что началась война. Через несколько минут мне позвонил Г.М.Маленков и спросил: «Вы представляете, что Вы доложили Сталину?»

«Да, представляю. Я доложил, что началась война!»

Вслед за этим я позвонил Тимошенко. Он не был удивлен. Видимо, был к этому подготовлен.

Военно-морским флотам пришлось пережить очень тяжелый первый период войны: с первых же часов войны они защищали Либаву, Таллин, Моонзундские острова, затем — героическая оборона Ханко

на Балтике и, наконец, 900 дней блокады Ленинграда. В Великую Отечественную войну включился весь морской флот абсолютно. Более 400 тыс. моряков были выделены на сухопутный фронт, чтобы остановить противника и стабилизировать стратегический фронт, и были они не только на приморских участках, но и в Москве, и на Карельском фронте. На юге известные события — оборона Одессы и оставление Одессы, и не под нажимом противника, а по приказанию Ставки, когда создалось тяжелое положение на Перекопе. Затем трижды отбивался штурм в Севастополе, затем в районе Новороссийска, пока враг не был остановлен.

Наши военно-морские флоты, помогая различным фронтам, делали все от них зависящее, чтобы оказывать помощь на приморских направлениях.

Г.А.Куманев: В те первые недели войны обстановка складывалась тяжелейшая, особенно на Западном и Северо-Западном направлениях. Известно, что вставал вопрос, о судьбе Балтийского флота.

Н.Г.Кузнецов: Да, были очень критические и тяжелые моменты. Об одном из них я Вам расскажу.

В середине августа, когда назревала эвакуация Таллина, я попросился из Ставки в Ленинград. Разрешение было получено, но какие-то события на других направлениях меня задержали, и Сталин сказал: обождать. В конце августа я вновь был вызван в Ставку, и он меня спросил: «Вы собирались ехать в Ленинград?» — «Да, собирался». — «Готовьтесь и отправляйтесь завтра в Ленинград, а мы Вам подготовим, кроме Ваших личных флотских дел, кое-какие поручения, которые следует Вам передать лично».

Я ушел. Какие-то события в Ставке заставили отправить в Ленинград ответственную комиссию Государственного Комитета Обороны и Ставки. Туда входили: В.М.Молотов, А.Н.Косыгин, Г.М.Маленков, Н.Н.Воронов, вошел и я. Я хотел лететь туда самолетом, но так как собралась очень ответственная комиссия ГКО и Ставки, нам не разрешили лететь самолетом. Было приказано лететь самолетом до Череповца, в Череповце сесть на поезд до Ленинграда. Я рассказываю это Вам, чтобы было понятно, насколько обстановка была сложная и подчас неясная. Поездом мы доехали до станции Мга — это было вечером, накрапывал дождь. Поезд остановился, не дойдя до станции, видим — станцию бомбят, горят цистерны. Нам доложили, что пройти на станцию нельзя, пути разбиты, ремонт займет много времени, а с рассветом нужно ждать налета немецких самолетов. Мы пробрались по путям, сели на две случайные дрезины и поехали к Ленинграду, откуда маршал К.Е.Ворошилов послал нам навстречу свой бронепоезд.

А через день эта станция Мга была занята противником. И у нас есть все основания думать, что когда мы пробирались через разрушен-

ные места, то с нами рядом уже были немецкие автоматчики. Потому что у немцев было такое правило – сначала отбомбиться, а затем автоматчики захватывают местность.

Из Ленинграда обратно я вылетел уже 13 сентября. Прямо с аэродрома я был вызван лично к Сталину в Ставку.

Я застал необычайную обстановку. Никого постороннего в кабинете. Более, чем обычно, вежливый разговор:

– Вы встретили Жукова?

– Нет, товарищ Сталин.

– Значит, Вы с ним разминулись в пути. Он вчера вылетел в Ленинград. Вы знаете, что мы сняли Ворошилова, освободили его?

– Нет, не знаю.

– Да, мы освободили Ворошилова и туда вылетел Жуков.

Но я почувствовал, что основной разговор заключается не в этом. И тут Сталин говорит:

– Вы знаете, нам, возможно, придется оставить Питер? (Он часто Ленинград называл Питером. Я передаю это точно.) Вам задание – заминировать корабли, заминировать так, чтобы в случае такой необходимости ни один корабль не попал в руки врага. Подготовьте соответствующую телеграмму.

У меня вырвалось:

– Я такую телеграмму подготовить не могу! Подписывать не буду.

Он удивился:

– Это почему?

– Это настолько крупное и серьезное решение, что я это сделать не могу. Да и к тому же Балтийский флот подчинен не мне, а Ленинградскому фронту.

Он задумался. Потом сказал:

– Вы отправитесь к маршалу Шапошникову и составите с ним телеграмму и заделаете две подписи.

Я поехал к Борису Михайловичу Шапошникову – начальнику Генерального штаба. Передал ему распоряжение. А он мне:

– Голубчик, что ты меня втягиваешь в это грязное дело! Флотские дела – это ваши дела. Я к ним отношения не имею.

– Это приказ Сталина!

Он задумался, а потом предложил:

– Давай напишем телеграмму за тремя подписями: Сталин, Шапошников и Кузнецов и поедем к Сталину.

Мы так и сделали. Поехали к Сталину. Он колебался, колебался. Потом взял телеграмму и отложил ее в сторону. И говорит:

– Идите.

Вот такой был тяжелый момент.

Г.А.Куманев: В нашей военно-исторической литературе слабо освещен вопрос о действиях военных конвоев, сопровождавших торговые

суда с поставками для СССР. Да и вообще, думается, мы недостаточно осведомлены об операциях англо-американских военно-морских сил в этот период.

Н.Г.Кузнецов: Да, мне хотелось бы рассказать о действиях флотов наших союзников. Для этого есть две причины. Во-первых, эти действия были достаточно крупными, чтобы о них не сказать, а во-вторых, и, пожалуй, самое главное то, что будущую войну, если она, не дай бог, случится, я представляю уже не такой континентальной, какой была Великая Отечественная война. Роль океанов, роль морей, а отсюда и флотов будет иная.

Поэтому, говоря о прошлой войне, я стараюсь вспомнить, какие крупные операции шли на Тихом океане, когда Япония разгромила американский флот в Пёрл-Харборе, как нелегко он оправлялся от этого удара, и как он, наконец, перешел в наступление и потом с атолла на атолл так называемыми «лягушачьими прыжками» добирался до основных островов Японии. Это, конечно, сопровождалось крупными сражениями, в том числе было сражение у острова Мидуэй, когда японцы пытались высадить десант.

Перелом, естественно, как и у нас, не делается в один день. Это все же довольно длительный и необратимый процесс. Так вот у американцев идет спор (и не без основания), что вот сам по себе бой у острова Мидуэй еще не является переломным. Да и у нас, как Вам известно, есть сторонники того, чтобы, скажем, битву под Москвой считать уже переломной, в то время как победа под Москвой, по-моему, создала известные предпосылки для перелома, но все-таки переломными являются две битвы — это под Сталинградом и на Курской дуге. Можно добавить и битву за Днепр.

На Тихом океане было очень много сражений — и малых, и крупных — между американским флотом и японским. Мне хочется вспомнить один эпизод: разговор с американским адмиралом Кингом на Ялтинской конференции. Почему они решили вести основное наступление на Японию через всю ширь Тихого океана? Тогда это еще не было известно широко в печати, но он со мной поделился: было два мнения — было предложение генерала Маршалла, который предлагал двинуться вдоль побережных островов через Тайвань — на Южные Японские острова. И второе предложение было главнокомандующего военно-морскими силами США идти через океан, занимая одну группу атоллов за другой, пока не приблизятся к основным Японским островам. Что они, собственно, и делали.

В Атлантике, как известно, была основная борьба за коммуникации Англии, за питание Англии. Немцы пытались повторить борьбу своих подводных лодок на коммуникациях англичан. И это теперь называется в истории битвой за Атлантику, которая к концу 1943 г. начала склоняться на сторону союзников.

Крупными операциями потом были, как известно, сражения за Африку и ряд десантов на африканском берегу. Ближе к нам и непосредственно относящимися к Великой Отечественный войне были конвои. Конвои и на Атлантике, и на Тихом океане. В чем их разница? Когда возникал вопрос, каким образом лучше всего снабжать Советский Союз материалами по ленд-лизу, то рассматривались три варианта: вариант через Тихий океан, вариант через Персию и, наконец, более короткий путь — Атлантикой через Исландию на Мурманск и Архангельск.

Каким образом проходили эти конвои? Конвои через Тихий океан, т.е. не конвои, а снабжение происходило на наших транспортах под нашим флагом, и японцы только отдельные транспорты утопили, возможно, даже по ошибке, И мы перевозили довольно много грузов во Владивосток, а затем по железной дороге.

Но самая напряженная борьба на море за конвои, конечно, разыгрывалась на трассе между Исландией и нашими портами Мурманском и Архангельском. Каким образом? Основное обеспечение ложилось на военные корабли Англии и США. Наш Северный флот встречал эти конвои на обусловленном заранее меридиане и вступал в охранение конвоев.

Напряженными годами на морских коммуникациях и в обеспечении конвоев надо признать 1941 и 1942 гг. К концу 1943 г. усилия немцев уже начали ослабевать, а в 1944 г. мы проводили транспорты почти без потерь, тем более в 1945 г., когда обеспечивающих сил было очень много, а сил для нападения у противника уже было мало.

В общем и целом я считаю, что конвои, которые шли из Канады и из США через Исландию, выполнили свою задачу и доставили значительное количество грузов. Об этих грузах и о поставках по ленд-лизу, как Вы знаете, американские, да и английские историки пишут больше, чем следует, т.е. придают им более важную роль, чем они сыграли на самом деле в ходе войны. Нам известно, что только 4% приходится тех грузов, которые мы получали по ленд-лизу, по отношению к тому, что произвела наша военная экономика. После первого периода войны мы подавали на фронты в целом все, что нужно, в достаточном количестве.

Г.А.Куманев: Существует мнение, что помощь со стороны союзников по ленд-лизу была оказана СССР в основном только в 1943–1945 гг.

Но, как явствует из данных, опубликованных в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза», англо-американская помощь по ленд-лизу довольно значительной, и, конечно, наиболее полезной была в первый период войны. Так ли это?

Н.Г.Кузнецов: Да, в известной мере так. Я сейчас не имею под руками цифр союзных поставок, которые я бы мог привести по годам, но мне хорошо известно, что полученное нами в первый период войны,

а также в течение первой половины 1943 г., может, было и не так велико, но оно было нам весьма необходимо. В 1944 и 1945 гг. на транспортах мы почти ничего не теряли, но значимость их для окончания войны уже не была такой большой, какой она была вначале.

Я помню, с каким вниманием мы следили за продвижением первых конвоев поздней осенью 1941 г., с каким напряжением и быстротой старались их разгружать в Архангельске и Мурманске. Этому придавала значение и Ставка. Когда в самые напряженные дни октября я вылетал на несколько дней в Куйбышев для организации там второго эшелона штаба, когда происходила частичная эвакуация Москвы, то я оттуда по телефону был спешно вызван Сталиным в Ставку, и по прибытии в Москву в обстановке, повторяю, очень критических дней 21–22 октября 1941 г. он мне задал вопрос о конвоях и предложил немедленно отправиться в Архангельск: всё там наладить и обеспечить не только безопасное движение конвоев в наших водах, но и разгрузку их в наших портах. Я немедленно отправился в Архангельск, занимался там с командованием Северным флотом, и первые конвои, которые начали к нам прибывать в конце августа и в начале сентября, для нас имели огромное значение.

Разгружали мы, как Вы знаете, сначала в Архангельске а потом, когда пробиваться в Архангельск было трудно, пришлось разгружать в Мурманске, а в дальнейшем варьировали — часть грузов шла в Архангельск, часть в Мурманск.

Вот таким образом я могу Вам ответить на Ваш вопрос о значении конвоев в разные годы.

Г.А.Куманев: Наша беседа пока больше касалась наиболее тяжелых и драматических дней и месяцев войны. А что бы Вы хотели сказать о событиях победного 1945 г.?

Н.Г.Кузнецов: В начале 1945 г., как Вы знаете, обстановка была еще довольно серьезной. В самом начале года, когда немцы погнали Монтгомери в Арденнах, Черчилль настоятельно попросил Сталина оказать помощь. Помощь была оказана. В январе началось наступление, и в феврале создалась обстановка для созыва Крымской конференции.

Сам ход Крымской конференции и основные ее вопросы Вам, конечно, известны. Хочу только об одном напомнить, что в начале года не ожидалось, что война завершится так быстро. Я помню разговор с командующим американским флотом адмиралом Кингом, который прямо сказал, что войну удастся закончить, в лучшем случае, к середине 1946 г. Но все согласились на том, что сначала нужно закончить войну с Германией, что Германия — враг № 1, а потом, собравшись с силами, разгромить Японию.

Должен сказать, что в тех условиях, в условиях еще Крымской конференции, договоренность глав правительств была хорошая. На

меня же лично выпала доля договориться с адмиралом Кингом о получении определенного количества кораблей для Тихоокеанского флота. Тогда уже была договоренность о том, что через два месяца после окончания войны на западе выступаем на востоке. Кинг дал мне обещание, что по возвращении в Вашингтон он мне немедленно ответит, сколько, каких кораблей будет нам дано, и мы договорились о месте передачи этих кораблей в очень неуютной бухте — на одном из островов Алеутской гряды.

Однако события пошли значительно быстрее, чем предсказывали наши союзники на Крымской конференции. Как Вы знаете, в ночь с 8 на 9 мая 1945 г. была подписана безоговорочная капитуляция вооруженных сил фашистской Германии.

О самом акте подписания капитуляции я попутно хочу рассказать следующее. Вам, историку, это известно не меньше, чем мне, что когда война свертывалась, то такие союзники, как Черчилль, не только думали о каком-то согласованном окончании войны с Германией, но уже начали опасаться за последствия победы над фашизмом и подумывать, нельзя ли использовать немцев для войны с Советским Союзом.

Известен такой факт. Когда у гитлеровцев не осталось шансов на победу, когда Берлин пал, то они бросились в штаб союзников. А в штабе союзников был наш генерал Суслопаров. Его пригласил генерал Эйзенхауэр и стал говорить о том, что враг предлагает капитуляцию: давайте подпишем.

И Суслопаров, не додумав до конца, 7 мая в Реймсе подписал акт о безоговорочной капитуляции Германии. И союзники расшумели это на весь мир.

Что это была за капитуляция? Это была капитуляция перед Англией и Америкой.

Естественно, что туда из Москвы Суслопарову пошла телеграмма: «Эту капитуляцию считать предварительной».

Тогда же было поручено маршалу Жукову подыскать соответствующее помещение и организовать подписание безоговорочной капитуляции в Берлине.

Известно и другое. Когда Суслопаров подписал эту капитуляцию и когда наша Ставка почувствовала, что тут идет какая-то игра и нам нельзя расхолаживаться, то в этот день, 7 мая, была дана телеграмма всем флотам: «Война продолжается». Иными словами, было сказано: вы ни на какие удочки не идите, обстановка может повернуться как угодно.

Г.А.Куманев: В своих воспоминаниях Вы касаетесь истории с разделом трофейного флота. Нельзя ли рассказать подробнее, как обсуждался этот вопрос на Потсдамской конференции?

Н.Г.Кузнецов: О Потсдамской конференции скажу коротко: там союзники держали свой «табачок» врозь.

На меня легла задача обеспечить деление немецкого флота. Этот вопрос стоял на одном из первых пленарных заседаний. У меня остался в памяти резкий диалог между Сталиным и Черчиллем, Сталин настаивал на делении трофейного флота на три равные части. Черчилль категорически возражал. Покраснел и встал. Сталин продолжал сидеть. Но на этом заседании вопрос решен не был — он был отложен, как всякие сложные, не сразу решающиеся вопросы, до следующего заседания.

Конференция шла. Накануне, помню, был прием в особняке Черчилля. Очень долго там сидели, часов до 2–3; Трумэн играл на пианино, обстановка была победная. На следующее утро Черчилль отправился к себе на выборы в Англию, и ни у кого не было сомнения, что его переизберут, в том числе и у нашей делегации. И мы были поражены, когда на следующий день на совещании у Сталина с польскими представителями были получены сведения из Англии, что консервативная партия проигрывает. На Потсдамскую конференцию вместо Черчилля прибыл Эттли.

Повторяю: идет конференция, а вопрос о делении трофейного флота не решен. Тогда я обращаюсь к Сталину и говорю, что надо этот вопрос как-то решать, потому что англичанам только того и нужно, чтобы его затянуть. И тогда между главами правительств было согласовано такое решение: поручить сегодня вечером (в такой-то день) собраться представителям Советского Союза, Англии и Америки и подготовить решение о делении трофейного флота на три равные части.

Помню, в этом дворце Бабельсберг поздно вечером мы, руководители военно-морских флотов США, Англии и Советского Союза, собрались на третьем этаже. Американцы относились к этому вопросу без особого интереса, а от англичан я ждал самого упорного сопротивления.

Первый вопрос, который встал, кому председательствовать на этом муторном совещании? Помню, американец адмирал Кинг говорит: «Я предлагаю поручить это адмиралу Кузнецову». Предложил он это не из любви к Советскому Союзу, а из-за нежелания сидеть ночные часы, стремления поскорее отделаться от этого. Кто-то спросил: «Почему?» Кинг ответил, что кроме того, что он главнокомандующий, он еще и морской министр. Я тогда подумал: «Может быть, воспользоваться этим шансом?» — и говорю; «Благодарю за честь, которую Вы намерены мне оказать. Но я возьмусь за эту миссию при одном условии». — «При каком?» Все обратились ко мне, «При том условии, что мы не выйдем из этого помещения, пока не подготовим то или иное решение». Кинг говорит: «Охотно соглашаюсь».

И начали мы спорить. Спорили очень долго. Англичане тянули и говорили, что нельзя разделить на три равные части, когда, скажем, всего один линкор и два крейсера.

У меня не было иного выхода, как пойти на какой-то необычайный шаг. Я говорю, что на три абсолютно равные части мы все равно не разделим, а давайте разделим на три приблизительно равные части, назовем их «а», «в» и «с» и кинем жребий. Смотрю на английского адмирала Каннингхэма и говорю: «Думаю, что Вам повезет, Вы выберете самый лучший кусок». Так и решили. Выделили представителей для жеребьевки. От англичан, насколько помню, был адмирал Маккарти, а от нас адмирал Г.И.Левченко. Делали они это очень долго. Когда Левченко приехал, я его спрашиваю: «Ну, как англичане?» Он отвечает, что Маккарти охотно согласился, и когда свертывали три трубки, он поставил свой головной убор, чтобы тянуть из него.

Так или иначе, этот трофейный флот было решено разделить по жребию.

Кончалась Потсдамская конференция, и, оставшись на пару дней на Балтийском флоте, я должен был отправиться в Читу, где находился маршал А.М.Василевский, чтобы помочь скоординировать действия наших флотов в предстоящей войне с Японией.

Г.А.Куманев: Еще один вопрос, Николай Герасимович. Уж коль Вы неоднократно касались личности Сталина, какова Ваша общая оценка его роли в Великой Отечественной войне и, в частности, его компетентности в военно-морских вопросах?

Н.Г.Кузнецов: Вы понимаете, что это непростой вопрос и ответить на него однозначно вряд ли возможно. Видимо, при оценке Сталина как военного руководителя следует на чашу весов положить и положительное, и отрицательное. Говоря о роли Сталина в войне, в завоевании нашей Победы и учитывая, что он был Верховным Главнокомандующим, председателем Ставки, занимал и другие высокие посты, необходимо прежде всего не забывать, что победил советский народ под руководством Коммунистической партии. Мы должны иметь в виду не только то, что закончили вооруженную борьбу с фашистским блоком Великой Победой (и отдаем за это должное и Сталину), но и постоянно помнить, что наши жертвы превысили 20 млн. А нельзя ли было потерять намного меньше? Очевидно, здесь есть большая доля вины, больших ошибок и промахов и со стороны Сталина. Словом, отдавая должное за одно, нельзя забывать другое.

Что касается компетентности Сталина в военно-морских вопросах, то он стал заниматься важными флотскими проблемами с известным опозданием. Лишь перед войной, в 1938 г., возник вопрос о строительстве у нас большого военно-морского флота. И только тогда Сталин подошел вплотную к флотским вопросам. Но все-таки в деталях он с ними не был знаком. И это заметно сказывалось в конкретных делах.

В заключение нашей беседы хотел бы отметить следующее. Хорошо помню, что в 1945 г. празднование Дня Военно-Морского Флота СССР пришлось на воскресенье 26 июля. В этот день был опубликован поздравительный приказ по Советским Вооруженным Силам, в котором высоко оценивались действия нашего флота во время Великой Отечественной войны: «Военно-Морской Флот до конца выполнил свою роль в Великой Отечественной войне».

ВЕЛИКИЙ ИТОГ. НАРОДНАЯ ПАМЯТЬ

КОНЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ГОДЫ

Гитлеровский рейх был повержен, но Вторая мировая война все еще продолжалась в Юго-Восточной Азии и в бассейне Тихого океана. По истечении трех месяцев со дня подписания акта о капитуляции вооруженных сил фашистской Германии СССР, выполняя свое обязательство, данное на Крымской конференции, пришел на помощь порабощенным Японией народам Азии и своим англо-американским союзникам. Как отмечал Маршал Советского Союза А.М.Василевский, «правительства США и Англии отлично понимали, что исход войны на Тихом океане зависел от разгрома сухопутных сил Японии. Они справедливо полагали: если Советский Союз не выступит против Японии, то им для вторжения на Японские острова потребуется армия примерно в 7 миллионов человек. При этом они должны были понести потери в миллион человек, а война продлилась бы еще не менее 18 месяцев. В известных планах англо-американское командование предусматривало высадку 6-й американской армии на о. Кюсю в ноябре 1945 г., а 8-й и 10-й армий на о. Хонсю только в марте 1946 года. Совершенно очевидно, что наши союзники были не в состоянии своими силами принудить Японию к капитуляции. Им нужна была решительная помощь Советского Союза и его армии».

Вступление СССР в войну против милитаристской Японии диктовалось и интересами безопасности Советского государства, прочного для нас мира на Дальнем Востоке. Япония хотя и не воевала против СССР, однако в течение всей войны оставалась союзницей гитлеровской Германии. Она сосредоточила вблизи границ СССР огромную Квантунскую армию, угрожая вторжением в пределы советского Дальнего Востока. Это заставило Советский Союз держать здесь на протяжении четырех лет Великой Отечественной войны значительные силы (до 40 дивизий), в которых он остро нуждался, сражаясь против фашистской Германии и ее европейских союзников. Советское правительство не могло не учитывать и того, что в предвоенные годы все военные приготовления Японии были направлены на подготовку к нападению на СССР. Во время войны Советского Союза с Германией японский военный флот задерживал и топил советские торговые суда, фактически блокировал порты и морские границы советского Даль-

него Востока. Японская разведка снабжала третий рейх шпионскими сведениями. Только в 1944 г. японцы 144 раза нарушали государственную границу СССР и 39 раз обстреливали советскую территорию. По свидетельству бывшего японского военного министра Тодзио, Япония должна была напасть на Советский Союз в тот момент, когда «в результате германского нападения будет полностью подорвана военная мощь СССР и тем самым максимально облегчена задача захвата Японией советского Дальнего Востока». В 1941 г. японцы обещали Гитлеру это сделать после падения Москвы, а в 1942 г. — Сталинграда. С июня 1941 г. по 1945 г. генеральный штаб японских вооруженных сил трижды менял планы войны против Советского Союза. Однако основным был наступательный план 1941–1943 гг., несколько видоизмененный к началу 1944 г., а затем к началу 1945 г. Им предусматривалось овладеть советским Приморьем, нанести удар на читинском направлении и захватить Забайкалье. Таково было «соблюдение» Японией подписанного в апреле 1941 г. пакта о нейтралитете. Когда истек срок этого договора (5 апреля 1945 г.), Советское правительство отказалось от его продления, заявив, что «при таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл и продление этого пакта стало невозможным».

8 августа 1945 г. Советское правительство объявило войну империалистической Японии*.

Для боевых действий против Японии было развернуто три фронта: Забайкальский (в составе которого действовали войска Монгольской народно-революционной армии), 2-й Дальневосточный в Приамурье и 1-й Дальневосточный в Приморье. К проведению операции были привлечены также Тихоокеанский военно-морской флот и Амурская речная военная флотилия.

Поскольку вооруженных сил, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке, было недостаточно для быстрого разгрома японских милитаристов, Ставка Верховного Главнокомандования решила перебросить сюда преимущественно железнодорожным путем часть войск с бывшего советско-германского фронта. Еще весной 1945 г. по указанию Государственного Комитета Обороны была увеличена пропускная способность Томской, Омской железных дорог и некоторых линий Дальнего Востока. В целях улучшения руководства работой магистралей Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока был образован особый Округ железных дорог Дальнего Востока во главе с заместителем наркома путей сообщения СССР В.А.Гарныком. Для оказания помощи в организации оперативных воинских перевозок в Округ направлялась большая группа опытных командиров транспорта с западных дорог.

* После Потсдамской конференции, где была достигнута окончательная договоренность о вступлении СССР в войну с Японией, президент США Трумэн записал в своем дневнике: «Когда это случится — японцам конец».

В течение мая — июня 1945 г. на Забайкальский фронт были переведены 39-я армия (из района Кенигсберга), 53-я и 6-я гвардейская танковая армия (из-под Праги), а на 1-й Дальневосточный фронт — 5-я армия из Восточной Пруссии. Кроме того, на Дальний Восток переводилось большое число артиллерийских, авиационных, инженерных и других соединений. Темп перевозок для армий составлял от 4 до 8 эшелонов в сутки. Все это позволило увеличить численность советских войск на Дальнем Востоке и в Забайкалье к началу боевых действий почти вдвое.

Маршал Советского Союза М.В.Захаров отмечал: «Перегруппировка столь значительных сил и средств в относительно короткий срок на расстояние от 9 до 11 тыс. км являлось одной из крупнейших в истории. Она была сопряжена с большими трудностями, так как перевозка всей массы войск, боевой техники и снабженческих грузов осуществлялась по единственной Транссибирской железнодорожной магистрали».

Общая численность советских войск на Дальнем Востоке к 8 августа 1945 г. составила более 1 млн 747 тыс. человек. Они располагали 5250 танками и САУ, 29835 орудиями и минометами, 5171 боевыми самолетами, 93 боевыми кораблями основных классов и другими видами вооружения и техники. Руководство и координация всеми военными действиями Красной Армии были возложены на созданное Главное Командование советскими войсками на Дальнем Востоке во главе с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским. Начальником штаба Главного Командования был назначен генерал-полковник С.П.Иванов. Намечалось провести три операции: Маньчжурскую, Южно-Сахалинскую и Курильскую. Решающее значение имела первая операция против мощной Квантунской армии.

К началу Маньчжурской операции войска трех советских фронтов, огромной дугой охватывая территорию, занятую Квантунской армией, имели возможность нанести удары по сходящимся направлениям. Наступление в Маньчжурии началось утром 9 августа. С 10 августа активные боевые действия развернули 8-я и 4-я народно-освободительные армии и партизанские отряды Китая.

Используя опыт войны против немецко-фашистских армий, советские войска мощными ударами прорвали пограничные укрепленные районы и, преодолевая ожесточенное сопротивление врага, повели стремительное наступление в глубь Маньчжурии. Оно развивалось в очень сложных метеорологических условиях. С 8 августа шли непрерывные проливные дожди, горные ручьи и реки разлились, бездорожье задерживало продвижение транспорта. Отступавшие части противника разрушали туннели, мосты и переправы, сжигали города и села, оказывая яростное сопротивление.

Высокое воинское мастерство, мужество и героизм проявляли советские воины в боях с японскими захватчиками. Наградами отме-

чала Родина ратную доблесть своих сынов. Некоторые из них были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза, в том числе – ефрейтор В.С.Колесник, рядовой И. Н.Баторов, командир взвода старшина 1-й статьи Н.А.Вилков, матрос П.И.Ильичев, которые повторили подвиги Александра Панкратова и Александра Матросова, закрыв своими телами амбразуры вражеских дотов. В течение нескольких дней под жестоким огнем противника оказывала помощь раненым матросам санитарка 335-го гвардейского отдельного батальона морской пехоты комсомолка М.Н.Цуканова. Тяжело раненной попала она в плен к японцам, которые подвергли ее зверским истязаниям. Отважная патриотка также посмертно была удостоена звания Героя Советского Союза.

В бою на острове Шумшу (Курильские острова) старший сержант И.М.Кобзарь, старшина 2-й статьи П.В.Бабич, сержант Н.М.Рында, матрос Н.К.Власенко во главе с командиром взвода подрывников техник-лейтенантом А.М.Водыниным дали клятву стоять насмерть, но задержать врага. Ценою своей жизни герои остановили 7 японских танков. Из всей группы в живых остался только П.В.Бабич, который и рассказал о ходе этого тяжелого боя.

Всего 93 участника Дальневосточной кампании Красной Армии удостоились звания Героя Советского Союза, а 308 тыс. человек были награждены боевыми орденами и медалями.

Мощные удары Красной Армии уже в самом начале боевых действий вызвали растерянность и панику в японском правительстве. «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза, – заявил 9 августа на экстренном заседании Высшего совета по руководству войной премьер-министр адмирал К.Судзуки, – ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны». Такое же мнение на заседании высказал министр иностранных дел С.Того: «Настоящая ситуация настолько критическая, что исключает всякую надежду на победу, и поэтому мы должны немедленно принять Потсдамские условия».

Главные силы Квантунской армии в течение десяти дней были разбиты и капитулировали. Ее потери составили 677 тыс. солдат и офицеров, из них 84 тыс. убитыми и ранеными и 593990 пленными. Советские войска трех фронтов захватили огромное количество боевой техники и вооружения, в том числе 686 танков, 861 самолет, 4325 орудий и минометов, 13099 пулеметов, около 300 тыс. винтовок.

Во второй половине августа 1945 г. части Красной Армии освободили Маньчжурию, города Дальний (Дайрен) и Порт-Артур, Северную Корею. Они вернули в лоно Отечества Южный Сахалин и Курильские острова.

Таким образом, разгром японских войск был осуществлен в ходе одной кампании, длившейся всего 24 дня. По своему размаху и дина-

мичности она занимает одно из первых мест среди кампаний минувшей войны.

Когда уже ясно обозначился успех советских войск в сражении с Квантунской армией, американская авиация подвергла ожесточенной бомбардировке отдельные районы Маньчжурии, хотя до этого времени в течение всей войны американские летчики не сбросили там ни одной бомбы. 6 августа без всякой военной необходимости над японским городом Хиросима с американского самолета была сброшена атомная бомба, от взрыва которой погибли многие тысячи мирных жителей — детей, женщин, стариков. 9 августа, в день перехода Красной Армии в наступление, атомная бомба по приказу президента США Г.Трумэна и американского военного командования обрушилась на Нагасаки. В огне и развалинах этого города также были убиты многие тысячи невинных людей. Это решение США явилось варварским и бесчеловечным актом. Ему нет и не может быть никакого оправдания.

Разгром Красной Армией Квантунской группировки — основы сухопутных сил милитаристской Японии — вынудил японское правительство прекратить боевые действия.

2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» представители Японии подписали предъявленный союзниками документ о ее безоговорочной капитуляции. Наступил столь желанный и долгожданный мир. Великая Отечественная и Вторая мировая войны завершились.

* * *

Готовя агрессию против СССР, главари фашистской империи рассчитывали на низкую боеспособность Красной Армии, были невысокого мнения относительно прочности Советского многонационального государства. На деле же оказалось, что оно не только выстояло, но и наголову разбило основные армии гитлеровской Германии и ее союзников.

В тяжелейших испытаниях войны победили Советские Вооруженные Силы, которые в смертельном противоборстве с фашистской Германией, ее европейскими союзниками, а затем и милитаристской Японией, продемонстрировали стойкость ее воинов, их постоянно возраставшее мастерство, массовый героизм, верность Родине.

В ходе Великой Отечественной войны выдвинулась целая плеяда таких полководцев и флотоводцев, как А.И.Антонов, И.Х.Баграмян, П.И.Батов, А.П.Белобородов, А.М.Василевский, Н.Ф.Ватутин, Н.Н.Воронов, Л.А.Говоров, А.Г.Головко, А.В.Горбатов, С.Г.Горшков, А.А.Гречко, А.И.Еременко, Г.К.Жуков, М.В.Захаров, И.С.Исаков, М.Е.Катуков, И.С.Конев, П.К.Кошевой, Н.И.Крылов, Д.Д.Лелюшенко, Р.Я.Малиновский, К.А.Мерецков, К.С.Москаленко, А.А.Новиков,

Ф.С.Октябрьский, И.Е.Петров, К.К.Рокоссовский, П.А.Ротмистров, П.С.Рыбалко, В.Д.Соколовский, С.К.Тимошенко, Ф.И.Толбухин, В.Ф.Трибуц, И.Д.Черняховский, В.И.Чуйков, И.С.Юмашев, И.И.Якубовский и другие.

Говоря о наших прославленных военачальниках, нельзя не коснуться вопроса о роли Сталина в руководстве вооруженной борьбой как Верховного Главнокомандующего. «Наш долг, — писал еще более 40 лет назад, в апреле 1965 г. Константин Симонов, — объективно, с помощью документов и живых свидетельств, изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабов хорошего, ни масштабов дурного, ни очень крупных масштабов самой этой личности». Сталин был, как известно, очень сложной и противоречивой фигурой, наделенной безграничной властью, жестким и неуравновешенным характером. Мы уже приводили данные, свидетельствующие о прямой вине Сталина за истребление кадров (включая военные) накануне войны, а также о других негативных сторонах его деятельности. Грубые ошибки и промахи Верховного в первый период войны, во многом проистекавшие из-за недостаточного понимания им тогда военно-оперативных проблем, нанесли нам немало вреда и прямым образом сказались на первоначальных неудачах и поражениях Красной Армии.

Но представляется несомненным и другое. По оценке многих современников, крупных деятелей военных лет, в том числе западных стран, Сталин был незаурядным политическим и военным руководителем, не лишенным природного аналитического ума, большой эрудиции и таланта, с выдающимися организаторскими способностями, цепкой памятью, твердой волей и хладнокровием. Оглуплять его, низводя до уровня примитивного диктатора, чем охотно занимаются некоторые представители «нового мышления», — вещь антиисторическая, не отвечающая истине.

Кстати, история любой из войн (тем более нынешнего века) не знает ни одного примера, чтобы в итоге ожесточенного противоборства победа доставалась вооруженным силам, во главе которых стоял серый и бездарный (хотя и обладавший необходимой полнотой власти) Верховный Главнокомандующий.

Начиная со Сталинградской победы и особенно Курской битвы, Сталин уже гораздо глубже разбирался во многих вопросах вооруженной борьбы. При этом заметно поубавилась его самонадеянность, вера в безошибочность собственных прогнозов и т.п. Как отмечал маршал Г.К.Жуков, «ум и талант» Сталина «позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных». При вы-

несении тех или иных решений (а за ним всегда оставалось последнее слово) Сталин стал неизмеримо больше прислушиваться к мнениям и советам членов Ставки, командующих фронтами, представителей Генерального штаба, других военных специалистов и, как правило, выбирал наиболее верные из них. «...Большинство его приказаний и распоряжений были правильными и справедливыми», — свидетельствовал Г.К.Жуков.

Пожалуй, наиболее часто Сталин как военный руководитель, Верховный Главнокомандующий критикуется за то, что не жалел своих солдат, не обеспечивал достижение побед «малой кровью». Слов нет, отдельные такие факты можно выявить, особенно связанные с началом войны и ее первым периодом. И мы об этом речь уже вели в настоящей книге.

Но есть также немало свидетельств совсем иного рода. Они говорят о том, что Председатель Ставки Верховного Главнокомандования в целом был твердым приверженцем искусства побеждать врага не числом, а умением и, следовательно, никак не поддерживал и не поощрял тех, кто шел на бессмысленные жертвы. Для подтверждения этого приведем только три примера.

Первый документ датирован 27 мая 1942 г. Он хранится в Архиве Президента РФ. Это написанная синим карандашом записка Сталина командованию Юго-Западного направления: главнокомандующему войсками направления Маршалу Советского Союза С.К.Тимошенко, члену Военного совета Н.С.Хрущеву и начальнику штаба генералу И.Х.Баграмяну. В ней говорилось:

«Тимошенко, Хрущеву, Баграмяну.

За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены и учтите, что кроме вашего фронта есть еще у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать "малой кровью", как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае, вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

Сталин.

Отправить через т. Василевского 27/ V–42 в 19–25»[1].

Ведущий конструктор артиллерийских вооружений генерал-полковник В.Г.Грабин вспоминал. В осенние дни 1941 г., когда вражеские войска стояли у ворот Москвы, ему позвонил Сталин и сказал:

«Вам хорошо известно, что положение на фронтах очень тяжелое. Фашисты рвутся к Москве. Под натиском превосходящих сил противника наши войска с тяжелыми боями отступают. Фашистская Германия имеет количественное превосходство в вооружении. Независимо от этого фашистскую Германию мы победим. Но, чтобы победить с меньшей кровью, нужно в ближайшее же время иметь больше вооружения. Очень прошу вас, сделайте все необходимое и дайте поскорее как можно больше пушек».

Наконец, приведем еще одно свидетельство по затронутому вопросу – Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. Во время одной из бесед с писателем Константином Симоновым маршал рассказал, какова была реакция Сталина на небольшую задержку со взятием Берлина в апреле 1945 г.

«Я рассчитывал поначалу, — вспоминал Жуков,— что Первого мая мы уже доложим об окончании боев за Берлин и что об этом можно будет объявить на майском параде. Когда 30 апреля я понял, что сделать этого мы не сможем, я позвонил Сталину и сказал, что нам придется еще дня два провозиться с Берлином. Я ожидал с его стороны недовольство, а может быть, и упреки. Но он, против моих ожиданий, сказал очень спокойно:

— Ну что ж, пока не сообщим. В это Первое мая все и так будут в хорошем настроении. Позже сообщим. Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. Берегите людей. Не надо лишних потерь. Один, два, несколько дней не играют теперь большой роли».

Резюмируя свою общую оценку роли Сталина в войне, Георгий Константинович писал: «И.В.Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания Победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать.

...Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту».

Важным условием достижения победы явилась мобилизация экономических ресурсов страны и их эффективное использование в интересах фронта. Война убедительно продемонстрировала высокую

мобильность и живучесть советской социалистической экономики, ее огромные потенциальные возможности. Плановый характер народного хозяйства СССР, централизация и сосредоточение основных рычагов управления и экономики в руках государства позволили ему успешно маневрировать производительными силами, добиваясь в кратчайшие сроки выполнения, казалось, невыполнимых военно-хозяйственных задач.

Подобно тому, как Красная Армия разгромила вооруженные силы фашистского блока, труженики советского тыла в жестоком единоборстве с ним одержали полную экономическую победу. Несмотря на чрезвычайные трудности, жертвы, лишения военного времени, они сумели обеспечить Красную Армию всеми важнейшими средствами ведения войны. Трудясь с полным напряжением сил, зачастую недоедая и недосыпая, работники тыла сутками находились на производстве, давая сражавшейся стране металл, сырье, топливо, продовольствие, первоклассную военную технику, оружие, боеприпасы.

В течение 1942–1944 гг. советская промышленность в среднем ежегодно выпускала 126,6 тыс. орудий всех видов и калибров, 25,8 тыс. танков и САУ, 28,2 тыс. боевых самолетов, 102,1 тыс. минометов, 3,3 млн винтовок и карабинов, 417,9 тыс. пулеметов всех видов. В то же время в Германии производилось ежегодно в среднем 87,4 тыс. орудий всех видов и калибров, 11,7 тыс. танков, САУ и штурмовых орудий, 21,6 тыс. боевых самолетов, 21,9 тыс. минометов, 2,2 млн винтовок и карабинов, 296,4 тыс. пулеметов всех видов[2]. И это в условиях, когда СССР производил ежегодно электроэнергии в среднем в 2,1 раза меньше, чем Германия, выплавлял стали и чугуна в 3,7 раза меньше и добывал угля в 4,3 раза меньше по сравнению с Германией и оккупированными ею странами Европы[3].

Таким образом, уступая фашистскому рейху в выпуске важнейших видов промышленной продукции, СССР сумел весьма эффективно использовать каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. В расчете на 1 тыс. тонн выплавленной стали на оборонных заводах страны производилось в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на 1 тыс. выпущенных металлорежущих станков — в 8 раз больше самолетов, чем в германской военной индустрии.

При оценке слагаемых нашей Победы нельзя не сказать о роли Коммунистической партии. За последние годы, особенно после августовских событий 1991 г. и разрушения СССР трактовка вопроса о значении партии коммунистов в разгроме врага испытала на себе мощное идеологическое воздействие конъюнктуры в сторону грубого искажения или просто полного замалчивания этой роли в угоду нынешнему правящему и господствующему социальному слою.

Но думается: отрицать все то позитивное, что сделала партия в целом, миллионы ее честных и самоотверженных рядовых тружеников

для Победы — занятие не только недостойное, но и бесперспективное, ибо такая позиция идет в разрез с многочисленными фактами, документами, свидетельствами, с правдой истории. Во время войны у ВКП(б), в деятельности ее центральных и местных органов было немало ошибок и недостатков, порой серьезных. Но в целом она достойно выполнила в 1941–1945 гг. свою ведущую, организаторскую роль, выступив с первого дня войны в качестве вдохновляющей, мобилизующей силы в борьбе против немецко-фашистских захватчиков. В связи с этим трудно переоценить и значение идеологической работы ВКП(б) в военные годы, где главное место заняли вопросы воспитания советских людей в духе патриотизма, интернационализма, дружбы народов СССР, ненависти к врагу. Имея в своем распоряжении такие действенные средства пропаганды, как печать и радио, партия определяла и умело доводила до масс общие и конкретные задачи, связанные с организацией отпора фашистским агрессорам и их последующего разгрома.

У тех, кто уже был в рядах ВКП(б) или пополнил ее состав во время войны, имелась только одна привилегия: быть первыми там, где решалась судьба Отечества, где очень тяжело и трудно, а зачастую и смертельно опасно. На фронте в среднем находилось 60% коммунистов, и здесь она, эта привилегия, чаще всего была связана с правом первыми подняться в атаку, всегда быть примером для воинов в боевой обстановке, стоять насмерть. Не случайно партия понесла за четыре года войны огромные потери: около двух миллионов коммунистов — свыше половины состава ВКП(б) уже к лету 1941 г. отдали свою жизнь во имя Победы, И одновременно численность ВКП(б) достигла к концу войны почти 6 млн, что само по себе являлось показателем возросшего авторитета партии, доверия к ней воинов и тружеников тыла, весомой оценкой ее роли в завоевании всемирно-исторической Победы.

Вклад защитников Родины в разгром врага был высоко оценен. В течение войны состоялось около 13 млн награждений военнослужащих орденами и медалями — представителей более 100 национальностей и народностей СССР, около 11 тыс. лучших из лучших бойцов, командиров, политработников, партизан и подпольщиков удостоились тогда звания Героя Советского Союза, 104 воина — среди них А.М.Василевский, К.К.Рокоссовский, И.С.Конев, П.К.Кошевой, А.А.Новиков, И.Д.Черняховский, А.П.Белобородов, П.С.Рыбалко, И.И.Гусаковский, М.Е.Катуков, Д.А.Драгунский, Д.Д.Лелюшенко, А.И.Родимцев, С.А.Ковпак, К.А.Евстигнеев, И.С.Полбин, Б.Ф.Сафонов, П.А.Плотников, А.И.Молодчий, Н.Д.Гулаев, Н.М.Скоморохов, В.Н.Леонов, М.П.Одинцов, И.А.Плиев, И.Г.Степанян, Е.Я.Савицкий, В.И.Попков, А.П.Шилин и др. — стали дважды Героями Советского Союза, а трое — Г.К.Жуков, А.И.Покрышкин и И.Н.Кожедуб — трижды Героями. 2582 фронтовика стали полными кавалерами ордена Славы

и среди них четыре женщины — Н.А.Журкина-Киёк, М.С.Нечепорчукова (Наздрачёва), Н.П.Петрова, Д.Ю.Станилиене (Маркаускене). Орденами Славы всех трех степеней были награждены Герои Советского Союза А.В.Алешин. И.Г.Драченко, П.Х.Дубинда и Н.И.Кузнецов. За это же время 198 труженикам тыла было присвоено звание Героя Социалистического Труда, произведено свыше 204 тыс. награждений орденами и медалями. 16 млн советских граждан, работавших в тылу, удостоились медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Великую и столь долгожданную Победу советский народ завоевал дорогой ценой. Общий ущерб Советского Союза от фашистского нашествия был определен в размере 2,6 триллионов рублей (в довоенных ценах). Враг полностью или частично разрушил и сжег 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, свыше 6 млн зданий. СССР потерял за 1941–1945 гг. около 30% национального богатства. Но самая большая потеря была связана с человеческими жертвами. Подсчетами этих жертв занимались специальные комиссии Генштаба Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР. В их распоряжении имелись ранее закрытые статистические материалы и документы, в том числе именные списки безвозвратных потерь* военнослужащих Красной Армии, пограничных и внутренних войск за 1941–1945 гг. К началу 1990 г. была определена общая цифра этих потерь — около 27 млн советских граждан**, из них 8 млн 668 тыс. 400 человек составили воины Вооруженных Сил СССР, пограничные и внутренние войска[1].

Только в боях и сражениях на территории европейских стран, а также Китая и Северной Кореи Красная Армия понесла безвозвратные потери в 1 млн 99,4 тыс. человек, в том числе свыше 600 тыс. — на польской земле, 382,9 тыс. при освобождении Чехословакии, Венгрии, Румынии, Австрии, Югославии и других стран.

Жертвы, которые понесли народы СССР в жестокой борьбе с фашизмом, не оказались напрасными. Как подчеркивал в своей книге «Дело всей жизни» Маршал Советского Союза А.М.Василевский, в ходе войны «советские войска хорошо освоили и самую решительную форму наступления — окружение с целью уничтожения крупных группировок противника. Такие операции, как Сталинградская, Курская, Белорусская, Корсунь-Шевченковская, Ясско-Кишиневская,

---

* В безвозвратные потери включаются убитые, умершие от ран, по болезни и от несчастных случаев, попавшие в плен и не вернувшиеся из него и, наконец, пропавшие без вести.

** Эти данные почти совпадают с теми подсчетами, которые проводились в начале 60-х гг. в связи с подготовкой «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза». Наши потери в войне были тогда определены в 26 млн. Но «высокими инстанциями» оказалась принятой цифра «свыше 20 млн».

Будапештская, Берлинская, Пражская, вошли золотой страницей в летопись советского военного искусства»[5].

Победа Красной Армии над армиями фашистского блока знаменовала превосходство советской науки, военного искусства над военной наукой и военным искусством противника.

Характерна в этом отношении оценка советского военного руководства, которую дал Франц Гальдер, бывший с сентября 1938 по сентябрь 1942 г. начальником генерального штаба германских сухопутных войск и считавшийся одним из крупнейших немецких специалистов: «Исторически небезынтересно исследовать, как русское военное руководство, потерпевшее крушение со своим принципом жесткой, обороны в 1941 году, развивалось до гибкого оперативного руководства и провело под командованием своих маршалов ряд операций, которые по немецким масштабам заслуживают высокой оценки, в то время, как немецкое командование под влиянием полководца Гитлера отказалось от оперативного искусства и закончило его бедной по идее жесткой обороной, в конечном итоге приведшей к полному поражению. Это постепенное изменение немецкой стратегии, в ходе которого отдельные способные военачальники в 1943 году и далее в 1944 году успешно провели ряд частных наступательных операций, не может быть рассмотрено детально. Над этим периодом в качестве приговора стоит слово, высказанное русской стороной в процессе резкой критики действий немецкого командования: порочная стратегия. Это нельзя опровергнуть»[6].

Массовый героизм, мужество и стойкость советских людей на фронте и в тылу побуждали народы всех стран антигитлеровской коалиции к более решительной борьбе против общего врага, укрепляли и веру в неизбежность победы. По справедливому мнению английского публициста Александра Верта, «именно во время войны советский народ проявил все свои лучшие качества — и смелость, и бесконечную самоотверженность, и героизм, и изобретательность, и какую-то особенную человеческую теплоту. Велика объединяющая сила патриотизма, когда знаешь, что надо во что бы то ни стало выстоять до конца. И никто этого не доказал так убедительно, как советские люди в годы Великой Отечественной войны»[7].

Разгром армий гитлеровского блока ускорил процесс общественно-политического развития в мире, открыв народам и государствам путь прогрессивных изменений и кардинальных перемен в сфере международных отношений.

Великая Победа над германским фашизмом и японским милитаризмом явилась историческим приговором реакционным политическим системам — фашизму и милитаризму. На международных процессах в Нюрнберге (20 ноября 1945 г. — 1 октября 1946 г.) и Токио (3 мая 1946 г. — 12 ноября 1948 г.) над главными немецкими и японскими во-

енными преступниками были осуждены не только непосредственные зачинщики и организаторы Второй мировой войны, но и агрессивные милитаристские силы в целом.

В приговоре Нюрнбергского процесса особо подчеркивалось, что «развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что оно содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных»[8].

Опыт Второй мировой и Великой Отечественной войн, сложившейся тогда антигитлеровской коалиции — опыт согласия в главном, решающем — учит многому, оставаясь актуальным и в наши дни. Этот опыт и сегодня должен объединять все народы и страны в их борьбе против сил милитаризма и агрессии.

[1] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[2] Вторая мировая война: Цифры и факты: Научно-статистический труд. М., 1985. С. 125–126, 163–164.

[3] Там же. С. 123, 160,162.

[4] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 129.

[5] *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 538.

[6] См.: Там же.

[7] *Верт А.* Этот подвиг не забыть // Известия. 1965. 6 мая.

[8] Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: в 2 т. М., 1955. Т. 2. С. 959.

РЕШАЮЩИЙ ВКЛАД СССР В ПОБЕДУ НАД ФАШИЗМОМ

«...И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..»
А.С.Пушкин. («Клеветникам России»)

По окончании многих коалиционных войн прошлого при оценке их хода, итогов, уроков и последствий зачастую на первый план выдвигался вопрос о том, каков был вклад каждой из победивших стран в разгром общего врага. И эта – далеко не второстепенная тема – нередко становилась предметом острых и жарких споров политиков, военных деятелей, дипломатов, публицистов и историков.

Не стала исключением и Вторая мировая война 1939–1945 гг., в которой противостояли друг другу антигитлеровская коалиция, включавшая 55 государств, и фашистско-милитаристский блок во главе с нацистской Германией и империалистической Японией. Причем уже во время этой войны вопрос о том, на каком из ее театров происходят главные события, где решаются ее судьбы и какое из государств антигитлеровского союза представляет собой ведущую силу или арсенал будущей Победы, не имел однозначную трактовку.

Различные позиции в Советском Союзе и на Западе по данной проблеме еще резче обозначились после Победы над фашизмом, что нашло отражение в изданной во всех воевавших странах, а также нейтральных государствах, обширной военно-исторической литературе. К сегодняшнему дню она насчитывает сотни тысяч одних только наименований.

Между тем в военные годы не только искренние зарубежные друзья Советского государства, но и наши западные союзники в лице государственных и военных руководителей весьма объективно оценивали ведущую роль Советского Союза в борьбе против общего врага. Это нашло, например, подтверждение в посланиях, направленных в 1941–1945 гг. И.В.Сталину руководителями Соединенных Штатов Америки и Великобритании.

Так, в полученном еще 15 августа 1945 г. совместном послании премьер-министра Великобритании У.Черчилля и президента США Ф.Рузвельта главе Советского правительства говорилось о «великолепном отпоре», который оказывает СССР фашистской агрессии. «Мы полностью осознаем, – подчеркивалось в нем, – сколь важно для поражения гитлеризма мужественное и стойкое сопротивление Советского Союза...»[1]

В послании Ф.Рузвельта И.В.Сталину, которое было получено 23 февраля 1943 г., выражалось «глубокое восхищение великолепными, непревзойденными в истории победами» советских войск. «Красная Армия и русский народ, — подчеркивал американский президент, — наверняка заставили вооруженные силы Германии идти по пути к окончательному поражению и заслужили на долгие времена восхищение народа Соединенных Штатов»[2]. Он отмечал, что «...русские убивают больше солдат противника и уничтожают больше его вооружения, чем все остальные 25 государств Объединенных Наций, вместе взятые»[3].

С трибуны палаты общин У.Черчилль заявил 2 августа 1944 г., что «именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины»[4].

О «великих подвигах Красной Армии во время войны в Европе, вызвавших восхищение всего мира», говорил в своей речи в конгрессе США 19 июня 1945 г. и главнокомандующий вооруженными экспедиционными силами союзников в Европе, будущий президент США, генерал Д.Эйзенхауэр. По его мнению, «кампании, проведенные Красной Армией, сыграли важнейшую роль в поражении Германии»[5].

В те годы было немало подобных оценок и признаний. И в том нет ничего удивительного. Очень трудно было идти против очевидной истины: решающий вклад Советского Союза в Победу, его выдающаяся роль в спасении мировой цивилизации от гитлеровской чумы представлялись бесспорными. Но едва развеялся дым мирового военного пожара, и разразилась «холодная война», недавние союзники СССР начали говорить по-другому, многие из них попросту «забыли» свои прежние слова. Высокие оценки были отброшены, появились суждения совсем иного рода.

Вскоре после разгрома фашизма Черчилль утверждал в мемуарах, будто «в течение более чем года после вовлечения России в войну она представлялась нам не более, как бремя, чем как помощник...» и что «вступление России в войну не принесло нам немедленной пользы... а, напротив, заставило Великобританию пойти на исключительно тяжелые жертвы и оказать Советскому Союзу большую помощь». По его утверждению, Советское государство смогло «устоять против германского нашествия лишь благодаря своей обширной территории». В заключительном томе своих воспоминаний «Вторая мировая война», говоря о праздновании Победы в британской столице, Черчилль писал: «Когда я пробирался сквозь толпы ликующих лондонцев в час их радости, вполне заслуженной после всего того, что им пришлось пережить, мой ум занимали опасения за будущее и многочисленные сложные проблемы... В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага»[6].

Президент США Г.Трумэн, отвечая на вопрос американских историков о роли СССР в победе над милитаристской Японией, прямо заявил, вопреки всем фактам, что «русские не внесли в нее никакого военного вклада»[7]. Всю же заслугу в завоевании Великой Победы над фашистским блоком он приписал Соединенным Штатам Америки (да еще с претензией на мировое господство!), подчеркнув в послании конгрессу от 19 декабря 1945 г.: «Победа, которую мы одержали, возложила на американский народ бремя постоянной ответственности за руководство миром»[8].

Таким образом был задан тон, как и в каком ключе освещать вопрос о том, кто был главным творцом Великой Победы. В послевоенные десятилетия, в условиях «холодной войны» в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Канаде, Японии и других странах зарубежного мира вышло в свет огромное количество различных исторических исследований и мемуаров, в которых искажались подлинные события 1939–1945 гг. и всячески принижалась решающая роль СССР в разгроме агрессоров.

С особой настойчивостью читателям навязывалось мнение, будто важнейшие сражения Второй мировой войны происходили не на советско-германском фронте, и исход вооруженного противоборства двух коалиций решался не на суше, а, главным образом, на море и в воздушном пространстве, где вооруженные силы США и Англии осуществляли интенсивные боевые действия. Авторы подобных изданий утверждают, что ведущей силой антигитлеровской коалиции были США, поскольку они имели, мол, наиболее мощные среди капиталистических стран вооруженные силы и являлись «арсеналом победы», который обеспечил превосходство этой коалиции над блоком агрессоров в вооружении и боевой технике. Что касается каких-то успехов Красной Армии, то они якобы являлись следствием успехов англо-американских войск на разных театрах войны и, в существенной степени, зависели от военно-экономических поставок США и Англии по ленд-лизу.

Приведем только один характерный в этом отношении пример. Американский генерал Х.Паттисон в предисловии к книге Э.Зимке «От Сталинграда до Берлина» отметил: «Нельзя согласиться, как утверждают русские, что Красная Армия была главным архитектором победы во Второй мировой войне». Сам же автор этой книги без тени смущения заявил, что «вклад Советского Союза в победу в Европе был важным, но не решающим», так как «...война на Востоке была сухопутной войной на одном фронте, в то время как на Западе союзники воевали на двух сухопутных фронтах, провели кампании в воздухе и на море»[9].

Подобные концепции пронизывают также 85-томное издание по истории Второй мировой войны, подготовленное исторической секцией при кабинете министров Великобритании, 25-томную американскую «Иллюстрированную энциклопедию второй мировой

войны». Примерно в таком же духе выдержаны опубликованные в ФРГ книги 10-томного труда «Германский рейх и вторая мировая война», 96-томная японская «Официальная история войны в великой Восточной Азии», многотомный труд «Армия Соединенных Штатов во Второй мировой войне»[10], а также давно наводнившие книжные прилавки западных стран различные красочные атласы, военные хроники, буклеты, популярные исторические повествования и мемуары о войне.

Можно назвать немало представителей зарубежной историографии послевоенных десятилетий, в трудах которых прежде всего под воздействием острого противостояния двух общественно-политических систем на все лады превозносилось значение борьбы англо-американских войск на второстепенных театрах военных действий. Другими словами, происходившим там локальным сражениям приписывалась роль «поворотных пунктов» Второй мировой войны. Таковы, например, некоторые сочинения М.Мэтлоффа, Э.Морисона, Ф.Погью, Дж.Джоунса, Д.Хоггана, Г.Пэчтера, Э.Дюпуи, Т.Кармайкла, Х.Болдуина, Ф.Пратта (США), М.Говарда, А.Ситона, Д.Ричардса, С.Стронга, Г.Моля, А.Уайкса, Б.Питта, Дж.Фуллера (Великобритания), Ж.Галтье-Буассьера, М.Бомона, Р.Ремона, Ж.-К.Мартине (Франция), Г.Шретера, П.Керела, В.Пауля, В.Герлитца, Г.Риттера, В.Хубача, П.Шрамма, И.Феста, Г.Грейнера, Г.Доллингера, Г.Шепса (ФРГ), С.Сильвестри, А.Тамаро (Италия) и др.

Особенно преуспели на ниве принижения роли Вооруженных Сил СССР в Победе над немецко-фашистскими агрессорами бывшие гитлеровские генералы, многие из которых в первые послевоенные годы выступили в качестве мемуаристов. В большинстве их воспоминаний значительное место занимают рассуждения о «роковых решениях», ошибках, случайностях, что и помешало армадам третьего рейха сокрушить своего противника.

Выдвигая тезис о решающем вкладе США и Великобритании в Победу, западные авторы охотно использовали и такой нехитрый прием: о многих битвах и сражениях наших войск и вообще о событиях, происходивших на советско-германском фронте и в период Дальневосточной кампании Красной Армии, в их публикациях просто не упоминается или упоминается крайне скупо.

В течение первых четырех десятилетий, прошедших после окончания Второй мировой войны, в основном в 50-х — первой половине 80-х годов, советские исследователи издали большую серию книг, брошюр и статей, в которых на основе убедительных фактов и документов раскрывалась несостоятельность позиций многих зарубежных коллег, их предвзятость и необъективность, используемые ими недостойные приемы и методы при оценке совершенного народами СССР в 1941–1945 гг. исторического подвига.

Справедливо возмущаясь по поводу искажений западными авторами решающей роли СССР в разгроме фашистско-милитаристского блока, советские историки в пылу полемики нередко называли их «буржуазными фальсификаторами», «прислужниками империализма». Награждали и другими нелестными эпитетами и ярлыками.

Среди этих историографических работ назовем такие, как: Толченов М.П. Американо-английские фальсификаторы истории второй мировой войны. М, 1953; Еременко А.И. Против фальсификации истории второй мировой войны. М., 1958; Жилин П.А. Буржуазные фальсификаторы истории второй мировой войны. М., 1959; Против буржуазных фальсификаторов истории второй мировой войны. М., 1962; Против фальсификации истории второй мировой войны: Сборник статей. М., 1964; Салов В.И. Современная западногерманская буржуазная историография: Некоторые проблемы новейшей истории. М., 1968; Марушкин Б.И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969: Реутов Г.Н. Правда и вымысел о второй мировой войне. М., 1970; Большая ложь о войне: Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971; Критика буржуазной историографии советского общества. М., 1972; Война, история, идеология: Буржуазная военная история на службе милитаризма. М., 1974; Секистов В.А., Коротков Г.И. Устами американцев. М., 1978; Кульков Е.Н., Ржешевский О.А., Челышев И.А. Правда и ложь о второй мировой войне. М., 1983; Жилин П.А., Якушевский А.С., Кульков Е.Н. Критика основных концепций буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1983; Ржешевский О.А. Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. М., 1984; Буржуазная историография второй мировой войны: Анализ современных тенденций. М., 1985; и др.

Хотя на указанных историографических изданиях 50–80-х годов лежит отпечаток времени, заметно выраженное идеологическое воздействие и влияние «холодной войны», приведенные авторами многочисленные аргументы и критические замечания в адрес зарубежных коллег и поныне представляются к целом вполне обоснованными и убедительными.

В последние годы, когда была отменена официальная цензура, устранено немало запретных тем, а историков допустили к более широкому кругу ранее засекреченных архивных документов, более взвешенным, менее запальчивым стало отношение наших исследователей к западным авторам и более терпимым к их мнениям, точкам зрения.

К сожалению, приходится констатировать, что эти позитивные перемены носят преимущественно односторонний характер, ибо в зарубежной историографии Второй мировой войны в целом кар-

динальных перемен не произошло. Например, тенденция умаления выдающихся заслуг Красной Армии, неприкрытого пренебрежения к народу, сокрушившему главные силы фашизма, демонстративно проявилась во время празднования 50-летия открытия второго фронта в Европе. Под формальным предлогом неучастия воинов Вооруженных Сил СССР в высадке 6 июня 1944 г. союзных войск в Нормандии (операция «Оверлорд») во Францию на юбилейные торжества не были приглашены представители нашей страны, армии, даже ветераны.

В 1991 г. в США был создан Национальный комитет по празднованию 50-й годовщины Победы во Второй мировой войне. Вскоре этот комитет издал огромным тиражом подготовленный с участием историков красочный юбилейный буклет. Он открывается «Хроникой важнейших событий Второй мировой войны». И в этом весьма подробном перечне лишь дважды мельком упомянут советско-германский фронт: 22 июня 1941 г. (начало гитлеровской агрессии против СССР) и 8 мая 1942 г. (начало нового наступления вермахта на Востоке). Не названа ни одна из крупных битв, ни одна из операций, выигранных или проведенных советскими войсками против немецко-фашистских захватчиков. Не нашлось места и для Дальневосточной кампании Красной Армии против милитаристской Японии[11]. Словно не там, где сражались наши воины, а где-то на другом театре военных действий, на другом материке решались и решились судьбы мировой цивилизации.

Под стать такому изданию — образцу исторического подлога — и новая масса появившихся на Западе различных публикаций о Второй мировой войне, в которых вся заслуга в разгроме общего врага приписывается западным союзникам СССР.

Что касается суждений по рассматриваемому допросу некоторых современных отечественных публицистов, писателей и историков — приверженцев так называемого «нового мышления», — то за последнее десятилетие трактовка ими итогов нашей Победы все больше концентрировалась на отрицании ее значения и решающего вклада СССР в разгром гитлеровского блока.

На какие только ухищрения не идут «неординарные правдоискатели», искажая и подтасовывая документы, оперируя взятыми «с потолка» цифрами и фактами в угоду конъюнктуре, сенсационности и дешевой известности. Вслед за В.Резуном — «лже-Суворовым» уже не «Великой» и не «Отечественной» названа вооруженная освободительная борьба советского народа против немецко-фашистских захватчиков. Она низводится до кровавой разборки двух тоталитарных режимов, в равной мере виновных в развязывании новой военной катастрофы в своем стремлении к мировому господству. При этом высказывается мнение, что СССР не следовало сражаться против полчищ Гитлера, а надо было сразу сдаться на милость победителей. И если бы это про-

изошло, то сейчас все наши граждане вдоволь попивали бы отличное баварское пиво...

Подобным циничным рассуждениям «демократического» журналиста А.Минкина журнал «Социум» еще в 1991 г. посвятил страницы двух своих номеров. Минкин и его единомышленники словно запамятовали, какую страшную участь уготовил, осуществляя поход на Восток, кровавый фашистский режим не только славянскому населению, но и грузинам, евреям, армянам, татарам, литовцам, латышам, эстонцам, молдаванам — всем народам СССР.

Охотно муссируя вопрос о цене Победы, сочинители популистских публикаций распространяют тезис о «потрясающей неподготовленности Советского Союза к войне»[12], что Красная Армия вступила в противоборство с фашистской Германией и закончила его, не умея воевать, что наши военные руководители, включая И.В.Сталина, Г.К.Жукова, К.К.Рокоссовского, И.С.Конева и других полководцев, были малограмотными и бездарными, а уровень советского военного искусства — предельно низким...

Некоторыми ангажированными публицистами, писателями, недобросовестными историками без какой-либо опоры на правдивые документы приводятся фантастические данные общих людских потерь СССР и Красной Армии: от 30 до 50 млн одних только убитых солдат[13].

Подобные домыслы, рассчитанные на доверчивого и малоискушенного читателя, не выдерживают никакой критики. Спрашивается, каким же образом, не умея воевать, во главе с таким посредственным руководством и якобы при таких колоссальных потерях (по существу — всего взрослого мужского населения страны), они смогли сокрушить самую мощную армию западного мира?

И когда творцов указанных «сочинений» уличали в подтасовке документов, в прямом ПОДЛОГЕ, они в ответ бросали своим оппонентам обвинения в сталинизме, догматизме, закостенелости и т.п.

Поэтому приходится всем этим авторам (и западным и отечественным) вновь напоминать неопровержимые исторические факты. От них никуда не уйти и отмахнуться невозможно, ибо они убедительно свидетельствуют о великом ПОДВИГЕ советского народа, о его решающем вкладе в завоевание всемирно-исторической Победы во Второй мировой войне, в спасение всего человечества от гитлеровского мракобесия. Небезынтересно, полагаю, узнать об этом и нашему молодому поколению.

Но вначале несколько слов о реальных, а не мнимых потерях Красной Армии в Великой Отечественной войне и о соотношении этих потерь с потерями противника. Еще к началу 1990 г. по итогам работы специальных комиссий Генштаба Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР (в одной из них нам довелось участвовать), в распоряжении которых имелись важнейшие архив-

ные источники, в том числе именные списки безвозвратных демографических потерь* военнослужащих Красной Армии за 1941–1945 гг., были, в частности, определены общие безвозвратные демографические потери Советских Вооруженных Сил вместе с пограничными, и внутренними войсками. Они составили 8 млн 668 тыс. 400 чел.

Что касается безвозвратных потерь вермахта, его союзников и различных военизированных формирований из числа иностранных граждан, принимавших участие в боях на советско-германском фронте, то они составили 8 млн 649 тыс. 500 чел.

Итак, соотношение по этому виду потерь Красной Армии и противника немного не в нашу пользу. А дело в том, что, как уже отмечалось, в безвозвратные демографические потери включаются и сведения о попавших в плен и не вернувшихся из плена. По нашим данным, в годы войны во вражеский плен попало 4 млн 559 тыс. военнослужащих Красной Армии (по немецким — даже от 5 млн 200 тыс. до 5 млн 700 тыс.), а вернулось на Родину только 1 млн 836 тыс. Остальные в своем подавляющем большинстве — от 2,5 млн до 3 млн и выше — погибли в немецком плену в результате их сознательного массового истребления расстрелами, голодом, холодом, истязаниями...

В нашем же плену, где был совсем иной режим (хотя, конечно, и не курортный) из 4 млн 126 тыс. 964 пленных умерло за все годы 580 548 чел., а остальные вернулись домой.

Но если бы советские власти, со своей сторон, тоже бы уничтожили 2,5–3 млн попавших в плен военнослужащих противника, то каково бы оказалось тогда соотношение безвозвратных демографических потерь? Разумеется, далеко не в пользу немецко-фашистских захватчиков.

Вот почему не выдерживают никакой критики утверждения некоторых доморощенных фальсификаторов истории о якобы низком уровне военного искусства советских полководцев, умевших воевать лишь «большой кровью».

Вопрос же о роли СССР в Победе над фашизмом мы рассмотрим в двух областях: военной и экономической.

Важнейшей формой борьбы, в которой фокусировались все остальные формы, где в конечном счете решался исход смертельной схватки с ударными силами реакции и фашизма, была борьба вооруженная. И здесь наиболее отчетливо сказалась ведущая, определяющая роль Советского Союза и его Вооруженных Сил в разгроме гитлеровского рейха. Советско-германский фронт являлся главным фронтом Второй мировой войны. Здесь находилась наибольшая часть опытных и укомплектованных соединений фашистского вермахта, о чем говорят данные следующей таблицы[14]:

---

* См. примечание на с. 579.

Таблица 1

Распределение немецких дивизий в 1941–1945 гг.

Дата	*Общее кол-во дивизий*	*Кол-во дивизии на сов.-герм. фронте*	*Всего в %*	*Кол-во дивизий на других фронтах*	*Всего в %*	*Кол-во дивизий на оккупир. территории и в Германии*	*Всего в %*
22.06.41	217,5	150	70,3	2	0,9	62,5	28,8
01.05.42	237,5	181,5	76,5	3	1,2	53	22,3
01.07.43	297	196	66	8	2,7	93	31,3
01.01.44	318	201	63,2	19,5	6,2	97,5	30,6
01.06.44	326,5	181,5	55,6	81,5	25	63,5	19,4
01.01.45	314,5	179	57	119	38	16,5	5

Из таблицы видно, что в течение войны против Красной Армии действовало в среднем до 70% дивизии фашистской армии, из четырех солдат вермахта трое постоянно воевали на советско-германском фронте и лишь один — на Западном.

«Можно сказать без преувеличения, — писал после войны бывший начальник отдела германского штаба Западного фронта генерал-лейтенант Б.Циммерман, — что Восточный фронт настойчиво выкачивал из немецких армий, находившихся на Западе, всю боеспособную живую силу и боевую технику... С 1943 года основу немецких войск Западного фронта составляли старики, оснащенные устаревшим вооружением»[15]. Если в 1941 г. с западного театра военных действий гитлеровская Ставка перебросила на Восточный фронт 17 дивизий, то в 1942 г. — 69, в 1943 г.— 46, а в 1944 г. — 80 дивизий[16].

На советско-германском фронте в наиболее тяжелое для СССР время находилось большинство союзников Германии: 37 дивизий — в июне 1941 г., 72,5 дивизии — в ноябре 1942 г. В этот же период на других театрах мировой войны (в Северной Африке, а затем в Сицилии) имелось не более 8–9 дивизий союзников третьего рейха[17].

И после открытия 6 июня 1944 г. второго фронта в Европе большая часть немецко-фашистских дивизий продолжала сражаться против советских войск, т.е. на Восточном фронте (от 55,6% до 57%). Даже в самом конце войны Красной Армии противостояли 196 вражеских дивизий, а западным союзникам СССР — только 106[18]. Противник

использовал также на Востоке основную часть своего вооружения и боевой техники: 52–75% артиллерийских средств, 60–70% танков и штурмовых орудий, 50–65% боевых самолетов и т.д.[19]

Советско-германский фронт не имел себе равных по пространственному размаху, продолжительности и интенсивности борьбы. Его протяженность составляла от 3000 до 6200 км, тогда как протяженность Северо-Африканского и Итальянского фронтов не превышала 300–350 км, Западного – 800 км. Из 1418 дней и ночей существования советско-германского фронта активные боевые действия продолжались здесь 1320 суток, тогда как на Западно-Европейском – 293, на Северо-Африканском – 309 и на Итальянском – 492[20].

Из общего числа людских потерь, которые понесла немецко-фашистская армия во Второй мировой войне, более 73% приходится на Восточный фронт[21]. Именно здесь были разгромлены главные силы фашистского блока – 607 дивизий, а англо-американскими войсками – только 176 дивизий (в Северной Африке и Западной Европе). На долю Вооруженных сил СССР приходится и подавляющая часть уничтоженной за годы войны вражеской боевой техники. За 47 месяцев боевых действий на советско-германском фронте враг потерял 62 тыс. самолетов, или свыше 75% всех потерь его авиации в течение 1939–1945 гг.[22] Вермахт лишился на Востоке и большей части артиллерийских орудий – 167 тыс. (74% общих потерь), танков и штурмовых орудий – 48 тыс. (до 75% общих потерь), а также свыше 2,5 тыс. боевых кораблей, транспортов и вспомогательных судов[23].

Представляя Соединенные Штаты Америки в качестве ведущей силы антигитлеровской коалиции, «архитектором победы», некоторые западные и отечественные авторы ссылаются, в частности, на то, что в годы войны вооруженные силы США были крупнейшими среди союзных держав. Действительно, они насчитывали тогда в своих рядах более 16 млн человек[24]. Но сама по себе эта цифра еще не доказывает ведущую роль вооруженных сил США. Для определения их реального вклада в завоевание победы важно рассмотреть, сколько американских солдат сражалось против фашистской Германии. Факты говорят о том, что американские вооруженные силы вступили в войну против нацистской империи в декабре 1941 г. – через 27 месяцев после начала Второй мировой войны. Что касается непосредственного участия американцев в боевых действиях против итало-немецких войск, то оно началось лишь в ноябре 1942 г., когда, по существу остался позади самый трудный период войны. Но и в последующем против германских войск принимала участие весьма небольшая часть американской армии: в 1942 г. – 0,5 млн чел., в 1943 г. – около 1 млн, в 1944 г. – до 2 млн, а к маю 1945 г. – до 3 млн чел.

К моменту высадки в Нормандии на Британских островах находилось только 20 дивизий США из 90, которыми они располагали в то

время. Кстати, 41 американская дивизия была тогда на американском континенте[25].

Нетрудно сопоставить эти данные с численностью действующей на фронте армии СССР: в 1942 г. она составляла 6,1 млн, в 1943 г. – 4 млн, в 1944 г. – 6,1 млн и в мае 1945 г. – 6 млн чел.[26]

Как известно, в первые месяцы Великой Отечественной войны советские войска были вынуждены с тяжелыми боями отступать. Пользуясь внезапностью нападения, превосходством сил и другими временными факторами, немецко-фашистские захватчики оккупировали значительную часть территории Советского Союза. Но в тот тяжелый и драматический период Красная Армия сохранила свою боеспособность, оказав врагу мужественное сопротивление, создав реальные предпосылки для перехода в решительное контрнаступление. Она была единственной силой, способной остановить гитлеровские полчища. И не только остановить, но и нанести им сокрушительное поражение. «...Никакие другие силы в мире не смогли бы это сделать», – признавался Черчилль.

Как свидетельствовали доселе не знавшие поражений германские военачальники, нигде они не получали такого отпора и никогда не несли таких потерь, как на советско-германском фронте с первых же дней гитлеровской агрессии. «С политической точки зрения самым главным роковым решением было напасть на эту страну. Теперь нам пришлось вести войну с более сильным противником, чем тот, с которым мы встречались до сих пор», – констатировал генерал фашистского вермахта Г.Блюментрит. Уже летом 1941 г. в ходе ожесточенных сражений на Восточном фронте были основательно потрепаны многие вражеские дивизии. За первые 60 дней Великой Отечественной войны немецко-фашистская армия лишилась стольких солдат, скольких потеряла за предшествующие 600 дней Второй мировой войны[27].

Еще одно сравнение. Если за *21 месяц* мировой войны (с 1 сентября 1939 г. по 31 мая 1941 г.) число убитых и пропавших без вести военнослужащих вермахта составило на всех фронтах около 97,1 тыс. человек, то, согласно данным начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф.Гальдера, лишь за первые *пять с половиной месяцев* боев и сражений на советско-германском фронте (т.е. с 22 июня 1941 г. по 10 декабря того же года) было убито и пропало без вести 195,2 тыс. немецких солдат и офицеров, т.е. вдвое больше. Общие же потери, по тем же данным, составили более 775 тыс. человек (24,2% всей численности германской армии на Восточном фронте)[28].

То, что решающий вклад в разгром нацистского блока внес Советский Союз, подтверждается итогами тех грандиозных сражений, в ходе которых Красная Армия нанесла смертельные раны фашистскому агрессору.

Самое крупное поражение германского рейха с начала Второй мировой войны, полное крушение «блицкрига» свершилось, как из-

вестно, под Москвой (зимой 1941–1942 г.), когда наголову были разбиты около 50 лучших дивизий Гитлера. Этот очевидный факт сейчас на Западе не оспаривается, хотя при определении главных причин краха германской военной машины в битве за советскую столицу продолжаются ссылки на «бескрайние просторы России», неблагоприятные климатические условия (осеннюю распутицу, а затем сильные морозы), на якобы многократное численное превосходство советских войск, массовое применение ими новой техники и т.п. «Как уже часто отмечалось, – пишет Э.Маккарти в книге "Русский фронт. Германская война на Востоке, 1941–1945", изданной в Лондоне, – на стороне Советского Союза были генерал Зима и генерал Грязь». По его утверждению, солдатам вермахта зимой 1941–1942 г. «морозы причиняли больше потерь, чем военные действия». В богато иллюстрированной хронике «Вторая мировая война», опубликованной Центром военной истории армии США в 1991 г., крах операции «Тайфун» объясняется так: «германское наступление окончательно наскочило на мель остановившись под Москвой из-за тяжелых снежных сугробов...»[29]

Несостоятельность подобных суждений заключается прежде всего в том, что вражеские войска были остановлены Красной Армией еще до осенней распутицы и тем более сильных морозов. Сорванный советским народом гитлеровский план «молниеносного» сокрушения СССР был рассчитан на 1,5–2 месяца, т.е. до наступления осенних и зимних «неблагоприятных условий погоды». Кроме того, трудности, которые вызвали эти «неблагоприятные климатические факторы», испытывали на себе и советские воины. Так что «осенняя распутица», «сильные морозы» и «тяжелые сугробы» не были решающими факторами в противоборстве сторон.

Что же касается якобы огромного численного преимущества советских войск перед переходом 5–6 декабря в контрнаступление под Москвой, то к началу этого месяца вражеская группа армий «Центр» вместе с военно-воздушными силами имела на московском направлении в своем составе 1 млн 708 тыс. человек личного состава, около 13500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов. Части же Красной Армии, привлеченные к контрнаступлению, имели около 1 млн 100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 415 установок реактивной артиллерии, 774 танка (в том числе средних и тяжелых) и 1000 самолетов (из них 169 устаревших конструкций). Таким образом, немецко-фашистские войска превосходили здесь советские в живой силе в 1,5 раза, в артиллерии – в 1,4 раза, в танках – в 1,6 раза. И только по авиации советская группировка имела некоторое преимущество (в 1,6 раза)[30].

«Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой, – писал в своей книге "Воспоминания и размышления" Г.К.Жуков, – Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск раз-

билась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина»[31].

Следует заметить, что насыщенные драматизмом события Московской битвы, где во многом решились судьбы не только СССР, но и всего цивилизованного мира, продолжают привлекать внимание отечественных исследователей и публицистов. К сожалению, наряду с серией новых серьезных изданий на эту тему[32], в последние годы появились публикации, весьма далекие от правдивого освещения, в которых в сугубо негативном виде отображается подвиг защитников столицы. Примером такой очернительной трактовки может служить псевдонаучная подделка некоего А.Портного, напечатанная в год 50-летия битвы под Москвой в журнале «Столица» под кощунственным названием «Разгром советских войск под Москвой». Продемонстрировав откровенное невежество в знании элементарных фактов истории Московской битвы, произвольно смещая события и манипулируя надуманными цифровыми данными, автор вылил ушаты грязи и клеветы на всех участников обороны столицы. Можно только догадываться, какие цели преследовала редакция журнала, публикуя этот дешевый пасквиль.

Но вернемся к нашему сюжету. После московской катастрофы гитлеровское командование не отказалось от своих замыслов. Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе, оно предприняло в конце мая 1942 г. большое наступление на юго-западном направлении, закончившееся Сталинградской битвой. К августу враг перебросил из Западной Европы новые резервы, сосредоточив на советско-германском фронте 242 дивизии, а к началу ноября — 266 дивизий, из них 179 — немецких. Отметим, что в это же время для боевых действий против западных союзников СССР противником было оставлено в Северной Африке всего 15 дивизий, из них только 4 — немецких. «Соединенные Штаты Америки, — говорилось в послании Рузвельта Сталину 19 августа 1942 г., — хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную ответственность сопротивления, которое продемонстрировала Ваша страна»[33].

Советские войска достойно выдержали новый суровый экзамен. Под Сталинградом фашистская империя потерпела поражение, равного которому не знала история. Здесь, как известно, были окружены и разгромлены 22 вражеские дивизии общей численностью более 330 тыс. человек.

Значение Сталинградской победы, до основания потрясшей нацистскую Германию и ее Вооруженные Силы, настолько очевидно, что многие западные авторы дали ей довольно высокую оценку. Однако, наряду с этим, в зарубежной историографии все же имеет место тенденция принижения значения поражения гитлеровцев на берегах Волги. Она проявляется в стремлении отодвинуть Сталинградскую

победу на второй план или в лучшем случае поставить ее в один ряд с военными успехами англо-американских войск у Эль-Аламейна (Египет) и с операциями западных союзников на других второстепенных театрах войны. Так, в «Энциклопедии Второй мировой войны», изданной в США в 1989 г., сражению у Эль-Аламейна авторы посвятили 168 строк, а Сталинградской битве — лишь 93, «скромно» умолчав о ее последствиях и влиянии на ход войны[34]. В вышедшем в русском переводе в 1993 г. военно-историческом словаре Т.Харботла «Битвы мировой истории», переработанном и дополненном английскими военными историками Дж.Брюсом и П.Янгом, говорится, что «Эль-Аламейнская операция явилась одним из решающих сражений 2-й мировой войны». В тексте же о Сталинградской битве никакой оценки значения одержанной Красной Армией победы не дается[35].

Между тем простое сравнение вражеских сил, действовавших под Сталинградом, где противник в ноябре 1942 г. имел 50 отборных дивизий, из них 26 немецких, и у Эль-Аламейна в октябре того же года, где англичанам противостояли только 12 итало-немецких дивизий, из них — 4,5 немецких, позволяет еще раз убедиться, какой фронт оказывал решающее влияние на ход и исход вооруженной борьбы против фашистских агрессоров. К этому добавим, что общие потери врага в Сталинградской битве в 30 раз превысили его потери под Эль-Аламейном.

Именно выдающаяся победа Советских Вооруженных Сил на берегах Волги ознаменовала начало коренного перелома не только в Великой Отечественной, но и во всей Второй мировой войне.

Летом 1943 г. в битве под Курском Красная Армия ликвидировала последнюю попытку гитлеровской Германии изменить ход войны в свою пользу. В районе Курской дуги, согласно плану операции «Цитадель», противник сосредоточил три армии, включавшие в себя до 70 дивизий.

Поражение под Курском явилось закатом для немецко-фашистской армии. Вражеская группировка была здесь более мощной, чем при наступлении гитлеровцев на Сталинград. Курская битва и летне-осеннее наступление Красной Армии 1943 г. завершили коренной перелом ходе Второй мировой войны в пользу антигитлеровской коалиции. Под Москвой, Сталинградом, Курском и на Днепре противник понес несравнимо большие потери, чем во всех сражениях с нашими западными союзниками в течение всей Второй мировой войны.

Осуществляя мощное наступление, Вооруженные Силы СССР в 1944 г. одержали новые крупные победы. Только в первой половине этого года советские войска разгромили 57% частей и соединений противника, действовавших на Восточном фронте.

В этих условиях, когда всем стало ясно, что Советский Союз в состоянии один уничтожить фашистскую империю, правящие круги Великобритании и США пошли, наконец, на открытие второго фронта

в Европе. Однако, как уже отмечалось, и после высадки союзников в Нормандии главные силы германского империализма воевали против Красной Армии, причем в ходе военных действий гитлеровское командование ввиду огромных потерь в сражениях на Востоке неоднократно снимало войска с Западного фронта и перебрасывало их на советско-германский фронт. С июня 1944 г. до апреля 1945 г. Красная Армия разгромила не менее 400 вражеских дивизий. За это же время в Западной Европе англо-американские войска разгромили не более 60 дивизий противника. Между тем в одной только Белорусской стратегической операции советские войска нанесли поражение более чем 80 (считая с резервами) вражеским дивизиям.

Стремление западных официальных кругов в год полувекового юбилея Великой Победы принизить значение военных усилий Советского Союза наглядно выявилось в их отказе совместного проведения с российскими воинами торжеств в Берлине по случаю завершения вывода союзных частей с территории ФРГ. Что касается оценки самого штурма советскими войсками немецкой столицы весной 1945 г., то во многих новейших зарубежных публикациях читателям внушается, что никакого серьезного сражения за Берлин фактически не было, а состоялась просто «операция по прочесыванию», не имевшая существенного значения для завершения разгрома вермахта.

Но вот как оценивал обстановку, сложившуюся накануне штурма Берлина, маршал Г.К.Жуков: «В течение войны мне пришлось быть непосредственным участником многих крупных и важных наступательных операций, но предстоящая борьба за Берлин была особой, ни с чем не сравнимой операцией. Войскам фронта нужно было прорывать сплошную эшелонированную зону мощных оборонительных рубежей, начиная от самого Одера и кончая сильно укрепленным Берлином. Предстояло разгромить на подступах к Берлину крупнейшую группировку немецко-фашистских войск и взять столицу фашистской Германии, за которую враг наверняка будет драться смертным боем»[36].

Западные союзники СССР были бы не прочь в нарушение ранее согласованных решений первыми овладеть Берлином, но сложившаяся к апрелю 1945 г. стратегическая обстановка, четкие действия советской Ставки и командования фронтов, высокий наступательный порыв наших воинов перечеркнули эти намерения, и пальма первенства осталась за Красной Армией.

В ходе Берлинской операции, в которой с обеих сторон участвовало более 3,5 млн человек, свыше 52 000 орудий и минометов, 7 750 танков и самоходно-артиллерийских установок, 11 тыс. боевых самолетов, Вооруженные Силы СССР разгромили 93 гитлеровских дивизии[37] и ряд отдельных частей, уничтожив почти миллионную группировку противника.

Заключительный подвиг, совершенный воинами Красной Армии в ходе Берлинской операции, фальсифицируется не только современными западными авторами. В России на ниве дискредитации подвига наших солдат и полководцев, в первую очередь – маршала Г.К.Жукова, выступили писатели А.Солженицын, В.Астафьев, Г.Владимов, Б.Окуджава, филолог Б.Соколов, историки А. и Л.Мерцаловы... Их главное обвинение – плод богатой фантазии или «кухонной стратегии»: не так, мол, взяли Берлин, воевали «большой кровью», заплатив за него сотнями тысяч павших «русских ребят».

Вслед за зарубежными «сочинителями» почти все названные ниспровергатели дружно повторили злостную «байку» о том, что будто при штурме Берлина Г.К.Жуков, оберегая танки, посылал на минные поля впереди бронемашин своих солдат. Но ведь хорошо известно, что для подрыва противотанковой мины необходимо давление не менее 250–270 кг. Так что эта выдумка – для наивных простаков.

Что же касается обвинений в больших и бессмысленных потерях Красной Армии во время Берлинской операции, то и здесь основным оружием против ПОДВИГА был избран обыкновенный ПОДЛОГ.

Обратимся к строгой научной статистике, которая свидетельствует, что безвозвратные потери трех советских фронтов, штурмовавших германскую столицу, составили 78260 человек[38]. Конечно, и эти жертвы – народная трагедия, но где здесь «сотни тысяч» и даже миллион?

Мы лишь вкратце напомнили, опираясь на исторические факты и документы, о главных битвах и сражениях, происходивших на советско-германском фронте. Борьба на этом фронте составляла основное содержание Второй мировой войны. Здесь была сосредоточена большая часть вооруженных сил и средств фашистского рейха. Здесь решались настоящее и будущее человечества, всей мировой цивилизации. И именно здесь героическая Красная Армия нанесла сокрушительное поражение армиям гитлеровской Германии и ее европейских союзников.

В тяжелейших испытаниях войны с фашисткой Германией, ее европейскими союзниками, а затем и милитаристской Японией советские Вооруженные Силы продемонстрировали стойкость, постоянно возраставшее мастерство, героизм, верность Родине.

В ходе противоборства с гитлеровским блоком выдвинулась целая плеяда талантливых полководцев и флотоводцев: А.И.Антонов, И.Х.Баграмян, П.И.Батов, А.П.Белобородов, А.М.Василевский, Н.Ф.Ватутин, Н.Н.Воронов, А.Г.Головко, А.В.Горбатов, С.Г.Горшков, А.А.Гречко, А.И.Еременко, Г.К.Жуков, М.В.Захаров, И.С.Исаков, М.Е.Катуков, И.С.Конев, П.К.Кошевой, Н.И.Крылов, Д.Д.Лелюшенко, Р.Я.Малиновский, К.А.Мерецков, К.С.Москаленко, А.А.Новиков, Ф.С.Октябрьский, И.Е.Петров, К.К.Рокоссовский, П.А.Ротмистров,

П.С.Рыбалко, В.Д.Соколовский, С.К.Тимошенко, Ф.И.Толбухин, В.Ф.Трибуц, И.Д.Черняховский, В.И.Чуйков, Б.М.Шапошников, И.С.Юмашев, И.И.Якубовский и другие.

Говоря о наших прославленных военачальниках, нельзя не коснуться вопроса о роли И.В.Сталина в руководстве вооруженной борьбой как Верховного Главнокомандующего. «Наш долг, — писал более 40 лет назад в апреле 1965 г. Константин Симонов, — объективно, с помощью документов и живых свидетельств, изучить и проанализировать эту роль со всеми ее положительными и отрицательными сторонами, не преувеличивая и не преуменьшая ни масштабы хорошего, ни масштабы дурного, ни очень крупных масштабов самой этой личности»[39]. Сталин был, как известно, очень сложной и противоречивой фигурой, наделенной безграничной властью, сложным и неуравновешенным характером. Известно немало фактов и документов, свидетельствующих о прямой вине Сталина в истреблении военных кадров, а также о других негативных сторонах его деятельности. Грубые ошибки и промахи Верховного в первый период войны, во многом проистекавшие из-за недостаточного понимания им тогда военно-оперативных проблем, нанесли немало вреда и прямым образом сказались на первоначальных неудачах и поражениях Красной Армии.

Но представляется несомненным и другое. По оценке многих современников, крупных деятелей военных лет, в том числе западных стран, Сталин был незаурядным политическим и военным руководителем, обладавшим природным аналитическим умом, большой эрудицией и талантом, выдающимися организаторскими способностями, цепкой памятью, твердой волей и хладнокровием. Оглуплять его, низводя до уровня примитивного диктатора-параноика, чем ныне охотно занимаются некоторые представители «нового мышления», — вещь антиисторическая, не отвечающая истине.

Кстати, история любой из войн (тем более нынешнего века) не знает ни одного примера, чтобы в итоге ожесточенного противоборства победа доставалась вооруженным силам, во главе которых стоял серый и бездарный (хотя и обладавший необходимой полнотой власти) Верховный Главнокомандующий.

Начиная со Сталинградской битвы и особенно с Курской битвы, Сталин уже гораздо глубже разбирался во многих вопросах вооруженной борьбы. При этом заметно поубавилась его самонадеянность, вера в безошибочность собственных решений и прогнозов. Как отмечал маршал Г.К.Жуков, «ум и талант» Сталина «позволили ему в ходе войны овладеть оперативным искусством настолько, что, вызывая к себе командующих фронтами и разговаривая с ними на темы, связанные с проведением операций, он проявлял себя как человек, разбирающийся в этом не хуже, а порой и лучше своих подчиненных»[40]. При вынесении тех или иных решений (а за ним

всегда оставалось последнее слово) Сталин стал неизмеримо больше прислушиваться к мнениям и советам членов Ставки Верховного Главнокомандования, командующих фронтами, представителей Генерального штаба, других военных специалистов, и как правило, выбирал наиболее верные из них. «Большинство его приказаний и распоряжений были правильными и справедливыми», — свидетельствовал Г.К.Жуков[41].

Пожалуй, наиболее часто Сталин как военный руководитель, Верховный Главнокомандующий критикуется за то, что не жалел своих солдат, не обеспечивал достижение побед «малой кровью». Слов нет, такие факты можно выявить, особенно связанные с началом войны и ее первым периодом.

Но есть также немало свидетельств совсем иного рода. Они говорят о том, что председатель Ставки Верховного Главнокомандования в целом был твердым приверженцем искусства побеждать врага не числом, а умением и, следовательно, никак не поддерживал и не поощрял тех, кто шел на бессмысленные жертвы. Для подтверждения этого приведем только три примера.

Первый документ датирован 27 мая 1942 г. Он хранится в Архиве Президента РФ. Это написанная синим карандашом записка Сталина командованию Юго-Западного направления: главнокомандующему войсками направления Маршалу Советского Союза С.К.Тимошенко, члену Военного совета Н.С.Хрущеву и начальнику штаба генералу И.Х.Баграмяну. В ней говорилось:

«Тимошенко, Хрущеву, Баграмяну.

За последние 4 дня Ставка получает от вас все новые и новые заявки по вооружению, по подаче новых дивизий и танковых соединений из резерва Ставки.

Имейте в виду, что у Ставки нет готовых к бою новых дивизий, что эти дивизии сырые, необученные и бросать их теперь на фронт — значит доставлять врагу легкую победу.

Имейте в виду, что наши ресурсы по вооружению ограничены и учтите, что кроме вашего фронта есть у нас другие фронты.

Не пора ли вам научиться воевать малой кровью, как это делают немцы? Воевать надо не числом, а умением. Если вы не научитесь получше управлять войсками, вам не хватит всего вооружения, производимого во всей стране.

Учтите все это, если вы хотите когда-либо научиться побеждать врага, а не доставлять ему легкую победу. В противном случае вооружение, получаемое вами от Ставки, будет переходить в руки врага, как это происходит теперь.

Сталин.

Отправить через т. Василевского 27/V–42 в 19–25»[42].

Ведущий конструктор артиллерийских вооружений генерал-полковник В.Г.Грабин вспоминал. В осенние дни 1941 г., когда вражеские войска стояли у ворот Москвы, ему позвонил Сталин и сказал: «Вам хорошо известно, что положение на фронтах очень тяжелое. Фашисты рвутся к Москве. Под напором превосходящих сил противника наши войска с тяжелыми боями отступают. Фашистская Германия имеет количественное превосходство в вооружении. Независимо от этого фашистскую Германию мы победим. *Но, чтобы победить с меньшей кровью* (курсив наш. – *Г.К.*), нужно в ближайшее же время иметь больше вооружения. Очень прошу вас, сделайте все необходимое и дайте поскорее как можно больше пушек»[43].

Наконец, приведем еще одно свидетельство по затронутому вопросу – Маршала Советского Союза Г.К.Жукова. Во время одной из бесед с писателем Константином Симоновым маршал рассказал, какова была реакция Сталина на небольшую задержку со взятием Берлина в апреле 1945 г: «Я рассчитывал поначалу, – вспоминал Жуков, – что Первого мая мы уже доложим об окончании боев за Берлин и что об этом можно будет объявить на майском параде. Когда 30 апреля я понял, что сделать этого мы не сможем, я позвонил Сталину и сказал, что нам придется еще два-три дня провозиться с Берлином. Я ожидал с его стороны недовольство, а может быть, и упреки. Но он, против моих ожиданий, сказал очень спокойно: «Ну что ж, пока не сообщим. В это Первое мая все и так будут в хорошем настроении. Позже сообщим. Не надо спешить там, на фронте. Некуда спешить. *Берегите людей. Не надо лишних потерь* (курсив наш. – *Г.К.*). Один, два, несколько дней не играют теперь большой роли»[44].

Резюмируя свою общую оценку роли Сталина в войне, Георгий Константинович писал: «И.В.Сталин внес большой личный вклад в дело завоевания Победы над фашистской Германией и ее союзниками. Авторитет его был чрезвычайно велик, и поэтому назначение Сталина Верховным Главнокомандующим было воспринято народом и войсками положительно. Конечно, в начале войны, до Сталинградской битвы, у Верховного были ошибки, которые бывают, как известно, у каждого. Он их глубоко продумывал и не только внутренне переживал, а стремился извлечь из них опыт и впредь не допускать ...Верховный Главнокомандующий умело справился со своими обязанностями на этом высоком посту»[45].

Важным условием достижения победы над врагом явилась мобилизация экономических ресурсов страны и их эффективное использование в интересах фронта. Война убедительно продемонстрировала высокую мобильность и живучесть экономики СССР, ее огромные потенциальные возможности. Централизация и сосредоточение основных рычагов управления и экономики в руках государства позволили ему успешно маневрировать производительными силами, добиваясь

в кратчайшие сроки выполнения, казалось, невыполнимых военно-хозяйственных задач.

Подобно тому, как Красная Армия разгромила вооруженные силы фашистского блока, труженики советского тыла, в свою очередь, одержали полную экономическую победу. Несмотря на чрезвычайные трудности, жертвы и лишения военного времени, они сумели обеспечить Красную Армию всеми важнейшими средствами ведения войны. Трудясь с полным напряжением сил, зачастую недоедая и недосыпая, работники тыла сутками находились на производстве, давая сражавшейся стране и ее воинам металл, сырье, топливо, продовольствие, первоклассную военную технику, оружие, боеприпасы.

В течение 1942–1944 гг. советская промышленность в среднем ежегодно давала для фронта 126,6 тыс. орудий всех видов и калибров, 25,8 тыс. танков и САУ, 28,2 тыс. боевых самолетов, 102,1 тыс. минометов, 3,3 млн винтовок и карабинов, 417,9 тыс. пулеметов всех видов. В то же время в Германии производилось ежегодно в среднем орудий всех видов и калибров только 69% от того, что выпускалось в СССР, танков, САУ и штурмовых орудий – 45,3%, боевых самолетов – 76,5%, минометов – 21,4%, винтовок и карабинов – 63,6%, пулеметов всех видов 70,9%[16]. И это в условиях, когда СССР производил ежегодно электроэнергии в среднем в 2,1 раза меньше, чем Германия, выплавлял стали и чугуна в 3,7 раза меньше и добывал угля в 4,3 раза меньше по сравнению с Германией и оккупированными ею странами Европы[17].

Таким образом, уступая фашистскому рейху в выпуске важнейших видов промышленной продукции, Советский Союз сумел весьма эффективно использовать каждую тонну металла и топлива, каждую единицу станочного оборудования. В расчете на 1 тыс. тонн выплавленной стали на оборонных заводах страны производилось в 5 раз больше танков и артиллерийских орудий, а на 1 тыс. выпущенных металлорежущих станков – в 8 раз больше самолетов, чем в германской военной индустрии. По этому поводу известный английский журналист А.Верт писал в своей книге «Россия в войне, 1941–1945»: «...Хотя Германия и подвластные ей страны производили во время войны больше угля, стали и других важнейших материалов, чем Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучше использование имеющихся ресурсов, чем было у немцев»[18].

В западной историографии Второй мировой войны до сих пор имеет хождение версия о якобы прямой зависимости побед Красной Армии от экономики США, от военно-экономических поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Сторонники такой версии (в последние годы она была активно поддержана рядом российских «знатоков истории») вопреки фактам утверждают, что только благодаря «щедрой» материальной помощи со стороны западных союзников СССР смог устоять в первый период войны, а затем переломить ход вооруженной

борьбы, перейти к широким наступательным действиям и добиться разгрома врага.

В годы войны в Соединенных Штатах действительно было произведено огромное количество военной продукции, в том числе 297 тыс. самолетов, 315 тыс. орудий и минометов, 86 тыс. танков, 6,5 тыс. боевых кораблей. Но лишь небольшая доля этой техники была использована на европейском театре и еще меньшая часть – направлена Советскому Союзу[49].

В советской и российской исторической литературе в целом дана положительная оценка военно-промышленной помощи по ленд-лизу, которую во время войны оказали Советскому Союзу США, Англия, а также Канада. Правда, в первые послевоенные десятилетия из-за «холодной войны» отношение к ленд-лизу в нашей историографии стало более сдержанным и критическим, а среди зарубежных авторов, напротив, возобладало его явное преувеличение.

По этому поводу представляется весьма интересным привести выдержку из нашей беседы с А.И.Микояном, одним из руководителей военной экономики СССР. Он, как нарком внешней торговли и член Государственного Комитета Обороны, отвечал за организацию снабжения армии и осуществление военно-экономических поставок союзников.

На мой вопрос, как он оценивает ленд-лиз, его роль в вооруженной борьбе Советского Союза в 1941–1945 гг., Микоян ответил: «Военно-экономические поставки нам со стороны наших западных союзников, главным образом американские поставки по ленд-лизу, я оцениваю очень высоко. Хотя и не в такой степени, как некоторые западные авторы». Поясняя свое утверждение, Анастас Иванович добавил: «Представьте, например, армию, оснащенную всем необходимым, хорошо обученную, но воины которой недостаточно накормлены или того хуже. Какие это будут вояки? И вот, когда к нам стали поступать американские тушенка, комбижир, яичный порошок, мука, другие продукты, какие сразу весомые дополнительные калории получили наши солдаты! И не только солдаты: кое-что перепало и тылу. Или возьмем поставки автомобилей. Ведь мы получили около 400 тысяч первоклассных по тому времени машин типа "Студебеккер", "Форд", легковые "виллисы" и "амфибии". Вся наша армия фактически оказалась на колесах, и каких колесах! В результате повысилась ее маневренность и заметно возросли темпы наступления ...Без ленд-лиза, – подчеркнул в заключение Микоян, – мы бы наверняка еще год-полтора лишних повоевали»[50].

Такое мнение столь авторитетного и компетентного лица представляется достаточно убедительным. Правда, при этом следует также иметь в виду, что все поставки Советскому Союзу, особенно в 1941–1942 гг., – наиболее тяжелый для страны период, когда СССР очень нуждался в материальной помощи, – были весьма ограничены

и поэтому не могли оказать какого-либо решающего влияния на ход войны. Ведь только с 7 ноября 1941 г., т.е. спустя почти пять месяцев после начала фашистской агрессии, ленд-лиз был распространен американским правительством на Советский Союз. До конца года, еще раз подчеркнем, в это самое трудное и критическое для нашего государства время, — было получено 0,1% всей американской помощи по отношению к тому, что намечалось в соответствии с подписанным соглашением.

За годы войны американская помощь Великобритании в 3 раза превышала размеры поставок Советскому Союзу, хотя именно он нес основную тяжесть борьбы с фашистским блоком. Стоимость ленд-лиза составила 46,04 млрд долларов (только 14% военных расходов США), а на долю СССР пришлось лишь 10,8 млрд долларов. В последний год войны поставки в Советский Союз по ленд-лизу, а также кредитным и торговым соглашениям с США и Англией составляли менее 3% отечественного производства.

Но, может быть, и эта очень небольшая доля американской продукции, направленной Советскому Союзу в 1941–1945 гг. (всего лишь 3,5% от военных расходов США), была для СССР тем спасательным кругом, благодаря которому он смог продержаться «на плаву», а затем и одолеть такого мощного противника?

Конкретные цифры и факты подобный тезис никак не подтверждают. Сопоставим, к примеру, только данные о производстве в СССР в то время важнейших видов боевой техники и вооружения с тем, что было получено от США по ленд-лизу, и мы без особого труда сможем определить, где же находился главный арсенал Красной Армии.

Всего с июля 1941 г. по август 1945 г. в Советском Союзе было изготовлено 482279 орудий, 102857 танков и САУ, 112096 боевых самолетов и много другой военной продукции[51].

За это же время от западных союзников СССР было получено по ленд-лизу 8438 пушек, 11903 танка и САУ, 17490 боевых самолетов (бомбардировщиков и истребителей)[52]. «Советский Союз пользуется вооружением со своих собственных заводов», — подчеркнул президент Ф.Рузвельт 20 мая 1944 г. в конгрессе США.

Находясь в тяжелейших условиях четырехлетней кровопролитной войны, потеряв около 27 млн своих лучших сынов и дочерей, народы СССР совершили Великий подвиг, сокрушив ударные силы реакции и мракобесия. Победа над фашистским блоком при решающем вкладе в эту победу Советского Союза определила судьбы всего человечества и явилась тем рубежом, от которого начался отсчет нового этапа современной эпохи.

[1] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 9. (Далее – Переписка...).

[2] Там же. Т. 2. С. 56–57.

[3] New York. 1955. 20 Oct.

[4] *Черчилль У.* Обзор военных событий: речь в палате общин 2 августа 1944 г. М.: Отдел печати Великобританского посольства, 1944. С. 11.

[5] За рубежом. 1965. 7–13 мая.

[6] *Черчилль У.* Вторая мировая война: Триумф и трагедия. М., 1955. Т. VI. С. 538.

[7] Army Air Forces in World II. Chicago, 1955. P. 17.

[8] Congressional Record. Vol. 91. Pt. 9. P. 1239–1240.

[9] *Ziemke A.* Stalingrad to Berlin: The Defeat of German in the East. Wash., 1968. P. 7, 502.

[10] United States Army in World War II. Wash., 1948–1980; Illustrated Encyclopedia of World War. N.Y., 1972–1982. 25 vol.; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979–1994. Bd. 1–10; Дайтон сэнсо кокан сэн си. Токио, 1966–1976. Т. 1–96; Encyclopedia of the Second World War / E.-A.Wheal, S.Pope and G.Taylor. N.Y., 1989; etc.

[11] 50-th Anniversary of World War II / Commemoration Committee, Pentagon. Washington.

[12] *Кондратьев Вяч.* Интервью // Неделя. 1988. № 50.

[13] Литературная газета. 1995. 8 февр.; Ветеран. 1995. № 6; Аль-Кодс. 1995. № 7; Правда. 1994. № 65; Советская Россия. 1995. 18 апр.; Ветеран. 1995. 12 апр.; Независимая газета. 1994. 8 февр.

[14] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 567.

[15] Роковые решения. М., 1958. С. 219.

[16] История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, Кн. 1. С. 568.

[17] История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1965. Т. 6. С. 26.

[18] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1970. С. 567.

[19] *Жилин П.* Проблемы военной истории. М., 1975. С. 257.

[20] Поражение германского империализма во второй мировой войне: Статьи и документы. М., 1960. С. 89.

[21] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 35.

[22] Военно-исторический журнал. 1959. № 9. С. 52–53.

[23] Так же. 1985. № 7. С. 17.

[24] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 12. С. 260.

[25] *Эйзенхауер Д.* Крестовый поход в Европу: Военные мемуары. М., 1980. С. 86–87.

[26] *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 356.

[27] Роковые решения. С. 64; История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5, кн. 1. С. 568.

[28] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 323; *Мюллер-Гиллебрант Б.* Сухопутная армия Германии, 1938–1945 гг. М., 1958. Т. 2. С. 139; *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3, кн. 2. С. 120.

[29] World War II. Wall Chart. Illinois, 1991. P. 5.

[30] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 283–284.

[31] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 2. С. 240.

[32] *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941. М., 1989; 50-летие Победы в битве под Москвой: Материалы военной научной конференции. М., 1993; Битва за столицу: Сборник документов. М., 1994; Москва военная, 1943–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва вела страну к Победе. М., 1997; Московская битва 55 лет спустя: Исторический и музейный аспекты. М., 1997; и др.

[33] Переписка... Т. 2. С. 32.

[34] Encyclopedia of the Second World War. P. 7–9, 430–451 .

[35] *Харботл Т., Брюс Дж.* Битвы мировой истории. М., 1993. С. 433–433, 527.

[36] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. Т. 3. С. 225–226.

[37] История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1979. Т. 10. С. 344; Великая Отечественная война, 1941–1945. М., 1999. Кн. 3. С. 289.

[38] Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 219.

[39] *Симонов К.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В.Сталине. М., 1990. С. 301.

[40] Маршал Жуков: Полководец и человек. М., 1988. Т. 2. С. 226.

[41] Там же. С. 230.

[42] Архив Президента РФ. Коллекция документов.

[43] *Грабин В.Г.* Оружие Победы. М., 1989. С. 520.

[44] Маршал Жуков: Полководец и человек. Т. 2. С. 520.

[45] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. Т. 2. С. 101–102.

[46] Вторая мировая война: Цифры и факты: Научно-статистический труд. М., 1985. С. 125–126, 163–164.

[47] Там же. С.123, 160, 162.

[48] *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945. М., 1967. С. 28.

[49] *Секистов В.А., Коротков Г.И.* Устами американцев. М., 1978. С.113.

[50] Личный архив автора.

[51] История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 12. С. 168; Вторая мировая война: Цифры и факты. С. 123, 160, 162.

[52] Вторая мировая война: Цифры и факты. С. 128–129.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ ПРОТИВ СЛАВЯНСКИХ СТРАН И НАРОДОВ В МАТЕРИАЛАХ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

Прежде чем вкратце осветить настоящую тему, необходимо сделать несколько предварительных замечаний.

1. Как известно, все славянские страны, о которых шла речь на Нюрнбергском процессе: Чехословакия, Польша, Югославия и Советский Союз были многонациональными государствами. И хотя славяне составляли там основную часть населения, вычленить их, базируясь только на материалах Международного Трибунала в Нюрнберге, зачастую невозможно.

Указанная трудность еще в большей степени касается и славянского населения, проживавшего в других европейских странах, оккупированных третьим рейхом, а также в самой Германии и на территории ее союзников. Хотя представители славянской диаспоры подвергались там не меньшему угнетению и уничтожению, о них в материалах Нюрнбергского процесса почему-то даже не упоминалось.

2. На заседаниях Международного Трибунала советские представители выступили в качестве обвинителей от имени не только Советского Союза, но и других названных славянских стран, представив самую значительную часть обвинительных документов. Эти документы, по нашему мнению, отличались особой конкретностью, были весьма весомыми, доказательными, а речи советских обвинителей выглядели наиболее аргументированными и убедительными. Одни только материалы учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г. Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, переданные Советском Союзом в распоряжение Международного Военного Трибунала, составили 54 784 акта[1].

Заметим также, что советская сторона предоставила больше всего документальных свидетельств не только по интересующей нас теме, но и по иным, столь же важным вопросам, например, о преступлениях гитлеровцев в отношении других народов, особенно еврейского населения.

Всего, по нашим подсчетам, обвинением от СССР, США, Великобритании и Франции было представлено Нюрнбергскому трибуналу 378 одних только наиболее важных документов о преступлениях на-

цистов против мира и человечности, в том числе против славянских государств: Чехословакии, Польши, Югославии и Советского Союза[2].

3. Важнейшие источники о фашистских планах и злодеяниях в славянских странах в той или иной степени отражены в различных частях объемистого двухтомника «Нюрнбергский процесс», выпущенного в свет в 1951–1952 гг., а затем 7-томного и 8-томного изданий материалов «Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками» и «Нюрнбергский процесс», осуществленных Издательством юридической литературы в 1957–1961 гг. и в 1987–90-х гг.

Но особенно обстоятельно рассматриваемая нами тема представлена в документах двух крупных разделов названных изданий.

Первый из них («Преступления против мира») наряду с другими включает в себя подразделы: «Агрессия против Чехословакии», «Агрессия против Польши», «Агрессия против Югославии», «Агрессия против СССР».

Во втором крупном разделе («Военные преступления») наибольший для нас интерес представляют подразделы: «Преступное попрание законов и обычаев войны об обращении с военнопленными» (46 документов), «Уничтожение славянских и других народов» (30), «Военные преступления гитлеровцев в отношении мирного населения Советского Союза, Югославии, Польши и Чехословакии» (89), «Расхищение и разграбление государственной, общественной и частной собственности» (24) и, наконец, подраздел «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей, культурно-бытовых учреждений, монастырей, церквей и других учреждений религиозных культов» (86).

Новое обращение ко всем этим документам более чем полувековой давности позволяет убедиться, какие богатейшие и разнообразные, но ныне, к сожалению, во многом забытые или полузабытые источники по важнейшим проблемам Второй мировой и Великой Отечественной войн содержат выше названные издания.

Переходя непосредственно к нашей теме, начнем ее освещение с ряда высказываний немецко-фашистских главарей и их сообщников по отношению к славянским народам. Все эти заявления содержатся в опубликованных материалах Нюрнбергского процесса.

Вот одно из откровений Гитлера предвоенных лет. Его обнародовал в 1940 г. в своей книге «Голос разрушения» приближенный нацистского фюрера Раушининг (на Нюрнбергском процессе оно было приведено во вступительной речи Главного обвинителя от СССР Р.А.Руденко):

«После столетий хныканья о защите бедных и униженных наступило время, чтобы мы решили защитить сильных против низших. Это будет одна из главных задач немецкой государственной деятельности на все время — предупредить всеми имеющимися в нашем распоряже-

нии средствами дальнейшее увеличение славянской расы. Естественные инстинкты повелевают всем живым существам не только завоевывать своих врагов, но и уничтожать их»[3].

В начале 1941 г. Гитлер дал чудовищную по своей сути стратегическую установку о необходимости сократить число славян на 30 млн человек[4].

Ненависть к славянским народам объединила Гитлера и тех, кто стоял во главе стран-участниц фашистского блока, в подготовке и осуществлении агрессии. В беседе с начальником протокольного отдела германского МИД'а, состоявшейся 10 февраля 1942 г., румынский диктатор Антонеску заявил: «...Румыния вступила в союз оси не для исправления Версальского договора, а для того, чтобы бороться против славян...»[5]

Поскольку в пределах ограниченного объема настоящей статьи невозможно раскрыть все стороны нацистских злодеяний на оккупированных территориях славянских стран, мы ограничим нашу задачу рассмотрением материалов Обвинения по вопросам: а) организации Гитлером и его сообщниками агрессии против Чехословакии, Польши, Югославии, Советского Союза и б) совершенных ими военных преступлений и геноцида в отношении славянских народов.

* * *

На Нюрнбергском процессе подчеркивалось, что в течение ряда десятилетий заинтересованные в поддержании и укреплении мира миллионы простых людей выдвигали и поддерживали идею, что агрессия является тягчайшим посягательством на мирные отношения народов, тягчайшим преступлением против международного сообщества. Как отметил в своей вступительной речи Главный обвинитель от США Р.Х.Джексон, «эта война разразилась не внезапно — она планировалась и готовилась в течение большого периода времени с большим мастерством и вероломством»[6].

Вслед за Австрией Чехословакия оказалась второй жертвой немецко-фашистских захватчиков, среди 25 важнейших документов Международного Трибунала о нацистской агрессии против Чехословакии имелась так называемая «Директива Грюн» — план нападения на эту славянскую страну. Датированная маем 1938 г. «Директива Грюн» совершенно ясно свидетельствовала о тщательно продуманной гитлеровским режимом подготовке захвата Чехословакии[7]. Еще за год до этого в своей секретной директиве от 30 мая 1938 г. Гитлер заявил: «Я принял окончательное решение разбить Чехословакию путем военных действий в ближайшем будущем. Задача политических руководителей — выждать или обеспечить подходящий момент с политической или военной точки зрения». Уточняя, что он имеет в виду, Гитлер далее

отметил: «Самым благоприятным в военном и политическом отношении моментом является молниеносный удар на почве какого-нибудь инцидента, которым Германия будет спровоцирована в самой резкой форме и который морально оправдает военные мероприятия в глазах хотя бы части мировой общественности» (Док. Трибунала ПС-338)[8].

Вскоре последовал позорный мюнхенский сговор глав правительств Англии и Франции с Гитлером и Муссолини, и печальная судьба Чехословацкой республики была предрешена. В начале 1939 г. нацистский фюрер все еще фарисействует, маскируя свои агрессивные замыслы. Так, 21 января 1939 г. во время беседы с чехословацким министром иностранных дел Хвалковским Гитлер уверял его, что национал-социалистские принципы не позволяют Германии «производить аннексий», а потому, мол, нет никаких причин для беспокойства. (Док. СССР-266)[9].

Однако на рассвете 15 марта 1939 г. германские войска вторглись в Чехословакию, и республика перестала существовать.

Так была, по словам Гитлера, «создана основа для действий против Польши» (Док. США-23)[10].

В распоряжении Нюрнбергского Суда имелось 19 важнейших официальных документов, разоблачающих преднамеренное нападение гитлеровской Германии на Польское государство. К их числу относятся материалы совершенно секретного совещания у фашистского фюрера, состоявшегося 23 мая 1939 г. На нем, кроме Гитлера, присутствовали Геринг, Редер, Кейтель и др.

Формулируя свои намерения по «польскому вопросу», Гитлер заявил: «Поляк не является каким-то неожиданным врагом. Польша всегда будет на стороне наших противников. Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о жизненном пространстве на востоке и обеспечении продовольственного снабжения, о разрешении балтийской проблемы...»

«Таким образом, — сказал Гитлер, — отпадает вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, и остается решение напасть на Польшу при первой возможности. Нельзя рассчитывать на повторение чешской операции. Это будет война»[11].

Еще до этого совещания германским верховным командованием разрабатывался план нападения на Польшу «Операция Вейс». В приказе Кейтеля от 3 апреля 1939 г. подчеркивалась необходимость вести разработку плана таким образом, «чтобы проведение его было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.» (Док. 120-С)[12].

Но, как это было и перед вторжением в Чехословакию, нацистские главари постоянно твердили об отсутствии у них какого-либо желания поглотить Польшу. В числе подобных заявлений, оглашенных на Нюрнбергском процессе, приведем только небольшую выдержку из речи гитлеровского министра иностранных дел Риббентропа, произнесенной 25 января 1939 г. при посещении им Варшавы. В этой речи

он лицемерно говорил, что «основной частью внешней политики Германии является неуклонный прогресс и укрепление дружественных отношений с Польшей». «...Польша и Германия, — торжественно подчеркивал Риббентроп, — могут смотреть в будущее с полным доверием, основываясь на своих взаимоотношениях...» (Док. 2530-ПС)[13].

Агрессия против Польши была начата именно 1 сентября 1939 г., т.е. в первый же день, к которому должны были быть полностью готовы германские вооруженные силы.

В числе славянских стран, подвергшихся внезапному фашистскому нападению, была и Югославия. Как свидетельствуют факты, в конце 30-х годов гитлеровское правительство неоднократно давало лживые заверения, что Германия не имеет агрессивных намерений в отношении Югославии. Так, 28 апреля 1939 г. в своей речи в рейхстаге Гитлер заявил, что Германия готова дать заверения ряду государств и, в частности, Югославии, в том, что она сохранит полное взаимопонимание, так как она с этими государствами состоит в союзных отношениях и связана «тесными узами дружбы». Еще раньше берлинское агентство объявило, что намерение Германии «не распространяется дальше Австрии» и «югославская граница останется неприкосновенной»[14].

Несмотря на все подобные заверения, войска вермахта 6 апреля 1941 г. вторглись в Югославию и вскоре оккупировали ее. Материалы, имевшиеся у Нюрнбергского трибунала, красноречиво свидетельствовали, что гитлеровская верхушка уже задолго до этой вероломной агрессии имела тщательно разработанный план нападения план «Марита»[15].

В совершенно секретной директиве ставки фюрера от 27 марта 1941 г., предназначенной только для высшего командного состава вермахта, говорилось: «Мое (т.е. Гитлера. — *Г.К.*) намерение заключается в том, чтобы концентрированными ударами вторгнуться в Югославию из района Фиуме-Граф и Софии с общим направлением на Белград и южнее как с целью нанесения решающего поражения югославским войскам, так и с тем, чтобы отрезать южную часть Югославии от всей страны и превратить ее в плацдарм для продолжения германо-итальянских операций против Греции»[16].

Небезынтересен и такой факт. В этой же директиве предусматривалось: «Даже в том случае, если Югославия заявит о своей лояльности, ее следует рассматривать как врага и вследствие этого разгромить так скоро, как это будет возможно»[17].

Столь же вероломной и внезапной была гитлеровская агрессия против Советского Союза. Притом, как отмечалось на процессе, то, что произошло 22 июня 1941 г., задумывалось, подготовлялось и планировалось задолго до указанной даты.

Известно, что уже в первый день фашистской агрессии против СССР в декларации Гитлера, зачитанной по радио Геббельсом, была пущена в ход нацистская утка о якобы вынужденном, превентивном

характере германского нападения, что, мол, вермахт лишь опередил Красную Армию, которая будто бы изготовилась для нанесения внезапного удара по третьему рейху.

На Нюрнбергском процессе ряд подсудимых, в частности, Риббентроп и Кейтель, пытались использовать данную фабрикацию, чтобы спастись от виселицы. Но суд решительно отклонил эту нацистскую небылицу. Бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г.Фриче в своих показаниях признал, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз». «Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было», — заявил Фриче[18].

В распоряжении Нюрнбергского трибунала находились бесспорные доказательства, свидетельствовавшие об абсурдности и лживости указанных утверждений ведомства Геббельса. «22 июня 1941 года, — отмечалось в приговоре Международного Суда, — без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями. <...> Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия»[19].

В течение первых послевоенных четырех десятилетий фактически ни один из серьезных историков Запада (не говоря уже о советских исследователях) не поддержал миф о том, что якобы СССР намеревался напасть на Германию, настолько он выглядел бредовым и абсурдным. Но в последнее десятилетие обветшалый тезис о «превентивной» войне Гитлера против СССР был вновь извлечен на свет стараниями предателя — перебежчика В.Резуна — «лже-Суворова», ныне сотрудника британских спецслужб.

Поскольку данной теме, включая и критику измышлений Резуна и его некоторых российских почитателей, посвятил ряд выступлений в печати и по телевидению президент Академии военных наук РФ генерал армии М.А.Гареев, вряд ли стоит более детально рассматривать этот вопрос.

Укажем лишь на тот факт, что в материалах Нюрнбергского трибунала сосредоточено немало документальных доказательств о полной несостоятельности гитлеровской концепции «превентивной» войны. И их следовало бы шире использовать в борьбе против нынешних фальсификаторов истории Второй мировой войны.

«О какой "превентивной" войне может идти речь, — говорил в своей вступительной речи на процессе Главный обвинитель от СССР Р.А.Руденко, — когда документально доказано, что Германия заранее разработала и подготовила план нападения на СССР, сформулировала грабительские цели этого нападения, наметила территории Советского Союза, которые она намерена была захватить, установила методы ограбления этих территорий и истребления их населения, заблаговременно отмобилизовала свои войска и придвинула к границам СССР 170 полностью подготовленных дивизий, которые ожидали лишь сигнала для выступления»[20].

Итак, все подлинные материалы, включая документы гитлеровского политического и военного руководства, которыми располагал Международный Трибунал, убедительно свидетельствовали, что во всех случаях преступной агрессии фашистской Германии на славянские страны она действовала на основе заблаговременно и детально разработанной стратегии завоевания мирового господства.

Подготовив и осуществив вероломное нападение на славянские и другие государства Европы, главари третьего рейха превратили войну в систему военизированного бандитизма. Убийства военнопленных, уничтожение гражданского населения, ограбление захваченных земель и другие преступления были частью программы задуманной фашистской кликой тотальной войны.

Установив на захваченных славянских землях невыносимый режим террора и массового истребления людей, гитлеровцы угнали на немецкую каторгу сотни тысяч мирных жителей, не щадя даже детей, которые посылались на тяжелые работы на предприятия, фермы, в шахты и рудники.

Простое перечисление документальных доказательств о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в славянских и других странах потребовало бы значительного объема текста. Поэтому приведем лишь несколько наиболее характерных примеров чудовищных нацистских преступлений.

В распоряжении суда имелись, например, официальные материалы Чехословацкого правительства, в том числе его доклад «Германские преступления против Чехословакии», о вопиющих злодеяниях, совершенных гитлеровцами на ее территории, включая и документы, связанные с чудовищной расправой фашистских палачей с мирным населением деревни Лидице близ Кладно. Лишь через тюрьму гестапо в г. Брно в период оккупации прошло 200 тыс. человек, из них было освобождено советскими войсками только 50 тыс., а остальные оказались расстрелянными или замученными нацистами и их сообщниками[21].

В исключительно жестоких формах осуществлялся террор и на территории Польши. Первая массовая «акция» по уничтожению польской интеллигенции была проведена с одобрения Гитлера главой

гражданской администрации оккупированной польской территории обергруппенфюрером СА Франком летом 1940 г. (так называемая «операция АБ»). Сотрудники гестапо, привлекавшие в помощь отряды эсэсовцев, уничтожили при проведении этой зверской операции несколько тысяч польских интеллигентов. Не прекращались жестокие репрессии и в отношении польских священнослужителей. Уже к январю 1941 г. гитлеровцы убили около 700 священников, а 3 тыс. бросили в концентрационные лагеря[22].

Согласно официальному докладу правительства Югославии (Док. СССР-36), из 15 млн югославского населения до войны, за четыре года оккупации немецко-фашистские захватчики уничтожили почти 14% этого населения[23]. В сообщении за № 29 Югославской Государственной Комиссии по расследованию нацистских преступлений описывались зверства, совершенные на территории этого славянского государства солдатами эсэсовской дивизии «Принц Евгений», которые сжигали заживо население целых деревень, в том числе женщин и детей...[24]

Еще в более широких размерах и жестоких формах осуществлялся геноцид на оккупированной территории СССР. Только в Киеве во время фашистского господства было замучено, расстреляно и отравлено в так называемых «душегубках» более 195 тыс. мирных граждан. В г. Ровно и Ровенской области гитлеровские палачи уничтожили 102 тыс. человек[25].

Невиданные масштабы приняли зверства германских властей в отношении советских военнослужащих, оказавшихся в плену. Помимо пыток, истязаний и массовых казней, проводившихся специально созданными для этого «зондер-командами», широко практиковалось систематическое истребление советских людей комендантами и находящимися в их распоряжении командами лагерей для советских военнопленных. Эти лагеря были превращены нацистами в «фабрики смерти», откуда не вернулось около 2 млн 500 тыс. русских, украинцев, белорусов и других наших воинов, попавших в плен.

В «лагеря смерти» на оккупированных славянских землях направлялись и гражданские лица. Только в лагерях Майданек и Освенцим с их газовыми камерами было убито более 5,5 млн ни в чем неповинных граждан, значительную часть которых составляли славяне[26]. Об этом могут говорить некоторые выборочные данные. Только в течение одного марта 1944 г. в лагере уничтожения Майданеке из умерших 1654 заключенных 615 чел. были русскими, 247 — поляками, 74 — югославами. Остальные жертвы были представителями других национальностей из стран Западной Европы[27].

* * *

Велики по своим масштабам жертвы, понесенные славянскими, как и другими странами и народами, в годы Второй мировой войны.

Но эти ничем невосполнимые жертвы, о которых человечество должно постоянно помнить, не были напрасными.

В братском единстве со всеми народами СССР, Югославии, Польши и Чехословакии славяне внесли решающий вклад в завоевание всемирно-исторической Победы над фашизмом, в спасение мировой цивилизации от неминуемой гибели.

Меч возмездия, опустившийся на головы главных немецких военных преступников по Нюрнбергскому приговору, был не только справедливым приговором за совершенные ими злодеяния, но и поучительным уроком на будущее для всех реакционных сил в мире.

[1] Нюрнбергский процесс. М., 1952. Т. 1. С. 282.
[2] См.: Там же. С. 809–822.
[3] Там же. С. 279–280.
[4] Там же. С. 280.
[5] Там же. С. 258.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 251.
[8] Там же. С. 314.
[9] Там же. С. 313.
[10] Там же. С. 329.
[11] Там же. С. 252.
[12] Там же. С. 334.
[13] Там же.
[14] Там же. С. 253.
[15] Там же.
[16] Там же.
[17] Там же. Т. 2. С. 394.
[18] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: сб. материалов: в 7 т. М., 1960. Т. 5. С. 569.
[19] Там же. М., 1961. Т. 7. С. 358–359.
[20] Нюрнбергский процесс. Т. 1. С. 262.
[21] Там же. Т. 1. С. 252, Т. 2. С. 283, 384.
[22] Там же. Т. 2. С. 383.
[23] Там же. Т. 2. С. 6.
[24] Там же. С. 376.
[25] Там же. С. 375.
[26] Там же. Т. 1. С. 266.
[27] Там же. С. 563.

ПАТРИОТИЗМ НАРОДОВ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ*

При анализе тысячелетней истории Российского государства вряд ли можно найти в сфере нравственного сознания личности и общества более высокое и значимое чувство, чем патриотизм – беззаветная любовь россиян к своему Отечеству, готовность отдать свои силы, а если потребуется, и жизнь во имя его кровных интересов и благополучия.

С особой силой это чувство вспыхивало в их сердцах во времена тяжелых бед и потрясений, которые не раз переживала страна в течение сотен лет ее становления и развития. Ведь известно, что история России – это история войн, история напряженной борьбы с многочисленными чужеземными захватчиками за сохранение своей территориальной целостности и независимости. Поставленная судьбой на границе двух обширных континентов, страна по существу не имела естественно-географического прикрытия своих границ в виде океанов или высотных гор, а поэтому была постоянным объектом нападения со стороны алчных соседей. Непрерывные войны являлись суровой действительностью, а мир – почти всегда был отдаленной мечтой. Посудите сами: русский историк С.Соловьев подсчитал, что с 800 по 1237 г. военное нападение на Русь происходило каждые 4 года; в 1240–1462 гг. было более 200 нападений. В истории России зафиксировано, что с 1368 по 1893 г., т.е. за 525 лет, было 329 лет войны. Это значит, что на один мирный год приходилось почти два года войны.

Все это не могло не сказаться на особом отношение жителей России к обороне своего государства, к военной службе. В народном эпосе, песнях, былинах, сказаниях воспевались сила, героизм, мужество и отвага тех, кто не щадил ни сил, ни самой жизни, защищая родную землю. Так, в древней летописи – «Повести временных лет» – приведена речь князя Святослава перед дружиной: «И так, храбростью предков наших и с той мыслью, что русская сила была до сего времени непобедима, сразимся мужественно за жизнь нашу. У нас нет обычая

---

* В основу настоящей статьи положен доклад, прочитанный 26.10.04 г. на пленарном заседании Всероссийской научно-практической конференции «Российский патриотизм. Истоки, современность, проблемы возрождения и развития». При подготовке доклада и статьи автором использованы материалы, любезно предоставленные вице-президентом РАЕН В.А.Золотаревым.

бегством спасаться в Отечество, но или жить победителями или, совершивши знаменитые подвиги, умереть со славою»[1].

Во многом благодаря героизму и искусству воинов Киевское государство долгие годы сохраняло свою самостоятельность и успешно развивалось.

Важная роль в истории нашей страны принадлежит Новгородской феодальной республике, с которой связано немало славных побед российского оружия над иноземцами, и прежде всего над крайне агрессивным Тевтонским орденом. Под предводительством храброго и талантливого полководца Александра Невского были разбиты считавшиеся ранее непобедимыми шведские войска, а затем и немецкие рыцари.

Славные традиции русского народа были закреплены и приумножены в борьбе за освобождение от монголо-татарского ига и польской интервенции, в битвах с войсками прусского короля Фридриха II и великой французской армии Наполеона. Как не восхищаться бесстрашным генералом Раевским, который в бою с французами под Салтановкой, увидев колебания и начавшееся отступление своих солдат, вывел перед строем под картечь двух своих сыновей (одному из которых было 15, второму – 10 лет) и вместе с ними повел войско в атаку.

Исключительный героизм воинов русской армии отмечали и ее противники. Так, Фридрих II после Семилетней войны (1756–1762 гг.) вынужден был признать, «...что ни один солдат в мире не сравнится с русским гренадером»[2]. А Наполеону I принадлежат слова: «Русский солдат создан для побед, умей только его водить. Если бы под мою команду дали русских солдат, я с моими маршалами давно бы завоевал Индию»[3].

Новые яркие страницы патриотизма, массовых ратных подвигов русских войск были вписаны в летопись славы русского оружия в ходе войн второй половины XIX – начала XX века. Синопское сражение, ожесточенные бои под Инкерманом и Балаклавой, героическая оборона Севастополя, штурм Плевны и Шипки, легендарная защита Порт-Артура и многие другие памятные события навечно занесены в военную историю Отечества.

В связи с 60-летием Победы особо следует сказать о патриотическом подвиге нашего народа и армии в годы Великой Отечественной войны. Никогда еще в истории Российского многонационального государства не было такого массового интернационального сплочения всех его граждан, такого мощного проявления патриотических чувств, самопожертвования и всеобщего стремления отстоять свободу и независимость Родины, как в период смертельной схватки с фашизмом в 1941–1945 гг. Ведь речь тогда шла не только о самом существовании России (в лице Советского Союза), но и о жизни и смерти всех наций и народностей, населявших ее просторы. Более того, тогда стоял вопрос и о спасении всей мировой цивилизации от фашистского мракобесия, от угрозы ее полного уничтожения. И лишь

советский народ и его Вооруженные Силы оказались способными остановить гитлеровские орды, переломить ход борьбы и сокрушить ударные силы агрессоров.

Мощный всплеск патриотического и национального самосознания воскресил в памяти советских людей яркие исторические страницы защиты Отечества. Героические традиции прошлого нашего народа стали примером, нормой поведения для десятков миллионов граждан СССР. Пожалуй, впервые в истории единые цели, единая идеология, единство социально-политических и экономических интересов сцементировало действия широких народных масс.

И в этой связи считаем необходимым привести мнение Александра Верта — известного английского буржуазного публициста, который в годы войны находился в СССР в качестве корреспондента Би-Би-Си и был свидетелем героической борьбы советских людей против немецко-фашистских захватчиков. В своей книге «Россия в войне, 1941–1945» он весьма точно и объективно отметил всенародный характер Отечественной войны.

А.Верт писал: «В страшные дни 1941–1942 гг. и на протяжении следующих двух с половиной лет тяжело и дорого доставшихся побед меня никогда не покидало ощущение, что это была подлинно народная война. Сначала это была война народа, поднявшегося против намного превосходящих сил врага (а в 1941 г., так же как отчасти и в 1942 г. немцы обладали страшной ударной силой), чтобы отстоять свою Родину и собственное существование, а потом — война неагрессивного в душе народа, но теперь разъяренного и решившего доказать врагу свое военное превосходство. Сознание того, что это была их собственная война, было в общем одинаково сильно, как у гражданского населения, так и солдат. *Дух подлинной патриотической преданности и самопожертвования, проявленный советским народом за эти четыре года, имеет мало подобных примеров в человеческой истории...*» (курсив наш. — *Г.К.*)[4].

Конкретные выражения массовых патриотических устремлений и действий советских граждан с самого начала Великой Отечественной войны были весьма многообразными, и в одной сравнительно небольшой статье не представляется возможным осветить все это с исчерпывающей полнотой. Поэтому отметим хотя бы несколько наиболее характерных проявлений их отношения к защите Родины, на свободу и независимость которой посягнул германский фашизм.

Это, прежде всего, реакция советских людей на вероломную гитлеровскую агрессию — повсеместное желание оказаться в первых рядах Красной Армии, чтобы преградить путь нацистским ордам, выбросить их с родной земли и обеспечить быстрый и полный разгром врага.

22 июня согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР по 14 округам страны была объявлена мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения. Наряду с этим уже в первые дни войны мил-

лионы добровольцев разных национальностей и возрастов, не подлежавшие пока по брони и по другим причинам собственной мобилизации, буквально осаждали призывные участки, военкоматы, партийные и советские органы, настойчиво требуя немедленно направить их на фронт. Можем ли мы сегодня представить такую картину, окажись страна в подобной чрезвычайной ситуации?..

Еще несколько примеров. В начале июля 1941 г. по инициативе москвичей и ленинградцев повсеместно на добровольной основе развернулось формирование дивизий народного ополчения, куда подали заявления о вступлении более 4 млн советских патриотов.

Отметим и факт создания в прифронтовых районах на тех же добровольных началах истребительных батальонов для обеспечения здесь строжайшего порядка, для борьбы с вражескими парашютистами, диверсантами, националистическими бандами и их пособниками.

Уже к концу июля 1941 г. в стране было сформировано 1755 истребительных батальонов общей численностью свыше 326 тыс. человек, а в течение лета и осени того же года — около 60 дивизий народного ополчения, 200 отдельных полков и большое число других подразделений[5].

Показателем массового патриотизма народов СССР в Великой Отечественной войне явился также широкий размах вооруженной борьбы на временно оккупированной врагом советской земле. На разных военных этапах в тылу фашистских захватчиков активно действовало 6200 партизанских отрядов и подпольных групп, в которых сражалось свыше 1 млн советских патриотов[6]. Вся страна в едином патриотичном порыве поднялась на защиту своей независимости.

Воплощением глубоких патриотических чувств защитников Родины являлись многочисленные подвиги, которые наши воины, партизаны и подпольщики совершили на полях ожесточенных сражений, а также за линией фронта, во вражеском тылу.

Символом стойкости и несгибаемого мужества воинов Красной Армии стала в первые дни войны оборона Брестской крепости. Массовый героизм проявляли пограничники, летчики, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, моряки, связисты, саперы и многие другие воины, защищавшие Отечество. Целые соединения и части, роты и батальоны покрыли себя неувядаемой славой. Величие подвига измеряется глубиной мотивов, толкающих человека на решающий шаг, осознанием того, что это нужно людям, товарищам. К подвигу нужно быть готовым. Его одухотворяет возвышенная цель. Вот что об этом сказал трижды Герой Советского Союза, будущий маршал авиации, А.И.Покрышкин, сделавший более 600 боевых вылетов и сбивший в воздушных боях 59 самолетов противника: «Главным в подвиге, на мой взгляд, является его общественная значимость. Подвиг совершается во имя людей... Дело ведь не в риске, которому подвергает себя человек, а в том общественно полезном результате, к которому приводит проявление мужества, отваги...»

Подвиг героя — это всегда расширение грани человеческих возможностей в сознании окружающих людей. Будучи замечательным примером для других, он становится источником, почином массового движения, делает необычное обычным. И в этом его огромная воспитательная сила, колоссальный воспитательный заряд.

Каждый день смертельной схватки с фашизмом страна узнавала о новых подвигах, совершенных нашими воинами разных национальностей на полях сражений. Не единицы, не сотни и тысячи, миллионы мужественных патриотов, доблестных защитников Родины выдвинул за годы войны из своей среды советский народ.

Массовый героизм широко проявлялся не только на фронте, но и в тылу. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал определяющим призывом, нормой жизни и деятельности каждого советского человека. Миллионы женщин, стариков и подростков исключительно напряженно трудились на самых различных участках промышленности, сельского хозяйства, транспорта, на строительстве оборонных объектов и укреплений.

Никогда раньше не рождалось на предприятиях столько ценных массовых починов, как во время войны. Отметим только некоторые из них. Движение «двухсотников», выполнявших за смену по две нормы: одну за себя, а другую — за товарища, ушедшего на фронт. Вскоре появились «трехсотники», «четырехсотники», «пятисотники» и даже «тысячники». С самого начала войны возникли также движения многостаночников, за совмещение профессий, лунинское движение на транспорте, соревнование комсомольско-молодежных бригад за право называться фронтовыми и т.д.

Стойко преодолевая возраставшие трудности и лишения, гвардейцы тыла трудились так, что, казалось, нет предела человеческим возможностям. Массовым проявлением высокой сознательности и гражданственности тружеников народного хозяйства СССР явилась их добровольная материальная помощь воюющему государству. Только на средства населения, внесенные в Фонд обороны и в Фонд Красной Армии, было дополнительно построено и передано на фронт 2565 боевых самолетов, несколько тысяч танков, артиллерийских орудий и минометов, более 20 подводных лодок, военных катеров и много другой боевой техники и вооружения[7].

Имея, по сравнению с Германией, в начале войны втрое меньше металла и вчетверо меньше угля, СССР в ходе ее добился среднегодового производства больше, чем в Германии: самолетов — в 2 раза, танков — почти в 2 раза, орудий — в 4 раза, снарядов, бомб и мин — почти в 1,5 раза.

Это был настоящий подвиг тружеников тыла, обеспечивших свою армию современными средствами ведения войны в количествах, достаточных для полного разгрома врага.

Любовь к Родине и ненависть к гитлеровским захватчикам сцементировали фронт и тыл, сделали страну мощной крепостью, став важнейшим фактором в достижении Победы.

Маршал Советского Союза Г.К.Жуков, размышляя о величии нашей Победы, о том, как советские люди сокрушили мощнейшую фашистскую армию, писал: «Обо что же споткнулись фашистские войска, сделав свой первый шаг на территории нашей страны? Что же прежде всего помешало им продвигаться вперед привычными темпами? Можно твердо сказать — главным образом массовый героизм наших войск, их ожесточенное сопротивление, упорство, величайший патриотизм армии и народа»[8].

Патриотизм наших соотечественников уникален по своей природе и носит особенный характер. Он формировался в течение многих столетий и передавался из поколения в поколение как высшая духовная ценность.

Можно попытаться выделить несколько характерных черт, свойственных именно российскому патриотизму:

1. Особая любовь русских людей к родной природе. Это весьма остро чувствуют те россияне, которые в силу различных причин оказываются за рубежом. Они часто вспоминают обширные просторы России, ее поля, луга и реки. А белая береза стала символом России и всегда ассоциируется с любовью к родным краям.

2. Жизненная стойкость и мужество. Эти качества питают твердость духа в нелегкие для Отечества времена. Они же сохраняют веру в «лучшую жизнь», помогают преодолеть все жизненные трудности и лишения. «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении — суть качества, отличающие патриотизм русского народа», — писал А.И.Радищев.

3. Российский патриотизм проявляется и в определенном доверии к государственной власти. «Русский патриотизм отличается от всякого иного своей... безусловной, то есть не требующей ничего взамен, верности государству»[9], — подчеркивал русский историк Ф.Ф.Нестеров.

4. Любовь к Отечеству предполагает ненависть к его захватчикам. Готовность русских людей по первому зову встать на защиту своих рубежей была хорошо известна еще в глубокой древности многим военачальникам. Еще византийский император Маврикий писал, что «племена славян... никогда нельзя склонить к рабству или подчинению»[10]. Значительно позже Бисмарк предостерегал тех, кто готовился напасть на Россию: «О победе над Россией можно говорить, если в ходе войны она будет полностью разгромлена... Но подобный результат даже и после самых блестящих побед лежит вне всякого вероятия...»[11]

5. Патриотизм россиян подпитывает православная вера. Взаимодействие армии и Русской Православной церкви имеет давние

исторические корни. Для русского воина вера всегда была одним из главных элементов на пути к победе. Русские дружинники не случайно звались «христолюбивым воинством». Известный публицист и философ С.Н.Булгаков писал: «Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать никакая армия, да верой»[12]. Определяя войну вообще как несомненное зло, церковь объявляет войны в защиту Отечества священными, а погибающих на полях сражений воинов — совершающими подвиг жертвенной любви.

Любовь русского человека к Родине можно сравнить только с любовью к своей матери. Думается, ни в одном языке мира мы не встретим словосочетания «Родина-мать». В этом сочетании двух самых дорогих для человека слов выражена глубина патриотизма нашего народа. Надо ли говорить, что в этих условиях патриотизм стал естественной государственной идеологией русской нации.

Чувство патриотизма и сегодня так или иначе остается высшей нравственной ценностью и наиболее убедительным смыслом службы в армии Российского государства.

Однако за последнее десятилетие с разрушением великой державы — Советского Союза — в стране произошли существенные изменения и не всегда в лучшую сторону. В духовной области прежние идеологические основы были безоговорочно отринуты. Оказалась разрушенной единая система общенациональных ценностей, в том числе система патриотического воспитания наших граждан и прежде всего молодого поколения, а новая взамен так и не создана. Происходит деформация ранее сложившихся традиционных понятий о честности, порядочности, благородстве, доброте, милосердии...

Ценностные ориентации молодежи все больше смещаются в сторону материально-прагматического подхода. Весьма настораживают факты, касающиеся непосредственно воинской службы. Так, в ходе недавно проведенных среди призывников социологических опросов в ряде регионов страны, около 70% респондентов заявили о ненужности воинской службы, свыше 35% — о готовности покинуть Родину. Каждый второй призывник считает, что такие понятия, как гражданский долг, честь, патриотизм, ушли в прошлое и лишены смысла.

Можно ли на деле эффективно воспитывать россиян в духе любви и уважения к Родине, ее народу и в то же время выбрасывать из нашей истории великую эпоху, связанную с Советской державой, буквально изо дня в день упорно поносить ее, всячески чернить, перечеркивая все выдающиеся результаты, достигнутые в СССР в области образования, науки, техники, литературы, искусства, экономики, здравоохранения?

С начала 90-х гг. XX в. по-иному, с грубыми искажениями и без опоры на правдивые факты и документы стали освещаться в средствах мас-

совой информации новой России многие события ее исторического, особенно послеоктябрьского прошлого. Наша молодежь с удивлением, например, узнавала от СМИ и из новых учебников по истории, что, оказывается, во время Великой Отечественной войны Красная Армия воевать не умела, что советские военачальники во главе с Верховным Главнокомандующим И.В.Сталиным и его заместителем Г.К.Жуковым были серыми и бездарными, а наши солдаты постоянно терпели поражения, занимались мародерством и стремились при удобном случае целыми полками и дивизиями сдаваться в плен. Что касается героев фронта и тыла, то они якобы совершали свои подвиги только под дулами пулеметов заградительных отрядов и иных «опекунов» из органов НКВД и госбезопасности. При этом в научный оборот вводились взятые «с потолка» дутые цифры о фантастических потерях Красной Армии, в десятки раз превышавших потери противника во всех битвах и сражениях военных лет. Естественно, сразу же возникал вопрос: почему же в таком случае советским войскам удалось одержать столь внушительную Победу над таким умелым и сильным противником?

В Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» справедливо отмечалось, что происшедшие в стране за последние годы «экономическая дезинтеграция, социальная дифференциация общества, девальвация духовных ценностей, оказали негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения... Стала все более заметной постепенная утрата нашим обществом традиционного российского патриотического сознания... Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма»[13].

Наряду с другими важными мероприятиями эта Государственная программа предусматривала в целях усиления «противодействия искажению и фальсификации истории Отечества... расширение фактографической базы исторических событий, публикацию новых архивных документов, военно-исторической литературы, мемуаров и справочных пособий, серии книг патриотической направленности» и т.п.[14]

В настоящее время уже есть определенная необходимость подвести некоторые итоги проделанной работы и оценить ход реализации указанной Государственной программы по патриотическому воспитанию наших граждан. В заключении статьи позволю себе на этом вкратце остановиться.

Итак, прежде всего удовлетворяют ли нас достигнутые на данном этапе первые результаты по выполнению указаний Госпрограммы? Отвечаем — лишь в минимальной степени при всем позитивном, что удалось сделать в стране за последние годы.

По нашему мнению, одним из важных отрицательных факторов такого положения является негативная позиция и по существу откры-

тое противодействие курсу на патриотическое воспитание граждан со стороны электронных СМИ и прежде всего российского телевидения. Ведь не случайно, когда 16 февраля 2001 г. Правительство РФ приняло Государственную Программу о патриотическом воспитании наших граждан на ближайшее пятилетие, первыми, кто встретил ее в штыки, были хозяева голубого экрана и их верные проводники (в своем большинстве) — тележурналисты.

А между тем все мы хорошо знаем, как сильно возросли возможности телевидения за последние годы. Сегодня без особого труда телевидение может манипулировать настроениями и мнениями значительной части доверчивых людей, зачастую прививая им ложные представления и убеждения. Более того, по своему разлагающему воздействию на человека сейчас оно вообще не имеет себе равных в мире.

Когда смотришь в наши дни, что российское телевидение делает в связи 60-летием Победы, то возникает предположение, что у него имеется какой-то свой особый план по шельмованию Победы и антипатриотической пропаганде. Рождаются вопросы: Кто же на гостелевидении сегодня хозяйничает под флагом свободы слова, гласности и независимости? Какие задачи там преследуют господа Эрнст и Добродеев? Поневоле складывается ощущение, что TV руководствуется каким-то чуть ли не секретным решением по зомбированию нашего населения...

И если кто-то это предположение решительно отвергает, то можно такому почитателю TV порекомендовать вспомнить хотя бы несколько последних телепередач и содержание ряда новых кинофильмов о нашем недавнем, военном прошлом, которые демонстрировались и демонстрируются нашим гражданам на голубом экране в преддверии Великой Победы.

13–14 июля 2004 г. на телеканале «Россия» в передаче «Курская дуга» сообщалось, что поле боя под Прохоровкой осталось за противником, который потерял там танков якобы намного меньше, чем Красная Армия. А отступили немцы лишь только потому, что получили известие: американцы высадились в Сицилии. Вот вам и блистательная Курская победа!

Не так давно НТВ пощекотало нервы участникам войны и позабавило молодежь кинофильмом «Секретный эшелон», в котором советские воины выставлены насильниками и убийцами. В этом же году первый канал показал американо-французский фильм «Враг у ворот» — о Сталинградской битве — кощунственную и невежественную голливудскую клевету на Красную Армию и советский народ. На том же первом канале вниманию телезрителей был представлен сериал «Диверсант», о котором наш известный военный писатель, бывший разведчик, Герой Советского Союза В.В.Карпов сказал следующее: «Все показываемое в этом фильме настолько безграмотно, примитивно, что просто немеешь, не находишь каких-то иных слов, абсо-

лютно ничего не соответствует действительности. Это касается не только каждой серии, но буквально каждого эпизода. Очернен весь командный состав. Эти начальники либо дураки, либо бессердечные садисты. Они поданы на уровне каких-то прихвостней, каких-то стукачей...»[15] В том же номере «Литературной газеты» А.Смирнов в отклике «Антипобеда» — на канале Эрнста» вполне обоснованно заметил: «Посмотрев на странных мечущихся недоумков, которых к тому же зверски тиранят собственные негодяи-начальники, молодой телезритель может растерянно спросить: "А что вообще мы будем праздновать 9 мая?" Не происходит ли самое страшное, когда у народа хотят отнять Победу, извратить священные смыслы»[16].

Примерно в том же клеветническом духе создан фильм «Штрафбат» (сценарист Э.Володарский, режиссер Н.Досталь), показанный по каналу РТР и претендующий на историческую достоверность.

Вряд ли есть необходимость продолжить перечень подобных негативных примеров. Добавим лишь такой весьма показательный факт о позиции, которую занимает руководство российского телевидения по интересующей нас проблеме. В октябре 2004 г. исполнилось 100 лет со дня рождения знаменитого пролетарского писателя Николая Островского, на героической жизни которого и его книге «Как закалялась сталь» воспитывались целые поколения россиян (и не только россиян). Однако этому событию российское телевидение не уделило никакого внимания.

И последнее. Когда-то великий Гете с горечью заметил: «Не знаю ничего ужаснее деятельного невежества». Почему-то стало считаться за правило, что создавать исторические исследования и передачи легко может каждый, даже без достаточной специальной подготовки и специальных исторических знаний. Воистину, иной любитель жареной свинины уже считает себя большим специалистом в области свиноводства.

И вот за создание различных исторических поделок в средствах массовой информации и на телевидении берутся люди без надлежащей профессиональной подготовки и глубоких знаний о нашем прошлом.

Сравнительно недавно на историческую стезю ступил Н.Сванидзе — известный телевизионный обозреватель (он ведет на ВГТРК передачу «Зеркало»). Видимо, по согласованию с кем-то значительную часть своих критических стрел новоиспеченный телеисторик стал направлять против тех, кто защищал и защищает нашу Родину, в том числе и его самого. Заявив в интервью газете «Фельд Почта», что при Сталине «у нас была самая непобедимая, по ее собственной оценке» (?) армия, Сванидзе дал такую характеристику современным вооруженным силам России: «Наша армия похожа на компанию малолетних уголовников. Наши силовики продажны, причем высший чин берет широко и выглядит барственно, а низший — подворовывает по

мелочам, видом и выправкой напоминает нечто среднее между бандитом и бомжом»[17].

Иначе как клеветой на всю Российскую армию эти слова не назовешь и, думается, у нашего Президента и Верховного главнокомандующего имеются веские основания, чтобы привлечь к ответу названного телеведущего за столь безответственные обвинения.

Общий вывод. Пока так называемая «четвертая власть» занимает особую позицию в деле патриотического воспитания наших граждан, больших успехов в этой области вряд ли можно добиться. Сегодня, когда идет поиск путей и эффективных методов борьбы с терроризмом, когда провозглашается необходимость сплочения всех россиян, следовало бы сделать оргвыводы из приведенных выше фактов путем выдворения с государственных каналов электронных СМИ (прежде всего российского телевидения) подобных «новомышленцев», только углубляющих раскол в нашем обществе.

[1] История военного искусства: Сб. материалов. М., 1951. Вып. 1. С. 138.

[2] Из боевого прошлого русской армии: Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М., 1949. С. 3.

[3] См.: *Трескин Д.Н.* Курс военно-прикладной педагогики. Киев, 1919. С. 62.

[4] *Верт А.* Россия в войне, 1941–1945. М., 1967. С. 26–27.

[5] Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1973. С. 98.

[6] Советская военная энциклопедия. М., 1978. Т. 6. С. 231.

[7] История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970. Т. 5, кн. 1. С. 326.

[8] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 10-е изд., доп. по рукописи автора. М., 1990. Т. 2. С. 147–148.

[9] *Нестеров Ф.Ф.* Связь времен. М., 1987. С. 128.

[10] *Платонов О.А.* Русская цивилизация. М., 1995. С. 103.

[11] История дипломатии. М.; Л., 1945. Т. 2. С. 103.

[12] См.: *Золотарев О.В.* Христолюбивое воинство русское. М., 1944. С. 15.

[13] Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы». М., 2001. С. 7.

[14] Там же. С. 11–12.

[15] Литературная газета. 2004. № 36.

[16] Там же.

[17] Фельд Почта. 2004. № 33.

ДВА ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «НАУКА И РЕЛИГИЯ»*

Великая победа

«В первые за всю историю Европа живет без войны 55 лет...» Так уже не скажешь, нет. А ведь подобные фразы произносили в западноевропейских странах каждый год 8 мая, в день капитуляции фашистской Германии. Только цифры были меньше – 30, 35, 40... С разрушением Советского Союза кончилась и эпоха мирной Европы, оказавшаяся не столь долгой. Слово «беженцы» вернулось в повседневный политический лексикон из казавшегося уже давним кошмаром прошлого. Появился и новый термин – «гуманитарная катастрофа», – слишком изысканный и туманный для того, что им обозначают.

Счет «мирного времени Европы» прекратился. Но Праздник Победы в нашей стране и поныне – из самых святых. Однако поколение тех, кто был непосредственным участником событий войны, редеет; уже и поколение тех, кому учителями и старшими товарищами были фронтовики и тыловики, стремительно входит в «партию пенсионеров». Все меньше непосредственной информации – все больше опосредованной: книги, экран, Интернет... Потому сегодня все больше доверяют историкам и ждут от них более полного и откровенного рассказа о прошлом.

Мы беседуем с руководителем Центра военной истории России Института российской истории РАН, академиком Российских академий естественных и военных наук РФ, вице-президентом Международной Славянской Академии, профессором Георгием Александровичем Куманевым.

В.Лобачев: Уважаемый Георгий Александрович! На переходе из одного тысячелетия в другое идет переоценка исторических ценностей. Какие-то события кажутся значительнее, какие-то мельче. И вопрос даже ставится так – была ли Великая Победа в Великой Отечественной войне – великой?

Г.А.Куманев: В мировой многовековой истории есть события решающие, поворотные. И я глубоко убежден: разгром фашистской Германии и милитаристской Японии – одно из таких событий. И решающая роль

---

* Оба интервью, помещенные в журнале в 2000 г. № 5 и в 2001 г. № 5, провел журналист В.Лобачев.

здесь безусловно принадлежит Советскому Союзу, Красной Армии. На советско-германском фронте сосредоточились отборные силы фашистского блока; здесь были разгромлены 607 дивизий, в то время как на всех других фронтах, где сражались наши западные союзники, — 176.

Но путь нашей страны к Победе — невероятно тяжелый: жертвенный. Когда мы говорим о Победе, невольно вспоминаем трагические события начала войны. Враг получил полное господство в воздухе — один из важнейших для современной войны факторов. В первые дни было уничтожено две тысячи наших самолетов, более 800 из них — прямо на аэродромах. Огромные людские потери. Все это известно. Но я хочу напомнить и другое. На восьмой день войны начальник генерального штаба сухопутных сил Германии Ф.Гальдер записал в дневнике: «Русские редко сдаются в плен. Как правило, они сражаются до последнего патрона».

Другой немецкий генерал — Блюментрит — о том же: «Мы получили противника, с которым не встречались в предыдущих кампаниях». Знаменитый германский командующий танковыми частями генерал Гейнц Гудериан напомнил: «Еще Фридрих Великий говорил: чтобы убить русского солдата, надо трижды выстрелить в него и еще толкнуть, чтобы он упал».

За 5 месяцев войны на советско-германском фронте потери фашистского блока превысили потери за весь предшествующий период Второй мировой войны на всех ее фронтах.

Мне вспоминаются слова Георгия Константиновича Жукова: «Вы, историки, должны тщательно проанализировать вопрос о роли морального фактора в войне».

Действительно, некоторые полагают, что в начале декабря, к моменту контрнаступления наших войск под Москвой Красная Армия имела здесь уже значительный перевес в живой силе и технике, и это во многом определило успех. На самом деле численное преимущество в солдатах, танках, артиллерии было по-прежнему у гитлеровцев. Мы лидировали только по числу самолетов (в 1,1–1,6 раза). Но вот боевой дух наших солдат был неизмеримо выше. Немцев обескуражила неоправдавшаяся надежда на блицкриг. А наши воины рвались в контрнаступление: когда же, когда же, наконец?!

В.Лобачев: Но перед этим все-таки отступали, несмотря на героизм солдат. Почему? Вопрос этот до сих пор один из острейших в истории Великой войны.

Г.А.Куманев: О первых месяцах войны, о событиях лета 1941 года и их причинах у нас опубликованы тысячи научных работ общим тиражом несколько миллионов экземпляров. Но нельзя сказать, что все выяснено, все понято.

Среди десятков причин поражений нашей армии в сорок первом году я бы выделил две. Предвоенные репрессии и внезапность на-

падения фашистской Германии и ее союзников на СССР. Репрессии уничтожили до 80 процентов высшего командного состава Красной Армии. Есть такое суждение нашего выдающегося полководца А.М.Василевского: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом. В том, что Гитлер решился начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла его оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел». Фельдмаршал Кейтель вспоминал, что некоторые немецкие генералы до нападения Германии на СССР предостерегали Гитлера от этого шага. А Гитлер им отвечал: «Красная Армия в настоящее время — колосс на глиняных ногах. И к тому же — без головы. Надо спешить!»

Но И.В.Сталин, вина которого в репрессиях, обрушившихся не только на армию, но и на все советское общество, общеизвестна, был стопроцентно уверен, что в 1941 году Германия не решится напасть на СССР. «Пока Гитлер не поставит Англию на колени, — не нападет. Гитлер обязательно нападет на Советский Союз, но это произойдет в конце, в крайнем случае в середине сорок второго года, а к этому времени мы выполним и перевыполним третью пятилетку. Пусть тогда попробует на нас напасть». (О такой уверенности Сталина мне рассказывал Анастас Иванович Микоян, когда в семидесятые годы я помогал готовить к печати его воспоминания.)

Надо отдать должное противнику — он не уставал изощряться в дезинформации. Один пример. 11 июня 1941 года влиятельная германская газета «Фёлькишер беобахтер» напечатала статью Геббельса «Крит как образец». Имелась в виду операция вооруженных сил Германии по оккупации острова Крит. В ней очень явно проглядывал намек, что этот пример должен быть актуально использован при захвате другого острова. Понимаете, о чем речь? Операция «Морской Лев», захват Великобритании! Газета вышла, как и положено, утром, но тираж, едва поступив в продажу, начал изыматься (о чем Геббельс заранее договорился с фюрером). Несколько экземпляров удалось ухватить американской резидентуре. Уже из США сообщение об утечке информации, допущенной гитлеровцами, пришло к Сталину. А Геббельс отметил в дневнике: наша деза удалась!..

Напрямую же Сталину германские лидеры писали, что скопление частей вермахта в Польше вполне объяснимо необходимостью отдыха и переформирования в спокойных условиях.

В.Лобачев: И тем не менее Сталин, как известно, опасался военных провокаций на западной границе.

Г.А.Куманев: Чем была вызвана эта тревога? Конечно тем, что он прекрасно сознавал неготовность страны, армии к масштабной войне. Сталин делал выводы хотя бы из опыта советско-финской войны. Парадоксально, но в ее ходе в финский плен попало более 5600 советских воинов, а страна-победитель пленила в шесть раз меньше фин-

ских солдат. О том, что надо поднимать уровень военного искусства, говорилось на Пленуме ЦК в марте 1940 года, на совещаниях Главного военного совета, но сделано к лету 1941-го было недостаточно, и это понимали все.

А немецкие самолеты залетали на нашу территорию на глубину до 200 километров. Чем они занимались? Аэрофотосъемкой. Наша авиация имела строжайший приказ из Кремля: огня не открывать — это может спровоцировать войну. И бедные наши летчики поднимались в воздух, подходили насколько возможно близко к немецким самолетам-разведчикам, махали им руками, кричали, что те заблудились, залетели не туда. А немцы только смеялись и улетали, когда или бензин подходил к концу, или кончалась фотопленка.

Другой пример. Перед войной германская сторона обратилась к СССР за разрешением вести на приграничной территории поиск могил немецких солдат Первой мировой войны. И получила разрешение! Понятно, что целью поисковых действий были не захоронения, а прямая визуальная разведка советских приграничных объектов.

Стратегической внезапности в нападении фашистской Германии на СССР, повторяю, не было. Была оперативно-тактическая. Известен черновой документ от 15 мая 1941 года, подготовленный начальником Генштаба Г.К.Жуковым при участии А.М.Василевского и других наших генералов — об упреждающем ударе Красной Армии против гитлеровских войск, скопившихся на западной границе. Сегодня на этом документе строятся спекулятивные псевдонаучные версии об агрессивных планах Сталина против фашистской Германии. Но черновик с планом упреждающего удара Сталин оставил без ответа! А ведь каждый Генштаб обязан, — обязан, понимаете? — иметь на случай войны разные варианты разработанных планов войны: планы наступательных действий, оборонительных, смешанных. Невнимание Сталина к предложенному Генштабом плану говорит, скорее уж, о всяческом отсутствии у него наступательных планов. К тому же нападение на сильного изготовившегося противника подразумевает неизбежные потери — тем самым, со Сталина в известной степени снималась бы ответственность за неожиданные потери, что были понесены в сорок первом.

В.Лобачев: Но после нападения Германии о внезапности уже не могло быть речи...

Г.А.Куманев: Не совсем так. Вторая внезапность сорок первого года: Гитлер начал во многом неожиданное наступление на Москву; 30 сентября — 2 октября развернулись действия согласно плану операции «Тайфун». Ставка Верховного Главнокомандования и командование трех фронтов Красной Армии были не готовы к этому, разведка оказалась не на высоте.

Москва оказалась в опасности. Многие, в том числе союзники, считали, что дни Советского государства сочтены. И если в первые дни

США и Англия говорили о своей помощи более решительно, то здесь уже явно не спешили с такими предложениями. А пять советских армий оказались в окружении! Пять дивизий, взятых в кольцо, — это уже катастрофа, а тут — пять армий!

В.Лобачев: Ситуацию удалось переломить. И не только переломить — но и одержать на полях Подмосковья первую крупную победу.

Г.А.Куманев: Да — потом Сталинград, Курская дуга, я бы еще напомнил о великой битве за Днепр (осень — начало зимы 1943–44 г.)... И вот здесь надо сказать об огромном внутреннем потенциале армии и государства, который проявился в Великой Отечественной войне с первых же ее месяцев. Обезглавленная репрессиями армия выдвигала из своей среды новые кадры, мужавшие в тяжелейшей борьбе, быстро приобретавшие опыт и становившиеся умелыми командирами и блистательными полководцами. Безнравственно ныне, как это все чаще делается, противопоставлять беззаветную стойкость наших солдат бездарности полководцев. «Немецкая военная стратегия полностью обанкротилась, — записал в ходе войны генерал Ф.Гальдер, — а русская стратегия, несмотря на поражения сорок первого года, оказалась выше». Примечательно высказывание другого военачальника гитлеровской армии — генерал-фельдмаршала Ф.Паулюса — на Нюрнбергском процессе... Надо сказать, Паулюса доставили в Нюрнберг в режиме строгой секретности, союзники об этом не знали. И когда в ходе процесса адвокат Геринга спросил советского обвинителя по некому поводу: «А есть у вас на этот счет свидетель?» — в зал ввели Паулюса. Это была бомба!.. Так вот, адвокат Геринга всячески пытался дезавуировать Паулюса, выступавшего как свидетель обвинения. Спросил его ехидно: «А правда ли, что когда вся Германия, все мы сражались против Красной Армии, вы читали лекции по военному искусству в советских военных академиях?» Паулюс ответил, что если бы и мог преподавать, то только в школах для унтер-офицеров, ибо уровень офицеров Красной Армии выше офицеров вермахта. В доказательство он предложил посмотреть, кто сидит на скамье подсудимых, кто до такой степени потерпел поражение.

В.Лобачев: И все же потери были велики...

Г.А.Куманев: С обеих сторон! «Восточный фронт буквально выкачивал из Третьего рейха все боеспособные силы», — вспоминал гитлеровский генерал Циммерман. Да, часто наших полководцев — чуть ли не всех — упрекают в том, что они добивались успеха большой кровью. Так, например, А.И.Солженицын утверждал, что Красная Армия из-за маршала Жукова при взятии Берлина потеряла около миллиона человек. В то время как безвозвратные потери 1-го Белорусского, 1-го Украинского и 2-го Белорусского — трех фронтов, задействованных в этой операции, — в целом насчитывают немногим более 78 тысяч человек. Большие потери! Но это далеко не миллион... А недавно в английском

«документальном» фильме о войне прошла такая «деза»: Жуков бросил на Зееловские высоты по противотанковому минному полю массу пехотинцев, чтобы они своими телами выстлали путь наступающим танкам. Но ведь противотанковая мина рассчитана на то, чтобы взрываться при давлении 250–270 килограммов. Ни один красноармеец, даже русский богатырь, несущий на себе два ручных пулемета, такого давления оказать не может! На кого рассчитаны эти, мягко говоря, байки? На молодежь, на тех, кто не знаком с военной спецификой!..

А вспомним крупную Висло-Одерскую наступательную операцию маршала Жукова! Немцы дрались отчаянно, у них задействованы были и отборные части. Но потери в этой блестящей операции у Жукова были меньше, чем тогда же на всех других наших фронтах войны вместе взятых.

Заметим, что в этот же период войны союзники отнюдь не чувствовали себя уверенно. В дни Арденнской катастрофы – контрнаступления гитлеровских войск в конце 1944 г. в Вогезах – командующий 3-й американской армией генерал Паттон пометил в дневнике: «Эту войну мы еще можем проиграть».

В.Лобачев: Георгий Александрович! Раз уж мы коснулись темы союзников: сколь велика их роль? В том числе – экономическая?

Г.А.Куманев: Считаю антинаучными и приуменьшение, и преувеличение экономической помощи СССР со стороны государств антигитлеровской коалиции. Приведу два весьма откровенных отзыва. А.И.Микоян говорил: «Без американской помощи по ленд-лизу мы бы еще год-полтора лишних провоевали». Но, с другой стороны, Франклин Делано Рузвельт в мае 1944 года подчеркнул публично: «Красная Армия пользуется вооружением со своих собственных заводов».

Вообще совершенно недооцененная тема в военной истории – то, как способствовала победе наша плановая экономика. Мы говорили о нашем внутреннем потенциале, духовном, интеллектуальном, боевом – солдат, офицеров, командующих. Но давайте вспомним и другое: более 32 тысяч советских предприятий летом сорок первого оказались на колесах. Массовая эвакуация промышленности, проведенная в нашей стране, беспрецедентна. Нигде никогда ничего подобного не было.

Знаете, часто показывают в кино: эшелон с оборудованием, станками, рабочими выгружают где-то за Уралом в чистом поле, в снег... Но я ведь историк, работаю с документами. И просто обомлел, получив в архиве огромную схему – гигантскую «простынь» – эвакуации предприятий: с поразительной точностью было учтено оборудование, эвакуируемые кадры, расписание – день в день. Размещено – не в степи (за редчайшим исключением), а на площадках смежных предприятий! Пущено в ход – по плану, в необычайно сжатые сроки – в среднем за 1,5 месяца!

Посмотрим динамику: к концу 1941 г. производство сократилось в 2,1 раза, к февралю 1942-го падение остановлено. Но вот первый квартал 1943 г. дал тревожную цифру: снижение производства на 12 процентов. Произошло это из-за узкой ориентации промышленности — все для фронта; топливно-энергетические ресурсы шли на военные заводы, а на других предприятиях был дефицит. Но к середине того же 1943 г. кризис был преодолен, и наша армия получила вооружения в 1,5 — 2 раза больше, чем армия противника.

Почему? Мы имели угля и стали в несколько раз меньше, чем Германия, но каждая тонна топлива, сырья, каждый киловатт-час энергии использовался у нас эффективнее.

Сейчас я готовлю исследование, где на основе ранее закрытых статданных анализируется наша экономика военных лет.

В.Лобачев: А по плану?

Г.А.Куманев: Монографию о двух советско-финских войнах. Прежде эта тема была в разряде нежелательных. Раньше всякое бывало. Ткнет цензура пальцем в абзац, в данные, которые вводятся в научный оборот, и спросит: «Откуда они?» В том смысле, где были (!) опубликованы... Теперь иначе. Но у нас ведь ничего никогда не бывает без крайностей. В какой бы стране телевидение дало около десяти часов эфира своему разведчику-перебежчику, то есть предателю? А у нас — пожалуйста. Я имею в виду В.Резуна, известного под псевдонимом В.Суворов. Знакомый мне профессор Тельавивского университета Габриэль Городецкий справедливо заметил в своей книге «Миф "Ледокола"», что на ликвидацию «белых пятен» в годы реформ двинулась целая армия «борцов за правду», которая стала эти лакуны закрывать тенденциозной подборкой фактов и документов. В результате появилась новая искаженная версия Великой Отечественной войны, которую общественность приняла за истину.

Мне сейчас удалось выпустить книгу «Рядом со Сталиным: откровенные свидетельства» — это записи бесед с людьми, которые работали рядом с руководителем нашего государства в годы войны. Я накапливал эти материалы десятки лет. Двадцать лет назад такую книгу выпустить не удалось бы. Но и сегодня она далеко не всем понравится. А я стою за объективность, непредвзятость — в том числе и в оценке роли личности в нашей истории.

Ну а если учесть, что разговор идет с вами — с журналом «Наука и религия», — я с удовлетворением вспоминаю, что первую в нашей стране диссертацию на тему «Русская Православная Церковь и Советское государство в годы Великой Отечественной войны» успешно защитила моя аспирантка О.Ю.Васильева, теперь уже доктор наук. В связи с этой темой я хотел бы отметить, что воспитание патриотизма было одной из постоянных государственных задач не только перед войной, но и во всем ходе войны. И Православная Церковь в патриотической деятельности сказала свое слово, несла свою проповедь. Кстати ска-

зать, накануне войны решением Политбюро в ноябре 1939 года были приостановлены гонения на Церковь и священнослужителей и признана ошибочной жесткая политика в отношении ее. Высокий дух вел людей к Великой Победе — и верующих, и самых убежденных атеистов — от страшного сорок первого к бессмертному сорок пятому.

А впереди была победа

О документальных свидетельствах, связанных с началом Великой Отечественной войны, наш разговор с Г.А.Куманевым – академиком РАЕН, профессором, руководителем Центра военной истории России Института российской истории РАН. В своих работах он использует не только материалы отечественных архивов, различные зарубежные источники, но и сделанные им в течение многих лет записи бесед с видными политическими и военными деятелями СССР времен войны.

В.Лобачев: Георгий Александрович! В последнее десятилетие не прекращаются разговоры о том, что Сталин сам готовил нападение на фашистскую Германию. Ссылаются на разные документы...

Г.А.Куманев: Что ж, обратимся к одному из таких свидетельств.

В Российском центре хранения и исследования документов новейшей истории (РЦХИДНИ) в фонде Сталина имеется запись его выступления 5 мая 1941 года на приеме в Кремле по случаю выпуска слушателей военных академий Красной Армии. Записаны также тосты, произнесенные Сталиным во время приема. Автор этой обстоятельной записки, переданной в архив в мае 1948 года, — К.Семенов.

Суть сказанного Сталиным — в утверждении: Красную Армию не узнать, она перестроена и перевооружена.

Весной 1992 года мне довелось беседовать с участником того приема в Кремле П.Кириллиным. Он живо помнил царившую на приеме обстановку. В отличие от записи К.Семенова он вспоминал, что после тоста генерала-танкиста «За сталинскую политику мира» Сталин сказал: «Давайте выпьем лучше за самокатчиков, они ведь на колесах!»

В записи же К.Семенова тост-реплика Сталина выглядит следующим образом. Когда генерал-танкист провозгласил тост «За мирную сталинскую внешнюю политику!», Сталин прервал его:

«*Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика – дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны, теперь надо переходить от обороны к наступлению*». Сталин далее

пояснил свою мысль: «...*от обороны перейти в военной политике к наступательным действиям*».

«*Красная Армия,* — закончил он, — *есть современная армия, а современная армия – армия наступательная*».

Чтобы понимать адекватно, о чем могла идти речь, надо помнить, что уже перед Второй мировой войной оборонительная стратегия любой страны в обязательном порядке предусматривала — после отражения агрессора — развертывание операций на чужой территории. А в 1940 году пример сугубо оборонительной стратегии французского премьера Даладье (он постоянно говорил о «героизме обороны») дал трагический военный урок...

Один из авторов, стремящихся показать политику СССР предвоенных лет исключительно агрессивной, — известный перебежчик «В.Суворов» (В.Резун) — в своей книге «День М» использует фразу из официальной советской военной истории о том, что в 1941 году нашим вооруженным силам не хватило для развертывания двух недель, и соответственно вычисляет «День М», когда, по его уверению, СССР готовил нападение на Германию, — 6 июля.

А ведь речь в документе идет о другом: при том состоянии, в каком войска находились на 22 июня, в течение двух недель их можно было бы привести в ту степень готовности, которая позволила бы встретить, остановить врага, по возможности переходя в наступление. Однако начало фашистской агрессии Сталин «планировал» (в частности, по свидетельству А.И.Микояна) на тот период, когда «Гитлер поставит на колени Англию». По предположениям вождя — конец, может быть, середина 1942 года, не раньше. «*А к этому времени,* — говорил Сталин, — *мы успешно выполним третью пятилетку, и пусть Гитлер попробует тогда сунуть нос*».

Поэтому Сталин оставлял без внимания многочисленную разведывательную информацию о скором нападении Германии, которая шла в самый канун войны из Берлина, Бухареста, Софии, Лондона, Стокгольма, Токио... По поводу сообщений от 16 июня от нашей агентуры прямо из штаба немецкой авиации, Сталин сказал, например, что «нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить», и потребовал все уточнить, еще раз перепроверить и доложить.

В.Лобачев: И все-таки почему такое недоверие?

Г.А.Куманев: Во-первых, доверял Сталин только себе, своей «прозорливости вождя» (по выражению Микояна). А во-вторых, нельзя не учитывать, какой поток различной дезинформации шел с той стороны. Вот, например, записи из дневника Геббельса 1941 года.

«25 мая 1941 г. (воскресенье)

...Что касается России, то нам удалось натянуть пелену всевозможных слухов. Большое количество газетных уток мешают заграница понять, где правда, где ложь».

«31 мая 1941 г. (суббота)

...Подготовка операции "Барбаросса" идет полным ходом. Теперь начинается первая волна дезинформации, Задействуется весь государственный и военный аппарат... Широкое использование английских радиопередач, инструктаж пропаганды для Англии и так далее. Можно рассчитывать, что обман удастся».

И действительно, на срочное донесение советского военного атташе в петеновской Франции генерала И.С.Суслопарова, сообщившего, что нападение на Советский Союз состоится 22 июня, Сталин наложил такую резолюцию: «*Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор провокации, и накажите его*».

Спорить со Сталиным по этому вопросу было смертельно опасно. Характерно, как закончил свою докладную записку Сталину Берия 21 июня 1941 года:

«*...Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня "дезой" о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это "нападение" начнется завтра...*

То же радировал и генерал-майор В.И.Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на свою берлинскую агентуру. Он нагло требует, чтобы мы снабдили этих врунов рацией...

*Начальник радиоуправления, где еще недавно действовала банда Берзина**, *генерал-лейтенант Ф.И.Голиков жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранца, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил 170 дивизий против нас на нашей западной госгранице... Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет!*»

Поразительно, но предупреждение о готовящейся агрессии поступило и... от германского посла в СССР Ф.Шуленбурга!

А.И.Микоян рассказывал: «Когда незадолго до войны в Москву из Берлина на несколько дней приехал наш посол Деканозов, германский посол Ф.Шуленбург пригласил его на обед в посольство. На обеде кроме них присутствовали лично преданный Шуленбургу советник посольства Хильгер и переводчик МИДа Павлов. Во время обеда, обращаясь к Деканозову, Шуленбург сказал: "*Господин посол, может этого еще не было в истории дипломатии, поскольку я собираюсь вам сообщить государственную тайну номер один: передайте господину Молотову, а он, надеюсь, проинформирует господина Сталина, что Гитлер принял решение начать войну против СССР 22 июня. Вы спросите, почему я это делаю?*— продолжал Шуленбург. — *Я воспитан в духе Бисмарка, а он всегда был противником войны с Россией*".

---

* Я.Е.Берзин — в 1924–1935 годы и в июле–ноябре 1937 года начальник Разведывательного управления РККА. В 1938 году репрессирован.

Обед был на этом свернут, и Деканозов поспешил к Молотову. В этот же день Сталин собрал членов Политбюро, и, рассказав нам о сообщении Шуленбурга, заявил: "*Будем считать, что дезинформация пошла уже на уровне послов*". Таким образом, без какого-либо внимания было оставлено Сталиным и это весьма необычное предупреждение».

Мощь не предвиденного по времени удара стала ясна уже в первый день.

«Когда на рассвете 22 июня война все-таки разразилась, — рассказал также Микоян, — мы, члены Политбюро ЦК, сразу же собрались в Кремлевском кабинете Сталина. Он выглядел очень подавленным, потрясенным. "*Обманул-таки подлец Риббентроп*", — несколько раз повторил Сталин. Как мы ни настаивали, он наотрез отказался выступить по радио, заявив: "*Мне нечего сказать народу. Я выступлю позднее. Пусть выступит Молотов*". Пришлось с этим согласиться».

Во время одной из бесед с В.М.Молотовым (в 1984 г.) я спросил: действительно ли у Сталина была растерянность в первые дни войны?

«*А как вы думаете,* — ответил он. — *Ведь Сталин был живой человек, и на какое-то время неожиданные события его буквально потрясли и ошеломили. Он в самом деле не верил, что война так близка*».

В.Лобачев: Ну а если бы информация о сроках нападения Германии была принята к сведению — можно ли представить себе принципиально иное начало войны?

Г.А.Куманев: Однажды в беседе с Маршалом Советского Союза А.М.Василевским о тех тяжелых днях, я — в эмоциональном порыве — спросил: «Александр Михайлович! А если бы мы первые ударили?!» — «Вот это была бы чистейшая авантюра с ужасными последствиями», — ответил он. То есть Гитлер использовал бы такой шаг в свою пользу на все 100 процентов. Возможности у него к тому были — и военные, и политические.

Мы имели дело с противником, претендовавшим на мировое господство. И — имевшим к тому соответствующие основания. Самая мощная в мире армия. Опытные, умевшие воевать солдаты. Уверенные в своем расовом превосходстве, верившие своему фюреру. Экономика Третьего рейха была милитаризирована (и почти не давала сбоя до конца войны). В 1941 г. по общему объему промышленной продукции она превосходила советскую в 3–4 раза...

В планах обретения власти над миром разгром СССР был для вождей рейха непременным пунктом. Еще в 1939 году на совещании в городе Оберзальцбурге Гитлер заявил, что, не разбив СССР, Третий рейх своих целей не достигнет.

А концепцию «превентивной войны» Германии против СССР как потенциального агрессора изобрели в июне 1941 года в аппарате мастера фальсификаций — доктора Геббельса. Общественность Гер-

мании старались убедить в том, что фюрер лишь предвосхитил «нападение Советского Союза». Хотя «никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке нападения на Германию, у нас не было», как показывал на Нюрнбергском процессе ответственный за радио и прессу в ведомстве Геббельса Г.Фриче.

О том, что глобальные гитлеровские планы были реальной угрозой всему миру, писал, например, такой весьма реальный и компетентный человек, как начальник Генерального штаба американской армии, видный полководец Второй мировой войны, генерал Дж.Маршалл. В докладе, представленном в 1945 г. министру обороны и президенту США, он счел необходимым отметить:

> *«В критические дни, когда Германия и Япония были так близки к мировому господству, решающую роль в предотвращении катастрофы сыграли не Соединенные Штаты... Русская армия... в смертельных и изматывающих сражениях развеяла легенду о непобедимости германских панцирных дивизий».*

Признал в свое время и У.Черчилль, что лишь «русские» были в состоянии не только остановить, но и нанести гитлеровским полчищам сокрушительное поражение:

> *«...Никакие другие силы в мире не смогли бы это сделать».*

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Ответы Г.А.Куманева на вопросы телезрителей к 9 мая 2006 года

(Редакция Интернет-издания СМИ.RU, Москва)

Вопрос *(Наталья, Москва):* В российской и зарубежной литературе идут споры о сроках окончания Второй мировой войны. В частности, утверждается, что война могла бы окончиться еще в 1943 году: «Если бы наши союзники честно выполняли свой союзнический долг, если бы они придерживались тех обязательств, которые брали перед Советским Союзом в сорок первом, сорок втором и в первой половине сорок третьего года. А так как они этого не сделали, война затянулась, как минимум, на полтора-два года. А главное — не будь этих затяжек с открытием второго фронта, жертв среди советских людей и среди союзников, особенно на оккупированной территории Европы, было бы на 10–12 миллионов меньше. Не работал бы даже Освенцим, он ведь начал действовать на полную мощность в сорок четвертом году». Насколько оправданы, по Вашему мнению, такие заявления?

Г.А.Куманев: Ответ на этот вопрос должен строиться в сослагательном наклонении. Учитывая это, безусловно, можно немного порассуждать на тему, «что было бы, если бы...».

Действительно, в первые годы войны Советский Союз очень нуждался в открытии второго фронта. Этот вопрос был поставлен уже в 1941 году, и если бы наши союзники более строго придерживались своих обязательств, возможно, война бы и закончилась ранее. Но, несмотря на все клятвы, заверения, письменные и устные обещания, факт остается фактом — второй фронт был открыт только 6 июня 1944 года. При этом союзники даже это обещание выполнили не в полной мере, так как изначально предполагалось, что второй фронт будет открыт в мае 1944 года.

В чем причины такого поведения? В общем-то, и в США, и в Англии тогда звучали порой весьма откровенные высказывания о том, что им бы не хотелось, чтобы в результате победы Советский Союз вышел из этой страшной войны мощным, сильным, могучим. Как завил в начале войны сенатор США Гарри Трумэн, впоследствии ставший президентом, Америке выгодно, чтобы Германия и Советский Союз как можно сильнее измотали друг друга, понесли как можно больше потерь. Ему же принадлежит высказывание о том, что если будет побеждать Германия, США должны помочь Советскому Союзу, а если наоборот — поддержать Германию.

По этой причине основная тяжесть борьбы против гитлеровских армий и союзников Третьего рейха пришлась на долю наших вооруженных сил. Я даже хочу в качестве доказательства привести такие две цифры. На советско-германском фронте благодаря усилиям Красной Армии было разгромлено 607 вражеских дивизий, а на всех других фронтах Второй мировой войны, где действовали союзные нам войска, было разгромлено только 176 дивизий. Сравните, 607 и 176. И сразу видно, кто же был главной силой, уничтожившей гитлеровскую военную машину.

Что же касается приведенных Натальей цифр — «на 10–12 миллионов меньше», то, я думаю, эти подсчеты на глазок сделаны. Ведь просто не возможно точно сказать, какие могли бы быть жертвы.

Вопрос *(Виктор, Москва):* Действительно ли СССР осенью 1941 года был близок к тому, чтобы пойти на сепаратный мир с фашистской Германией и фактически стать ее союзником в борьбе с «англо-французским империализмом»?

Г.А.Куманев: Я считаю, это утка, которая появилась после крушения Советского Союза. Мы не шли на сепаратные переговоры с Германией. Вся информация по этому поводу, появлявшаяся в средствах массовой информации, никакими серьезными доказательствами не подкрепляется.

Вот, например, как-то один наш военный историк написал, что будто бы ему чуть ли ни сам Георгий Константинович Жуков рассказывал о случайно услышанном телефонном разговоре Сталина с Берией. Согласно этой легенде, Иосиф Виссарионович просил Берия встретиться с болгарским послом и через этого дипломата попробовать договориться с Гитлером о сепаратном мире.

Вслед за этим другой наш весьма уважаемый историк поспешил заявить, что ему тоже стало известно нечто подобное, и тоже чуть ли ни от самого Жукова. Разница состояла в том, что один ученый утверждал, что Сталин говорил с Берия по телефону, а другой настаивал, что беседа происходила без всяких телефонов, непосредственно в кабинете у Сталина. То есть даже в таких вот деталях полная нестыковка. Я не верю в эти россказни.

Вопрос *(Юрий, Барнаул):* В последнее время существуют различные оценки состояния РККА в предвоенный период, зачастую очень противоречивые. В связи с этим хотелось бы, пользуясь случаем, задать следующие вопросы: 1) Приходилось читать, что до конца 30-х годов в СССР не было всеобщей воинской обязанности и существовали некие «территориальные» войска. Упоминание о них есть, к примеру, в очерке К.Симонова «Далеко на востоке. Халхин-Гольские записки». Что же это такое — территориальные войска?

2) В связи с разницей оценок состояния армии создается впечатление, что существовали как бы две армии: одна — «халхин-гольская», другая — «карельская». Первая, не имея ни численного, ни качественного перевеса, громит сильного противника в Монголии (в труднейших природно-климатических условиях). Вторая же всего через пару месяцев, мягко говоря, не блещет в финской войне. Чем, по-вашему, можно объяснить это противоречие?

Г.А.Куманев: Действительно, в СССР в период с 1923 по 1935 год вооруженные силы были построены на сочетании кадрового и территориально-милиционного устройства. Постоянные кадры в территориально-милиционных войсках не превышали 16–20% от штатов военного времени. Служба в территориальных войсках продолжалась 5 лет, плюс к этому проводились периодически военные сборы, когда призывались на военные сборы запасники. Продолжительность сборов в среднем составляла от 8 до 12 месяцев — все зависело от рода войск.

Но в 30-е годы, в связи с тем, что усилилась угроза военного нападения на Советский Союз, территориальные войска и смешанное устройство было устранено, поскольку данная система перестала соответствовать задачам обороны советского государства. В течение 1935–1938 гг. все вооруженные силы были переведены на кадровое устройство.

Теперь что касается разницы оценок состояния армии. Действительно, здесь две картины. Первая — победа в районе Халхин-Гола. Однако сразу хочу оговориться, что далеко не все у нас на этом направлении было поначалу гладко. Армией там руководили командарм 2 ранга Штерн (будущий генерал-полковник), и комдив Фекленко. Дела у них шли неважно. Японцы, напав на союзную нам Монгольскую Народную Республику, причинили немалый вред и частям Красной Армии, пришедшим на помощь монгольским вооруженным силам.

И в этот момент было принято очень верное решение — послать в район военных действий молодого способного комкора Жукова. Он тогда был заместителем командующего войсками Белорусского военного округа. Именно Жуков, прибыв на место, повернул ход событий в пользу советских войск — японские войска были наголову разбиты в районе Халхин-Гола. Это был большой успех, много было шума, радостного, праздничного, но не всегда выводы делались правильно. У некоторых представителей нашего военного и политического руководства усилились шапкозакидательские настроения.

Наряду с этим в конце 30-х годов на вооруженные силы страны обрушились репрессии, под которые попала большая часть командного состава. Конечно, это не повысило боеспособность Красной Армии и серьезно отразилось, к примеру, на ходе советско-финляндской, так называемой «Зимней войны». Ее потом назовут «бесславной». Конечно, там наши воины проявляли героизм, были верны своей присяге, но многие факты говорили об их недостаточной подготовке.

Война, напомню, началась 30 ноября 1939 года, а уже в декабре грянули невиданные морозы, доходившие до 40 градусов. А как были одеты многие воины Красной Армии? На них были шинели, буденовки, ботиночки с обмотками, многие не знали, что такое лыжи и как на них ходить. В глубоком снегу буксовала и техника, и автомашины, и танки. Из-за мороза моторы техники глохли и т.д. и т.п. Финские войска были одеты гораздо продуманнее: на них были теплые и, главное, легкие куртки, теплая обувь.

Как результат этих и других причин — в окружение попали не просто отдельные части, но даже дивизии. К примеру, 44-я дивизия в районе Суома-Салми, попав в окружение, почти вся она была уничтожена или пленена. Ее командир Виноградов был вывезен на самолете вместе с начальником штаба и начальником политотдела. Позже они были осуждены ускоренным полевым судом и расстреляны перед строем.

Советско-финляндская война показала многие изъяны в боеспособности нашей Красной Армии. Коренной перелом в ходе военных действий произошел после того, как командующим Северо-западным фронтом был назначен командарм первого ранга Семен Константинович Тимошенко. В конце концов война закончилась победой Красной Армии. 12 марта 1940 года в Москве был подписан мирный договор.

Вопрос *(Михаил, Москва):* Как Вы относитесь к творчеству Виктора Суворова?

Г.А.Куманев: То, что сочиняет этот субъект — В.Резун, я никогда бы творчеством не назвал, потому что вся его писанина — это злостная, грязная клевета. Как его еще назвать? Я думаю, он заслужил такие определения, как мошенник, фальсификатор, клеветник. Он предатель, он предал Родину. Он, будучи представителем наших спецслужб, сбежал на Запад и оказался клятвопреступником, взяв при этом в качестве псевдонима фамилию нашего гениального полководца Александра Васильевича Суворова. Книги его к науке никакого отношения не имеют. Мы, историки, его зовем всегда лже-Суворов.

Теперь обратите внимание на материал, опубликованный в газете «Красная Звезда» 19 мая 1993 года. Проанализировав с помощью компьютерной техники несколько так называемых псевдосочинений Резуна, авторы статьи пришли к выводу, что все эти тексты не принадлежат одному лицу. Очевидно, авторство принадлежит той организации, где этот субъект работает — а он сотрудник британских спецслужб. То есть Резун в поте лица трудится вместе с большим коллективом разведчиков, которые из пальца высасывают всякие небылицы про нашу военную историю.

Он, кстати, и не скрывал никогда своих намерений. Еще в опусе «Ледокол» Резун заявил, что у советского народа осталась одна гордость — гордость за победу в Великой Отечественной войне. Так вот

он это последнее праздничное событие уничтожает, дискредитируя и обесценивая его перед народом.

Все его выводы построены на лжи. Можно даже неудачи, поражения объяснить выдуманными факторами, абсолютно выдуманными. Здесь и бесчисленное количество пролитой крови, причем пролитой бесцельно, здесь и поголовно бездарные полководцы, которые «завалили трупами всю Европу» и т.п.

Очень интересная деталь: первоначально, в своих первых сочинениях, Резун писал о Жукове, стараясь особо не задевать его чести. Я думаю, это был хитрый ход для того, чтобы привлечь к себе внимание читателя: смотрите, какой он объективный, надо ему верить — вон как он Жукова оценил. Но это было временно, потом в других своих поделках Резун так оплевал нашего великого маршала, самого блистательного полководца Второй мировой войны, так облил его грязью и помоями, что трудно даже себе представить.

Вопрос *(Валерий Куклин, писатель, Берлин):* Какая работа ведется по борьбе с провокациями Виктора Суворова силами РАН и вообще учеными России и других стран?

Г.А.Куманев: Первым, кто выступил с солидным трудом, где обстоятельно проанализировал лженаучные творения этого Резуна, был профессор Городецкий из Тель-Авивского университета. Я его хорошо знаю, мы познакомились с ним, когда я был в двух научных командировках в Израиле. Так вот, профессор Городецкий привел многочисленные аргументы, убедительные факты и документы, которые камня на камне не оставляют от лживых утверждений Резуна.

Резун сам писал неоднократно, что он, мол, архивами не пользуется: «Я пользуюсь открытой печатью». Его отношение к документам произвольное, он многое сочиняет сам или с помощью сообщников из британских спецслужб.

Справедливости ради я должен откровенно признать, что сочинения Резуна и К° внешне привлекательны. Они, как правило, занимательно написаны, стиль легкий. Нам, историкам, надо кое-чему в этом плане даже поучиться. Но, повторяю, наше отношение к этим резуновским поделкам крайне отрицательное. Это проходимец в области исторической науки, который своими грязными ногами много наследил и очернил души молодежи, их умы и их представления. В своих книгах и статьях о войне мы его не оставляем «без внимания». В качестве примера я бы назвал еще две неплохие книги, которые могут быть интересны всем тем, кто любит историю. Первая книга, написанная Александром Помогайбо, называется «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». В ней приводится немало аргументов, убедительных фактов и документов, свидетельствующих о том, что клеветнические сочинения лже-Суворова не заслуживают

даже минимального внимания. То же самое написал в своей книге «Как Виктор Суворов сочинял историю» некий Владимир Грызун. По существу он, видимо, взял псевдоним: тот Владимир Резун, а этот Владимир Грызун. Советую Вам, если Вы не читали, почитать и ее, она тоже убедительно развенчивает мифы, возведенные этим мнимым правдолюбцем и правдоискателем.

Вопрос *(Сергей, Санкт-Петербург):* Уважаемый Георгий Александрович! Меня очень интересует глубинные причины нашего тотального провала в 1941 году. Ведь у нас было все для достойного отпора немцам: полное превосходство в численности армии и технике, военизированная экономика, высокая мобилизационная готовность населения. Как можно было, имея это все, допустить такой грандиозный провал?

Г.А.Куманев: Одна из причин — это, конечно, внезапность нападения. Одна из важных причин. Вы посмотрите, как реагировали видные гитлеровские полководцы Второй мировой войны, тот же Гудериан или начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал Гальдер. Они обращали особое внимание, что нападение на советскую землю, на наши приграничные рубежи со стороны вермахта было ошеломляюще внезапным.

Некоторые наши крупные деятели, в том числе даже ряд военачальников, утверждают, что никакой внезапности не было. «А почему?» — спрашиваю. «Как почему? — удивляются они. — Потому что весь советский народ знал, что Германия рано или поздно нападет на Советский Союз». Но ведь есть разные понятия проблемы внезапности! Есть стратегическая внезапность, есть оперативная внезапность, а есть тактическая.

Советский народ знал, что потенциальный противник СССР — фашистская Германия. Но когда именно будет совершено нападение, в каком году, в какой месяц, в какой день, в какой час, не знал никто.

Да, Зорге, и не только он, достаточно точно указывали дату возможного вторжения. Я видел донесения Зорге. В одном из них прямо сказано, что агрессия начнется на рассвете 22 июня. Но одного того, что эти документы ложились на стол нашему руководству, было мало. Не менее важным было и то, чтобы руководство — а все замыкалось на Сталине — в это поверило и приняло самые экстренные меры. Еще не все было поздно! Еще многое можно было успеть сделать! Но Сталин, к большому сожалению, не верил в то, что война начнется именно в 1941 году.

Сталин считал, и это было его основное кредо, что война с Германией неизбежна, но Гитлер не такой уж дурак, чтобы, не разделавшись с Англией, открывать еще один фронт. Вот когда он Англию поставит на колени, тогда можно уже наверняка ожидать, вот-вот, в ближайшее время он нападет на Советский Союз. Видимо, Сталин мыслил примерно так.

Между тем в течение только первой половины 1941 года немецкие самолеты более 300 раз нарушали воздушное пространство Советского Союза. Что они делали? Они залетали вглубь страны до 200 километров и нагло фотографировали все наши военные и стратегические объекты, склады, казармы, аэродромы, мосты, железнодорожные узлы, укрепления и т.д. и т.п. Можно ли было отогнать эти самолеты? Конечно! Но на это был строжайший запрет от Сталина. Более того, в марте 41 года Берия издает еще один специальный приказ по линии НКВД: ни в коем случае огня по немецким самолетам не открывать, ни в коем случае их не сбивать, иначе будет спровоцирована война — Гитлер получит повод для начала военных действий.

Наши бедные летчики поднимались на самолетах навстречу, давали отмашку немецким летчикам, те посмеивались в ответ и тоже махали рукой. Улетали же они только тогда, когда бензин был на исходе и фотопленка кончалась. Не случайно фельдмаршал Кейтель, когда его допрашивали перед Нюрнбергским процессом, откровенно заявил, что немцы имели максимально полное представление обо всей приграничной зоне СССР, знали все объекты, что где находится. Другое дело, что противник ничего не знал о потенциальных возможностях Урала, Сибири и других восточных регионов СССР.

Итак, я одного аспекта коснулся — проблемы внезапности. В числе других важных факторов я бы вновь упомянул репрессии, которые обрушились на наши военные кадры накануне Великой Отечественной войны. Точные данные о том, сколько именно пострадало командиров, да и не только командиров, вызывают глубокое сожаление. Ворошилов однажды заявил, что из рядов Красной Армии вычистили более 40 тысяч человек. Но среди этих 40 тысяч было 3 из 5 Маршалов Советского Союза, кроме двух все командармы первого ранга и командармы второго ранга, командующий ВВС, командующий Военно-Морским Флотом, все командующие эскадрами, почти все (!) командующие военными округами и т.д. и т.п.

Красная Армия, как уже показала советско-финская война, была ослаблена. И Гитлер, когда его приближенные говорили: «Фюрер, может быть все-таки мы повременим нападать на Советский Союз?», приходил в ярость и говорил: «Надо спешить! Сейчас Красная Армия — это колосс на глиняных ногах и к тому же без головы». Он имел в виду заметно обезглавленную Красную Армию.

Для того, чтобы подготовить специалиста уровня командира дивизии, требуется до 10 лет. Огромное количество командиров попало под жернова репрессий. И для того, чтобы подготовить им замену, необходимо было дополнительное время, а его не было. Но в том-то, правда, и сила нашего государства была, что в сжатые сроки народ из своей среды все-таки сумел выдвинуть новую смену, новые кадры. Руководители Красной Армии выросли в блистательных полководцев.

К примеру, Гитлер однажды, когда ему сообщили о новом провале германских войск, так высказался о достоинствах Георгия Константиновича Жукова: «Да если бы у меня был только один такой полководец, как Жуков, я бы быстро решил все вопросы, связанные с завоеванием мирового господства!» А сейчас некоторые авторы, не имеющие, видимо, ни стыда, ни совести, как могут клевещут на дела, на память этого замечательного полководца.

Вопрос *(Елена, Москва):* Скажите, пожалуйста, как Вы лично относитесь к предпринимаемым в последнее время поiытким пересмотреть заслуги Талалихина, Матросова, Космодемьянской, Карбышева, Гастелло и прочих героев войны? Публикуются все новые и новые документы, и отделить правду от вымысла все сложнее и сложнее.

Г.А.Куманев: Проблема эта тоже не нова. Со второй половины 80-х годов прошлого века ведется кампания по так называемой дегероизации наших воинов. Некоторые публицисты и даже историки стали писать и болтать о том, что герои наши не были героями, что тот же Матросов никакого подвига не совершил, что немецкие летчики были во много раз лучше наших, немецкие полководцы на несколько голов выше советских. Сочиняют и о том, что Зоя Космодемьянская — это никакая не героиня, а так — обыкновенная террористка. Я уже дал оценку этим писаниям. Это пишут люди, для которых главный вопрос — это деньги и конъюнктура.

Я как-то спрашивал у западных ветеранов войны, историков западных, скажите, у вас были случаи, когда ваши летчики шли на воздушные или наземные тараны? Можете себе представить, ни одного случая никто из них припомнить не смог.

В «Известиях» как-то печатали всякие небылицы про то, что экипаж Гастелло ничего не совершил, просто упал, разбился, и потом все остальное придумали досужие корреспонденты. Конечно, так утверждать — это кощунственно. А вы посмотрите, что делается в отношении 28 панфиловцев. «Подвига не было! Это все сталинская пропаганда придумала!» — это настолько кощунственно звучит на фоне тех могил и того мемориала, который сооружен под Дубосеково.

В чем был подвиг этих 28 героев? В том, что они на более чем 4 часа, остановили 50 немецких танков в районе Волоколамского шоссе! Почти все они пали смертью героев. Правда, потом, в начале 1948 года, наша прокуратура насторожилась: «Как же так?! То писали, все погибли, а тут на тебе — 6 человек остались в живых, а четверо из них даже побывали во вражеском плену». А раз человек побывал в плену, какой он герой, — он уже не герой. И главный военный прокурор, тогда это был генерал-лейтенант юстиции Афанасьев, дает указание: немедленно бригаде прокуроров выехать в панфиловскую дивизию и добыть необходимые «признания», соответствующий материал.

Стали трясти и журналистов, которые писали про панфиловцев. Я помню разговор с Александром Юрьевичем Кривицким, журналистом. Он первый написал о подвиге панфиловцев. У него, в частности, была большая статья про подвиг 28 панфиловцев, которая вышла 31 января 42 года в газете «Красная Звезда». Он мне сказал, что его вынудили отказаться от многих положений той статьи. Я спросил, почему? «Да как-то не хотелось на Колыму ехать, — ответил Кривицкий. — Мне грозили, или на Воркуту, или на Колыму я загремлю, а оттуда уже не выйду.»

И что же? Собрали весь этот материал против панфиловцев и представили наверх. Но один из руководителей наших — это был Жданов — посмотрел на него и говорит: «Вся эта стряпня прокурорская шита белыми нитками». И написал резолюцию — «В архив». Оттуда документы против панфиловцев вытащили не так давно, и тут же пустили утку по телевидению: не было подвига, это все придумали... Вот у нас как делается. Так что когда читаешь утверждения, где оплевываются герои, такое возмущение охватывает, что трудно передать словами. Я иногда просто до конца уже не могу даже читать, жалею свое сердце.

Вопрос *(Азамат, Казахстан):* Уважаемый Георгий Александрович! Будут ли опубликованы окончательные данные о людских потерях СССР по итогам войны? Во времена Союза нам называли цифру 20 млн человек. В 2005 г. Президент РФ В.Путин объявил, что СССР потерял около 50 млн человек.

Г.А.Куманев: У нас действительно была при Хрущеве определена цифра наших потерь в Великой Отечественной войне — 20 миллионов. Откуда она взялась? Углубимся в историю этих цифр. Когда была одержана победа, и в феврале 1946 года страна готовилась к первым послевоенным выборам в Верховный Совет СССР, Сталин пригласил председателя Госплана Николая Алексеевича Вознесенского и попросил его срочно вывести цифру наших потерь во Второй мировой войне. Времени было мало, но через несколько дней Вознесенский подает итоговые данные — 16 миллионов. Вождь посмотрел и сказал: «Многовато. Оставим 7 миллионов».

В 1947 году летом в Париже проходила конференция с участием бывших союзников Германии по подготовке мирных договоров с Италией, Венгрией, Финляндией, Румынией. Обсуждались эти договоры. Нашу делегацию возглавлял Вячеслав Михайлович Молотов, который оперировал цифрой 7 миллионов. У меня есть книжечка — доклады и выступления Молотова на этой конференции.

Когда после смерти Сталина к власти пришел Хрущев, в сентябре 1957 года вышло постановление о подготовке 6-томной истории Великой Отечественной войны... В связи с этим было дано указание снова сосчитать, сколько же мы потеряли в этой войне. Большая бригада

считала, я знакомился с материалами этих подсчетов, и вывела цифру – более 25 миллионов. Не 7, не 16, а более 25. Хрущев на этот раз посмотрел на эти подсчеты и сказал: «Так, достаточно, давайте "более 20 миллионов".

И вот с тех пор стала фигурировать эта цифра – «более 20 миллионов». Но будем уж более точными, что значит «более»? В конце 80-х годов работала комиссия Министерства обороны и комиссия Академии наук СССР. Я работал в гражданской комиссии, которая вывела цифру потерь гражданского населения – более 18 миллионов. А военные вывели цифру 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Это безвозвратные потери вооруженных сил. То есть, если суммировать, мы получаем около 27 миллионов.

Что же такое безвозвратные потери? Об этом приходилось уже не раз писать и говорить, но, думаю, повторить для нашего массового читателя небесполезно. Это убитые, раненые, но умершие от ран, это заболевшие воины и умершие на фронте или в полевом госпитале, это пропавшие без вести. Хотя воин пропал без вести, но он может быть где-то жив. Может, он оказался на Западе, может, в какой-нибудь Аргентине. Но он не вернулся в вооруженные силы, значит, он безвозвратно потерян.

И, наконец, попавшие в плен и не вернувшиеся оттуда. К ноябрю 1941 года в немецкий плен попало, по немецким данным, от 3,5 до 3 миллионов 900 тысяч. Правда, нацисты нередко зачисляли в пленные часть нашего гражданского населения. Но к 1 февраля 1942 года в немецком плену осталось 1 миллион 100 тысяч. Где остальные? Остальных гитлеровцы уничтожили. Это был звериный геноцид! Всего в немецкий длен попало за годы войны, по нашим данным, 4 миллиона 559 тысяч человек. Не вернулось из плена сколько? Не вернулось более 2,5 миллионов. Они и попали в эту цифру 8 миллионов 668 тысяч 400 человек наших безвозвратных потерь.

Сколько немецких военнопленных попало к нам? По нашим данным, 4 миллиона 126 тысяч 964 человека. Сколько погибло в нашем плену? Я называл цифру, сколько в немецком плену погибло наших солдат – более 2,5 миллиона. А немецких солдат и офицеров в нашем? В советском плену (о точностью до одного человека) умерло от ран, болезней и последствий обморожения 580548 человек, хотя они и обеспечивались медицинским обслуживанием, питанием.

Теперь что касается потерь немецкой стороны. Дело в том, что многие немецкие подсчеты касаются только лиц немецкой национальности. Хорошо, давайте мы тоже будем считать, потери только русской национальности, а других считать не будем. Тогда цифра потерь не увеличивается, а снижается. Это первое. Второе. На стороне вермахта воевали так называемые националистические формирования – фламандцы, люксембуржцы, французы, мобилизованные

гитлеровцами, поляки, словаки... Они в данные потерь зачастую не попадают. Союзниками гитлеровской Германии были румынские войска, итальянские, финские, венгерские войска, даже испанская «Голубая дивизия». Потери этих частей немецкая статистика почему-то не учитывает, несмотря на то, что они тоже причиняли нашим войскам немалый вред. Так давайте их всех соберем, и, знаете, что получится? Получится почти равенство. У нас – 8 миллионов 668 тысяч 400 человек, у противника – 8 миллионов 649 тысяч 500 человек. При этом, если бы мы уничтожили столько пленных, сколько уничтожили нацисты (а это были бы безвозвратные потери), то наши потери были бы гораздо меньшими, на фоне потерь противника. И последнее – Президент В.В.Путин о том, что СССР якобы потерял около 50 млн не объявлял. Это чья-то выдумка.

Вопрос *(Николай, Ржев):* Как Вы оцениваете роль Г.К.Жукова в Великой Отечественной войне в целом и в Ржевско-Вяземской операции, в частности? Наступит ли когда-либо хоть какая-то ясность с цифрой наших потерь в «ржевской мясорубке»?

Г.А.Куманев: Я оцениваю роль Жукова, исходя из фактов, из документов, исходя из самой истории войны, очень высоко. Конечно, между Жуковым 1941 года и Жуковым 1945 года – очень много различий. За этот период Жуков вырос в наиболее выдающегося полководца Второй мировой войны. И это по общему признанию всех стратегов, всех историков, абсолютного большинства тех, кто участвовал в войне.

Теперь о Ржевско-Вяземской операции. Точнее, ее следует назвать второй Ржевско-Сычевской операцией. Речь идет об операции с кодовым названием «Марс», проведенной в октябре–декабре 1942 г. В США вышла не так давно книга американского военного историка Дэвида Гланца «Крупнейшее поражение Жукова. Катастрофа Красной Армии в операции "Марс" 1942 г.» Автор раньше писал довольно объективно, а тут не знаю, что с ним произошло. Такое кричащее название этого издания...

Давайте вспомним, Жуков из-под Сталинграда Сталиным был направлен на Западный фронт именно для проведения операции «Марс». Главной задачей этой операции было не дать возможности противнику перебросить 12–15 дивизий к Сталинграду. А это было тяжелейшее время для Сталинграда, судьба которого буквально висела на волоске. Итак, выполнил Жуков это задание или нет? Он это задание в целом выполнил, хотя было дано также указание отбросить немцев из-под Ржева и потом развернуть крупное наступление. Но ведь никаких серьезных резервов Жуков не получил. Вот и попробуйте с уже изможенной и истощенной армией провести эту операцию.

Это была, конечно, трагедия. Немцы занимали очень мощные, глубоко эшелонированные рубежи, у них было превосходство и в бое-

припасах, и в технике. Кстати, когда еще 5 января 1942 года в Ставке решался вопрос, как дальше развивать наступление, Сталин предложил — надо развернуть его на всех фронтах. На огромном военном театре, говорил он, чуть ли не от Кольского полуострова и до Юга развертывается наступление, и немцы начинают лихорадочно латать, штопать образовавшиеся бреши на всех участках фронта. Жуков выступил против. Его поддержал не только зам. начальника генштаба генерал Василевский, но и Вознесенский, председатель Госплана, который сказал: «Да у нас боеприпасов серьезно не хватает!» Что предложил Жуков? Взять и все наши тощие к тому времени резервы, все силы сосредоточить на западном направлении, и вот тогда, возможно, удалось бы и прорвать этот «ржевский узел». Но Сталин не согласился, а последнее слово было за ним. С этого все и пошло. Мы только свои резервы распылили, жертв было полно, а Сталин из себя выходил: «Как?! Опять Ржев не взяли?!»

Еще раз повторюсь, Ржев был крепким орешком, разгрызть который было очень и очень сложно. Но главную свою задачу Жуков все же выполнил. Противнику был нанесен урон, нанесены такие чувствительные удары, что фашистские главари не посмели перебросить эти 12–15 дивизий на Сталинградский фронт.

Что же касается цифры потерь, то имеется книга о военных потерях Советских Вооруженных Сил с 1919 года по 1989 год. Есть там и ржевские потери. Вышло, кстати, 3 издания. Тут спрашивали, будут ли публиковаться новые данные, — кое-какие будут, но я думаю, что цифра потерь вряд ли уже будет серьезно увеличиваться.

Вопрос *(Prof. Dr. Wolf Oscblies, Kerpen, Germanija):* Недавно я читал в русской печати, что «договор Гитлер–Сталин открыл ворота ко Второй мировой войне» (или что-то вроде этого, точную формулировку, к сожалению, забыл). Что вы думаете об этом «сотрудничестве» Москва–Берлин?

Г.А.Куманев: В «русской печати»... Ну, это опять-таки пишут те, у кого дела с совестью не в порядке. «Ворота ко Второй мировой войне» открыл позорный «мюнхенский сговор», когда премьер-министр Англии Чемберлен и премьер-министр Франции Даладье подписали договор о расчленении Чехословакии. Подписали вместе с Гитлером и Муссолини. Именно этот «мюнхенский сговор», в котором Советский Союз никакого участия не принимал, позволил Гитлеру начать экспансию в Европу.

Если же говорить о пакте о ненападении Молотова–Риббентропа от 23 августа 1939 года, то стоит напомнить, что таких документов было в то время немало. У Гитлера был подписан подобный договор и с Англией, и с Францией, и с Польшей. Выбор, перед которым оказался Советский Союз, советское правительство, был очень тяжелым.

Посудите сами. Гитлер предлагает заключить с ним договор о ненападении. Как поступить в этой ситуации? Принимать предложение от оголтелых фашистских кругов Третьего рейха или нет?

Давайте рассмотрим первый вариант: мы отвергаем это предложение. В этом случае Гитлер сразу на весь мир, используя все средства пропаганды, начинает кричать: «Я предлагаю мир, предлагаю подписать договор о ненападении, а Советский Союз отказывается это сделать. А значит, он и есть самый настоящий агрессор». Небылиц, поверьте мне, было бы много. Но дело не только в этом. Хитрость в том, что Гитлер, проведя предварительную массированную пропагандистскую подготовку, мог бы обратиться с предложением к Англии и Франции объединить свои усилия и сокрушить агрессора, т.е. Советский Союз.

Еще одна важная деталь: на Дальнем Востоке в тот момент шли бои в районе Халхин-Гола. Так что угли Второй мировой войны уже тлели. И в этой ситуации СССР рисковал оказаться в ситуации, когда ему пришлось бы вести войну на два фронта. С одной стороны японцы, а с другой стороны объединенные силы Германия–Англия–Франция. Причем, английский премьер Чемберлен люто ненавидел Советский Союз, да и Даладье от него тоже недалеко ушел.

Вариант второй: мы, зная, что перед нами агрессор, и прекрасно понимая, что договор будет нарушен, все-таки его подписываем. Выигрываем мы от этого или нет? Давайте вспомним: подписав пакт, Советский Союз получил 22 мирных месяца. Смогли мы что-то за это время сделать? Смогли. Не все, но очень многое. Плюсы от этого договора мы получили? Да, получили. Минусы были? Тоже были, но плюсов все-таки было несравнимо больше.

Вопрос *(Леонид Алексеевич, Санкт-Петербург):* Существует ли в природе оригинал пакта «Молотова–Рибентропа»?

Г.А.Куманев: Да, я его видел. Хранится он в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Мне доводилось встречаться с Молотовым, и я его однажды спросил: «Вячеслав Михайлович, ну а все-таки, договор, который вы с Риббентропом подписывали, он был или нет?» Он мне ответил весьма уклончиво: «Ну, в общем, мы с Риббентропом обо всем договорились».

Что еще хотелось бы сказать. В последнее время Литва шумит, мол, «пакт Риббентропа–Молотова открыл путь к агрессии» и прочее и прочее. При этом наши прибалтийские соседи почему-то забывают, что они по этому договору получили назад от Германии Вильнюс, получили Клайпеду, которая тоже была у немцев, получили позднее пять районов Белоруссии. Хорошо, давайте мы переиграем все назад — если вы не признаете этот пакт, будьте добры, верните пять белорусских районов, верните Вильнюс с Клайпедой.

Вопрос *(Александр Диомидович, Москва):* Кто первым водрузил Знамя Победы над Рейхстагом?

Г.А.Куманев: Для меня это, пожалуй, один из самых интересных вопросов. Штурм Рейхстага был заключительным этапом сражения за Берлин. Первоначально во всех официальных документах говорилось, что перед советскими воинами была поставлена задача водрузить Знамя Победы над Берлином. Где – не упоминалось. А вот когда война приблизилась к Берлину, появились первые сообщения, где, над каким учреждением надо водрузить этот флаг.

Конечно, наиболее символично было бы поднять красный флаг над канцелярией Гитлера. Но она располагалась в не очень высоком здании, потому предпочтение было отдано Рейхстагу, имевшему более внушительные размеры.

Штурм Берлина начался 16 апреля 1945 года. К самому Рейхстагу подошли уже в конце апреля. 30 числа его штурмовали две дивизии: одна – 150-ая Идрицкая ордена Кутузова 2-й степени стрелковая дивизия под командованием генерала Шатилова, вторая – 171-я дивизия во главе с полковником Негодой.

30 апреля утром начался штурм, но он захлебнулся. Почему? Во-первых, не было артподготовки. Артиллерия почему-то отстала. У атакующих было всего три танка. Два из них противник подбил, а третий утонул в огромном водном котловане, образовавшемся в районе Рейхстага после того, как немцы взорвали здесь линию метрополитена.

Из-за больших жертв было принято решение атаку временно прекратить и дождаться наступления темноты. Перед намеченным на ночь штурмом было выдано девять знамен. Главным, пожалуй, было знамя № 5 – дивизионное знамя 150-й стрелковой дивизии. Конечно, все рвались в бой. Каждый хотел отличиться. Каждый командир мечтал, чтобы именно его бойцы были первыми в числе тех, кто это знамя водрузит.

Таким образом, ни одного нашего солдата до наступления темноты 30 апреля в Рейхстаге не было. И вот в этой обстановке командир 150-й дивизии генерал Шатилов взял и сообщил командиру 79-го стрелкового корпуса генералу Переверткину, что «сегодня, 30 апреля, в 14 часов 25 минут мы водрузили Знамя Победы над Рейхстагом». Что им двигало в этой ситуации, можно только догадываться. Может, думал, что Рейхстаг рано или поздно будет взят, а там доказывай, что знамя установили не бойцы 150-й дивизии.

Переверткин же сразу передал это сообщение в штаб Жукову. Георгий Константинович об этом узнает, открывают шампанское, пьют за Знамя Победы. И, естественно, маршал докладывает о водружении знамени Верховному Главнокомандующему, то есть Иосифу Виссарионовичу Сталину. Круг замкнулся. Уже нельзя было тому же Жукову опять позвонить и сказать: «Товарищ Сталин, ошибка

произошла, пока Рейхстаг не взяли, ни одного солдата, а тем более знамени там нет».

Шатилова, совершившего этот подлог, била, наверное, мелкая дрожь: раскроют — головы не снести. И он около трех часов дня звонит командиру полка Зинченко: «Как там у вас насчет Рейхстага? Как там насчет знамени?» Тот ему в ответ: «Какого знамени? Никакого знамени нет. Туда подступиться невозможно». Шатилов чертыхнулся и бросил трубку. Спустя некоторое время снова звонит: «Это Шатилов! Я требую, я настаиваю!..» И потом вдруг: «Я Вас очень прошу, возьмите любой флажок, воткните хоть куда-нибудь, может быть к колонне или форточке...» Ему снова в ответ: «Никаких флажков, не можем подступиться».

После 21 часа подтянули артиллерию, которая открыла огонь по Рейхстагу. Вслед за этим начался новый штурм. И первой была штурмовая группа разведчиков-артиллеристов — группа капитана Владимира Николаевича Макова. Их было пять человек: Маков, Загитов, Лисименко, Бобров и парторг батареи сержант Минин. Вот они-то и ворвались первыми в Рейхстаг и пробрались наверх — на крышу.

Там пусто — никого. Они носовыми платками привязывают принесенное под гимнастеркой Минина красное полотнище к выломанному из стены металлическому штырю и начинают искать, к чему его можно прикрепить. Смотрят — скульптура большая: конь, а на нем восседает дородная дама в короне. Ребята почему-то подумали, что это Богиня Победы, хотя на самом деле, как выяснилось позже, эта скульп-турная группа носила название «Германия». В этот момент Загитов получает тяжелое ранение в грудь и передает знамя парторгу Михаилу Петровичу Минину. Минин (единственный из той группы, доживший до наших дней, — он живет сейчас в Пскове), подбежал к скульптуре, его подсадили, и вдруг вся эта конструкция начала качаться. Он мне еще рассказывал: «Ну, думаю, сейчас упаду вниз, и конец, вот обидно-то будет. В такой-то момент...»

Но здесь Минин увидел в голове «богини» пробоину, и вставил знамя туда. Об этом тут же было доложено Макову, который с рацией остался на втором этаже. Маков же, в свою очередь, делает доклад командиру корпуса Переверткину: «Сегодня, 30 апреля 1945 года, водрузили Знамя Победы на крыше Рейхстага — воткнули в голову какой-то немецкой...!» И неприличное слово. Я видел этот документ. (Было уже темно, так что никаких фотокорреспондентов и киногрупп поблизости, естественно, не оказалось. Поэтому все знаменитые кадры «водружения Знамени Победы» были сняты днем, после окончания боев, когда счет поднятым над Рейхстагом красным флагам шел уже на многие десятки...)

После группы Макова на крыше германского парламента появились другие бойцы, и вскоре вся она оказалась в знаменах.

Егоров же и Кантария были во втором эшелоне наступающих. Об этом они честно написали в своей книге «Знамя Победы: Бой первый — бой последний», назвав имена тех, кто уже был на крыше Рейхстага, то есть и бойцов, входивших в группу капитана Макова.

Правда, там не была указана фамилия Боброва. Дело в том, что после войны он оказался в тюрьме. История совершенно нелепейшая: Бобров — знаменосец Победы — вынужден был жить в подвальном помещении. Как-то раз он пришел на прием по поводу квартиры к одному из ленинградских чиновников. Тот с ним грубо разговаривал, а у Боброва нервы фронтовые — не выдержал, запустил в бюрократа чернильницей. За это получил несколько лет тюрьмы, и был моментально вычеркнут из всех источников, где упоминался в составе группы капитана Макова.

Но вернемся к событиям ночи с 30 апреля на 1 мая. В своей книге Егоров и Кантария пишут, что они поднялись на крышу «через некоторое время» после бойцов Макова. Однако я напомню, что Знамя Победы было установлено Мининым в 22 часа 40 минут 30 апреля, а сержанты Егоров и Кантария, а также лейтенант Берест появились на крыше Рейхстага около трех часов ночи уже 1 мая.

Единственной проблемой для них было найти место, куда можно установить знамя, потому как вся крыша на тот момент уже была усеяна развевающимися полотнищами. После некоторых раздумий они приняли решение прикрепить стяг к конной скульптуре кайзера Вильгельма II.

Спустились. Позднее их вызывает новый комендант Рейхстага — полковник Зинченко — и спрашивает, куда они водрузили свое дивизионное знамя. Услышав про скульптуру кайзера, комендант дает бойцам новое задание: забраться на купол Рейхстага и установить знамя на самой высшей его точке. Вот туда они и полезли. И было это уже в ночь на 2 мая.

Приказ был выполнен, и с тех пор именно это дивизионное знамя стало олицетворять собой все знамена, которые были установлены в те дни над Рейхстагом. И я думаю, что это вполне справедливо. Беда заключалась лишь в том, что Шатилов, получивший, кстати, звание Героя за это сражение, продолжал упорно все приписывать своей дивизии, отрицая заслуги группы капитана Макова и воинов 171-й стрелковой дивизии полковника Негоды.

Что же касается пятерых воинов из группы Макова, то поначалу они были представлены к званию Героя Советского Союза. Однако потом по какой-то причине представление к званию Героя заменили представлением к ордену «Красного Знамени».

Но Шатилова, видимо, продолжала бить мелкая дрожь за подлог, и он на всякий случай тоже представил Егорова и Кантарию к ордену «Красного Знамени». Только спустя год — к первой годовщине Победы — когда все успокоилось, Шатилов снова представил Егорова и

Кантарию к награде. На этот раз – к званию Героя Советского Союза. То есть за один и тот же подвиг они получили две награды.

А вот третий из той группы – лейтенант Алексей Берест – не получил ничего. Причем судьба этого славного офицера печальная и героическая. После войны он работал инженером в Таганроге. Идя однажды по железнодорожным путям, Берест увидел маленькую девочку, сидящую на шпалах. Он бросился ее спасать – успел вытолкнуть ребенка, однако сам попал под поезд и погиб.

6 мая 2006 года

К88 **Куманев Г.А.**
Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). – М.: Собрание, 2007. – 656 с., ил.

ISBN 978-5-9606-0029-3

В настоящую книгу известного российского историка, профессора, академика РАЕН Георгия Александровича Куманева вошли как ранее опубликованные, так и неопубликованные статьи и очерки по общим проблемам предыстории и истории фашистской агрессии против СССР, главы и разделы, написанные им для коллективных трудов, несколько научных докладов и интервью.

В центре внимания – широкий круг вопросов, начиная с рассмотрения военно-экономического потенциала Отечества накануне войны и кончая анализом решающего вклада Советского Союза в спасение мировой цивилизации от угрозы уничтожения.

Для широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется немеркнущими событиями кануна и периода Великой Отечественной войны.

УДК 93/99
ББК 63.3(2 Рос)

ОФОРМЛЕНИЕ ОБЛОЖКИ
С.А. Стулов

Научное издание

Георгий Александрович Куманев

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВА

(1938–1945 гг.)

Утверждено к печати
Президиумом Российской академии
естественных наук

Подписано в печать 20.11.2006 г.
Гарнитура NewBaskerville. Формат60x90/16.
Усл. печ. л. 41,00. Уч.-изд. л. 40,49. Тираж 500 экз. Заказ № 643.

ООО «Издательство "Собрание"»
109559, Москва, Тихорецкий бульвар, 1, стр. 5
Тел. (495) 389 68 88

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ИПП «Гриф и К»
300062, Тула, ул. Октябрьская, 81а